Владислав

КРАПИВИН

ДЫРЧАТАЯ ЛУНА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОВ ПРОСТРАНСТВО

Дырчатая луна (Сборник)

Владислав Петрович Крапивин

Аннотация
Владислав КРАПИВИН. «Дырчатая луна»
ДЫРЧАТАЯ ЛУНА
Часть I. БУХТА, О КОТОРОЙ НИКТО НЕ ЗНАЕТ
Часть II. КУЗНЕЧИК БЕЛЬКА
САМОЛЕТ ПО ИМЕНИ СЕРЕЖКА
ЧАСТЬ I. ТИШИНА БЕЗЛЮДНЫХ ПРОСТРАНСТВ
Часть II. НИКТО НЕ РАЗБИЛСЯ...
ЛЕТО КОНЧИТСЯ НЕ СКОРО
I. ЗМЕЙ НАД ПЛОЩАДЬЮ ЧАСОВ. (Начало, взятое почти из конца)
II. В ЗАРОСЛЯХ ИВАН-ЧАЯ
1. Голубая гроза
2. Отражение
3. Ищут пришельца
4. Дразнилки и щекоталки
5. Прозрачная планета
6. Издалека...
7. Отвертка
8. Шар на покатой плоскости
III. СТАЛЬНАЯ ИГЛА
1. Бугры

2. Есть в старом парке черный пруд...
3. Трамвайное кольцо
4. Туннели и склепы
5. Мастер Каляев
6. Алый вуалехвост
7. Сердце в подарок
8. Неотвратимость
9. Молокососы паршивые
IV. ЧЕШУЙКИ В РЫЖЕЙ ШЕРСТИ. (Почти эпилог)
ВЗРЫВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация

Это первая книга из цикла, рассказывающего о жизни Безлюдных Пространств. Впрочем, Пространства эти вовсе не безлюдны. Но они пускают к себе только тех, кто не хочет людям зла... Здесь немало тайн и очень подходящие места для приключений. Но приключения порой вырываются из-под власти Пространств и становятся страшными и угрожающими жизни героев...

ДЫРЧАТАЯ ЛУНА. Рассказ

САМОЛЕТ ПО ИМЕНИ СЕРЕЖКА. Повесть

ЛЕТО КОНЧИТСЯ НЕ СКОРО. Повесть

ВЗРЫВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА. Повесть

Владислав КРАПИВИН
«Дырчатая луна»

ДЫРЧАТАЯ ЛУНА

Часть I
БУХТА, О КОТОРОЙ НИКТО НЕ ЗНАЕТ

ЖЕЛТАЯ НИТКА

Четвертому «А» повезло. Почему-то не пришел учитель физкультуры, и два последних урока отменили.

Народ весело загалдел и помчался из школы: кто домой, кто на пляж. Первые дни сентября в здешних местах — это еще полное лето. Море сияло спокойной синевой, желтые древние камни пахли жарко и сухо.

Гайка Малютина пошла от школы одна. Здешних ребят она пока знала плохо и не то чтобы стеснялась, а не хотела показаться слишком приставучей.

От крыльца вела густая каштановая аллея. Поглядывая перед собой, Гайка шагала по ракушечным плитам, заляпанным круглыми солнечными пятнами. На плитах валялась колючая кожура каштанов. Здесь было еще прохладно, а впереди, где аллея кончалась, полыхал белый солнечный жар. Гайка уже не первый раз позавидовала мальчишкам: их не заставляют ходить

в школьных костюмах. А девочкам сказали: «Вам полагается носить форменные платья и фартучки». Многие, правда, не слушались и приходили в школу кто в чем, но Гайка была новенькая. Мама говорила, что новеньким нельзя так сразу нарушать правила.

Солнечный жар был все ближе. Аллея выводила на бугристые пустыри, которые заросли серой полынью, сурепкой и грудами непролазного дрока. По пустырям ветвисто разбегались тропинки, они вели к береговым обрывам.

Поскольку на Гайку свалились полтора часа свободного времени, она решила погулять по берегу. Несмотря на жару. Здешние места были ей почти незнакомы, а незнакомое — оно всегда манит к себе.

Вообще-то Гайке запрещалось ходить к морю одной. «Потому что мало ли что», — говорила мама. Но Гайка успокоила совесть, сказав себе, что будет не одна. Вон впереди шагает в ту же сторону мальчишка. Тоже четвероклассник, только не из Гайкиного класса, а из параллельного, из «Б». Они даже чуточку знакомы. Вернее, Гайка знает его фамилию. Слышала, как ребята его окликали: «Эй, Гулькин!»

Гайка приметила Гулькина еще в первый день.

Потому, что у мальчишки был странный взгляд. Столкнувшись в коридоре или на дворе, он смотрел вроде бы и прямо на тебя и в то же время чуточку в сторону. Словно видел рядом что-то еще — понятное и заметное только ему. В общем, с загадкой были его желтовато-серые глаза. Хотя, возможно, Гайке это просто чудилось. Фантазий-то в голове у нее хватало.

А кроме глаз, ничего загадочного в Гулькине вовсе даже не было. Самый обыкновенный. Совершенно белобрысый, но, видимо, не от природы, а от южного солнца. У многих русых мальчишек волосы здесь летом выгорают добела...

Гулькин ровно шагал, не оглядывался. Гайка — следом, но на достаточном расстоянии, чтобы казаться независимой. Потому что больно нужен ей этот Гулькин! Просто надо, чтобы в случае чего она могла сказать: «Я гуляла не одна...»

Гулькин остановился у плоского камня-песчаника. Поставил на него ранец. Стянул белую рубашку и, скомкав, спрятал в ранце. «Вот неряха, не может свернуть аккуратно...» Потом Гулькин стряхнул сандалии и тоже сунул в ранец. А белые носочки запихал в карманы на шортах неопределенно-пыльного цвета. И, не оглядываясь, пошел дальше — босой, тощий. Коричневый, как

лакированная стойка этажерки. Потертый синий ранец он теперь держал за ручку и помахивал им по верхушкам полыни.

Гайка шла шагах в двадцати и смотрела Гулькину в спину. Спина была с глубоким желобком и треугольными торчащими лопатками. Они ритмично двигались. Гайка поймала себя на том, что глядит на эти лопатки чересчур пристально. Испугалась, что Гулькин ощутит ее взгляд, и начала смотреть поверх головы.

Струился нагретый воздух, в зарослях стрекотала всякая мелкая живность. Но от обрывов уже доносилось йодистое дыхание моря и смягчало жару.

Тропинка огибала полукруглое приземистое строение из треснувшего бетона. Скорее всего, разрушенный дот, который остался после давней войны. Гулькин скрылся за дотом. Гайка заспешила, чтобы не остаться одной. Тоже обогнула бетонную развалину с черной амбразурой (из которой резко дохнуло холодом). И... чуть не налетела на Гулькина.

Тот сидел на круглом пористом камне, боком к Гайке. Рядом валялся ранец, а на нем — какая-то желто-черная тряпица. Гулькин сильно согнулся и шевелил пальцами на ногах. К ногам упала

Гайкина тень. Гулькин повернулся — неторопливо и без удивления. Глянул Гайке в лицо (и вроде бы чуточку в сторону). Спросил, словно у старой знакомой:

— Ты не знаешь, как он называется? — И зажатой в руке травинкой показал на один из пальцев левой ноги.

— Знаю... Палец, — отозвалась Гайка слегка озадаченно.

Гулькин терпеливо объяснил:

— Естественно, что палец. Но как именно?.. Вот — мизинец, вот, кажется, безымянный (как на руке), вот средний. Этот — большой. А этот? — И он коснулся того пальца, что был между большим и средним. — Если на руке, то указательный. А здесь? Он же тут никуда не указывает... Ну, как?

Гайка помигала.

— Н-не знаю... — Она искренне огорчилась, что не знает.

Но Гулькин не огорчился. Сказал с удовольствием:

— И я не знаю. И все, кого спрашивал, тоже не знают. Это хорошо. На нем и завяжем. — Он дотянулся до желточерной тряпицы, выдернул из нее мохнатую нитку. Трижды обмотал ее вокруг пальца и завязал каким-то хитрым узелком.

Гайка была рада, что начался разговор. Теперь у нее было полное право спросить:

— А зачем тебе это?

Гулькин вопросу не удивился и не сказал «какое тебе дело». Без особой охоты, но и без недовольства объяснил:

— От злого колдовства. Такая примета есть...

Гайка помолчала и сказала осторожно:

— А ты правда веришь в это?

Гулькин посмотрел на нее из-за острого шоколадного плеча.

— Отчего же не верить? На свете столько всякого... неразгаданного.

— Я знаю. Но про такую примету я не слыхала.

— Неужели ты не читала про Тома Сойера и Гека Финна?

— Читала. Ну и что?

— Там негры обматывают пальцы шерстяными нитками, чтобы ведьмы и колдуны не привязались. А если обмотать палец без названия — это еще надежнее. Ведь они это название тоже не знают, оттого и вредить сильно не смогут...

«Неужели ты думаешь, что колдуны и ведьмы по правде есть на свете?» — чуть не спросила Гайка. Но побоялась рассердить Гулькина. Проговорила неловко:

— А ты уверен, что эта нитка — шерстяная?

— Она же из флагдука! Из специальной шерстяной материи для флагов. Смотри! — Он схватил и расправил тряпицу.

Это и правда был флаг. Длиной в полметра. Желтый с черным кругом посередине.

— Сигнальный! Я такие видела!

Гулькин кивнул:

— Наверно, во время шторма с какого-нибудь судна сорвало и сюда занесло. Я его здесь в траве нашел... Дело не только в том, что он шерстяной...

— А в чем?

— Вообще... В морских флагах особая волшебная сила. Потому что их обдувают ветры всех морей и океанов.

«Какой чудак», — подумала Гайка, но без насмешки.

Флажок этот едва ли когда-нибудь обдували океанские ветры. Принесло его сюда скорее всего из ближнего яхт-клуба или с какого-нибудь рейдового катера. Но Гайка не стала спорить. Она сказала опять:

— Он из сигнального свода. Называется «Ферт» и означает букву «эф».

Гулькин глянул с интересом, но не согласился:

— Это буква «и». Называется «Индиа». Такой сигнал значит: «Я изменяю свой курс влево».

Спорить было рискованно. Однако здесь Гайка не уступила.

— Ты хоть что доказывай, но это «Ферт».

— Ты хоть как не соглашайся, но это «Индиа», — в тон ей откликнулся Гулькин. Впрочем, без ехидства, даже скучновато.

Гайка вздохнула:

— Между прочим, мой папа командир корабля. И он мне показывал сигналы. Дома у нас куча морских справочников.

Снова взглянув из-за плеча, Гулькин с расстановкой произнес:

— Мой... не командир корабля, но морские справочники у нас тоже есть. А свод сигналов у нас в классе каждый пацан и без справочников знает. Так что не спорь.

Гайку этот снисходительный тон царапнул. «Нет уж, это ты не спорь», — хотела начать она, а Гулькин вдруг мигнул и сказал уже иначе, добрее:

— Постой. Твой папа военный?

— Конечно! Капитан третьего ранга.

— Тогда он, вероятно, тебе объяснял военно-морской свод! А я говорю про международный...

Военный я не знаю...

— А я не знаю тот, который ты знаешь... Наверно, мы оба правильно говорим, только по-разному! — обрадовалась Гайка.

— Вот и славно, что мы оба правы, — отозвался Гулькин. Но как-то рассеянно. И сразу перестал интересоваться Гайкой. Уложил флаг в ранец. Сейчас встанет и уйдет.

— Я знаю, ты в четвертом «Б» учишься, — торопливо сказала Гайка. ~Аяв четвертом «А».

— Да? Отчего же я тебя не знаю?

— Потому что я только в этом году поступила... А я тебя знаю. То есть фамилию. Ты Гулькин, да?

Тень прошла по Гулькину. На лице сменилось удивление, досада, желание эту досаду сдержать и напускное равнодушие.

— Вовсе не Гулькин. Моя фамилия Носов.

— Ой... значит, я ошиблась... — Гайка со стыдом поняла, что не просто ошиблась, а допустила опасный промах. Конечно, мальчишку называли Гулькиным, но это было прозвище. И видимо, оно ему не очень нравилось. — Я... это случайно...

— Ничего, — снисходительно сказал Гулькин (то есть Носов). Поднялся и взял ранец.

— Носов — это очень замечательная фамилия, — жалобно сообщила Гайка.

— Что же в ней замечательного? Обыкновенная...

— Ну, как же! Писатель такой. Который «Приключения Незнайки» сочинил! И «Незнайку на Луне»! Читал?

— Читал, — безразлично отозвался Носов-Гулькин. — Это не самая интересная книжка про Луну, есть получше.

«Какие же?» — хотела спросить Гайка. Но Гулькин (ой, Носов!) уже явно не был настроен на разговор. Надел ранец.

— Ну, пока... — И зашагал к обрыву. Щуплый, ловкий, с желтой ниткой на пальце, у которого нет названия. Носки трепыхались у карманов, как белые крылышки. Над левым ухом торчала острая, будто сосулька, белая прядь. А вообще-то его прямые волосы падали вниз — на уши, на тонкую коричневую шею...

«Вот так и уйдет», — с печалью подумала Гайка.

Носов достиг обрыва и стал как бы погружаться в землю — это он, видимо, оказался на лесенке среди скал. Исчезли ноги, потом спина и ранец. И наконец скрылась белая голова.

Гайка подумала и... тоже пошла к берегу.

УТРО ГУЛЬКИНА

В начале сентября солнце встает в половине седьмого. Четвероклассник Носов, по прозвищу Гулькин и по имени Лесь, поднялся в то утро вместе с солнцем.

Он умылся на дворе, под рукомойником, прибитым к ракушечной стене сарая. Вода остыла за ночь. Утренний воздух тоже покалывал кожу холодком. Но это был непрочный холодок — вот подымется солнце повыше, и опять разольется привычный зной.

В сарае тяжело и ритмично стукал механизм. Лесь поднял глаза. Отражатель (похожий на маленькую спутниковую антенну) был повернут к солнцу. На черной коробочке «инкубатора» дрожал оранжевый блик. Все точно, все как полагается.

Лесь вскочил на конуру, в которой обитал старый ленивый Пират — ровесник Леся. Пират, не просыпаясь, постучал хвостом о стенки конуры. Лесь встал на цыпочки и увидел над забором солнце. Сквозь листья винограда оно светило, как золотисто-малиновая звезда. Капли на ресницах еще не высохли и разбивали пространство на радужные осколки — словно смотришь сквозь

крошечные стеклянные кубики.

— Лесь! Ты уже на ногах! Даже будить не пришлось. Вот чудеса... — Это мама. Она хлопотала у садового столика с портативной газовой плиткой. — В чем причина?

Лесь не знал причины.

— Кто рано встает, тому Бог подает, — нашелся он. Это были слова бабушки, к которой он летом ездил в Белокаменку.

— Ну, тогда иди к столу. Бог подает тебе кашу... А может, ты наконец решил сделать зарядку?

Лесь проворно устроился за столом.

— Видишь, я уже умылся, а после умывания какая зарядка...

— По-моему, ты лентяй.

— Ну и пусть... А зато я послушно ем манную кашу. Все ее ненавидят, а я — без всякого отвращения.

— Ты ешь варенье с примесью манной каши... — Мама отодвинула трехлитровую темно-красную банку. — Ну вот, закапал себя, чучело! Не забудь смыть, а то рубашка прилипнет.

— Непременно... — Лесь мизинцем снял с ребристой, кофейного цвета груди вишневую каплю. Облизал палец. — Ой, мама, а рубашку-то сегодня надо белую! И белые носочки. Потому что

сегодня к нам в класс какие-то гости придут! На четвертый урок.

— Воображаю, на что будут похожи ваши рубашки к этому уроку...

— Нет, мы обещали Оксане Тарасовне сохранить на весь день парадную внешность... Оксана Тарасовна еще говорила, что хорошо бы черные галстучки. Такие... — Лесь провел рукой по груди вниз, — или такие, бабочкой, — и он чиркнул пальцами у ямки под горлом. — Но все мальчишки сказали, что это уж фигушки.

— Ну и напрасно. Могли хотя бы час или два выглядеть как приличные люди.

Лесь задумчиво поскреб подбородок.

— Думаешь, черная бабочка была бы мне к лицу?

— По крайней мере вреда не принесла бы... А вот очки точно были бы к лицу. А главное — полезны.

Лесь затуманился.

— Чего теперь говорить, раз кокнулись... Да у меня уже все выправилось!

— Не знаю, все ли. И надо ведь закрепить... Ты ужасно легкомысленный, Лесь.

— Нет, я не ужасно. В меру... Спасибо! — Он выбрался из-за стола. У рукомойника смыл с груди и

подбородка следы варенья. И через минуту, уже в белой рубашке, надевал ранец. Потом умело закатал до локтей рукава.

— Надень-ка другие штаны. Эти мятые и все в пыли.

— Ну и пусть. Зато у них карманы удобные.

— Чтобы складывать все, что отыщешь на свалках.

— Ну, естественно, — согласился Лесь. — Мама, скажи Це-це, чтобы ничего не трогала у меня на столе...

— Лесь! Ты опять? Почему ты так называешь свою... почти родную тетю?!

— А как ее называть? Полное имя говорить — язык вывихнешь. А «тетя Цеца» — вообще смешно, такого имени даже и не бывает. И она не тетя, а дама...

— Лесь, ты дождешься...

— А что я сказал? — Лесь изобразил вежливое недоумение.

— Она — наше спасение. Я целый день на работе, дяди Симы неделями нет дома, а она... Смотри, сегодня ни свет ни заря уже отправилась на рынок.

— Вот и хорошо. А меня пусть не воспитывает... Каждый раз, как приду, она будто случайно мне

поясницу щупает — не сырые ли плавки. «Лесик, ты опять купался без спросу? Я умру от беспокойства... »

— Потому что волнуется за тебя. Она тебя любит... И ты должен ее любить, раз вы с дядей Симой такие друзья. Она же его родная сестра!

— Ну, я и люблю... официально. — Лесь хитро сложил рот «восьмеркой»: один край нижней губы — вверх, другой — вниз, и верхняя губа — так же. — А имущество мое пусть она не трогает. У меня все разложено как надо, а она...

— Да она и не входит к тебе в комнату. Потому что отчаянно боится твоего желтого зверя.

Лесь растянул губы в улыбке:

— Вот и славно... Мам, а когда дядя Сима приедет?

— Не знаю, он обещал позвонить мне на почту... Зачем ты толкаешь носки в карманы? Не смей!

Но Лесь затолкал. Взял сандалии и похлопал их друг о дружку.

— Ну что ты за чудо-юдо непутевое, — жалобно сказала мама. — Почему до школы надо топать босиком?

— Берегу сандалеты. На одной уже подошва отстает.

— У тебя же есть почти новые кеды.

— А сандалии должны дожить до двадцать первого числа!

— Ты весь оброс приметами, как неграмотная бабка.

— Вовсе не как бабка! У меня к приметам научный подход... Ну, я пошел!

— А почему ты сегодня так рано?

— С Витькой поиграю подольше...

Лесь крутанулся на босой пятке, глянул на повернутый к солнцу отражатель и скрылся за калиткой.

Тропинка, что вела от калитки вниз, к Шлюпочному проезду, была похожа на пологую лесенку. Прыгала по отшлифованным подошвами камням.

На последней «ступеньке» Лесь через левое плечо оглянулся на дом — приземистый, причудливый, как бы составленный из нескольких белых кубов, с окнами разной величины. Потом Лесь сбежал на ракушечный тротуар, уронил сандалии, сделал из кулаков «бинокль» и оглядел окрестности.

Это было его пространство, его земля, его мир...

Место, где стоял дом Леся, называлось Французская слободка. Давным-давно, во времена Первой осады, здесь располагался военный лагерь фран-

цузов. На склонах балки, среди осыпей, до сих пор попадаются иногда иностранные пуговицы со скрещенными сигнальными рожками, с якорями не нашей формы и выпуклыми номерами полков и дивизий.

Белые улицы слободки тянулись по склону вдоль Древней балки, а крутые переулки-лестницы пересекали их.

Справа, на востоке, слободка примыкала к новому району с многоэтажными корпусами (солнце между ними светило уже горячее, без малиновых оттенков). Слева балка плавно переходила в просторные каменистые пустыри, на которых лежал Заповедник — остатки ужасно странного греческого города, где велись теперь раскопки. Среди заросших фундаментов и рассыпавшихся крепостных стен торчали одинокие мраморные колонны. Они были похожи издалека на воткнутые в серую траву сигареты.

За пространством Заповедника лежало очень синее море.

Раньше на западе был виден невысокий Казачий мыс, а на нем — решетчатая башенка с зеленым маячным фонарем. Это нижний знак Казачьего створа. (Верхний знак стоял высоко и далеко, на пологой верхушке горы Артура.)

Мыс и маяк Лесь привык считать своими. Башенку с блестевшим изумрудным стеклом он раньше каждый день видел из окна — с тех пор, как помнил себя. Но этой весной между мысом и Заповедником выросло серое девятиэтажное здание. И закрыло створный маяк от Леся. Лесь был раздосадован так, словно кто-то нахально забрался в его собственный дом и заколотил окно. Один раз он даже уронил злую слезинку. И с тех пор на серый дом старался не смотреть.

Он и сейчас отвел глаза от этой дурацкой, бесцеремонно воткнувшейся в старинный берег новостройки. Подхватил сандалии и поскакал к лестнице — она вела вниз по склону балки.

В балке кучками рос мелкий орешник и всюду подымалась перепутанная овражная трава (у которой никто не знает названия). Где по колено, а где и по пояс. Она прятала под собой тропинки. В траве было множество колючек, но они ничего не могли поделать с прокаленной крепкой кожей мальчишки. В травяных зарослях еще не высохли росинки. Они чиркали Леся по ногам словно длинными прохладными язычками. Но сверху трава высохла, и запах ее тоже был сухой — солнечный и горьковатый.

Одна тропинка вела вдоль каменного моста с

тяжелыми арками. Это были остатки старинного водопровода, пересекавшего балку. (По нему и сейчас шла труба, одетая в деревянный кожух.) Лесь забрался на угловатую глыбу ракушечника, что лежала у каменной опоры. Сел на корточки, посвистел, позвал:

— Витька, Витька...

Из травы прыгнул крупный кузнечик лимонного цвета. Скакнул на камень, потом на лаково-коричневое колено Леся.

— Здравствуй, — заулыбался Лесь. — Как живешь?

Желтый кузнечик Витька подскочил, опять сел на колено и прострекотал, что живет отлично.

— С зелеными не ссоришься?

Витька новым стрекотаньем сообщил, что живет с местными кузнечиками душа в душу.

— Никто тебя слопать не пробовал?

Витька пострекотал насмешливо: пускай, мол, только сунутся.

— Значит, зарядов у тебя хватает? Ну-ка... — Лесь поднес к Витькиной солнечной головке мизинец. — Ай! — Головка тут же стрельнула в палец крошечной молнией. Искра была чуть заметна, однако мизинец кольнула болезненно. Лесь взял палец в рот. — Я же только спросил,

а ты...

Витька стрекотал виновато: прости, не рассчитал маленько.

— А не забыл, чему я тебя учил? Давай-ка. Хоп...

Лесь отставил руку. Витька высоко подпрыгнул, сделал в воздухе сальто и приземлился Лесю на ладонь.

— Хоп!

Витька тем же способом вернулся на колено. Сел в горделивой позе, стрельнул глазками: ну как?

— Молодец! В будущем году, когда выведу много твоих братишек, устроим цирк солнечных кузнечиков.

Витька радостно попрыгал на колене.

— А пока не скучай... Хотел я тебе для компании Кузю принести, но он такой домосед. Поселился в старой сандалете и никуда из комнаты... А новичок вылупится еще не скоро...

Витька беззаботно потрещал опять. В том смысле, что вовсе он не скучает, у него тут среди местного населения множество друзей-приятелей.

— Ну и молодец. Тогда заряжайся на солнышке, а мне в школу пора.

Витька скакнул на камень, уселся попрочнее и широко развернул прозрачные, заискрившиеся крылышки — начал заряжаться. А Лесь по тропинке добрался до северного склона балки. И по каменному трапу стал подниматься к школе.

НЕВЫНОСИМЫЙ ВЯЗНИКОВ

Труба в деревянном кожухе, покинув каменный мост, проходила недалеко от школы. Метрах в двух над землей. Она опиралась на железные стойки. По нижнему краю кожуха сбоку тянулся широкий деревянный брус. На нем удобно было сидеть: привалишься спиной к обшивке и болтаешь ногами.

В одном месте водопровод нависал над тропой, что вела к калитке в школьной изгороди. Здесь у четвертого «Б» с давних пор было любимое место. Еще с того времени, когда он был первым «Б». В теплое время года народ всегда сидел там, дожидаясь звонка на уроки. Разговаривали, спорили, менялись вкладышами от заграничных жвачек и даже ухитрялись тут же, с тетрадками на коленях, скатывать друг у друга домашние задания.

Тем, кто подходил к школе со стороны балки, видны были из-под кожуха только болтающиеся ноги. Казалось издалека, что колышется корич-

невая бахрома. Внизу ее украшали разноцветные кроссовки, сандалетки и кеды. А сегодня бахрома была отделана еще и неровной белой оторочкой. По указанию Оксаны Тарасовны четвертый «Б» надел белые носки и гольфы. Видимо, классная руководительница надеялась, что такая деталь костюма (вместе с белыми рубашками) придаст растрепанной, обжаренной солнцем вольнице хоть какую-то внешнюю благопристойность.

Не доходя до кожуха с полсотней качающихся ног, Лесь обулся. Потом прошелся по ногам одноклассников глазами: угадывал по башмакам, кто где. И с правого края увидел тощие «ходули» в черно-белых кроссовках. Это был, без сомнения, Вязников. И Лесь испытал примерно то же чувство, с каким недавно смотрел на серый дом. Он вспомнил, что сегодня седьмое сентября.

А может, Вязников забыл? Не то, что седьмое, а то, ч т о он должен сделать.>

Лесь взял левее, нырнул под кожух, пригнулся под чьими-то каблуками и без задержки зашагал к школе. Несколько голосов его окликнули, но Лесь не оглянулся: спешу, мол. Тогда позади застучали подошвы. Рядом оказалась Натка Мальченко — тощее хитрое существо с белобрысыми торчащими косами.

— Гулькин!.. Ой, то есть Лесь! Вязников хвастался, что на большой перемене опять напишет... то, что в прошлом году.

— Напишет — заработает, — самым беззаботным тоном отозвался Лесь. — Тоже, как в прошлом году...

Кто из них двоих «заработал» в тот раз больше, вопрос был спорный. И чем кончится нынче, тоже неясно. Лесь, однако, боялся не драки и синяков. Угнетала сама неизбежность скандала. И еще — то, что скандала этого ожидал весь класс. Интерес был сдержанный, деликатный такой, потому что и к Носову и к Вязникову относились одинаково хорошо. Но стычки все-таки ждали — как ждут результата увлекательного матча.

Лесь томился этим ожиданием, ловил на себе взгляды, но делал вид, что ему совершенно все равно. Он даже ухитрился получить пятерку на уроке географии.

В классе было прохладно. Старые акации укрывали окна от солнца. Пятерка приподняла настроение Леся. На Вязникова он принципиально не смотрел. Тот на Леся — тоже. И на третьем уроке Лесю стало казаться, что, может быть, все обойдется.

Но в начале шумной двадцатиминутной пере-

мены все та же Натка с белыми тощими косами подскочила к Лесю в коридоре.

— Лесь! Он нарисовал и написал! Пойдем...

— Пойдем, — вздохнул Лесь. Потому, что от судьбы не спрячешься.

В дальнем углу горячего от солнца двора ярко белел школьный гараж — сложенный из брусьев известняка и похожий на маленькую крепость. Там толпился весь четвертый «Б». Когда Лесь подошел, все расступились со значительными лицами.

На известняке вверх от земли была проведена углем черта. Высотой в мальчишечий рост. Ее, как мерную линейку, украшали деления. Рядом с этой линейкой была изображена лопоухая фигура с ногами-лучинками, волосами-спичками и (самое подлое!) длиннющим носом, какого у Леся никогда не было. Но рисунок изображал именно четвероклассника Носова! Потому что сверху шла крупная черная надпись: «Ура! Гулькин Нос опять подрос!»

Народ смотрел на Леся. Понимающе и выжидательно молчал.

...Первый раз такое дело случилось три года назад. Сперва стройненький большеглазый первоклассник Вязников даже понравился Лесю,

и он простодушно подумал, что хорошо бы им подружиться. Казалось Лесю, что и Вязников поглядывает на него с благожелательным интересом.

Но однажды во дворе, когда гоняли по ракушечным плитам мячик, никто не захотел вставать в ворота, и авторитетный Артур Глухов распорядился:

— Пусть Нос встает. Он самый маленький, маленькому легче прыгать между штангами.

Утверждение, что он самый маленький, было неточным. Это во-первых. А во-вторых, Лесь обиделся:

— Ты чего обзываешься!

— Как? — удивился Глухов.

— Носом!

— А чего такого? Раз фамилия у тебя... Меня Глухарем зовут, я же не злюсь. Нос — это разве плохо? Не хвост ведь и... ничто другое.

Может, на том бы и порешили. Но тут-то и сунулся Вязников. Махая длинными ресницами, он сообщил:

— Надо говорить не «Нос», а «Гулькин Нос». Потому что от горшка два вершка.

Маленький — это ведь не значит боязливее всех.

— Вот как тресну по кумполу! Думаешь, если длинный, значит, умнее других?!

Вязников заулыбался, отошел и сказал издалека:

— Сперва подрасти... Скоро ли из Гулькина Носа превратишься в Большой Нос, как у Буратино?

В тот же день Вязников на гараже нарисовал мерную черту лопоухого маленького Носова и написал крупными буквами: «Гулькин Нос расти до звезд». Грамотно написал, только запятую перед обращением и восклицательный знак не поставил, потому что знаки препинания тогда еще не проходили.

После этого Носов и Вязников подрались. И водили их в учительскую. И там воспитывали. И грузная (и вроде бы грозная) директорша Нина Владимировна сказала, что больше виноват все-таки Вязников: это ведь он сделал глупый и обидный рисунок. Пусть он пообещает больше так не поступать.

Вязников уже тогда, в первом классе, был ехиден и (надо признать) смел. Он объяснил, что не обижает Носова, а заботится, чтобы тот рос поскорее. И каждый год седьмого сентября он будет на гараже отмечать, насколько Носов вытянулся.

Нина Владимировна покусала губы и преду-

предила, что, если такое повторится, Вязникову придется плохо.

У него вызовут родителей, и те, конечно, всыплют милому сыну по первое число. Вязников гордо возразил, что ему никогда не всыпают. Нина Владимировна сказала, что жаль. И велела ему и Носову идти на уроки. Решила, что до следующего сентября все забудется.

В классе Лесь и Вязников подрались еще раз, но уже чуть-чуть, потому что Глухарь их растащил.

Вязников, смеясь красивыми глазами, сообщил, что все равно каждый сентябрь будет отмечать, как Гулькин Нос подрос.

— Только попробуй, — сказал Лесь. Вязников сказал, что через год обязательно попробует. Мало того, он разъяснил первоклассникам, что «гулька» — это означает «шишка» или «волдырь». И сослался на знаменитый словарь русского ученого Даля. Папа у Вязникова был профессор.

У Леся папы не было, но был дядя Сима. Он и мама недавно поженились. Дядя Сима работал не профессором, а наладчиком электронных систем на морских судах, толковых словарей у него не водилось. Но от деда в доме осталось много самых разных старых книг, и среди них (вот совпадение?) — тоже словарь Даля! В четы-

рех томах! Лесь открыл первый том, на букве «Г» отыскал слово «Гулька» и с горечью убедился, что Вязников прав.

Волдырь — штука мелкая. Значит, нос у волдыря (если он имеется) — вовсе малютка. Обидно вдвойне. Единственное, что мог сделать Лесь, это на следующий день сказать Вязникову:

— Если гулькин нос — крошечный, зачем ты нарисовал меня с таким длинным? Сам не соображаешь своими профессорскими мозгами, что делаешь.

— Соображаю. Это для выразительности, — ответил находчивый и образованный Вязников и опять заулыбался.

Если бы Вязников улыбался по другому поводу, он мог бы даже показаться симпатичным. Но сейчас Лесь отошел и пообещал себе, что никогда не будет разговаривать с Вязниковым. И не будет иметь с ним никаких дел.

Так оно и тянулось целый год. Плохо только, что прозвище Гулькин Нос прилипло к Лесю. Потом оно, правда, превратилось просто в Гулькина, и от этого было уже никуда не деться. Получилось, что вроде еще одна фамилия. Многие потом и забыли, почему Лесь Носов — Гулькин. Однако сам Лесь не забыл и Вязникову не простил.

Не забыл и сам Вязников. На следующий год, тоже седьмого сентября, он выполнил обещание: снова изобразил на гараже Леся и сделал надпись: «Гулькин Нос чуть-чуть подрос».

Опять пришлось драться: надо было защищать свой авторитет. Растащили их быстро, и снова был разбор в учительской.

И в третьем классе — та же история.

Весь учебный год потом Лесь и Вязников опять будто не замечали друг друга, лишь иногда поглядывали молча. Но о своем обещании коварный Вязников помнил твердо... Вот и сегодня...

Боже мой, неужели так и жить до десятого класса?

Вязников стоял с выжидательной улыбкой и трогал у ворота черный бантик-бабочку. Да-да, он пришел с бабочкой, как просила Оксана Тарасовна. Кроме него только еще один из мальчишек надел черный галстучек — тихий и всегда послушный Валерик Греев. Да и то у Валерика была не бабочка, а обычный галстук, переделанный из офицерского, военно-морского.

А гибкий улыбчивый Вязников со своей аккуратной прической и бантиком был похож на официанта. Об этом Лесь подумал с некоторым удовольствием. Но мельком. Надо было делать

дело. Желая все решить поскорее, Лесь нагнулся, выставил над головой два кулака и без слов ринулся на Вязникова — чтобы макушкой стукнуть его в пузо, а кулаками (если повезет) поставить синяки под каждым глазом. Кое-что удалось — за счет стремительности. Но и Вязников успел взмахом снизу вверх зацепить нос Гулькина. И когда Лесь выпрямился и помотал головой, жалостливая Любка Ткачук сказала:

— Ой, Лесь, у тебя капает...

На белую рубашку падали из носа красные градины.

«А ничуть не больно», — молча удивился Лесь. Взглянул на Вязникова. Тот морщился и прижимал руки к животу. «Сам виноват», — подумал Лесь без особой радости, но с некоторым удовлетворением. И подумал еще: «А как в такой рубашке на урок-то?»

Тут его и Вязникова взяли за плечи крепкие ладони Виктора Максимовича, учителя географии, который сегодня поставил Лесю пятерку за хорошее знание карты. Сейчас Виктор Максимович был дежурный педагог.

— Поединок окончен? Прошу господ дуэлянтов в учительскую.

— У него капает, — опять сказала Люба Ткачук.

Остальные сочувственно дышали вокруг.

— Что?.. Ах, да. Ну-ка, намочите мой платок.

Сбегали, намочили. Дали Лесю. И он пошел в учительскую, прижимая к носу влажную ткань.

Потом он минут пять посидел в прохладной учительской — с запрокинутой головой и платком на лице. Это было даже приятно.

— Ну что, Носов, — сказала наконец Нина Владимировна. — Все еще капает?

— Кажется, нет... — Лесь встал и посопел.

— Очень хорошо... Ну, что же теперь с тобой делать?

— В каком смысле? — сказал Лесь.

Виктор Максимович хмыкнул. Оксана Тарасовна тихонько застонала. Две молоденькие учительницы — музыки и рисования — весело переглянулись.

— А в том смысле, Носов, — охотно разъяснила директор, — что ты устроил драку, грубо нарушил дисциплину, и теперь я вынуждена принять решительные меры.

— Зачем? — спросил Лесь, посопев (нос, кажется, припух).

— Затем, чтобы впредь такие безобразия не повторялись.

— Пускай не рисует, не будет и повторений,

— ответствовал Лесь, ощущая полную правоту.

— Вязников, конечно, тоже виноват, — вмешалась Оксана Тарасовна. — Однако начал ты! Зачем выяснять отношения кулаками?

Лесь посопел опять и разъяснил:

— Я, собственно, головой...

— Головой ты ему попал в корпус, — уточнил Виктор Максимович. — А синяк под его глазом — несомненный след кулака.

— Да? — с интересом откликнулся Лесь. — А где он?

— Я же говорю: под глазом.

— Вязников где? Отчего со мной с одним разбираются?

— А оттого, голубчик, что твой... соперник направлен стирать со стены свое художество, — сообщила Нина Владимировна. — Не волнуйся, отвечать будете оба по справедливости.

— Это совершенно бессмысленно, — сказал Лесь с некоторым сочувствием к Вязникову. — Уголь от белой стенки не оттереть, придется закрашивать.

— С этим мы разберемся, — добавила строгости директорша. — Ты лучше скажи: с тобой что делать?

— Что хотите, — откликнулся Лесь со спо-

койствием плененного героя, который успел совершить задуманный подвиг.

— Чего уж тут делать-то, — заметил Виктор Максимович. — И так собственным носом поплатился человек. Можно сказать, искупил кровью.

«Музыкантша» и «художница» хихикнули и опасливо глянули на директоршу. Будто школьницы. Оксана Тарасовна (тоже еще молодая, но более опытная) сказала опять со стоном:

— Но как он будет сидеть на открытом уроке? Там мои коллеги из пединститута, речь пойдет об эстетическом воспитании, а он в таком виде...

Лесь опасливо тронул нос.

— Очень распух?

— В порядке твой нос! Но р у б а ш к а!

Лесь вспомнил, глянул себе на грудь. Мамочка! Десяток бурых пятен.

— Да-а... — тихонько вздохнул он.

— Вот тебе и да! Марш домой и переоденься. На этот урок не попадешь, но хотя бы придешь на пятый, на музыку.

Лесь бросил взгляд на «музыкантшу».

— Я, наверно, не успею.

— Значит, будешь прогуливать да завтра. По собственной вине, — сообщила Оксана Тарасовна.

— А завтра воскресенье.

— Ты надо мной издеваешься, да?

— Отнюдь, — сказал Лесь.

— Брысь отсюда, — печально велела Оксана Тарасовна.

— Виктор Максимович, платок я выстираю и в понедельник принесу, — с достоинством проговорил Лесь.

— Буду весьма признателен.

— До свидания. — И, трогая нос, Лесь покинул учительскую.

— Вот сокровище растет, — сказала ему вслед утомленная педагогическими заботами Нина Владимировна. — Господи, скоро ли на пенсию?

— Он знаете на кого похож? — весело вмешалась «музыкантша». — На маленького бродягу-скрипача из фильма «Солнце Неаполя». Есть там такой персонаж, дитя итальянских улиц.

— Не итальянских улиц, а здешней окраины, — проворчала Нина Владимировна. — И не скрипач, а хулиган. Сорванец из Французской слободки...

— Ну, не скажите, — возразил Виктор Максимович. — Иногда сквозь сорванца проглядывает этакий... лицеист. Возьмите его эти «отчего» вместо «почему» или «отнюдь» и так далее... Кстати, дед его был знаменитый местный краевед и уме-

лец, очень образованный человек...

— Все они образованные, — не сдалась директор, — только сладу нет. Этот Вязников — вообще профессорский сын, а что себе позволяет! Зачем он изводит Носова? Бессовестный...

— Совершенно бессовестный, — грустно согласилась Оксана Тарасовна. — Зарезал меня без ножа. Его ведь теперь тоже нельзя на урок пускать с таким синячищем! А я так на этого Вязникова надеялась. Он и отвечает всегда прекрасно, и один из всех с бабочкой пришел... Ой, Нина Владимировна, я побежала, гости уже в классе, наверное...

— Ни пуха ни пера... Знаю, знаю, куда идти... А с этим Носовым вы все-таки еще побеседуйте после пятого урока.

— Думаете, он сегодня вернется в школу? Наверняка усвистал на берег и будет купаться до обеда. Смывать горести и заботы. Ох, до чего я ему завидую...

ЛЕЙДЕНСКАЯ БАНКА

Оксана Тарасовна была, конечно, права, домой Лесь не пошел. Он заскочил в класс, ухватил ранец и отправился к морю. Неожиданный подарок судьбы — два часа свободы — очень улучшил его

настроение.

Еще больше настроение повысилось, когда в гуще сухого бурьяна Лесь нашел желтый флажок с черным кругом.

Потом Лесь побеседовал с незнакомой девочкой, но почти сразу о ней забыл. Пошел по берегу и сквозь пролом в стене пробрался на территорию Заповедника.

Здесь был тот же берег, то же море, но мир был другим. От него веяло древностью. Лесь ощущал это не только душой, но и каждой клеточкой кожи — так же, как солнечное тепло и мохнатое касание морского ветерка. Запах сладковато-горьких трав и нагретых камней тоже был запахом тысячелетней старины. Камни были остатками храмов и крепостных башен.

Лесь доверчиво растворялся в окружающей его ласковой древности. И этому чувству не мешали даже пестрые группы туристов, которые бродили среди развалин в сопровождении энергичных тетенек с мегафонами. Впрочем, туристов было немного. И к тому же Лесь знал, чувствовал, что за невидимой, но близкой гранью лежат совсем пустые Безлюдные Пространства...

Лесь миновал остатки базилики с редкими колоннами из пыльно-белого мрамора. Здесь

берег стал ниже, обрыв Превратился в отдельные скалы, которые теперь стояли поодаль от моря. А у самой воды тянулась полоса галечника, густо заваленная желтыми, обкатанными прибоем глыбами.

На галечнике было немало купалыщиков-загоралыщиков и аквалангистов — несмотря на прибитое к столбу объявление, что купаться и нырять в водах Заповедника совершенно категорически запрещено и наказывается такое безобразие штрафом.

Лесь с удовольствием ступал босыми ногами по гладким голышам и пористым валунам. Поглядывал на тех, кто нежился на этом нелегальном пляже.

Два бородатых парня и девушка разложили на пестром платке всякую снедь: помидоры, копченую скумбрию, арбуз, батон. Парни, капая на бороды и блестя очками, по очереди пили пиво из блестящей заграничной банки. Лесь пригляделся. Заволновался.

Он подошел, встал на шатком камне, покачался с вежливо-выжидательным видом. На него посмотрели. Девушка была симпатичная. Парни — тоже. Этакие молодые люди «научного» вида. Лесь наклонил к плечу голову.

— Скажите, пожалуйста. Когда вы допьете пиво, банка будет вам еще нужна? Или нет?

— А тебе зачем? Для коллекции? — понимающе спросил парень, чья борода была с рыжим отливом. А девушка сморщила облупленный носик:

— Это противно, когда дети собирают пивные банки.

— Мне не для коллекции. — Лесь давно уже знал, что отсутствие хитрости (если только без нее можно обойтись) очень помогает в общении с людьми. — Для научного опыта. Хочу сделать энергонакопитель.

— Что-что? — это уже все трое, с веселым любопытством.

Лесь терпеливо объяснил:

— Накопитель энергии. Вы, может быть, слышали, что бывают такие особые банки, называются «лейденские». В них можно накапливать электричество. А здесь вот тоже написано: «Город Лейден». Я такую давно ищу... — Лесь присел на корточки, пальцем коснулся золотистой жести.

Парни и девушка переглянулись. Рыжеватый хохотнул, но поперхнулся и объяснил с излишней серьезностью:

— В твоих словах немало логики. Но, видишь ли, «лейденская банка» кое-чем отличается от

пивной. Это прообраз нынешних конденсаторов, в ней особое устройство и...

— Я знаю! Но ведь и ваша банка — лейденская. Из Лейдена! Название тоже кое-что значит!

Они опять переглянулись, покусали губы. Парень с бородкой цвета пакли сказал девушке:

— Светочка, это проблема для тебя, ты филолог... — Потом повернулся к Лесю: — Ты, видимо, исходишь из евангельской формулы «В начале было слово»?

— В известной степени, — согласился Лесь.

— Гм... И ты уверен, что с помощью слова можно изменить суть предмета? То есть одну вещь превратить в другую?

— В известной степени...

Девушка села прямо, поправила голубенький мини-купальник и прошептала:

— Уникальный ребенок.

Тот, что с бородкой-паклей, воздвигнул на лоб очки.

— Следовательно, юноша, вы утверждаете, что если мы этот участок суши, на котором находимся, назовем Берегом Слоновой Кости, то можем оказаться в Африке?

— В известной степени, — ввернул рыжеватый, но опять поперхнулся. Под взглядом Светочки.

Лесь вполне убежденно объяснил:

— В каких-то случаях может случиться и это...

Светочка отобрала у рыжеватого банку, вытряхнула в себя остатки пива и протянула посуду Лесю. Он сказал искренне:

— Большое вам спасибо.

— Пожалуйста... А зачем у тебя нитка на пальце?

— Для колдовства. Это особая нитка... Кстати, вы не знаете, как называется этот палец? Вот этот — большой, этот — средний, а вот этот?

— М-м-мм... — сказала девушка и глянула на парней. Те зачесали бороды.

— Эх вы, бакалавры, — укорила их Светочка. — Один ребенок за минуту озадачил вас массой проблем.

— Мы глубоко осознаём свое невежество, — покаялся рыжеватый. А его приятель спросил серьезно:

— Энергонакопитель, надеюсь, послужит добрым делам?

— Да. Для других он не приспособлен.

После этого Лесь еще раз сказал спасибо и опять зашагал по камням. Шел неторопливо и успел услышать обрывок разговора: «Любопытное дитя. И взгляд какой-то особый...» — это Светочка.

«А ну-ка, скажем хором: «Здесь Берег Слоновой Кости»... — это рыжеватый. «Ты с ума сошел! Там жара и пустыня!» — это опять девушка. Она, без сомнения, самая умная из троих.

А банка была замечательная! Золотистая, с рыцарским замком, с узорчатыми буквами, которые называются «готические». С маленьким словом «Leiden» у ободка. Та самая, нужная!

Лесь даже испытал что-то вроде благодарности к Вязникову. Из-за него ведь его, Леся, отправили с уроков. Не случись этого, не было бы и банки!

Посреди каменистой, окруженной зарослями дрока площадки подымалась мраморная колонна. Невысокая, с темными прожилками, с квадратной капителью, на которой угадывался выпуклый крест. Когда-то она вместе с другими колоннами подпирала церковный свод, а сейчас одиноко стояла на остатках фундамента.

Чтобы не было колонне так одиноко, студенты-археологи придумали для нее работу. Из оранжевых черепков от старинных горшков и амфор они выложили большой круг и цифры — получились солнечные часы, и тень от колонны стала стрелкой. Лесь успел вовремя. Тень правым краем почти подобралась к двенадцати. Еще самую чуточку... Лесь дождался и глянул вдоль

темной полосы — на число 12, а потом дальше. Впереди поднимался двухметровый каменный гребень — остатки стены внутренней цитадели. К нему были привалены плиты известняка. Между известняком и каменной кладкой — никакого просвета. Но никакого, это если просто так смотреть. А если точно в полдень, видна между плитой и стеной черная щель. Такая, чтобы как раз протиснуться мальчишке. Главное — успеть.

Лесь промчался через солнечный циферблат и, цепляясь ранцем, толкнул себя в тесное пространство.

Он обнаружил этот проход еще в июне. И понял, что сделал настоящее открытие. Правда, загадку прохода Лесь до конца не разгадал до сих пор, ну да ладно! Главное, что проход есть. И что он ведет в его, Леся, бухту.

С минуту Лесь шагал, касаясь локтями и ранцем высоких стен, от которых веяло нездешней прохладой. Солнце сюда не проникало. Высоко вверху, в щели, небо синело чисто и резко. Камни местами загромождали тропинку. Потом тропинка превратилась в узкую, с неровными ступенями лестницу. Она делала резкие повороты. И наконец вывела на крошечный галечный пляж.

Здесь было совершенно пусто. Крутые зубчатые

скалы обступали пляж, вдавались с двух сторон в море и образовывали очень маленькую, зажатую в обрывах бухту.

Лесь называл ее Бухта, о Которой Никто Не Знает.

Одиночество ничуть не пугало. Лесь ощущал радостную свободу. Это был его собственный мир. Ни один человек не мог сюда попасть, Лесь давно в этом убедился.

Солнце почти отвесно светило сквозь нависшие скальные зубцы, нагревало гальку и камни. Среди беспорядочных каменных обломков приподымалась чуть наклонная плоская глыба — настоящий лежак шириною метра полтора. Теплый, как печь.

Лесь посидел на глыбе, отдыхая, улыбнулся своей бухте, своему морю, которое виднелось среди скал и тоже было пустым — до горизонта.

Посидев, он вошел по колено в море, набрал воды в «лейденскую» банку, прополоскал ее. Это чтобы лучу, пойманному в накопитель, не было противно от пивного запаха.

Затем Лесь сбросил с себя все, что еще на нем было, — никто же не видит. Забрался на камень, обмываемый мелкой волной. И бултыхнулся в воду, ушел в нее с головой.

Он безбоязненно отдался ласковому морю. Оно качало его в зеленоватой глубине, щекотало солеными мурашками.

Лесь понырял с открытыми глазами. Раздвинул груду водорослей и пугнул обросшего ракушками краба-великана. Погнался за стайкой крошечных ставрид. Осторожно тронул мягкую макушку медузы. Посмотрел сквозь волнистую поверхность на солнце. Оно — жидкое, сверкающее — качалось на волнах, растекалось.

Лесь всплыл, тоже закачался на волнах, лежа на спине.

НЕПРОШЕНАЯ ГОСТЬЯ

Наконец Лесь ощутил озноб — сигнал, что пора вылезать из воды. И решил окунуться напоследок. Подождал волну, ушел под нее головой, сделал в глубине кульбит, встал на камни по грудь в воде, обернулся к берегу... И буквально обалдел.

На берегу стояла девочка.

Та самая, с которой он недавно спорил о сигнальном флаге. В красных гольфах, в коричневом платьице с черным передником. Круглолицая, с темными кудряшками, перехваченными красной пластмассовой скобкой. С малиновым ранцем за плечами. Она стояла неподвижно, скованно

как-то, и смотрела на Леся.

Звонким от возмущения голосом Лесь крикнул:

— Чего тебе здесь надо?

Она склонила к плечу голову и сказала независимо:

— Как чего? Где хочу, там гуляю.

Лесь мигом ощутил, что независимость эта напускная и девчонка побаивается. Но не смягчился. Потому что был в дурацком положении. Потребовал:

— Иди отсюда.

И тут же понял, что идти ей теперь некуда.

Девчонка сделала еще более независимое лицо.

— Чего ты раскомандовался? Ты хозяин тут, что ли?

— Конечно, хозяин, — сказал он убежденно. В этот миг поднялась сзади волна, залила Леся до ушей. Чтобы устоять, он вцепился в края глубокой впадины на скале, что была рядом. Вода отошла и открыла Леся по пояс. Еще бы чуть-чуть, и...

— Отвернись, — хмуро велел он. — Мне надо выходить.

— Ну и выходи. Разве я тебя держу?

Видимо, она не понимала. Наверно, пробралась

сюда, когда он был уже в воде. И что на песке валяется вся-вся его одежда, она не заметила.

А может, все поняла и решила его подразнить?

Волна опять залила Лесю уши и отошла.

— Русским языком объясняю тебе, дура: отвернись!

Лесь понимал, что очередная волна может откатиться дальше других. И тогда что? Съежиться в нелепой позе на корточках или трусливо сигать в глубину?

Девчонка не двигалась, а лицо ее, кажется, стало насмешливым.

Ах, так?.. В конце концов Лесь и правда был здесь хозяин. Все равно что дома. Больно ему надо дрожать из-за глупой девчонки! Думает, что испугался, да?

Лесь дождался, когда волна подтолкнула его в спину, и прыгнул на длинный выступ скалы. И, ловкий, независимый, пошел по выступу к берегу. Глядя прямо на незваную гостью.

Она мигнула, отвернулась.

— Вот дурак...

— Сама... — отозвался Лесь. Подошел к брошенной на песок одежде, натянул плавки. Все это с подчеркнутой неторопливостью, потому что вести себя иначе было бы теперь глупо. Прошагал к

нагретому каменному лежаку и с удовольствием растянулся на нем. Ощутил, как солнце навалилось на озябшее тело мягким жаром.

Девочка мельком, боязливо оглянулась. Заметила, что из-за камня видны теперь только плечи и мокрая голова, и тогда глянула смелее. Повернулась.

С полминуты они смотрели друг на друга. Лесь — насмешливо, девочка — пряча за сердитостью смущение и виноватость. Она ковырнула сандалеткой песок.

— Ты какой-то... совершенно нахальный...

— Да? А по-моему, это ты нахальная. И шпионка.

— Я?! Шпионка?! Как тебе не стыдно!

— А тебе не стыдно? Увязалась за мной, выследила... Иначе как бы ты сюда попала?

— Да я это место давным-давно знаю! Тыщу раз тут была.

— Эту бухту не знает никто, кроме меня, — объяснил Лесь уже несердито. — Ты же видишь, тут лишь мы с тобой. Ты пробралась сюда следом, в ту же минуту, что и я. А одна ни за что не нашла бы дорогу.

Девочка сказала неуверенно:

— Вот и неправда. Я знаю дорогу.

— Если знаешь — выберись отсюда без меня, — добродушно посоветовал Лесь.

— Ну и пожалуйста! — Она дернула спиной с малиновым ранцем. Пошла к ступенькам у щели-выхода. Проходя мимо Леся, демонстративно отвернулась, хотя сейчас это было уже ни к чему. Поднялась на каменное «крылечко», исчезла в щели.

Лесь быстро сел, обнял коленки и стал ждать со снисходительным интересом. Вместо прохода с крутой тропинкой девчонка скоро увидит сомкнувшиеся скалы — словно каменный великан свел вместе ладони. И никуда не денется, вернется.

Так и случилось. Девчонка опять появилась на ступенях. Растерянная и насупленная. Ушла на прежнее место. Оглянулась на Леся, который вновь улегся на камень животом.

— Ну как? — спросил он с капелькой торжества.

Она потупилась и вполголоса сказала:

— Ты колдун, что ли?

Лесь без хитрости объяснил:

— Здесь мое колдовство ни при чем. Это место такое.

— И никак теперь не выбраться?

— Без меня никак, — усмехнулся Лесь.

— А ты... меня выведешь?

— Вот смешная, — сказал он как маленькой. — Брошу, что ли? На съедение крабам?

— Тогда хорошо... А скоро пойдем? Мне домой надо.

— Вот погреюсь еще минут пять, потом окунусь напоследок, обсохну, и тогда уж...

Девочка покладисто кивнула:

— Купайся, я подожду.

Она села на корточки, стала из ладони в ладонь пересыпать мелкую гальку.

— Носов...

— Что?

— Ты не думай, я никому не скажу про это место.

Он засмеялся:

— Да говори кому хочешь. Без меня его все равно никто не найдет. А я теперь буду ходить с оглядкой.

— Ты не бойся, я за тобой больше следить не стану, — сказала она еле слышно.

Лесь промолчал. Не знал, как ответить, чтобы не обидно. А обижать бестолковую девчонку почему-то не хотелось.

Она опять перебросила камешки из ладони в

ладонь.

— А здесь правда никто-никто не может появиться?

— Я же сказал.

— Тогда понятно... — Она чуть улыбнулась.

— Что тебе понятно?

— Почему ты так храбро тут купаешься... без ничего... Лесь понял, что ей все еще неловко. И сам опять малость смутился. И сердито объяснил:

— Я купаюсь так, потому что как раз боюсь.

— Чего?

— Если дома заметят, что плавки влажные, сразу воспитание: «Ах, ты снова бегал на пляж после уроков! Без спросу!»

Девочка посмотрела веселее, чем прежде.

— В точности как у меня! Мне тоже не велят без спросу! А начнешь отпрашиваться — сразу охи да ахи! «Нельзя одной, утонешь, захлебнешься!» А иногда так хочется окунуться... Тебе хорошо, такое тайное место...

— Ну, так пользуйся случаем, — великодушно сказал Лесь. — Сейчас-то ты не одна к тому же. Совесть твоя будет чиста...

Девочка поежилась.

— У меня купальника нет...

— Пфы! Ты же еще плоская, как сушеная тарань,

— от души успокоил ее Лесь. — В твоем возрасте девчонки сплошь в одних плавках купаются, как пацаны.

Лесь думал, она рассердится хотя бы для вида. Но девочка отозвалась все так же нерешительно:

— Ничего подобного. Нам в бассейне всем всегда велят в купальниках...

— Здесь же не бассейн, воспитательниц нету. А я смотреть на тебя не буду, не бойся...

— Подумаешь, — сказала она с жалобной храбростью. — Я и не боюсь.

Конечно, Гайка соврала, на самом деле она боялась. Однако искупаться хотелось ей отчаянно: изжарилась она в своем шерстяном платье с глухим воротником. Но не только в этом дело. Была еще вина перед Носовым.

Если бы Гайка сразу поняла, почему он тогда, из воды, кричал ей «отвернись», она бы не только отвернулась, а глаза бы зажмурила и уши заткнула. Но у нее в ту минуту словно заскок в мозгах случился: смотрит и ничего не понимает. Да еще глупое упрямство взыграло! Теперь, когда все так получилось, Гайка терзалась в душе. Дура бессовестная! Называется, подружилась с человеком!

Как же теперь оправдаться перед Носовым?

Может, если она сейчас послушается его, ис-

купается, он перестанет на нее обижаться. Ведь она докажет, что доверилась ему полностью. И получится, что между ними есть уже какая-то ниточка. («Желтая нитка», — мелькнуло у нее...) И тогда, значит, эта бухта вроде бы и ее, Гайкина, тоже. Немножко...

Конечно, так рассудительно Гайка не думала (мысли прыгали и были отрывочными), но чувствовала именно это.

— Ты только все-таки отвернись, ладно?

— Пожалуйста.

Гайка зашла за камень, скрывший ее по пояс. Покосилась на Носова. Тот лежал головой на согнутом локте, будто спал! Гайка присела, торопливо стянула с себя все, кроме красных мальчишечьих плавок, опять глянула на дремлющего Носова. Видна была только белая лохматая макушка. Гайка вдруг совершенно неожиданно для себя показала этой макушке язык. Тут же испугалась и неловко добежала по твердым голышам до воды. Опасливо, но торопливо стала входить в нее, держась за выступ скалы.

Она погрузилась по пояс, почти перестала бояться и тихонько взвизгнула от радостной прохлады, когда волна подкатила до груди. И тут услыхала:

— Часы-то сними, растяпа.

Носов, приподнявшись, глядел с камня.

— Ой!.. — Часики тикали на запястье. Но Гайка испугалась не за них. — Обещал, что не будешь смотреть!

— Во-первых, я случайно; Во-вторых, ты уже в воде. А если бы я не заметил, прощай, часики. Вот тогда уж точно досталось бы тебе дома.

Да, это он правильно.

— Иди сними... — И он опять лег головой на локоть.

Гайка вдруг рассердилась на себя и на свой глупый страх. Решительно вылезла из воды и положила часики на камень. И вернулась к нестрашным пологим волнам.

Эти волны приняли Гайку, качнули, сняли с донных камней. Она взвизгнула опять, забултыхалась. Но она не боялась. В такой ласковой воде невозможно было утонуть. Гайка окунулась с головой, совсем уже позабыв про смущение и про Носова. Потом нащупала камни ступнями и встала, держась за скальный уступ. Глубина была по грудь. А порой волна подкатывала под самый подбородок, плескала в глаза и уши. Гайка смеялась, подпрыгивала... И вдруг левой ступней не попала на камень.

Нога угодила в щель.

Гайка дернула ногу. Каменный капкан держал ее.

Сперва Гайка не испугалась. Дернула сильнее. Ой, больно...

Гайка вспомнила про тропического моллюска-великана, о котором рассказывал папа. Называется тридакна. Если в раковину попадает нога или рука купальщика, створки сжимаются, и... Сила у тридакны громадная, вес чуть не полтонны. А тут наступает прилив, вот вода уже у самого рта...

И, словно все это по правде, — коварная тридакна и прилив — накатившая волна плеснула Гайке горечью в рот. «Мама!» — хотела крикнуть Гайка, но закашлялась. А новый горько-соленый накат укрыл ее с головой. Когда волна отошла, Гайка была уже чуть не без памяти от страха. Забила по воде руками, беспомощно рванулась и сквозь ужас и кашель закричала отчаянно:

— Но-осов!!

ДОЛГИЙ РАЗГОВОР НА ЗАГАДОЧНОМ БЕРЕГУ

Лесь лежал и впитывал лучи. Каждая мельчайшая чешуйка его кожи была словно фотоэлемент, который заряжается солнечной энергией. Чем больше чешуек получит заряд, тем пуще накап-

ливается в теле веселая сила и радость жизни. Иногда Лесь жалел, что у него нет хрустящих крыльев — таких же, как у желтого кузнечика Витьки, только больших, по его, Леся, росту. Вот это были бы настоящие солнечные элементы.

На девочку Лесь не смотрел. Вернее, глянет искоса, увидит, что с ней все в порядке — плещется у скалы, — и опять отдастся теплой полудреме...

Девочкин кашель и крик ударили в него колючей пружиной. И сам он как распрямившаяся пружина — ж-жих! — метнулся с камня к воде.

— Нога... — не то всхлипнула, не то булькнула девчонка, и опять ее скрыло по макушку.

Лесь нырнул, увидел в зеленой мути девчонкины ноги, камни и все понял вмиг. Съежился, пятками уперся в один камень и с надрывом потянул на себя другой, прижавший ступню бестолковой купальщицы. Камень сперва упрямился и поддался только сверхотчаянному усилию. Нога девочки дернулась вверх.

Лесь вынырнул, выволок девочку на берег. Она кашляла, плакала и мотала головой. Лесь наполовину подвел, наполовину подтащил ее к своему каменному лежаку, положил вниз животом. Девочка закашлялась пуще прежнего. Лесь треснул ее ладонью между лопаток. Девочка

крякнула, изо рта у нее полилось. Она часто задышала. Щекой легла на камень. Потом испуганно дернулась.

— Пойду оденусь...

— Лежи ты... — озабоченно сказал Лесь. — Тебе теперь надо отдышаться и прогреться насквозь, чтобы не случилось никакой лихорадки. А то всякое бывает после такого...

Девочка опять обессиленно упала головой. И заплакала снова — уже без кашля, негромко и, кажется, с облегчением.

— Да ладно тебе, — пробормотал Лесь. Он лежал теперь в метре от девочки. — Все уже прошло... Зачем ты на камни-то вставала? Надо плавать, а не по дну топтаться...

Девочка призналась между всхлипами:

— Я плохо плаваю...

— Учиться надо, — буркнул Лесь.

— Я училась... кха, ой... но, наверно, я неспособная.

— Ты говорила, что в бассейне училась. А бассейн и море — это разные обстоятельства.

— Не только в бассейне... Мы раньше в Чернореченском районе жили, там такой песчаный пляжик за Катерной пристанью, все ребята там плавать учатся.

Лесь поморщился:

— Чернореченск... Это же в конце Большой бухты. Там не вода, а сплошной керосин.

— Вот уж нет! — Девочка сердито мотнула головой. — Там прекрасное место! И кроме того, там ГРЭС в бухту сбрасывает горячую воду, можно купаться круглый год.

— В отработанной воде!

— Она чистая! Там даже зимнюю купальню построили...

— Круглый год купаешься, а плаваешь еле-еле. — Лесь нарочно подзуживал девчонку. Потому что после случившегося у нее мог быть второй нервный приступ — новый испуг и слезы. Надо отвлечь. Лесь жил у моря и знал, как поступают в подобных случаях.

Но девочка не завелась. Сникла и сказала шепотом:

— Конечно, я сама виновата, что нахлебалась... и что ты тащил меня... в таком виде.

Лесь хмыкнул:

— Все из-за купальника переживаешь, что ли? Ты отстала от современной моды. На Карташевском пляже, например, нынче все вообще голые купаются. И ребята, и большие дядьки и тетки...

— Моя мама говорит, что это безобразие. Когда

родители с детьми, то можно, а если чужие люди, то это просто ужас.

Лесь рассудительно уточнил:

— Но мы же не как на Карташевке. И к тому же мы с тобой теперь уж никак не чужие...

Девочка приподнялась на локтях:

— Почему?

— Посуди сама, — веско сказал Лесь. — Я же тебя от погибели спас. Значит, ты благодаря мне второй раз на свет родилась. Выходит, я тебе... — он слегка дурашливо посмеялся, — второй мама и папа. — И повернулся к девочке. Они встретились глазами. Девчонкины светло-карие глаза были большими от прихлынувшего испуга.

— Значит... я правда чуть не утонула?

— Ну, посуди сама, — опять сказал Лесь. — Ногу ты вытащить не могла. Один раз хлебнула воды, второй... А потом бы — волна посильнее, а ты уже и стоять не можешь. Тут бы и все... Если бы меня не было.

Девочка уперлась подбородком в гладкий камень, прижала к ушам ладони.

— Ой, мамочка...

Лесь опять встревожился за нее.

— Да хватит уже! Все ведь прошло.

— Ага... — послушно сказала девочка. Но вдруг

вспомнила: — А если бы тебя тут не было, я бы и не полезла купаться.

— Выходит, я виноват, — буркнул Лесь. И понял, что в самом деле виноват.

— Нет, что ты! — испугалась она. — Это я... сама... — И вздрогнула.

— Ладно, грейся... И не бойся, я на тебя не гляжу, раз ты такая... сверхсмущательная.

Девочка отозвалась тихонько и доверчиво:

— Я и не боюсь... тебя. Только если кто другой увидит... Вдруг знакомые? Могут маме нажаловаться, что купалась без спросу.

— Я же тебе объяснил: никто сюда не придет!

— А если посмотрят сверху, со скал?

— И наверху никого нет. Потому что... здесь начало Безлюдных Пространств.

— Каких... пространств?

— Ладно уж, объясню, — вздохнул Лесь. — Слушай... Нам кажется, что вокруг нас одно пространство, а на самом деле их много. Есть то, в котором мы живем, а есть соседние, только про них мало кто знает... Ты когда-нибудь смотрела в граненое стекло?

— Не...

— Через него видно, как одно пространство расслаивается на несколько... Вот смотри...

Лесь привстал, дотянулся до одежды, из кармана вытащил крошечный стеклянный кубик — он заискрился на солнце. Лесь уселся на камне, опершись правой рукой, — щуплый, изогнувшийся, похожий на бронзовую статуэтку. На груди висел дырявый камешек с продернутым шнурком. Левую ладонь с кубиком Лесь протянул девочке.

— Посмотри сквозь него.

Девочка приподнялась, поднесла кубик к глазу.

...Пространство расцвело радужными пятнами, раскололось, увеличилось, вместо одной скалы, у которой Гайка чуть не утонула, стало несколько. И горизонтов — раз, два, три, четыре... Разноцветные... Может, и Носов теперь не один? Однако глянуть на Носова Гайка не решилась. Посмотрела еще на скалу и протянула кубик хозяину. Сказала с сожалением:

— Это ведь только кажется.

— Это не т о л ь к о к а ж е т с я. Здесь и по правде хватает чудес...

— Каких?

— Всяких. Например, со временем... ты помнишь, когда сюда за мной пролезла... пришла? Я знаю — точно в двенадцать...

— Да! Я смотрела на часы!

— А сколько времени, по-твоему, уже прошло?

— Не знаю... Ой! Наверно, давно домой пора. Мама сегодня дома и уже с ума сходит из-за меня!

— Не сходит, не бойся... — Лесь прыгнул с камня, принес девочке ее часики. — Видишь, все еще двенадцать. Секундная стрелка бежит, а другие стоят...

— Испортились...

— Нет! Просто время здесь замирает! Купайся и загорай хоть целую вечность. Ну, такой подарок для нас в этом месте!

— Честно-честно? — ее глаза опять стали большущими.

Лесь немного обиделся. Не всерьез, а для порядка.

— Думаешь, шучу с тобой? И когда вытаскивал — шутил, и сейчас, да?

— Ну, не сердись. Просто трудно это... понять сразу.

— А ты не сразу, — посмеялся Лесь. — Понимай постепенно, спешить-то некуда. Пока мы здесь — все время будет полдень. Я это давно открыл.

— Чудеса какие, — выдохнула девочка.

Она сказала «чудеса какие», но большого удивления не было. Гайкой овладела легкость и беззаботность. Раз время не движется и раз эта

бухта волшебная (или почти волшебная), значит, и она, Гайка, — не совсем Гайка. Все вроде бы как в сказке или во сне. И можно ни о чем не тревожиться. И этот коричневый белоголовый мальчишка — вроде бы уже не Носов из четвертого «Б», а маленький волшебник. Этакий Питер Пэн...

Гайка опять прилегла на камень, закрыла глаза. Услышала, что Лесь тоже лег, а потом весело спросил:

— Тебя как зовут? А то даже не знаю имя родственницы...

— Галя... Галька... А когда маленькая была, букву «эл» не выговаривала, получалось «Гайка». Все так и стали звать.

— Ясно. А меня — Лесь.

— Какое хорошее имя! Не то что мое!

— А чем тебе твое не нравится? — удивился Лесь.

— Маме сперва не нравилось. Говорила, что «гайка» — железная, тяжелая, а про меня она мечтала, что стану балериной или музыкантшей. Но потом привыкла.

— А ты станешь балериной? Или музыкантшей? — с неожиданным интересом спросил Лесь.

— Не-а, — беспечно откликнулась Гайка. — В

ансамбле мне не понравилось. А в музыкальной школе сказали: слух недостаточный. Мама была в отчаянии...

— А ты?

— А я нет. Надоели все эти гаммы...

— А кем хочешь быть?

— Понятия не имею, — отозвалась Гайка все с той же беззаботностью. — Я вообще бестолковая. В школе — троечница. И даже плаваю, как... гайка.

— Не горюй, Гайка, — утешил Лесь. — В школе многие талантливые люди были троечниками, только педагоги скрывают от нас эти факты... А плавать научишься. Главное — чаще тренироваться.

— Тебе хорошо. Ты, наверно, каждый день тренируешься. Все время на море и на солнце....

— Отчего ты так думаешь?

— Ну... — Гайка несмело хихикнула. — Ты весь такой солнцем обжаренный, даже пятки. Они и у негров-то иногда розовые, незагорелые, а у тебя...

Лесь объяснил чуточку горделиво:

— Это не от загара. То есть от загара, но не от здешнего. Я таким коричневым на свет появился... Знаешь отчего?

— Нет... не знаю...

— Оттого, что я родился ближе всех к солнцу!

— Да? Не может быть, — робко не поверила Гайка.

— Ну, вероятно, это не единственный случай, но ужасно редкий. Мама родила меня на высоте одиннадцать тысяч метров.

— В самолете?!

— В самолете!.. Она с подругой летела из Москвы домой и... в общем, не рассчитала. Вернее, это я поторопился.

Гайка засмеялась:

— Захотелось поближе к солнцу?

— Наверно... А оно любит тех, кто к нему тянется, вот и покрасило меня раз и навсегда. Ультрафиолетом...

— Значит, все нормально кончилось? — заботливо спросила Гайка. — Самолет — это ведь все-таки не роддом.

— Почти нормально... Там целая бригада врачей была, летели на какую-то конференцию. Они быстро управились с мамой и со мной... Только одна неприятность все же случилась...

— Какая?

— Самолет тряхнуло в воздушной яме. И от этого получилась родовая травма. Вернее, потом сказали, что, наверно, от этого...

— А... какая травма? — Гайке и спрашивать было неудобно, и промолчать неловко: вдруг Лесь подумает, что ей безразлично.

Лесь глянул в упор желтовато-серыми глазами.

— Разве ты не видишь, что левый глаз у меня косит?

Гайка заставила себя несколько секунд не отрывать взгляд. Потом все-таки заморгала, но ответила твердо. И честно:

— Нет, Лесь. По-моему, ничего не заметно.

— Вот и славно! — обрадовался он.

— Просто иногда... кажется, что ты смотришь как-то... загадочно. Тебе это даже идет, — собравшись с духом, выговорила Гайка. — А никакой косины вот ни настолечко нет...

— А мама все беспокоится: «Давай закажем новые очки». Это специальные, чтобы оптическую ось выправлять. Меня такие с младенчества заставляли носить, а недавно я... то есть они тюкнулись о камень. Одно стекло вдребезги.

— А почему же новые-то не заказать? — со взрослой озабоченностью сказала Гайка.

— Да ну их. Надоели.

Гайка понимающе спросила:

— В классе дразнят, да?

— Что ты! Никто не дразнит! У нас в классе че-

тыре человека в очках и два из них знаешь какие авторитетные!.. И вообще класс у нас дружный, все ребята хорошие.

— А Вязников? — не удержалась Гайка.

— Ну, что Вязников... — потускнел Лесь.

Гайка моментально испугалась, но отступать было некуда.

— Это ведь ты сегодня подрался у гаража с тем мальчишкой? Все говорили: «Вязников, Вязников...» — И она подсказала Лесю: — В семье не без урода, так ведь?

Лесь быстро возразил:

— Вязников не урод! Он наоборот даже... В него еще в первом классе девчонки влюблялись.

— Да я не про то...

— И вообще... Многие считают, что он человек хоть куда...

— А ты? — не удержалась Гайка. — Ты как считаешь?

Лесь отвернулся, и треугольные лопатки у него дернулись.

— Что поделаешь, раз у нас эта... психологическая несовместимость. Я никогда первый не лезу, это он ехидничает.

— Ну и что же, что ехидничает, — осторожно осудила Леся Гайка. — Драться все равно не сто-

ит. Кругом и так столько всего... всякой войны и драки...

Лесь понял ее. Сказал примирительно:

— Мы же только раз в году. И всего-то до первой крови.

— Где первая, там и вторая. С этого все и начинается, а потом не остановить. Вон сколько стрельбы недавно было опять по всем берегам. И толком никто не знает, из-за чего...

— Ты не сравнивай...

— Да я и не сравниваю...

— Отчего тогда дуешься? — улыбнулся Лесь.

— Я не дуюсь.... Просто как подумаю про такое, всегда расстраиваюсь... из-за отца.

Она сказала «из-за отца», а не «из-за папы», словно показывая Лесю недетскую серьезность своей печали.

— А что с ним? Ты говорила, что он командир корабля.

— Он был... Его уволили. За то, что сбил вертолет.

— Чей? — Лесь приподнялся на локтях.

— Кто же его знает... Папа командовал большим охотником, и они вывозили беженцев с Горного берега... Понимаешь, город горит, танки палят по домам и по гавани, на берегу тысячи людей собра-

лись, все плачут, кричат... Папа нагрузил охотник так, что он сел ниже ватерлинии, еле управлялся на ходу. Ладно еще, что море было тихое...

Отошли, а милях в десяти от берега на них вертолет налетел. Без всяких опознавательных знаков... И с первого захода — две ракеты по кораблю. А на палубе людей битком: и большие, и маленькие. Хорошо, что ракеты мимо. Папа спрашивает по радио у начальства: что делать? А те: не отвечать...

— Не поддаваться на провокацию, — уточнил с сердитым сочувствием Лесь.

— Да, так и сказали!.. А вертолет — снова! И еще две ракеты, и взрыв у борта. Кого-то осколками ранило. Папа и скомандовал зенитчикам... А его потом чуть под суд не отдали за нарушение приказа. Хорошо, что люди вступились, кого он спас. И газеты... Но с флота все равно уволили в запас...

— Какое свинство, — от всего сердца сказал Лесь.

— А он теперь говорит, что и не жалеет. Он ведь раньше не хотел быть военным моряком.

— А почему стал?

— После института призвали... Он учился на кораблестроителя и писал диплом про новые парусные корабли. Чтобы в наше время исполь-

зовать энергию ветра, как раньше, и не тратить зря топливо. А его вызвали и говорят — будете лейтенантом... Потом уж он стал капитаном третьего ранга.

— А теперь что? Будет снова придумывать парусники?

— Не знаю... Сейчас конструкторское бюро закрыли. Папа техником в судоремонтные мастерские устроился.

— Ничего, все еще наладится, — уверенно пообещал Лесь. — Потому что парусники в самом деле нужны. А то ведь люди окончательно сдурели: жгут, жгут нефть, все отравляют кругом, когда у ветра столько бесплатной энергии... И у солнца. Я, Гайка, тоже думал о парусных кораблях, только о таких, где паруса не для простого ветра, а для солнечного.

— Разве такой бывает?

— А лучи — разве не ветер?.. Вот если сделать корабль, а у него паруса, похожие на стрекозиные крылья! Стометровые! И в них фотоэлементы, которые впитывают солнечную энергию. Знаешь, какая будет сила! Хоть плыви, хоть по воздуху лети.

— Это, наверно, красиво, — прошептала Гайка.

— Еще бы! — вдохновился Лесь. — Ты представь!

Летит над морем такой корабль, а от мачты во все стороны размахнулись великанские сверкающие крылья! — Он сел, раскинул руки и даже пальцы растопырил от усердия. Высохшие белые волосы его разлетелись. Взгляд опять стал загадочным, ушел в какие-то «пространства». Сияла белозубая улыбка. Кожа на грудной клетке натянулась, обрисовав тонкие, как у рыбешки, ребра. Гайка поймала себя, что во все глаза таращится на Леся, засмущалась опять, уперлась взглядом в дырявую гальку на его груди.

— А этот камешек... он у тебя талисман, да?

— Ну... вроде, — Лесь тоже, кажется, смутился. И быстро сказал в ответ: — А у тебя крестик. Ты крещеная, да?

Гайка тронула невесомый алюминиевый крестик, висевший на суровой нитке.

— Да, крещеная... Меня бабушка еще в грудном возрасте в церкви окрестила... А крестик этот папе для меня один человек дал. Ну, он из тех людей, которых папа вывез из-под огня. На берегу подошел к папе и говорит: «Капитан, у тебя дети есть?» Папа говорит: «Дочка у меня». А он: «Тогда возьми этот крестик для нее, пусть ваш Бог всегда твою дочку хранит...» Сам-то этот человек был мусульманин, азербайджанец или узбек, в

Христа они, кажется, не верят. Но все равно...

— Откуда же у него крестик взялся?

— Кто его знает. Может, случайно... А я с той поры ношу.

— А по правде в Бога веришь? — тихо спросил Лесь.

— Наверно... Только я не все еще понимаю... А ты веришь?

Лесь кивнул:

— Да... Потому что иначе ничего на свете не объясняется. Не мог же весь мир сам собой появиться. Ну, какой-нибудь простенький, может быть, и мог бы, а такой вот сложный... Кто-то же должен был все это придумать. Даже маленького кузнечика рассматриваешь, и то он как чудо... Или, например, Луна...

— Что Луна? — удивилась Гайка.

— Ну, подумай. Солнце — оно ведь громадное, а Луна маленькая. То есть тоже громадная, но по сравнению с Солнцем крошечная. А кто-то же рассчитал так ее поставить в космосе, чтобы с Земли она казалась одинаковой с Солнцем. И чтобы во время затмения она закрывала его так точнехонько.

— Может, случайно? — нерешительно сказала Гайка.

Лесь мотнул летучими волосами.

— Нет. Очень уж много всяких таких «случайностей»...

— А тебя тоже крестили?

— Тоже маленького. Когда еще дедушка жив был.

— А... почему тогда камешек, а не крестик?

Лесь придвинулся.

— Смотри, Гайка, здесь тоже крестик есть...

На серой поверхности, пониже отверстия, светились две перекрещенные прожилки.

— Это как подарок, — теплым шепотом объяснил Лесь. — Я его знаешь где нашел? В развалинах церкви, которую тысячу лет назад построили. Он лежал на виду, на гладкой плите. Будто специально для меня...

— Это где? Здесь, в Заповеднике?

— Ну, почти... Не совсем здесь, а чуть дальше.

Лесь нашел этот камешек в Безлюдных Пространствах.

Гайка коснулась камешка мизинцем. Палец соскользнул, ткнулся в грудь Леся. Гайка отдернула руку, быстро сказала:

— А у нас в Чернореченске тоже старинные развалины есть. Крепость на скале.

— Я знаю. Я там был. Только не по крепости ла-

зил, а по корабельной свалке. Она там богатая...

— Мальчишки по ней все время лазят...

— Я там прожекторный отражатель нашел. Такой замечательный! Сразу его приспособил... для одной штуки.

— Наверно, для солнечной энергии? — догадалась Гайка.

Лесь кивнул. Гайка сказала с уважением:

— Ты в солнечных делах прямо как ученый разбираешься.

Лесь отозвался без хвастовства:

— Разбираюсь немного. Накопитель вот хочу сделать...

Гайка не то чтобы очень ему нравилась, но была она, конечно, хорошая. А к хорошим людям Лесь относился доверчиво.

Гайка опять поняла его:

— Накопитель солнечной энергии?

— Да! Смотри, какую банку для него раздобыл.

Он подтянул ранец, вытащил пивную банку, рассказал Гайке, как она у него оказалась и почему нужна именно такая.

Гайка серьезно кивала, сидя рядышком.

Потом Лесь начал укладывать банку, а из ранца вывалилась рубашка. С бурыми пятнами.

— Ой, Лесь... Это у тебя после драки, да?

Лесь насупился.

— Зато я ему синяк успел посадить...

— Из-за чего вы деретесь?

— Из-за его вредности! — И Лесь без утайки поведал про «Гулькин Нос».

Гайка (и правда она хорошая!) слушала со сдержанным сочувствием. Но под конец заспорила:

— Лесь! А «гулька» — это не «волдырь». Это «голубь». «С гулькин нос» — это значит «с голубиный нос». Чего тут обидного? Голубь — птица симпатичная...

— Откуда ты взяла? Я же сам в словаре читал!

— И я в словаре! У нас есть «Словарь русского языка», четыре тома... Я в него полезла однажды, чтобы найти одно слово...

— Какое? — подозрительно спросил Лесь. Могло случиться, что Гайка придумывает. Для его утешения.

— «Гум-ми-а-ра-бик»! Клей такой, видимо, на спирту.

Папа однажды маме рассказал, что рабочие в мастерской выпили гуммиарабик и чуть не умерли. Я спросила: «Что это такое?» А мама: «Не суйся во взрослый разговор!» Тогда я обиделась и стала искать это слово в словаре. И нашла... А потом начала читать соседние слова, которые

тоже на «гу». Вот и увидела.

— Замечательно! Такой аргумент против Вязникова!.. Как бы посмотреть на этот словарь?

— Пойдем ко мне! Хоть сейчас!.. Ой... — Гайка возликовала так откровенно, что тут же застеснялась опять...

— Сейчас неудобно. Как с голым пузом в гости? Это не пляж... А в такой заляпанной рубашке еще страшнее...

— Лесь, пойдем! Маме все объясним, она выстирает и выгладит...

— Вот обрадуется твоя мама! Скажет: с кем ты познакомилась? С головорезом, забрызганным кровью!

— Мама никогда так не скажет!

— Все равно. Лучше в другой раз.

— А дома тебе не попадет за такую рубашку?

— Проскользну незаметно и спрячу до вечера, до мамы. Она-то меня поймет. Лишь бы Це-це не увидела...

— Кто?! — изумилась Гайка.

— Це-це.

— Это... муха такая африканская?

Лесь залился весельем:

— Это моя родственница. Она к нам в прошлом году переехала и сразу... возлюбила меня всем

сердцем.

— Как это «возлюбила»? — опасливо сказала Гайка.

— В полном смысле.

— Ну... это же хорошо.

— Хорошо, когда любит человек с нормальным характером. А ты скажи, какой характер может быть у пожилой дамы, которую зовут Цецилия Цезаревна?

— Это ужасно. Все время воспитывает, да?

— Первый раз мы поссорились из-за помидора. Я помидоры больше всяких заморских фруктов люблю. И вот мама весной принесла мне красный, большущий, первый в том сезоне... — Лесь прищурился и облизнулся. — Я схватил и думаю: вот уж как вцеплюсь зубами! Только посолю сперва... А Це-це тут как тут: «Лесик, подожди, надо вымыть, надо приготовить...» Выхватила его у меня — и на кухню. Я опомниться не успел, как она тащит тарелочку. На ней — ломтики в сметане и с зеленым луком... Я сметану терпеть не могу! И нарезанный помидор — это... и не помидор вовсе... И мне же от мамы попало: зачем обижаешь тетю...

— А тетя что? — сочувственно спросила Гайка.

— Квохтать начала: «Ах, я не знала, что тебе не

понравится... Ах, это же некультурно — кушать целый помидор, без ножа и вилки...»

— Как старинная гувернантка, да?

— Вот именно...

— Лесь, но она... хотя бы не дерется?

— Что ты! Такая вся воспитанная... Один раз, правда, огрела меня по спине. Но это уж от полного отчаяния.

— Ой... А что случилось?

— Драма!.. Я клеил из ватмана трубу для телескопа. Эмульсией ПВА. Ну и накапал на пол. А Це-це стояла над душой и все учила меня, что клей надо мазать не пальцем, а кисточкой... И, пока стояла, присохла шлепанцами к полу. Я говорю: «Уважаемая тетя Цеца, да оставьте же вы меня, пожалуйста, в покое, не суйтесь под руку, когда человек делает точный астрономический прибор». Она обиделась и пошла. А тапки приклеились... Она схватилась за этажерку, та — набок. И с полки на пол — стеклянная шкатулка: дзынь, бах!.. Тетя Цеца, бедная, как зарыдает: «Это моя любимая вещь, со времен юности!» Я перепугался... А она оторвала тапку от половицы и меня между лопаток... Я говорю: «Вы же интеллигентная женщина...» Тут она сразу про это вспомнила, успокоилась. Осколки собрала в узелочек и спря-

тала в свой шкаф... Знаешь, Гайка, мне ее жалко стало. Но шкатулку-то все равно не вернешь... И, кроме того, польза получилась от этого случая...

— Какая?

— А кубик-то стеклянный, думаешь, откуда? Я их несколько под столом потом нашел. Тогда и сделал открытие о разных пространствах. Смотрел, смотрел и сделал... А один такой кубик приспособил для солнечного инкубатора.

— Для чего?

— Для инкубатора. В нем выводятся солнечные кузнечики.

— Лесь! Как это солнечные?

— Желтые. И очень умные. Почти как люди. Если хочешь, покажу. И... если хочешь, даже подарю одного. Когда вылупится.

— Ох, Лесь... правда? Я хочу!

— Вот и славно...

— Да... Но, наверно, уже домой пора. Хотя время и стоит, но все-таки...

— Ладно! Только я еще окунусь напоследок. — Лесь вскочил.

Гайка не удержалась, спросила хитровато:

— А если твоя тетя заметит... что плавки влажные?

— Ну и пусть! Я... знаешь, что скажу? — Лесь

замер в насмешливо-горделивой позе. — Скажу, что героически спасал утопающего... утопающую. Разве не правда?

Гайка покаянно засопела. Но когда Лесь шагнул к воде, робко крикнула вслед:

— А я?.. Можно тоже?

— Не боишься?

— Нет... если с тобой.

— Тогда пошли. Это полезно, чтобы страха перед морем не осталось... — Он вернулся и взял Гайку за руку...

С территории Заповедника они выбрались на Византийскую улицу, и там надо было расходиться: Гайка жила в новом районе, правее Французской слободки.

— А я в Шлюпочном проезде, дом восемь. Если хочешь, приходи, с Кузей познакомлю.

— Я... может быть... ладно.

— Наш дом легко найти, он на самой середине склона стоит... Раньше с него весь берег был виден, хорошо так...

— А сейчас разве не виден?

— Не весь... Смотри, вон там длинный серый дом. Он от меня Казачий мыс и маяк закрыл. Так обидно... Мне иногда маяк этот знаешь как нужен! Когда солнце за ним...

Гайка усердно кивала, сводила коротенькие темные брови. Темные кудряшки ее встряхивались. Она, видимо, хотела показать, что заботы Леся — и ее заботы.

Наконец они сказали друг другу «ну, пока» и разошлись.

Однако шагов через пять Лесь услышал:

— Ой, подожди! — и Гайка его догнала. — Я придумала! То есть подумала... Ведь в том доме могут быть квартиры с окнами насквозь...

— Как насквозь?

— Одни смотрят в твою сторону, другие на море. И тогда, если там открыть шторы и двери, ты увидишь маяк опять. Надо только высчитать, какая именно квартира на этой... на оптической оси...

Лесь постоял, наморщив лоб. Потом заулыбался. Конечно, шансов было немного, но все-таки надежда...

— Ты, Гайка, молодец... Я тебе обязательно подарю желтого кузнечика!

АШОТИК

В доме, который закрыл от Леся Казачий мыс, было девять этажей. С помощью телескопа и компаса Лесь точно высчитал, где там нужная квартира, нужное окно. Получилось — на четвер-

том этаже, пятое слева.

Оказавшись перед домом, Лесь посчитал еще и вычислил: второй подъезд, квартира тридцать три.

Он поднялся и позвонил. Без особой робости, но с сомнением: что за люди его встретят, поймут ли?.. Житель тридцать третьей квартиры открыл дверь без промедления.

Это был небольшой житель, года на два помладше

Леся. Круглый такой, даже толстоватый. В просторных вельветовых брюках, в красном пушистом свитере. Лесь замигал от удивления: увидеть при нынешней погоде мальчишку в таком наряде — это все равно, что... ну, скажем, встретить среди пальм белого медвежонка.

Лицо «медвежонка» тоже было круглое, а нос с горбинкой. Пока Лесь мигал, толстячок поднял на него бархатисто-коричневые, очень серьезные глаза и отчетливо сказал:

— Здравствуй, мальчик. Ты пришел по объявлению? Заходи, пожалуйста. — И он широко раскрыл дверь.

Лесь не успел удивиться снова, он услышал женский голос:

— Ашотик, дорогой, кто там пришел?

— Это мальчик, бабушка! Наверно, по объявлению!

Позади Ашотика возникла худая женщина. С носом, как у внука, с костлявыми руками, которыми она взмахнула обрадованно и широко.

— Заходи, пожалуйста, мальчик! Еще никто не приходил, ты первый!

Лесь шагнул через порог.

— Здравствуйте. Только я не по объявлению. Я...

— Значит, ты пришел поиграть с Ашотиком? Какой молодец! Пожалуйста, проходи! А то Ашотик все один и один. Я говорю: иди познакомься с мальчиками, погуляй с ними, а он все дома... Поиграйте, а я как раз пеку пирожки с вишнями... — И она стремительно скрылась.

Ашотик взял Леся за рукав, шепотом попросил:

— Пойдем.

Лесь пошел. За Ашотиком. Они оказались в комнате с большим ковром на стене. Нижний край ковра падал на широкую тахту и укрывал ее до пола. На тахте валялись плюшевые игрушки, вагончики электрической дороги и детали конструктора.

Ашотик аккуратно убрал с тахты мохнатого тигренка.

— Садись, пожалуйста... Тебя как зовут?

— Лесь...

— Лесь... — Он смотрел опять очень серьезно. — Это такое здешнее имя, да?

— Да, — чуть улыбнулся Лесь.

— А меня Ашот.

— Я уже понял, — кивнул Лесь. И подумал, что «Ашотик» подходит все-таки больше.

— А ты в самом деле пришел играть?

— Если хочешь, — неловко сказал Лесь.

— Давай наладим железную дорогу! — Ашотик начал умело раскладывать на паркете игрушечные рельсы. Лесь неуверенно сел рядом с ним на корточки, стал помогать. Они перепутались руками, и Ашотик вдруг взглянул грустно и понятливо:

— Нет, ты не играть пришел. Ты по делу, да?

Лесь не решился признаться сразу. Сказал уклончиво:

— Послушай, а что за объявление, про которое ты говорил?

Ашотик вскочил.

— Это вот! Такое... — Схватил со стола, протянул бумажку. На машинке, под копирку, было напечатано:

«Отдаются в хорошие руки котята. Месячного

возраста, серые, пушистые. Бесплатно. Пожалуйста, приходите по адресу: улица Казачья, дом 1, квартира 33. В любое время».

— Я сейчас! — Ашотик выбежал из комнаты и тут же вернулся, удерживая в охапке четырех котят. И правда пушистых, серо-полосатых, дергающих лапами и хвостами. Следом торопливо пришла худая кошка, тоже серая. Сразу видно, мама.

Ашотик выпустил котят перед Лесем. Двое тут же сцепились в дурашливой борьбе, один заскакал вокруг матери, а четвертого Лесь успел ухватить. Тот куснул его за палец, а потом разнеженно заурчал — когда Лесь посадил его на грудь и стал чесать за ухом.

— Какой хороший, — заулыбался Лесь.

— Тебе нравится? Бери, пожалуйста!

— Некуда, — Лесь вздохнул. — У нас уже есть кот. Пожилой. Его зовут Шкипер. Раньше он с дядей Симой на яхте ходил.

Ашотик опять вскинул коричневые глаза.

— А дядя Сима — это кто?

Лесь запнулся лишь на секунду.

— Это... мамин муж. Как отец мне, хотя и не родной. Он хороший... И Шкипер хороший. Даже морские команды понимает.

Ашотик задумчиво кивнул. Лесь протянул ему урчащего котенка. Ашотик взял, свел темные брови, сказал вполголоса:

— Может быть, и хорошо, что никто за ними не приходит. Пусть еще побудут с мамой. А то ведь грустно расставаться...

— Да, — согласился Лесь. И ощутил какое-то беспокойство.

Ашотик спросил:

— Скажи, пожалуйста, ты по важному делу пришел?

— Да... — выдохнул Лесь. Ашотик был, конечно, невелик, но серьезность его давала надежду на понимание. К тому же и сам Лесь был не больше, когда начал делать свои открытия.

Ашотик вежливо и выжидательно молчал.

— Послушай, у вас в квартире есть окна в сторону моря?

— Конечно, есть! На кухне есть, где бабушка. Пойдем, пожалуйста, я покажу.

Лесь немного стеснялся бабушки, но Ашотик за руку решительно повел его на кухню. Дверь ее оказалась точно против двери в комнату Ашотика, и это была великая удача. А то ведь могло случиться, что кухонное окно не просматривалось бы из комнаты, и тогда какой от него

прок. Но сейчас Лесь, оглянувшись, увидел через две распахнутые двери и оконные стекла склон холма и белые домики Французской слободки, а впереди в раскрытом окошке кухни — Казачий мыс и решетчатую башенку с зелеными искрами на маячном фонаре. И широкую синеву, на которой, как белые ростки, проклевывались яхтенные паруса...

— Ах, пришли уже! — Бабушка Ашотика опять взмахнула костлявыми руками. — Скоро будут пирожки, поиграйте еще немного. — Она суетилась у плиты, от которой несло вкусным жаром.

— Бабушка, мальчика зовут Лесь, — сообщил Ашотик.

— Ай как хорошо! Спасибо тебе, Лесь!

Лесь не понял, за что спасибо, и за свитер потянул Ашотика назад. Бабушка окликнула:

— Лесь, дорогой, подожди, пожалуйста... А ты, Ашотик, иди, мальчик сейчас придет.

Лесь задержался — с новой непонятной тревогой.

— Лесь, ты хороший мальчик, — жарко зашептала бабушка. — Играй с Ашотиком. Только не спрашивай его про маму и папу, а то он опять начнет плакать...

Лесь насупился и быстро кивнул, догадавшись

о беде, живущей в этом доме.

— Мама погибла в землетрясении, когда Ашотик маленький был. Папу убили весной, когда он ушел добровольцем на границу. В Ереване у Ашотика осталась только старшая сестра, мы забрали его сюда. Я здесь давно живу, я даже не родная его бабушка, а двоюродная, но мы его очень любим. Только он все время невеселый. Другие дети забывают горе, а он такой мальчик... ну, просто обо всем помнящий мальчик...

Лесь опять кивнул — со смущением незваного гостя, оказавшегося в доме, где большая печаль. Но бабушка, глянув на дверь, заговорила снова:

— Хорошо, что пришел. И еще приходи. Может быть,. Ашотик станет веселее. Не бросай его... Ну, иди, играй...

В комнате Ашотик глянул пристально:

— О чем бабушка тебя спрашивала?

— Сколько мне лет, — нашелся Лесь. — В каком классе учусь и где живу... А живу я вон там! Смотри!

Французская слободка отсюда, из окна, смотрелась, как декорация к спектаклю «Приморская сказка» в местном Театре юного зрителя.

— Видишь, посреди склона два больших тополя?.. Не там, а правее, недалеко от лестницы. А

рядом с левым тополем — мой дом. Ну, такой, с пристройками и выступами...

— Вижу... А скажи, пожалуйста, зачем тебе наше окно?

— Вот я и объясняю! Раньше из моего дома был виден берег и маяк. И мне... понимаешь, для меня это было очень важно. А теперь ваш дом заслоняет и бухту, и мыс...

Ашотик сказал по-взрослому:

— Это досадно. Только тут уж ничего не поделаешь.

— Поделаешь! Если ты поможешь.

Он был умница, Ашотик. Догадался с полуслова!

— Знаю! Надо открывать почаще двери и окна!

— Часто можно и не открывать! Но один раз надо обязательно! Двадцать первого сентября, когда закат. Это день осеннего равноденствия. Солнце тогда заходит точно на западе. Из моего окна это знаешь как было видно! Будто оно прячется за горизонт и за фонарь маяка. Я каждый год на это смотрю...

— Я понимаю. Такая примета, да?

— Ну... в общем, да, примета. — Лесю нечего было скрывать от Ашотика. — Я в этот день должен попрощаться с летним солнцем и загадать,

чтобы новое лето пришло скорее... Но это не только примета. У солнечной энергии есть всякие свойства, про которые еще никто не знает. Я их разведываю... И поэтому мне очень важно видеть заход, когда равноденствие. Это, между прочим, как раз мой день рождения...

— Как удачно, — заметил Ашотик.

— Да, но не только во мне дело. В нынешнем году это важно и для Кузи. Если не попрощается с летним солнцем, то может зимой заболеть и помереть от тоски. А нести его во время заката на берег я боюсь, он такой домосед...

— А он кто, этот Кузя? — слегка удивился Ашотик.

— Ой, я не объяснил! Это желтый кузнечик. Солнечный. Я его вывел в специальном инкубаторе.

— Ты умеешь выводить кузнечиков?! — У Ашотика в глазах впервые заискрился живой интерес. — Расскажи, пожалуйста.

Лесь разговаривал с Ашотиком свободно, даже слегка небрежно, однако внутри у него сидела виноватость. Потому что с ним, с Лесем, никаких несчастий в жизни не случалось, а этим мальчишкой — столько всего! Лесю казалось даже, что в этой яркой комнате, несмотря на свет и разноцветность, в воздухе растворен зеленоватый

сумрак. Признак неуходящей печали.

И теперь, когда у Ашотика загорелись глаза, Лесь обрадовался: значит, можно его чем-то увлечь! Или даже развеселить!

— Давай расскажу! Это просто приключенческая история. — Он сел, притянул и усадил рядом Ашотика. — Ты читал такой рассказ: «Как я ловил человечков»?

— Конечно, читал! Про мальчика и про бабушку, у которой был на полке пароходик. И мальчик думал, что в этом пароходике живут человечки... — Он вдруг улыбнулся, впервые за всю встречу. — Но у моей здешней бабушки пароходика нет...

— А у нас дома есть. У дяди Симы. Только не пароходик, а модель парусного корабля. Дядя Сима ее очень любит. Но человечки там, конечно, не водятся... И вот один раз я решил сделать ему к именинам подарок.

— Маленьких матросиков? — засмеялся Ашотик.

— Нет, гномиков. Корабельных... Дядя Сима рассказывал, что раньше в трюмах водились гномы. Специальные, морские. А может, и сейчас кое-где водятся. Но они довольно крупные, с тебя ростом или даже с меня... А я решил сделать совсем крошечных, для модели...

— Из пластилина?

— Что ты! Живых... У дяди Симы есть сестра. Тетя Цеца. Такое вот имя у нее... И на ее столике много всяких старинных штучек. И есть там фарфоровый гномик, он как

будто только что вылупился из яйца, еще не совсем даже вылез из него. Ну я и понял, что настоящие гномы тоже выводятся из яиц...

— И тебе пришлось собирать птичьи яйца! — подскочил догадливый Ашотик. Он шумно дышал рядом, и от него было тепло, как от чайника, укутанного мохнатой кофтой.

— Нет, — сказал Лесь, гордясь изобретением. — Я купил шарики для настольного тенниса. Они ведь похожи на куриные яйца, только поменьше и совсем круглые. Ну, я и подумал: пусть гномы будут толстячками... — Лесь вдруг опасливо замолчал: не увидит ли здесь Ашотик намека на себя? Но Ашотик сказал про другое, деловито и со знанием вопроса:

— Но ведь в шарике нет зародыша.

— Для гномов и не надо, они же сказочные! Я просто долго-долго смотрел на шарик и представлял гномика там, внутри.

— Значит, все равно был зародыш, только мысленный.

— Ты, Ашотик, все понимаешь! Да!.. Потом я положил шарик в солнечный инкубатор, я это устройство сам сконструировал.

— И вывелся гномик?

— Нет, — вздохнул Лесь. — Вылупился желтый кузнечик. Я же говорил...

— Но это же все равно замечательно!

— Да, неплохо... Тем более что он очень понятливый... Сперва я хотел сразу отнести его в траву, чтобы жил вольной жизнью, но жаль было расставаться. И мы привыкли друг к другу. Теперь он живет у меня, как домашний сверчок.

— С кормежкой, наверно, хлопоты...

— Никаких! Он же от света заряжается. Распустит крылышки, посидит на солнышке или под лампой — и сытый.

— Как замечательно, — опять сказал Ашотик. Верил он безоговорочно. — И это хорошо, что ты не отпустил его. Он ведь желтый, заметный в траве, птицы могли склевать.

— Пусть бы сунулись! У него электрическая защита! Дядя Шкип, кот наш, однажды подкрался, чтобы принюхаться, и такую искру в нос получил! Теперь он Кузю за пять шагов обходит.

Ашотик засмеялся громко, заливисто. Даже ногами взбрыкнул.

— Кузя — это его так зовут?

— Да. А потом вывелся Витька. Его я сразу в траву отпустил. Он теперь верховодит среди зеленых кузнечиков...

. — А зимой Витька не замерзнет?

— Он же с электричеством! И себя, и других согреет.

— Лесь, можно посмотреть на кузнечиков? — сказал Ашотик тихо, уже без смеха.

— Витьку днем не сыщешь, он лишь утром на месте, когда я в школу иду. А с Кузей повидаться — это хоть сейчас.

— Бабушка! — Ашотик подскочил к двери. — Мы идем к Лесю смотреть желтого кузнечика!

— Ай, что такое! Какого кузнечика? Хорошо, пусть кузнечик, но сначала пирожки! Ашотик, мальчика надо угостить...

Лесь было заотнекивался, но тут же понял: проще сжевать пару пирожков, чем спорить с бабушкой Ашотика. Впрочем, пирожки были — объеденье. Ашотик нетерпеливо переступал у кухонного порога. Бабушка и радовалась, что он повеселел, и тревожилась:

— Лесь, а это далеко? Это надолго?

— Недалеко и ненадолго, — снисходительно разъяснил Лесь. — И вы не бойтесь, я провожу

Ашотика обратно. — А потом добавил шепотом, ей одной: — Это ему полезно. Кузнечик солнечный, от него всегда у людей радость прибавляется.

Константин Васильевич Носов, дедушка Леся, умер, когда внуку было пять лет. Лесь хорошо помнил деда. И многие помнили. Константин Васильевич работал в какой-то конторе на канцелярской должности, но главное дело у него было не это. Дед изучал историю города и всего здешнего края. Написал об этом несколько книжек и собрал множество всяких исторических экспонатов. Его знали во всех музеях.

Кроме того, дед был мастер на все руки. Давным-давно, еще когда мама Леся была девочкой, дед на приморской свалке отыскал большущий часовой механизм. И сразу понял — он от тех часов, что до войны были на левой башне Корабельной библиотеки. Во время войны здание разрушилось, и его потом восстановили не полностью, без башен. А механизм, в котором главная шестеренка была размером с таз для варенья, каким-то образом оказался среди хлама на берегу Угольной бухты.

Дед всю эту механику раскопал, по частям вывез к себе в сарай и восстановил. И не раз обращался ко всякому начальству: давайте построим опять башню у библиотеки (хотя бы одну) и уста-

новим там часы. Тем более что в довоенные годы часы были знамениты, назывались «Морские круглосуточные». Их циферблат был разделен не на двенадцать частей, а на двадцать четыре, и часовая стрелка обходила круг один раз в сутки.

Начальство говорило: «Да-да, конечно, замечательная идея», но предпочитало строить не башню, а дачи на берегу Садовой бухты. Механизм же — без циферблата и стрелок — грустно тикал в сарае. И остановился после смерти деда.

И стоял, пока не появился в доме дядя Сима. Дядя Сима тоже был мастер на все руки. Он опять отладил часовой двигатель. И не просто ради интереса, а для дела. Для инкубатора, который Лесь построил из прожекторного отражателя и всяких других деталей.

Перед отражателем Лесь на проволочных дугах укрепил оптический прибор своей конструкции. Называется «луче-пропускатель». Он был смонтирован из нескольких линз, прозрачного кубика и черного мячика с двумя дырками. Через стекла, кубик и отверстия в мячике луч — горячий и яркий — падал на «родильную камеру», сделанную из жестяной коробки. Чтобы отражатель был всегда повернут к солнцу и собирал его лучи, часовая машина главной своей осью вращала его

над крышей сарая. Безошибочно вращала. Только приходилось каждый день слегка менять угол наклона: известно ведь, что в один и тот же час, но в разные дни солнце стоит над горизонтом не на одинаковой высоте.

...Всю эту систему Лесь показал Ашотику (под жалобные уговоры Це-це, чтобы мальчики были осторожнее и не упали с крыши). Даже приоткрыл «родильную камеру», где лежал пластмассовый шарик.

— Лесь, когда из него вылупится кузнечик?

— Через неделю.

— А живого Кузю ты мне покажешь?

Кузя жил в старой сандалии, прибитой к стене над кроватью. Он выскочил навстречу ребятам. Приземлился на столе.

— Кузя, поздоровайся с Ашотиком.

Кузя прыгнул и застрекотал.

Это был крупный кузнечик лимонного цвета. Солнечная искра горела на его головке. В черных глазках — тоже солнечные искры. А еще — на суставах длинных задних ножек, которые торчали над туловищем острыми углами. Большущие, длиннее самого Кузи, усы уходили назад плавными изгибами — как оленьи рога, только без отростков.

— Кузя, сделай для Ашотика сальто-мортале.

Кузя подскочил опять, кувыркнулся в воздухе.

— Какой умный, — прошептал Ашотик.

— Кузя, Ашотик тебя похвалил. Скажи спасибо.

Кузя стрекотнул, отставив одну лапку.

— Совершенно все понимает! — восхитился Ашотик.

— Он еще и не такое может!.. Сейчас... — Лесь раскидал по столу картонные квадратики с буквами и цифрами. — Эй, кузнец-молодец, мы забыли, как тебя зовут.

Кузя застрекотал обидчиво: как это могли забыть? Прыгнул на букву «К», потом на «У», «З» и «Я».

— А что ты будешь делать, если к тебе сунется дядя Шкип?

Кузя замер, и между кончиками его усов проскочила синяя трескучая искра.

— Ай, — подпрыгнул Ашотик.

— Не бойся.

— Я не боюсь, я нечаянно айкнул... — Глаза у Ашотика сияли.

— Он никогда никого первый не обижает. Хочешь, позови его на ладошку.

— Кузя, иди, пожалуйста... — Ашотик протянул ладонь.

Кузя охотно прыгнул к нему. Ашотик засмеялся, погладил желтые надкрылья.

— А что он еще умеет?

— Кузя, сколько будет к пяти прибавить два?

Кузя развернул надкрылья, выпустил из-под них прозрачные крылышки, взмыл под потолок, повисел там, трепеща и стрекоча. И упал на картонку с цифрой «7».

— Как в цирке! — опять восхитился Ашотик.

— Я и хочу устроить цирк, когда их побольше разведется... Но они медленно выводятся. Три недели на каждого. И только летом, не позднее осеннего равноденствия.

— Это тот день, когда я должен открыть двери и окна?

— Да!.. Ашотик, ты не забудешь?

Ашотик потемнел коричневыми глазами и сказал твердо:

— Я никогда не забываю про важные дела. Я сегодня же запишу на календаре, а двадцать первого все сделаю как надо... Если, конечно, буду жив.

— А чего тебе не жить! — испугался Лесь.

— Ну, это я так, на всякий случай... Лесь, а если в тот вечер будут тучи?

— Не будут... Ни разу еще такого не случалось!

— Это хорошо, — почему-то вздохнул Ашотик. И вдруг засмеялся опять: — Смотри, Кузя чего-то ждет!

Кузя на краю стола поблескивал внимательными глазками: не дадут ли еще какое-нибудь задание?

— Головку наклонил, будто прислушивается...

— Это он делает вид. На самом деле у него уши на коленках передних ног.

— Почему?! — изумился Ашотик.

— Так у всех кузнечиков. Я в «Жизни животных» читал.

Ашотик поразглядывал Кузю.

— Лесь, я знаешь, что подумал? Вот если бы у нас, как у кузнечиков, уши были на коленках. Забавно, да?

Лесь тут же представил себя с ушами на коленках — почему-то красными и мясистыми. Ничуть не забавно. Вот издевался бы Вязников!.. Лесь посмеялся, чтобы поддержать в Ашотике веселое настроение, но потом не удержался:

— Тебе тут же натерло бы уши штанами... Неужели тебе не жарко в таком костюме? Свариться можно...

— Это из-за котят. Они прыгают на колени, царапаются, — виновато объяснил Ашотик.

— А свитер-то?

— Ну... мне правда почему-то все время зябко, Лесь... — Ашотик сильно поскучнел. И Лесь пожалел, что завел этот разговор. Он понял, в чем дело. Вернее, почувствовал: зябкость у Ашотика от ощущения беззащитности. Свитер — как плотная оболочка, в которой Ашотик хочет укрыться от бед и жестокостей, о которых помнит и которых боится. Потому, что не доверяет этой жизни. И солнцу не доверяет, и лету. И людям... Ему, Лесю, Ашотик доверился, а он — с дурацким вопросом...

— Ты не обижайся...

— Что ты, я ни капельки... А можно еще посмотреть часовой механизм?

Они опять оказались в полутьме сарая. Вдвоем крутнули медную рукоять — подзавели пружину. Ашотик сел на корточки и стал смотреть, как у пола ходят туда-сюда метровые полукольца горизонтального маятника: щелк-дзынь, щелк-дзынь...

И вдруг спина у Ашотика вздрогнула.

Лесь — будто подломился — стремительно сел рядом.

— Ашотик, ты что?

У того на вельветовое колено упала капля.

— У тебя... болит что-то?

— Нет, ничего... — Ашотик всхлипнул. — У меня бывает такое... Не сердись, пожалуйста.

— При чем тут «не сердись»! Я... просто не знаю, что делать...

— Ничего не надо делать. Сейчас пройдет... Это как-то само собой случается. Даже на уроках. Меня сразу отпускают из класса.

Лесь потерянно молчал.

Ашотик мохнатым рукавом вытер глаза. Прошептал:

— Можно, я теперь пойду домой?

— Как хочешь. Только я еще телескоп тебе не показал...

— Потом. Если разрешишь, я еще приду...

Це-це на дворе развешивала белье.

— Лесь, миленький! Ты все гуляешь, а уроки сделать ты успеешь? Вам много задали на завтра?

— О, Господи! Завтра воскресенье!

— Ну, не сердись, не сердись. Я же только спросила...

— Я провожу Ашотика.

Вышли за калитку, спустились на тротуар. Ашотик был притихший, виноватый. Чтобы как-то его встряхнуть, Лесь спросил:

— Кузя тебе понравился?

Ашотик расцвел на ходу. Сразу.

— Очень понравился!

И тогда Лесь решительно пообещал:

— Я подарю тебе такого же. Который скоро вылупится.

Нет, он не забыл про Гайку, но отпустить Ашотика без всякого утешения... Ну, никак нельзя.

Ашотик остановился. В глазах — недоверчивое счастье:

— Не может быть...

— Отчего же не может? Подарю. И ты научишь его всяким фокусам. И чтению, и математике...

— Обязательно! — Ашотик даже запританцовывал. И вдруг потянул через голову свитер. — И правда, Лесь, жара какая...

ОРКЕСТР В ГОРОДЕ, КОТОРЫЙ СНИТСЯ

Проводив Ашотика, Лесь вернулся домой и забрался на пологую крышу пристройки. Волнистые плитки оранжевой черепицы были теплыми от солнца и пахли, как печные кирпичи. На крыше стояла похожая на скворечню будочка из досок. В ней Лесь хранил кое-какое имущество.

Лесь приспособил к двухметровой рейке ма-

ленький блок, пропустил через него веревку. Прибил рейку к стене будки — получилась мачта. На нее Лесь поднял желтый с черным кругом флаг. С моря потянул ветерок, флаг шевельнулся, хлопнул.

Звякнула калитка, сипло тявкнул Пират. Лесь глянул вниз. В калитке стояла Гайка с большущей книгой под мышкой. Пирата Гайка не боялась, тем более что он уже махал хвостом. Гайка смотрела вверх на Леся. Чуточку виновато.

— Я... вот... нашла тот самый словарь. Где про гульку.

— Забирайся сюда, — велел Лесь. Он не удивился, что Гайка пришла. Она обрадованно полезла по приставной лестнице. Лесь потянулся навстречу, ухватил пудовый том.

— Как ты его дотащила?

— Да не так уж трудно... Трудно было ваш Шлюпочный проезд найти. Здесь все такое запутанное.

— Это с непривычки, — снисходительно сказал Лесь.

— Ага... — выдохнула Гайка.

Она теперь была не в школьном платьице, а в краснобелом клетчатом сарафанчике, и Лесь подумал, что в этом наряде Гайка еще симпатичнее.

Впрочем, подумал мельком. Больше самой Гайки его интересовал словарь.

— Где тут про гульку?

— Сейчас... Это будто специально про тебя, я же говорила... — торопливо улыбалась Гайка. — Вот... — Она развернула книгу, где была сделана закладка. — Смотри.

Лесь прочитал:

«Гулькин... С гулькин нос — очень мало, ничтожное количество (от ласкового названия голубя — «гуля», «гулька»)».

— «Ничтожное количество»... — обиженно хмыкнул он.

— Но ведь не прыщ и не шишка! Это же с голубем связано, а голубь — он красивый... ой! — Она засмеялась. Лесь тоже, потому что получилось как по заказу — хлопая крыльями, сел на рейку с флагом голубь — сизый житель окрестных пустырей. Поворковал, глянул на Леся и Гайку по-хорошему и улетел...

Они поболтали немного о том о сем, а потом Лесь показал Гайке инкубатор. После этого повел ее в дом и познакомил с Кузей. Кузя добросовестно продемонстрировал свои таланты. И наконец дружески прыгнул Гайке на плечо. Она вздрогнула.

— Не бойся, — сказал Лесь, — не кусается.

— А если током щелкнет?

— Хорошего человека не щелкнет!

— Разве он знает, кто хороший, а кто нет?

— Чувствует... Ты ведь не хочешь ему вреда?

— Нет... Только он лапками щекочет. Когда у меня будет свой, я привыкну.

Тут Лесь погрустнел и озаботился. А Кузя прыгнул с Гайкиного плеча в сандалию на стене. Гайка похвалила:

— Какой уютный дом ты ему придумал.

— Я не придумывал, это он сам выбрал. А сандалета была еще раньше прибита, год назад.

— Зачем?!

— Ну... такой у меня обычай. Как лето кончается, я изношенную сандалию прибиваю над кроватью. Двадцать первого сентября. Это осеннее равноденствие и мой день рождения...

-- Ой, а я тоже в сентябре родилась, только раньше, четырнадцатого!.. Лесь, кузнечик выведется к четырнадцатому?

— Нет, наверно, не успеет, — бормотнул Лесь.

— Ну, ничего. А насчет сандалии ты здорово придумал. Лето будто прилипло к стенке.

Лесь повеселел:

— У меня про нее даже стихи сложились:

Мне вот эта
Сандалета
Помогает
Помнить лето...

— Молодец какой! — восхитилась Гайка. — Ты часто стихи сочиняешь?

— Никогда в жизни! Это один раз, случайно.

— Все равно молодец... А почему это Кузя спрятался?

— Застеснялся... Гайка, пойдем на крышу, там ветерок.

Флаг по-прежнему полоскался на ветерке.

— Лесь, ты зачем его поднял? Для красоты?

Лесь пошевелил на босой ноге пальцем с желтой ниткой.

— Нет. Не для красоты...

Гайка проговорила неуверенно:

— Получается, что ваш дом как корабль, который все время меняет курс влево.

— Дело не в этом, — рассеянно отозвался Лесь.

— А в чем?

Лесь смотрел на крышу сарая, где сиял никелированным ободом отражатель. Гайку все больше тревожило его молчание.

— Ты... почему ничего не говоришь?

Тогда Лесь ответил насупленно и решительно:

— Я тебя обидеть боюсь, а сделать ничего нельзя.

— Что... нельзя? — по-настоящему перепугалась Гайка.

— Я тебе обещал желтого кузнечика. А это не получится. До равноденствия успеет вывестись всего один, и я должен отдать его... другому человеку.

— Какому человеку? — прошептала Гайка.

— Одному мальчишке... Так получилось...

— Ну-ка расскажи, — потребовала Гайка и сама удивилась своему решительному тону.

Лесь послушался. Рассказал про Ашотика.

— Сама видишь, Гайка, ему кузнечик нужнее.

Гайка притихла, сидела печальная.

— Обиделась, — вздохнул Лесь. Печально, однако без мысли изменить решение.

— Ничуть, — искренне сказала Гайка. — То есть я обиделась, только не на это.

— А на что?

— Ну... на то, что ты подумал... будто я могу обидеться. А я же понимаю.

— Хорошо, что понимаешь...

— А ты... вообще глупый, — чуть слышно выговорила Гайка.

— Отчего же?

— Оттого... — Гайка заскоблила черепицу краем босоножки. — Дело разве в кузнечике?

— А в чем? — И у Леся затеплели уши. Он прочитал ответ в ее ускользнувшем взгляде: «В тебе дело. Лишь бы ты не расхотел со мной дружить».

— Весной и летом я тебе выведу хоть целый табун, — неуверенно пообещал он. — Когда солнце опять наберет силу.

Это было неразумно: ведь Гайка сию минуту сказала, что дело не в кузнечике. Сообразив про такую несуразность, Лесь смутился еще больше. Но тут же — по своей привычке высказываться бесхитростно — спросил:

— Ты, наверно, боишься, что если я решил отдать кузнечика другому, то, значит, мне на тебя наплевать, да?

Гайка снова кинула в него боязливый взгляд: «А тебе... не наплевать?»

Лесь объяснил серьезно, весомо так:

— Мы же договорились на берегу, что теперь как родственники.

Гайка повела облупленным плечом.

— Ну и что... родственники. Они ведь не друзья, они всякие бывают. Например... как твоя тетя Цеце... — И выдохнула со смесью ужаса и храбрости:

— Нет уж, я так не хочу...

— Так и не будет. Она — просто тетя, а я тебе... ну, почти что родитель. Разве забыла?

— Родители у меня давно есть, — уже без стеснения, просто с грустью сообщила Гайка. — А вот друга... ну, такого, самого-самого... никогда не было. Ни среди девчонок, ни среди мальчишек.

Лесь не отвечал, глядя с крыши в дальние дали, на морской горизонт. Но Гайка теперь чувствовала, что он не отгораживается от нее. Он прислушивается — и к ней, и к себе. И совсем перестала бояться своей откровенности.

— А у тебя... такой друг есть?

Лесь мотнул головой — так, что белые волосы разлетелись над ушами.

— «Самого-самого» нету... Я его только во сне видел.

— Расскажешь? — шепотом спросила Гайка. Она сидела на черепице в сторонке от Леся, а теперь придвинулась вплотную.

Было солнечно и спокойно, морской ветерок дружески обвевал Леся, и Гайка была славная, и все вокруг было хорошо. И Лесь подумал, что отчего бы и не рассказать про э т о?

— Это такой сон... Я его видел много раз. Он — про город. Город этот похож на наш, только... ну,

не совсем похож. В нем полно загадок, закоулков и всякого такого... А на площадях растут среди камней большие синие цветы... А кое-где вместо улиц каналы, и туда с моря заходят теплоходы, и часто даже не поймешь, где дома, а где корабельные рубки... А народу немного, поэтому в городе всегда спокойно...

Гайка сдержанно дышала у его плеча. Лесь продолжал:

— Мне всегда снится сперва утро. Тихое, раннее. И вдруг раздается музыка. Переливчатая... Знаешь, есть такой инструмент — флейта?

Гайка кивнула.

— Она хорошо так играет, — шепотом рассказывал Лесь. — Музыка эта — старинный марш. Не парадный, а такой... ну, немного печальный. В маршах есть средняя часть, она не боевая, а... словно передышка для отдыха.

— Я знаю. Кажется, это называется «анданте модерато». Мы учили в музыкальной школе, только точно я не помню...

— Хорошее название! — обрадовался Лесь. — Неважно, что не помнишь точно, пусть будет «анданте модерато». Правильно я сказал? Ну, вот... Значит, раздается такая музыка, а потом появляется мальчик. Это он играет на флейте.

Идет по лестнице, по улице. А из калиток и переулков к нему сбегаются ребята: кто с трубой, кто с контрабасом, кто с барабаном. И наконец получается целый оркестр. И марш теперь уже веселый. Утренний марш. И они шагают с ним через весь город.

— Куда? — прошептала Гайка.

— Не знаю... Просто такой обычай. Они будят город. И люди смотрят на них из окон и с тротуаров, и всем хорошо...

— Понимаю, — выдохнула Гайка. Словно видела этот город и маленький оркестр с блестящими трубами...

— А потом вечер. И оркестр возвращается. Марш все тот же, но теперь он звучит... ну, так, по-вечернему... И вот музыканты один за другим уходят в свои калитки. И музыка все тише, тише. И наконец мальчик с флейтой остается один. И вот играет ту музыку... «анданте модерато» и шагает, шагает по одной улице, по другой. По лестницам. В ту сторону, где заходит солнце. Немного печальный такой, но неутомимый.

Лесь замолчал, и Гайка шепотом спросила:

— А что дальше?

— Ну вот... это такой мальчик... Я не могу объяснить, какой он. Это же во сне. Но если бы мы

встретились, это был бы тот самый-самый друг...

Они молчали довольно долго. Гайка наконец вспомнила:

— А в той музыкальной школе, где я училась, была целая группа флейтистов. И... девочки тоже играли...

Лесь не ответил.

— Думаешь... девочки играют хуже?

— Да ничего я не думаю, — терпеливо отозвался Лесь. — Как видел во сне, так и рассказал... Ты, Гайка, никому про мой сон не говори, ладно? Я тебе одной эту тайну... поведал.

Такое признание утешило Гайку. Ведь тайны доверяют лишь настоящим друзьям!

— Лесь, это твоя самая главная тайна, да?

— Нет. Не самая главная... — И Лесь опять сделался задумчиво-отрешенным. Было ясно, что в главную тайну посвящать Гайку он не намерен. И она чуть отодвинулась.

— Я, конечно... такая назойливая. Лезу с расспросами...

Лесь глянул удивленно:

— Разве ты лезешь? По-моему, ни чуточки... — И он зашевелил пальцем с желтой ниткой. Гайка, приободрившись, подъехала с другой стороны. С хитринкой:

— А! Я, кажется, знаю. Твоя главная тайна связана с желтой ниткой! И с флагом!

Лесь глянул прямо и ясно. От такой ясности Гайка съежилась больше, чем от ехидства. Поняла: Лесь видит ее насквозь.

— Ладно, — кивнул он. — Я расскажу тебе и эту тайну. Может быть, ты мне поможешь все выполнить...

— Конечно, помогу! — возликовала Гайка.

— Ты только про это дело молчи крепко. Чтобы не сглазили.

— Я клянусь, — обмирая, сказала Гайка.

— В общем-то я теперь уверен в успехе, раз нашел флаг. По-моему, это знак судьбы.

— Да? Не «Курс влево», а «Знак судьбы»?

— Я это просто так выразился. А вообще это знак солнечного затмения.

Гайка удивленно округлила рот. Лесь объяснил:

— Смотри, на флаге — будто небо, желтое от солнечного света, а само солнце закрыто черным кругом. Луной! Так выглядит полное затмение. Похоже?

— Да... — Было и правда похоже. А кроме того, Гайка готова была соглашаться с Лесем во всем.

Лесь довольно улыбнулся. Гайка спросила ше-

потом:

— А зачем оно тебе... солнечное затмение?

— Сейчас... Но ты приготовься слушать терпеливо.

ДЫРЧАТАЯ ЛУНА

Лесь на четвереньках подобрался к будочке, скрылся за дощатой дверцей и скоро появился с темным и ржавым шаром в руках. Размером с очень крупное яблоко. Сел по-турецки, перекинул шар из ладони в ладонь.

— Как по-твоему, что это?

Гайка недогадливо молчала.

— Это пушечное ядро!

Гайка не хотела спорить, но все же сказала:

— Ядро ты еле-еле поднял бы, а этот шар кидаешь. Видно же, что он пустой.

— Потому-то это не настоящее ядро, а де-ко-ра-тив-ное... Знаешь, у штаба флота старинные пушки стоят? А перед ними ядра горками сложены. Все думают, что они настоящие, а они специально для украшения сделанные... Памятники ведь всегда пустые делают, чтобы зря металл не тратить, а эти ядра тоже вроде памятника... Стенки совсем тонкие. Видишь, навылет пробило...

Лесь катнул ядро Гайке по черепичному желобку. Она поймала. В черном нетяжелом шаре были два отверстия. Одно — с краями внутрь, другое — с рваными, торчащими наружу зубчиками.

Гайка почему-то испугалась:

— Чем это пробило?

— Пулей, конечно... Помнишь, прошлой весной была там пальба? Ну, когда вместо одного штаба сделалось два и заспорили, чья охрана должна у ворот стоять...

Гайка зябко повела плечами.

— Папа говорил: совсем голову потеряли от своей дурацкой политики... Там одного мичмана ранили, да?

— Да. Но не сильно... Патруль схватился за автоматы, и одна пуля — в это ядро. А оно к другим только чуть-чуть было приварено, вот и отлетело в траву... Мы с ребятами на другой день приходили следы от пуль на камнях смотреть, я его тогда и нашел... Стасик Мельченко хотел его у меня на старый газовый баллончик выменять, но я не стал... Я, может быть, потом Стаське его и так отдам, а пока оно мне нужно.

— Зачем, Лесь?

— Думаешь, на память о стрельбе? Вовсе нет! Просто это ядро у меня — как модель дырчатой

Луны.

— Дырявой Луны?

— Дырявыми кастрюли бывают, — веско сообщил Лесь. — А Луна — д ы р ч а т а я. Пробитая метеоритами насквозь. — И замолчал, ушел в свои мысли.

Гайка с минуту тоже сидела тихо. Трогала теплое ядро. При чем тут этот шар, дыры в Луне, затмение?

— По-твоему выходит, что Луна — пустая?

Лесь встряхнулся:

— У какого-то ученого есть такая мысль. Называется — гипотеза. Он считает, что Луна — спутник искусственного происхождения и что она пустотелая. И я тоже так считаю...

— Почему?

— Ну... потому что мне это подходит... А раз она пустая, метеориты могут пробить ее корку насквозь, верно? Возможно, некоторые маленькие кратеры на Луне совсем без дна, только астрономы не обратили на это внимания... Может так быть?

Гайка торопливо кивнула. Лесь, довольный ее согласием, подобрался ближе, взял шар, покрутил.

— Ну вот. Значит, может и так случиться, что

солнечный луч проткнет Луну насквозь. В один кратер влетит, в другой вылетит. — Он поднял шар к лицу, глянул на солнце через два отверстия, зажмурился от горячей вспышки. Дал глянуть Гайке. Она тоже зажмурилась и ойкнула. И засмеялась — с готовностью радоваться всему, что радует Леся. А Лесь объяснял дальше:

— Я вот ни настолечко не сомневаюсь, что такое случается. Только увидеть это можно лишь в очень редких случаях...

— При затмении? — обрадованно догадалась Гайка.

— Да! При полном затмении, когда Луна точно между

Солнцем и нашими глазами. Если два кратера совместятся на одной линии, луч проскочит Луну навылет. И мы увидим в телескопе... ну, будто искру на черном диске. Как вон там! — Лесь кивком показал на флаг. В черном круге мелькала крошечная дырка.

— Почему же ученые ничего такого не замечали?

— Может быть, и замечали, но не обратили внимания, — быстро откликнулся Лесь. Было ясно, что он немало думал об этом. — Или решили, что видят просто блик в оптической системе...

Или скорее всего еще не было случая, чтобы два дырчатых кратера оказались на оси между Солнцем и Землей...

— А тебе, думаешь, повезет? Увидеть такое...

— Гайка, я абсолютно уверен! Смотри, сколько счастливых совпадений: и флаг появился, и банку я раздобыл...

— Но ведь надо еще, чтобы случилось затмение...

— А оно скоро! Через неделю!

— Да?! А почему ничего не слыхать? Если ожидается затмение, во всех «Новостях» заранее сообщают.

— А оно не у нас ожидается. У нас его не будет видно, только чуть-чуть Луна по краешку Солнца чиркнет. А зато в Южной Африке оно будет полное!

Гайка смотрела с робостью, но и... с несмелой усмешкой: «Ты что же, в Африку собрался, да?»

Лесь тоже усмехнулся:

— Решила, что я ненормальный?

— Нет... но...

— Я придумал систему. Помнишь тот стеклянный кубик?

— Который разделяет пространства?

— Думаешь, он почему их разделяет? Потому,

что изменяет ход световых лучей. Значит, с его помощью можно выправить оптическую ось.

— Как это? — сказала Гайка беспомощно. Ничего не поняла.

— Ну, как-как... Отрегулировать линию зрения так, что Луна окажется на ней передвинутой. И затмение будет видно не только в Африке, но и здесь. Через мой телескоп, конечно... Я еще и стекло от своих очков приспособил, которое уцелело. Очки эти тоже для выправления оптической оси были сделаны.

— И эта система получилась? Ты уже испытывал?

— Да! Я вставил ее в телескоп и рано утром смотрел на горизонт, когда Солнца еще не видно. Это тому не видно, кто просто так смотрит, а в телескопе оно — пожалуйста, будто красный арбуз на блюде.

— А глаз не слепит?

— Я же со светофильтром смотрел. С коричневым...

— Лесь! По-моему, твоя система — великое изобретение. Про него надо сообщить ученым!

Он посмотрел своим странным взглядом — вроде бы и на Гайку, и в то же время куда-то в другое пространство. Сказал тихо и увесисто:

— Не вздумай. Эту вещь тут же приспособят для оптических прицелов, для стрельбы по невидимым целям. И засекретят. И меня куда-нибудь... запрячут или запрут, чтобы не разглашал...

— Ой, правда... — С полминуты Гайка сидела притихшая, потом пообещала: — Я никому ни словечка...

Лесь, будто извиняясь за недавнюю суровость, проговорил доверительно:

— За себя-то я не очень боюсь. Но видишь ведь, на свете столько всего... Люди с ума посходили: чуть что — за оружие хватаются... А если к ним еще и такие прицелы попадут!

— Тогда и вертолеты не нужны, чтобы ракетами по кораблю, — грустно согласилась Гайка. — Можно хоть откуда...

— И неважно, кто там на корабле, — сумрачно усмехнулся Лесь. — Гайка... Вот эти, которые на вертолете были... Они же видели, что корабль не воюет, что на нем мирные люди спасаются! Их-то зачем убивать? Ведь от них же никому никакого вреда!

— Папа говорит — озверение...

Лесь лег спиной на черепицу, зажмурился.

— Я про это с дядей Симой разговаривал. И мы пришли к выводу, что земной житель сам по

себе не может докатиться до такого... ну, чтобы убивать без разбора, жечь, зверствовать. Это не человеческая природа... Какой-то чужой разум, из другой галактики, влияет на человеческие мозги. Чтобы люди перебили друг друга. А потом пришельцы захватят планету...

— Лесь... даже мурашки по спине...

— Вот видишь, мурашки. Это какое-то невидимое излучение действует. Они понаставили антенны и давят на нас...

— Где же эти антенны? — жалобно спросила Гайка.

Лесь быстро сел.

— Да везде! Мы же не разбираемся, где что! Вот, например, снесли старый дом, где была детская флотилия, и поставили пятиэтажку, а на крыше — белый шар. Это чехол такой для антенны. Как на кораблях, которые за космосом следят. Видела?

Гайка кивнула. Лесь опять смотрел вдаль.

— Говорят, новая метеостанция. А никто не знает толком, зачем она и откуда. У входа дядька с пистолетом... Они, наверно, засели в этой станции и шлют свои лучи на город. Может, из-за того и стрельба у штаба случилась...

Гайке было неуютно. Она помнила новый пяти-

этажный дом — облицованный голубой плиткой, с большим белым шаром на крыше. И здание, и шар всегда казались ей такими красивыми. А теперь...

— Но, может быть, это все-таки правда метеостанция? А?

— Может быть... Но где-то все равно есть и чужие антенны. Инопланетные. Я уверен.

— И... что делать?

Лесь пожал плечами.

Гайке не хотелось больше говорить о страшном. Лучше уж о дырчатой Луне.

— Лесь, а зачем тебе этот луч? Который через Луну? Чтобы доказать, что Луна пустая, да?

Лесь дотянулся до пальца с желтой ниткой, потрогал. Оглянулся на Гайку через плечо.

— Вот это и есть самая главная тайна. Я хочу поймать луч в свой энергонакопитель. Слушай... Садись ближе...

Они не сели, а улеглись на черепице рядышком — как тогда, на камне. Гайка с благодарностью и с непонятным замиранием выслушала догадку Леся о Луче, прошедшем через Тьму.

— Понимаешь, Гайка, это как с человеком. Если у него случались всякие несчастья, а он выдержал, у него появляется... ну, такая особая сила,

что ли. Закалка. Если, конечно, это хороший человек и если он не заблудился во Тьме... Я об этом первый раз подумал, когда про жизнь нашего дяди Симы узнал. Он столько всего перенес... А луч — он тоже... он ведь живой, потому что в нем энергия... Ты меня слушаешь?

— Слушаю, конечно... Я про папу подумала.

— Ну, значит, ты понимаешь... Луч, если даже через маленькое темное пространство проходит, делается сильнее. И добрее... Вот, например, в моем инкубаторе. Простые лучи ничего не могут, а тот, который пробивается сквозь мячик, выводит кузнечика. Живая энергия в нем... Гайка, а если не через мячик, а через громадный шар... Через пустую Луну, у которой внутри темнота! Луч наберет такую космическую силу!

— И ты ее — в свой накопитель?..

— Да! — Лесь опять сел.

— Который... из лейденской банки?

— Да.

— Ты... думаешь, получится?

— Я уверен.

— Лесь... А зачем тебе эта энергия?

— Как зачем? Для всего для хорошего. Это же положительная энергия... Направишь ее на злого человека — он станет добрым... Или, скажем,

где-то землетрясение. Наведем излучатель на тот район — и там все восстановится...

— Ох, Лесь, на это, наверно, никаких лучей не хватит...

— Но на какие-то хорошие дела все равно хватит. И на защиту от плохого...

— Ты думаешь, получится? — опять засомневалась Гайка. Конечно, Лесь был замечательный изобретатель, но все-таки... энергонакопитель из пивной банки...

Лесь тут же угадал ее мысли.

— Дело не в банке. Она просто приемник. А главный накопитель — дырчатая Луна.

— Лесь... Когда банка зарядится, ты, наверно, пустишь луч в Вязникова? Чтобы он исправился...

Лесь подтянул ноги, уперся подбородком в коленки.

— Нет... Не буду.

— Боишься, что не поможет?

— Не в этом дело. Вот если бы он сам, без этого...

Гайка набралась смелости, зажмурилась и выпалила:

— А все же хорошо, что он есть на свете!..

Лесь дернулся:

— Вязников? Почему хорошо?

— Ну... если бы его не было, вы бы не подрались. И тебя бы не прогнали с уроков. И мы... тогда бы не встретились...

Лесь, кажется, всерьез обдумал это рассуждение.

— Кто его знает... Может быть, и встретились бы. При других обстоятельствах.

— Лесь... А ты еще возьмешь меня в свою бухту? — И Гайка обмерла в душе.

Он сказал без удивления:

— Ну, конечно. Это теперь моя и твоя бухта.

— Лесь... Это ты по правде?

Он посмотрел на Гайку, понял, видимо, ее сомнения и терзания и пообещал хорошо так, будто сестренке:

— Я тебе там еще кое-что покажу. Не только бухту...

— Ой... что?

— Из бухты есть выход на... нездешний берег.

— На... какой? — Гайка опять замерла. От ласковости Леся и от новой тайны.

— Я это место называю Безлюдные Пространства. Там развалины старинных городов. Как в Заповеднике, только больше и гораздо интереснее. Остатки крепостей и храмов. И обсерваторий... И просто заросшие места — трава и камни... Идешь,

идешь, а кругом только солнце да кузнечики...

— И время стоит, да? Как в бухте? — прошептала Гайка.

— Да...

Они еще с полчаса посидели на крыше, поговорили о скором затмении и об устройстве энергонакопителя. Потом Лесь пошел провожать Гайку.

Цецилия Цезаревна окликнула его из калитки:

— Лесичек, тебе не тяжело? Такая громадная книга!

— Значит, что же, Гайке снова надрываться, да? — огрызнулся Лесь.

Тогда Це-це умилилась:

— Какой ты молодец! Просто рыцарь!

Лесь поудобнее ухватил могучую книгу левой рукой.

— Давай вместе понесем! — забеспокоилась Гайка.

— Не... — Лесь вытянул правую руку. — Гайка, смотри, вон дом Ашотика. А его окно — пятое с левого края и четвертое снизу. Вон, зеленым занавешено. Видишь?

— Подожди... Ага, вижу! Лесь, а почему ты свою выпрямительную систему не приспособишь, чтобы маяк на мысу мимо этого дома видеть?

— Не получается, — сопя от тяжести, объяснил Лесь. — До маяка слишком близко. Системе нужны космические расстояния.

Часть II
КУЗНЕЧИК БЕЛЬКА

БАМБУКОВАЯ ФЛЕЙТА

Под утро Лесю приснилось, что он встал, а на коленках — уши, в точности такие же, как на голове, под волосами.

— Ма-ма-а!.. Что теперь делать-то?

— Ну, что делать? Раз выросли, значит, так полагается. Мыть не забывай...

— При чем тут «мыть»!.. Дай мне школьные штаны, зимние, а то как же я...

— Где я их найду так скоро? Надо весь шкаф перетряхивать, а я на работу опаздываю. Не беда, сходишь в школу так. Сам виноват, чересчур много возился с кузнечиками...

И Лесь пошел в школу. Ранец держал в руках, прикрывал им коленки. И больше всего боялся увидеть Вязникова.

И конечно, увидел его: еще далеко от школы, в балке, под аркой старого водопровода.

Но у Вязникова не было ехидной улыбки. Он смотрел хмуро и виновато. И прикрывал ноги портфелем.

— Что? Тоже? — сразу догадался Лесь.

Вязников стыдливо отвел портфель. Уши были большие и круглые, как грузди. «И помытые», — язвительно подумал Лесь. Но тут же спохватился: не до злорадства.

— Как же нам теперь быть-то? А, Вязников?

— Житья не дадут, — горько сказал тот.

— А может, у других так же?

— Нет, я уже смотрел. Только у нас двоих.

У Леся уже слезы в голосе:

— За что нам такое наказание?

— Выходит, есть за что, — значительно и скорбно произнес Вязников. — Но теперь не плакать надо, а выход искать.

— Какой?

— У тебя же есть желтая нитка! Давай...

Лесь торопливо разул левую ногу, смотал нитку с пальца.

— Сядь, — велел Вязников, и Лесь послушно присел на глыбу ракушечника. Вязников намотал нитку вокруг уха на его коленке.

— Потерпи... — и дернул!

— Ай...

Но оказалось, что не очень больно. Ухо улетело в траву, а на коричневом колене остался розовый след, похожий на букву «С».

— Теперь другое...

— Ага... Ай!.. Теперь давай я тебе...

И уши с колен Вязникова тоже улетели в травяную чащу.

Лесь проследил за полетом последнего, сказал задумчиво:

— А все-таки как-то жаль их...

— Ничего. Они превратятся в раковины, и в них будут зимовать твои желтые кузнечики.

— Ты откуда знаешь про кузнечиков?

Вязников улыбнулся, но без насмешки.

— Я, Носов, много про что знаю.

— А про что еще? — насторожился Лесь.

— Ну, например, как вы с Малютиной купались в тайной бухте и она из-за тебя чуть не утонула. Но не бойся, я никому не скажу.

Лесь оттопырил губу:

— Говори, если хочешь! Подумаешь...

— Нет, не скажу...

— Ты лучше бы перестал меня на гараже рисовать!

Вязников развел руками:

— А вот это не могу. Я слово дал, что буду до десятого класса.

— Дурак ты, Вязников!

— Может быть... Но что поделаешь, если сло-

во...

— Ничего не поделаешь, — согласился Лесь.

— Ой, подожди... Я придумал! — Вязников выхватил из портфеля обрезок бамбуковой палки. — Вот, возьми!

— Зачем? Стукать тебя за каждый рисунок? Не буду я...

— Не стукать! Сделай из нее флейту.

— Флейту? Зачем?

— Как заиграешь, мой рисунок сразу станет невидимым! Растает у всех на глазах.

— Ты, Вязников, это хорошо придумал, — медленно проговорил Лесь. Ему хотелось вспомнить: где еще, в каком его сне тоже была флейта?

Но не успел. Проснулся по-настоящему.

Наяву идти в школу было не надо — выходной.

После завтрака Лесь вытащил из сарая обломки дедушкиного бамбукового кресла-качалки. Выпилил из спинки желтую лаковую трубку — сантиметров сорок длиной. И стал размышлять: как из этой штуки сделать флейту? В музыкальных вопросах Лесь не разбирался, это ведь не солнечная энергия.

«Надо спросить у Гайки», — подумал он.

Гайка оказалась легка на помине, возникла в калитке.

Все Гайке обрадовались: Пират приветливо помахал хвостом, дядя Шкип соскочил с конуры и потерся о Тайкины ноги, а Лесь сказал:

— Ты знаешь, как устроены флейты?

Гайка не знала. Она в свое время училась играть на фортепьяно.

— Если хочешь, узнаю у старых знакомых.

— Узнай.

— Лесь...

— Что?

— А помнишь, ты вчера обещал показать мне Безлюдные Пространства...

Лесь поморщился. Не хотелось ему туда сейчас, о флейте были мысли. Но он вспомнил, что один раз уже обманул Гайку — насчет кузнечика.

— Ладно, идем... Мама! Мы пойдем погуляем с Гайкой!

— Только недолго!

А Це-це тут как тут:

— Лесик, ты опять босиком! И без рубашки, без майки! Это же нехорошо. Тем более идешь с девочкой...

— Тетя Це-це! Я же не в театр с ней иду на балет «Лебединый щелкунчик»! Мы на берег!

— Только не купайся! Или по крайней мере купайся рядом со взрослыми!

— Ладно! — И хмыкнул: «Рядом со взрослыми. В Безлюдных-то Пространствах...»

Гайка призналась, что боится колючек, поэтому пошли через балку не тропинками, а в обход: мимо рынка и потом через гулкий железный мост. Перед мостом, в Торговом переулке, Лесь увидел своего недруга. Тот шел со старушкой. Видимо, направлялся со своей бабушкой на рынок. Они шагали навстречу.

Лесь толкнул Гайку локтем.

— Смотри, вон идет тот самый Вязников! — Лесь сказал это громко и бесцеремонно, словно про встречную лошадь или кота. Вязников не отвел глаз. Небрежно улыбнулся: мне, мол, наплевать на твое нахальство.

Они неторопливо сходились.

Вязников был сейчас, конечно, без черной бабочки и без белой рубашки. В старенькой желтой майке, выцветших коричневых трусиках и растоптанных полукедах на босу ногу. Поэтому он не казался таким противным, как в школе. По правде говоря, он совсем не казался противным. Тем более что Лесь не забыл недавний сон.

Но сон — это сон, а жизнь — это жизнь.

— Смотри, Гайка, этот синяк под левым глазом ему поставил я! Вчера.

Синяк и правда был еще заметен.

— Не надо... — шепотом попросила Гайка. Она не понимала тонкости их отношений и боялась, что повторится драка.

Вязников, проходя мимо, улыбнулся очень вежливо:

— Здравствуй, Гулькин. Нос у тебя все еще распухший...

— Неправда, — надменно откликнулся Лесь. И Вязников отвел глаза, потому что в самом деле сказал неправду.

Лесь и Вязников разошлись, а потом вдруг оглянулись друг на друга. Словно по уговору. И остановились.

— Не надо, Лесь, — опять боязливо попросила Гайка.

— Вязников, иди сюда, — нейтральным голосом сказал Лесь.

Вязников, улыбаясь все также, пошел к Лесю. Бабушка смотрела вслед бледно-голубыми глазами. Наверно, думала, что встретились приятели.

Они сошлись. Гайка опасливо моргала.

Лесь поджал ногу, смотал с пальца желтую нитку, скатал в комок. Его осенило этакое вдохновение.

— Давай, Вязников, я сведу твой синяк. Не бой-

ся, это по правде.

— Я не боюсь, — вздохнул он. — Я знаю, что по правде.

Лесь три секунды подержал шерстяной комочек в солнечных лучах и потер им синяк Вязникова. Раз, второй. Вязников зажмурился и послушно замер.

Наконец Лесь опустил руку. Кажется, синяк побледнел.

— Ну вот. Через полчаса исчезнет совсем.

— Спасибо, — опять вздохнул Вязников.

— На здоровье... — И вдруг Леся словно толкнуло что-то: — Слушай, Вязников, ты умеешь играть на флейте?

Вязников не удивился. Трогая мизинцем потертый синяк, ответил рассеянно:

— Учился когда-то... Но играть — это одно, а делать флейты — другое. Делать не умею...

Почему он так сказал? Насчет «делать»? Леся даже суеверный холодок щекотнул. А Вязников повернулся и пошел к терпеливо ожидавшей его бабушке.

Тогда и Лесь пошел — в свою сторону. И Гайка с ним.

Через несколько шагов Гайка неуверенно высказалась:

— По-моему, он не такой уж отвратительный. Если смотреть со стороны...

Лесь промолчал. Остановился опять. Поставил на ракушечный поребрик ногу, стал наматывать нитку на палец, у которого нет названия.

ИСКРА НА ЧЕРНОМ КРУГЕ

Наблюдать затмение Лесь позвал Гайку и Ашотика. Потому что это были друзья. Познакомились друг с другом полторы недели назад, а казалось — давным-давно. И не было между ними никаких тайн... Намечалось затмение на три часа пополудни, и Лесь, прибежав из школы, начал готовиться заранее. Установил на крыше пристройки телескоп с коричневым светофильтром и дополнительным прибором впереди трубы. Прибор назывался «СКОО». То есть «Система коррекции оптической оси». По-научному, да? Это и понятно. Лесь прочитал от корки и до корки «Занимательную астрономию» и книгу «Тайны космических стекол». Да и от врачей кое-чего наслушался, когда лечил глаза.

День стоял теплый и — главное — совершенно безоблачный.

Ничто не мешало наблюдениям. И н и к т о не мешал. Чтобы Це-це не квохтала на дворе: «Ах,

осторожнее, ах, не упади с крыши, ах, тебе вредно смотреть на солнце», Лесь проявил хитрость. На кухне, глотая жареную картошку с кабачками, он заговорил:

— Зеленого горошка у нас нет? Вот жаль... А в магазине на Батарейной продают консервированный, большущие банки. И почти без очереди. Я слышал, на улице две бабки друг дружке рассказывали...

Мама, которая пришла со своей почты на обед, посмотрела на сына.

— Ох, Лесь...

Но Це-це уже схватила сумку. Она считала своим долгом добывание продуктов для всей семьи, и был у нее в этом деле особый азарт. А Батарейная слобода, между прочим, на другом берегу Большой бухты.

В половине третьего пришли Ашотик и Гайка. Ашотик сразу прилип к Пирату и дяде Шкипу, которые рядышком грелись на солнцепеке. Он любил животных. И теперь он устроился между котом и собакой. Облапил Пирата за шею, а Шкипу гладил брюхо. Те довольно жмурились.

Лесь и Гайка забрались на крышу.

— Скоро? — прошептала Гайка. Она волновалась. Ей самой, по правде говоря, затмение было

ни к чему, но очень-очень хотелось, чтобы все получилось у Леся.

— Все будет в нужную минуту, как в календаре, — суховато сказал Лесь. Он тоже волновался, но скрывал это.

В том, что они увидят затмение, Лесь был уверен. А вот пройдет ли луч сквозь Луну? Лесь понимал, как мало шансов, что два сквозных кратера окажутся на одной оптической оси... Тут недостаточно просто верить в удачу, надо этой удаче помогать. И Лесь, ради доброго колдовства, нынешним утром надергал из флага ниток и намотал их уже не на один палец левой ноги, а на все пять...

Теперь оставалось ждать. Так же, как ждали ученые, приехавшие в Южную Африку и на всякие тропические острова...

Вот уже и пора бы начаться. Но ничего не было заметно. Лесь не отрывался от окуляра. Воздух был жаркий, а от замирания все равно озноб по спине... Увеличенное телескопом солнце сквозь темный фильтр казалось вишневым шаром. Совершенно круглым, без всякого следа наезжающей на него Луны. Неужели «СКОО» вероломно отказала в решительный момент?

Нет, не отказала!

Сверху и сбоку на тускло светящийся шар наползал еле заметный ноготок черноты. Вот он стал уже хорошо виден. Вот чернота отъела круглой челюстью от вишневого арбуза солидный кусок...

— Гайка, смотри... Осторожнее, не сбей трубу...

Гайка ткнулась глазом в телескоп.

— Ой-й... Лесь, ты великий изобретатель...

— Красиво, да?

— Да...

Было и в самом деле красиво. Но в то же время и страшновато. Вернее, не страшновато, а... как-то слишком просторно, что ли...

Это было похоже на то, что первый раз ощутила Гайка на Безлюдных Пространствах.

Вроде бы ничего особенного она там не увидела. То же, что в Заповеднике. Те же развалины, та же полынь, сурепка да чертополох. Но когда Лесь вывел ее туда по тесному скальному проходу с берега бухты, Гайка сразу замерла. Щ первые минуты говорила только шепотом. Такая здесь была ширь и солнечная тишина. И полное понимание, что нет здесь никого, кроме их двоих — Гайки Малютиной и Леся Носова.

То есть живые существа были. Пробивали тишину сухими трелями кузнечики. Шастали по

камням ящерицы. Совершенно по-домашнему прыгали воробьи, а над обрывами реяли чайки. Но люди здесь не появлялись давным-давно, это чувствовалось сразу. Лишь древние следы их виднелись всюду. Заросшие остатки домов, колонны и арки на месте храмов, серые развалины крепостных стен, похожие на гребни гигантских ящеров. И все это — до горизонта... Но в развалинах не было ничего пугающего и не было печали. Только спокойствие и тихая ласковость. И Гайка быстро доверилась Безлюдным Пространствам. И скоро привыкла к ним. Наверно, потому, что рядом был Лесь.

Потом они не раз бродили с Лесем по укрытым кустами древним мостовым, по набережным старинных пристаней и под мостами разрушенных водопроводов. Время здесь не совсем стояло, но двигалось еле-еле, и можно было не спешить.

Они ходили, взявшись за руки, и разговаривали про свою жизнь.

Лесь рассказывал, что дядя Сима скоро вернется из командировки и, наверно, уволится с прежней работы, потому что надоело все время ездить по другим городам. Его зовут на должность заместителя начальника в маленький яхт-клуб при заводе точных приборов. У дяди Симы там есть

давний друг, Никита Матвеевич. Они вдвоем решили отремонтировать небольшую полуразбитую яхту, и тогда у них (а значит, и у Леся) будет собственный кораблик. Лишь бы в городе стало поспокойнее, а жители Горного берега перестали бы палить друг в друга из всех видов оружия...

— Думаешь, перестанут? — спросила Гайка.

— Ну, не могут же нормальные люди все время жить... вот так... — сумрачно сказал Лесь. — Иначе... это же пойдет, как зараза, по всей Земле.

— Думаешь, они нормальные?.. Ты же сам говорил, что инопланетяне людям мозги облучают. Вот и получается ненормальность...

Лесь пожал плечами.

— На кого-то излучение действует, а на кого-то нет. Наверно, тут и от самих людей зависит... Не все ведь поддаются... Взрослые, по-моему, легче заряжаются злостью, чем ребята...

— Всякое бывает... — нерешительно отозвалась Гайка. — Вот вы с Вязниковым тоже что-то делите...

— Опять ты про него! Чуть что, сразу «Вязников»!.. Дружила бы тогда с Вязниковым, а не со мной...

— Какой ты глупый!

— Не глупый, а надоело. Ты все время его вспо-

минаешь!

— Не все время, а иногда. Потому что боюсь...

— Вязникова?!

— Не его, а... что станете большими и сделаетесь правдашними врагами. Кровавыми...

— Вот ты и есть глупая, — вздохнул Лесь. — Не бойся за своего Вязникова.

— За «своего»! Я не о нем думаю, а о тебе. Чтобы ты с ним помирился. Хоть перед отъездом.

— Перед каким отъездом? — Лесь сбил шаг.

— Он говорил, что, наверно, скоро уедет.

— Куда?!

— С родителями в другой город...

— Он это т е б е говорил? Ты с ним разговаривала?

Гайка опустила голову, но призналась без промедления:

— Недавно... Подошла на перемене и сказала: «Вязников, помирились бы вы с Лесем...»

— А он?

— Он даже не удивился. Говорит: «Мы и не ссоримся...» А я: «Сейчас не ссоритесь, а потом опять нарисуешь...» Тогда он и сказал: «Не успею. Мы в новом году, наверно, уедем. Насовсем...»

Лесь вдруг заново услышал, как тихо на Безлюдных Пространствах. И показалось, что где-то

далеко заиграла флейта...

Он сказал, не глядя на виноватую Гайку:

— Ну что ж... Тут уж ничего не поделаешь...

— Помириться-то можно успеть.

— Все равно ведь разъедемся, — возразил Лесь. А флейта все играла вдали. — Гайка... А он правда не удивился, что ты про это заговорила?

— Ничуть... Он вообще какой-то...

— Какой?

— Будто про многое знает... И про нас с тобой...

Лесь вспомнил и признался бесхитростно:

— Мне один раз приснилось, что он мне сказал, будто знает, как мы купались в нашей бухте и что там случилось...

Гайка откликнулась еле слышно:

— Может, и правда...

— Никто не мог узнать, не бойся...

— Я и не боюсь.

— Боишься, — поддел Лесь, — что от мамы влетит.

— А вот нисколечко. Мама и так знает...

— Откуда?! — перепугался Лесь.

— Я сама рассказала... У нас с мамой такой обычай: перед днем рождения я про все свои провинности рассказываю. Чтобы следующий год жизни начинать... ну, так, с чистой совестью.

И мама не сердится... Вот я и призналась, что купалась без спроса и что ты меня спас...

— И что искупаться именно я тебе посоветовал, — уныло уточнил Лесь.

Гайка покаянно вздохнула.

— А что сказала мама?

— Что нас обоих надо бы выдрать. Но меня нельзя, потому что именинница, а тебя — потому что герой...

— Понятно, почему она так смотрела на меня, — поежился Лесь. — Как на «героя». Когда я был у тебя в гостях.

— Да она просто тебя жалела, потому что ты рубашку помидором забрызгал. Как вцепился зубами в неразрезанный...

— Эта рубашка несчастливая какая-то, — примирительно согласился Лесь. — То кровь, то сок... Гайка, тебе не кажется, что где-то свирель играет? Или флейта...

— Постой... Тут все, что хочешь, может послышаться от такой тишины, когда в ушах звенит... И что хочешь привидеться может. Мираж какой-нибудь... Или даже по правде случиться...

— Что?

— Иногда кажется... вдруг летающая тарелка с инопланетянами опустится. Бесшумно так...

— Ну и пусть, — сказал Лесь беспечно. — Злые сюда не сядут. Пространство не пустит.

— А бывают и добрые инопланетяне?

— Конечно! Они всякие. Как и люди...

— Лесь... — Гайка боязливо хихикнула. — А может, ты уже встречался с ними?

— Два раза, — ответил Лесь. Не поймешь, то ли дурачится, то ли всерьез.

— А они... что?

— Капитан говорит: «Лесь Носов, полетим с нами. Поможешь нам осваивать энергию нашего солнца и расслаивать пространства, у тебя на это особый талант. А мы тебе покажем разные космические миры...»

— Ой... а ты?

— А что я... Это же на всю жизнь. Как я оставлю всех? И маму, и дядю Симу... и вообще...

— И Це-це, — полушутя вставила Гайка.

Лесь ответил без улыбки:

— И Це-це...

Все это Гайка вспомнила сейчас, за какие-то полминуты. Когда смотрела, как черная Луна ползет на вишневое солнце.

Лесь отодвинул ее плечом, глянул сам..

— Ого, сколько уже закрыла... Ашотик, иди посмотри на затмение!

Ашотик послушно забрался на крышу. Посмотрел в окуляр. Удивился, как полагается:

— Ай как красиво... — Но при этом зябко шевельнул под свитером спиной. И спросил негромко: — Лесь, можно я возьму Кузю, мы поиграем?

У Ашотика был теперь и свой желтый кузнечик — Денис. Он вывелся из пластмассового мячика два дня назад. И Ашотик его, конечно, полюбил. Но Денис, как и всякое только что родившееся дитя, был еще неразумен. За сутки он научился лишь отзываться на свое имя да кувыркаться через голову. А Кузя — тот прямо как веселый человечек. И Ашотик не упускал случая порезвиться с ним.

Ашотик неуклюже, но быстро сполз по приставной лестнице. А Лесь опять приник к окуляру.

От Солнца остался только светящийся серп, остальную часть закрыла глухая круглая чернота.

— Ой, Гайка, сейчас...

— Дай взглянуть.

— Только быстро. Я боюсь пропустить момент...

Лесь не пропустил момент.

...Луна закрыла Солнце полностью. Пунцовый серп исчез, и в тот же миг вокруг черного диска

зажглась бледная лучистая корона. Лесь дернул в сторону фильтр. И корона засияла золотом!

Но не этот свет и блеск нужен был Лесю. Сердце у него колотилось лихорадочно, и приходилось делать частые глотки, чтобы удержать его в грудной клетке.

Ну где ты, где, единственный нужный лучик?

И вот — случилось. На бархатно-угольном круге проклюнулась колючая звездочка.

Лесь охнул, схватил «лейденскую» банку, приставил отверстием к окуляру. И сразу понял — есть энергия! Банка наполнилась плотной, увесистой теплотой... Не лопнула бы! Лесь щелкнул резинкой жестяного затвора. Банку прижал к груди, а сам опять глянул в окуляр.

Полного затмения уже не было. Черный диск тихо двигался и снова открыл — теперь с другой стороны — солнечный серп. Без фильтра серп казался ослепительным, Лесь засмеялся и заморгал.

Для излучателя у Леся заранее был приготовлен приклад. Выструган из обрезка доски. Вроде маленького самодельного ружья.

Лесь изолентой примотал к этому ружьецу банку. Длинную резинку затвора соединил с проволочным крючком. Нажмешь спуск — откроется

в донышке клапан...

— А это предохранитель... — И Лесь медной скобкой зажал спусковой крючок. — А то надавишь нечаянно — и знаешь, какая сила вырвется, ой-ей-ей... И вдруг в кого-нибудь вляпает случайно!

— Но это же добрая сила, ты сам говорил, — опасливо напомнила Гайка.

— Добрая энергия тоже может сжечь, если сверх меры. Как Солнце...

— А что она еще может? — серьезно спросил Ашотик.

— А вот это как раз и надо выяснить...

— Она может злых людей делать добрыми, — сказала Ашотику Гайка. — Помнишь, Лесь объяснял?

— Но это еще не точно. Попробовать надо... — Лесь покачал в ладонях излучатель.

Ашотик своими пушисто-коричневыми глазами посмотрел на Гайку, на Леся. Спросил еле слышно:

— А... оживлять людей, которые умерли, не может?

Тихо стало, как на Безлюдных Пространствах. Даже Кузя, который сидел на плече Ашотика, словно засох.

— Наверно, нет... — виновато выговорил Лесь. — Тут уж ничего не поделаешь... Разве что того, кто умер минуту назад и в нем еще хоть крошечная капелька жизни... Это как аккумулятор. Если разряженный, можно зарядить снова, а если разбился, то никак...

Ашотик взял Кузю на ладонь, дохнул на него. Тот ожил, кувыркнулся. Но Ашотик не стал веселее.

— Можно, я пойду домой? — И объяснил, чтобы не обижались: — Я по Денису соскучился. А он, наверно, по мне...

Лесь покосился на Гайку. Ему до сих пор было неловко, что Дениса он подарил Ашотику, а не ей. Хотя Гайке на день рождения он принес драгоценную вещь — стеклянный кубик от шкатулки Це-це.

Едва Лесь подумал о Це-це, как она оказалась легка на помине. Появилась в калитке с авоськой, полной банок с зеленым горошком.

— Лесь, какой ты умница, что сказал мне про этот магазин! Я истратила на горошек все деньги, но ведь это такой дефицит? Теперь мы с запасом на зиму!

Лесь почувствовал, как краснеет. Хорошо, что под загаром не видно.

— Тетя Цеца, давайте сумку, я унесу на кухню!

— Спасибо, мой хороший!.. Я еле дотащила эту тяжесть. Но самое тяжелое — стоять в очереди. Там все словно... враги друг другу. Бабушка, дряхлая совсем, умоляла: пустите, голубчики, устала я стоять, мне всего одну баночку. Так ее из магазина в шею... Я заступилась, но тут и меня чуть не съели...

Лесь потускнел и потащил авоську в дом. Выгибаясь от тяжести. Излучатель висел у него за спиной, будто автомат на ремне. Гайка смотрела вслед. И вдруг представила, как

Лесь, расставив ноги, перехватывает излучатель и веером хлещет из него невидимой жаркой энергией — по тесной очереди хмурых, отравленных злобой людей...

И что же люди? Размякнут, заулыбаются, кинутся вслед за старушкой, которую прогнали? С удивлением и неловкостью глянут друг на друга? Будто проснутся: что это с нами было, люди?..

Гайке не верилось... Но ведь Лесь до сих пор никогда не обманывал.

А Лесь уже возвращался.

— Ашотик, давай я унесу Кузю. А потом мы тебя проводим...

Лесь и Гайка отвели Ашотика домой и пошли

к Большой гавани, на Адмиральскую набережную. Лесь, кажется, знал, что ему делать. Гайка не спрашивала, просто шла рядом. Была в ней непонятная тревога.

С высокой набережной виден был выход из бухты, перегороженной бонами, и другой берег, называвшийся Батарейная слобода. И мыс, где стоял полукруглый старинный форт.

Сейчас форт был наполовину закрыт серым корпусом крейсера-авиаматки «Ладонь». Название авиаматки полагалось говорить с ударением на «а». Но все ее называли «Ладонь» или «Ладошка». На широкой стальной палубе — будто и правда на ладони, как уснувшие мухи, — сидели боевые вертолеты. По бортам торчали расчехленные ракетные установки, похожие на кусочки пчелиных сот.

Город был спокоен и тих. По набережной и бульвару гуляли взрослые и ребята. Здешние и туристы. От музыкального фонтана доносилась переливчатая мелодия. На стальную великанскую «Ладошку» смотрели спокойно. Но в этом спокойствии была усталость. Так люди, живущие рядом со складом боеприпасов, устают от страха и уже не думают о постоянной опасности...

«Ладонь» хотела уйти. В другой порт, на базу

другого флота, который теперь считался заграничным. И подняла нездешний флаг. Так решил командир авиаматки, и его поддержал экипаж.

Штаб запретил уход. Пригрозил «принять все меры» и привел в готовность береговые батареи. «Ладонь» расчехлила установки. После чего в штабе начались долгие и бесполезные переговоры. Авиаматка с раскаленной от солнца палубой уже неделю стояла у выхода из бухты — громадная, стальная, неумолимая. На корабле и на берегу боевые вахты дежурили у пусковых пультов. На площадях и в скверах порой собирались митинги — кто за «Ладонь», кто за штаб. Тех и других иногда пытались разогнать парни в пятнистых робах и лиловых беретах. Один раз с лиловыми беретами крепко сцепились черные — морской десант. Правда, без стрельбы, врукопашную. Досталось и тем, и другим.

Дядя Сима сказал по этому поводу:

— Р-романтика гражданской войны... Мало что на Горном берегу все передрались, так и нашим не сидится. Адмиралы грызутся за власть, а у лейтенантов и мичманов зуд под копчиком. И матросики туда же...

Лесь крепко сжал излучатель.

— Гайка, если сейчас лучом по «Ладошке»! Мо-

жет, и пропадет у них агрессивность? А то ведь шарахнут из установок, тогда половина Батарейной слободы в дым...

— Давай, Лесь, — неуверенно согласилась Гайка.

Лесь уперся локтями в гранитный парапет...

Вот тут-то и подошел Вязников.

— Чем это вы занимаетесь? — Видно было, что он прячет под ленивой усмешкой настоящее любопытство.

— Играем, — сказала Гайка миролюбиво. И посмотрела на Леся: «Не задирайся, ладно?» А он и не собирался. Хотя и досадно было, что Вязников помешал.

Вязников тронул пальцем банку. Спросил совсем серьезно:

— Это что? Космический бластер?

— Да, — сказал Лесь. Он ведь ничем не рисковал. Все равно Вязников не догадается. — Особый излучатель. Сейчас шарахну по «Ладошке» секретной энергией, и там сразу раздумают ракетами грозить.

— Не надо, Лесь, — вздохнул Вязников. Будто поверил. — У меня там старший брат. Мичман.

— Но это же безвредно для людей! — быстро разъяснила Гайка. — У них только злость ис-

чезнет.

— И тогда их с батарей раздолбают, как плавучую мишень, — тихо сказал Вязников. — Или ночью десант возьмет их тепленькими.

Гайка глянула на Леся:

— Тогда, может, облучить батареи?

— Отсюда не достать, — насупленно объяснил Лесь. — И вообще... Чем «Ладошка» лучше батарей?

— На батареях у меня дядя, — сказал Вязников. — Папин брат. Старший лейтенант... Ладно, пока... — И пошел, покачиваясь. Тонкий, слегка согнувшийся. Почему-то грустный.

И Лесь неожиданно сказал ему в спину:

— Вязников! Ты правда уедешь отсюда?

Он остановился, посмотрел через плечо.

— Не знаю. Может, да, а может, нет. Как получится у родителей. — И пошел опять. И скрылся за каштанами.

— Лесь, не надо нам соваться в эти дела, — негромко, но твердо сказала Гайка. — Мы же не знаем, кто прав, а кто виноват. И вообще... там брат, а там дядя...

— Да никто не прав! Все посходили с ума: и дяди, и братья! — Лесь чуть не заплакал.

— Но у тебя же не хватит энергии на всех!..

Лесь...

— Что? — ощетиненно вскинулся он.

— Ты же сам говорил: виноваты инопланетяне! Если сбить их излучение... — Она смотрела не на Леся, а куда-то назад и вверх.

Лесь посмотрел туда же.

Над каштанами Адмиральского бульвара видны были крыши Сигнальной горки. А над крышами блестел голубой куб новой метеостанции с белым шаровидным чехлом антенны.

Лесь сжал губы и поднял приклад к плечу. Потом нахмуренно глянул на Гайку:

— А как мы узнаем, что излучение прекратилось?

— Увидим же, какая сделается жизнь...

— Это не сразу. А сейчас-то как?

— Лесь, мне кажется, шар лопнет и задымится.

Лесь теперь не колебался. Убрал предохранитель, прицелился. И на три долгие секунды нажал спуск.

Разумеется, ничего не случилось. Шар по-прежнему сверкал белизной — неподвижный, незыблемый.

Лесь враз, в один миг, понял, что все это — его сплошная выдумка. Не было никакой искры на круге затмения, а был просто блик на линзе. И

не может быть никакой энергии Луча. И «лейденская» банка — обычная пустая жестянка. И стеклянный кубик врет, когда разбивает мир на радужные картинки. И Безлюдные Пространства — просто оглохшие от зноя окраины Заповедника. И Бухта, о Которой Никто Не Знает, — обычный закуток между скалами: купальщики в него не лазят, потому что боятся крутых тропинок...

И так он стоял, прощаясь со сказкой и надеждой. Уже не смотрел на антенный шар, а смотрел на свои старые сандалии. Опустил деревянно-жестяную игрушку и слышал, как звенит вокруг беспощадное знойное солнце. И асфальт, и гранит были горячими, как броневые листы авиаматки...

— Лесь!! Смотри! Туда!..

По шару шли змеистые черные трещины. Потом он распустился, как бутон, куски скорлупы откинулись. Гайка и Лесь увидели кузнечика.

Издалека он казался обыкновенным желтым кузнечиком.

Но он занимал всю центральную площадку крыши.

БЕЛЬКА

В среду вернулся дядя Сима. Поцеловал размякшую от радости Це-це, подкинул под потолок Леся. Был дядя Сима жилистый, высокий, с длинным коричневым лицом и светлыми, как голубая вода, глазами.

— Мама на работе? Пошли, я соскучился!

Мама работала в маленьком почтовом отделении. Здесь пахло разогретым сургучом и яблоками и было мало посетителей.

Мама обрадовалась дяде Симе. Завела его и Леся в комнату, где хранились посылки, и велела:

— Ну, Серафим Денисович, рассказывай, как ездил и почему так долго.

Дядя Сима стал рассказывать и под конец сообщил, что ездить по сухопутью ему совсем уже надоело, поэтому он окончательно решил перейти на работу в яхт-клуб.

— Ура... — выдохнул Лесь.

— А вы как тут жили без меня?

Мама сообщала, что жили ничего. К зарплате обещают прибавку. Лесь почти не спорил с тетей Цецей и завел себе новых друзей, которых обучает хитростям солнечной энергии.

— Друзья — это чудесно! Ладно, Лесь, пошли,

маме надо работать, а то не дадут прибавку...

— Я задержусь. У меня еще... разговор...

Дядя Сима был понятливый.

— Хорошо. Тогда догоняй...

Едва он ушел, мама взволнованно сказала:

— Лесь? Что случилось?

— Ничего. Так... Признаваться буду...

— Господи, в чем? Что натворил?

— Да не сейчас. Вообще... За долгое время.

— Вот как? — Мама успокоилась. Но не совсем. Села на табурет, Леся поставила перед собой. — А с чего это на тебя такая откровенность снизошла?

Лесь затеребил пыльные, разлохмаченные на кромках шорты.

— А чего... во второй десяток лет перешагивать с грехами...

Мама посмотрела очень внимательно. Придвинула растрепанного сына ближе. А он уткнулся взглядом ей в колени и сильнее задергал штаны.

— Лесёнок, ты это сам придумал?

— Да... А еще Гайка... подсказала.

— Гайка — умница...

— Да, — шепотом согласился Лесь.

— Ну, давай... выкладывай.

Лесь потрогал под майкой дырчатый камешек. Посмотрел в окно.

— Очки не случайно разбились. Я их сам... чтобы стекло для системы использовать.

— Ба-атюшки мои! Открытие! Будто я и так не догадалась...

— Ну, с Вязниковым дрался, ты это знаешь... А еще двойка по географии. Я думал, он после пятерки меня долго не спросит, а он на следующий день. И вляпал... Я забыл тебе сразу сказать...

— Забыл, значит... Ну, дальше...

— А ты... не смотри так. Я же добровольно признаюсь. А ты меня глазами это... упрекаешь.

— Ты, чучело жареное, не торгуйся. Начал исповедоваться, так излагай все. До конца.

Лесь повеселел.

— А еще Це-це... тетю Цецу отправил в магазин наугад. Не знал, что там горошек... Но это же к лучшему, горошек-то там правда оказался...

— Лесь, не морочь мне голову. — Глаза у мамы опять перестали смеяться. — Давай о главном.

— О чем?.. О нашем приключении в бухте, что ли? Мам, но я же не знал, что Гайка почти не умеет плавать. Да и ничего страшного не было. Подумаешь, нога застряла...

— Лесь! Не вертись. Кузнечик-великан, о котором в городе столько разговоров, твоих рук дело?.. Я только сегодня утром сообразила. Когда

услыхала, что он желтый!

Лесь заморгал. Не испуганно, а скорее удивленно.

— Не маши ресницами. И не отворачивайся.

— Ма-ам... Но я же тебе про всякие про нехорошие поступки говорю. А здесь-то что плохого? Никто не виноват! Он... это же случайно вышло. И он же хороший! Добрый, как наш Пират. Он...

Мама уронила руки.

— Я так и знала... Где теперь это чудовище?

Чудовище жило в Мельничной балке...

На крыше оно сидело всего секунды три. Потом приподняло туловище, дернуло длиннющими, уходящими за спину усами, из-под желтых твердых крыльев выпустило другие, прозрачные, — и... скакнуло!

И совершило полет по плавной дуге. Скрылось за деревьями и крышами.

Потом Лесь и Гайка увидели еще два прыжка кузнечика-великана. Он взлетал над домами и скрывался опять.

Впрочем, кузнечик не казался великаном. Он был... такой весь из себя привычный желтый кузнечик, что выглядел нормальным, а дома рядом с ним были как игрушки.

Гайка прижимала к щекам ладони. Глаза у нее

были — круглые глазищи, рот открылся, пластмассовая скобка на кудряшках съехала набок.

— Лесь... Что теперь будет?

— Скандал, — уверенно сказал Лесь.

— Нам попадет, да?

— При чем тут мы?! Что будет с ним, вот вопрос. Ведь загоняют беднягу...

Он, кажется, не очень растерялся. Но был озабочен.

— Вот тебе и шарик...

— Это я виновата...

— Почему?!

— Потому что... я в последний момент подумала... вернее, мне показалось: лопнет шарик, и выскочит кто-нибудь вроде Кузи...

— Ты тут ни при чем. Это я должен был сообразить: раз есть шарик, будет и кузнечик... Но кто мог подумать, что так сразу!.. Ладно, пошли!

— Куда?

— За ним! Надо же его как-то... спасать.

— Думаешь, догоним?

— По-моему, он в Мельничную балку поскакал. Соображает. Больше ему негде спрятаться.

Длинных оврагов-балок в городе было несколько. Они делили город на районы. По склонам некоторых балок тянулись улицы. Но берега

Мельничной балки были непрочные, грозили оползнями, там ничего не строили. Кое-где склоны заросли мелким корявым дубняком, орешником и дроком. В этих джунглях местами были скрыты промоины и котловины, их проделали в мягких наслоениях дождевые и весенние воды. Похоже было на заросшие, но без потолков, пещеры.

В таком просторном укрытии и мог спрятаться новорожденный гигантский кузнечик. Если, конечно, сообразит, что скрываться необходимо. И если догадается, где это укрытие искать.

— Хорошо, если у него есть самоспасательный инстинкт... Бежим, Гайка!

— Я боюсь...

— Не бойся! Ничего нам не будет! Никто же не знает, что это мы его вывели! Даже если скажем, не поверят!

— Лесь, я е г о боюсь!

Лесь искренне изумился:

— Боишьсякузнечика?

— Он же ростом с самолет! Слопает нас, как букашек...

— Гайка, ты спятила! Он питается только солнцем!

— Откуда ты знаешь? Это маленькие солнцем

питаются, атакой...

Лесь подумал секунду и понял Гайку. Что поделаешь, если для нее этот кузнечик — страшный великан?

— Ладно, тогда ступай домой. И никому ни слова. А я пойду искать...

— Один?!

— Гайка... Он же из-за меня появился на свет! Значит, я за него отвечаю. Он — живой...

— А ты... ты ведь тоже живой. И я отвечаю за тебя...

— С какой стати?

— С такой... — она улыбнулась из последних остатков смелости. — Мы же родственники... Пусть уж он лопает нас вдвоем.

— Никого он не слопает, — уверенно пообещал Лесь. — Только бы его найти...

По дну Мельничной балки пролегала грунтовая дорога. Она вела к хозяйственной базе Вспомогательного флота. База была маленькая, машины ездили редко. Тихо здесь было — почти как на Безлюдных Пространствах. Даже не верилось, что наверху, за кромками заросших берегов, живет город — большой, тревожный.

Лесь и Гайка шагали по дороге, держась за руки. Внимательно оглядывали склоны. Говорили

шепотом, хотя здесь-то бояться было некого.

И вот Гайка дернулась, замерла.

— Лесь, смотри...

На теневом склоне, в чаще орешника словно мелькнул солнечный зайчик.

— Там он... Гайка, если боишься, стой здесь.

— Нет уж. Я здесь еще больше буду обмирать.

Они полезли вверх сквозь заросли... Видимо, «самоспасательный» инстинкт у кузнечика имелся. Недаром это громадное желтое существо безошибочно отыскало такое замечательное место. Здесь была круглая — словно внутренность крепостной башни — пустота с горизонтальной площадкой. Кругом поднимались отвесы рыхлого песчаника. Со склона балки сюда вела щель, густо укрытая ветками. Вверху неровным кругом нависало небо. От него шел синий свет. И от этой синевы тело желтого гиганта казалось чуть зеленоватым...

Он сидел, занимая всю площадку, в позе обыкновенного отдыхающего кузнечика. Не удивился, когда исцарапанные мальчик и девочка выбрались из кустов и встали в метре от его передних ног (девочка пряталась у мальчика за спиной).

Они часто дышали.

Кузнечик наклонил к ним голову.

Голова была размером с бочонок.

Лесь подумал, что это не в точности кузнечиковая голова.

Дело не в том, что громадная. Были, как говорится, принципиальные отличия. У кузнечиков пять глаз — два нормальных, по бокам головы, и еще три маленьких, на макушке. У этого же была только пара глаз. И они — не сетчатые, не из мелких ячеек, как у всех кузнечиков — желтых и зеленых. Они были... ну, почти что человечьи, только большущие, как блюдца. С голубоватыми белками, е зеленой радужной оболочкой, с черными зрачками, в которых плясали искорки. И светилось в этих глазах чисто человеческое понимание.

— Умница, — сказал Лесь, будто Кузе. И погладил великана между глаз. Голова была твердая, покрытая чем-то похожим на отшлифованный янтарь. И весь кузнечик был как из желтой пластмассы...

Он мигнул от мальчишкиной ласки. Это было тоже удивительно. Кузнечики не умеют мигать, и у них нет век. А у этого были — мягкие, с похожими на швабры ресницами.

Мало того! Существо улыбнулось черным щелястым ртом и высунуло язык. Словно не насекомое,

а громадная корова. Язык был красный, широкий, длиной в полметра. Этим языком кузнечик лизнул Леся. Влажная теплая мякоть пахла травой и медом. Язык снизу вверх прошел по ногам, по одежде, задрал до подбородка майку, мазнул по лицу и волосам.

Гайка тихо взвизгнула. А Лесь жмурился и смеялся. Теперь-то не было ни капельки сомнения, что это удивительное создание — друг.

— Не бойся, Гайка, он же совсем домашний...

Лесь подскочил к задней ноге «домашнего» великана. Туловище кузнечика было длиной с легковую машину. Усы тянулись назад вдоль всей спины и еще дальше, царапали за хвостом песчаник. А коленчатые суставы задних ног торчали над туловищем острыми углами на высоте трех метров. Или даже выше. Ноги были в крючках и наростах. Лесь в два счета забрался по ноге до острого сустава, а с него съехал по твердому бедру на спину. По спине добрался до затылка. Кузнечик весело косил на него глазом.

А Гайка все еще обмирала.

— Не бойся! — опять крикнул Лесь. — Смотри, здесь будто седло! Прямо как для нас! Иди сюда!

Он протянул руки, ухватил Гайку за кисти. Она задрыгала ногами и оказалась вместе с Лесем.

Впереди Леся.

На затылке у кузнечика и правда был твердый щиток, по размеру и по форме похожий на широкое кавалерийское седло.

Лесь тепло дыхнул Гайке в затылок:

— Можно было бы покататься. Если бы не страшно, что увидят...

Может быть, кузнечик понял слово «покататься» как команду. Может, просто решил: раз друзья уселись верхом, значит, надо быть конем...

Ни Лесь, ни Гайка так никогда и не поняли хитрый механизм взлета. Как кузнечик сумел выскочить вертикально вверх из этого тесного убежища? Может, завращал крыльями, как вертолетным винтом? Слышно только было, как «пластмассовые» крылья с треском развернулись, а «слюдяные» — подняли вихрь. Синевшее вверху небо стремительно продвинулось. Гайка заверещала, зажмурилась и вцепилась в кромку «седла». Лесь тоже заверещал, но молча, внутри себя. И от страха, и от восторга. Тоже зажмурился. Вцепился в Гайку. И было замирательное, как во сне, ощущение полета вверх и вниз (долгое, просто бесконечное). И мягкий толчок. И, открыв глаза, Лесь и Гайка увидели себя на дороге в балке.

По-прежнему никого не было вокруг.

— Мамочка... Я хочу домой, — хныкнула Гайка.

— Ну, прыгай... А я еще прокачусь.

— Нет... Я тоже хочу...

— Велик! Прокати нас еще!

Кузнечик сделал прыжок по дуге — метров десять вверх, метров тридцать в длину. У-у-у-ух!! Это можно было сравнить лишь с аттракционом «Сумасшедшие горы» в Приморском парке.

— Ой-ой-ой!.. Мама...

— Велик, еще!

И снова были прыжки-полеты, от которых обморочно и восторженно замирала душа...

И вдруг в конце дороги показался крытый брезентом

грузовик.

Лесь прыгнул с «седла» на дорогу, дернул и поймал

Гайку.

— Велик! Скорей к себе!

Сверкая на солнце, трепеща, как старинный аэроплан, кузнечик-гигант умчался по воздуху и канул в заросли.

...Грузовик затормозил в пяти метрах от Гайки и Леся.

— Эй вы, юное поколение! Что тут было? — Это

высунулся из кабины водитель в пятнистой майке и лиловом берете с кокардой.

— Что? — сказал Лесь.

— Вы тут ничего не видели?

— Видели, конечно. Мы же не слепые, — усмехнулся Лесь.

— Что именно?

— Все вокруг. Траву, солнце, вашу машину...

— Да нет! Желтое такое, непонятное!

Лицо у водителя было неприятное — как у сытого торговца в коммерческом киоске. И Лесь объяснил:

— Желтое — это от жары. Бывает. Особенно если человек не закусывает...

Водитель стал выбираться из кабины.

Лесь ухватил Гайку за руку, и они со смехом убежали в орешник — попробуй догони.

— Лесь... ой, я сейчас помру от всего этого...

— Не надо. Зачем же помирать, если все так славно?

— Ладно, не буду... Лесь, а почему ты кричал «Велик»?

— Имя такое придумалось. Потому что великан.

— Тогда лучше «Велька». А то как «велосипед»... Он ведь гораздо больше велосипеда. И езда на

нем совсем не такая...

— Это верно, — усмехнулся Лесь. — Ну, давай еще заглянем к Вельке...

И они опять забрались в Велькино укрытие.

Кузнечик смотрел на них озорно и с вопросом: «Как прогулочка?»

— Здорово, конечно, — похвалил его Лесь. — Но только больше не надо так, среди бела дня. Увидят — устроят облаву. Поймают — повезут изучать. Распотрошат...

Велька посерьезнел, мигнул понимающе.

— Когда будешь заряжаться, крылья высовывай осторожней, чтобы не заметили...

Велька кивнул.

— И сиди здесь тихо. Гуляй только ночью. Завтра мы тебя навестим.

Когда шли домой, Гайка спросила:

— Ну, и что дальше? Куда его теперь?

— Ох, не знаю. В городе такой риск. И нигде его не спрячешь, громадного...

— Лесь! А если на Безлюдных Пространствах?

— Как его туда протащишь? Вспомни, какие проходы! Даже мы еле-еле пролазим в эти щели... Ладно, поживем — увидим...

— Лесь... А почему он получился такой добрый? Если в шаре было злое излучение, он должен

был тоже...

— Излучение ни при чем! Оно исчезло от солнечной энергии! А Велька — он уже потом появился, в пустом шаре. Тоже от солнца. Родился там, как маленький кузнечик в обычном шарике...

— Ничего себе «шарик», — фыркнула Гайка. — Ой, Лесь, у меня такое ожидание, что за все это нам крепко достанется...

Лесь поправил на плече шнурок излучателя.

— Никто не узнает.

И вот — мама узнала.

— Выкладывай все по порядку.

Лесь — куда деваться-то? — выложил. И о рождении

Вельки, и как потом катались на нем после заката, когда в Мельничной балке и на берегах за городом уже нет людей. И как познакомили с Велькой Ашотика.

Ашотик прижался щекой к Велькиной голове и долго гладил его. Словно встретил давнего друга... Жаль только, что на следующий день он, Ашотик, заболел, и бабушка его, Анна Вартановна, горько сказала Лесю и Гайке: «Ни на что не жалуется, температуры нет, просто лежит и молчит...» Лесь украдкой пустил в Ашотика излучателем малень-

кую дозу солнечной энергии, но и это не помогло. Наверно, солнце помогает не от всех болезней...

А Велька так и жил в своем убежище на склоне балки. С момента его рождения прошло три дня...

Мама сказала, что добром все это не кончится. Во-первых, Лесь и Гайка наверняка свихнут себе шеи, если и дальше будут скакать на таком чудовище. А кроме того, назревают неприятности. В местной газете напечатали, что ходят слухи, будто в городе завелся громадный желтый хищник, нападающий на собак, кошек и даже на людей...

— Это Велька-то?! Чушь! Ему, кроме солнца, не нужна никакая пища!

— А в передаче «Приморские новости» говорили, что на новой метеостанции был взрыв. Лопнул антенный шар. Ты разве не слышал?

Лесь не слышал. Как раз в ту вечернюю пору он с Гайкой и Ашотиком катался на Вельке.

— Странная эта история, — сказала мама. — Когда приехала спасательная служба, оказалось, что персонал станции исчез. Спешно эвакуировался. И кстати, выяснилось, что никто не знает, какая это станция и откуда взялась...

— Потому что инопланетяне!

— Ты меня уморишь своими фантазиями... Лесь,

не скачите хотя бы на виду у людей. И держитесь крепче.

— Мы не только держимся. Мы сделали пристежные ремни.

— Ах, как ты меня успокоил!.. Взять бы этот пристежной ремень да по одному месту...

Лесь хихикнул:

— Ты говоришь в точности как Тайкина мама. Вы даже похожи...

— Немудрено! Если у нас такие похожие чада... Впрочем, я уверена, что заводила тут ты. У всех дети как дети, а у моего ветер в голове.

— Солнечный, — вставил Лесь с горделивой ноткой.

— Это дела не меняет...

— Ты сама виновата, — осторожно напомнил Лесь.

— Здрасьте! В чем это?

— А зачем родила меня так близко от солнца!

— Потому что слишком торопливый, — засмеялась мама.

А когда Лесь ускакал, она задумалась. Наверно, и правда она виновата. Не только в том, что родила свое чадо в самолете. Сначала в том, что повстречала в жизни веселого златокудрого студента-археолога, который, не дождавшись

рождения сына, уехал в экспедицию на край дальних южных песков — раскапывать какой-то таинственный город. Обещал вернуться к зиме. Не вернулся. Исчез в песках. Ушел вечером из лагеря и пропал.

До сих пор не верится, что его нет.

Может, ушел он в те Безлюдные Пространства, о которых иногда в порыве своей фантазии рассказывает Лесь?..

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В ночь на девятнадцатое сентября авиаматка «Ладонь» ушла из гавани. Порвала форштевнем боновое заграждение, вышла на внешний рейд, обогнула Казачий мыс и взяла курс на ост-зюйд-ост. Никто не решился помешать ей. Мало того, город словно вздохнул с облегчением.

Лесь узнал о ночном событии рано утром, от дяди Симы. Они оба поднялись до восхода. Дядя Сима спешил по делам в яхт-клуб, а Лесь хотел перед школой навестить Вельку. Он уже не первый раз так делал. Накануне и Гайка ходила с ним утром в Мельничную балку. Но сегодня Лесь решил Гайку не тормошить: она любила поспать и даже в школу прибегала только к самому звонку.

В это утро все было как прежде. Велька смирно

сидел в своем убежище за ореховой чащей. Обрадовался Лесю, хотел его лизнуть. Лесь увернулся.

— Ладно тебе нежничать, не маленький...

Велька улыбался и дурашливо моргал.

Лесь присел у передних Велькиных ног. На них у суставчатых сгибов чернели щели слухового аппарата.

— Ты вот что, — строго начал Лесь. — Живи тут осторожно, не привлекай внимания. И не скачи днем по балке, даже если не будет людей. Все равно кто-нибудь заметит издалека...

Велька кивал, как послушный первоклассник. Но Лесь не очень-то ему верил. Скорее всего Велька не выдержит и днем опять устроит скачки в Мельничной балке. Скучно же целый день сидеть в тесноте. А опасности он, видимо, недооценивает. В самом деле, почему он должен бояться? Разве он кому-нибудь вредил, кого-то обижал? Или мешает кому-то?..

Лесь встал, погладил твердую пластмассовую морду.

— Не грусти, Велище, в сумерках поиграем опять... А скоро я придумаю воздушное стекло, тогда все наладится...

Воздушное стекло — это была последняя надежда.

...Известно, что выпуклые линзы обладают удивительными свойствами. На близком расстоянии сквозь них можно в увеличенном виде рассматривать мелкие предметы. А можно и наоборот — уменьшать большие. Если отодвинуть линзу от глаза и смотреть сквозь нее на окружающий мир, он в стекле переворачивается и делается крошечным. И таким отпечатывается на листе бумаги или прямо на ладони, когда лучи проходят сквозь стекло.

А если пройдут не лучи, а сам предмет, на который направлена линза? Наверно, тогда он тоже уменьшится, перевернувшись вниз головой!

Только стекло должно быть такое... как воздух. Чтобы сохраняло все свои оптические свойства и в то же время свободно пропускало сквозь себя предметы.

Идея была прекрасная. Лесь уже видел, будто наяву, как Велька прыгает сквозь громадную, метров пять в диаметре, линзу, делается размером с котенка и падает в картонную коробку из-под обуви. С этой коробкой Лесь и Гайка мчатся на Безлюдные Пространства. А там Велька вновь становится великаном. Скачи, резвись, гуляй как душе угодно. В безопасности, на вольной воле! Заряжайся на солнце сколько влезет...

Все хорошо, но как сделать воздушное стекло, Лесь придумать не мог. Кое-какие мысли, правда, шевелились в голове. Если, например, соорудить из проволоки большущее кольцо, пустить по нему солнечную энергию и запрограммировать так, чтобы она уплотняла воздух и собирала его в линзу... Но как придумать такую программу?

Может, надергать из флага побольше желтых ниток и сочинить колдовское заклинание?

Лесь размышлял об этом даже на уроках, что и отразилось, разумеется, в его дневнике...

— Не горюй, Ведь, я все равно придумаю, — пообещал Лесь. Этим он подбодрил и Вельку, и себя. — Ну, пока, до вечера. В школу пора...

До школы Лесь, как всегда, шагал босиком. Старенькие сандалии должны были служить еще двое суток, а они, как говорится, еле дышали... Обулся Лесь только на верхних ступеньках лестницы, которая вела из Древней балки к школе.

Застегнул ремешки, распрямился и увидел Вязникова.

Вязников устроился на широком парапете лестничной площадки. Сидел на корточках и что-то искал в портфеле... Или делал вид, что ищет? Может, ждал его, Леся?

Зачем?

Вязников глянул своими продолговатыми глазами и сказал нерешительно:

— А, Носов... Здорово...

— Здравствуй, — равнодушно отозвался Лесь. Внешне равнодушно. А вообще-то событие было выдающееся: вот так, при встрече с глазу на глаз, они поздоровались впервые за три года.

Глядя не на Леся, а в портфель, Вязников проговорил:

- —Удивительное дело...

— Потерял что-то? — вежливо спросил Лесь.

— Я не о том... Сейчас внизу, у старого моста, я видел желтого кузнечика. Весь как солнечный зайчик... Даже не думал, что бывают такие... — И он как-то странно замер.

Лесь подумал, что Вязников и сам похож на кузнечика. На коричневого. Длинноногий, тощий, загорелый. Только коленки торчат не над спиной, а у щек...

— Что же здесь удивительного? — с расстановкой произнес Лесь. — Обыкновенный солнечный кузнечик. Его зовут Витька. Он там живет все лето.

И они с Вязниковым встретились глазами.

— Я так и думал, что ты с ним знаком.

— Отчего же ты это думал?

— Так...

Лесь прошелся по Вязникову внимательным взглядом: от выцветшей, с загнутым хохолком макушки до пяток. Ноги у Вязникова были в частых царапинах. Так же как у Леся. Ну, у Леся-то понятно откуда: когда лезешь через чащу к Вельке, обязательно обдерешься...

— Значит, ты не боишься кузнечиков? — вдруг сказал Вязников.

— С какой же стати их бояться? Они безобидные.

— Не всякие... — Вязников теперь не отводил серьезных глаз. — Я читал недавно про одного фермера в Новой Зеландии. Он подстрелил кузнечика-великана, ростом с теленка. Тот у него калечил собак и овец... Фермер его убил, но потом у него начались всякие несчастья. То овцы мрут, то дом горит... А недавно его нашли на поле с перекушенной шеей.

— Я знаю, я тоже читал... Но ведь я говорю не про таких, а про солнечных, про желтых. Они добрые...

— Даже... самые большие? — тихо и в упор спросил Вязников.

— Даже самые... — тем же тоном ответил Лесь. — Хотя... незнакомых могут огреть ударом тока.

Чересчур любопытных.

— Я думаю, т а к и е кузнечики умеют разбираться, кто плохой, а кто к ним с добром...

— Ну, смотри, — значительно произнес Лесь.

— Ага, я смотрю...

Казалось бы, разговор должен был встревожить Леся. Но не встревожил. Почему-то Лесь был уверен: если Вязников что-то и знает, то никому не скажет. И неожиданно Лесь спросил:

— А брат? Что, ушел на «Ладони»?

— Ушел, — вздохнул Вязников. — Неизвестно теперь, когда увидимся.

— Аты...

— Что?

— Собираешься уезжать?

— Не знаю еще. Как повернется... Вообще-то у меня нет выхода...

— Почему?

— Ну, видишь ли... Я же слово дал каждый год рисовать тебя на гараже. Если не уеду, придется до десятого класса нам с тобой драться...

— Да, положение безвыходное, — хмыкнул Лесь. И сразу вспомнил недавний сон. И увидел, что у Вязникова на правом колене — розовый след от коросты, похожий на букву С. — Слушай, Вязников, а ты знаешь, что у кузнечиков уши на

коленках передних ног?

Вязников растерянно мигнул.

— Не... Я не знал...

— А у тебя уши на коленках никогда не росли?

Странно (очень странно!), что Вязников не удивился.

— Росли. Один раз. Во сне...

Лесь замолчал, переваривал свое изумление. И посоветовал наставительно:

— Смотри, чтобы не выросли по правде. Это бывает... если кто суется куда не надо.

— А... куда не надо? — опять очень тихо спросил Вязников.

Лесь промолчал. И тогда Вязников улыбнулся. С прежней, хорошо знакомой ехидцей:

— Мне это не грозит. Это может случиться с теми, кто много возится с кузнечиками. И уши будут лимонного цвета...

Лесь хотел огрызнуться, но сразу не придумал как. А через три секунды увидел, что неподалеку появилась Гайка. И побежал к ней.

Так в этот день закончился его первый разговор с Вязниковым. А потом случился второй. Вечером.

Лесь и Гайка по Васильевскому спуску торопились к Мельничной балке. Чтобы с полчасика

поездить на Бельке. Ему разминка, а им удовольствие.

Солнце только что утонуло в море, расцвел над крышами перистый закат, начинали свои трели цикады. Уютно и тепло было на тихих улицах. Почти не встречались прохожие. И встретился только один. Вязников.

Его, длинного и гибкого, Лесь узнал в сумерках издалека. Вязников его и Гайку тоже узнал. Остановились. Как-то неловко было молча пройти мимо, хотя и вовсе не друзья.

— Привет... Что-то мы все время сегодня встречаемся. Прямо судьба, — невесело сказал Вязников.

— Никакая не судьба. Просто улицы узкие, — возразила Гайка довольно задиристо. И Лесь мигом почуял, что это нарочно. Хочет показать, что Вязников ей совершенно безразличен.

— Гуляете? — сказал Вязников без ехидства, довольно задумчиво. Но Гайка взвинтилась еще сильнее:

— Гуляем! Скажи еще: жених и невеста!

Вязников промолчал, и Гайка оказалась в глупом положении.

— Тоже гуляешь? — спросил Лесь Вязникова примирительно.

— Лекарство искал. Бабушка слегла... Ну, ты помнишь, ты ее видел прошлый раз...

— Сердце, наверно? — неловко проговорил Лесь. Потому что теперь было бы совсем уж неудобно просто так разойтись.

— И сердце, и все остальное. Старая потому что... А недавно еще вся разволновалась. Ее из магазина выпихнули. Просила, чтобы банку горошка дали без очереди, а ее взашей...

Лесь и Гайка посмотрели друг на друга.

— Нашел лекарство-то? — спросила Гайка.

— Не-а... Две аптеки закрыты, в третьей нет такого. На рецепт глянули, только рукой махнули. Иди, говорят, в специальную, ветеранскую. Там дадут и даже бесплатно...

— Туда, значит, и шагаешь теперь, — посочувствовал Лесь.

— Домой шагаю. Та аптека в Батарейной слободе, а катера через бухту не ходят, в гавани комендантский час.

— Какой еще час? «Ладошка» же ушла! — возмутился Лесь.

— Она ушла, а час остался. Боятся, наверно, что и другие... Теперь до завтра ждать. Если... — Вязников не стал продолжать. И так было ясно: если завтра лекарство еще будет нужно.

— Давай, Вязников, рецепт, — сказал Лесь. Потому что, видать, и в самом деле судьба.

— А... зачем? Ты... где? Думаешь вокруг бухты? Не успеть до закрытия...

— Давай, не спрашивай. Если достану лекарство, сразу принесу. А нет, так нет, не обижайся...

— На... Лесь! А может, я с тобой?

Он впервые сказал не «Гулькин» и не «Носов», а «Лесь». И будто музыка прозвучала — из того сна про оркестр. Но Лесь ответил твердо:

— Нет. Иди домой... На какой там улице аптека-то?

— На Мичманской...

Лесь побежал. Гайка за ним. Лесь на бегу велел:

— Ты давай-ка домой. Я один.

— А вот уж фигушки! Одного тебя я не пущу!

— Вельке будет тяжело! Ведь через бухту же, целый километр!

— Все равно не пущу!

— Дура! Он же не птица, а кузнечик, он не летает далеко! Плюхнемся!

— Пусть! Все равно! Если ты один поскачешь, я тут же помру от страха...

— Булькнемся посреди гавани — помрем оба!

— Нет... Он перелетит! Я знаю!..

Велька перелетел. Сначала длинными скачками он двинулся по бетонному волнолому, потом прыгнул с оконечности мола, где мигал зелеными вспышками маячок.

У выхода из бухты дежурил буксир Вспомогательного флота. Наверно, вахтенному Велька показался на фоне заката черным летящим драконом. Взвыла сирена, ударил по Вельке прожекторный луч. И громадный кузнечик засверкал, загорелся в этом луче сотнями желтых бликов.

А Лесь и Гайка на миг ослепли, ощутили тугую силу бьющего света.

Но Велька сложил крылья и почти отвесно упал на оконечность другого мола — у красного маяка. И скачками кинулся к берегу. И прожектор не догнал его...

Трудно рассказать про эту сумасшедшую смесь взлетов и падений. Казалось бы, Лесь и Гайка уже были привычные, но в этот раз они заново пережили всю жуть великанской скачки.

Да, лететь долго Велька не мог. Потому и пришлось выбрать опасный путь по волноломам у выхода из бухты, на глазах у бдительной вахты буксира. Зато расстояние тут, между маяками, гораздо меньше, чем от берега до берега...

Лесь никогда в жизни еще не совершал таких отчаянных поступков. Самыми храбрыми делами его были, пожалуй, ежегодные драки с Вязниковым. А тут — надо же! — прыжок через Большую гавань да еще в комендантский час!.. И главное, ради кого? Ради того же Вязникова... Хотя нет, ради его бабушки... И ради чего-то еще... Недаром сквозь страх поет в ушах флейта...

— Велька, прямо!.. Велька, левее!.. Велька, замри!

И Велька послушно замирал среди кустов и палисадников, когда над крышами проносился прожекторный луч.

— Велька, вперед!

И снова от стремительного взлета все замирает внутри. И обморочно охает Гайка — она сжалась впереди Леся... Все-таки она отчаянно храбрая...

Если бы не брезентовые ремни, которые Лесь приклеил эмульсией ПВА к Велькиному «седлу», быть беде. Не удержались бы Гайка и Лесь на скользком Велькином загривке. Но сегодня Лесь особенно прочно застегнул пряжки...

Еще полет, еще... Над темными садами, над черепичными крышами Батарейной слободы. Кто-то вскрикнул внизу. Пусть! Не догонят, не разглядят! Воздух бьет навстречу, дергает Гайки-

ны кудряшки...

Что ни говорите, а это настоящее приключение!

Лесь вспомнил, что Мичманская улица в квартале от старого кладбища. Это было очень удачно. Кладбище — отличная «стоянка» для Вельки: вряд ли кто сюда полезет в темноте.

Приземлились на холмиках среди черных старых кипарисов.

— Гайка, побудешь здесь...

— Лесь, я с тобой! Здесь покойники...

— Укусят они тебя, что ли? С тобой же Велька! А я — мигом!

Оставлять Вельку одного Лесь опасался: вдруг испугается чего-нибудь, ускачет. Конечно, большой и понятливый, а все-таки насекомое...

Лесь животом перевалился через каменную ограду. И — стрелой по переулку. Вот и Мичманская. Темная, пустая, одноэтажная. В густых акациях.

Маленькая аптека светилась окошками сквозь перистые листья, как сказочный домик.

И дальше все случилось, как в доброй сказке. Пожилая тетенька в квадратных очках не заворчала на влетевшего растрепанного мальчишку. Заулыбалась:

— Ух, какой проворный. Давай рецепт... Ага, бесплатный! Бабушке, наверно?.. Получай лекарство. Не разбей, здесь ампулы...

Лесь, цепляя дырчатый камешек, сунул под майку плоскую коробку.

— А чего ты босиком-то, жеребенок?

— Обувь берегу... — Лесь крутнулся на голой пятке. — Спасибо! Я полетел!

Возвращаться прежней дорогой было безумием. Уж точно взяли бы в перекрестье лучей. А могли и шарахнуть очередью с патрульного сторожевика. С перепугу...

— Гайка, придется вокруг бухты!

А это было километров десять, не меньше.

— Велька, миленький, торопись!

Но, как ни торопились, приходилось выбирать дорогу — там, где безлюднее и темнее. С кладбища — на глинистые пустыри. Оттуда — над крышами окраин и в темный, без единого фонарика сквер. Потом — на маленький стадион. Ну и так далее. На Батарейной-то слободе это дело нехитрое, места здесь тихие, а вот дальше...

Бухту все-таки не стали огибать, перелетели, но уже недалеко от оконечности, в узком месте.

Внизу пронеслись огни катеров и причалов. Справа проплыла сияющая огнями громадная

ГРЭС.

— Вон там я жила! — крикнула Гайка и махнула вниз. Она уже ничуть не боялась. И Лесь привык к гигантским скачкам-полетам. Лишь бы не заметили.

Хорошо, что городские кварталы прорезаны балками. Сначала промчались по Корабельной, потом по Греческой. Оттуда — крутой взлет над Рыночной горкой. (А город с огоньками — такой красивый с высоты!)

Сели в маленьком детском парке. Хорошо, что детский — по вечерам закрыт. Лишь гипсовые мальчишки и девчонки вокруг площадки с качелями белеют, как привидения.

Велька устало качался на тонких ногах, как вертолет на амортизаторах. От него пахло теплой пластмассой.

— Велечка, еще немного! Уже близко...

И опять — у-у-у-ух в высоту...

И вот она — Мельничная балка. Велька знает свой дом: вниз по вертикали, в безопасные заросли.

— Спасибо, Вельчик! Отдыхай! До завтра...

И Лесь чмокнул его в твердую разогретую морду.

Вязников жил в одноэтажном доме на улице

Сигнальщиков. Он ждал Леся и Гайку у калитки. А они часто дышали от бега.

— На, Вязников...

— Достали?!

— Как видишь, — выдохнул Лесь.

— Вот спасибо... Послушай, Лесь...

— Что? Говори скорей, нам домой пора.

— Вы... на нем ездили? На Вельке?

— Гайка, бежим! — Лесь дернул ее за руку. И уже через квартал, когда перешли на шаг, он сердито сказал: — Я так и знал. Разнюхал Вязников про нашего Вельку.

— С чего ты взял?

— Он же сказал: «На Вельке ездили!»

— По-моему, он сказал «на велике». Наверно, решил, что мы гоняли на велосипеде вокруг бухты...

«Может, и правда?» — подумал Лесь.

— Ладно, побежали! — опять скомандовал он.

— Ох и будет мне дома за то, что так поздно...

— Ха! А мне!..

Ему «было». Но не так сильно, как он боялся.

— Где же тебя это ведьмы носили, бессовестное ты создание! Дядя Сима уже искать хотел! Тетя Цеца капли глотает! А про меня ты думаешь?

— Мы заигрались...

— Они «заигрались»! Ты у меня доиграешься, что будет тебе не день рожденья, а... не знаю даже что! Штрафной батальон...

— Мамочка, я... пере-вос-питаюсь! Завтра же! Вот честное-честное-честное...

— Шантрапа босая... Нечего обниматься! Серафим, устроил бы ты ему трепку в самом деле...

— В следующий раз, — пообещал дядя Сима. И украдкой показал Лесю кулак.

...А потом, уже в постели, Лесь взлетал и падал на гигантских качелях. А внизу мигали и кружились огни города И рейда. И сильно пахло теплой травой и морем...

АВТОМАТЧИК

Утром Лесь услышал от мамы:

— Чтобы я больше не видела тебя босиком или в старых сандалиях! Немедленно надевай кеды.

Лесь засопел и послушался: после вчерашнего спорить было опасно. Хотя, конечно, это скверная примета — не доносить летнюю обувь до осеннего равноденствия, пускай даже всего два дня.

Лесь утешил себя, что сегодня сходит в школу в новых кедах, а завтра незаметно опять наденет сандалии. Но утешение было неполное...

Плохая примета начала сбываться в школе с

первой минуты. Оказалось, что не пришел Вязников. Неужели что-то случилось с бабушкой? Значит, лекарство опоздало?

Если разобраться, то что ему до Вязникова? И что ему незнакомая бабушка? Главное, что он, Лесь, вчера все сделал как надо. И может гордиться. Но беспокойство не проходило.

На перемене Лесь хотел поделиться тревогой с Гайкой, но узнал, что и она не пришла. Еще не легче! Неужели заболела после вчерашней встряски?

Гайка прибежала к началу второго урока. Она, видите ли, проспала. «Будильник испортился! » Лесь надулся на нее и не стал разговаривать.

На уроке природоведения он получил два замечания, что «витает мыслями не там, где надо». Но все равно витал. Чтобы не тревожиться о Вязникове, Лесь начал думать о воздушном стекле для прибора «УК» (уменьшитель кузнечиков). Если бы сделать это стекло, все было бы замечательно. Велька поселился бы в солнечном покое и тишине, на берегах, куда не доносятся ни злые человеческие голоса, ни шум городов, ни залпы гражданской войны, которая то зловеще тлеет, то разгорается на Побережье...

На Безлюдных Пространствах целую тысячу

лет не было войны. О ней говорят лишь заржавелые наконечники стрел, которые попадаются среди камней, да профили полководцев в боевых шлемах — их можно разглядеть на древних, найденных в песке монетах...

Там, где нет людей, не бывает войны...

Впрочем, нельзя сказать, что Пространства совсем уж безлюдны. Иногда кажется, что кто-то есть рядом. Смотрит с ласковой усмешкой на Леся то из-за мраморной колонны, то из чащи дубняка, то из разрушенной бойницы в крепостной стене... Вот-вот выйдет навстречу. Может быть... это дедушка? Лесь хорошо помнит его... А может быть... тот молодой археолог, непонятно как исчезнувший в песках? Мама о нем говорила не раз...

А капитан бесшумно севшей летающей тарелки — он ведь тоже был совсем человек. Немного похожий на деда и на дядю Симу. Спокойный, все понимающий. Лесь ничуть не испугался, только стало немного грустно, когда тарелка исчезла в синеве...

Может, прилетит опять?

А иногда кажется — сейчас выбежит навстречу мальчишка, похожий на него, на Леся. Или... на Вязникова?

Ну что такое, никуда не денешься от этих мыс-

лей!

После уроков Гайка подлизывалась и предлагала пойти искупаться. Но Лесь отговорился, что дома куча хозяйственных дел. И поскорее ушел.

Никаких особых дел дома не было. Он помог Це-це вымыть тарелки (чем несказанно умилил ее), потом сел доделывать флейту из бамбука. Зачем — сам не знал. Все равно, как ни крути, получалась писклявая дудка. Свистеть в нее было можно, а сыграть мелодию — никак (если бы даже Лесь умел играть на флейте)... А сперва-то ему казалось: поднимет бамбуковую трубочку к губам, дунет, нажмет прожженные каленой проволокой отверстия — и сам собою зазвучит мотив. «Анданде модерато». Нет, голубчик, это тебе не кузнечиков выводить...

Как там бедняга Велька после вчерашней скачки? Пора сбегать, проверить его. И... по пути заскочить к Вязникову. Неловко это, но все же лучше, чем томиться неизвестностью.

— Тетя Цеца, я погуляю!

И Лесь вышел из калитки.

И тут же увидел Вязникова. Тот бежал. Отчаянно, изо всех сил.

— Лесь! На твоего Вельку облава!

У Леся повисли руки. Пусто стало — и внутри,

и вокруг.

— Какая... облава?

— Две машины поехали в Мельничную балку! С «лиловыми беретами»!.. Лесь, они ведь в объезд! Если напрямик, можно успеть увести Вельку!

Откуда он все знает? Неважно... Важно — напрямик!

Лесь кинулся... Нет, не по улице. Сперва — домой. Выдернул из-под кровати приклад с «лейденской» банкой. У «беретов» — автоматы, у него — солнечный излучатель!

Лишь бы не опоздать!

Нет, не к Вельке. Выскочить навстречу машинам. Пустить луч по одной, по другой — и люди в кузовах и кабинах опомнятся. Поймут, что нельзя стрелять по Вельке!.. Ни по кому нельзя! А по солнечному кузнечику — тем более: он хотя и большой, а совсем безобидный! Доверчивый! Ни в чем не виноватый!..

В излучателе еще много энергии. Лесь это чувствует по весу и теплу банки! Он берег эту энергию, чтобы сделать воздушное стекло, но теперь не до того. Главное — спасти Вельку сейчас! Адальше можно что-нибудь придумать...

Все эти мысли пролетали в голове у Леся, когда он мчался вверх по переулкам Французской сло-

бодки. Надо было пробежать через слободской холм и успеть к Мельничной балке раньше, чем туда извилистыми дорогами въедут транспортеры со «спаснацами» — гвардейцами Бригад национального спасения.

Лесь бежал один. Когда он выскочил за калитку, Вязникова там не оказалось. И не было времени оглядываться, искать, звать...

Лесь дышал загнанно, кололо в боках. Но он не останавливался. Вот и улица Кипарисная на гребне холма. Теперь — легче. Вниз, вниз. По ракушечной лестнице, по переулку боцмана Демидова, через чей-то двор, где зашлась лаем кудлатая собачонка. Опять ступенчатый извилистый трап... И вот она — Мельничная балка. Слева, в конце ее, на дороге неторопливо пылят две военные машины...

Лесь понял, что успеет. Вон туда, где на дне балки через глинистую промоину перекинут мост. На нем — лучше всего. Там тяжелые машины замедлят ход.

Лесь через упругие кусты скатился вниз. Ободранный, всклоченный, но почти спокойный взошел на горбатый мост.

Это было решетчатое железное сооружение без перил. С поперечным настилом из досок. Доски

были не опилены, разной длины. Некоторые торчали над промоиной далеко от края моста.

Машины приближались с тяжелым гулом. И теперь было видно, что идут они на большой скорости. Неудержимо. Лесю стало жутковато. Он ступил на самый край моста. А потом еще дальше — на упругий конец доски — она пружинисто качнулась под мальчишкой.

Лесь тоже качнулся. Но тут же понял, что у него удачная позиция. Он пропустит машины, а потом ударит лучом по ним вслед. А иначе — нет смысла: ведь кузова-то крытые брезентом, не видно, кто там и сколько их. А сзади брезент всегда откинут...

Вопреки ожиданию транспортеры не сбавили ход. За стеклом кабины Лесь увидел оскаленное лицо водителя: мальчишки, мол, тут еще не хватало! Нашел где играть, сопляк! И машина с воем, с ударом горячего бензинного воздуха пронеслась...

Но случилось то, чего не ждали ни Лесь, ни водитель. Задние скаты тяжелого транспортера с маху проломили доску настила. Ту, на которой стоял Лесь! Середина доски ухнула вниз, а вздыбленный конец швырнул легонького Леся в воздух! Как цирковой снаряд швыряет акробата!

Лесь взлетел по дуге и грохнулся на четвереньки посреди моста. Уронил излучатель. А второй транспортер надвигался с нарастающим ревом.

Лесь не успел схватить излучатель. Оглушенный ударом и болью, он, спасая себя, рванулся к краю моста. И, падая с него, еще успел увидеть, как рубчатая шина сплющила «лейденскую» банку...

Лесь упал в промоину, на влажную глину, рядом с ручейком. Но боль и страх задержали его лишь на секунду. Он вскочил, шатнулся и кинулся к склону. Слышал за спиной вой тормозов и крики... Пусть! Хорошо, что остановились! Он выиграет время! Раз нет излучателя, остается одно — защитить Бельку собой. Не посмеют же они стрелять в него, в Леся!

Он рывками сквозь орешник и дубняк поднялся до середины склона. Здесь был земляной карниз, а на нем — намек на тропинку. И Лесь кинулся по этому карнизу к Велькиному укрытию.

И видел внизу — будто эпизод из кино.

Машины остановились, из кузовов попрыгали дядьки в пятнистых комбинезонах и лиловых беретах. С черными короткими автоматами. И еще с какими-то непонятными штуками в руках. Встали цепью, махнули руками. И по балке

разнесся рассыпчатый треск. Лесь понял, что у гвардейцев ручные трещотки — вроде тех, что бывают у болельщиков на стадионах. Видимо, охотники решили напугать шумом и выгнать из убежища «чудовище».

А Велька... большой, бестолковый, доверчивый Велька вылез навстречу. Вылез радостно, безбоязненно. Приподнялся над кустами на желтых пластмассовых ногах и затрещал в ответ. Зубчатые звуковые пластинки терлись одна о другую, наполняя балку шумным веселым стрекотаньем: «Вот он я! Здравствуйте! »

Видимо, бедняга решил, что его отыскали родичи — такие же солнечные кузнечики-великаны: трещат, зовут к себе!

— Велька, назад!

Но разве он услышит в этом шуме...

Цепь автоматчиков подымалась резво — обученные кадры. Впереди других скачками двигался вверх один — наверно, командир. В лихо заломленном берете, без трещотки, с автоматом на локте.

Лесь тоже рвался вперед без задержки: встать впереди Вельки, заслонить! Он же не хищник, не страшилище, он ручной! Потом вскочить на него: «Велька, вперед!» И не догонят. А стрелять

побоятся!

Лесь был в пяти метрах от Вельки. Автоматчик — тоже, только ниже по склону. Он остановился. Лесь увидел его лицо. Гладкое, ленивое, со спокойными глазами. Со скошенным на сторону подбородком и кривыми губами — словно автоматчик жевал резинку. Может, и жевал... Он поднял черный маленький, будто из «Детского мира», автомат.

— Не на-адо!!

Лесь понял, что не успеет к Вельке. Он ломился теперь сквозь низкий орешник прямо к стрелку.

Велька перестал стрекотать, и трещотки смолкли. Из автоматного ствола выскочила тусклая оранжевая вспышка, и он будто заквакал — редко, негромко.

Лесь сумел оглянуться в своем стремительном движении. От Вельки летели желтые клочья, и у него подламывались суставчатые ноги.

Отчаяние и режущая обида в долю секунды превратились в тугую ярость. Она — как пружина — метнула Леся в воздух. И он в полете ударил автоматчика головой под грудь, ниже задравшегося черного ствола.

Они вдвоем покатились по склону. Лесь — в беспамятную черноту. Он успел еще почувствовать,

как в грудь ему вдавился дырчатый камешек: не больно, а словно о чем-то напомнил. И — все...

ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ

Первый раз Лесь пришел в себя на больничной койке. Рядом хлопотали медсестра и мама.

Ничего не болело, только руки и ноги были совершенно бессильные. И очень было жаль Вельку. Лесь все помнил. Он заплакал. Мама шепотом начала уговаривать его, а медсестра принесла маленький блестящий шприц. Лесь безропотно дал уколоть себя, всхлипнул еще и уснул. До утра.

А утром его на машине с красным крестом увезли домой.

Дело в том, что Лесю повезло с медициной. Первым врачом, к которому он попал, оказался молодой веселый дядя Андрей — сосед и знакомый. Он жил в том же квартале, что и Лесь.

Дядя Андрей сразу успокоил маму: ничего опасного, нервный шок, потрясение, скоро пройдет. Ночь пускай Лесь проведет в больнице, а потом главное — не волновать, не расспрашивать. Пару дней пусть не ходит в школу.

Дома Лесь попал под опеку Це-це. Мама, повздыхав, ушла на работу, дядя Сима — по своим делам.

Це-це не приставала зря. Ходила на цыпочках в соседней комнате и только изредка спрашивала через дверь: не хочет ли чего-нибудь Лесь? Холодного грушевого морса, молока или яблока?

Лесь лежал и ничего не хотел. Приходили Пират и дядя Шкип, ласкались, жалели Леся. Желтый Кузя иногда прыгал к нему на грудь, стрекотал вопросительно:

— Что с тобой?

Лесь через силу улыбался:

— Все нормально...

Кузя был очень похож на Вельку, если на того смотреть издалека.

Теперь не на кого будет смотреть...

И опять вспомнилось, как летели от Вельки желтые клочья. А потом — лицо автоматчика со скошенным подбородком и кривыми губами. И с пустыми глазами. У Вельки глаза были человечьи, а у этого...

В обед приходили мама и дядя Сима. Чтобы не тревожить их, Лесь поднялся, съел полтарелки супа и даже сел за книгу — прочитанную вдоль и поперек «Занимательную астрономию». Сказал, что чувствует себя вполне нормально, только жаль кузнечика.

Но мама сказала, что Лесь еще болен. Вот какой

он устроил себе день рождения... Нет-нет, она его не упрекает, наоборот, поздравляет с десятилетием. Но лучше перенести этот праздник с сегодняшнего дня на воскресенье. Лесь не спорил, ему было все равно.

Мама и дядя Сима ушли. Це-це осторожно шуршала за дверью.

Лесь опять лежал. То просто так, то лениво поигрывал с Кузей. Иногда думал: «Отчего же не приходит Гайка? Обиделась за вчерашнее? Или не пускают?» Но думал без тревоги.

Когда завечерело, пришел Вязников.

Лесь не удивился.

Вязников не вошел в дом, а стукнул по стеклу открытого окошка.

— Здравствуй, — устало сказал Лесь. — Видишь, я не успел спасти Вельку.

— Знаю... Я тоже не успел. Я ведь бежал недалеко от тебя.

— Да? А я и не видел.

— Конечно. До того ли тебе было...

Помолчали.

— Зато я подобрал вот что... — Вязников протянул через подоконник излучатель. Банка была истерзана, помята, но... не расплющена. Кто-то вернул ей выпуклую, хотя и неровную форму.

— Ты, что ли, выправил? — слабо улыбнулся Лесь.

— Ага. Полдня старался.

— Спасибо. Только зачем это теперь...

В банке не было ни тяжести, ни теплоты. Пустая жестянка. Вязников мог бы обидеться. Но сказал серьезно:

— Мало ли... Никто ничего не знает до конца...

Лесь вспомнил:

— А что с твоей бабушкой?

— Теперь более или менее... Ночью пришлось повозиться, но лекарство помогло. Спасибо тебе...

— Ладно... — вздохнул Лесь. И хотел спросить: «А как ты узнал про Вельку?» Но почему-то не решился, сказал про другое: — Гайка не приходит. Отчего бы это...

— Она же оба колена вчера содрала, ее на руках домой унесли. Она ведь тоже бежала к Вельке...

— Я и про это не знал!

Вязников сказал опять:

— До того ли тебе было...

— Это ты предупредил Гайку?

— Да, по пути.

Лесь уже совсем собрался с вопросом: «Откуда ты узнал про Вельку-то?» Но Вязников словно

догадался. Заспешил:

— Побегу, а то бабушка там одна... — И пропал.

Лесь повертел в руках пустой излучатель, бросил на постель. Посидел у окна. Солнце — неяркое, оранжевое — уже висело над домом Ашотика.

Ашотик все болеет. Непонятной тихой болезнью без температуры и кашля, без всяких страданий. Просто лежит, и ничего ему не надо. Даже с Денисом играет редко...

Старые дедушкины часы в соседней комнате пробили три четверти седьмого. Мама на своей почте работает до семи, придет в восьмом часу. Дядя Сима тоже еще не появлялся. Лесь не скучал, но и радости у него не было на душе. Так, равнодушие какое-то.

А вечер наступил ясный, с желтым закатным небом, с алым свечением в редких перистых облаках. Но и на эти облака не хотелось нынче смотреть.

Лесь отвернулся от окна. Лег опять.

Но тут встревожился Кузя: издалека скакнул на грудь Лесю, а потом на подоконник. Застрекотал. Смотри, мол!

Что это? Лесь вскочил. В доме Ашотика одно из окон горело колючим зеленым огоньком! Не просто в доме Ашотика, а в его квартире. То

самое окно!

Оно было распахнуто. И сквозь него, сквозь двери, сквозь окошко на кухне бил навылет изумрудный луч! Это солнце спряталось за маяк на Казачьем мысу и закатным светом зажгло в маячном фонаре зеленое стекло!

Господи, ведь равноденствие же!

Лесь забыл об этом. А больной Ашотик не забыл. Сделал, что обещал!

Рядом с зеленой искрой зажглась оранжевая — вспышка солнца на оконном стекле. Они слились в единый луч — с таким цветом, названия которого Лесь не знал. Но он понял, что это тот самый Луч. Как из дырчатой Луны.

Ведь он долетел к Лесю через пустоту!

Темной пустотой была комната Ашотика. Пустотой — потому что там не было и никогда не будет отца и мамы. Темной — потому что в ней жила постоянная печаль. Но Луч прошел сквозь нее, не затерялся. И, вырвавшись, наполнился живой силой!

Лесь ухватил излучатель, повернул банку донышком к свету. И «лейденская» банка стала наполняться привычной теплой тяжестью...

Потом солнце ушло, блики на маяке погасли, и на нем включился изумрудный электриче-

ский свет. А скоро и этот свет исчез — в комнате Ашотика закрыли дверь. Но энергонакопитель оставался теплым и увесистым.

Лесь прицельно глянул вокруг.

Из-под кровати торчал желтый стержень. Это валялась там бамбуковая флейта — неудачная самоделка. Из открытой двери падал свет лампочки и горел на бамбуке, как на солнечном кузнечике!

И Лесь, послушавшись толчка нервов, направил излучатель на флейту. Нажал спуск.

Это всего лишь на миг. Тут же Лесь застеснялся самого себя. Что за чушь? Зачем он тратит энергию на бесполезную дудку?

А блик на лаковой поверхности дудки разгорелся, словно свечка. Так и просил: возьми в руки!

И Лесь взял.

Облизнул губы. Медленно поднял к ним легкую трубочку. Дунул. Негромкий переливчатый звук возник в тишине вечерней комнаты. И Лесь... он вдруг понял, что з н а е т, как дуть, как нажимать отверстия. Словно это была настоящая флейта и он умел играть на ней всю жизнь. И немного печальная «срединная» мелодия старого марша родилась сама собой — легко, безошибочно.

Це-це притихла за дверью. Кузя замер на под-

оконнике. А Лесь играл, радуясь своему умению, но растворял эту радость в сдержанной грусти мотива.

Две желтые бабочки влетели в окно, кружились около Леся, садились на плечо и на локоть. Он кивал им и продолжал играть.

А когда мелодия кончилась, он услышал:

— Ой, Лесь! Где ты так научился?

В окне торчала голова Гайки.

ЖЕЛТЫЕ БАБОЧКИ

— Лезь сюда, — сказал он Гайке.

— Лучше ты выбирайся. Мне трудно...

Лесь выскочил в окно. Еще светило закатное небо, и Лесь увидел, что у Гайки забинтованы оба колена. Гайка тоже посмотрела на них.

— Еле сгибаются... Мама целый день не выпускала из дома, а я просилась к тебе. Сейчас пришел папа и отпустил...

— Я и не знал, что ты тоже была там. В балке...

— Была. Не успела...

— Никто не успел. И Вязников...

Они помолчали.

— Лесь, я даже не догадывалась, что ты умеешь так играть, — сказала Гайка.

— Я не умел. Это само собой получилось.

— Разве так бывает?

— Излучатель помог. Вязников его исправил, а я зарядил...

— Вязников — он все-таки молодец... Да?

— Только Вельку уже не спасти. Поздно...

Гайка отвернулась и сопела.

Лесь тихо спросил:

— Ты не знаешь, его увезли? Ну... то, что от него осталось? Или бросили там?

Гайка молчала.

— Если бросили... надо похоронить, — совсем уже шепотом сказал Лесь. В горле защекотало.

Гайка не отвечала. И Лесь вдруг понял, что молчание ее — удивленное.

Наконец Гайка сказала нерешительно:

— А ты... значит, не видел, что с ним случилось?

— Что? — Лесь вспомнил желтые клочья.

— И тебе не говорили?

Лесь мотнул головой.

— Он ведь... превратился в бабочек. В желтых...

— В бабочек? — выдохнул Лесь. И поперхнулся.

— В целую тысячу. Нет, в миллион... И они тучей стали кружиться над кустами... И с ними ведь ничего не сделаешь, в бабочек бесполезно стрелять из автомата, — в голосе Гайки мельк-

нуло горькое торжество. — А над «лиловыми беретами» все теперь смеются, говорят: приняли большую стаю бабочек за чудовище, устроили охоту. Чуть не постреляли ребят, которые там играли. То есть нас...

— А потом? Эти бабочки... они улетели?

— Не все. Их там еще много над тем местом. И вообще в балке. Так рассказывают.

Лесь, конечно же, вспомнил желтых бабочек, что недавно садились ему на плечо и на локоть.

И задохнулся от догадки!

Догадка была острая, как боль, и сладкая, как слезы облегчения. Лесь теперь з н а л, ч т о д е л а т ь. Он опять прыгнул через подоконник — в комнату. Схватил излучатель и флейту. Из ящика стола выдернул длинный трубчатый фонарик. Излучатель — на плечо, флейту — под резинку на шортах, фонарик — в руку. И — снова на улицу.

— Гайка, идем!

— Куда?

— Туда! В Мельничную балку... Ой, тебе нельзя на таких ногах. Ладно, шагай домой, я потом к тебе забегу...

— Я с тобой!

— Ты же еле ноги сгибаешь!

— Хорошо сгибаю! Одного тебя я не пущу!

— Тогда держи фонарь!..

На улицах фонарик был пока не нужен: закатное небо еще не совсем погасло, сумерки были редкие, прозрачные. В них ярко белели Гайкины бинты. Впрочем, ноги она сгибала нормально и от Леся не отставала, хотя шел он торопливо.

А несколько бабочек — светлых, словно клочки желтого заката, — трепетали над Лесем и Гайкой. Кружились, улетали вперед.

Казалось, зовут за собой.

До Мельничной балки добрались за пятнадцать минут.

На склоне, среди мохнатой чащи, было уже темно, Гайка включила фонарик. Она охала и кряхтела, но храбро держалась рядом с Лесем.

А бабочек становилось все больше. Они роились над головами, щекотали крыльями лица и голые руки. Солнечными зайчиками вспыхивали в широком луче. А когда Лесь и Гайка поднялись до т о г о места, вокруг металась живая желтая метель. Лесь встал на проплешине среди орешника, прочно расставил ноги.

— Гайка, свети, не выключай!

И он заиграл. Это был всплеск светлой печали и радости — одновременно. Музыка «анданте модерато», которая свободно полилась из бам-

буковой флейты, пела голосом грустной победы. Грустной — потому что на свете оставалось много несчастий и слез. Но все-таки — победы, потому что на этот раз Лесь одержал над бедою верх.

Он был в этом уверен. Он точно представлял, что сейчас произойдет.

И это произошло.

Громадный рой светлых бабочек спиральным столбом взвихрился перед Лесем и Гайкой. Потом принял четкие, знакомые контуры... И живой невредимый Велька встал над кустами на своих великанских суставчатых ногах. Заблестел желтой пластмассой. По-человечески мигнул. Потянулся к Лесю и Гайке широким, пахнущим травой и медом языком...

— Нечего лизаться, дурень. И больше никогда не отзывайся на трещотки... — Это Лесь проговорил, чтобы не разреветься от счастья. А Гайка — та и правда заплакала. В голос. И щекой прижалась к Велькиной твердой морде с улыбчивым ртом.

Лесь по Велькиной ноге забрался до коленного сустава, привычно скользнул кузнечику на спину, съехал на загривок.

— Гайка! Здесь даже и ремни! Те самые!.. Гай... ну не реви, хватит. Иди сюда... — Он протянул с высоты руки. — Вот так... Выключи фонарик, а

то заметят.

Гайка выключила. Всхлипнула:

— А куда теперь?

— В Заповедник... Дай пристегну.

— Лесь, зачем в Заповедник?!

— Надо. Не бойся... Вельчик, вперед. Вон туда, вверх! И к морю!

— Лесь! Ведь опять заметят!

— Не успеют! Держись!

Гайка вцепилась в передний край «седла». Лесь — в Гайку. И Велька — живой веселый Велька! — взметнул их в высоту.

Они достигли береговых обрывов тремя громадными скачками. Велька сел на плиты среди редких мраморных колонн, которые белели в загустевших сумерках. Над головами уже дрожали звезды. А в море мигали похожие на звезды сигнальные огоньки. Резко пахло полынью. Стеклянно звенели цикады. И не было никого вокруг.

— Будто в Безлюдных Пространствах, — шепнула

Гайка.

— Да... Они ведь рядом. Я думаю, Велька там не соскучится. Мы будем к нему приходить...

— Лесь, как он туда попадет-то?!

— Спускайся... — Лесь помог спрыгнуть Гайке

(она охнула), соскочил сам. Выдернул из-за пояса флейту. — Велька! Слушай...

Велька со вниманием наклонил круглую башку. Умница.

— Ты должен сейчас опять... Ну, как тогда... снова пре -вратиться в бабочек. Это обязательно надо, Велька! Бабочки пролетят за нами в проход, а потом ты превратишься опять... Понял?

Велька кивнул.

— Я заиграю, а ты... разлетайся. Давай! — И Лесь заиграл.

Он хорошо играл. И эта музыка, видимо, нравилась Вельке. Он даже в такт ей стал переступать передними ногами. Но в бабочек не превращался. То ли не мог, то ли все-таки не понимал, чего от него ждут.

— Ну что же ты! Это ведь обязательно! Иначе — никакого выхода! Скорее!

И Лесь заиграл опять!

Велька, видимо, решил, что его дрессируют. Начал пританцовывать и даже крутнулся на месте.

Лесь чуть не заревел от досады.

— Балда пластмассовая! Тебе что говорят! Рассыпайся немедленно! Ну!.. — И Лесь в отчаянии поступил беспощадно. Сунул флейту под резинку, а с плеча рванул излучатель и вскинул, как

автомат. — Та-та-та! Огонь! Ды-ды-ды-ды...

Что и говорить, жестоко это было. Но правильно. Велька то ли понял, то ли просто испугался. Вскрикнул, как ребенок, и мигом превратился в тучу бабочек. Теперь они не казались светлыми. Заметалась среди колонн темная пурга.

— Не разлетайтесь! — изо всех сил закричала Гайка. — Не смейте! Летите за нами!

— За нами! — крикнул и Лесь.

Бабочки не разлетелись. Шелестящей тучей собрались над головами.

Вход в Бухту, о Которой Никто Не Знает, был недалеко. Вообще-то в него можно было попадать лишь в полдень. Однако Лесь направил на камни излучатель, и щель открылась.

Гайка включила фонарик.

— Летите за нами! — опять крикнул Лесь.

Они с Гайкой, цепляясь плечами и локтями за камни, стали протискиваться среди тесноты. В ней резко пахло морской влагой и водорослями.

Бабочки не отставали. Тянулись позади, как плотный шелестящий шлейф.

Сперва выбрались на берег бухты. И без задержки устремились в другой проход среди скал — такой же тесный, извилистый, но ведущий круто вверх.

И в конце прохода в лицо Лесю и Гайке ударил оранжево-золотистый свет.

Солнце над Безлюдными Пространствами еще не зашло. Оно висело у морского горизонта, раскатав до берега огненную дорогу. Видимо, здесь, как в аппарате «СКОО» на телескопе Леся, была смещена оптическая ось.

На Пространствах лежал особый вечерний свет — в нем растворялся ласковый покой, память о многих сказках и легкая печаль.

Бабочки сделались золотыми. Стояли в воздухе сверкающим шелестящим облаком.

— Сейчас! — пообещал им Лесь. — Все сейчас будет в порядке... — И потянулся за флейтой.

Флейты за поясом не было.

Не было!

Видимо, она выскользнула из-под резинки, когда пробирались среди тесных камней. Как он мог это не заметить?! Что же теперь? Опять лезть в черные коридоры? Искать? А если ее там нет? И если бабочки не станут ждать, разлетятся по бескрайним пространствам?

— Иди ищи, — прошептала Гайка. — А я побуду здесь, чтобы они не разлетелись.

В голосе ее не было уверенности. Ой как не хотелось ей оставаться без Леся.

— Ладно, — потерянно сказал Лесь. Но медлил. Он вдруг почувствовал, как отчаянно устал. Сесть бы в траву и не двигаться... Он не сел. Он собрал силы и шагнул. И в этот миг услышал музыку. Ту с а м у ю. Вдалеке. Только играла не флейта, а целый оркестр.

Лесь замер. Гайка замерла. Даже бабочки замерли в воздухе.

А старинный марш быстро приближался. С пологого холма каскадом спускалась полуразрушенная лестница с широкими площадками. Там-то и появились ребята-музыканты.

Они шли дружно и легко, словно по воздуху. Исчезающее солнце успело загореться на трубах и громадном геликоне пунцовыми огнями. По желтым рубашкам, по загару, по волосам пролетали бронзовые отсветы. Ровно ухал турецкий барабан, за которым видны были только ноги маленького оркестранта. Трубы пели негромко и упруго. А голос флейты переливчато вплетался в эту музыку, был в ней главным. Вязников с флейтой шел на левом фланге и смотрел прямо на Леся...

Лесь краем глаза увидел, как в бабочках произошло стремительное движение. И когда он оглянулся, Велька — живой, невредимый, с ду-

рашливой улыбкой — сидел в пяти шагах. Сильно блестели его большущие, с лохматыми ресницами глаза.

Оркестр замолчал. Музыканты опустили инструменты. Три девочки и семеро мальчишек в желтых рубашках с серебристыми аксельбантами смотрели на Вельку. И на Леся. Молчали и улыбались.

Лесю они казались знакомыми. Откуда? Из того сна?

Вязников подошел, протянул флейту.

— Возьми, это та самая, что ты потерял...

— Не похожа... — неуверенно отозвался Лесь. Флейта была настоящая — черная, с серебряными клапанами.

— Та самая, — повторил Вязников. — Бери.

— А как же ты?

— У меня есть еще. А эта — твоя. Ведь недаром ее послушались бабочки...

Все это было.

Правда, у взрослых есть другое объяснение. Мама, дядя Сима и Це-це рассказывают, что вечером они вошли в комнату и увидели: Лесь без памяти лежит на своей постели. Горячий, шепчущий беспрерывно: «Велька, к берегу. Велька, вперед... Бабочки, за мной...»

Сбегали за дядей Андреем, тот, к счастью, оказался дома. Пришел, сделал Лесю укол. Сказал:

— - Случаются такие рецидивы. Ничего, пройдет...

Лесь затих. Не бредил уже, уснул. Все стояли у постели, мама тихонько всхлипывала. Це-це тоже, погромче. Дядя Андрей успокоил их опять:

— К утру будет в порядке. А пока пусть поспит в тишине. Выключите радио...

Радио в комнате не было. Однако откуда-то доносилась музыка — негромкая, неотчетливая. Все заоглядывались. Дядя Андрей поднял с пола самодельный деревянный приклад с примотанной к нему банкой из-под пива. Поднес банку к уху, пожал плечами. В жестяной пустоте звучал старинный марш — сдержанный, слегка печальный — его средняя часть, которая называется «анданте модерато».

...Это говорили взрослые.

Но Лесь, Гайка и Вязников знали, что все было не так. Или по крайней мере не всё так.

Тем более что никто из взрослых не мог объяснить: откуда в руке у Леся взялась настоящая флейта?

КУЗНЕЧИК НА ФЛАГЕ

Остается рассказать, как Лесь еще раз встретился с Автоматчиком.

Это случилось уже следующим летом.

Дядя Сима, его друг Никита Матвеевич и ребята отремонтировали, а вернее, отстроили заново разбитую, никому не нужную яхточку. Никита Матвеевич любил мастерить, но не очень любил ходить под парусом, был он пожилой, хромой и хворый. И у дяди Симы оказался ребячий экипаж: Лесь, Гайка и Славка Вязников, который так и не уехал из города.

Зимой и весной они крепко поработали на ремонте, Зато к лету стали хозяевами ладного, крепкого кораблика с крошечной каюткой и мачтой в семь метров высотой.

Яхт-клуб, где это случилось, был маленький, самый незаметный среди других в этом городе. А неподалеку располагался на берегу другой — с эллингами, складами, двухэтажным служебным корпусом и сигнальными вышками. С длинными причалами, у которых швартовались громадные многопарусные яхты (на таких иди хоть вокруг света).

И оказалось, что капитаном одной из этих яхт

был тот самый Автоматчик. Дядька с косым подбородком, кривым ртом и скучной ухмылкой в глазах. Лейтенант гвардии «спаснаца», местный житель и многократный призер парусных гонок.

Ну что же, призер так призер. Лесю, Гайке и Славе Вязникову было на это наплевать.

Но однажды пути их пересеклись.

Был солнечный, не очень жаркий день в конце июня. С хорошим ветерком. И множество яхт вышло за боны, на внешний рейд.

Ветер гнал с веста небольшую, но крутую зыбь — синюю с пенными оторочками. Яхточка прыгала с гребня на гребень и звучала, как домра, по которой хлопают ладошкой. У нее не было названия — до сих пор не придумали. Только на парусе чернела буква «Н» да число 34. «Н» — значит нестандартная, самодельная. А 34 — порядковый номер.

— Хорошо, что «эн», а не «тэ», — усмехнулся дядя Сима. — А то получилось бы прямо как танк времен Второй мировой...

Но яхточка ничуть не походила на танк — легкая была, послушная. Такая, что на руле управлялся любой из ребят.

Нынче на руле сидел Лесь.

Дядя Сима держал гика-шкот, снасть для управ-

ления главным парусом, гротом. Он устроился на правом борту и откренивал яхту, потому что ветер упрямо клонил ее налево. Он дул в правую скулу — такой курс называется бейдевинд правого галса. Иногда ветер швырял навстречу брызги и обрывки пены. Гайка взвизгивала и пряталась от них за рубкой. Впрочем, это не Мешало ей держать стаксель-шкот и следить, чтобы не полоскал впереди парусный треугольник — стаксель.

А Вязников не боялся брызг. Расставив блестящие от воды ноги, он стоял на носовой палубе и держался за штаг — идущий от мачты к форштевню трос.

Так они ушли уже довольно далеко от гавани и были на траверзе Казачьего мыса, когда увидели белый парусный крейсер «Тарзан».

Эта махина с мачтой в семнадцать метров и белыми тучами трех громадных парусов неслась встречным курсом. Ветер для «Тарзана» был самый подходящий — с борта и с кормы. Короче говоря, крейсерская яхта шла бакштаг левого галса.

Красавец был этот «Тарзан». Никто, однако, не восхитился. Все знали, что капитан и личный владелец красавца — Автоматчик.

— Славка, — сказал Лесь, — подними-ка под

краспицу наш флаг.

Один флаг на «тридцатьчетверке» уже был — маленький голубой флажок яхт-клуба, поднятый на кормовом тросе, ахтерштаге. Но Вязников сразу понял, о чем речь. Прыгнул с рубки, размотал у мачты фал. И желтый с черным кругом сигнальный флаг пополз под краспицу — небольшую распорку на мачте. Резво заполоскал там.

Называется такой флаг «Индиа». И означает: «Мое судно меняет курс влево».

И Лесь изменил курс влево, увалился под ветер. Яхточка сразу набрала ход. Пошла навстречу «Тарзану».

— Ох, Лесь... — сказал дядя Сима.

— А что? Я хочу ближе к мысу! Разве нельзя?

Гребешки били в борт. Яхта кренилась больше, чем раньше, и мчалась все быстрее.

— Гайка, стаксель полощет, подбери! Не спи!

— Есть, капитан Гуль!

Так его теперь звали. И это было совсем не то, что Гулькин Нос. Капитан Гуль — это из книжки Жюля Верна...

Яхты сходились — самодельная скорлупка и гордый парусный крейсер, который ударом форштевня мог превратить эту скорлупку в щепу.

— Эй, на «тридцатьчетверке»! Танк изобража-

ете?! — насмешливо закричали с «Тарзана» в мегафон.

— Лесь... — снова сказал дядя Сима. Но не очень строго. Он понимал.

— Не отворачивай, Гуль! — крикнул с носа Вязников. — У нас правый галс!

Вязников опять стоял на носу, и пена била его по ногам. Он крикнул уже не Лесю, а тем, на «Тарзане»:

— Правый галс!

На море есть железный закон: если одно парусное судно идет правым галсом, а другое левым и если грозит столкновение, те, у кого левый галс, обязаны уступить дорогу. Неважно, какое судно тут большое, а какое маленькое. Правило одинаково для всех. И Лесь это знал. И на «Тарзане» это знали. Но парусному крейсеру, конечно же, было очень обидно уступать дорогу крошечному нахалу. С мальчишкой на руле! И там были уверены, что мальчишка вот-вот струсит, кинет свою посудину носом к ветру, постыдно заполощет паруса.

— Лесь... — сказал дядя Сима третий раз.

«Тарзан» надвигался. Громадина!..

Гайка тихонько завизжала и потуже натянула шкот. Лесь сцепил зубы. Вязников стоял. Только крикнул звонче прежнего:

— Правый галс!

На «Тарзане» яростно завопили. Они понимали, что за столкновение придется отвечать. Им! Морские законы одинаковы для всех. Будь ты не только лейтенант «лиловых беретов», а даже адмирал в фуражке с золотыми листьями. Капитан «Тарзана» не выдержал. Но не выдержал он слишком поздно. Теперь, чтобы уступить «соплякам» дорогу, пришлось так резко положить руль на борт, что белый крейсер с маху вошел в поворот кормой к ветру. В так называемый «фордак». А фордак, неожиданный для экипажа, да еще при таком славном, крепнущем ветерке — штука коварная.

Конечно, многотонную махину с балластным фальшкилем не перевернул бы и крепкий шквал. Но случилось другое. С борта на борт пошло вокруг мачты длинное металлическое бревно гика. Это — горизонтальный ствол, к которому крепится нижний край паруса. Стремительный, никем не одержанный гик грянулся о подветренный бакштаг и ванты. Стальные тросы не выдержали удара. Вырванные из борта, они спиралями скрутились в воздухе. Тонкая дюралевая мачта, ломаясь у краспиц, пошла концом к палубе. Парусина снежными грудами накрыла орущий

ругательства экипаж «Тарзана».

Лесь оглянулся лишь мельком. И продолжал сжимать румпель, не дрогнув на курсе.

— Ох, Лесь... — произнес дядя Сима четвертый раз.

— А кто виноват? — сказал с носа Вязников. — Мы во всем были правы. Даже флаг подняли, что меняем курс влево...

Он опять прыгнул с рубки и стал спускать желтый флажок.

Потом он сел рядом с дядей Симой, разгладил флаг на коленях.

— Знаете, что я придумал?.. Гайка, Гуль, слушайте! Давайте сделаем его нашим кормовым флагом! И станем поднимать вместе с яхт-клубовским.

— Не поймут, — сказал дядя Сима. — Все будут думать, что мы постоянно изменяем курс влево.

— А мы немного подправим флаг!

— Как? — спросила Гайка. — Ой, у меня до сих пор все поджилки дрожат... Как подправишь-то?

— Нарисуем на черном круге желтого кузнечика! Быстросохнущей краской! Я вырежу трафарет! Здорово получится!

— Ты это славно придумал, — сказал от руля Лесь. — Дядя Сима, можно нам такой флаг?

— Сейчас кто какой хочет, такой и поднимает, — Вздохнул дядя Сима. — Отчего же нельзя? Лишь бы не пиратский...

— В желтом кузнечике нет ничего пиратского, — вмещалась Гайка слегка обидчиво.

Дядя Сима поскреб подбородок и предложил:

— Тогда, может, и корабль наш пусть называется «Кузнечик»? А? Смотрите, как скачет по волнам...

Вязников взглянул на Гайку. Потом они вдвоем — на Леся.

Лесь помолчал со сжатыми губами. Ответил тихо и решительно:

— Нет, дядя Сима. Мы уже договорились: пусть будет «Ашотик»...

Дядя Сима помолчал и сказал неловко:

— Ну что же... Ну да...

После этого они молчали минуты две, а яхта «Ашотик» все бежала, подрагивая от ударов тугих гребешков.

Наконец Вязников хмуро проговорил:

— Все-таки какая беспомощная наша медицина. Не то что вылечить, даже болезнь определить не могли.

— Дядя Андрей говорит, что это не болезнь, — подал голос Лесь. — Это, наверно, просто тоска.

Не смог пережить...

«И даже излучатель мой не помог», — добавил он про себя.

А ведь излучатель сделал столько чудес! Вот и громадный желтый Велька — живой и веселый — до сих пор беззаботно резвится на Безлюдных Пространствах. Ух, как он мчится навстречу, когда Лесь, Гайка и Славка приходят навестить его!

Но, кажется, он не очень скучает и без них. Похоже, что у него завелись друзья. Кто? Это пока непонятно. Может, похожие на громадных кузнечиков инопланетяне. Может, мальчишки из древних городов. Не исключено, что ловкий Велька там научился проникать в прошлое, в далекие времена...

А порой кажется, что из-за разбитой башни или из-за колонны разрушенного храма смотрит на кузнечика и ребят... Ашотик. Молча смотрит неулыбчивыми коричневыми глазами. Еще минута — и подойдет.

Может быть, когда-то так и случится?

Ведь никто не знает всех загадок Безлюдных Пространств.

1993 г.

САМОЛЕТ ПО ИМЕНИ СЕРЕЖКА

Памяти старшего брата Сергея, научившего меня в детстве мастерить бумажные самолетики.

ЧАСТЬ I
ТИШИНА БЕЗЛЮДНЫХ ПРОСТРАНСТВ

БАЛКОННЫЙ ЖИТЕЛЬ

Однажды летом нас чуть не обокрали. Случилось это около десяти часов утра. Я к тому времени как раз прибрался, вымыл всю посуду, сел смотреть передачу «Утренняя звезда», и тут у двери затренькал сигнал.

Я выбрался в нашу тесную прихожую. Глянул в глазок (он сделан на уровне моего лица). За дверью топтался плюгавый лысоватый дядька в клетчатой рубахе и с полевой сумкой через плечо. Он мне сразу не понравился.

— Кто там?

— Телеграмма, — сказал он тонким голосом.

Вот новости! У меня и у мамы нигде нет родных. А мамины друзья и знакомые телеграмм не шлют, звонят, если надо, по междугороднему телефону. Даже с днем рождения так поздравляют.

— Опустите в ящик внизу. Мама придет и возьмет...

— Да не положено в ящик! Расписаться же надо!.. Слышь, мальчик, ты чего боишься-то?

Разносчик я с телеграфа, меня тут все знают! Уж который год хожу...

Ишь ты, уже по голосу определил, что мальчик. А то, что с телеграфа, явно врет. Если бы часто ходил в наш дом, я бы видел его с балкона. Я всех знаю: и почтальонов, и слесарей, и электриков. И они меня знают, даже здороваются иногда...

— У меня ключа нет! Мама ушла и меня заперла.

Он закричал злым и плачущим голосом, громко. Видно, знал, что в соседних квартирах никого нет, все на работе.

— Чего ты мне мозги-то пудришь! Я же вижу, какой у вас замок, он изнутри без ключа отпирается!.. Эй, парень, открой по-хорошему! Мне расписка нужна!

— Тогда приходите, когда мама будет дома!

— Да когда она будет-то? Небось к вечеру!

— Нет, она на обед придет!.. — И тут я спохватился: вот балда! Надо было сказать, что мама ушла в магазин и появится очень скоро...

Разносчик сказал уже негромко и с удовольствием:

— До обеда-то еще ого сколько... Тогда ладно. Не хочешь добром, открою сам. А ты сиди и не пикай, а то придавлю как таракана. Усек?

Я обмер. Потом дернулся, щелкнул запасной задвижкой. Но, если это настоящий взломщик, что ему жиденькая щеколда.

Грабитель хмыкнул за дверью и зацарапал в замке чем-то скребущим, железным...

Дорогих вещей у нас не было. Золотые сережки мама носила на себе. Так что и красть-то особенно нечего. Но ведь последнее унесет, гад! И наверно, даже телевизор! Как тогда жить?.. Да и придется ли жить после этого? Хорошо, если только заткнет рот и привяжет к креслу, а если... самое жуткое...

— Не смейте! — завопил я. — Убирайтесь! Я... в милицию позвоню!

— Звони, звони, — выдохнул он сквозь скрежетанье.

Телефон был у моей постели. Я, отчаянно дергая колеса, ворвался в комнату, схватил трубку. Надо набрать «ноль два», крикнуть, что ломятся в комнату, назвать адрес... Но в трубке — ни гудка, ни шороха. Этот тип оборвал провод!

Но все же одного он не учел. Того, что с южной стороны дома у нас балкон.

Я толкнул подножкой дверь. Обычно это была такая возня — протискиваться с креслом на балкон, а тут, с перепугу, в один миг.

На дворе, как назло, ни души. Даже бабок на

лавочке нет. Что же мне делать? Валиться вниз через перила и калечиться окончательно? Или заорать изо всех сил? Но кричать я не мог. И страшно было, и... несмотря ни на что, стыдно...

У гаражей стоял коричневый «жигуленок». Я пригляделся — из-под «жигуленка» торчали дяди Юрины ноги. Дядя Юра — наш сосед с пятого этажа.

Я оглянулся. В длинном деревянном ящике росли лук, горох и помидорная рассада. Это был мамин «огород», она любила возиться с землею. Среди помидорных листьев висели два зеленых шарика. Мама часто говорила: «В августе покраснеют, и съедим в полное удовольствие. Хотя и мало, зато свои...» Ладно, сейчас не до лакомства! Я сорвал помидорчик и очень точно (видимо, со страха) угодил им в крышу «жигуленка». Дядя Юра вылез, недовольно заоглядывался. Вторым помидором я попал ему по башмаку. Дядя Юра вскинул глаза, и я с отчаянным лицом замахал руками: идите сюда, скорее! Он прибежал под балкон. Тогда я сделал рупором ладони, сдавленно сказал:

— Какой-то мужик в коридоре ломает у нас замок...

Дядя Юра стоял всего секунду. Потом выхватил

из машины монтировку — и в подъезд. За дверью почти сразу — шум, вопли. Дядя Юра показался на дворе опять. Монтировку держал под мышкой, а взломщика — за шиворот и сзади за штаны. Нес по воздуху. Грабитель верещал и барахтался, да от дяди Юры разве вырвешься!

Дядя Юра запрокинул голову, закричал:

— Гриша, а ну давай сюда, мигом!

Гриша — он тоже наш сосед, с четвертого этажа. Недавно вернулся из армии. Он вылетел из дома — в тельняшке, трусах и с недоеденной воблой в руке (наверно, пил с утра пиво). Вдвоем с дядей Юрой они запихали пленника в машину (он выл и ругался по-черному). Гриша втиснулся рядом с ним. Пленник взвыл последний раз и притих. Дядя Юра помахал мне:

— Ромчик, не бойся, мы скоро!

Дверца хлопнула, автомобиль рванул...

Возвратились дядя Юра и Гриша не очень скоро. Где-то через час. Все это время я сидел на балконе, не смел вернуться в квартиру, хотя, казалось бы, чего теперь бояться...

Когда «жигуленок» прикатил, Гриша бегом бросился допивать пиво, а дядя Юра поднялся ко мне.

Он сказал, что милиция была очень довольна,

домушника этого, оказывается, давно уже искали. А еще милиционеры веселились от того, что Гриша появился там без штанов. Но веселились не обидно и наперебой благодарили Гришу и дядю Юру.

— И тебе просили передать громадное спасибо.

— Мне-то за что? — Я вспомнил, какой был перепутанный.

— Отважный, говорят, парнишка...

— Ага, чуть лужу не напустил...

— Не скромничай. Вон как ловко поднял меня по тревоге...

Дядя Юра в два счета починил замок, который успел попортить незваный гость. Соединил телефонный провод... И тут примчалась мама. Оказывается, она целый час звонила с работы, чтобы узнать, как у меня дела. Звонит, а ответа нет!

— Я чуть с ума не сошла! Что случилось?

Дядя Юра объяснил, что именно случилось. Весело так объяснил, со смехом, чтобы мама не очень переживала. Но она все равно побледнела и все трогала меня за плечи: в самом ли деле я цел и невредим. Чтобы ее отвлечь от страха, я сказал:

— Все хорошо, только помидоры не вырастут...

Ты уж не сердись... — И вдруг разревелся. Сразу. Неожиданно для себя.

Мама опять испугалась, но дядя Юра стал говорить, что это пустяки, просто результат нервного переживания.

Такое бывает и со взрослыми мужчинами — после боя или сильной опасности. Главное, что в решительную минуту я вел себя как герой.

С этого дня мы с дядей Юрой подружились. Он часто катал меня на своей машине, даже в лес возил. Два раза мы были с ним на рыбалке. Правда, сам я не рыбачил (откровенно говоря, жаль рыбешек, когда они трепещут на крючке), но сваренную на костре уху лопал с удовольствием. Стал дядя Юра заходить и к нам домой. Оно и понятно, был он холостяк, скучал один в своей квартире. С нами он пил чай, смотрел телевизор, разговаривал о том о сем со мной и с мамой. Мама говорила, что он очень славный и порядочный. И я стал даже думать... Ну, а почему бы и нет? Появился бы у меня отец! Пусть не родной, но зато жили бы мы с ним душа в душу.

Потом я узнал, что и дядя Юра думал так же. Оказывается, в августе случился у них с мамой об этом разговор. А дальше... Дальше все было плохо. Дядя Юра очень быстро обменял квартиру

и уехал в другой город, на какую-то стройку, где ставили дома для беженцев. Приятелю Грише он сказал перед отъездом: «Я теперь и сам как беженец, такое вот дело...»

Мне дядя Юра оставил подарок: пластмассовый конструктор для сборки модели спортивного самолета. Правда, коробку принес не сам, а попросил передать Гришу. Наверно, боялся, что при прощании я разревусь. Так бы, наверно, и случилось...

Я открыл коробку, потрогал тонкие крылышки и элероны, потом лег рядом с коробкой щекой на стол. И глаза намокли.

Тут как раз пришла мама.

— Ромик, что с тобой?.. Откуда у тебя эта игрушка?

«Тебе все игрушки», — подумалось мне. И я сказал сипло:

— Сама небось догадалась. От дяди Юры...

Мама только вздохнула. Я не выдержал:

— Конечно, он тебе не пара. Какой-то прораб... А у тебя высшее образование...

Мама спросила тихо:

— Это он тебе так сказал?

— Ничего подобного... Он даже не зашел...

Мама села рядом, проговорила устало:

— Ну при чем здесь образование? Просто нельзя жить вместе, если нет любви. Конечно, Юрий Андреевич очень хороший, но... — И замолчала. Потому что и так все ясно.

Тогда я сделал, как говорится, ход конем:

— А ко мне-то у тебя есть любовь?

— Рома...

— Нет, ты скажи!

— Неужели ты считаешь, что нет?

— А тогда почему ты хочешь сплавить меня в интернат?

Я понимаю, это вышло у меня совсем не ласково.

Даже беспощадно. Однако выхода не было: я боролся за свою судьбу.

Потому что не хотел я в интернат! Изо всех сил не хотел!!

Мне казалось, что интернат похож на больницы, в которых я лежал много раз и подолгу. И которые мне тошно вспоминать. Опять будут палаты с кроватями в ряд, белые халаты, запах лекарств и кухни, который не исчезает в коридорах. Короче говоря, казенный дом. И ни единого уголка, где можно остаться одному.

Я же там зачахну от тоски!

Мне надо, чтобы вокруг были родные стены,

которые я люблю до последней трещинки. Чтобы рядом все было привычное, мое. Мой стеллаж с книгами, мой телевизор, мой булькающий и ворчливый кран на кухне, мой пылесос, с которым я управляюсь не хуже мамы. Мой балкон и мой двор за окнами. И чтобы мама была рядом каждый день. Вернее, каждое утро и каждый вечер... Неужели она этого не понимает?!

А мама снова и снова заводила разговор об интернате:

— Тебе нужен коллектив, товарищи. Такие же, как ты. Чтобы ты чувствовал себя равным среди равных...

Но я не хотел быть *таким* равным.

Нет, не подумайте, что я как-то по-нехорошему относился к инвалидам. Если бы я сам умел ходить, я мог бы вполне подружиться с больными ребятами и помогал бы им во всем. От души, а не из жалости. По-моему, такие ребята всегда должны быть с обыкновенными мальчишками и девчонками. И среди них стараться чувствовать себя равными.

Если сильно захотеть, можно добиться многого!

Я, например, твердо решил, что когда вырасту, то заработаю деньги, куплю машину с ручным

управлением и отправлюсь в путешествие по разным странам. И потом напишу про это путешествие книжку и сделаю к ней свои собственные рисунки.

А если не хватит денег на автомобиль, куплю мотоцикл. Я видел телепередачу про безногого американца, который на мотоцикле путешествовал вокруг света! И его всюду встречали как героя. Даже всякие воюющие стороны пропускали его сквозь свои позиции.

А еще я читал про слепого яхтсмена, который под парусом отправился через Атлантику. А летчик Маресьев даже воевал без ног, самолет водил!

Но о самолете — это особый разговор, дальше...

Мама слушала мои такие разговоры и говорила «да, конечно». Однако тут же сворачивала к тому, что будущие путешественники, журналисты и художники сперва должны много учиться.

А я разве не учился? Пятый класс закончил без единой троечки! Учителя из соседней школы раз в месяц принимали у меня зачеты: и по русскому, и по математике, и по всяким другим предметам. Даже по музыке. Потому что у нас дома было пианино и я вполне освоил нотную грамоту и научился бренчать разные мелодии.

Плохо только, что педалями пользоваться не мог... Учиться было совсем не трудно. Случалось, что месячное задание я делал за три-четыре дня. Но все равно мама снова и снова, при каждом удобном (и неудобном) случае, начинала беседы об интернате. В глубине души я давно уже догадывался, почему она это делает.

Мама у меня молодая и красивая. И вдруг ей такое наказание — сын-калека! Я слышал однажды мамин разговор с подругой тетей Элей. С балкона слышал. Они думали, что дверь на балкон закрыта, а там просто была задернута штора.

— Брось, Элечка, — говорила мама. — Кто меня возьмет с таким приданым...

Элечка в ответ неразборчиво молола языком.

Мама опять сказала:

— Нет уж, такая судьба. Этот крест мне суждено нести до конца дней. Я одного боюсь: если со мной что случится, как он будет один-то? Совсем не приспособленный к жизни.

Но разве с мамой может что-то случиться? Нет, я об этом даже самым краешком мозга думать боялся.

И разве я такое уж скверное «приданое»? Почему «совсем не приспособленный к жизни»?

Я же дома все делал сам. И прибирался, и суп

умел сварить, и даже знал, как стирать в машине «Малютка». И электрический утюг чинить меня дядя Юра научил...

И я вовсе не считал, что моя жизнь совсем плохая. У нас дома полным-полно замечательных книг, и телевизор, и проигрыватель с пластинками. И всяких конструкторов у меня куча...

И не бойся, мама, не буду я твоим «крестом». Вот вырасту, выучусь на географа или корреспондента, заведу машину — и в дальнюю дорогу!

Однажды накопились во мне обиды, и я в упор все это высказал маме. Она тоже не выдержала и много мне наговорила в ответ. Что я эгоист, что до взрослости мне еще тянуть и тянуть, и что никакой путешественник и журналист из меня не выйдет, если все детство проведу в своей комнате и на балконе.

— И получится из тебя балконный житель! Потому что с этого балкона ты не вылазишь!

Ну и что же? Да, я любил наш балкон. Он был для меня будто капитанский мостик.

Наша пятиэтажная «хрущевка» стоит на краю панельного квартала, на взгорке. За сараями и гаражами видны старые березы, тополя и голубятни. И старинная колокольня.

Но самое интересное — наш двор. Он большой,

зеленый, есть где играть и в мяч, и в пряталки, и в разные другие игры. Ребята почти каждый день играли, особенно летом. И я всех их знал, и они меня знали, и все относились ко мне по-хорошему. Случалось, мы перебрасывались Мячиком: они мне на балкон, я — обратно. А иногда мальчишки выносили на двор меня и кресло, катали по соседним улицам, брали с собой на берег ближнего пруда.

А еще меня назначали судьей в волейбольных встречах. Судить никто не любил, все хотели играть, а я — всегда пожалуйста. А бывало, что на широком крыльце соседнего деревянного дома мы играли в шахматы, в лото и в подкидного дурака, хотя бабка Тася и бабка Шура на ближней скамейке ворчали:

— Ишшо че надумали! От горшка два вершка, а уже в карточные игры... И хворого мальчонку с пути сбивают.

Однажды я участвовал в стрелковых соревнованиях. Все ребята понаделали себе луки и мне тоже дали черемуховую палку, чтобы я смастерил оружие. И я смастерил. И стрелы сделал с наконечниками из жести и с перьями. Мы стреляли с двадцати шагов по разноцветным картонным мишеням, прибитым к забору. И я

занял третье место. И получил приз — большую спелую грушу.

Ну, может, главный судья, девятиклассник Владик Ромашкин, когда считал очки, малость поколдовал над ними, чтобы у меня получилось третье место (я уж потом догадался). Но четвертое-то было точно! Из двенадцати...

Изредка ребята приходили ко мне домой. Пластинки слушали, играли моей железной дорогой, болтали о том о сем. И я в это время совсем не чувствовал себя не таким, как они...

А еще ребята любили, когда я пускал с балкона бумажных голубей. Точнее говоря, это были не совсем голуби. Я научился делать из бумаги птичек, похожих на летающие блюдца. Совсем круглые, только со складкой посередине и с треугольным клювиком. Они здорово летали, плавными широкими кругами. Иногда ветер подымал их на высоту и уносил со двора.

Ребята толпой гонялись за каждым голубком — кто первый схватит! Потом, чтобы не было свалки, я стал заранее говорить, какого голубка кому посылаю.

Дело в том, что каждого голубка я разрисовывал фломастерами. На одном рисовал всякие узоры, на другом — кораблики среди моря, на третьем

— сказочные города, на четвертом — цветы и бабочек. И всякие космические картинки. И еще много всего. Ребятам это нравилось.

А потом оказалось, что не только ребятам. В нашем доме живет Анна Платоновна, заведующая клубом при домоуправлении. Она выпросила у ребят моих голубков, штук тридцать, и устроила в клубе выставку под названием «Фантазии Ромы Смородкина». Про эту выставку даже в городской газете заметку напечатали. Там было сказано, что «у юного художника удивительное чувство цвета и очень своеобразное понимание перспективы, словно он пытается расширить привычное трехмерное пространство». А я ничего не пытался! Просто так рисовал...

Мама была рада, что я прославился. А я не очень. Потому что в газете написали и то, что я «прикован к инвалидному креслу». А при чем тут рисунки? И мне после этого расхотелось пускать с балкона голубков. Я сделал последнего и — сам не знаю почему — нарисовал вечернее небо, оранжевое солнце на горизонте и дорогу, по которой идут рядом двое мальчишек.

Хотя нет, я знал, почему нарисовал такое. Хотелось, чтобы появился друг. Не случайный, не на час, когда забегает поиграть в шахматы или

послушать Пола Маккартни, а настоящий.

Я пустил голубка с балкона, и ветер унес его за тополя. И я подумал: вот найдет кто-нибудь, догадается, придет ко мне.

Но ничего такого не случилось. Наступила осень. От интерната я очередной раз отбился (да мама уже почти и не настаивала). Потом пришла зима и потекли обыкновенные дни: с уроками, с книгами, с телевизором, с прогулками, на которые по выходным вывозила меня мама (тяжело ей было вытаскивать со второго этажа меня и кресло, но она крепилась).

За зиму я прочитал толстенный шеститомник Купера, все романы про Тарзана (их мне приносил Владик Ромашкин), книгу «Загадки Космоса», поэмы Пушкина, «Путешествие на «Снарке» Джека Лондона и большую «Историю авиации».

И вот тогда, прочитавши эту книгу, я наконец склеил самолетик из дяди Юриной коробки.

Это был спортивный одноместный биплан «L-5». Судя по знакам на крыльях, французский. Славный вышел аэропланчик — просто как настоящий, только крошечный. Я подвесил его на нитке над своей тахтой и часто им любовался. И даже воображал, что я там, в кабине...

Только этот самолетик пробыл у меня недолго.

Под Новый год пришла к нам в гости тетя Эля со своим семи-летним племянником Ванюшкой. Конопатый такой первоклассник, любитель книжек (вроде меня), в космических вопросах разбирается. Мы с ним хорошо поиграли и поболтали про много всего интересного. Но я видел, что самое интересное для Ванюшки — моя модель «Ь-5». Поговорит, поговорит, а потом опять подойдет к ней, тронет пальцем и смотрит, как она качается на нитке. Ну... я вздохнул про себя, отрезал нитку:

— Это тебе подарок на Новый год...

Ох и засиял Ванюшка!

И мама заулыбалась. Понравилось ей, какой я щедрый.

Но, конечно, не только это понравилось. Решила, что теперь я реже буду вспоминать дядю Юру.

Но у меня же от него и кроме самолета кое-что осталось! Электрический фонарик, паяльник, универсальная отвертка...

Конечно, жаль модель, но Ванюшка так смотрел на нее...

А в ту новогоднюю ночь — будто награда мне! — впервые увидел я свой «летучий сон».

Я об этом потом расскажу подробнее.

«ТЫ ОСТАЛСЯ ДОМА»

Зима и весна были холодными и тянулись долго. Даже в мае случались такие бураны, что от липкой тяжести снега ломались деревья. Но потом сразу свалилась на город жара. Все тут же густо зазеленело: и тополя, и березы, и наш двор. У сараев, гаражей и заборов за неделю вымахнули непролазные травяные джунгли. Раньше такого не бывало.

Я слышал с балкона, как бабка Тася и бабка Шура толковали, что все это — от зловредных космических лучей и от радиации. По-моему, они чушь городили. Просто за полгода накопилось на земле много снега, а затем солнце разом превратило его в воду — вот от избытка влаги и пошла в рост буйная зелень.

На дворе у нас и в прошлые годы цвели одуванчики, но в нынешнем июне их оказалось видимо-невидимо. И громадные! До той поры я никогда не видел таких. У некоторых стебли — в метр длиной!

Однажды девочки бросили мне на балкон целую охапку одуванчиков. Я сделал из них букет и поставил в стакан. Для такого букета длинные стебли были не нужны, я поотрывал их.

Эти стебли похожи были на тонкие трубки — вроде ниппельной резины для велосипедных колес и для колес моего кресла. Но резина — мертвая, а стебли — как частички живого лета. На месте обрыва выступал белый сок, ну в точности как молоко. Только он был не сладкий: тронешь языком — не молоко, а горечь. Я брал один конец стебля в рот и дул, а другим концом водил по лицу, по рукам, по ногам. Из него била холодная воздушная струйка. И вот что интересно! Мои ноги, которые не чувствовали ни толчков, ни щипков, ни ударов, эту струйку чувствовали! Будто крошечный человечек щекотал кожу прохладным пальцем. Значит, все же не совсем они омертвели! И... даже надежда начинала шевелиться. Ну, не очень большая, однако настроение делалось веселее.

И букет из одуванчиков мне нравился. Проведешь по щеке цветами, и словно коснулся лицом пушистого облака — вроде тех облаков, которые видел я иногда в своих снах про самолет...

В холодное время я не очень-то любил просыпаться по утрам, хотелось подольше оставаться в своих снах, где звезды, высота и свист ветра в крыльях. И свобода, и беззаботность... Но когда началось лето, я стал подыматься рано и с

удовольствием. Зелень и солнце тянули меня к себе...

Одуванчики через день увяли, и в то утро я, проснувшись, подумал, что надо попросить девчонок — пусть бросят свежие. Или нет! Лучше попрошу ребят вытащить меня на двор и нарву цветов сам. И покатаюсь по всему двору, поиграю с мальчишками... Я был уверен, что день меня ждет замечательный.

Но сразу все пошло наперекосяк.

Едва я умылся, мама сказал:

— Рома, я хочу поговорить с тобой серьезно...

Когда мама хочет поговорить серьезно, это не к добру.

— Опять насчет Клиники или интерната!

— Послушай внимательно, с пониманием. Ведь не дитя уже, почти двенадцать лет...

— «Недитя» слушает, — сумрачно сообщил я.

— Мне предлагают путевку в профилакторий «Северный край». Можно отдохнуть и подлечиться. И если бы ты согласился...

— Разве я против?

— Но я же не могу оставить тебя одного! И я договорилась в фонде «Особые дети», что тебя на это время определят на дачу, куда выезжают ребята... из специнтерната...

— Я так и знал!

— Ну, послушай же в конце концов! Почему ты упрямишься? Разве плохо пожить в новой обстановке? Всего три недели!

— Ага! А потом: «Ты же видишь, как тут хорошо! Почему бы тебе не остаться в интернате на учебный год?»

— Там постоянный медицинский надзор!

— Вот именно «надзор»!

— Ты эгоист! В конце концов, разве я не имею права отдохнуть? Я измоталась за этот год!

— Ну и отдыхай, пожалуйста! А у нас пускай тетя Надя поживет! Как в тот раз, когда ты в командировку ездила.

Тетя Надя была пожилая мамина знакомая, пенсионерка. Толстая и добрая. Мы с ней жили душа в душу, когда мама была в Самаре по делам своего института.

— Командировка — это всего неделя. А здесь три. И я не уверена, что Надежда Михайловна согласится...

— Ты же еще не спрашивала!

— Но она больная и почти слепая! Как она будет смотреть за тобой?

— А чего за мной смотреть!

— Роман! Пойми же наконец! Я не смогу от-

дохнуть, если не буду знать, что ты в надежном месте...

— А если, когда нас тут не будет, обчистят квартиру? — ехидно напомнил я.

— Пусть! Главное, что с тобой все будет в порядке.

— Спасибочки за такой «порядок»!

— Там чудесные условия и чудесные люди. А если ты останешься здесь, я в профилактории не проживу спокойно ни дня!

— Ну да! Зато тебе будет очень спокойно от того, что я мучаюсь на этой тюремной даче!

У мамы глаза из серых сделались желтыми. И круглыми... Я очень люблю маму, но когда у нее делаются такие глаза, у меня внутри будто закипает. И у мамы, наверно, такое же чувство.

— Так бы и огрела тебя чем-нибудь!

— Ну и давай!.. Ноги у меня ничего не чувствуют, а место, откуда они торчат, вполне... осязательное. Бери ремень...

— Ты циник, — печально сказала мама. — Знаешь, что такое циник?

— Знаю! Тот человек, который говорит неприятные вещи прямо в глаза!

— Не совсем так, но... А какие неприятные вещи ты еще хочешь сказать мне в глаза?

Надо было бы остановиться, но я «поехал». Все равно ничего хорошего ждать уже не приходилось.

— Я знаю, почему ты стараешься меня туда упихать! Это Верховцев подговаривает!

— Вот уж чушь-то! — Мама, кажется, даже испугалась.

— Ничего не чушь! Зачем ему такое приданое!

...Верховцев был мамин знакомый. Он стал работать в институте с прошлой осени. И маме он нравился, она этого не скрывала. Верховцев ну ни капельки не походил на дядю Юру. От того пахло табаком и машинной смазкой (даже если он в новом костюме), а от Верховцева — одеколоном. Ну и хорошо, ну и пожалуйста, только... нет, я сам не знаю, почему он мне был не по душе. Он ведь всегда показывал мне свое уважение. Даже на «вы» называл, и это получалось у него не нарочито, а вполне естественно: «Знаете, Рома, в оценке этой книги я не могу с вами согласиться...» Или: «Рома, если вы не против, я украду Ирину Григорьевну из дома на два часа, в галерее выставка рисунков Рембрандта...»

Я был не против. Я понимал, что у мамы должны быть радости в жизни. И даже когда узнал, что Верховцев сделал ей предложение, сказал

внешне беззаботно: «Решай сама, он ведь на тебе мечтает жениться, а не на мне». И мама решала, думала. А я, хотя и не очень хотел такого отчима, но и не тревожился сильно. Потому что Верховцев часто заявлял: «Я, Рома, вполне разделяю ваше отвращение к интернатному быту. У каждого человека должен быть родной кров...»

Неужели врал?!

Мама старательно возмутилась:

— Что ты выдумываешь! Наоборот! Евгений Львович не раз говорил, что нельзя тебя сдавать в интернат!

— Вот-вот! «Сдавать»! Как чемодан в камеру хранения! Не забудьте взять квитанцию...

Мама помолчала, сдерживая себя. Изо всех сил. Потом понемногу успокоилась. И сообщила, что я «совершенно не способен к нормальному диалогу». Стала собираться в свой институт и спросила, будто между прочим, не помню ли я телефон Надежды Михайловны. Она и сама его, конечно, помнила, но давала мне понять, что станет договариваться с тетей Надей, потому что не намерена отправлять меня на интернатную дачу насильно. Мама не любила, уходя на работу, оставлять меня «в напряженном состоянии».

— Не забудь вымыть посуду. И пожалуйста,

не забывай запирать решетку, когда уходишь с балкона.

Мама ушла, я малость успокоился, но настроение все равно было тусклое. Чтобы его разогнать, я подкатил к двери в прихожую. На прибитых к косякам крючьях лежала перекладина из обрезка трубы — мой турник. Мама настаивала, чтобы я регулярно тренировал руки. Врачи говорили ей про свои опасения: мол, паралич может распространиться вверх, и руки тоже онемеют. Мама думала, что я про это не знаю, но я знал и очень боялся. Тем более что иногда — во сне, или во время рисования, или когда мастерил что-нибудь — по рукам вдруг пробегал колючий холодок, и мышцы после этого делались вялыми. Я старался не думать про страшное и убеждал себя, что такие приступы — случайность... Может, и правда они были случайностью. В общем-то пока сила в руках у меня сохранялась.

Ведь им всегда хватало нагрузки: приходилось работать и за себя, и за ноги...

Я протиснулся под перекладину, ухватился за нее. Кресло отъехало, я повис. Покачался на вытянутых руках, подтянулся, положил на холодную трубу подбородок. Ноги подошвами коснулись паркета. Вышло, что я стою.

В прихожей напротив двери висело длинное, почти до пола, зеркало, и я видел себя «в полный рост».

Наша знакомая тетя Эля (я слышал) не раз говорила маме, что я очень симпатичный.

— Ну, прямо юный маэстро! Смотри, какие глазищи! А волосы... Ну, просто маленький Карузо!

— Да, конечно, — со вздохом соглашалась мама. — Если бы не... — И замолкала.

Я не знаю, как выглядел маленький Карузо. А что до меня, то, по-моему, пацан как пацан. «Если бы не...»

Но сейчас этого «не» зеркало не отражало. Казалось, мальчишка встал на пороге, положил на поперечную блестящую трубу подбородок и задумчиво смотрит на свое отражение.

Сам обыкновенный, и отражение обыкновенное. С не-расчесанными темными волосами, с надутым от недавних огорчений лицом, в белой футболке со штурвалом и надписью «Одесса», в мятых синих шортах со старомодным пионерским ремешком, в новеньких кроссовках (у них никогда не будут стерты подошвы, но сейчас это неважно). С длинными, совсем нормальными на вид ногами. Они даже и не очень худые. И успели загореть, как у всех мальчишек, потому что я

подолгу торчу на солнечном балконе. Правда, сзади загара нет, но сейчас этого не видно...

Солнце нынче сильное, горячее, я даже слегка «обжариться» успел, хотя загорать в этом году стало труднее. Дело в том, что мама, боясь новых попыток ограбления, заказала осенью металлическую наружную дверь и заодно — железную решетку для балкона. Ведь забраться со двора на второй этаж ничего не стоит! Я спорил, доказывал, что не хочу жить как в тюрьме. Но мама сказала, что в решетке сделают широкие ставни, можно будет их распахивать.

Ну, я и распахивал. Но солнце-то светило не только сквозь этот проем в решетке, а отовсюду. И чтобы оно не отпечатывалось на мне пятнами, я елозил с креслом туда-сюда...

Руки и подбородок у меня наконец устали. Я повис, разжал пальцы, шмякнулся на пол (услыхал, как о паркетные плитки стукнули колени; могут появиться синяки, но болеть они не станут). На руках добрался до кресла, влез в него. На душе по-прежнему был осадок от ссоры с мамой, и на балкон не хотелось.

Я сердито включил телевизор: все равно ничего путного не покажут. Ну, так и есть! На одном канале солидный депутат доказывал, что «судьба

экономических реформ зависит от консенсуса между правительственными кругами и сферой предпринимателей». На другом повторяли вчерашнюю серию «Синдиката любви». Я и вчера-то ее смотреть не стал. Во всех сериях одно и то же: или мчатся на машинах и палят очередями, или он и она лижутся в постели (аж тошнит, как поглядишь)... Переключил, а там по сцене прыгает волосатый дурак с гитарой, в драной жилетке и широченных цветастых бермудах. И орет в микрофон что-то бессвязное.

Я разозлился и убрал звук. Теперь парень вовсю скакал, бегал и разевал рот, а в результате — тишина. Сперва было смешно, как этот ненормальный старается напрасно. А потом стало немножко жаль его, и я включил громкость. И вдруг разобрал слова! Парень орал одну и ту же фразу:

Рома, Рома!
Ты остался дома!
Рома, Рома!
Ты остался дома!

Будто нарочно для меня! Ведь я, хотя и со скандалом, в самом деле остался дома, отбился от

интернатской дачи!

Я даже почувствовал благодарность к певцу, хотя и не люблю такую вот «попсу». А он, видать, почувствовал мое настроение и взвыл пуще прежнего:

Рома, Рома!

Ты остался дома!

Наверно, он еще долго так старался бы, но затрезвонил телефон. Звонила мама. Сказала сухо:

— Как у тебя дела?

— Нормально...

— Посуду вымыл?

— Ага, — соврал я (успею еще до обеда).

— У меня заседание кафедры, на обед я не приду. Разогрей суп, вермишель, залей ее яичницей. Компот в холодильнике...

— Ага...

— Ты мог бы отвечать и более развернуто.

— Ага... То есть я все понял. Не волнуйся.

— Не вздумай опять питаться всухомятку.

— Не вздумаю.

— И... вот еще что. Я позвонила Надежде Михайловне, она, возможно, согласится остаться с тобой...

Я чуть не крикнул «ура», но засвербило в носу

и в глазах. Какой-то кашель получился.

— Что с тобой?

— Ничего... Ма-а... ты хорошая.

— А ты подлиза, — с облегчением сказала ма. — И совершенно негодная личность.

— Ага! И врун! Потому что по правде я еще не мыл посуду. Но я сию минуту! До блеска! Всю-всю...

Потом я неподвижно сидел минут пять и словно таял от облегчения и виноватости. И решил перед мытьем посуды на минутку выбраться на балкон.

Ох и чудесное это время — летнее утро!

Солнце светило слева, половина двора была в тени от тополей, жара еще не наступила. Тянул ветерок. На веревках, словно морские сигнальные флаги, качалось белье.

Одуванчики были, как осевшая на траву золотая метель. Жаль только, что на всем дворе — никого. Лишь у подъезда на лавочке — неизменные бабка Тася и бабка Шура, слышны их голоса.

Но нет, неправда, что совсем никого! По границе света и тени шел пушистый черный кот. Это был знакомый Пушок, он жил на четвертом этаже у Гриши.

Мне всегда хотелось, чтобы дома у нас жила кошка или собака. Но я об этом даже не заикался. У мамы жестокая аллергия на шерсть, это нервная болезнь такая. И ничего с ней не поделать (как и с моей)... А с Пушком я иногда играл: спускал с балкона бумажную «мышку» на длинной нитке, и Пушок прыгал за ней и гонялся с величайшей охотой. Молодой он еще, резвый.

Сейчас нитки и бумаги под рукой не было. Я схватил с полочки на перилах карманное зеркальце и пустил в траву зайчика. Прямо перед котом, по теневой стороне. Пушок тут же клюнул на эту приманку — прыг за солнечным пятном! Прыг опять!.. Но рука у меня дрыгнулась, зайчик скакнул в заросли у забора и пропал. Пушок тоже влетел в репейники — как пушечное ядро! И скрылся там, не стал выходить. Может, нашел более ценную добычу?

— Ну куда ты, дурень! Пушок! Пушок!..

И вдруг я услышал негромкий, чистый такой голос:

— Это ты меня зовешь, да?

ЛОПУШОК

Мальчик стоял у сарая в тени высокой железной бочки (потому я его сразу и не заметил). Стоял,

нагнувшись и поставив ногу на обрубок бревна — видимо, перешнуровывал кроссовку. Теперь, окликнув меня, он медленно выпрямлялся.

Сперва мне показалось — Вовка Кислицын из соседнего дома. В такой же, как у Вовки, полинялой клетчатой рубашке, в обрезанных и разлохмаченных у колен джинсах, в синей бейсбольной кепке с орлом и надписью «USA, CALIFORNIA». Из-под кепки торчали по кругу сосульки светлых волос. Но вот он встал прямо, и я понял: не Вовка. Повыше и потоньше. Раньше я его не видал. Но в то же время лицо казалось знакомым. Наверно, потому, что было очень обыкновенным.

С улыбчивой готовностью к разговору мальчик сказал опять:

— Ты меня звал?

Я удивился, но без досады, весело:

— Вовсе не тебя, а кота! Разве ты Пушок?

— Нет, я Сережка!

Он отозвался с такой простотой и охотой, что во мне будто распахнулась навстречу ему дверца.

— А я — Ромка!

Сережка словно того и ждал:

— Вот и хорошо! Ромка, спускайся сюда!

Я откачнулся от перил. Как если бы медсестра отодвинула меня холодной ладонью.

— Я не могу...

— Заперли, да? — спросил Сережка с веселым пониманием.

Тогда я сказал сразу (если захочет, пусть уходит):

— Не заперли, а просто я не могу. Я на инвалидном кресле.

Ничего не изменилось в Сережкином вскинутом ко мне лице. Казалось, услышал он что-то совсем обыкновенное. Вроде как «мне в комнате прибираться надо» или «у меня пятка порезана, больно ходить». И сразу, с прежней готовностью к знакомству:

— Ну, тогда можно я к тебе приду?

— Да! — Я опять грудью лег на перила. — Иди! Второй этаж, двадцать шестая квартира!..

Он кивнул и убежал в подъезд, а я, дергая колеса, выбрался с балкона, покатил через комнату, зацепился за стол. Я суетился, словно Сережка мог не дождаться, когда я открою. В передней осторожно тренькнул сигнал...

Я откинул цепочку, лязгнул замком, толкнул подножкой кресла дверь и отъехал назад. И Сережка встал на пороге.

— Здравствуй!

— Ага, здравствуй... заходи... — Я отъехал еще.

Он шагнул, глянул по сторонам, повесил свою бейсболку на отросток оленьего рога (есть у нас такая вешалка). Опять посмотрел на меня. Глаза — серовато-зеленые, с желтыми точками в зрачках. На вздернутом носу царапины — словно кошка цапнула.

— Ты один в доме, да? — В голосе была нерешительность.

— Один... Да ты чего стесняешься? Мама была бы рада!..

— Я вспомнил, у меня на носке дырка, — вздохнул Сережка. Он уже сбросил кроссовки и теперь смешно шевелил большим пальцем, который выглядывал из голубого носка.

— Да зачем ты разулся-то? Что у нас тут, музей, что ли?

— А чего пыль в дом таскать! У вас паркет...

— Ох уж паркет! Ему сорок лет! Занозистый, как горбыль... — Я говорил торопливо, со сбивчивой радостью, сам не знаю почему. — Ну, пошли! — И покатил в комнату. В большую, главную.

Сережка вошел следом. Приоткрыл рот, завертел головой.

— Ух, сколько книжек у вас! Не соскучишься...

— Ага. Эту библиотеку еще дедушка начал собирать...

— А он кто? Ученый, да?

— Почему ученый? Он главный бухгалтер был, на хлебозаводе... Он давно умер, меня еще на свете не было. И бабушка... Раньше здесь большая семья жила, а сейчас только мама да я...

— Просторно... — несмело отозвался Сережка, все оглядывая стеллажи.

— Да... Ну, пошли ко мне.

В моей комнате Сережке понравилось еще больше. Здесь не было чинной строгости книжных стеллажей, а был привычный мне (и, видимо, ему) беспорядок: книжки, расщипанные по столу и пианино, конструктор на полу, большая карта мира с наклеенными на нее картинками-корабликами, краски и карандаши вперемешку с пластмассовыми солдатиками. В общем, все такое, про что мама говорила «черт ногу сломит».

— Значит, это твоя каюта?

— Каюта, берлога, пещера... Ну, ты садись где-нибудь...

— Ладно... — Он из старого (еще бабушкиного) кресла убрал на пол солдатиков, провалился в продавленное сиденье, засмеялся. Потом вспомнил про дырку на носке, засмущался опять, спрятал ногу под кресло. А я позавидовал ему: у меня никогда не было дырок на носках, они ведь

получаются от протаптывания.

— А вот эти рыцари и крепости на картинках... Это ты сам рисовал, да?

— Сам...

— Здорово! — восхитился он.

Я пробормотал, что «чего там здорово-то, ерунда...».

Сережка, вытянув шею, все вертел головой. Волосы у него были песочного цвета и торчали врозь двумя крылышками — справа длинное, слева коротенькое. Губы он осторожно трогал кончиком языка. На тонкой шее я заметил шнурок от ключа. И опять подумал, какой он, Сережка, обыкновенный, привычный и потому будто давным-давно знакомый.

Мы встретились глазами. И тут, несмотря на всю Сережкину знакомость, нашла на нас новая неловкость. Этакая скованность, когда не знаешь, о чем говорить. Сережка опять начал старательно оглядывать комнату. Теребил бахрому на штанине и помусоленным пальцем трогал под коленкой изрядный кровоподтек.

— Крепко ты приложился, — сказал я. — В футбол играл, да?

— Не-а! — обрадовался он. — Это на дворе об кирпич...

— Небось искры из глаз, — посочувствовал я.

— Целый салют!.. А у тебя тоже вон блямба на колене!

— Да мне-то что! Я же не чувствую...

Сережка перестал улыбаться, помялся.

— Совсем, что ли, не чувствуешь?

— Ага, — отозвался я беспечно. Не страдай, мол, за меня.

Сережка помолчал и спросил, словно сдерживая боль:

— А это у тебя... с самого рождения, да?

Я не любил такие расспросы, но Сережке ответил без досады:

— Нет, что ты! Мне пять лет было, я бегал с ребятами по улице и упал спиной на железный прут. От арматуры. Строители зарыли мусор, а этот стержень из земли торчал.

— Я знаю. Я один раз на такой ладонью напоролся, когда с велосипеда...

— А я — позвоночником... Сперва боль сильная, в больницу повезли, целый месяц лежал, потом сказали, что все в порядке, последствий не будет... Ну, их и не было сначала. А через пол года я однажды проснулся, встал с кровати на пол — и бряк. Мама говорит: «Ты чего дурачишься?» А я смеюсь. Сперва забавно показалось, что ноги

есть и тут же их как будто и нет... Ну, а потом больницы, анализы, консилиумы... Нервы, говорят, повредились. А как лечить, никто не знает... Мама пыталась добиться, чтобы за границу меня повезли, в американский госпиталь, да туда столько желающих, а долларов нету...

Сережка слушал без жалости на лице, но с пониманием. Будто и раньше знал о таких делах. Переспросил:

— Значит, точный диагноз не поставили?

— Не-а... Кое-кто думает, что это из-за отца. Он участвовал в ликвидации аварии на атомной станции и там нахватался радиации сверх нормы. Это еще когда меня не было, а он в спецчастях служил. А потом он умер от лейкоза. Мне три года было, я его почти не помню...

В три года человек не такой уж беспамятный, и, может быть, я запомнил бы отца. Но они с мамой развелись, когда мне не было еще и двух лет. Однако про это я говорить Сережке не стал. Он и без того как-то осунулся, застеснялся опять. Я сказал бодро:

— Вообще-то диагноз поставили. Длиннющее такое название. Но кто его знает, точный ли... Один молодой врач говорил, что тут много зависит от моей силы воли, от самовнушения.

«Заставь, — говорит, — себя подняться». Один раз даже заорал на меня неожиданно: «А ну, встать! Немедленно!..» А я моргаю: как это встать, если невозможно?.. Потом этому врачу попало. Кто, мол, дал право такие опыты производить над детьми... Мне тогда семь лет было... Теперь говорят, что уже точно неизлечимо...

Сережка не стал утешать меня всякими словами, что медицина развивается и что не надо терять надежды. Сказал спокойно и будто даже чуть завистливо:

— Зато у тебя руки вон какие. Рисуешь, как художник.

Я не стал скромничать и отнекиваться.

— Да, руками я кое-что умею...

— И это умеешь? — Сережка поднял с пола ракетку для настольного тенниса.

— Ну... вообще-то могу. Мы с мамой иногда играем. Раздвигаем в большой комнате стол и... Бывает, что на спор; кому после ужина посуду мыть.

— А давай попробуем!

— Ты правда хочешь? Давай!..

Наш стол, даже раздвинутый, был, конечно, меньше стола для пинг-понга. Но это и хорошо, как раз по мне. Сетку мы не нашли, вместо нее

поставили на ребро несколько книг. Сережка решил:

— Я тоже буду играть сидя. Чтобы на равных...

— У тебя не получится с непривычки, играй обыкновенно.

Он спорить не стал, но (я это видел) приготовился поддаваться.

Мы разыграли подачу, я выиграл. Сережка играл ниче-

го, не хуже Вовки Кислицына или Владика Ромашкина. Но...

Для начала я вляпал ему пять мячиков подряд. Он уже не вспоминал, что хотел играть, не вставая со стула. Потом с его подачи я пропустил два мяча, но ему забил три.

Сережка вытер локтем лоб и сказал жалобно:

— Знал бы, дак не связывался...

— Меня мама тренировала. У нее первый разряд...

— Предупреждать надо, — отозвался Сережка с обидой. С ненастоящей, дурашливой. — Ладно хоть, что не всухую...

Мы закончили со счетом двадцать один — шесть.

— Так мне и надо, — вздохнул Сережка. — Где у вас посуда?

— Мы про это не договаривались! Это только с мамой...

— Но должен же я себя наказать! За то, что нахально сунулся играть с чемпионом!

— Какой я чемпион! Да я... ты просто не привык тут со мной... Ой! А посуду-то правда надо мыть, а то от мамы влетит!

— Давай вместе!

Тарелки и стаканы он мыл гораздо лучше, чем в теннис играл. Мы управились за три минуты. Сережка вытер последнее блюдце и завертел его перед собой, как зеркальце. На блюдце была нарисована рыжая котеночья мордочка.

— Симпатичный какой кот...

— Это старинное блюдце, бабушкино... — И я вдруг вспомнил: — Слушай, а почему ты отозвался, когда я кричал: «Пушок, Пушок»?

Сережка осторожно поставил старинное блюдце, облизал губы, подергал шнурок на шее.

— Мне послышалось «Лопушок»... Меня так в детстве звали, потому что лопоухий был... Мама так звала...

— Сейчас-то уж, наверно, так не зовет, — деликатно заметил я. — Никакой лопоухости нисколечко уже не заметно...

Сережка опять стал разглядывать блюдце.

— Сейчас некому так звать. Мамы нету... уже три года...

Я подавленно молчал. Сережка встряхнулся. Проговорил с какой-то искусственной взрослостью:

— Видишь как бывает... У тебя отец, у меня мама... Вот так... И стал тереть чистое блюдце полотенцем.

И я почувствовал, что Сережка ничуть не счастливее меня. Даже наоборот. Ну, пусть я без ног, зато с мамой! Это в миллион раз лучше, чем если бы совсем здоровый, а мамы нет. Мне на миг даже страшно сделалось, будто кто-то предложил такой выбор. А потом... не знаю, как это назвать. Какое-то особое тепло у меня появилось к Сережке. Потому что его можно было пожалеть. Раньше все жалели меня, а тут был мальчишка, который нуждался в сочувствии не меньше, чем я. У каждого была своя беда, и это нас уравняло.

— А живешь-то с кем? С папой?

— Да... С отцом и с его сестрой, с теткой. Она ничего, добрая. Иногда только веником или полотенцем замахивается, если что не так... — Сережка засмеялся. Видно было, что смехом он пытается отогнать печаль. От нас обоих.

Потом он совсем уже бодро предложил:

— Пойдем теперь гулять! Тебе можно?

— Можно, конечно! Только сперва надо кресло вниз тащить, потом меня... Хотя я и сам могу по ступеням, я уже попробовал!

— Не выдумывай! Что я, не унесу тебя, что ли?

— Мальчишки меня всегда вдвоем носят. А мама с трудом уже... Она о новом кресле хлопочет в Красном Кресте, о таком, в котором можно по лестнице...

— Я тебя не хуже нового кресла доставлю куда надо! Я тренированный. Осенью я весь наш урожай картошки из сарая в подвал перетаскал, в рюкзаке. Тетя Настя даже похвалила: «Вот, — говорит, — хоть какой-то талант у человека проявился»...

— Почему «хоть какой-то»? — обиделся я за Сережку.

— Потому что я — личность без всяких проблесков.

Весь на среднем уровне. Даже фамилия самая-самая простая...

— Какая?

— Сидоров.

— Ну и что? Хорошая фамилия. У нас в доме твой тезка Сергей Сидоров живет, мастер спорта по велосипеду...

— Ну так это ведь он мастер, а не я. А у меня никаких талантов сроду не было.

Я подумал, что у Сережки по крайней мере один талант есть бесспорно — сразу становиться своим человеком.

— Ладно, тащи вниз кресло и приходи за мной. Я пока позвоню маме...

Он потащил, а я, перебравшись на тахту, позвонил.

— Мам, я погуляю, ладно?.. С Сережкой Сидоровым. Он меня спустит и поднимет, не волнуйся... Да нет, не чемпион! Мальчик с нашего двора... Ну и что же, что не знаешь, зато я знаю! А ты увидишь и тоже сразу его вспомнишь, ты его не раз встречала... — Тут я малость хитрил, но был уверен, что мама, увидев Сережку, в самом деле примет его за знакомого. — Что? Ну, конечно, недолго... Вымыл, вымыл... Ну, не бойся ты, я же не один!.. Все запру! Ладно, будем осторожны. Пока!

Сережка вернулся, стоял в дверях и слушал разговор. Потом подошел, подставил спину:

— Садись.

Я устроился у Сережки на закорках.

— Тяжело?

— Нисколечко... — И понес меня. Терпеливо подождал, пока я запирал входные замки, впри-

прыжку спустился со мной к выходу, пронес мимо любопытных бабки Таси и бабки Шуры («Здравствуй, Ромочка! На прогулку поехал, голубчик?»). Ловко пересадил в кресло. Я уперся ладонями в обручи.

— Поехали скорее! — Подальше от словоохотливых бабок.

— Давай покачу тебя!

— Что ты, я сам!

ДЕРЕВЯННЫЕ ТРОТУАРЫ

Наша улица не в центре, но и не на самой окраине. В районе, который называется Текстильный. На ней стоят одинаковые панельные многоэтажки и растут жиденькие клены. Машин здесь немного, но регулярно проезжает автобус тридцать первого маршрута.

Мы двигались по асфальту, в расщелинах которого росли подорожники. Я ладонями толкал дюралевые обручи — они приделаны к колесам специально для рук. Передние колесики прыгали на асфальтовых бугорках. Сережка шел рядом. Я все ждал, что он спросит: «Куда двинемся?» Но он вдруг вздохнул:

— Ты неправильно сказал своей маме...

— Что неправильно?

— Я не из вашего двора.

— Какая разница? Все равно ведь ты недалеко живешь!

— Далеко. Если на тридцать первом ехать, то целых полчаса, до стадиона «Чайка». А там еще пешком по Диспетчерской и Партизанской...

— А как ты здесь оказался?

— Просто так. У меня привычка такая... вернее, занятие. Гуляю по всему городу, смотрю: где что интересное. И где есть хорошие люди...

Я огорчился и встревожился:

— Значит, ты здесь случайно!

Он быстро посмотрел на меня сбоку.

— Почему же случайно?

— Мог ведь и не завернуть в наш двор...

— Кто его знает, — тихо отозвался Сережка, глядя под ноги.

— И... наверно, больше уже не завернешь, — шепотом сказал я. — Будешь гулять по новым местам. Искать... новых людей.

Сережка положил руку на спинку кресла.

— Зачем же мне новых? Раз уж я нашел тебя... — Это он все так же тихо проговорил, даже скучновато. Но по мне опять прошло тепло — по всему телу, даже по ногам. Я зажмурился, прижался затылком к спинке, потом глянул на Сережку. Он

шмыгнул носом, но глаз не отвел. Вернее, отвел, но не сразу, а когда все уже было ясно. Поглядел по сторонам и спросил равнодушным тоном:

— Эта улица в честь какого Глазунова называется? Есть такой композитор, есть художник...

— В честь Героя Советского Союза. Он был летчик и погиб в сорок пятом году... Он до войны в нашем городе жил.

Я даже и не слыхал про такого, — озабоченно сказал Сережка. — Ну ладно... А куда пойдем-то?

Когда я гулял с мамой или ребятами, маршруты были одни и те же: или к площади Пушкина, где большой фонтан, или в сквер у Городского театра, или на Большой бульвар...

Сережка! Давай куда-нибудь наугад! Где я еще никогда не был! Ну, хоть в этот переулок!

В самом деле, сколько раз проезжал я в кресле мимо узкого переулка между булочной и кирпичным забором, а понятия не имел, что там, в нескольких метрах от улицы Глазунова. И сейчас даже подумалось: вдруг что-то необыкновенное?

Переулок назывался Кочегарный (и кто это придумывает такие названия?). Пятиэтажный дом с булочной был в нем самым большим. Дальше стояли двухэтажные дома, обитые почерневшими досками и украшенные под крышей нехитрой

деревянной резьбой. Сразу видно — очень старые. Между ними тянулись тесовые заборы. Это — на правой стороне. А на левой — длинный кирпичный забор с узорчатой решеткой наверху. Вдоль него мы и пошли. Асфальтовый тротуар стал узеньким, разбитым. Колеса запрыгали по выбоинам.

Сережка стал подталкивать кресло. Сперва незаметно, потом сильнее помогал мне. И я теперь не спорил. Скоро он уже по-настоящему катил меня, а я ладонью вел по верхушкам сорняков, что росли вдоль кирпичной стены.

Мы свернули на деревянную одноэтажную улицу с палисадниками и немощеной заросшей дорогой. Здесь было солнечно и пусто, лишь трое малышей гоняли по дороге ярко-синий мячик. Они поглазели на нас, но недолго. Над палисадниками и дорогой летали бабочки. На лужайке у приземистого домика паслась пятнистая добродушная корова. Она тоже посмотрела на нас.

— Я и не знал, что рядом с нами такая деревня. Не верится даже...

— Нравится? — спросил Сережка.

— Будто в иные края попал. Или на другую планету...

Сережка кивнул и покатил меня дальше. Так

началось наше первое путешествие по тихим переулкам и пустырям.

Пустырей было много. На них блестели жестянки и битое стекло, рос на мусорных кучах репейник и бродили кудлатые козы. И мне казалось иногда, что это джунгли в какой-то сонной загадочной стране. Я так и сказал Сережке.

Он ответил серьезно:

— Конечно. Тут ведь как взглянуть... Если разобраться, то здешний чертополох ничуть не хуже всяких кактусов и агав. Ну, тех, что растут на окраинах заморских городов.

— И сколько всяких трав!.. Я даже не знаю, как они называются. Кроме лебеды и репейника.

— Я тоже многих не знаю...

Но кое-какие травы Сережка знал. Те, про которые говорят «сорняки», а на самом деле они красивые...

— Вот эти розовые свечки называются «кипрей» или «иван-чай». Это дикий укроп. А вот белоцвет, чистотел... осот... Смотри, и конопля здесь растет... Тысячелистник...

Над пустырем в жарком воздухе стояли белые зонтики широких соцветий, верхушки с лиловыми и желтыми шариками, серые кисточки и колоски. Густо переплетались узорчатые травя-

ные листья.

— А вот полынь! — обрадовался Сережка. Он сорвал с пыльного кустика головку с серыми шариками, потер в ладонях.

— Сделай так же, вдохни...

Я поднес к лицу натертые семенами ладони. Горький солнечный запах вошел в меня... ну, не знаю, как сказать. Будто простор распахнулся. Степь до самого горизонта, которую я видел только на телеэкране...

— Пахнет безлюдными пространствами, — прошептал Сережка.

— Ага... — выдохнул я. Но тогда еще не понял всего смысла этих слов. А позже, когда тайна Безлюдных Пространств пропитала мою жизнь, я не раз вспоминал этот пустырь и Сережкин шепот.

После пустыря с полынью мы еще долго слонялись по старым переулкам и делали всякие открытия. То увидим домик с причудливой резьбой на карнизах, то горбатый, будто в сказке, мостик через канаву, то совершенно деревенский колодец с «журавлем». Всюду росли знакомые мне высоченные одуванчики...

Сережка уже совсем завладел креслом и катил меня легко и без устали. Я только глядел вокруг и гладил головки травы. Несколько раз на ноги

мне садились коричневые бабочки, и я (честное слово!) ощущал щекотанье их лапок.

В этих безлюдных зеленых переулках асфальт встречался редко, зато было много дощатых тротуаров. Я с тех пор навсегда запомнил, как хорошо пружинят доски под колесами. Иногда, правда, колеса проваливались в щели, но Сережка легко их выдергивал и вез меня дальше...

Мы бродяжничали по незнакомой деревянной окраине и говорили про все понемногу. И хорошо нам было оттого, что столько у нас одинакового. В августе нам должно было стукнуть двенадцать лет. Нам одинаково нравились книжки про Тарзана, а марсианские романы того же писателя, Берроуза, мы считали занудными. Мы оба раньше собирали марки, а потом бросили. Оба не любили математику, «история и география в тыщу раз интереснее, хотя учебники там тоже скучные».

Нам нравились песни группы «Корсар» и фильмы про морские приключения, а кино, где людей дырявят из автоматов и кольтов, мы не любили: сперва вроде бы интересно, а потом тошно...

Нам обоим было по душе такое нехитрое, но увлекательное занятие: смотреть, запрокинув голову, как в небе кружат голуби и стремительно стригут воздух ласточки...

Я рассказал Сережке про себя много всего. И про то, как в больнице от тоски пытался сочинить поэму о привидениях в рыцарском замке, и про случай с грабителем, и даже про дядю Юру. Как он уехал и оставил мне сборную модель самолета. Я ничего не скрывал. Потому что ведь и Сережка без утайки рассказывал мне про свою жизнь. Как тетка пилит его и отца, потому что у нее у самой не сложилась судьба, муж бросил; и как отец иногда «зашибает» после получки, а потом ходит виноватый.

— Даже такой... ну, будто подлизывается ко мне. А мне его жалко тогда...

Но о грустном говорили мы не так уж много. Поделимся семейными печалями, а потом, надолго, о чем-нибудь хорошем. О веселом. Я — о том, как с ребятами во дворе накачивали велосипедным насосом резинового крокодила и он рванул наконец, будто бомба, а бабка Тася и бабка Шура решили, что в доме взорвался газ. А Сережка про то, как его записали в школьный хор и как выгнали с первой же репетиции, потому что «тебе, мальчик, озвучивать в кино аварийные сирены и мартовских котов...».

Иногда мы хохотали так,' что незнакомые тетушки высовывались из раскрытых окошек.

Однако не ругали нас...

Но мы не все время разговаривали. Иногда двигались просто так, задумчивые. Понимали друг друга молча. Дорогу мы выбирали наугад. Наугад — это же здорово! Везде можно ждать интересного!

Наконец заросшая рябинами улица Кровельщиков привела нас к стене из бетонных плит. За ней слышались голоса, магнитофонная музыка, шум. А неподалеку опять виднелись большие дома и звякал трамвай.

— Это, наверно, Потаповский рынок! — сообразил Сережка. — Его тыловая часть! А вход с другой стороны...

Я не хотел туда, где много людей. И кресла своего стеснялся (будут толкать, оглядываться), и жаль было расставаться с зелеными переулками.

— Сережка, давай назад, а?

— Ладно! Только доедем до угла, посмотрим, что там за улица, на которой трамвай...

Улица оказалась Кутузовская, про нее я слышал. Она была похожа на нашу, Глазунова, только с рельсами, по которым проезжали красно-желтые дребезжащие вагоны. К рынку и от рынка толпой шли люди с сумками и кошелками. Но к нам, на улицу Кровельщиков, почти никто не сворачи-

вал. Здесь на углу была граница городского шума и тишины.

И у самой этой границы в тени бетонного забора сидела белоголовая девочка.

Она была помладше нас, лет десяти. В потрепанных тренировочных брюках, в застиранной футболке и в жилетке из мальчишечьей школьной курточки. Можно было подумать, что мальчик, если бы не жиденькие косы над погончиками.

Девочка сидела, поджав ноги, и читала книгу. А рядом, в подорожниках, стояла картонная коробка. Я еще издалека прочитал на коробке карандашные буквы: «Люди добрые, помогите. Мне и бабушке нечего есть».

Я хотя и «балконный житель», но знал, конечно, что среди нищих встречаются ребятишки. Такие уж нелегкие наступили времена... Но это была странная нищенка. Читательница! Много ли такой подадут!

Когда мы были метрах в трех, девочка глянула на нас и снова уткнулась в книгу. Но я почувствовал: не читает она, а ждет чего-то. Скорее, не милостыни, а чтобы мы поскорей проехали.

Но я не мог просто так проехать мимо. Словно в чем-то оказался виноват. И Сережка, видимо, чувствовал то же. Притормозил кресло, руки его

дрогнули на спинке.

Девочка опять бросила быстрый взгляд. Сама белобрысая, а ресницы — как мохнатые черные гусеницы.

И глаза темные. Какие-то беззащитно-ощетиненные. Я отвернулся.

Сережка со спины шепнул мне в ухо:

— У меня нет ни копейки. А у тебя?

Я задергался, зашарил в кармане на шортах. Там лежала у меня латунная денежка в пятьдесят рублей. Не для покупок, а просто так. Мама подарила ее — новенькую, блестящую. Цены в ту пору скакали бешено, и полсотни рублей были уже, как говорят, «не деньги». Но каравай или батон купить было можно. Я перегнулся через подлокотник, осторожно опустил денежку на картонное дно.

— Спасибо, — сказала девочка одними губами. У нее было треугольное маленькое лицо и пыльные тени под глазами. Я промолчал, ежась от неловкости. Не говорить же «на здоровье» или «пожалуйста». Хотел уже толкнуть колеса, раз Сережка медлит. Но опять встретился с девочкой глазами. Она уже смотрела иначе, мягче, будто на знакомого. И вдруг спросила тихо, с пришептыванием:

— Ты почему на кресле? Ноги болят?

По-хорошему так спросила. И я ответил ей доверчиво, как Сережке:

— Если бы болели... А то просто не двигаются.

— Плохо это... — шепнула она.

— Чего уж хорошего...

Девочка взяла из пустой коробки денежку и вдруг улыбнулась:

— Красивая. Будто золотая...

Я не знал, что сказать на это. И уехать молча было уже неловко. А Сережка вдруг спросил озабоченно:

— Ты зачем здесь-то устроилась, за углом, на пустом месте? Тут люди почти не ходят...

Девочка перестала улыбаться.

— Зато никто не пристает. И читать не мешают...

— Но ведь и не насобираешь ничего, — настаивал Сережка.

— Ну и пусть... Я и не хочу.

— Не хочешь, а сидишь...

— Бабушка заставляет. Ей пенсию третий месяц не платят, вот она и говорит: «Иди, добывай на прокорм, пускай люди видят, до чего нас нынешняя власть довела...» Я сперва бутылки собирала на стадионе и на пляже, но там мальчишки про-

гоняют и отбирают, у них все места между собой поделены. И у нищих рядом с рынком тоже. А здесь можно...

Сережка тихо дышал у меня за спиной. Девочка вертела в пальцах монетку. Чтобы не молчать, я спросил:

— А что читаешь?

Она повернула ко мне растрепанную обложку. Это была книжка английской писательницы Энид Блайтон «Великолепная пятерка на острове сокровищ». Я ее читал. А Сережка, видимо, нет.

— Интересно? — спросил он.

— Да... Только я ее уже третий раз читаю, потому что других нету... Я ее на три бутылки из-под пива у одного пацана выменяла...

— У этой книжки есть продолжение, — сказал я. — Даже два. Хочешь, мы принесем?

— Правда? — У девочки подскочили светлые бровки, глаза под мохнатыми ресницами заискрились. Они были теперь как янтарные бусины. Я оживился.

— Конечно, принесем! Можем завтра!.. Сережка, можем?

— Само собой. Все равно ведь пойдем гулять.

Счастье опять накрыло меня — как пушистым одеялом. Оттого, что Сережка так меня понимает

и что завтра снова мы будем вместе. А девочка смотрела и обрадованно, и с недоверием.

— Завтра в это же время, — подвел итог Сережка. — Жди на этом самом месте.

— Я весь день... буду ждать...

— Ну, пока... — И Сережка лихо развернул мое кресло. И покатил. Я даже не успел ничего сказать. Только метров через двадцать упрекнул его:

— Ну ты рванул с места. Даже не спросили, как ее зовут.

— Ох, верно... Подожди! — Он оставил меня и застучал по доскам кроссовками. Я, вывернув шею, смотрел из-за спинки, как он подбегает к девочке. Подбежал, постоял рядом несколько секунд и опять примчался ко мне.

Ее зовут... Странное какое-то имя. Вроде как Сойка...

— Может быть, Зойка?

— Может быть... Но Сойка лучше. Есть такая лесная птица.

И я согласился, что Сойка лучше...

Квартала два мы двигались обратно по улице Кровельщиков, и я думал, что Сережка везет меня домой. Вон уже сколько времени гуляем, умаялся он со мной на пустырях и в буераках. Но Сережка

свернул в тесный проулок. Вернее, в проход, где только заборы по сторонам, да репейники, да травянистая дорожка. Спицы зашуршали в мелкой ромашке и клевере. Проход был извилистый.

— Ромка, мы ведь тут еще не были! Посмотрим, что там!

— Посмотрим...

— Ты еще не торопишься домой?

Я бы не торопился, но... была причина, по которой очень хотелось оказаться дома. Потому что лишь там я умел самостоятельно управляться со всякими своими делами. И в ванне, и... ну, сами понимаете. А здесь-то как? У меня уши сделались горячими.

Но Сережка — он молодец, он сразу все понял.

— Кого ты стесняешься-то! Кругом пусто, а мы свои люди. Ну-ка, давай... — Он взял меня под мышки, прижал к себе спиной и подтащил к забору. И держал так среди зарослей в стоячем положении, сколько потребовалось.

Он был одного роста со мной (если можно обо мне говорить «рост») и, видимо, одного веса, но управлялся со мной ловко и легко, словно всю жизнь ухаживал за инвалидами. И я снова сделался счастливым — и оттого, что Сережка сказал «мы свои люди», и оттого, что не надо спешить

домой.

Проход среди заборов кончился. Мы оказались на берегу небольшого болота. На другом конце его темнел заброшенный сад, по сторонам виднелись кирпичные развалины и сараи. А над осокой и метелками тростника дрожал, как стеклянный занавес, нагретый воздух. И тихо-тихо было, до комариного звона.

— Это же Мельничное болото! — обрадовался Сережка. — Бывший пруд! Вон там развалины мельницы!

— Откуда ты знаешь? Ты говорил, что не бывал здесь...

— Бывал, я вспомнил! Только я с той стороны сюда подходил, через сад, поэтому сразу сейчас не разобрался... Я знаешь как это место узнал? Вон по тому коллектору!

— По чему?

— Ну, смотри! Видишь, труба в деревянном кожухе?

Я глянул налево. С нашего берега тянулось через болото что-то вроде мостика. Представьте себе собачью конуру с двускатной крышей, вытянутую в сотни раз. Такой вот бесконечный обшитый досками домик уходил к другому берегу.

— Там внутри труба теплоцентрали, с горячей

водой, — объяснил Сережка.

— А обшивка зачем? Чтобы лягушки не обожглись?

— Не только лягушки, вообще всякая живность, — засмеялся Сережка. — Тут ее много... Ромка, давай по этой штуке на ту сторону, а?

— Ох... ну, давай...

Страшновато было, но обидеть Сережку недоверием я не мог.

Сережка вкатил меня на крышу коллектора. Коротенькие поперечные доски лежали внакладку друг на дружке, тугие шины прыгали по ним — по самым краям этой двускатной кровли. И внутри у меня что-то прыгало. Я вцепился в подлокотники.

— С-смот-ри н-не б-бульк-ни ме-ня... — Это я вроде бы шутя проговорил сквозь тряску.

— Ну, подумаешь! Если булькну, вытащу и отмою!

— А ес-ли з-десь глуб-бо-ко?

— Чуки помогут.

— К-кто?!

— Чуки! Живут здесь такие существа. Болотные. Похожи на пеньки с кудлатой шерстью. Они добрые... А еще есть шкыдлы. Вроде громадных водяных крыс или маленьких кенгуру. У них

вместо передних лап ручки, как у мартышек. Ух, зловредные эти шкыдлы и хитрые! Чуки с ними всю жизнь воюют...

Я даже про тряску забыл, слушая эту фантастику. Мельничное болото сразу показалось мне волшебным местом. Именно в таком заросшем пруду Тортила подарила Буратино золотой ключик. А на мельнице водятся всякие духи... А мохнатые чуки по ночам собираются на берегу у костра и обсуждают, как защититься от поганых шкыдл. й плавают над болотом блуждающие огоньки...

Пока я все это представлял, тряска кончилась. Потому что кончился коллектор. От него шел по берегу щелястый Дощатый тротуар. Он терялся в близком саду. Но мы не поехали туда, Сережка повернул кресло в сторону.

— Смотри, как здесь здорово!

Вот удивительно! Вдоль осоки тянулась по берегу широкая полоса чистого белого песка! Если бы не у болота, а у озера или речки, здесь получился бы отличный пляж!

— Ура! Остановка «Курорт»! — Я свалился с кресла и растянулся на теплом, не тронутом ни единым человечьим следом песке. Стянул футболку. Солнце уперлось мне в спину горячими

лучами. И ноги теперь сзади загорят, буду совсем как нормальный пацан...

Сережка плюхнулся рядом.

— Намучился ты со мной, — благодарно сказал я.

— Нисколечко! Я... наоборот...

От этого «наоборот» в который уже раз налился я счастьем по самую макушку. Помолчал, поковырял песок.

— Сережка, значит, ты и раньше бывал здесь?

— Однажды...

— А с чего у тебя это началось? Ну, желание гулять по городу?

— У нас во дворе неинтересно, ребят совсем нет. Раньше были, а потом разъехались из коммуналок по новым кварталам, я один остался... Это ничего, что мы с тобой далеко друг от друга живем. Это даже интересно — ехать через полгорода. Я люблю путешествовать.

— Я тоже... — И я рассказал Сережке, как мечтаю отправиться в кругосветное путешествие в автомобиле или на мотоцикле.

Сережка заметил, что в автомобиле лучше.

— В нем ведь можно вдвоем. Сперва ты машину ведешь, потом я, по очереди. Один за рулем, другой отдыхает...

Ну что тут скажешь! Я только зажмурился, греясь под лучами. И, помолчав, поведал Сережке историю про своих бумажных голубков. И про последнего — с оранжевым солнцем и двумя мальчишками, которые идут, взявшись за руки. И замер. Мне показалось, что Сережка признается: «Я однажды на траве нашел как раз такого голубка! Неужели это твой?!»

Но Сережка сказал:

— Так, значит, это про тебя я осенью в газете читал? Про выставку бумажных голубей с рисунками! Правда, это ты?!

— Ну... наверно. Подумаешь, газета. В ней много напутали и прибавили...

— Но все равно ведь это про тебя! Мне тетя Настя тогда еще сказала опять: «Видишь, какие таланты бывают у людей с малых лет! А ты только знаешь нос в книгу или шастать неизвестно где».

Выходит, у Сережки из-за меня случилась неприятность! Я сказал сердито и жалобно:

— Что она к тебе придирается! У тебя куча талантов!

Ты вон какую сказку сочинил про болото! Хоть в журнале печатай!

— Вовсе это не сказка... Ой, вон смотри, чука из осоки выглядывает!

Я понимал, что это игра, но вздрогнул.

— Где?

— Вон... Спрятался, только трава качается.

Осока и правда в одном месте колыхалась. Я засмеялся.

— Не веришь, — вздохнул Сережка.

— Ну, почему... Я верю. Здесь место и правда какое-то необыкновенное.

— По-моему, это островок самых настоящих Безлюдных Пространств, — проговорил Сережка. Очень уж как-то серьезно. У меня — даже холодок между лопаток.

— А что это за пространства? Они... совсем безлюдные?

— Не совсем. Но они брошенные. Люди их оставили... Но раньше-то люди там жили. Долго-долго. И душа этой жизни на таких пространствах сохранилась. И они теперь... ну, как бы стали сами по себе живые... Может быть, это еще и с космосом связано, с его дыханием...

И опять у меня — мурашки. Словно дыхание это пронеслось надо мной. «Гулкие барабаны Космоса», — вспомнил я. И подумал: «Рассказать?»

Но Сережка вдруг встряхнулся:

— Ой, Ромка! Наверно, пора уже! Сколько мы гуляем-то?

Часов ни у меня, ни у Сережки не было. Но и по солнцу я видел: время давно уже послеобеденное. Мама небось не раз названивала домой в перерывах своего заседания. И теперь она как на иголках!.. И все же я не торопился. Растворялся в счастливой беспечности. Словно тишина и покой здешнего безлюдного пространства стали частичкой меня самого...

Домой, на улицу Глазунова, добирались мы через заброшенный сад, потом по всяким переулкам и по улице Гоголя. Там лопнул водопровод, на асфальте вода ручьем, но это было даже здорово! Сережка разулся и катил меня бегом, вспарывая колесами лужи.

И дальше все было прекрасно! Мама позвонила уже тогда, когда мы были дома.

— Ты давно вернулся с прогулки?

— Н-ну... довольно давно.

— Обедал?

— Д-да, конечно...

— Роман! Я по голосу знаю, когда ты врешь!

— Ну, суп уже разогрелся, мы сейчас...

Мы с Сережкой съели и суп, и макароны с яичницей, и чаю напились. Он отдувался:

— Ух, я будто танкер перегруженный. Как теперь домой поплыву...

— Уже уходишь? — огорчился я.

— Ничего себе «уже»! Тетушка, наверно, ищет по всем дворам, мне сегодня еще половики выбить надо...

— Завтра придешь?

— Конечно!

— Точно?

— Я же сказал!.. Нам ведь надо завтра книгу Сойке отнести!

Ох!.. Я совсем забыл про девочку Сойку.

Я почувствовал, что уши мои розовеют (хорошо, что они под волосами). Сережка глянул понимающе.

— Эх ты... А она про тебя не забыла.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю... Думаешь, из-за книги? Вовсе нет. Когда я у нее имя спрашивал, она знаешь что сказала?

— Что?

— Говорит: «А того мальчика как зовут?» Я говорю: «Рома». А она: «Какой этот Рома красивый...»

У меня теперь не только уши, но и щеки стали горячие.

— Тьфу! Дурость девчоночья. У них только это на уме!

— Знаешь, она это не по-девчоночьи сказала. Не

так, как они обычно: «Ах, какой он миленький!» Как-то очень вдумчиво.

— И ты туда же!

Сережка засмеялся:

— Я-то при чем? Я в красоте не разбираюсь. Мне главное, чтобы человек был хороший.

Тут я не выдержал. Будто что-то надавило на меня:

— А я... какой по-твоему? — И зажмурился от стыда.

— Ты... такой...

— Какой?

— Ты — Ромка... — сказал он тихо и так хорошо, что стало снова тепло и ласково, словно там, на песке.

...Потом я махал Сережке с балкона, а он махал мне.

— До завтра, до утра! — уже который раз крикнул я.

А он вдруг в ответ:

— Может, еще и раньше!

— Как это раньше? — почти испугался я.

— Это шутка! — И Сережка скрылся за углом дома.

ИНАЯ ЖИЗНЬ

В тот вечер я лег рано, солнце еще светило в мамину комнату с северо-западной стороны, я видел это в приоткрытую дверь. Мама зашла ко мне.

— Ох, чувствую я, нагулялся ты со своим Сережкой. Даже загорел, будто в турпоходе.

— Ага...

— А вот на даче ты мог бы целые дни проводить на воздухе... Ну, не буду, не буду, не буду! Мы договорились.

— Ты когда уезжаешь в свой профилакторий?

— Через неделю... — Мама поцеловала меня и ушла. А я стал старательно засыпать. Не только для того, чтобы поскорее пришло утро и я увиделся с Сережкой. Мне казалось, что после такого славного дня ночь будет тоже хорошая. С моими снами.

...Лишь бы не напали снова тени черных орлов!

Именно тени. Самих орлов, которые могут такие тени отбрасывать, я никогда не видел и не знаю даже, есть ли они на свете (хотя смешно говорить «есть» или «нет», когда речь идет про сон). Это были похожие на громадных птиц силуэты, словно вырезанные великанскими ножницами

из непроницаемого мрака. С распахнутыми крыльями, с хищными головами на длинных шеях.

Я понимал, что повредить самолет эти чудовища не могут — они же просто видения. Но от них летел черный ветер. Он ощущался не телом, не кожей, а нервами. Этот ветер был Страх. Иногда я со съежившимся сердцем, со стиснутыми зубами пробивался сквозь крылатую круговерть Страха. Главное — выдержать одну-две минуты, до первого кучевого облака. В его просвеченный луною туман тени орлов лететь боялись. И я нырял туда, как в спасение.

Однако случалось и так, что пробиться я не мог. Бросал ручку управления, закрывал руками лицо, и начиналось падение. Я знал, что сейчас проснусь — с колотящимся сердцем и с каплями на лбу, но невредимый. И все равно в этом падении был ужас.

Впрочем, тени нападали не всегда. Чаще я достигал облачной гряды без всяких приключений, а за ней было уже безопасно. Там было счастье!

Первый раз я увидел такой сон в новогоднюю ночь, после того, как отдал Ванюшке модель. Иногда я думал, что это судьба наградила меня. Вот, мол, за то, что не пожадничал, сделал радость малышу, получай вместо модели настоящий

самолет.

Он и в самом деле был настоящий! Легонький, трепещущий, словно живой. Я изучил его, как самого себя.

Правда, я никогда не видел свой самолет со стороны. Во время таких снов я сразу оказывался в кабине. Но уж кабину-то знал до каждой заклепки, до каждой царапинки на приборном щитке.

Наверно, потому, что я прочитал толстенную книгу о всяких самолетах, мне было понятно, как пользоваться приборами. Я видел их совершенно отчетливо, как наяву. Черные циферблаты в никелированных зубчатых ободках, с фосфорическими цифрами. Здесь был показатель высоты — альтиметр, искусственный горизонт, маленький шариковый компас с белыми делениями на пояске-экваторе, счетчик горючего (которое никогда не кончалось), показатель скорости... Была и рукоятка триммера с поцарапанным эбонитовым шариком на конце (это такое устройство, чтобы облегчать управление рулем и элеронами).

Желтая лампочка в пластмассовом колпаке светила у меня над головой. Она укреплена была на плоскости верхнего сплошного крыла, которое нависало над кабиной, словно крыша.

Кабина была одноместная, открытая, только

спереди ее защищало очень выпуклое (как половинка шара) оргстекло.

Перегнувшись через борт, я мог увидеть небольшое, туго надутое колесо на оттопыренной лапе шасси. Посмотрев назад, мог разглядеть высокое перо руля. И знал: на нем написано «L-5» (хотя самолет был мало похож на дяди Юрину модель).

А глянув перед собой, видел я бетонную дорожку из квадратных плит — она уходила в лунный искрящийся туман.

Я поворачивал ключ стартера. Чух-чух... — несколько редких взмахов винта сотрясали кабину и плоскость. Но сразу винт превращался в почти невидимый мерцающий круг, и вместо тряски появлялась мелкая щекочущая дрожь. Воздух начинал свистеть вдоль бортов. Стрелки на циферблатах вздрагивали, как усики проснувшихся бабочек.

И вот он — миг, от которого замирает сердце.

Я тяну рычажок газа. Еще... Поехали... Колеса подрагивают на стыках плит. Еще газу! Ручку управления — потихоньку на себя... Ф-ф-ф! — шипит воздух, и крылья мягким взмахом поднимают над бетоном. Я вжимаюсь в клеенчатое сиденье. Посильнее тяну к себе обмотанную синей изолентой рукоять...

Как быстро остается внизу земля! Слева белый шар луны светит изо всех сил. Справа и впереди стоят, как острова,-кучи белых облаков. Мотор гудит ровно и негромко, а встречный воздух шумит изо всех сил. Странно звучат стальные растяжки между крыльями. Дребезжат жестяные колечки брезента.

Стенки у кабины снизу дюралевые, а выше — из прочной парусины, пришнурованной к металлическим трубкам. Парусина мелко трепещет. В щели на днище врывается ветер, бьет по ногам. Резко, зябко... Но это же замечательно! Ноги у меня чувствуют! Потому что здесь я не дома, не на земле! Здесь иная жизнь.

Я совсем здоровый! И я умею управлять самолетом. Знаю все его привычки.

Знаю, например, что, когда жмешь на левую педаль, ее шатун слегка цепляет край отверстия в полу. Нервничать и крепко давить нельзя, а следует качнуть ступней вправо... Нельзя слишком сильно брать ручку на себя: самолет задирает нос и мотор «тух-тух-тух» — как у дяди Юриного «жигуленка» на крутом подъеме... Когда делаешь поворот, вести ручку управления в сторону и нажимать педаль надо одновременно. И плавно, плавно — машина не терпит рывков.

Если ручку двинуть вперед, машина — носом вниз и пошла, пошла к земле. Иногда я с обмиранием в душе вводил самолет в пике. Скорость — сумасшедшая, растяжки воют и даже выгибаются от встречного ветра, а по ногам словно лупят гибкие ледяные пропеллеры. И вот теперь, на такой скорости, если ручку потянуть к себе, можно запросто взмыть к зениту и войти в мертвую петлю... Но я на это не решился ни разу. Я же всего-навсего Ромка Смород-кин, а не штабс-капитан Нестеров...

По правде говоря, больше крутых пике и виражей мне нравились плавные полеты, когда внизу, вверху, по сторонам — лунный и звездный простор, ватные горы облаков. Горы эти медленно проплывают назад, а ты сидишь, откинувшись к спинке, и только чуть пошевеливаешь педали, выравнивая нечаянный крен, умело играешь с пространством.

Я забавлялся тем, что менял масштабы мира.

Знаете, бывает иногда так, что большое, но далекое кажется маленьким и близким. Видимый за окном автомобиль можно представить жучком, бегущим по подоконнику, а колокольню «поставить» на ладонь, будто карандашик. Где-то я читал, что это называется «эффект линейного

зрения». Но наяву это обманный эффект — не на самом деле, а «как будто». А во сне я научился по правде приближать и уменьшать то, что видел.

Например, Луну (она всегда светила во время моих полетов) я часто представлял размером с глобус. В поле зрения при этом она занимала столько же места, сколько и раньше, но оказывалась всего в двадцати метрах от меня. И я облетал ее по орбите, как шмель облетает висящий в саду фонарь.

Я придвигал взглядом далекое облако, оно делалось величиной с варежку, и я насаживал его на палец, словно комок пуха. И дул на него, и оно разлеталось на клочки, таяло.

Я шептал звездам: «Летите ко мне». И они из громадных, висящих в непостижимой дали огненных шаров превращались в искрящуюся вокруг меня метель. Звездные искры пролетали рядом, покалывали ладони, когда я высовывал руки из кабины...

Но при всем этом окружающий мир не делался тесным. Ведь он бесконечен.

Эту бесконечность я ощущал всей душой. Нет, страха не было, но в меня входило понимание, какая она, эта бесконечность, непостижимая и загадочная. И еще — она была живая. Она то

ли дышала, то ли пульсировала. Равномерный пульс доносился из самого-самого далека, из-за пределов звездного пространства. Словно короткие вздохи сверхгромадного дремлющего существа или эхо великанских барабанов. Вроде бы и неслышные, они отдавались внутри меня мягкими «замирательными» толчками.

Я думал про них: «Гулкие барабаны Космоса...»

Но эти барабаны звучали не всегда. Я слышал их лишь в те моменты, когда залетал слишком далеко и начинал задумываться о бескрайности мира.

...А в тот вечер я ни о чем таком не думал. Увидев себя в кабине, запустил мотор и после короткого разбега круто и весело пошел в высоту. Мне повезло: тени черных орлов не напали. И уже через минуту я летел среди лунно-серебристых груд, похожих на пушистые айсберги.

Все было прекрасно. Я наслаждался полетом, встречным ветром и послушностью самолета. Сбросил кроссовки и носки, чтобы босыми ступнями чувствовать рубчатую резину педалей. Слегка покачивал свой «L-5» и держал курс прямо на нижнюю звезду в хвосте Большой Медведицы.

И вдруг все пространство пересекла изломан-

ная диагональ! Я то ли увидел, то ли просто понял — в один миг! — что это с земли в высоту уходит узкий деревянный тротуар! Тот, что начинался у коллектора на Мельничном болоте.

Он был бесконечный и прошивал облака.

И я мчался прямо на него.

Я качнул вправо рычаг управления, надавил правую педаль и понял — поздно! Сейчас будет удар, треск, вспышка, чернота!

...Но ничего такого не было. Просто я лежал в постели и таращился в полутемный потолок. За окном светилась бледная июньская ночь. А сердце под ребрами: бух-бух-бух... Даже в ушах отдавалось.

А когда перестало отдаваться, я услышал шорох на балконе.

Хотите верьте, хотите нет, но я не испугался. Ничуть! Я почему-то сразу догадался, кто это.

Он осторожно отодвинул балконную дверь. И громким шепотом:

— Ромка...

— Сережка!

— Я... Видишь, я обещал прийти раньше, чем завтра, и вот...

— Какой ты молодец... Ой, а как ты сюда пробрался?

— По веревочной лестнице. Закинул и разраз...

— Но ведь решетка-то заперта!

Сережка заулыбался, я разглядел это в серых сумерках.

— У меня ключ, вот... — Он выдернул из-за ворота квартирный плоский ключик на шнурке. — Открывает любые замки. Почти волшебный... — Шепот у Сережки был особый, таинственный.

«Сон, — понял я. — Ну и что? Все равно хорошо...»

Сережка сел на край постели. Мы помолчали с полминуты.

— Ромка, пойдем погуляем, а?

— Кресло не вытащить, мама проснется...

— А кресло нам и не нужно, — все тем же шепотом объяснил Сережка. — Главное — спуститься с балкона...

Я ничего не успел сказать, как очутился у него на руках. Уже одетый. Он легко вынес меня на балкон.

— Сможешь спуститься на руках? Ты же умеешь подтягиваться на турнике, а здесь не труднее...

К перилам крючьями была прицеплена веревочная лесенка. С круглыми перекладинами. Поскольку это был сон, я не очень боялся. Поз-

волил Сережке опустить себя за перила и, перехватывая палки, ловко добрался до земли. Сел в прохладную траву.

Сережка тут же оказался рядом. Качнул лесенку, она упала к его ногам.

— Ой, а как обратно?

— Об этом не заботься...

— А как же я без колес-то?

— Колеса есть! Сейчас...

Он отбежал и тут же вернулся с большим позвякивающим велосипедом, от которого пахло смазкой и пыльной резиной.

— Сможешь держаться на раме?

— Смогу! Меня уже катали! Вовка Кислицын...

Я не стал уточнять, что с Вовкой мы загремели в кювет. Знал, что с Сережкой не загремлю.

Рама была обмотана чем-то мягким. Красота! Сережка

усадил меня боком, я ухватился за руль. Ноги нечувствительно заболтались впереди педалей.

— Поехали! — Сережка позади меня прыгнул на седло. Теплый воздух качнулся навстречу. Я услышал, как головки травы защелкали по моим кроссовкам. Тряхнуло. Я засмеялся от радости.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЧАСТЬЯ

Куда мы едем, я не спрашивал. Не все ли равно! С Сережкой я ничего не боялся. Правда, был внутри щекочущий холодок, но не от страха, а от предчувствия приключений.

Пахло тополями и нагретым за день асфальтом. Где-то трещал ночной кузнечик. Однако настоящей ночи не было, на севере в просветах среди многоэтажек неярко желтела июньская заря.

Мы ехали недолго, остановились у забора. Сережка ссадил меня в бурьян, раздвинул доски. Сперва протащил в широкую щель велосипед, потом меня. Устроил меня на деревянной скамейке со спинкой.

Мы были на краю большой площадки с футбольными воротами. Справа подымалось трехэтажное здание, в его квадратных окнах блестело отражение зари. Я понял, что Сережка привез меня на школьный стадион.

Он присел рядом, сказал деловито:

— Подходящее место.

— Для чего подходящее-то? — Я понял, что Сережка под деловитостью прячет беспокойство. Он ответил напряженно:

— Для взлета...

— Для чего? — Это я почти крикнул. Потому что... да, в самом деле я ожидал чего-то такого. Сережка тихо и словно виновато посапывая рядом. Тогда я спросил шепотом:

— У тебя есть самолет?

— Нет... То есть да... То есть...

— Ну, что? — у меня неожиданно прорвалась досада. — То «нет», то «да». Есть или нету?

Сережка не обратил внимания на мой тон.

— Ромка... ты только не удивляйся. Понимаешь, я сам... умею превращаться в самолет. Честное слово...

«Игра такая!» — подумал я. И почему-то пожалел Сережку. И чтобы загладить недавнюю раздражительность, сказал, как маленькому фантазеру:

— Ну что ж... это бывает. Конечно...

— Я сейчас покажу. — Он встал. — Ты только не пугайся. И еще...

— Что?

— Когда я превращусь, тебе надо будет забраться в кабину. Самому. Помогать-то будет некому...

— Ладно. Уж как-нибудь... — Я вдруг сразу поверил Сережке. И даже испугался оттого, что поверил так быстро и крепко. Но тут же старательно вспомнил опять, что это сон. И повторил

веселее: — Ладно!.. А говорил, что у тебя никаких талантов!

Сережка отозвался серьезно, грустно даже:

— Я не знаю, талант это или наоборот. Но тут уж, видать, судьба, раз мы встретились.

Я не успел ничего ответить. Сережка отошел. В светлых сумерках я видел, как он встал прямо, приподнялся на цыпочках, раскинул руки... И через миг на школьном стадионе стоял самолет.

Размах крыльев занимал в моем поле зрения столько же места, сколько за секунду до того занимали раскинутые Сережкины руки. Поэтому самолет оказался не там, где только что стоял Сережка, а дальше, метрах в двадцати. «Эффект линейного зрения!»

Я съехал со скамейки на землю и пополз к самолету. Понимал, что крошки гравия обдирают мне ноги, но не чувствовал этого. Самолет выглядел не так, как тот, на котором я летал в своих прежних снах. Крыльев было не две пары, а одна. Они торчали из бортов и сильно сужались к округлым концам. Но все равно это был, как и у меня, одноместный легкий самолетик — словно специально для мальчишки. И на серебристой, светящейся в сумерках ткани я различил знакомый знак «L-5». А еще — силуэт морской звезды с

пятью изогнутыми щупальцами.

От самолета пахло бензином, теплым дюралем и резиной маленького тугого колеса. Сон, а все так подробно, реально.

Дверца была раскрыта, от нее спускался дюралевый трап с тремя дырчатыми ступеньками. Вот на этом трапе я помучился. Но Сережкин голос (немного изменившийся) подбадривал меня. Когда я оказался в кабине, на вогнутом пластиковом сиденье, то понял, что голос этот — из динамика на приборном щитке.

— Все в порядке? — спросил Сережка с виноватой ноткой.

— В порядке. Руки-то у меня сильные... (И я тихонько плюнул через левое плечо, чтобы в локтях и пальцах не появилась пугающая слабость.)

— Значит, полетим?

— Давай...

— Нет уж, это ты «давай», — вздохнул Сережка в динамике.

— Почему я?!

— Ну... такое правило. Если я один, я могу управлять собой сам, а если кто-то у меня в кабине, то я уже не могу. Должен тот, кто в пилотском сиденье... Да чего ты боишься? — В голосе зазвенела привычная веселая струнка, Се-режкина. — Ты же

умеешь! Столько раз летал на своем самолете!

Я не принял его бодрого тона.

— Тогда у меня ноги работали. А сейчас-то как?

— Можно ведь и без педалей! Будешь делать крен своим телом.

— Я так не умею...

— Сумеешь. Туловищем направо-налево... Я же легкий.

«Это ведь сон, — уже который раз напомнил я себе. —

Во сне все получается, если он хороший... А это хороший сон, раз я с Сережкой!»

Но следом подумалось:

«А если хороший, почему не работают ноги? Будто наяву...»

Но эту мысль я прогнал.

— Хорошо, Сережка! Я попробую! — И даже пошутил: — Только не превратись в себя самого в воздухе. А то мне придется лететь на тебе верхом. Как кузнец Вакула на черте!

Сережка посмеялся, но как-то нервно.

— Ромка, торопись. Ночь-то короткая...

Приборная Доска была почти такая же, как в моем самолете. Только ключ зажигания похож был на обычный плоский ключик от квартирного замка (уж не тот ли, что Сережка носил на шее?).

Я повернул его.

Пропеллер махнул узкими лопастями, растворился в воздухе, самолет Сережка задрожал. Мотор загудел негромко и уверенно.

— Поехали? — деловито спросил я.

— Давай!.. Сразу бери круче вверх, здесь мало места для разбега.

Я разогнал самолет и крепко потянул на грудь рычаг с резиновой велосипедной рукояткой. Оторвался от земли.

— Ой! — вдруг тонко сказал динамик сквозь шум мотора.

— Что?

— Говорил ведь: бери круче! Левым колесом штангу на воротах зацепил. Крутится, как сумасшедшее...

— Я нечаянно... Больно, да?

— Не так уж... Но если бы оно оторвалось, как бы ты меня посадил? На одно-то колесо!

— Ой, а разве придется садиться?

— А как же!

В своих прежних снах я ни разу не сажал самолет. Взлетать взлетал, а посадок не было, я всегда просыпался до окончания полета. Так я и объяснил Сережке. Он отозвался насупленно:

— Сейчас другой сон. Даже и не совсем сон...

Если грохнемся, ты, может, и проснешься как ни в чем не бывало...

— А ты?!

— А от меня — щепочки. И уж завтра я к тебе не приду...

У меня ослабели руки.

— Тогда зачем ты... такое дело...

Сережка откликнулся так, словно вез меня в коляске:

— Да не бойся. Ведь все в порядке.

И правда все пока было в порядке. Страхи страхами, но я машинально работал ручкой управления, ровно набирал высоту. Желтые крохотные лампочки уютно светились над приборами. Воздух привычно свистел, обтекая изогнутое лобовое стекло. Впереди в бледном небе проступили звезды Большой Медведицы.

— Теперь попробуй поворот, — посоветовал Сережка. — Крен налево и... ну, ты знаешь.

Я плечом лег на левый борт кабины, высунул голову из-за прозрачного щитка. Ветер крепко рванул волосы, ударил по щекам, по глазам... Но даже сейчас встречный воздух был теплым. И с уютным, спокойным таким запахом полыни...

Сережка-самолет послушался, крылом наклонился к земле. Я повел рычаг влево, и самолет

вошел в плавную дугу. У меня из-за плеча выкатилась розовая, на три четверти полная Луна. Я осторожно выпрямил машину. Луна повисла неподвижно. Она быстро желтела, делалась ярче. Небо вокруг нее темнело.

— Видишь, получилось, — одобрительно сказал Сережка.

— Ага... Смотри! — Я взглядом привычно приблизил Луну, уменьшил ее до размеров арбуза и, снова накренившись влево, повел самолет вокруг этого ноздреватого глобуса.

Чудеса! — искренне восхитился Сережка. А я осмелел еще больше. Подвинул к себе Луну так, что она стала вроде елочного шарика. И я... ухватил это космическое яблоко ладонью!

«Яблоко» было тяжелым, теплым и шероховатым.

— Сережка, я поймал Луну! Вот!

— Молодец... — В Сережкином голосе были и одобрение, и осторожность. — Ты не кузнец Вакула, а сам черт, который украл месяц... Только не держи долго. А то сдвинется что-нибудь в космическом механизме...

Я выпустил увесистый шарик. Он умчался в дальнюю даль и превратился в обычную Луну. А мне показалось, что ладонь у меня светится,

словно я стер с шарика фосфорическую краску.

Я пригляделся. Нет, краски не было. Но при свете приборных лампочек я увидел на ладони розовые колечки — отпечатки лунных кратеров.

А в воздухе в это время выросли облачные столбы. Этакие гигантские застывшие смерчи из просвеченного луною пара. Я лавировал между ними, а Сережка в динамике легкомысленно мурлыкал старую, слегка переделанную песенку:

Потому, да потому что мы пилоты,
Небо наш, эх, небо наш родимый дом.
Мы с тобою превратимся в самолеты,
Чтоб на землю не свалиться кувырком...

Превратился-то он один, но я не стал спорить. Мне было хорошо. Так же, как днем, когда гуляли по окраинам. Даже еще лучше, просторнее. Это было продолжение дневного счастья...

Светлые обычные колонны стали раздвигаться, отходить назад, а впереди открылось черное пространство, и в нем горели редкие звезды — такие далекие, что я не смог бы придвинуть их никаким усилием. Пространство это мягко вздрогнуло, отозвалось во мне толчком. Раз, другой, третий...

— Гулкие барабаны Космоса, — сказал я. Шепотом сказал. Но Сережка услышал.

— Ромка, туда не надо... пока. Это уже... другие миры.

— Безлюдные Пространства? — вспомнил я. И стало тревожно.

— Ну... всякие там пространства.

— Туда нельзя?

— Можно, только не сейчас...

— Ты, наверно, устал! — спохватился я.

— Не в этом дело. Просто пора. Поворачивай.

Тут я растерялся:

— А куда поворачивать?

В самом деле: где наш город, где стадион?

— На сто восемьдесят градусов! По компасу.

Я положил Сережку на правое крыло. Деления на шарике-компасе побежали за курсовой чертой, и я выровнял полет, когда вместо 150 появилось 330.

— Вот так и держи. Только давай ближе к земле...

Я послушно снизился. Теперь надо мной снова было обычное небо июньской ночи, впереди тлела заря, а внизу мерцали редкие огоньки. С десяток огоньков — красных, дрожащих — вытянулись в две параллельные цепочки.

— Ромка, смотри! Это чуки зажгли для нас посадочные костры!

Я ничуть не удивился, порадовался только, что садиться буду не в темноте. Сделал круг над огнями и стал снижаться, чтобы попасть между линиями костров.

— Смелей, смелей... Убери газ! — командовал Сережка. — Выпусти закрылки! Выключай... На себя чуть-чуть... Хорошо...

Колеса толкнулись в землю, нас мелко затрясло, пропеллер замелькал, замер. Замер и самолет. С двух сторон от него металось костровое пламя. Я разглядел, как от огня заспешили в темноту маленькие косматые существа.

— Ну вот, удрали, — с досадой сказал Сережка. — Я думал, они помогут тебе вылезти.

— Это чуки?

— Ну да! До того боязливые, даже тошно...

— Ничего, сам вылезу... — И я скатился по трапу.

Думал — попаду на каменную крошку стадиона. А оказалось — ласковый прохладный песок. Ой, да мы сели не у школы! Я узнал это место — мы были на краю Мельничного болота!

— Ромка, отползи подальше, — попросил самолет.

Я отполз к ближнему костру. В зябкости болотистого воздуха тепло от огня было таким приятным (даже ноги его почувствовали). Я с полминуты завороженно смотрел в пламя, потом оглянулся на самолет. Но самолета не было. Сквозь отпечатки огня я увидел, как бежит ко мне освещенный костром Сережка.

Подбежал, сел на корточки, засмеялся.

— Вот и приземлились! Хорошо, да?

— Да! — Я хотел, чтобы этот сон никогда не кончался.

Сережка обнял меня за плечи.

— Ты молодец. Ас...

— Ну уж ас!.. Ты же помогал мне! И не только советами!

— Самую чуточку...

— А почему мы сели здесь, а не на стадионе?

— Там же нельзя разводить костры! А здесь безлюдное пространство...

— Да, верно... Но смотри, впереди деревянный тротуар. Тот, что идет от коллектора. Еще бы немного, и мы в него — колесами.

— Не-а, — беспечно отозвался Сережка. — Он еще далеко...

— А я недавно грохнулся об него в полете! — И рассказал я Сережке про свой сон с аварией.

— Ромка, значит, этот тротуар шел вверх среди облаков?

— Ну да! Я же говорю!..

— Так вот где начинается другая дорога, — шепотом сказал Сережка. — Как я раныпе-то не догадался...

— Какая дорога?

— Я потом объясню, ладно?

— Ладно... — Я не обиделся. Мне так хорошо было с Сережкой у огня, среди этой ночи, где никого, кроме нас. Да кроме спрятавшихся чук и ночной птицы, которая вскрикнула в камышах.

Луна выглянула из-за развалин мельницы. С надутой щекой, важная, недоступная, словно я не держал ее недавно в ладони.

— Пора нам... — Сережка поднялся.

— Ой, а как ты потащишь меня отсюда? Велосипеда-то нет!

— А тут недалеко! Ну-ка... — Сережка подхватил меня на руки. Как младенца.

Неподалеку лежал полузарытый в песок барабан от кабеля. Этакая громадная, сколоченная из досок катушка. Сережка легко вспрыгнул со мной на круглую наклонную площадку.

— Зажмурься, Ромка.

Я доверчиво зажмурился.

— Раз, два, три! — И он прыгнул.

До земли было всего полметра, но я ощутил, что лечу. Вниз, вниз! Однако испугаться по-настоящему я не успел. Очнулся под своим одеялом...

О ДАЛЬНИХ КРАЯХ

В то утро мама еле добудилась меня.

— Что с тобой? Спишь, словно гулял где-то всю ночь!

А может, я и правда гулял? Потому и уснул как убитый, когда оказался дома после прыжка с Сережкой?

Я сел, откинул одеяло. Если все случилось на самом деле, ноги должны оказаться в царапинах...

Царапины были, но, скорее всего, от вчерашних колючек на пустырях. Я вздохнул, но тут же опять обрадовался жизни. Тому, что есть на свете Сережка! Тому, что он скоро опять придет!

Мама ушла в институт, оставив мне кучу привычных наставлений. Я в ответ кивал: «Да-да, конечно, мамочка, не волнуйся...» А сам готовился ждать и волноваться: *когда же он придет*. В самой этой тревоге была радость.

Но тревожиться почти не пришлось. Сережка появился через пять минут после ухода мамы. С большущей хозяйственной сумкой. С нетерпели-

вым весельем в глазах.

— Ромка, привет! Ну что, будем сегодня путешествовать?

— Конечно! Давай только перекусим на дорогу!

— Перекусывай. Я уже...

Почти не жуя, сглотал я половину батона, запил молоком из пакета. Какое уж там «разогрей картошку и свари кофе».

— Я готов!

— Книжку не забудь...

— Какую книжку?.. Ох... — я ведь опять забыл про девочку Сойку, которая будет ждать нас у рынка. И стыдно стало — перед собой, перед этой Сойкой и, главное, перед Сережкой, который обо всем догадался. Суетясь, я отыскал на стеллаже растрепанный томик — «Новые приключения великолепной пятерки».

— Положи сюда, — Сережка раздвинул пасть сумки.

— Ага... Зачем у тебя этот саквояжище? На рынок пойдем?

— Нет, просто так. На всякий случай...

И вот мы опять на улице. И утро такое... одним словом, настоящее летнее утро. Жары еще нет, пахнет влажной травой и мокрым асфальтом

(проехала поливалка). Где-то по-деревенски горланит довольный петух. И даже прохожие кажутся не скучными, не озабоченными, как обычно, а такими, словно все собрались в долгожданный отпуск.

Я бодро вертел колеса, а Сережка шагал рядом и рассказывал, что к нашему дому пришел еще в восемь часов, но ждал, когда моя мама уйдет на работу.

— Вот чудак! Мама тебе обрадовалась бы!

— Да ну, неловко как-то... А когда она вышла из подъезда, я сразу ж-жик к тебе!..

— А как ты узнал, что это именно она?

— Сразу видно. Вы похожи...

Знакомыми переулками, без задержек, мы добрались до угла Кровельщиков и Кутузовской, к ограде рынка.

Белоголовая Сойка сидела на прежнем месте, мы увидели ее издалека. И она нас — тоже. Я заметил, как она вся напряглась и спрятала за спину картонную коробку.

— Сойка, привет! — небрежно сказал Сережка. Будто однокласснице. Я что-то неловко бормотнул. Она ответила шевелением губ. И глаза — сначала в землю, потом на нас. Несмелые, вопросительные... «Ох и ресницы», — вновь поду-

мал я. Протянул книжку.

Она снова шевельнула губами.

— Спасибо... Я быстро прочитаю, — удалось расслышать мне.

— Да читай сколько хочешь! А потом я тебе еще одну принесу! Про этих же ребят! — Я это выпалил с энтузиазмом, а потом опять неловко замолчал. Про что еще говорить? Сойка кивнула и молчаливо съежилась.

Выручил Сережка. Запросто сел рядом с ней на корточки.

— Ты вдвоем с бабушкой живешь, да?

Она качнула ресницами.

— Да...

— А родители... их нету, что ли?

— Есть! — Сойка испуганно, суеверно как-то дернулась. — Есть, конечно!.. Только они не тут, а в Дорожкине. Деревня такая у города Самойловска.

— А чего же они... Ты здесь, а они там?

— Так получилось... — Сойка отвечала тихо, но без неохоты. — Папина фабрика закрылась, он тогда поехал в Дорожкино, купил там у знакомых домик. Говорит: «Будем ферму устраивать». Сперва все хорошо было, а потом нас подпалили, дом сгорел...

— Кто подпалил? — ахнул я.

— Местные. Они фермеров не любят, говорят: приехали тут, нашу землю порасхватали... А земля-то все равно бросовая была, пустошь одна...

Сойка излагала грустную историю по-взрослому, устало, но доверчиво.

— А теперь что? Все заново? — понимающе спросил

Сережка.

— Ну да... Папа с мамой теперь там в сараюшке живут, пытаются дом починить. А меня сюда привезли. «Зачем тебе, — говорят, — с нами маяться...»

— Разве здесь тебе лучше?

— Они думают, что лучше... А там даже школы нет. Самая ближняя за двенадцать километров.

«Подумаешь, школа, — хотел сказать я. — Можно и дома учиться. Я вот учусь, и все нормально...» Однако не решился. Сойка рассказывала про другую, про суровую жизнь, о которой я, балконный житель, знал только из газет да из телевизора...

И все же я спросил:

— А мама с папой знают, что бабушка тебя... заставляет вот так?

Ее ресницы-гусеницы словно щекотнули меня.

— Конечно, нет! Она же... Вы не думайте, что

она какая-то... неграмотная пьяница! Она всю жизнь в театре работала, контролером, с артистами знакома... и теперь у нее фантазии.

— Какие фантазии? — неласково сказал Сережка. Мол, фантазии фантазиями, а кто дал право этой контролерше издеваться над человеком!

Сойка мотнула тощими косицами.

— Ну... такие. Говорит: «Я все силы отдала этому... обществу. А общество меня сделало нищей. И сын о родной матери не заботится, занялся какой-то деревенской дурью. Да еще дочь свою мне подбросил»... Это меня... Иди, говорит, и принимай участие в добывании пропитания...

Тут я не выдержал, спросил через силу:

— Она тебя бьет?

— Еще чего! — Сойкины глаза на миг вспыхнули под ресницами. — Я бы тогда... пешком бы ушла в Дорожкино, за тыщу километров!

И здесь я понял, что эта маленькая тихая Сойка — гордая. И что в нищенки она пошла как бы в отместку бабке. Чтобы не есть даром ее хлеб. Пойти-то пошла, но попрошайничать не умеет и стыдится. А отступать тоже не хочет...

И Сережка это понял. Но не стал утешать Сойку. Поднялся.

— Ладно, Сойка... Мы скоро еще придем.

— Когда? — Она опять вскинула глаза.

— Сегодня. Ты будешь здесь?

— Буду. Мне все равно где... особенно когда книжка...

— Ты что-то придумал? — спросил я, когда мы были уже в полквартале от Сойки.

— Ничего такого... Мы ведь шастаем по всяким пустырям, а там попадаются брошенные бутылки. Задень можно столько заработать, сколько ей и за месяц не подадут...

— Правильно, Сережка! А ты ведь это еще давно запланировал! Да? Потому и сумку захватил!

Он не стал отпираться.

Ага... Но мы не будем специально за бутылками охотиться, не бойся! Это так, попутная добыча.

— Да разве я боюсь!

Смотри, какой переулок! Почему-то называется Трамвайный.

Никаких трамваев в переулке — кривом, заросшем, с домишками и палисадниками — не было. Но он вывел нас на пригорок, где стоял заброшенный дом, похожий на маленький замок. В одном месте пригорок обрывался вниз, там среди заборов и репейников лежали рельсы и шпалы, по ним в самом деле проехал красный

трамвайчик старинного вида. Сережка сказал, что это, видимо, пригородная линия, которая ведет к садам и дачам.

Он втащил меня и кресло в развалины дома, где сквозь поя рос иван-чай и темнела по углам крапива. Здесь мы нашли первую добычу — пять бутылок из-под «Столичной» и пива. Видать, местным пьяницам это место было известно. Пока Сережка обследовал закутки, шипел и шепотом ругался в крапиве, я оглядывался.

Стены были исписаны всякой гадостью, кругом полусгнившие клочья газет и мусор. Но все равно чудилась в развалинах загадочность. Солнце сквозь оконные проемы пробивалось в нежилой сумрак. Розовые цветы иван-чая светились в лучах, словно внутри их горели лампочки. Здесь был намек, ожидание чего-то необычного...

Мы выбрались наружу, пристроили сумку с бутылками на подножке кресла, у меня под ногами.

— Теперь — туда, — решительно сказал Сережка.

С пригорка видна была территория... ну, не знаю даже чего. То ли заброшенного завода, то ли каких-то баз и складов — с грузовыми эстакадами, ангарами и вышками...

— Туда, наверно, нельзя, — засомневался я.

— Почему же? Там никого нет.

— Ты думаешь, там много бутылок?

— Там много всего, — значительно сказал Сережка.

Извилистыми тротуарами Сережка скатил меня к трамвайному пути. Мы двигались сначала по траве вдоль полотна. Затем рельсовый путь раздвоился, и одна колея повела прямо к опустелым цехам и поваленным кранам.

— Разве туда тоже ходит трамвай?

— Что ты, Ромка! Смотри, рельсы совсем ржавые!

Сережка выкатил кресло на полотно этой заброшенной дороги. Меня стало потряхивать на шпалах, но не сильно — шпалы были вровень с землей. Между ними росла белая кашка и одуванчики. И вездесущие подорожники. А по краям стояли полынь и дикий укроп.

Прыгали перед нами воробьи, вскрикивали о чем-то. . Мне вдруг показалось: не просто чирикают, а стараются предупредить. Может быть: «Не ходите туда, там заколдованные места»?

Два длинных бетонных цеха с пустыми окнами, с решетчатыми сооружениями на крышах двигались навстречу, наплывали, как два океанских

парохода, покинутых людьми.

А Сережка молчаливо шел сзади, толкая кресло. Мне вдруг подумалось, что он не просто Сережка. Может, он — волшебник или пришелец из какого-то Зазеркалья и хочет забрать меня с собой в другой мир?.. Ну и пусть заберет, если хочет! Значит, такая судьба! Лишь бы он, мой друг Сережка, всегда был рядом...

Я спросил шепотом, не оглянувшись.

Сережка, может, это и есть Безлюдные Пространства? — Впервые я назвал их вот так, со значением. С большой буквы.

— Конечно... — Сережка сказал это беспечно, однако среди бетонных громад отозвалось необычное шелестящее эхо.

Потом цеха кончились и перед нами открылась громадная заброшенная территория. На ней там и тут виднелись причудливые технические постройки и великанские механизмы. Стояли кирпичные башни, оплетенные трубопроводами и лесенками. Темнели похожие на уснувших китов полукруглые ангары. Словно прилетевшие в давние времена и застрявшие здесь инопланетные корабли, вздымались над кустами ржавые шары с окнами, площадками и трапами. Над рельсами — кружево мостовых кра-

нов и арок. А на рельсах — цистерны, вагонетки, товарные платформы. А еще всюду — какие-то будки, мачты, штабеля балок и ящиков, фундаменты недостроенных зданий, транспортеры, сооружения из рычагов и зубчатых колес... И все это — обвалившееся, поросшее сорняками. Не нужное никому...

Никому? Нет, оказалось, что это нужно нам с Сережкой. Мы окунулись в забытую людьми страну, словно в джунгли и скалы необитаемого острова. «Остров» окутывала солнечная тишина. Из живых существ здесь водились только воробьи да бабочки. Травы тут вымахали выше головы. Было очень много мелких желтых цветов и розового иван-чая. Пахло теплым ржавым железом, но этот запах вовсе не казался противным. Наверное, потому, что смешивался с запахом чертополоховых джунглей...

Да, безлюдно было. И все же порой казалось, что есть тут кто-то, кроме нас. Этот «кто-то» был большой и невидимый. Он снисходительно следил за двумя мальчишками, которые без спросу забрались в его владения. «Ладно уж, не жалко...» Мы ощущали присутствие хозяина и говорили полушепотом.

— Сережка, что здесь было раньше, а?

— Говорят, военные заводы. Потом они сделались не нужны, а на мирные переделать их не смогли. Вот и забросили...

— Ты же говорил, что люди уходят, а душа на Безлюдных Пространствах остается...

— Ну да.

— Но на военных заводах душа не может быть добрая. Оружие — оно же для смерти... А почему тогда здесь так хорошо?

Сережка подумал.

— Наверно, потому, что душа Пространства теперь отдыхает. Может быть, она измучилась от того, что столько здесь было всего... убийственного, и нынче довольна, что все это позади... Знаешь, Ромка, я в какой-то книжке читал: «Нет более мирных мест, чем заброшенные крепости и форты, где на солнце спят старые, никому не нужные пушки...» Вот и здесь так же...

Мне такое объяснение показалось очень-очень правильным. И захотелось еще дальше в глубь пустынной страны...

Ох, сколько мы тут лазили, бродили, пробирались! Сережка даже затащил меня на решетчатую эстакаду, протянувшуюся от похожей на домну башни к полуразваленному цеху. Мы заглядывали в люки подземелий, качали скрипучие рычаги

громадных насосов, старались повернуть ржавые шестерни непонятных машин...

Из бетонной будки высовывалась и уходила в землю широченная, с меня толщиной, труба. У ее изгиба, в метре от земли, приделано было колесо с ручками. Как штурвал. Я взялся за рукоятку, Сережка за другую. В трубе что-то ожило, словно хрипло вздохнул мамонт. И вздох этот отозвался под землей и, кажется, прошел по всему Пространству. Мы отдернули руки. Глянули друг на друга — перепуганно. Сережка мигнул и засмеялся:

— Наверно, какой-то старый гидронасос...

— Конечно, — торопливо сказал я. А сам подумал: «Уж не рассердили ли мы задремавшего «Кого-то»?.. Ой...»

Но солнечная тишина быстро успокоила нас. И мы двинулись дальше — наугад среди зарослей, буераков и штабелей полусгнивших шпал. Кресло буксовало, Сережка усердно толкал его, я вертел колеса изо всех сил, и руки у меня уже гудели от усталости.

— Сережка, ты же замаялся со мной...

— Ни чуточки... — Но дышал он часто.

— Давай отдохнем.

— Ладно... Эй, смотри, вон еще бутылка! — И он

выудил из лопухов новую добычу.

Надо сказать, что здесь, в этом безлюдье, мы набрали около десятка бутылок. Сумка у меня под ногами отяжелела и брякала.

Мы устроились на бетонном блоке в тени съехавшего с рельсов товарного вагона. Неподалеку торчала из земли изогнутая железная трубка с медным колесиком крана. Из трубки капало. Сережка покрутил колесико, и ударила тугая струя. Сережка брызнул в меня, я обрадованно захохотал. Он тоже засмеялся и стал смывать с колен пятна ржавчины.

Меня-то Сережка во время путешествия всячески оберегал, а сам порядком извозился. Особенно, когда лезли через широченную, метрового диаметра трубу, в которой хило гулкое эхо. Сережка тащил меня на спине, а сам полз на четвереньках.

Теперь, глядя на него, я понял, что никогда уже не смогу жить без этой дружбы.

Сережка словно услыхал меня, взглянул мне в лицо. На его ресницах дрожали брызги, и в брызгах горели искры. Я заморгал, закашлялся и ворчливо сказал, что самое время вымыть бутылки.

— Правильно, Ромка! А то кто же их примет,

такие грязные!

Я подавал Сережке бутылку за бутылкой, а он мыл их под упругой струей, бултыхая внутри травяной жгут.

— Ой, Сережка! — запоздало удивился я. — Ты же говорил, что здесь никого никогда не бывает! Откуда же бутылки-то?

— Ну... может, с прежних времен...

— Ага, «с прежних»! Смотри, наклейка совсем новая.

— Правда... Знаешь, Ромка, пьяницы — они везде пролезут. Даже анекдот такой есть. Прилетают американцы на Луну, вылазят из своего «Аполлона», а на камне стоит четвертинка из-под «Московской» и рядом надпись: «Джон, ты меня уважаешь?»

Я вспомнил, что недавно держал в руках теплое яблоко

Луны.

— Сережка! Я тебя сегодня видел во сне! Почти целую ночь!

— Правда?! — Он быстро сел рядом.

Я рассказал ему про все: и про свои прежние сны, и про вчерашний, где он, Сережка, превратился в самолет и мы летали среди облаков и сели у костров, которые развели чуки...

И вдруг показалось, что вся эта безлюдная территория и солнечная тишина — продолжение того сна.

Сережка слушал, не отводя взгляда. А когда я замолчал, он вдруг заулыбался так, словно что-то знал больше меня. Опустил голову, оттер с колена остатки ржавчины.

— А сон... это ведь не всегда просто сон. Это...

— Что? — спросил я с нарастающим замиранием.

— Бывает, что это... ну, вполне настоящий мир. Только он за пределами трех измерений...

Я догадался, о чем Сережка говорит. Я и сам не раз думал о таком. Про всякое думается зимними ночами, особенно в больнице, когда никак не можешь уснуть и гложет тоска по дому...

— Измерений ведь гораздо больше трех, верно, Сережка? Мы знаем только длину, ширину и высоту. А что дальше, пока никому не известно...

Сережка кивнул:

— У меня это знаешь как сложилось в голове? Ну, такое понятие... Одномерное пространство — это точка, это как бы человек внутри себя, и вот он бросает взгляд на другую точку. Получается линия... А потом человек оглядывается — и возникает ширина плоскости, двухмерность. А

трехмерное пространство — это как взмах во все стороны! Когда открывается простор: и вокруг, и в небе, везде! — Сережка широко раскинул руки. И я сразу вспомнил, как он превращался в самолет.

— А четвертое?.. Четырехмерное? — спросил я шепотом.

— Это... будто вздох... — Сережка и правда глубоко вздохнул, медленно опуская руки. — Когда вбираешь в себя все... все, что близко и далеко, и вообще... все, что можешь представить... Ну, даже не знаю, как сказать... — Он сделался виноватым.

Я тоже не знал, как про это сказать. Но я понимал. И вздохнул, как Сережка, словно вбирал в себя и сон про полеты, и радость, что мой друг — вот он, рядом, и память о Гулких барабанах Космоса, и эти солнечные загадочные пустоши...

— Сережка! А Безлюдные Пространства... они, может быть, тоже в четвертом измерении? Когда вот этот... вздох...

— Наверно, — тихо сказал Сережка, не поворачивая головы. — Иначе трудно объяснить...

— Что объяснить? — Я опять ощутил замирание в душе.

— Всякие загадки... Например, про Заоблачный город. Вроде бы его не может быть, а он есть...

Мое замирание усилилось. Не потому, что опас-

ность какая-то, а словно опять приблизилась необъятность Космоса. Где гудели Гулкие барабаны... Сережка говорил очень серьезно.

Но я встряхнулся! Конечно, он просто придумывал новую сказку. Вроде как тогда, у Мельничного болота, про шкыдл и чук. Дал волю фантазии и расширяет здешнее Безлюдное Пространство до бесконечности!

И я спрятал тревогу за дурашливым вопросом:

— А долго добираться до того Заоблачного города?

— Не очень долго. Но надо ждать ночи...

— Нам нельзя до ночи... Сережка! А сейчас сколько времени? Мама, наверно, в панике!

Только теперь я сообразил, что уже середина дня! Безлюдное Пространство до этой минуты завораживало меня, а сейчас я наконец очнулся. И Сережка спохватился:

— Ох я дурак! Заболтал тебя!.. Подожди. Узнаем время...

Он поднял с земли ржавую гайку. Из разлохмаченной кромки на штанине выдернул нитку, привязал к гайке, поднял грузик над бетонным блоком. Тень от нитки упала на серую поверхность.

— Почти два часа, — сокрушенно сообщил Се-

режка. — Вон на сколько черта отошла от севера.

Я сказал, не скрывая досады:

— Откуда ты точно знаешь, где север?

— Чую. У меня внутри, как у птицы, что-то ощущает магнитные линии... Не веришь?

Опять он сказку сочинял?

Но я уже не злился. Мне стало неловко за свою раздражительность. И боязно: вдруг Сережка обиделся? Я пошутил торопливо:

— А у тебя нет чутья, где самый близкий телефон-автомат?

Телефон? Поехали!

Раз — и я в кресле. Трюх-трюх-трюх (а бутылки: бряк, бряк) — и мы у кирпичного домика, вроде проходной будки, только без забора. Сережка подхватил меня на закорки — и в дом.

— Смотри!

На стене висел телефонный аппарат. С трубкой на крюке.

— Думаешь, он работает?

— Попробуй, — сказал Сережка. Я, сидя у него на спине, снял трубку. В ней — гудок. Я завертел скрипучий диск.

— Мама! Это я! Ты только не волнуйся!..

Мама, конечно, волновалась, но не так отчаянно, как я думал. Потом я узнал, что она пришла домой лишь за минуту до моего звонка и не успела перепугаться как следует.

Конечно, все равно я услышал по телефону много разного: и «я чуть с ума не сошла», и «я взгрею как следует и тебя, и твоего Сережку», и «больше носу на улицу без меня не высунешь», и «мы еще вернемся к вопросу о даче»! Но я чувствовал: сердитость у мамы не настоящая. А потом я услышал в трубке другой голос, мужской. Он долетал издалека, слов не разобрать.

— Ну, конечно, конечно! — громко отозвалась на него мама. — Так всегда! Мужская солидарность, друг за друга вы горой... — И потом уже мне: — Скажи спасибо, что со мной пришел Евгений Львович. Он за тебя всегда заступается...

— Мама, передай ему привет! — возликовал я.

— Поприветствуешь сам. Чтобы через пять минут был дома!

— Ну, мама! Нам не успеть за пять минут! Мы... не очень близко! И колесо к тому же спущено, надо подкачать!.. Вы там обедайте и спокойно идите на работу, а я приеду позже!.. Ну, при чем тут

режим?! Могу я раз в жизни погулять от души?

— Вечером тебе будет «от души»!

Тут опять прорезался голос Евгения Львовича. Неразборчиво, но бодро. И мама сказала скрепя сердце:

— Хорошо. Но к четырем часам обязательно быть дома! В шестнадцать ноль-ноль я позвоню.

— Ура! — Я чуть не упал с Сережки и удержался лишь потому, что нацепил трубку на крюк.

До шестнадцати ноль-ноль мы успели столько всего!

Пересекли всю пустынную территорию и выбрались на улицу между двух водонапорных башен. Они были тоже заброшенные. Старинные, похожие на крепостные. Сережка сказал, что это главный вход на здешний участок Безлюдных Пространств.

— Значит, ты бывал здесь раньше?.. Ну, конечно! И телефон сразу отыскал, и все проходы знаешь!

— Не все, — вздохнул Сережка. — Эти Пространства — они ведь бесконечные. И к тому же они меняются: сегодня так, а завтра иначе...

И опять непонятно было: то ли правду он говорит, то ли продолжает сочинять свою сказку... А может, эта сказка и есть правда?

Извилистой улицей Авторемонтников мы выбрались к Потаповскому рынку и увидели Сойку. Она тихонько обрадовалась нам:

— Я уже почти всю книжку прочитала...

— А ты ела что-нибудь? — строго спросил Сережка.

— Ела... На рынке пирожок купила. Мне какой-то дяденька целых сто рублей дал, новую бумажку...

— А у нас для тебя добыча, — похвастался я. — Смотри сколько стеклотары!

— Ой... ну, зачем вы... не надо...

— Здрасьте, пожалуйста, — ворчливо сказал Сережка. — Люди старались, а она «не надо». Пошли, тут приемный пункт недалеко...

У киоска, где сдают стеклянную посуду, они откатили меня в сторону, а сами встали в очередь. И минут через двадцать вернулись с пачкой замусоленных бумажек.

— Больше тыщи! — весело сообщил Сережка.

И Сойка уже не стеснялась. Почти...

— Я эти деньги спрячу, а бабушке буду давать помаленьку. Можно теперь целую неделю не просить...

— Мы тебе еще насобираем, — храбро пообещал я. — Мы знаем места. Верно, Сережка? — И

осекся. Может, не стоит болтать про Безлюдные Пространства? Но Сережка отозвался беспечно:

— Само собой! А ты завтра принеси Сойке еще одну книжку.

Сойка проводила нас до угла Кровельщиков и Водопроводной. А там, когда прощались, вдруг засмущалась снова:

— Можно, я спрошу?.. Вы не знаете, что такое брашпиль?

Ну и вопросик!

— Это на корабле... — начал Сережка.

— Такая машина, чтобы якорь поднимать! — заторопился я. — А ты где про него вычитала? В этой книжке ничего морского нет, по-моему.

— Это не из книжки. Из песни... Там такие слова: «Где-то грохнула цепь на брашпиле...» Теперь я понимаю...

— А что за песня? — осторожно спросил Сережка.

— Брат сочинил. Давно еще.

— Значит, у тебя есть брат? — глупо спросил я.

— Двоюродный. Он далеко, на Сахалине. Два года назад приезжал и пел мне. Я запомнила...

Мне вдруг до рези в глазах стало жаль эту белоголовую Сойку. Я даже закашлялся. А когда мы остались вдвоем с Сережкой, насупленно сказал:

— Раньше я думал, что Золушки бывают только в сказках...

— Бывают и по правде... Только мы в принцы не очень-то годимся.

— Я-то уж точно. Про инвалидных принцев сказок нет.

Сережка сделал вид, что разозлился:

Вот как тресну по шее! Несмотря на инвалидность!

И я почему-то обрадовался.

— Ладно, трескай! Только завтра приходи обязательно...

— Ох... завтра же суббота.

— Не можешь? — сразу затосковал я.

— Могу, только...

— Что?

— Завтра, наверно, твоя мама дома будет...

— Ну и что?!

— Наверно, она сердится на меня: «Привязался к Роме какой-то подозрительный тип, увозит куда-то...»

— А вот сейчас я тебя тресну по шее!

...Мы успели домой за три минуты до маминого звонка. И я бессовестно сообщил маме, что сижу дома уже давным-давно.

— Как тебе не стыдно сочинять! Я звонила пят-

надцать минут назад!

— Ну и что?! Я в туалете был! Не срываться же!

— Вот подожди, будет тебе «туалет»...

Сережка убежал домой («Надо еще тете Насте с хозяйством помочь»), и я помахал ему с балкона. А он мне.

А когда Сережка скрылся, вдруг сразу, как ледяная сосулька, проколол меня страх: «А что, если завтра он не придет?»

Ну, завтра, может быть, и придет, а через несколько дней я ему надоем. С какой стати он должен возиться с инвалидом? Вокруг столько здоровых мальчишек! С ними можно без забот гонять мяч, носиться на велосипедах. Гулять, где душа пожелает, не таская тяжелое кресло. В том числе и по Безлюдным Пространствам...

Почему я за эти два дня привык, что он нянчится со мной? Привык, словно к себе самому, к своему второму я! Будто он для того и родился, чтобы всю жизнь быть со мной рядом!

Он и во сне приходит, не забывает меня. А я что? Чем хорошим я могу ответить Сережке? Я же... свинский эгоист! Сегодня даже прикрикнул, когда он вез меня по шпалам: «Не тряси так!»

Нет, он не бросит меня сразу, но где-нибудь через неделю скажет, глядя в сторону: «Понимаешь,

я завтра не смогу прийти. И послезавтра. Дома куча дел...»

Я чуть не заревел. Головой лег на перила балкона. И сидел так, пока не пришла мама.

Она не стала сильно ворчать на меня за дневные приключения. Была рассеянна — видимо, из-за своих каких-то забот. Мне стало поспокойнее, но все же я улегся опять совсем рано: чтобы поскорее дождаться утра и Сережки. Увижу его и спрошу прямо: «Ты со мной подружился накрепко или это так, случайность?»

Но разве про такое говорят?

А может, он опять приснится? Тогда уж точно спрошу.

Однако Сережка в эту ночь не приснился. Видел я громадные ржавые механизмы, которые лязгали шестернями, телефон, по которому никак не могу дозвониться домой; соседского кота, который хитрым голосом доказывал, что он не Пушок, а Лопушок. Враль несчастный!

Потом приснилась Сойка. Мы с ней гуляли по заросшим одуванчиками пустырям, по лопухам и кочкам, среди которых прятались мохнатые чуки. Мы собирали бутылки. Сойка была в коротком новом платьице — очень красном, с белыми бабочками. Но к платью была пришита заплата

из серой холстины. Потому что Золушка. Сойка все время отворачивалась и тонким голосом пела одну и ту же фразу: «Где-то грохнула цепь на брашпиле...»

Хорошо в этом сне было то, что кресло мое ездило само собой. Подчинялось мысленным приказам. Ловко пробиралось через заросли. А потом у нас разбилась бутылка и осколок рассек мне ступню, и было совсем по правде больно. Сойка теплыми пальцами прижимала к порезу подорожник, и алые капли падали ей на белые сандалетки. И она чуть не плакала, а я смеялся, несмотря на боль...

Так я со смехом и проснулся. А нога радостно болела еще несколько секунд.

Сережка пришел ровно в десять, как договорились.

Он был неузнаваемый. В белой рубашке, в синих брюках с наглаженными стрелками. Кепку-бейсболку он оставил дома, а волосы были расчесаны на косой пробор — очень старательно.

Совсем другой Сережка. Я, конечно, обрадовался, но...

Зато маме он понравился. Тем более что сразу же заявил:

— Ирина Григорьевна, вы меня извините, пожалуйста. Это я виноват, что вчера задержались.

Мама сказала, что это пустяки и что она очень довольна, что у Ромы появился такой замечательный товарищ, и так далее... Напоила нас чаем и отпустила гулять до обеда.

— Мама, до трех часов! Мы ведь поздно позавтракали!

— Ну, хорошо, хорошо... — Ее по-прежнему занимали какие-то свои заботы. Уж не сделал ли Евгений Львович ей очередное решительное предложение?

Мама помогла нам спуститься, хотя Сережка убеждал, что управится сам.

На улице он спросил:

— Куда двинемся?

— К Сойке, конечно! Я же книжку взял для нее...

— А чего ты надутый?

— А чего ты такой наглаженный! На Безлюдные Пространства в этом наряде не сунешься.

— Да, если брюки извожу, тетя Настя со свету сживет...

— Вот видишь!

— Но не мог же я перед твоей мамой появиться оборванцем!

— Не оборванцем, а нормальным человеком...

— Ничего! Сегодня погуляем среди цивилизации. А потом... у нас еще знаешь сколько всего впереди!

И я сразу растаял.

Сойка ждала нас не на прежнем месте, а напротив, через улицу. Там был скверик с двумя скамейками. На одной и сидела Сойка. С книжкой. Встала навстречу нам, заулыбалась. Потупилась.

Она была нынче не в мальчишечьей пыльной одежде, а почти такая, как в моем сне. Только рисунок на красном платьице был не из бабочек, а из белых листьев. И заплаты, конечно, не оказалось. А сандалетки — потрепанные, коричневые, на босу ногу.

Сережка сказал в упор, без смущения:

— Какая ты сегодня красивая. — Вроде бы и шутя, но и по правде.

Она шевельнула ресницами-гусеницами. Решилась почти на такой же ответ:

— А ты... тоже...

Я вздохнул с дурашливой ревностью (ох, совсем ли с дурашливой?):

— Лишь мне похвастаться нечем.

А Сойка... знаете, что она тогда выдала? Тихонько, но безбоязненно:

— А тебе и не надо хвастаться. Ты всегда красивый.

У меня уши — будто вмиг сварились.

— Вот не дам больше книжек, будешь знать, как глупости говорить!

Сережка поглядел на меня хитро. И вдруг:

— Сойка, пошли с нами гулять! Ты ведь сегодня... выходная?

Она сделалась как-то прямее. Взрослее даже.

— Я теперь всегда выходная. Бабушке отдала все деньги и сказала, что больше не буду... это. Никогда. Иначе пускай она покупает мне на эти деньги билет. До Дорожкина!

— Не хватит на билет-то, — заметил Сережка.

— Я знаю... но она не догадалась. Сделалась будто слабая совсем. И говорит: «Дитя мое, ты права. Я не должна...» Ой, как это?.. А! «Я не должна взваливать свою трагическую жизнь на детские плечи...» — И в глазах у Сойки то ди смех заблестел, то ли слезинки.

— Сразу видно, в театре работала, — хмуро сказал я.

Сойка потеребила платьице и полушепотом призналась:

— Вообще-то мне ее жалко...

— Понятное дело, — рассудил Сережка. — А нам

тебя жалко, когда ты так... Ладно, пошли!

Мы славно погуляли в то утро! У Сережки нашлась бумажка в двести рублей, мы купили брикет пломбира. Поделили на три части. Мы добрались до Центральной площади, над которой висел изукрашенный рекламами воздушный шар. На площади был праздник «День самодеятельного творчества». Зрители, жалеючи меня, «колясочника», пропустили нас в первый ряд. Там на эстраде выступали клоуны (животики надорвешь), потом плясали мальчишки в матросской форме. Здорово плясали. Хорошо им на здоровых ногах.

Желающих подымали на высоту на воздушном шаре. Но у нас, разумеется, денег на билеты не было. Да и как оставишь без присмотра кресло?

— А хорошо бы... — прошептал Сережка. — Забраться в корзину втроем и по веревке ножиком — чик... И полетели...

«В Безлюдные Пространства, — подумал я. — Или в облачные края, как на самолете во сне...»

— До Дорожкина, — вдруг шепотом сказала Сойка.

От Центральной площади мы выбрались на Калиновский бульвар, потом пересекли Турге-

невский сад. Позади сада тянулась кривая улочка Садовая. Она привела нас к речке Ольховке. (Я здесь никогда не был, только слышал про эту речку.)

Ольховка текла среди кустов и косых подмытых заборов. Мы оказались на мостике из гулкого решетчатого железа. Никого здесь, кроме нас, не было. Я подвинул кресло боком к перилам.

Речка была мелкая, мутная вода с бурлением обтекала брошенные в нее автомобильные шины и торчащие бревна. Она пахла всякими отходами. Но все же было хорошо здесь, в спокойном таком месте, глядеть на быстрое течение.

— Смотрите, как затонувший корабль, — сказала Сойка.

Почти у самого моста из воды торчал угол железного ржавого ящика. Словно острый пароходный нос.

— Похоже, — согласился Сережка. И вдруг спросил: — Сойка, а ты помнишь ту песню? Ну, где про брашпиль...

Она не удивилась.

— Мотив помню. А слова не все...

— Спой, а? Ну, хоть немножко...

— Ой...

— Да чего там «ой», — от души поддержал я

Сережку. — Интересно же, что за песня такая.

— Я стесняюсь, — шепотом призналась Сойка.

Сережка сказал тоном старшего брата:

— Вот смешная. Никого же кругом нет. А мы — свои.

Сойка постеснялась еще с полминуты, потом отвернулась к воде и запела тихонько, тонко и чисто.

Видимо, она вспомнила песню полностью, потому что пела долго. Мне, конечно, целиком песня не запомнилась. Но некоторые слова врезались в память сразу:

Это сбудется, сбудется, сбудется,
Потому что дорога не кончена.
Кто-то мчится затихшей улицей.
Кто-то бьется в дверь заколоченную...

А потом еще. Самое главное:

Сказка стала сильнее слез,
И теперь ничего не страшно мне:
Где-то взмыл над водой самолет,
Где-то грохнула цепь на брашпиле...

Я так и представил: в ночной бухте гремит от бешеного вращения зубчатый барабан брашпи-

ля на корабле. Корабль пришел к кому-то на помощь, отдал якорь. А с его широкой палубы, освещенной двумя цепочками огней, взлетает легонький «L-5» — тоже спешит на выручку.

К кому? К тому, кто «бьется в дверь заколоченную»?

Мне даже зябко сделалось на миг: словно что-то такое ожидало впереди и меня.

— ...Ты молодчина, — без улыбки похвалил Сережка, когда Сойка кончила петь. — И брат у тебя молодец. Такая песня...

— Только он далеко, — еле слышно отозвалась Сойка. Щеки у нее были очень розовые. Потом она сказала, что пора домой. Призналась, что хочет скорее сесть за книжку.

— У нас во дворе сарайчик есть, я там от бабушки прячусь...

Мы проводили Сойку на улицу Крылова, к ее дому — обшарпанному, деревянному...

— А сейчас куда? — спросил меня Сережка.

Мне отчаянно хотелось опять на Безлюдные Пространства. Особенно после Сойкиной песни.

— Давай хоть на самый краешек, а? Туда, к башням!

Сережка не спорил. Мы быстро добрались до улицы

Кузнечной, где стояли две водонапорные башни.

И я ощутил себя, словно у входа в заколдованное королевство.

— Сережка, давай туда... хоть немного. Там ведь не сразу буераки...

— Давай, — покладисто отозвался он. И покатил меня. Но не между башнями, а сбоку от левой.

— Нет, я хочу там! Как сквозь ворота!

— Там не получится. — Сережка слегка насупился.

— Почему?

— Пространство не пустит... Боится, что, если кто-нибудь войдет через главные ворота, он узнает все тайны...

Я тут же поддался Сережкиной игре:

— Вот и хорошо! Узнаем! Поехали!

— Ромка, не получится...

— Но ведь вчера-то мы проехали между башнями!

— Это же оттуда, а не туда. Сейчас ничего не выйдет.

— Докажи!

Он послушно прокатил меня между двух кирпичных громадин. За ними слева и справа потянулись заборы — высокие, с обрывками

проволоки. Мы проехали метров сто, заборы разошлись, дорожка вывела к штабелям железных бочек. А когда мы обогнули эти бочки... оказалось, что опять мы на Кузнечной улице, недалеко от башен. Снаружи заброшенной территории. Словно и не входили на нее!

— Это ты нарочно мне голову морочишь! — догадался я.

— Попробуй сам, — терпеливо предложил Сережка.

Я завертел колеса. Снова — башни, заборы, бочка. Я свернул от бочек не направо, а налево. Дорожку перегородила канава с мостиком. Сережка помог мне переехать. И тут же я увидел, что канава эта — в переулке Слесарей, в квартале от улицы Кузнечной.

Сережка с виноватым видом отцеплял от глаженых штанин репейные головки. Я сказал с досадой:

— Это все потому, что ты чересчур нарядный. Пространству не нужны такие... джентльменистые.

— Да? — Сережка запрыгал на траве, сбросил брюки и рубашку, свернул их, положил мне на колени. Остался в белой майке и коричневых трусиках. Щуплый, загорелый, с засохшими цара-

пинами. И волосы — опять как два растрепанных крыла: одно коротенькое, другое подлиннее. Прежний Сережка.

Он бегом третий раз прокатил меня между башен и долго возил среди заборов, штабелей и кирпичных будок. И в конце концов мы оказались рядом с рельсами, по которым бегал дачный трамвайчик.

— - Вот видишь, — сказал запыхавшийся Сережка. Без упрека сказал. Но я сник. И вспомнил: «Кто-то бьется в дверь заколоченную...» И невольно сказал это вслух. Сережка возразил:

— Это не заколоченная дверь, а заколдованная. Даже мой ключик ее не берет...

Плоский ключик на шнурке был виден сквозь тонкую майку.

— Ром, если хочешь, пойдем в обход...

Но я уже не хотел. Как-то не по себе было.

— Пойдем лучше к Мельничному болоту... — Мне захотелось посмотреть, есть ли на песке барабан от кабеля, с которого мы прыгали во сне.

— Сегодня суббота, — смущенно возразил Сережка. — Чуки не любят, когда их тревожат по субботам. Они в это время ремонтируют мостки. Ну, тот тротуар, что от коллектора идет...

Я не стал больше ни спорить, ни сомневаться.

Что-то новое — странное, но уже не сказочное, не придуманное входило в мою жизнь. Спокойно так и неуклонно. Словно и впрямь коснулось меня какое-то иное измерение... Я сделал глубокий вдох...

Пусть все идет как идет! Главное, что рядом Сережка!

— Тогда давай просто попетляем по переулкам!

Он обрадовался:

— Давай!

И мы долго бродяжничали по улочкам и пустырям окраины.

Потом Сережка доставил меня к дому.

Еще от угла мы увидели, что мама стоит у подъезда.

— Я побегу домой, — заторопился Сережка. — Тетушка просила сегодня капусту купить в магазине. И надо отцу помочь рундук сколотить в сарае...

— Значит, до завтра? — спросил я с моментально выросшей тревогой.

Сережка замялся:

— Наверно, до понедельника. Завтра на огород надо...

И я вспомнил опять, что, кроме нашей общей

жизни — с ее сказкой (или не сказкой) про загадочные пространства, — есть у Сережки своя. С житейскими заботами, с огородом, с неласковой тетушкой и «поддающим» отцом. И эта жизнь в конце концов могла запросто отодвинуть Сережку от меня...

Он топтался рядом, подержал меня за плечо.

— Ну, я пошел...

— Костюм-то возьми, — сумрачно сказал я. Потому что он так и гулял теперь в трусиках и майке — как многие пацаны, не озабоченные, чтобы выглядеть представительно.

— Ой... — он засмеялся, взял сверток. — Ну, пока, Ромка...

И пошел. Как-то странно пошел — словно тая и уменьшаясь в солнечном свете. Вот-вот исчезнет совсем.

И мне вдруг почудилось, что я вижу его последний раз.

— Сережка-а!!

Нет, я не закричал. Это лишь внутри меня возник такой отчаянный крик. А на самом деле я сказал одними губами:

— Лопушок...

Он оглянулся. Неужели услышал? Или догадался?.. Подбежал.

— Ромка, ты что?

Я дышал почти со слезами.

Он вдруг наклонился надо мной. Тепло прошептал мне в ухо:

— Ром, я знаю, чего ты боишься. Не бойся... Я тебя никогда не брошу... — И умчался за угол.

А я сидел пристыженный и счастливый, пока не подошла мама.

Часть II
НИКТО НЕ РАЗБИЛСЯ...

ПУТЬ В ВЫСОТУ

Я надеялся, что Сережка-самолет появится в моем сне. Однако всю ночь проспал без всяких сновидений.

Воскресный день мы провели с мамой. Сперва она возила меня в парикмахерскую. Я эту процедуру не терпел. Мастерицы всегда шептались между собой: «Такой симпа-тичненький и такой несчастный...» А со мной были приторно ласковыми. Но пришлось вытерпеть. Потом заехали к тете Наде, которая должна была поселиться у нас, когда мама уедет в профилакторий. Тетя Надя угощала нас молоком и свежими капустными пирожками — я их люблю так, что мама каждый раз боится: «Ты лопнешь по швам».

Дома до вечера занимались мы уборкой. И я опять улегся рано. Сказал, что устал после всех дневных дел.

Я долго не засыпал. Уже и мама легла, и стихли на дворе все голоса, умолкла Гришина гитара. Ночь... Даже далекие трамваи перестали погро-

мыхивать. Ни звука...

Но нет, один звук я различил. На балконе... Когда же это я успел уснуть? Я быстро сел.

— Это ты, Сережка?

И тут же — знакомый веселый полушепот:

— А кто же еще? Я ведь обещал быть в понедельник, а сейчас уже час ночи, воскресенье кончилось.

Он был привычный, в своей бейсбольной кепке, клетчатой рубашке и разлохмаченных у колен штанах. От него пахло теплой уличной пылью и велосипедной смазкой.

— Ромка, ты готов?..

И все было, как в прошлый раз!

Лестница, велосипед, стадион... Самолет. Кабина... Старт!

И редкие огоньки города внизу. И желтое небо на севере, и розовая луна — теперь уже совсем круглая.

— А спускаться будем у болота? Чуки разожгут костры?

— Да, — отозвался Сережка из динамика. — Но не сразу. Сперва потренируйся в другом месте.

— Где?

— Вот здесь. Внизу...

К тому времени мы опять летели среди свет-

лых облачных столбов, а землю скрывала от нас курчавая, освещенная луной пелена. Словно усыпанное хлопком поле.

— Вот на это поле и садись... Не бойся, там под туманом сразу твердая поверхность.

Я послушался. Убрал газ. Полого вел самолет вниз. Клочья тумана понеслись мимо кабины. Колеса толкнулись и побежали по чему-то гладкому. Все тише, тише. И машина замерла.

— Выбирайся, — велел Сережка.

Я откинул дверцу. Самолетные колеса прятались в клочковатом тумане. Спускаться в этот туман было страшновато.

— Трусишка зайка серенький... — насмешливо пропел динамик. И... я оказался сидящим по грудь среди облачных хлопьев. На чем-то ровном и твердом.

А Сережка — не самолет, а мальчишка — бежал ко мне, разгоняя эти хлопья ладонями. И смеялся.

Он сгреб меня, отработанным приемом кинул себе на спину, я обхватил его за плечи.

— Сережка, мы где?

— На седьмом небе! Или на двадцать седьмом, не знаю!.. Здесь Туманные луга! Хочешь погулять?

— Без кресла? Тебе же тяжело!

— Нисколечко! В тебе теперь... облачная легкость! — И он заскакал со мной, как старший брат с малышом на закорках.

А в клочьях тумана мерцали искры лунного света.

— Сережка! Значит, мы на высоте?

— Еще бы! На высотище!

— Здесь тоже Безлюдные Пространства?

— Конечно! Только другой слой!

— Четвертое измерение?

— Не знаю! Может, сороковое! — Он все скакал, вскидывая ноги — так, что из тумана выпрыгивали его блестящие под луной коленки... И вдруг — скользящее торможение! Словно Сережка проехался по льду.

— Ой!! — завопил я. Потому что перед нами открылся черный провал. Бездна. Все ухнуло и задрожало во мне. А Сережка осторожно качался на краю пропасти. Вместе со мной.

— Упадем ведь!!

— Не бойся, Ром... Смотри, чуки внизу разожгли костры!

Я боязливо глянул из-за Сережкиного плеча. Две цепочки оранжевых огоньков мерцали далеко-далеко внизу.

— А вон и главный знак, — озабоченно сказал Сережка. В стороне от цепочек горел составленный из костров пятиугольник.

— Почему он главный? — прошептал я, замирая. Уже не от страха, а от предчувствия новой сказки.

— Потому что чуки починили тротуар... Скорей!

Сережка оттащил меня от провала. Довольно бесцеремонно ссадил со спины на твердое. И... я без всяких карабканий очутился в пилотском кресле.

— Ловко я научился? — довольно спросил Сережка из динамика.

— Ага, ловко... А что теперь?

— Запускай! Полетели...

Я вел самолет над Туманными лугами, пока Сережка не разрешил пробить облачный слой. Я опять увидел посадочные огни.

— Садись, Ромка...

Я умело, уже без опаски, посадил машину у Мельничного болота. И сразу оказался на прохладном песке. Темные мохнатые чуки бросились было прочь, но один робко задержался.

— Иди сюда, мой хороший, — сказал я ему, словно знакомому коту. Он подковылял на лапах,

похожих на корни выкорчеванного пенька. Я погладил его по косматой макушке. Чука пофыркал и заспешил прочь.

Подбежал Сережка. Встал надо мной, переступил на песке и сказал глуховато, словно издалека:

— Ромка... Хочешь теперь в Заоблачный город?

— Конечно, хочу! Летим!

— Туда нельзя лететь. Надо пешком. Вон там...

Он показывал на знакомый тротуар, тянувшийся от коллектора. Теперь другой конец тротуара не прятался в темном саду. Светящейся ломаной лентой доски поднимались над черной чащей и наклонно уходили в небо. Оно стало темно-зеленым, с редкими звездами. Тротуар вдали делался тонким, как нитка, и терялся среди звезд.

— Это же очень далеко, — прошептал я.

— Не очень... — Сережка взял меня на руки. Не посадил на спину, а держал перед собой. Я левой рукой обнял его за шею.

Сережка ступил на упругие доски. За спиной у нас потрескивали костры. Я чувствовал, как чуки смотрят нам вслед.

Сережка подхватил меня поудобнее и понес. Вверх, вверх...

И скоро земля осталась далеко внизу.

Теперь это был не тротуар, а повисший в пустоте дощатый мост. Бесконечный. Узенький, шаткий, без перил. Сережка балансировал и качался на нем. И я качался — на руках у Сережки.

Но большого страха не было. Так, некоторое замирание под сердцем. Скоро все стало привычным. И чтобы показать, что мне вовсе не боязно, я спросил небрежным тоном:

— Как же они тут держатся, доски-то? Совсем без подпорок...

Земля была далеко внизу, она угадывалась там сгущенной тьмой, в которой дрожали одинокие огоньки. Внизу, вверху и со всех сторон висели просвеченные луною кучевые облака (а самой луны я не видел, где-то пряталась).

Сережке было тяжело, поэтому он ответил не сразу:

— Местами есть подпорки... Посмотри...

И правда, я тут же разглядел, что снизу из облаков торчат кое-где всякие сооружения. Иногда — решетчатые стрелы кранов, иногда — кирпичные заводские трубы или верхушки похожих на домны башен. А в двух местах я увидел светлые (наверно, мраморные) колонны — вроде тех,

какие окружают греческий Акрополь...

Но, конечно, эти опоры были не по правде, а для видимости. Может, для того, чтобы путь не казался очень опасным...

Сережка споткнулся, остановился на миг.

— Ты ведь уже измучился, вон сколько идем... идешь то есть. Посади меня на доски, отдохнем.

— Нельзя здесь отдыхать, Ромка. Такое правило...

— А долго еще идти?

Я понимал, что долго. Конца у дощатого пути не было видно, он терялся в лунном мерцании.

Но Сережка вдруг отозвался весело, будто и не уставал ни капельки:

— Не-а! Еще десять шагов. Считай! Раз!.. Два!..

Я тоже начал считать — громко, обрадованно, хотя не видел, где тут может быть остановка.

— Десять! — сказали мы вместе, и сразу я заорал: — А-ай!!

Потому что Сережка прыгнул с доски в сторону! В пустоту! Жуть неизбежного падения стиснула меня. Но Сережкины ноги толкнулись о твердое. Он поудобнее перехватил меня и шагнул среди лунного тумана.

— Сережка, где мы?

— Как где? На Туманных лугах. Не узнал, что

ли?

Я... да, я узнал! Сережка стоял по колено в светлом пушистом колыхании. Вокруг поднимались облачные столбы, похожие на кудлатых белых великанов и на мохнатые крепостные башни. Из-за одной такой башни выплыла наконец луна. Этакий громадный пятнисто-серебряный шар.

Сережка опустил меня с рук, я опять оказался сидящим по грудь в пересыпанном искрами тумане.

— Сережка! А почему нельзя было прилететь сюда самолетом? Как в прошлый раз!

Сережка сделался строгим:

— Потому что этот луг — перед Заоблачным городом. К Городу можно приходить только пешком. Такой здесь закон. Если нарушишь — дорога тебя не пустит.

— Как между башнями? — вспомнил я.

Сережка кивнул.

Он стоял надо мной — серьезный такой, даже отчужденный. Лицо казалось очень бледным, в глазах горели лунные точки. Но почти сразу он привычно нагнулся ко мне:

— Ну, как ты? Отдохнул?

— Да я-то что! Это ты отдохни!

— А я — уже... Давай, теперь недалеко...

И Сережка снова понес меня по Туманным лугам. Иногда он обходил черные провалы, в которых видны были ужасно далекие земные огоньки (и тогда у меня холодела душа).

Прямо перед нами возникло облачное завихрение. Оно было похоже на стометровую скособоченную шахматную фигуру. Основание фигуры медленно клубилось и впитывало лунные лучи. Я думал, Сережка свернет, но он вошел прямо в эти клубы.

Нас охватило рассеянное фосфорическое свечение.

Туман был волокнистым, и эти волокна защекотали мне лицо. Я засмеялся, стал отдувать их, зажмурился. А когда открыл глаза, увидел, что мы на Бульваре.

Это был именно Бульвар — с большой буквы. Такой, о каких я читал в книжках с описаниями старинных приморских городов. Рядами стояли высоченные и развесистые дубы и липы, под ними — чугунные решетчатые скамейки. Вскидывал струи фонтан, а посреди него вздыбился черно-зеленый бронзовый конь с рыцарем на спине...

Впрочем, сначала я увидел не только Бульвар, но и весь Город — словно несколько очень

прозрачных слайдов наложились друг на друга. Разглядел путаницу улиц с мостами и арками, башни и колокольни, музейного вида трамваи, бодро взбегавшие на холмы; длинное здание с куполами и колоннадами. А еще — толчею корабельных мачт и пароходных труб за парапетом набережной. И памятники на перекрестках. И речку, каскадами бегущую к морю...

Здесь не было ночи и луны, а был вечер — такой, когда солнце не спряталось, но стоит совсем низко, и лучи горизонтально пробиваются сквозь листья, зажигают в воздухе золотую пыльцу.

Вот такая картина возникла перед нами сначала. Со множеством подробностей. Сквозь деревья была видна эстрада, где музыканты в белой форме играли неторопливый вальс. Ими дирижировал гибкий офицер в пышных эполетах.

Потом картина Города растворилась в воздухе, зато Бульвар с его могучими деревьями, с фонтаном, с музыкой и публикой сделался совершенно настоящим.

Сережка усадил меня на решетчатый чугун скамейки.

— Подожди немного, я сбегаю за креслом...

— Где ты его возьмешь?

— В пункте проката! Здесь недалеко...

Я не успел ни встревожиться, ни заспорить: возьми, мол, меня с собой. Он исчез. А вдруг — навсегда? Как я тут один-то?

Но боялся я не сильно. Во-первых, верил, что Сережка вернется. Во-вторых... ну, проснусь в крайнем случае... Хотя все это мало походило на сон. Очень уж подробно, по-настоящему. Вот зеленая гусеница ползет по чугунному завитку. Вот желудь толкнул меня по макушке и скатился на песок. (Неужели созрели желуди? Ведь еще и середины лета нет. Или здесь — иное время?)

Полузнакомый вальс все звучал за деревьями. Такой спокойный, ласковый. Я совсем перестал тревожиться и разглядывал горожан. Их было много на Бульваре. Мужчины в светлых сюртуках и клетчатых брюках, женщины в длинных платьях и шляпках с букетиками. И ребят здесь было не меньше, чем взрослых. Тоже все одетые как сто лет назад. Мальчики в костюмах с матросскими воротниками, в длинных чулках и в широких соломенных шляпах с лентами; девочки в платьях с оборками и в чепчиках из кружева. Одни чинно гуляли с мамами-папами, другие резво носились с обручами и пестрыми вертушками среди публики.

Неподалеку была площадка с белой балюстра-

дой и скульптурой старинного трубача. С десяток мальчишек и девчонок перебрасывали там разноцветный большущий мяч. По-моему, это была всем известная игра «Вышибала». Несмотря на свой нарядный вид, играли ребята азартно, с криками, смехом и даже с переругиваниями. Вполне по-нынешнему. У мальчишек съехали чулки и сбились воротники, у девчонок развязались ленты и растрепались волосы.

Я загляделся — так же, как со своего балкона, когда на дворе играют наши ребята. Даже про Сережку почти забыл. И вдруг заметил, что девчонки и мальчишки то и дело поглядывают на меня. С чего бы это?.. Одна девочка легко скакнула через низкие перила, подошла ко мне. Остановилась у скамейки, поправила на груди голубой атласный бант, наклонила к плечу голову.

— Мальчик... — На щеке у нее была царапина, в светлых кудряшках — травинки, а глаза — того же цвета, что бант. Ну, прямо фея после стычки со злой соперницей. А голос такой чистый, словно его пропустили через специальный фильтр.

— Мальчик... Вы не согласились бы поиграть с нами? В нашей группе не хватает одного человека, и силы неравные. Так обидно...

Я невольно поддался ее тону. Без всякой на-

смешки.

— Извините, девочка, я, к сожалению, не могу.

— Отчего же? — Она склонила голову на другой бок. — Вы не знаете эту игру? Но она очень простая, вы быстро научитесь.

— Дело не в этом, — сказал я честно. — Дело в том, что у меня не ходят ноги.

Маленький рот и глаза у нее разом сделались круглыми.

— Вы... наверно, пошутили, да?

— Отнюдь... У меня был поврежден позвоночник, и вот...

Девочка насупила брови. Медленно провела по мне взгляд — от лица до кроссовок. Я даже застеснялся, что у меня такие длинные голые беспомощные ходули. А она сказала полушепотом:

— Как жаль... — И вдруг села рядом. И я увидел, что лицо у нее вовсе не кукольное, как показалось вначале. Славное такое лицо с несколькими веснушками на курносом носу, с оспинкой на подбородке. А в зрачках — темная тревога. — Но почему же тогда вы здесь один?

— Скоро придет мой друг. С креслом на колесах...

— Простите... — Она встала, быстро пошла прочь, почти побежала. На площадке ее окру-

жили ребята. Опять заоглядывались на меня, но сдержанно. Потом вновь началась игра, а один мальчик — такой насупленный толстячок в бархатном костюме и шляпе с георгиевской лентой — торопливо побежал куда-то. Я подумал было, что мальчишку выставили, чтобы уравновесить силы. Но он скоро примчался обратно, принес что-то вроде толстой белой свечки. С этой свечкой девочка снова подошла ко мне.

— Мальчик, возьмите это... чтобы вам не скучно было ждать друга. (Она сказала «не скушно», на старинный манер.) — Я взял. Оказалось, это эскимо на гладкой закругленной с конца палочке. На обертке — синяя картинка: два забавных пингвина.

Вроде бы пустяковое дело — эскимо, но у меня вдруг в глазах защипало от такой вот доброты незнакомых ребят. Однако я сказал солидно (сипловато только):

— Благодарю вас.

— На здоровье... — Девочка присела в поклоне, который называется «книксен». Сделала шаг от меня. И вдруг оглянулась. — Простите... а вы обращались к врачам?

Я сказал, разворачивая шелестящую обертку:

— Много раз... Но это неизлечимо.

— Как жаль... — Она опять шагнула. И оглянулась вновь. — Простите... но разве и Старик сказал, что неизлечимо?

Я сразу почувствовал, с каким значением это слово — «Старик».

— А кто он такой?

— Как? Вы даже не слышали про Старика?!

— Я... нездешний. Я совсем недавно приехал...

— Это самый знаменитый колдун! Но не простой колдун, не сказочный, а... научный. Он лечит такие болезни, от которых отказываются врачи...

Я лизнул мороженое и вздохнул. Не объяснишь ведь этой замечательной девочке, что я совсем из других краев и, наверно, даже из другого времени. Что скоро я проснусь и...

— Мальчик, вы непременно должны сказать про Старика своим родителям! Он живет на улице Веселых Маляров, дом пять.

— Спасибо, я обязательно...

Она присела опять и убежала — туда, где мелькал красно-желтый, гудящий под ударами ладоней мяч.

А я взялся за эскимо.

Вкус был... ну, прямо как в рекламе по телевидению: «райское наслаждение». И я половину порции сам не заметил как сглотал. И только тут

спохватился: надо ведь оставить Сережке!.. А чего это его так долго нет? Где застрял?

Но тревожиться всерьез пока было некогда: мороженое быстро таяло. Белые капли падали мне на ноги, и я даже чувствовал кожей холодок. Это меня порадовало. Но мороженое следовало спасать, и — делать нечего — я прикончил его. Осталась только плоская палочка с черными буквами: «Компанія бр. Сидоровыхъ».

Фамилия — как у Сережки!

Но куда же он все-таки девался? Я наконец занервничал изо всех сил. И вот тогда он появился! С креслом.

Это было старомодное сооружение с плетеной спинкой, с литыми, без накачки, шинами, без ободов для рук.

Сережка сердито сопел:

— Вот, только такой тарантас добыл. Да и то с трудом...

— Ничего! — Я ликовал в душе, что Сережка — вот он! Такой родной среди этой ласковой, но все же чужой и старомодной жизни. — Ничего, что тарантас! Так даже интереснее!.. А пока тебя не было со мной, со мной тут... уже познакомились. Мороженым угостили. Я хотел половину оставить тебе, а оно тает, тает, а тебя все нет, нет...

И теперь только вот... — Я показал палочку. — Эта «Компанія» случайно не твои родственники?

— Не-а... — Он со смехом взял палочку. — Ну, не беда, что ничего не осталось. Поделим это... — И сломал палочку пополам. Сунул половинку в нагрудный карман, а мне отдал другую. Ту, что со словами «бр. Сидоровыхъ».

«Мы ведь тоже почти что «бр.». Неважно, что я Смородкин», — подумал я. И отвел глаза, потому что Сережка эту мою мысль, кажется, прочитал. Я тоже затолкал палочку в карман рубашки, а Сережке сказал небрежно:

— Эта девчонка... ну, которая угостила... она говорит, что в городе есть какойтто Старик. Что он лечит все болезни...

Сережка молчал. Я вдруг увидел, что он не просто молчит, а со странным напряжением на лице. Словно вспомнил о неприятном деле. Потом он ответил, глядя мимо меня:

— Вообще-то я знаю этого Старика...

— Знаешь? Откуда?

— Я же здесь не первый раз... Ладно, поехали!

— К нему?

— К нему...

Но я видел, что Сережке не хочется к Старику.

— Сережка, не надо. Все равно он меня не вы-

лечит. А если и... Это же не по правде! Утром проснусь — и все как раньше...

— Это утром, — возразил Сережка хмуро и строго. — А здесь тебе разве не хочется побегать? Чтобы мы вместе...

Да, правильно! Ведь в своих снах я мог бы вместе с Сережкой гулять по Туманным лугам, по Заоблачному городу! И может быть, играть с теми ребятами на площадке. «Вот видите, мальчик, Старик — настоящий волшебник».

— Тогда поехали! Или... тебе почему-то нельзя туда?

— Это неважно... — И в два счета Сережка усадил меня в непривычное, твердое и просторное кресло.

Нам торопливо, заботливо так, уступали дорогу. У мостика через ручей с водопадом подбежали два маленьких кадета в белых мундирчиках с золотыми шнурами, в высоких фуражках.

— Позвольте вам помочь!

Сережка позволил. Он был молчалив. Я ни о чем его не спрашивал: понимал, что назревает какое-то новое событие. Доброе?! Или наоборот?..

На улице Веселых Маляров тесно стояли трехэтажные дома. Балконы почти смыкались над головами. Твердые колеса запрыгали по булыж-

ной мостовой. Среди булыжников рос редкий овес.

Мы остановились у серого дома, к его углу примыкала круглая башня. В башне были узкие окна, а внизу — крыльцо с чугунными ступенями и с навесом на тяжелых цепях.

— Вот здесь он живет, — с ненастоящей бодростью сообщил Сережка. — Ты подожди, я сначала один...

— Может, не надо?

— Теперь уже никуда не деться! — Он шагнул к ступеням, уцепился за кованый карниз навеса, поболтал ногами: смотри, мол, я ничуть не боюсь. Оттянул на себя тяжелую дверь с кольцом и скрылся за ней, не оглянувшись.

Не было Сережки минут пять. Я тревожился, но тревога была не сильная, глухая, напополам с печалью. Не знаю почему. Прохожих поблизости я не видел, пусто кругом. День уже совсем угасал, только на гребнях крыш светились еще пятнышки солнца.

Сережка появился на крыльце. Медленно сошел ко мне. И я впервые увидел его вот таким — потерянным, со слезинками на ресницах. Он рукавом мазнул по глазам.

— Старый хрыч... Даже слушать не захотел.

«Молодой человек, потрудитесь покинуть мой дом, нам не о чем говорить...» Я стою, пытаюсь объяснить, а он уши зажал и головой мотает...

— За что он тебя так?!

— А вот так... Вообще-то за дело. За то, что я оказался трусом...

— Трусом? Ты?! — Я вмиг возненавидел неизвестного Старика.

Сережка сказал, глядя мимо меня:

— Да... Ты ведь не знаешь...

Но я и знать ничего не хотел! Мой Сережка никогда не был трусом и быть не мог!

— Этот твой старик просто выжил из ума!

— В том-то и дело, что нет. Он все на свете знает и понимает. Поэтому всегда прав...

— Прав?! А почему тогда не стал слушать?.. Ну, пусть он злится на тебя. Но ты же хотел просить не за себя, за другого!

Сережка вздрогнул. Встряхнулся

— Правда! Я же не за себя... Я просто не сумел ему сказать!.. Я сейчас!.. Я сейчас!.. — И он бросился к ступеням опять.

— Сережка, не надо!

Но он уже исчез.

Теперь я ждал его долго. Отблески солнца на крышах исчезли, небо по-вечернему засинело,

поползли по теплой улице сумерки. Зажглось одно окошко, другое...

Ну где же Сережка-то?

А может, Старик что-то сделал с ним? Колдун ведь!

Мне захотелось сжать себя, зажмуриться и... проснуться. Но тут же я понял — не смогу. Ведь это значило бы бросить Сережку. Ну и что же, что во сне! Все равно...

Оставалось одно: на руках забраться на крыльцо, пролезть внутрь. Разыскать в этой колдовской башне Старика и Сережку. И будь что будет!

Я взялся за твердые шины. Кресло послушно катнулось вперед. Еще... Но левое колесо уперлось в торчащий булыжник. Я толкнул изо всех сил. Рука сорвалась, а кресло поехало вниз по улице. Сразу набрало скорость. Я не успел опять схватиться за шины, и теперь колеса вертелись так, что вмиг поотрывали бы мне пальцы. Меня трясло на камнях, и несколько раз я чуть не вывалился! И ни одного человека навстречу, хоть надорвись в крике.

Я сжал зубы.

Улица расступилась, меня вынесло на Туманный луг. Здесь была ночь, светились застывшие облачные смерчи. Кресло мчалось уже без тряски,

как по лучшему асфальту. Но «асфальта» видно не было — колеса по ступицу в тумане. И вдруг туман кончился. И твердь кончилась! Я увидел черную глубину и ухнул в провал.

Я часто падал во сне, и каждый раз было страшно. Однако такого жуткого падения еще не испытывал. Вниз, вниз, вниз! Со скоростью снаряда! И даже не крикнешь — стиснуло как железом...

Кресло отлетело и кувыркалось в стороне...

Скорее проснуться! Ну, скорее же!

Нет, не могу... Сейчас грянусь так, что меня не соберут ни во сне, ни наяву...

Я все же выдавил хриплое:

— А-а-а...

И луну заслонила крылатая тень. Самолет! Сережка!

Он догонял меня в крутом пике...

Круглый зев открытой кабины оказался рядом, меня зацепило бортом, перевернуло. И я даже не помню, как очутился в пилотском кресле. Сами собой защелкнулись на груди ремни.

— Сережка! Выходи из пике!

— Не могу! Инерция. Возьми ручку... на себя...

Я вцепился в резиновую рукоять, потянул ее на грудь. Изо всех сил! Но меня вместе с Сережкой-самолетом крутнуло, увлекло в обморочную

спираль.

— Сережка, штопор!

— Жми правую педаль!

— Я же не могу!

— Жми, я сказал!

— Но я же...

— Жми!! Разобьемся!..

— Не могу!

— Можешь!! Иначе конец!..

Я заплакал, потому что понял — и правда конец. Настоящий! За что? Я не хочу!.. — И надавил педаль. Как в старых снах про свой самолет.

Самолет Сережка сделал еще два витка и вышел из штопора. Я надавил левую педаль, потом ослабил обе. И опять потянул к себе ручку. И ощутил, как меня вжимает в пилотское кресло: самолет по дуге переходил в горизонталь.

И вот мы уже ровно летим над каким-то полем. Я вижу, как серебрится трава. Совсем близко.

— Садись, — измученно говорит Сережка.

— Без огней? Ничего же не разглядеть, грохнемся...

— Не грохнемся, садись.

И я сажаю самолет среди высокой травы.

Тихо вокруг, только в ушах звенит. И ноги болят от напряжения.

Понимаете, они *болят!*

МОКРАЯ ТРАВА

Я долго сидел, прижавшись к спинке, и молчал.

Сережка наконец сказал через динамик:

— Приехали. Выбирайся.

Я расстегнул ремни. Толкнул легкую дверцу. И стало страшно: вот попробую шевельнуть ногами, а они... опять мертвые.

— Выбирайся, Рома, — повторил Сережка. И ласково, и строго. — Теперь ты можешь.

Я... двинул одной ногой. Другой... Могу! Я опустил ноги из кабины. Зажмурился (и глазами, и внутри себя) и прыгнул. Упал на четвереньки. Но тут же понял: ноги живые! По ним бежали мурашки. Я ощутил мокрую густую траву.

Я встал. Покачался. Шагнул. Ноги слушались. И с каждой секундой в них нарастала упругая сила! Если захочу, могу запрыгать, как жеребенок! Только страшновато поначалу...

Толчок воздуха качнул меня, и оказалось, что Сережка рядом. Не самолет уже, а просто Сережка.

Он обнял меня, крутнул за плечи.

— Вот видишь! Все получилось!

А я словно немой сделался от радости.

— Пошли! — велел Сережка.

Я сделал шаг, другой... Влажные листья и стебли прилипали к ногам, это было такое счастье — чувствовать траву.

Травы раскинулись до горизонта. Они были в мелких капельках, и эти капельки блестели под луной. Луна теперь казалась очень маленькой, она быстро бежала среди клочковатых облаков.

Кое-где торчали каменные глыбы, похожие на идолов и заколдованных чудовищ. Но редко друг от друга, поэтому я ни одну не зацепил при посадке.

— Сережка, где мы?

— Не все ли равно? Главное, что ты на ногах!

— Но все-таки... здесь Безлюдное Пространство? — Для меня это было почему-то очень важно.

— Конечно, — успокоил меня Сережка. — Только я не знаю, какой это слой. Занесло нас после штопора...

— Как хорошо, что ты успел меня подхватить!

— Ага! Я почуял, что ты в провале, — и к окну. Грянулся пузом о раму, о стекла и сразу — лечу! И ты кувыркаешься рядом...

— Ты прыгнул прямо из башни Старика?

— С четвертого этажа...

— Вот это да!.. Старик, наверно, до сих пор сидит с разинутым ртом...

Сережка помолчал и выговорил, словно стыдясь чего-то:

— Не думаю... Мне кажется знаешь что? Скорее всего, Старик это все и подстроил.

— Зачем?!

— Ну... решил помочь тебе, а открыто это делать не хотел.

— Ничего себе помощь!

— А разве нет? — виновато рассмеялся Сережка. — Ведь ты же встал на ноги...

— Это я с перепугу!

— А перепуг-то благодаря Старику! Я ему как раз говорил про тебя, а он сидел насупленный, не отвечал, и вдруг...

— А если бы я не сумел нажать на педаль?!

— Значит, Старик знал, что сумеешь...

Не хотелось мне, чтобы мое счастье, мое спасение было заслугой какого-то Старика. Меня вылечил Сережка! Только он!

Однако Сережка настойчиво сказал:

— Надо быть справедливым. Старик не такой уж злой.

И тогда я хмуро попросил:

— Расскажи о нем...

Как хорошо было брести по бескрайней ночной степи, где пахло прохладной полынью и еще какими-то горькими травами. И ощущать в ногах живую силу. И раздвигать ногами влажные колосья. И слушать Сережку. Хотя рассказ его был печальным...

Дорогу в Заоблачный город Сережка нашел прошлым летом. Бродил по заброшенной заводской территории, забрался на ржавую эстакаду и там увидел, что с нее уходит в закатное небо длинный дощатый тротуар. И пошел. Замирал от страха, зажмуривался, чтобы не видеть пустоту вокруг, но все же шагал...

— А потом уже стало все равно. Что вперед, что назад — одинаково страшно... Ну, и в конце концов оказался я в этом Городе... Сижу на Бульваре, кругом люди гуляют, все такие довольные, а я голодный. Не знаю — то ли обратно идти, то ли постараться еду какую-нибудь добыть? А как ее добудешь?.. И тут подходит он. Я тогда еще не знал, что он маг и ученый...

— Значит, не похож на обычного колдуна?

— Конечно, нет! Он знаешь на кого похож? На старого артиста или дирижера. Такой худой, высокий, выбритый. С галстуком-бабочкой... Ну, и говорит мне: «Молодой человек, вы голодны.

Пойдемте со мной...» Привел к себе, накормил, расспросил: кто, откуда. Вежливо так. А потом: «У вас несомненные способности, раз вы сумели проникнуть в здешнее Пространство. Хотите заниматься в моей школе?» Ну я и стал приходить, учиться у него. Два раза в неделю. У него двадцать три ученика. Семнадцать пацанов и шесть девчонок. А я был двадцать четвертым...

Дальше Сережка рассказал, как Старик учил ребят тайнам разных измерений и пространств — Запредельных, Безлюдных, Придуманных... Раскрывал... природу человеческих снов. Объяснял, как эти сны, выведенные за пределы трехмерного пространства, могут сделаться настоящей жизнью. Только...

— Что «только»? — тревожно спросил я. Стало неуютно. Длинные тени двигались перед нами по верхушкам травы, накрытой переменчивым лунным светом.

— Я до конца в этом не разобрался. Он меня прогнал...

— Почему?!

— Я же говорил. Потому что я трус...

— Неправда!

— Правда. Я испугался выполнять учебное задание...

— Какое?

— Упражнение. Переход из одного сна в другой. Надо было выйти на Туманный луг, найти провал и прыгнуть. И если не испугался — очнешься в своей постели. Будто проснулся...

— А если испугался?

— Не испугался никто. Кроме меня... А я как почуял, что падаю, — такой ужас во мне! Как спастись?! И превратился в самолет, чтобы не разбиться...

— Это же здорово! Чудо такое!

— Я тоже сперва обрадовался. Показал старику, как это у меня получается. А он... прямо весь накалился от гнева. «Я, — говорит, — не позволял соваться в те сферы, которые вы знать пока не должны. Вы просто-напросто струсили и не сдали экзамен. И потому — можете быть свободны...» Ну... я и ушел... Потом еще хотел вернуться, не к Старику, а просто так, чтобы побродить по городу, но дороги от той эстакады уже не было. Хорошо, что ты нашел другой путь — от Мельничного болота...

— Сережка! А почему ты говоришь, что Старик — не злой? Если он так с тобой...

— Может быть, он сам испугался...

— Чего?

— Того, что я сунулся в эти... запретные сферы.

— Ты же не нарочно!

— Вот именно. Из-за страха. А трусы ему не нужны...

— Нет, Сережка. Ты ведь ну нисколечко не трус. Ты — наоборот... — выговорил я с отчаянной искренностью. — А Старик... Да он просто тебе позавидовал! Сам-то небось не умеет так!

— Кто его знает... Вообще-то он меня с самого начала недолюбливал. Все остальные у него — из того Города, а я — чужак. Ни бархатной курточки у меня, ни хороших манер... Ну и ладно! Конец-то у этой истории самый счастливый! Верно?

— Разве... счастливый?

— А разве нет?.. Когда Старик прогнал меня, я начал искать новых друзей. И встретил тебя.

Я засопел, и опять вокруг сделалось тепло и сказочно... И почему-то вспомнилась Сойкина песня:

Сказка стала сильнее слез,

И теперь ничего не страшно мне...

Подольше бы не кончался этот сон! Хотя... Ведь когда я проснусь утром, в понедельник, Сережка прибежит ко мне наяву!

Он шелестящим шепотом сказал мне на ухо:

— Ромка, пора...

Мы взялись за руки и забрались на глыбу — круглую и теплую, как спящий гиппопотам. Сказали «раз, два, три» и прыгнули.

...И я услышал, как в маминой комнате звенит будильник.

ДВЕ ПАЛОЧКИ

Я проснулся и несколько секунд чувствовал, будто в моей руке рука Сережки.

Другое ощущение держалось дольше — гудящая усталость в ногах. Я не сразу понял, что уже не сон. А понял — и обмер от радости: раз гудят, чувствуют, значит... И шевельнул ногами. Вернее, попробовал шевельнуть. И тут пропало все — и усталость, и сами ноги. То есть стало привычно казаться, что их нет.

«Сейчас разревусь!» Я уткнулся лицом в подушку... А какой смысл плакать-то? Мало, что ли, я уже слез пролил на больничных койках и дома?

Я полежал, подышал тихонько и почувствовал, как горе уходит. Что ни говорите, а все-таки мне повезло! Ведь во сне-то я стал здоровым! И снова будет ночь, и снова мы с Сережкой пойдем по Туманным лугам и, может быть, опять окажемся в Заоблачном городе — таком красивом, таком

загадочном...

Вошла мама. С этого дня она была в отпуске и собиралась в профилакторий. А перед отъездом, как известно, масса хлопот.

— Вставай и завтракай без меня, я стираю... Дай-ка и рубашку твою выстираю. Почему она у тебя такая мятая и в мусоре? Трава какая-то прилипла... (В самом деле, почему?) — И в кармане сор... — Мама вытряхнула на одеяло плоскую желтую палочку. С мелкими черными буквами!

Белый свет поплыл вокруг меня.

— Мама, не выбрасывай!! Дай!..

Палочка — длиной с мизинец. Один конец закругленный, другой обломан. И отпечаток на свежем дереве: «...бр. Сидоровыхъ».

— Собираешь всякую дрянь, — вздохнула мама.

А я стиснул плоскую лучинку в кулаке. Кулак прижал к груди. А сердце там: бух!., бух!., бух!.. Словно эхо Гулких барабанов Космоса...

После этого я все утро жил как во сне. Вернее, в полуобмороке. Вроде бы все делал как надо: отвечал на мамины вопросы, умывался, разогревал гречневую кашу, жевал ее... но мысли были об одном: скорее бы пришел Сережка!

И он пришел! Веселый такой, чуть запыхав-

шийся.

— Здрасте, Ирина Григорьевна! Ромка, привет...

Мама заулыбалась — Сережка явно ей нравился, хотя сегодня явился он не в «парадном виде», а обычный, слегка растрепанный.

Я молча потянул его в свою комнату.

— Садись...

Он послушно сел на край моей постели, понял что-то. Я разжал кулак. Палочка лежала на ладони буквами вверх.

Сережка с полминуты смотрел на палочку, и лицо его делалось все строже, тоньше как-то. Даже красивее.

Потом он запустил два пальца в свой нагрудный карман и достал такую же плоскую лучинку.

Мы, не сговариваясь, соединили обе палочки. «Компанія бр. Сидоровыхъ» было написано на них.

Сережка чуть улыбнулся, поскреб своей щепочкой подбородок и глянул мне в глаза: «Ну, вот видишь! Теперь ты все знаешь...»

Гулкие барабаны Космоса снова зазвучали во мне.

— Значит, не сон? — шепотом сказал я.

— Значит...

— А почему ты сразу не объяснил?

— Ну... — Он опять заскреб подбородок. — Я думал, вдруг ты не поверишь, если узнаешь раньше срока... Да я ведь намекал!

— Когда?

— Да тыщу раз! Объяснял, что сон бывает не просто сон, а переход в другое пространство...

Да, правда. Но тогда... Однако спросить о себе сразу я не решился. Спросил про другое — и с легкой опаской:

— Сережка, ты кто?.. Инопланетянин?

Он округлил глаза, белесые ресницы растопырились.

— Я?.. Ты с какой печки упал? Я — Сережка Сидоров с улицы Партизанской. И больше никто... Просто мне повезло: забрался однажды на эстакаду и нашел дорогу в Заоблачный город...

— Я не про Город. Ты умеешь превращаться в самолет!

Сережка пфыкнул губами. Скинул кроссовки, сел на моей тахте по-турецки. С подчеркнуто небрежным видом.

— Подумаешь! Да это каждый пацан сможет, если приспичит... Ну, не каждый, но многие... Я же объяснял — это с перепугу!

— Не ври, что с перепугу... Разве ты каждый раз

пугаешься перед тем, как превратиться?

— Теперь-то нет, конечно! Теперь это просто... Ты тоже сможешь научиться, если захочешь.

Горькая печаль накатила на меня. И я спросил наконец и о том, что мучило:

— Но если это не сон, если все по правде... тогда почему там я хожу, а здесь не могу?

Сережка сразу затуманился. Спустил с тахты ноги.

— Я не знаю... Наверно, это зависит от Старика. Там он решил тебе помочь, а про тут не подумал. Что ему до наших забот? Они ведь просто капелька среди всех его космических проблем... А может быть, есть и другая причина...

— Какая?

— Может быть, Старик не всесилен. В том пространстве сумел тебя вылечить, а до нашего его сила не достает...

— Сережка... а он кто?

— Не знаю, — сказал Сережка неохотно. — Он изучает Безлюдные Пространства и, кажется, даже управляет ими. То есть не совсем управляет, но пытается там что-то переделать... какие-то структуры... Он сам такая же загадка, как эти Пространства.

— А они... Пространства эти... Сережка, они

зачем?

Сережка опять сел по-турецки — ноги калачом. Но уже не с дурашливым видом, а серьезный такой, будто маленький мудрец.

— Это, наверно, неправильно спрашивать: зачем?.. А зачем Земля, звезды? И все на свете?.. Оно есть, вот и все. И эти Пространства — тоже... Старик говорил, что сейчас они отдыхают. Как поля...

— Какие поля?

— Ну, когда идет весенний сев, не все поля засевают, некоторые оставляют, чтобы земля отдохнула! Называется — пар... Старик объяснял, что и пространства в разных измерениях должны отдыхать от людей. Тем более что люди постоянно делают глупости: воюют, природу портят. Второй раз пустынные пространства вредных людей на себя не пустят. Знаешь почему? Потому что каждое Безлюдное Пространство сделалось живым. Люди ушли, а оно как бы сохранило человеческую душу...

— Да, ты говорил...

— Ну вот! Злых людей Пространство будет отталкивать!

— Сережка! А нас-то почему башни не пускают в проход между собой? Ведь от тебя и от меня

— никакого зла...

— Дело не в нас. Просто главный вход заперт для всех. Чтобы люди там раньше срока не разгадали тайны.

— Какие?

— Кабы знать...

Мне отчаянно захотелось опять туда, на заброшенную заводскую территорию — с ее дремлющими нераскрытыми тайнами.

И как раз мама заглянула в комнату.

— Милостивые государи! Я не буду возражать, если вы отправитесь на прогулку. Сейчас придет Надежда Михайловна, и мы займемся генеральной уборкой.

— Мы можем помочь! — героически предложил Сережка (вот уж усердие не по разуму!).

— Конечно, можете! Самая лучшая помощь, если вы исчезнете из дома до обеда и не будете путаться под ногами.

Сначала мы отправились к Сойке — я взял для нее «Остров погибших кораблей» (она ведь любит про море).

На крыльце бревенчатого, осевшего в землю Сойкино-го дома стояла седая старуха в засаленном бархатном халате. Она была похожа на актрису-пенсионерку, которая на старости лет

приохотилась к выпивке. Сразу ясно — Сой-кина бабушка.

Сережка бесстрашно сказал:

— Здрасте! Сойка дома?

Старуха глянула на нас с горделивой скорбью.

— Да, молодые люди, да! Моя девочка дома. Но общение с ней, к сожалению, невозможно. Врач признал у нее корь. Моя кормилица схватила инфекцию, когда пыталась добыть для меня кусок насущного хлеба... А теперь нам не на что даже купить лекарство...

Она явно врала. Но Сережка деловито сказал:

— Давайте рецепт.

Мы лихо смотались в аптеку. У Сережки и у меня нашлись кое-какие деньги, на таблетки и порошки хватило. Мало того, мы у лотошницы на углу Сварщиков и Паровозной купили желтый банан. И отдали его Сойкиной бабке вместе с книгой и лекарствами.

Отставная театральная контролерша благодарила нас величественная, как народная артистка. Мы обещали заглянуть завтра и наконец отправились туда, куда так стремилась моя душа...

По правде говоря, я был даже доволен, что Сойки нет с нами. Жаль, конечно, что она заболела, но... зато никто не помешает нам с Сережкой

быть вдвоем и говорить о самом главном — о тайнах Безлюдных Пространств и о полетах в заоблачных мирах.

Чтобы успокоить совесть, я сказал:

— Корь — это ведь не очень опасно. Только красная сыпь появляется, и надо, чтобы в комнате не было много света. Я болел, знаю...

Сережка промолчал. Он, кажется, читал все мои мысли.

Мы прошли на заброшенную территорию в обход башен и опять оказались в стране уснувших механизмов, замерших локомотивов, пустых цехов и ржавых эстакад. Опять — звенящая тишина, бабочки, чертополох и розовый кипрей выше головы.

Мы находили удивительные вещи.

В каменной будке тихо качался большущий — от пола до потолка — маятник с чугунным, изъеденным оспинами диском. Качался сам собой, без всякого механизма и гирь.

— Не трогай, — прошептал Сережка, когда я хотел коснуться толстого стержня. Я отдернул руку.

Потом мы увидели бетонную трубу — с метр в поперечнике и метров пять длиной. Труба наклонно лежала на подпорках с поржавевшими

роликами и была похожа на громадный, нацеленный в небо телескоп. Мы заглянули в трубу снизу... и разом ойкнули. Небо, которое виднелось в трубе, было темно-синим и звездным! Среди звезд неспешно проплыл светящийся диск. Летающая тарелка?

Мы говорили вполголоса, и ощущение, что всюду с нами ходит кто-то третий — молчаливый хозяин, — не оставляло нас...

В просторных цехах с пробитыми крышами и сводчатых ангарах чуткое эхо повторяло наш самый тихий шепот. А рупор-динамик на решетчатой мачте сварливо сказал:

— Московское время четырнадцать часов. Передаем последние известия... Обедать не пора, а?

Мы даже присели.

По знакомому телефону в кирпичной будке я позвонил маме, что мы гуляем по окрестным переулкам, немного увлеклись и поэтому опоздаем к обеду. Мама не рассердилась.

Мы выбрались на просторную, в белых зонтичных цветах лужайку, Сережка закатил меня с креслом в тень пробитой цистерны, а сам сел напротив — на вросшее в землю вагонное колесо.

И тогда я сказал то, что раньше никак не решался. Потому что, если Сережка откажется, значит,

никаких Туманных лугов, и Заоблачного города, и Старика — ничего нет. Сломанная палочка — разве доказательство?

— Ты можешь прямо сейчас... вот здесь... превратиться в самолет?

Сережка ответил совсем обыкновенно:

— Превратиться-то — пожалуйста. Только взлететь нельзя, мало места. Да и опасно — увидят...

— Не взлетай, просто превратись! Хоть на секунду!

Он вскочил, отбежал... И появился над соцветиями-зонтиками бело-голубой самолет с блестящим лобовым стеклом, с надписью «Ь-5» и белой морской звездой на борту. И с такой же звездой на стабилизаторе — голубой в

белом круге. И все это — в один миг, бесшумно, только воздух качнулся, пригнул траву.

А потом — опять настоящий Сережка. Бежит ко мне, смеется:

— Ну как?

— Чудо!.. Сережка, но если это были не сны... Тогда, в те ночи... то...

— Что?

— Значит, когда мы летали, меня в постели не было?

— Не было.

— А если бы мама вошла ночью в комнату?

Сережка сдвинул бейсбольную кепку на лоб, заскреб затылок.

— Вообще-то я кой-какие меры принял. Чтоб она спала покрепче. Сказал одно заклинание, которое в школе у Старика выучил...

— Какое там заклинание, если мама почует, что со мной что-то не так!

— Да-а... Это я дал маху. Вот бестолочь...

— Ну, ничего, — утешил я Сережку. — Мама скоро уедет. А тетя Надя по ночам спит как убитая...

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Мама перед отъездом оставила мне тысячу наставлений, велела неукоснительно выполнять режим дня и беспрекословно («Слышишь? Бес-пре-ко-словно!») слушаться Надежду Михайловну. И обещала звонить каждый вечер. Евгений Львович на такси увез маму на вокзал. А мы с тетей Надей остались вдвоем.

Она была полная, добродушная. Стеснялась спорить со мной, когда я хотел сделать что-нибудь по-своему. Только качала закутанной в клетчатую косынку головой:

— Ох, Ромушка, гляди, узнает мама, попадет нам обоим...

Сережка появлялся каждый день, а иногда и оставался ночевать. До сих пор это время у меня в памяти как солнечная и лунная карусель. Днем — путешествия по окраинам, ночью — полеты...

Иногда мы забегали к Сойке. В дом к ней было нельзя, карантин. Мы передавали ей в форточку книжки и пакетики с карамелью, она улыбалась, нерешительно махала ладошкой. Бабка ее, стоя на крыльце, величественно говорила:

— Какие преданные кавалеры. Шарман...

По-моему, она была немного сумасшедшая.

Гуляли мы с Сережкой до пяти часов (в этот час обязательно звонила мама: тут уж будь дома как штык). Маму я уверял, что живу дисциплинированно и по распорядку. Да, гуляю с Сережкой, но в меру. Что ты, мама, никаких приключений!

А Сережка между тем за два приема научил меня плавать. За городом, на Платовском озере, был малолюдный пляж, и там Сережка затаскивал меня в прогретую жарким солнцем воду:

— Не бойся, работай руками. Ноги при плавании не обязательны, главное — не выдыхай до конца воздух...

Я тихонько вопил от восторга. И... плыл.

Несколько раз я был у Сережки дома. Видел отца и тетку. Тетка — деловитая, молчаливая, но,

по-моему, не сердитая. А отец — тоже неразговорчивый, тихий и как будто виноватый — все время возился с какой-нибудь домашней работой. Со мной ни о чем не говорил, только неловко улыбался...

По ночам улетали мы на Туманные луга или на поле, где стояли каменные идолы и чудовища. Это была древняя степь какого-то исчезнувшего народа. Самое настоящее Безлюдное Пространство. Я любил подолгу ходить среди травы и камней. Просто ходить. Это была такая радость...

А через неделю наша с Сережкой счастливая жизнь нарушилась. Ночью у тети Нади схватило живот, она промаялась до утра, а когда я поднялся, не выдержала:

— Ох, Ромушка, беда-то какая... «Скорую» надо, а то помру. Наверно, аппендицит.

Делать нечего, я набрал на телефоне ноль-три. Там, конечно, сперва: «Мальчик, не хулигань, знаем мы эти шуточки». Потом все-таки спросили наш номер, перезвонили и через час приехали. Тетя Надя еле шевелила губами:

— Ромушка, скажи маме, чтобы приезжала, а то как ты тут один-то...

Но я к тому времени был не один, уже появился Сережка. Часа через два он умело дозвонился до

больницы, узнал, что у Надежды Михайловны Соминой не аппендицит, а воспаление кишечника и что сейчас ей лучше, опасности нет, но полежать придется недели две.

— Полетел мамин отпуск, — вздохнул я.

— Ромка, а почему полетел? Разве мы одни не проживем? Я могу совсем перебраться к тебе.

Это была мысль! Но...

— Ох, а мама потом все равно узнает...

— Но это же потом! Она увидит, что все в порядке, и не рассердится. Разве что для вида...

«В самом деле, — подумал я. — Даже обрадуется, что я такой самостоятельный!»

Но самостоятельный был, конечно, не я, а Сережка. Я только и делал, что слушался его. Мы ездили на рынок и в магазин, готовили завтраки и обеды, мыли посуду, каждый день вытирали пыль в комнатах. И успевали побывать в больнице — отвезти для тети Нади передачу с фруктовым соком (остальное было запрещено). Заглядывали и к Сойке.

Сережка оказался гораздо строже тети Нади, все время находил какое-нибудь домашнее дело, и времени для приключений у нас почти не оставалось. Это днем. А к вечеру мы так выматывались, что летать уже не хотелось. Ляжем в моей ком-

нате (я — на тахте, Сережка — на раскладушке), поболтаем немного — и в сон...

Маме я голосом примерного мальчика сообщал каждый раз, что все у нас «в самом замечательном порядке, отдыхай спокойно».

— А где Надежда Михайловна?

— Ушла сдавать молочную посуду.

— Почему она обязательно уходит, когда я звоню? То в магазин, то к себе домой, то еще куда-то...

— Ну... у нее такой распорядок. Тоже режим дня.

На четвертый день мама не выдержала:

— Вот что, голубчик! Ты, наверно, что-то натворил, и Надежда Михайловна уходит нарочно, чтобы не выдавать тебя. Я ее знаю: и врать не хочет, и тебя жалеет.

— Да ничего я не натворил! Честное слово!

— Попроси ее завтра в пять часов бьгть дома обязательно.

Вот и все! Куда денешься? Можно протянуть еще сутки, но это будет сплошная маета, ожидание маминого негодования.

— Что ты там сопишь в трубку? А?.. Ро-ман...

— Мам... я уж лучше сразу признаюсь....

И признался.

Ох что было! И какой я бессовестный обманщик, и от интерната мне теперь не отвертеться никаким способом, и не будет мне прощения до конца жизни, и...

— Ну, мама! Ну, я же хотел, чтобы ты отдыхала спокойно!

— Я совершенно спокойна! Потому что сию минуту иду на станцию и утром буду дома!

— Господи, да зачем? Мы с Сережкой тут управляемся совершенно отлично! И еду готовим, и деньги экономим, и...

— Передай своему Сережке, что вздрючка вам будет одинаковая! По первому разряду!

Я передал тут же: Сережка стоял рядом.

— Подумаешь, — вздохнул он. — Мамина вздрючка не страшная...

Он словно забыл, что мама-то не его. Или не забыл, но все равно... Вспомнил, как был когда-то Лопушком?

— Мама, не надо приезжать!.. Ну, позвони тете Эле, пусть она с Ванюшкой у нас поживет!

— Тетя Эля на даче! У нее-то есть полная возможность отдыхать по-человечески!

Мама велела нам запереться, никому не открывать, не высовываться из квартиры и ждать ее возвращения. «И уж тогда я поговорю с тобой как

полагается!» Запищали короткие гудки.

— Вот так... — Я поник, будто приговоренный преступник.

— Обойдется, — отозвался Сережка. Не очень, правда, уверенно. — Я вызову огонь на себя...

— У мамы хватит огня на двоих.

— Лишь бы не сказала, чтобы я больше здесь не появлялся...

— За что?! — взвился я. — За то, что ты со мной нянчился?!

Он ответил еле слышно:

— Не нянчился, а дружил.

— Если она что-нибудь... я тогда... куда-нибудь... Вместе с тобой! В самое дальнее пространство, навсегда!

— От мамы-то? — грустно усмехнулся Сережка.

Мы с полчаса сидели молчаливые и подавленные. И вдруг опять затрезвонил телефон.

— Здравствуйте, Рома! Это вас беспокоит Евгений Львович. Мне только что звонила ваша мама и обрисовала, так сказать, ситуацию... Она в большом расстройстве...

— Ну и зря, — буркнул я.

— Совершенно с вами согласен! Понимаю, что вы вполне могли бы вести самостоятельный образ жизни. Но мы должны учитывать свойства

женского характера. Поэтому возник такой вариант: что, если мне поквартировать у вас, пока Ирина Григорьевна отдыхает? Разумеется, если вы не возражаете...

Конечно, я не возражал! Вариант был не самый приятный, но все же лучше, чем завтрашнее возвращение мамы.

И Сережа вроде бы обрадовался:

— Вот и ладно. А то тетя Настя уже ворчит, что я от дома отбился.

— Но приходить-то будешь? — всполошился я.

— Каждый день!

Евгений Львович перебрался к нам в тот же вечер. С «командировочным» чемоданчиком: Вел себя очень скромно. Опять сказал, что верит в мою самостоятельность, но мужчины должны уступать женщинам в их слабостях. Заявил, что ни в коем случае не ляжет на мамину кровать, будет спать на раскладушке.

— Я ведь, Рома, человек неприхотливый...

Сережка торопливо попрощался и убежал.

А я в тот же вечер убедился, какой замечательный человек Евгений Львович.

Раньше я относился к нему прохладно. Поведение его казалось мне наигранным. А теперь я понял: просто у него такое воспитание, такие ма-

неры. И, что ни говорите, а он спас меня сегодня.

Перед ужином он сходил на вечерний рынок, принес помидоры и научил меня делать с ними вкуснейшую яичницу. «По-испански!» Потом заварил очень душистый чай. «Учитесь, Рома, чай — это совершенно мужское дело». А после ужина сели мы за шахматы.

Сережка в шахматах был слабоват, и я соскучился по настоящей игре. А сейчас отвел душу. Правда, не выиграл ни разу, но зато Евгений Львович показал мне два интересных дебюта...

Перед сном он зашел ко мне, присел в бабушкино кресло, мы слово за слово разговорились о всяких делах. Евгений Львович вспомнил, как был мальчишкой, как они с ребятами из просмоленного картона смастерили индейскую пирогу и потерпели на ней кораблекрушение во время грозы и ливня.

— Но все обошлось без драматических последствий, все умели плавать... Кстати, Рома, вы не пробовали учиться плаванию? Я понимаю, что... известные обстоятельства... они затрудняют дело, но тем не менее.

— А я умею! Меня Сережка научил недавно!.. Ой, вы только не проговоритесь маме...

— Ни в коем случае... А что за Сережка?

— Но вы же его видели! Сегодня!

— А! Выходит, вы хорошие приятели? А я, признаться, думал, это случайный мальчик, сосед со двора...

— Почему вы так решили?!

— Ну... по правде говоря, мне показалось...

— Что?! — насторожился я.

— Да ничего. Я, видимо, ошибся... Показалось, что у него с вами мало общего. Почудится, так сказать, недостаток интеллигентности в облике этого молодого человека....

А какой у Сережки облик? Самый для меня хороший — Сережкин!

Я сказал очень твердо:

— Евгений Львович, внешний вид тут ни при чем. Сережка — мой лучший друг. Вернее — он единственный.

— Понимаю вас, Рома. Извините... Но вы не правы в одном: Сережа, возможно, ваш лучший друг, но не единственный. Вам не следует сбрасывать со счетов меня... Спокойной ночи, Рома.

— Спокойной ночи...

Утром Сережка появился рано. Евгений Львович только еще приготовил завтрак (я бессовестно проспал).

— Ромка, привет! — И Евгению Львовичу: —

Здрасте...

— Здравствуйте, молодой человек. Позавтракаете с нами?

Сережка не отказался. Охотно умял свою порцию салата и пшенную кашу с тушенкой. Но завтрак прошел в молчании.

Потом я и Сережка отправились на озеро.

Я крутил колеса, Сережка топал рядом. И вдруг сказал:

— Как-то странно он ко мне приглядывался...

— Кто?

— Этот... Евгений Львович.

— Он тебе не нравится, да?

— Ну, почему не нравится? Не знаю... Мы же совсем не знакомы.

— По-моему, он хороший дядька.

— Тебе виднее... — Это у Сережки прозвучало примирительно. И все же я почуял: что-то здесь не то.

Но потом было озеро, брызги, горячий песок. Счастье...

А вечером, за ужином, Евгений Львович обронил:

— Гуляли с вашим другом?

— Естественно...

— Кстати... кто его родители?

— Не все ли равно? — Я малость ощетинился.

— Да нет, я без всякого умысла. Просто из любопытства...

— Мамы у него нет. А папа... он, по-моему, плотник. Ну и что?

— Абсолютно ничего, почтенная и древняя профессия, сам Иисус Христос был плотником... Только посоветуйте Сереже — чисто по-дружески — не втягивать воздух, когда он ест помидорные ломтики. Из-за этого летят брызги, и... ну, вы понимаете.

Я сказал напрямик:

— Евгений Львович! Почему вы его невзлюбили? Так сразу!

— Я? Бог с вами, Рома! Я готов согласиться, что у вашего друга масса достоинств. Но меня тревожит вот что...

— Что «вот что»?

— Мне кажется, вы слишком подчинены его влиянию. Это при вашем-то развитии! Ваш интеллект не должен быть закрепощен.

— Я нисколько не подчинен! Наоборот! Сережка — что я скажу, то и делает! Даже не знаю почему!..

— Это внешне, Рома. А по сути дела...

— И по сути! И по-всякому!.. Вы же его совсем

не знаете!

В самом деле! Знал бы он, что умеет Сережка!..

— Ну, хорошо, хорошо. Простите ради Бога! Я не коснусь больше этой темы, раз она вам неприятна.

Я промолчал: в самом деле, мол, неприятна, учтите это.

Он, однако, не учел:

— Впрочем, несмотря на внешнее отсутствие просвещенности, внутри у этого мальчика чувствуется нечто...

— Что именно?

— Трудно сказать... например, какие у него глаза! Он просвечивал меня как рентгеном.

По-моему, нормальные были у Сережки глаза. Зеленовато-серые, добрые. Меня он никогда ими не просвечивал. Я так и сказал. Евгений Львович добродушно засмеялся:

— Ну и ладно. Ваша преданность дружбе делает вам честь. И ваше доверие... Вы, кажется, дали ему ключ от квартиры?

— Вовсе нет! Почему вы решили?

— Но утром Сережа появился без звонка.

Тогда засмеялся и я:

— А у него свой ключ! Волшебный! Подходит ко всякому замку! — И это была правда.

Больше мы о Сережке не говорили и вечер провели как добрые знакомые, за шахматами. И я выиграл одну партию из четырех.

В общем, все было не так уж плохо. И мы с Сережкой жалели только, что нельзя теперь летать по ночам. Евгений Львович — не тетя Надя, спал чутко, вставал ночью по несколько раз. И Сережка говорил, что «сонное» заклинание вряд ли на него подействует.

Но случилось так, что выпала нам свободная ночь!

Как-то вечером Евгений Львович предложил:

— Рома, не могли бы вы пригласить Сережу переночевать у вас? Дело в том, что у меня нынче дежурство в институте, и оставлять вас одного... сами понимаете...

Ишь ты! Когда приспичило, забыл и о Сережкиной «неинтеллигентной» внешности, и о «влиянии» на меня.

— Хорошо, — отозвался я сухо. — Возможно, он согласится.

А в душе возликовал!

И вот, как раньше, помчались мы к школьному стадиону — нашей взлетной площадке. Все было чудесно!

Случилась одна только маленькая неприят-

ность: на полпути слетела с педальной шестерни цепь.

Сережка посадил меня в траву, перевернул велосипед и стал натягивать цепь на зубчики. Тихонько чертыхался.

А мне было хорошо. Я сидел, привалившись к штакетнику, и слушал ночных кузнечиков. За спиной у меня, через дорогу, был сквер, там громко журчал фонтан — его забыли выключить на ночь. Я завозился, чтобы оглянуться: видно ли струю над кустами? Если она высокая, то должна искриться под фонарем.

Сережка вдруг быстро сказал:

— Ромка, смотри! Двойная звезда, летучая!

— Где?

— Да вот же, правее антенны... Не видишь?.. Ну, все, улетела... два таких огонька были. Может, НЛО?

Он как-то чересчур громко и возбужденно говорил. А я пожал плечами. Подумаешь, НЛО! Мало мы разве видели всяких чудес?

— Готова цепь-то?

— Поехали, Ромка!

Полеты в эту ночь были хорошие, но от прежних ничем особенно не отличались. Поэтому не очень запомнились. Зато запомнился разговор,

когда мы уже вернулись и легли.

— Сережка! Безлюдные Пространства — они сказочные?

— Это как посмотреть... — Сережка зевнул.

— Я вот о чем! Наверно, их кто-то придумал! Вместе со сказками. На каждом — своя. Так здорово придумал, что они появились на самом деле... А потом сказка кончилась, и Пространства остались...

Сережка хмыкнул:

— А заводская территория? Там тоже, что ли, сказка была? Танки делали, чтобы людей утюжить...

Я сник. Лопнула моя теория. Сережка сказал задумчиво:

— Хотя, конечно, бывают и придуманные Пространства.

— Вот видишь!

— Да... Есть люди... выстраиватели таких Пространств.

Он так и сказал — не «строители», а «выстраиватели».

И мне почему-то неуютно сделалось. А Сережка — дальше:

— Ромка, они ведь всякие, эти люди. И придумывают всякое...

— Какое «всякое»?

— Вранье, например... Притворится человек хорошим, а сам все время врет. И вокруг него целое пространство... обманное.

— Ты... это про Евгения Львовича, что ли?

Сережка сел на скрипучей раскладушке.

— Ромка... это не мое дело, я понимаю. Но вот он женится на твоей маме...

— Ну и что?

— Если не хочешь слушать, скажи.

— Нет, говори! — Я тоже сел.

— Он женится, а потом разведется... И сразу: «Разменяваем квартиру! На две части!» Ему ваша жилплощадь нужна, вот и все!

Я даже задохнулся! Конечно, Евгений Львович и Сережка не терпят друг друга, но додуматься до такого!..

— Ты... что, из провала свалился, да? Он любит маму!

— А если любит...

— Что? Говори!

— Я не знаю, Ромка... Получается, будто я шпион и доносчик. А если не скажу — тогда будто тебя предал...

— Что случилось-то?! Не тяни резину!

— Наверно, не надо было мозги тебе пудрить с

этой двойной звездой. Надо было, чтобы ты сам увидел. А я испугался...

— Чего испугался?

— Что ты заметишь... Ромка, если человек на ночном дежурстве, почему тогда гуляет с какой-то теткой?

Я сдержал всякие вскрики и расспросы. Помолчал. Подумал.

— Ну и что?.. Сережка, может, он просто сотрудницу с кафедры домой провожал. Потому что поздно и она боится...

— Ага, провожал... — У Сережки прорезались какие-то злые, «уличные» нотки. — А на фига тогда лапать и целовать?.. А как услышал меня — сразу за угол... Может, думаешь, что я его не узнал, перепутал? Или вру?

Я понимал, что он не врет. И не знал, что сказать.

— Сережка, да ну его к черту. Давай спать.

ЗОЛОТЫЕ СЕРЕЖКИ

Мне и в самом деле стало наплевать на этого человека. На Евгения Львовича. Но я ни разу не подал вида, хватило ума. Только в шахматы с ним играл реже и разговаривал меньше. Он поглядывал виновато, но с вопросами не лез. Наверно,

думал, что я обижен за Сережку.

И жизнь шла по-прежнему. И дождались мы приезда мамы.

Вот тут, в этот день, стало мне скверно. Когда я увидел, как он ходит вокруг нее — этакий влюбленный джентльмен.

Притворяется ведь гад, что влюбленный.

Но маме ничего сказать я не мог. Не решался.

Мама сперва расцеловала меня, потом отругала, но шутя.

— А где твой сообщник? Боится нос показать? Ладно уж, не буду я его за уши драть...

— Он обещал вечером зайти...

А вечером, около шести, когда я ждал Сережку, опять появился Евгений Львович. И мама — сразу ко мне:

— Ромочка! В Доме культуры текстильщиков открылась выставка молодых художников. Поставангард. Ты не против, если мы сходим туда на часок? Вдруг что-то интересное! Тогда мы потом и с тобой! А сейчас к тебе все равно придет Сережа...

«Он-то придет, — подумал я. — А вот тебе-то никуда не надо бы ходить с этим». Но только молча кивнул.

Из своей комнаты я слышал, как о чем-то они

весело спорят. Смеются. А потом:

— Рома! Ты случайно не знаешь, где мои золотые сережки? Хочу надеть.

Я знал, конечно. С собой их мама не брала, оставила в ящике с документами.

— Там, где всегда.

— В том-то и дело, что нет. Я все обшарила...

Я на своих колесах протиснулся в мамину комнату.

— Недавно их видел, когда деньги брал... Пусти-ка... — Я сам перетряхнул все бумаги. И чувствовал, как мама и Евгений Львович смотрят мне в спину.

— Рома... — Голос у мамы стал какой-то ненастоящий. — А как ты думаешь... никто посторонний не мог их взять?

— Кто?! Тетя Надя, что ли?

— Ну уж, разумеется, не тетя Надя.

Тут мне — как горячая оплеуха, аж в ушах зазвенело. Все понял! Рывком я развернул кресло. К Евгению Львовичу.

— Вы что же! Думаете на Сережу?!

— Рома, я ничего не хочу сказать... Но есть моменты, когда выводы напрашиваются сами собой. Логика событий...

— Мама! Да Сережка даже^не смотрел никогда,

как я деньги достаю! Он даже не знает, где ключ от ящика лежит!

«Фу ты, как беспомощно! Стыдно!» «Ключ от квартиры, где деньги лежат!» Будто поганый анекдот! Такое — про Сережку!

Евгений Львович — лысоватый, но прямой, в белой рубашке — стоял у стула с висящим на спинке пиджаком. Повязывал галстук (мама его только что выгладила). Смотрел сочувственно:

— Рома, но вы же утверждали, что у вашего друга есть отмычка на все случаи жизни.

Вот он как повернул мою глупую откровенность!

— А вы... вы зато знали, где ключ от ящика! Я сам показал!

— Роман! Получишь затрещину!

— Хоть сто! Пожалуйста!.. Сережка правильно сказал: вокруг него... вот этого... пространство вранья!

— Извинись сию же минуту! — Мама побелела.

— Ира... Ирина Григорьевна, подождите. Будем объективны. Рома вправе защищать своего друга, а я... что же, здесь тоже есть логика: я действительно знал, где ключ от ящика.

— Евгений Львович! Ну хоть вы-то не ведите себя как мальчишка!

— Почему же, Ирина Григорьевна! Есть смысл общаться на равных. Что я должен делать? Вот мои карманы! — Он хлопнул по пиджаку на стуле. — Если я присвоил драгоценность, то наверняка не успел еще спрятать ее в тайнике!

Он уже издевался! Да!

— Вы Сережке просто мстите! Потому что он вас раскусил!

— Роман! Чтобы этот твой Сережка к нам больше ни ногой! Но сначала...

— Ни ногой? Тогда и я! Пожалуйста! С ним!.. А ты живи тут с этим... Думаешь, ему ты нужна? Ему жилплощадь... — Меня уже несло, как в кресле без тормозов. Как тогда по наклонной мостовой в Заоблачном городе!

Мама замахнулась, но вдруг уронила руку. Будто перебитую. А Евгений Львович покачал головой — ласково так и трагически:

— Рома, Рома... Какой вы еще глупенький мальчик...

— Да! Глупенький! Сережка тоже так считает! Иначе не заставил бы отворачиваться! Там! Ночью! Когда вы обнимались... с какой-то...

— Рома, вы бредите? Вы... Ира...

Вот тут-то и появился Сережка.

Он толкнул дверь, не постучав. Наверно, из-

далека услышал мой крик. Встал на пороге — взъерошенный, встревоженный:

— Ромка! Что с тобой?

У меня рыдания были уже у горла, но я еще держался.

— Сережка, они... вот он! Говорит, что ты взял мамины сережки...

И с этого момента все в моем сознании как-то замедлилось. Наверно, от перегрузки нервов. Только в мозгах глупо стучало: «Сережка — сережки, Сережка — сережки...»

Мама что-то неслышно говорила. Евгений Львович убедительно воздел руки... Сережка смотрел не на них, на меня. Может, и не сразу он все понял, но быстро. Сперва сморщился, будто заплакать хотел, потом закусил губу. Сощурился. И вдруг я услышал, что он спрашивает спокойно и деловито:

— Какие сережки-то? Металлические? Шарики?

— Да, золотые! — Время опять сорвалось, помчалось. А Сережка повел перед собой развернутой ладонью.

...Однажды на заброшенной территории уронил я в траву значок: булавка отстегнулась. Хороший такой значок, со старинным автомо-

билем. Подарок дяди Юры. И Сережка успокоил: «Не волнуйся, он же металлический. Сейчас... — Повел над травой рукой, нагнулся. — Вот он!» — «Ты и такое можешь!» — «Да это легко! Хоть кто сможет, если потренируется...»

...И вот он — с ладонью, направленной вперед, — шагнул к стулу. Все молчали, будто под гипнозом. Сережка запустил руку во внутренний карман пиджака. Выдернул кожаный бумажник.

— Ромка, держи! Вытряхни сам...

Я дернулся, поймал бумажник в воздухе. Мама рванулась ко мне.

Но я успел! Распахнул бумажник, тряхнул! Потому что уже знал!

Посыпались квитанции, визитные карточки, деньги. А сверху, на них — два желтых шарика с солнечными искрами...

Сережка спиной вперед отошел к двери. Тихо закрыл ее за собой...

— ...Да, Ира, да! — со стоном выкрикивал Евгений Львович. — Это глупый, ребяческий поступок! Да, я решил дискредитировать этого мальчишку в ваших глазах! Потому что не видел другого выхода! Он подавляет Ромину психику, подчиняет ее своему люмпенскому сознанию. Он... энергетический вампир, потому что вы-

сасывает из Романа... все хорошее! Его доброту, его способности!.. А Рома не безразличен, как и вы!.. Как мне было избавить вас от этого... юного Распутина?.. Господи, неужели вы думаете, что мне нужны были эти грошовые сережки?

— Не думаю, — тихо согласилась мама.

— А тот ночной случай!.. Это же... Неужели вы думаете...

— Евгений Львович, извините. Мы хотим остаться одни. Я и сын...

— Да-да, я понимаю. Я понимаю...

Когда он ушел (пятясь, в развязанном галстуке, с пиджаком под мышкой), мама очень спокойно сказал:

— Вот и все. Не бойся, больше он не придет.

Тогда-то и рванулось из меня рыдание:

— Все, да? Не придет, да?! А Сережка?! Он-то ведь тоже теперь не придет! Ты это понимаешь?!

— Рома, перестань!.. Ну, перестань же!.. Я сейчас пойду к нему и все объясню. Извинюсь...

— Да! Пожалуйста! Скорее...

САМОЛЕТИК

Мама не нашла Сережку. Ни в тот день, ни назавтра. Она встретила только его отца, и тот сообщил, что «Се-рега скорее всего укатил к бабке

в Демидово, дело обычное, он парень самостоятельный; глядишь, дня через два появится».

Но я-то понимал, что все не так просто! Не на отдых же он укатил, не ради развлечения, а от обиды!

Конечно, он понимает, что я ни при чем, но думает, что мама теперь не допустит его ко мне и на сто шагов. А «с мамой разве спорят...».

А может, он решил, что я тоже в чем-то виноват?

Конечно! Ведь я заступался за этого проходимца, за Евгения Львовича! Сережка-то сразу увидел, какой он, а я...

...Если рассуждать спокойно, то можно было бы себя утешить: все, мол, наладится, вернется Сережка, мы встретимся, объяснимся, обида сгладится...

Но я не мог быть спокойным в своем отчаянном страхе, в своей тоске. Каждый нерв, каждая жилка были у меня натянуты натуго, я ждал все время: вот-вот он появится! Не выдержит!..

Или ему все равно?

А в самом деле, на кой ему нужен инвалид, с которым столько возни? Ну, сперва было забавно, а потом... подружили, поиграли, и хватит...

«Как ты можешь думать такое про Сережку!»

— кричал я себе. Но... почему же он тогда не приходит?

Я ждал его круглые сутки. Днем дергался от каждого звонка, от любого шевеления двери. Ночью если и засыпал, то вздрагивал и садился от малейшего дуновения ветра за окном...

Мама видела, что творится со мной, и сходила к Сережке домой еще раз, через два дня. И опять его не было, не вернулся. При этом известии я не выдержал, разревелся. Лицом в подушку.

Мама села рядом. Я думал: начнет успокаивать, а она сказала сухо, отстраненно:

— Нельзя же так распускаться. Если ты мальчик, то веди себя как подобает мальчику, а не слезливой девчонке.

Но мне было наплевать. И я сказал (выдал от души), что я не мальчик, а калека и что была у меня одна радость в жизни, а теперь ничего не осталось.

— Из-за твоего Верховцева! Чтоб он подох!

— А ты в самом деле эгоист. Утонул в своих страданиях и ни разу не подумал, каково мне.

Меня тут же резануло по сердцу. Но я ощетинился:

— А тебе-то что!

— То же, что тебе. Ты потерял друга, а я люби-

мого человека. Но у тебя-то есть надежда, что друг вернется...

— А у тебя?! Да он вот-вот прибежит! «Вы не так меня поняли, я хотел как лучше...»

— Ну и что? — горько сказала мама. — Разве дело в словах?

Конечно, я эгоист. Но не такой уж законченный! Мне маму было жаль до боли. Но как ее утешить? И пока я сопел, думал, мама встала и ушла.

Я полежал, приподнялся на локтях, дотянулся до кнопки телевизора: чтобы хоть чем-то разбить тоску и тишину.

Телевизор взорвался музыкой и криком. Знакомый лохматый тип в цветастых штанах скакал по сцене и вопил:

Рома, Рома!

Ты остался дома!

Это что же? Судьба решила добить меня новым издевательством?.. Да, я остался дома! Один! И останусь один навсегда! Сережка больше не придет, это уже ясно...

Громко — гораздо громче обычного! — затренькал в прихожей дверной сигнал. Я рывком сел на тахте.

Вошла мама.

— Там к тебе какая-то девочка... Ты умылся бы, все лицо зареванное...

Но мне было наплевать!

Появилась фантастическая мысль: это та девочка, что угощала меня мороженым! Сережка оказался в Заоблачном городе, не может почему-то прийти и послал девочку ко мне!

Но вошла Сойка...

Бледная, тоненькая, сразу видно, что после болезни.

— Здравствуй, Рома. Вот... я книжку принесла. Давно уж прочитала... — Она подошла ближе. Тихая, с тревожными глазами...

Да, она заметно вытянулась. Платьице с белыми листьями стало совсем коротеньким. Волосы были теперь не заплетены, а распущены по щекам и шее. Сойка взяла себя за прядку над плечом и шепотом спросила:

— Ты почему плакал?

Мне было ни капельки не стыдно. Сойка — она словно лучик в моем беспросветном горе. Я подвинулся на тахте.

— Садись сюда...

И стал рассказывать ей все.

Ну, прорвало меня. Я говорил ей про Безлюдные Пространства, и как Сережка превращался в

самолет, и про Старика, и про Евгения Львовича... Всхлипывал и опять говорил. Сойка слушала и молчала. Понятливо так молчала и почти не шевелилась. Только белобрысый локон над плечом тихонько дергала иногда...

Я перестал говорить наконец, излил душу. И тогда испугался: Сойка может решить, что я морочу ей голову выдумками.

— Это все правда! Не хочешь — не верь....

— Я верю, Рома... — Она встала, оправила платьице и... пальцами тронула мою щеку. Видимо, с полосками слез. — Рома, ты больше не плачь. Я сейчас пойду... Я постараюсь что-нибудь узнать про Сережу. И как узнаю — сразу к тебе...

— Да, Сойка, да! Пожалуйста!..

Сойка ушла, а я лежал и думал: почему я такой дурак? Вспомнил девчонку из Заоблачного города, когда мама сказала про гостью, а о Сойке и мысли не появилось! А она... Ведь с ней, как и с Сережкой, связана сказка нынешнего лета!

Конечно, Сойка — тихая, незаметная. Но бывает, что негромкая песенка в тыщу раз лучше нарядной и шумной музыки.

Песенка...

Сказка стала сильнее слез,

И теперь ничего не страшно мне:
Где-то взмыл над водой самолет,
Где-то грохнула цепь на брашпиле...

Входит в оранжевую от заката бухту длинный, с широкой палубой теплоход. Падает в гладкую воду якорь, тянет из клюза цепь (она гремит), и с палубы круто взлетает бело-голубой (а от зари еще и золотистый) самолет «L-5»...

Я все так отчетливо представил, что даже не удивился, когда увидел этот самолет в небе над тополями!

Вот здесь я хочу рассказать о самом большом чуде в этой истории. О самом важном.

Знакомый (до замирания сердца знакомый!) «L-5» шел невысоко, и полет его казался очень медленным. Возможно, что просто время затормозилось в моем сознании.

Далеко ли было до самолета? Не знаю. Он казался мне размером с голубя. Я видел его сквозь распахнутое окно. Решетка на балконе тоже была раскрыта. Между мной и самолетом — ничего! Никакого препятствия.

Самолет лег на крыло и в момент поворота представился мне совсем неподвижным.

Я рванулся к нему всей душой! Протянул руки!

Примагнитил его к себе! Взглядом! Как когда-то, в полетах, притягивал к себе Луну, и она, сделавшись маленькой — по законам линейного зрения — оказывалась у меня в руках!

И по тем же законам (или по сказке? или по исступленному моему желанию?) летящий вдали самолет стал как игрушка, очутился у меня в ладонях...

Секунды три еще пропеллер его вертелся, потом замер.

И я замер. Только сердце ухало тяжело и с болью.

Я держал в руках модельку величиной с уличного сизаря (а может быть, с лесную птицу сойку?). Легонькую, сделанную из дюралевой фольги и тончайшей серебристой ткани. Лишь в передней части угадывалась тяжесть крошечного металлического двигателя.

Но я же знал, что это не модель! Это он! Настоящий!

Что же я наделал! Надо отпустить, пусть летит! Пусть опять станет большим и превратится в Сережку...

Но как завести мотор? И улетит ли? И если улетит — вернется ли? Вдруг это расставание — уже навсегда?

«Сережка, прости меня... Сережка, что делать?»

И в этот момент вошла мама.

— Рома! Откуда эта модель? Какая чудесная... Девочка подарила, да?

— Да... девочка... — пробормотал я. Это была почти правда.

— Дай посмотреть...

— Нет! Не надо, она такая... очень хрупкая!

— Не бойся, я осторожно... А ты можешь уронить, у тебя руки дрожат...

Я не успел заспорить, мама взяла самолет себе на ладонь.

— Удивительная работа... Ой, Рома! Такое ощущение, что он живой! Будто сердечко бьется внутри...

Конечно, он живой! Самолет Сережка!..

— Мама, тише! Поставь его... Ну, пожалуйста...

— Хорошо, хорошо... — Мама аккуратно опустила самолетик на лакированный стол. Тот, за которым я обычно рисовал и готовил уроки. Сейчас на столе было пусто, самолетик отразился в лаковом дереве, как в коричневом льду... — А ты давай-ка умойся, и будем обедать... И все постепенно наладится, верно ведь?

Мама вышла. А я не двинулся. Я смотрел на маленький «L-5».

Что же делать-то?.. А может быть, он прямо сейчас превращается в Сережку?

Но тогда Сережка будет крошечным, как оловянный солдатик!

Нет, он станет настоящим сразу! За тем он и прилетел ко мне!.. Правда, Сережка! Давай же! Превращайся! Ну!..

Самолетик шевельнулся. Тихо-тихо поехал к близкому краю стола. То ли от моего взгляда, то ли потому, что стол был чуть наклонный. Я обмер.

Самолетик катился — все быстрее, быстрее...

Я смотрел, будто замороченный. А край стола — ближе, ближе... А мотор-то не включен! И скорости нет! Самолет не успеет ни спланировать, ни взлететь, он крылом или носом — о паркет! И только кучка лучинок, лоскутиков и обрывков фольги...

До стола было метра три. Не доползти, не поймать! «Мама!» — хотел крикнуть я, а из горла только сипенье...

Край уже — вот он!

Сережка, не надо!

— Не на-адо!!

Я рванулся! Я вскочил! Ударом ноги отшвырнул с пути кресло! Я поймал самолетик в ладони уже в воздухе!..

И правда в нем сердечко: тук-тук-тук...

Испугался, малыш? Ничего, ничего, сейчас....

Первый раз в жизни я был главнее Сережки. Решительней...

Я поставил самолетик на стол. Сказал строго:

— Включай мотор.

Винт шевельнулся — раз, второй. И с шуршаньем растаял в воздухе. Самолетик задрожал.

— Молодец. А теперь — старт. И сразу в окно! Понял? Внимание... взлет!

Самолетик задрожал сильнее. Двинулся. Поехал, помчался!

Взмыл над кромкой стола, в секунду миновал окно и балкон. И стал удаляться, делаясь все больше и больше. Пока не сделался в небе настоящим самолетом!

Он промчался невысоко над сараями и тополями. Качнул крыльями. Мне качнул!

Я засмеялся вперемешку со слезами. Что бы там ни случилось, а Сережка по-прежнему мой друг. Я выскочил на балкон, замахал самолету, перегнулся через перила. И махал, пока Сережка-самолет не растаял в голубизне...

Тогда я за спиной услышал хриплый вскрик. Мама стояла у дверного косяка и держалась за горло.

— Что с тобой? — Я кинулся в комнату с балкона.

— Ромочка... ты...

Что я?.. И только сейчас понял — я на ногах! На ногах дома, а не в далеких лунных краях. Я — иду!..

От неожиданности упал я на колени, но сразу опять встал.

Левое колено отчаянно болело.

Если бы вы знали, какое это счастье — живая боль в разбитой коленке...

КОНЕЦ ЛЕТА

Ну, а дальше началась сплошная медицина. Через час у нас дома была куча докторов. Это в нынешние-то времена, когда обычно «Скорой помощи» и участкового врача не дозовешься!

Главным был профессор Воробьев (настоящий профессор, в очках, с седой бородкой и вежливыми манерами). Он утверждал, что случай феноменальный.

— Да-да, бывало такое и раньше, в итоге сильнейшего стресса, но чтобы вот так сразу восстановились все функции...

С ним одни соглашались, другие почтительно спорили. Всякие научные слова сыпались. Меня

ощупывали, простукивали, заставляли двигать ногами и рассказывать, как это случилось.

— Не знаю, как... Вдруг толкнуло что-то. И я встал...

Я не говорил про самолетик.

Среди медицинских лиц (вернее, позади них) мелькало бледное перепуганно-счастливое мамино лицо.

— Коллеги, здесь необходим комплекс исследований. Ваша гипотеза, уважаемый Эдуард Афанасьевич, весьма оригинальна, но требует проверки.

— Анна Гавриловна, позаботьтесь, чтобы полный рентген...

— Коллеги, а не даст ли облучение нежелательный эффект?..

«Не даст! — смеялся я про себя. — Потому что Сережка меня не забыл! А законы Туманных лугов и Заоблачного города теперь действуют и здесь!..»

Вечером я оказался в госпитале при филиале Медицинской академии (есть у нас в городе такой, научный). В маленькой, но совершенно отдельной палате — будто генерал или депутат какой-нибудь. Это профессор Воробьев позаботился. Не ради меня самого, конечно, а чтобы удобнее было исследовать и наблюдать.

И наблюдали, исследовали, всякие анализы брали. Наконец доктор Анна Гавриловна сказала, что «ребенка совершенно замучили» и что «так и у здорового человека ноги могут отняться».

Но я не чувствовал себя замученным. Я просто не обращал на все медицинские дела внимания, словно это не со мной происходило. Я был окутан облаком счастья и ждал ночи. Потому что не сомневался нисколечко: Сережка отыщет меня, придет.

В девять вечера мне дали стакан кефира и велели «ни о чем не думать и спать». Я послушно улегся. Палата была на первом этаже, окно выходило в сад. Там сперва золотились от заката листья, потом загустели сумерки. И тогда из кустов появилась темная гибкая фигурка...

Окно не открывалось, но в нем была широкая форточка, я ее распахнул. Сережка скользнул в палату без единого шороха. Мы сели на кровать, обняли друг друга за плечи и сидели молча минут пять.

Наконец я спросил:

— Ты тогда сильно обиделся, да?

— Обиделся... А главное, испугался.

— Чего?

— Что тебе больше не разрешат дружить со

мной...

— С какой стати?!

— Тише... Мне так подумалось. Ну, и вот такая смесь... обиды и страха. Я ушел на пустырь за разбитой домной. Помнишь? И превратился в самолет. И взлетел оттуда среди бела дня... И летал, летал, пока не измучился. А потом чувствую — обратно превратиться не могу. Будто закостенел от всего от этого...

Ну, какая же я скотина! Горевал, терзался — и все из-за себя! Из-за того, что Сережка покинул меня\ И даже в голову не пришло, что с ним, с Сережей, может случиться беда!

— Ты меня прости... — выдавил я.

— За что?! Ведь это ты меня спас! Взял в руки и будто согрел! Я оттаял. Вылетел из окна, и почти сразу... Потом прибежал к тебе, а у тебя там... целый медицинский симпозиум...

— Сережка... Не я тебя, а ты меня спас. Когда я рванулся, чтобы тебя подхватить...

Он посопел, повозился рядом со мной.

— Когда-нибудь все равно это должно было случиться...

— Почему?

— Это была главная цель.

— Какая цель? — почему-то испугался я. —

Чья?

Он молчал.

— Сережка! — Меня наконец осенило. И тряхнуло нервным ознобом: — А ты... ведь нарочно поехал по столу! Чтобы я бросился на помощь! Да?

Он тихонько дышал рядом.

— Да?! — повторил я.

— Да...

— А если бы я не успел? Ты смог бы взлететь?.. Говори.

Я почувствовал, что он качнул головой: не смог бы...

— Атам... когда штопор... ты это тоже нарочно? Орал: «Жми на педаль!»

И опять он кивнул, будто признавался в какой-то вине.

— А если бы я не нажал... ты сумел бы выйти из штопора?

Он проговорил еле слышно:

— Не... Но ты не бойся, с тобой ничего не случилось бы.

— А с тобой?! С тобой-то что было бы?

Тогда он сказал жестковато, будто отодвинулся:

— А что бывает, когда разбивается самолет...

Я впервые в жизни почувствовал злость на Сережку. Сильную. Смешанную со страхом:

— Какое ты имел право?! Так рисковать!..

— А как без риска? Иначе тебя на ноги было не поставить...

Я чуть не разревелся.

— Дурак! А зачем мне ноги, если бы тебя не стало?!

— Ну-у... — Сережка опять словно отодвинулся. Сказал, будто взрослый ребенку: — Это не страшно, ты привык бы... Вспоминал бы иногда, а потом стало бы казаться, что я тебе просто приснился в детстве. По сути дела, так оно и есть...

Я хотел возмутиться, а вместо этого — новый страх:

— Почему... «так оно и есть»? Ты с ума сошел?

— Ничуть... — грустно усмехнулся в сумерках Сережка. — Ты потом поразмышляешь как следует и поймешь, что сам меня выдумал. Специально, чтобы спастись от болезни.

Я молчал. А душа моя барахталась в тоскливом страхе, как утопающий в холодной воде.

И все же я выцарапался, выбрался из этой глубины.

— Ну-ка, повернись... — И дал кулаком по Сережки-ной шее.

— Ой!.. Ты что, балда! Спятил?

— Больно? — сказал я с сумрачным удовольствием.

— А ты думал!..

— А разве придуманному бывает больно?

Сережка неловко засмеялся, потирая шею.

— Ненормальный... Я же не в этом смысле.

— А ты скажи, в каком! Я снова дам. В том самом...

— Сразу видно, выздоровел, — пробурчал он.

— Ага...

— Ну, ладно. Просто я хотел тебе сказать...

— Что?

— Понимаешь, какое дело... Теперь нам придется видеться не так часто. Все реже и реже...

— Почему?!

— Потому что... дело сделано. Ты на ногах, у тебя начнется другая жизнь. Как у всех. Школа, новые друзья... Станешь учиться на художника...

— С чего ты взял?

— Знаю... Я же видел твоих голубков. Они залетали в Безлюдные Пространства. У тебя талант живописца...

— Сережка! Но я не хочу... жизни как у всех. Не хочу без Пространств. И без тебя...

— Пространства никуда от тебя не денутся.

Они... появятся на твоих картинах. И ты сквозь картины сможешь попадать в них!

— А ты? Ты-то куда денешься?! — спросил я отчаянно.

— Да никуда. Просто... буду улетать все дальше. И возвращаться реже.

— Я понимаю... — это вырвалось у меня с новой тоской. С беспомощной. — Конечно... Я эгоист, нытик, маменькин сынок. Зачем тебе такой друг... Ты не мог меня бросить, пока я был инвалид. А теперь... совесть у тебя будет чистая.

Он опять вздохнул по-взрослому:

— Глупенький. Разве в этом дело...

— А в чем? В чем?!

— Тише... Просто жизнь идет по своим законам. И в Безлюдных Пространствах, и на обычной земле.

— На кой черт мне такие законы!.. Тогда я не хочу... быть с ногами. Хочу... обратно! Лишь бы вместе: я и ты!

Я тут же замер: вдруг и правда ноги онемеют снова? Но они оставались живыми.

Но если бы и онемели... то... Я сквозь зубы повторил:

— Пусть все будет, как раньше. Не хочу, чтобы мы с тобой «все реже и реже...».

Очень тихо и поспешно, как бы соглашаясь с капризным малышом, Сережка проговорил:

— Хорошо, хорошо, будем как раньше. А с ногами твоими ничего не случится.

— Ты... это правда?

— Правда, правда... — Он погладил меня по плечу.

— Не уйдешь насовсем?

— Не уйду, не бойся... Думаешь, мне самому хочется?

— А тогда зачем ты...

Он не ответил и змейкой скользнул под кровать. А оттуда:

— Ложись...

Я услыхал за дверью шаги. Дежурная медсестра шла проверять: в порядке ли «необычный» больной? Я юркнул под одеяло, задышал, как спящий. Она постояла на пороге, притворила дверь.

Сережка выбрался. И теперь это был прежний Сережка.

— Давай смотаемся на то поле, где идолы? Там появились лунные привидения рыцарей, устраивают турниры! Прямо театр!

— Давай... ой, а если сестра заглянет опять?

— Да она теперь улеглась на своем дежурном диванчике до утра... Ну, а если увидят, что тебя

нет, скажешь потом: удирал погулять в ночном саду. Для успокоения нервов...

С той поры так и повелось. Днем — процедуры, консилиумы, ощупывания, прививки, а ночью — полеты с Сережкой.

Он больше не заводил разговора о расставании, и скоро я почти забыл о той ночной беседе. Потому что столько было всяких приключений! Мы открывали новые лунные страны, где трава, камни и вершины холмов искрились фосфоричной пылью и отливали перламутром. Лазали по развалинам крепостей. Видели тени рыцарей, которые сшибались в бесшумных поединках. Наблюдали (правда, издалека) за настоящими кентаврами. Купались в теплом ночном озере, где жили большие белые цапли... несколько раз добирались и до Заоблачного города. Теперь-то Сережке не нужно было нести меня, я сам бодро шагал по пружинистым доскам.

Один раз в Городе был карнавал — с фейерверками, оркестрами, каруселями и громадными воздушными шарами. Шары эти, освещенные прожекторами, висели в небе, словно разноцветные планеты. Сережка раздобыл где-то два маскарадных пестрых балахона, и мы веселились в костюмированной толпе. А потом балахоны

нам надоели, и мы оставили их на той скамейке, где я сидел при первом появлении в Городе.

Мимо нас пробежала стайка мальчишек и девчонок. И вдруг одна девочка — в черном платье со звездами и в черной полумаске — остановилась:

— Ой! Здравствуйте, мальчик! Значит, вы поправились? Как замечательно...

— Да... спасибо. Это ваше эскимо помогло!

Она засмеялась и убежала.

— Сережка... А почему мы никогда не берем с собой Сойку?

И опять мне подумалось, какая же я скотина.

— Ничего, Ромка, успеется. У тебя еще будет время.

Это меня царапнуло: почему «у тебя», а не «у нас»? Но тут меня и Сережку закружила толпа с фонариками, и тревожные мысли позабылись.

...А с Сойкой мы, конечно, виделись. Она часто приходила ко мне в госпиталь. Она подружилась с моей мамой, и они иногда появлялись вместе. Мама была веселая, много рассуждала, какая теперь начнется у меня замечательная жизнь, как я буду учиться в нормальной школе, как начну заниматься спортом, если разрешат врачи («А профессор говорит, что разрешат!»).

Сойка разговаривала мало. Сидела рядом, под-

совывала мне то яблоко, то банан и смотрела молча. Но так по-хорошему...

Сережка днем появлялся редко: то ему картошку надо было окучивать, то следить, чтобы отец не «загулял» с приятелями после получки. То тетушке помогать во всяких делах... Но мы не огорчались. Нам хватало ночных путешествий.

Однажды профессор Воробьев разоблачил меня.

— Сударь мой! А откуда у вас на ногах столь восхитительные свежие царапины и почему к ним прилипли травинки?

Пришлось «признаться», что по ночам выбираюсь в сад.

— Я там играю в индейцев. Сам с собой.

— Ве-лико-лепно! Коллеги! Это говорит, что держать пациента в нашем заведении дальше не имеет смысла! Не правда ли?

Была уже середина августа.

Наша квартира показалась мне такой солнечной, такой просторной! Может, потому, что исчезло громоздкое кресло на колесах, которое раньше всегда было перед глазами...

— Рома, смотри, я купила тебе костюм для школы. Примерь...

Я примерил... Здорово! Это был мой первый на-

стоящий костюм. Раньше-то я в холодное время носил или спортивные штаны и фуфайки, или пижаму... Теперь я вроде бы как первоклассник! Первый раз в настоящую школу! Как там будет? Наверно, чудесно!..

Как там было на самом деле — это особый разговор. А в те дни я жил с ощущением праздника: все в новинку, все радует!

Лишь одного я побаивался: вдруг мама спросит, куда девался самолетик. Что я скажу? Как объясню?

Но мама про самолетик — ни словечка. То ли забыла о нем, то ли понимала, что не надо пока этого касаться.

К тому же была у нее своя забота. Немалая.

— Рома... Вот краски, заграничные. Смотри, какой великолепный набор. Только...

— Что?

— Не знаю, как ты отнесешься. Их просил передать тебе Евгений Львович... Он очень сожалеет обо всем случившемся и признает, что вел себя глупо, по-ребячьи... Вся эта нелепая история с сережками...

Я вмиг набычился:

— Разве только в сережках дело?

— Я понимаю... Но то свидание ночью... Он го-

ворит, что это была «дикая случайность»...

— И ты веришь!

— И я верю, — беспомощно сказала мама.

И мне даже глаза обожгло от жалости к ней.

— Ма-а... ну, чего ты? Ну, в конце-то концов он же твой... друг, а не мой. Ты и решай.

— А ты... не будешь смотреть на него волком?

Я переспросил себя.

— Волком не буду... раз ты его простила.

Мама сказала одними губами:

— Если любишь, как не простить...

Я молчал. Что тут скажешь-то?

— Рома, а краски? Ты возьмешь?

— Ладно уж. Ради тебя... Только знаешь что?

— Что, Ромик?

— С Сережкой ему лучше все-таки пока не встречаться.

Сережка теперь часто приходил к нам домой. Днем. По ночам стали мы летать гораздо реже. Видимо, утомились, хотя и не признавались в этом друг другу. Зато мы в эти дни уходили на любимые места: на заброшенную заводскую территорию, в переулки неподалеку от Потаповского рынка и на берег заболоченного Мельничного пруда.

Иногда одни, иногда с Сойкой.

Сойкина бабушка получила добавку к пенсии и расщедрилась: купила внучке костюм «чунга-чанга». Майка и штаны — все в картинках с пальмами, обезьянами, туземными лодками и крокодилами. Сойка зачем-то коротко остригла волосы (сама!) и теперь была похожа на белобрысого тощего пацана. В платьице с рисунком из листьев и с длинными волосами она мне нравилась гораздо больше, но я ничего не сказал.

Сойка полюбила бродить с нами по заводским пустырям. К концу лета сорняки разрослись там, как лес. Даже лебеда вымахала по пояс. У нее были крупные листья с серебристой изнанкой. Эта изнанка оставляла на загорелых ногах алюминиевую пыльцу. А с лицевой стороны листья лебеды начинали краснеть.

Сойка сказала однажды:

— Смотрите, лебединые листья уже, как осенью.

Во мне будто отдалось: «Лебединые листья... лебединая песня лета...» Но пока было еще очень тепло. Август стоял тихий, безоблачный. Покой лежал на Безлюдных Пространствах. Они чего-то терпеливо ждали, но знали: это случится не скоро.

— Мама и папа обещали осенью забрать меня

к себе, — шепотом сообщила Сойка. — А теперь пишут, что денег нет на билеты...

Я подумал, что это, может быть, и хорошо. Грустно было бы расставаться с Сойкой. Сережка тут же глянул на меня. В его глазах читалось: «Тебе-то грустно, а ей здесь каково? Ты подумал?»

Ох, я по-прежнему был эгоист.

...Однажды мы оказались на заводской территории без Сойки, вдвоем. Бродили, болтали обо всем понемногу.

Сережка вдруг сказал:

— Видишь, я был прав.

— Ты о чем это?

— Когда говорил, что будем встречаться реже...

— Неправда!

— Но ведь так получается. Ночью уже почти не летаем...

— Мы будем! Опять!

— Но уже не так часто. И мы тут не виноваты. Просто нельзя все время жить одними и теми же радостями.

Так по-взрослому у него получилось: «одними и теми же радостями».

И снова пришла ко мне тоска. Как тогда, в больнице. Но уже не такая беспомощная.

— Если тебе надоело... если хочешь уйти, так

и скажи.

— Да не хочу я. Но понимаешь, появляются другие дела. Может, еще кого-то надо будет спасать. И мне, и тебе. Не только друг друга...

«Не вертись, не придумывай, — хотел ответить я. — Осточертел я тебе, вот и все...» Но только выдавил:

— Из меня-то... Какой спасатель?

— У тебя тоже есть цель. Чтобы помочь...

— Кому?

— А Сойке?

— А при чем тут я? — Это вышло у меня совсем похоронно. — Ты умеешь спасать и помогать в тыщу раз лучше.

— Но она-то... она для себя придумывала не меня, а тебя.

Как ни грустно мне было, но я все же попытался дотянуться — чтобы кулаком по шее. Сережка засмеялся. Отскочил.

— Врешь ты все, — уныло сказал я. — Без тебя ничего хорошего не будет. Ни у меня, ни у Сойки, ни вообще...

— Почему?

— Потому что... — Я хотел взорваться, крикнуть: «Потому что без тебя не смогу, сдохну от горя! Потому что лишь при тебе я способен на что-то

хорошее!» Но осекся. Не решился.

Пробормотал, глядя на свои измочаленные кроссовки:

— Потому что ты — самолет...

— Подумаешь! Ты тоже будешь самолетом!

Он шел впереди, говорил, не оглядываясь. А теперь обернулся. Я замер. Он тоже. Затем шагнул ко мне, положил на плечи ладони. Он не улыбался, но глаза его были удивительно ласковые. Наверно, такие бывают у любимых братьев (хотя я не знаю точно, ведь я рос один).

— Ромка, пора. Это нетрудно, если захочешь. Я научу...

ПРЫЖОК

Оказалось, что это и правда нетрудно...

Ну, наверно, такое может получиться не у каждого. Поэтому, если у вас не выйдет, не обижайтесь. Тут необходимо, чтобы у человека был уже опыт полетов над Безлюдными Пространствами. А главное — чтобы рядом был друг, который еще раньше научился превращаться в самолет...

Все произошло быстро. Потому что я сразу поверил, смогу! Я зажмурился, раскинул руки и... стал самолетом.

Я увидел себя сразу всего. Как бы изнутри и со

стороны — одновременно. Видел и чувствовал каждый винтик мотора, каждую заклепку обшивки. Я сделался таким самолетом, на каком летал в своих прежних снах. Маленький биплан — с двумя парами крыльев (верхние — сплошная плоскость, которая проходит над кабиной), с тугими черными колесами, с легким хвостовым оперением и с лобовым стеклом, похожим на половину прозрачного пузыря.

Лебеда щекотала мои накачанные шины, теплый ветерок скользил по крыльям, а мягкое августовское солнце грело красно-желтую обшивку. Да, я был покрыт лимонной и алой краской. А на лопасти руля — белый круг и в нем голубая морская звезда. А на борту — буква и цифра: «L-5». Как раньше! И как у Сережки!

Сережка был уже в кабине. Трогал ручку управления, осторожно давил кроссовками на педали.

Я шевельнул элеронами и рулем, напряг стартер — сейчас крутану пропеллер. Сказал через динамик:

— Сережка, я хочу взлететь. Тут хватит места для разгона!

— Потерпи. Днем опасно, по себе знаю. Всякие службы наблюдения, ПВО... Прежде, чем уйдешь в Пространства, шум подымут.

И я скрутил в себе нетерпение.

Вечером я отпросился в гости к Сережке — с ночевкой. У него была в сарае летняя комнатка, похожая на каюту. Для независимой жизни. Мама повздыхала и отпустила. Она боялась за меня, но понимала: мне пора делаться самостоятельным.

— Надеюсь, вы не будете выкидывать там никаких фокусов...

Знала бы она...

Мы давно уже не взлетали со школьного стадиона. Ведь я теперь «на своих двоих» легко мог добраться до Мельничного болота, а там взлетная площадка не в пример лучше.

Около десяти вечера мы оказались на песке. Вечер был черный и звездный, без луны. Мохнатые и невидимые, будто сгустки темноты, чуки разожгли костры. Славные они были, эти чуки, — добродушные, всегда готовые помочь. Меня они уже не стеснялись, ласково терлись о ноги косматыми головами.

Огни разгорелись, и я опять стал самолетом. Задрожал от нетерпения.

— Сережка, садись в кабину!

— Ладно! Только я на один полет, для страховки!

Я пустил ток — от аккумулятора к стартеру. Тот

качнул мой двухлопастный винт. Радостно дрогнули цилиндры от горячего толчка вспыхнувшей бензиновой смеси. И еще, еще... И вот — азартная дрожь ожившего мотора, и похожее на счастье тепло... А вдоль всего тела — струи воздуха от стремительного винта.

Пропеллер неудержимо потянул меня — легонького, крылатого: скорей, скорей, вперед! И страшно, и не удержишься. Да и нельзя удерживаться — ты же самолет!

Плоские песочные кочки поддавали резину колес, шасси тряслось. Даже больно немного. Ой... Но тут воздух под плоскостями стал удивительно плотным, почти твердым, а сверху словно растаял, превратился в пустоту. И эта пустота потянула крылья вверх. Я шевельнул закрылками... И колеса перестали чувствовать песок. Они еще вертелись, но по инерции, в воздухе. И воздух этот обдувал их тугой прохладой. Так обдувает он босые ступни, когда мчишься на стремительной карусели (я один раз пробовал, и у меня слетели кроссовки). Но карусель — это на одном уровне и по кругу. А здесь — вперед и в высоту!

...И вообще это очень трудно — сравнивать ощущения человека и самолета. Мало похожего. А я-то теперь жил, размышлял и чувствовал

именно как самолет.

Главное отличие от человеческих ощущений — то, что воздух вокруг тебя совсем другой. Он и плотный, и стремительный. Летит навстречу, но не пытается тебя смять, а послушно обтекает, срывается с элеронов и руля свистящим потоком, ровно давит снизу на крылья....

А еще — живая сила мотора и восторженная быстрота винта. Это он, пропеллер, увлекает тебя с небывалой скоростью сквозь воздушную толщу. А если ты рискнул на несколько секунд выключить мотор — сразу замирание, как при остановившемся сердце. И жуть падения. Но и в этом есть своя радость. Радость испытания и риска,- словно бежишь над пропастью...

Сережка не мешал мне. Сидел тихо, не брался за ручку управления, только при самых лихих виражах говорил шепотом:

— Хорошо... Молодец, Ромка...

Мы пробили слой темноты и ушли в пространство над

Туманными лугами — здесь, как всегда, светила круглая луна. Я долго кружил среди облачных столбов, а иногда пролетал сквозь них, и по крыльям ударяли сгустки пара...

Затем я сам, без Сережкиной подсказки, сел

среди костров. Сережка выскочил из кабины и тоже стал самолетом. Мы взмыли вдвоем — он впереди, я следом. Потом полетели рядом. И этот наш полет — крыло к крылу — был длинным и счастливым...

...Несколько вечеров подряд я уходил ночевать к Сережке. Мама вздыхала, но не спорила. И, может быть... может быть, была даже рада. Я догадался об этом, когда однажды прибежал домой раньше обычного и застал у нас Евгения Львовича. Мама засуетилась, начала объяснять, что вот Евгений Львович собрался в командировку, спешит на утренний поезд и зашел так рано, чтобы взять у нее, у мамы, очень важные институтские бумаги...

Я сделал вид, что поверил. Мне, по правде говоря, было не до того. Во мне жил, не исчезая, восторг полетов, и ни о чем другом я думать не хотел.

Но как раз в тот день Сережка мне виновато сказал, что несколько ночей мне придется летать одному. Он, Сережка, должен уехать к бабке, чтобы помочь выкопать картошку.

— А разве нельзя тебе оттуда прилетать ночью?

Сережка отвел глаза.

— За день так наломаешься на грядках, что потом уже не до полета.

Он опять мне напоминал, что жизнь состоит не только из сказок и радостей.

— Давай я поеду с тобой! Тоже буду копать!

— Разве же тебе разрешат?

Это верно. Два раза в неделю я ходил в поликлинику на всякие проверки. И врачи, и мама никак не могли поверить, что я здоров окончательно.

Сережка все еще глядел в сторону, но уже с улыбкой.

— Ты вот что, покатай-ка Сойку. Ты давно ведь собирался.

Я почему-то покраснел, хотя что тут такого! Я и правда говорил не раз, что хорошо бы взять Сойку в наши полеты.

Вечером я проводил Сережку на электричку, а потом забежал к Сойке. Она мне обрадовалась, но в то же время я видел: что-то с ней не так.

— Ты чего опять такая кислая? Снова бабка угнетает?

Сойка кивнула.

— Какая муха теперь ее кусает?! — возмутился я.

— Она по телевизору одну артистку увидела. Они в детстве учились вместе. Ну и вот... «Я могла

быть такой же знаменитой, если бы не враги...» У нее всю жизнь какие-то враги... Купила бутылку ликера, а потом говорит: «Ты мое последнее проклятье в этой жизни...»

— Сойка, плюнь! Удери в двенадцать ночи из дома! Сможешь?

Она опять кивнула. Без лишних вопросов.

— Удеру. Бабка после ликера будет спать без продыха.

— Я за тобой приду. И покажу такое...

Она заулыбалась, доверчиво так...

Вечером я пошел на риск. Сделал вид, что улегся спать, а сам соорудил из одежды чучело под одеялом и слинял из комнаты через балкон. Мама уже уснула, и я надеялся, что крепко...

Сойка в старой безрукавке поверх своей «чунги-чанги» ждала меня у своего крыльца. Я взял ее за горячую ладошку и повел темными переулками. Она ни о чем не спрашивала. На песке у Мельничного болота я сказал в сумрак:

— Чуки, сделайте огоньки...

Быстро стали зажигаться маленькие костры.

А Сойка дышала у моего плеча.

— Ты не бойся, Сойка. Сейчас я отойду, и появится самолет. Сразу лезь в кабину. Только ничего там не трогай... Мы полетим. Хочешь?

— Ага... — выдохнула она. — Хочу... А эти, которые у костров... они не кусаются?

— Что ты! Они добрые... Ну, готовься!

Я отбежал на двадцать шагов и стал самолетом. Не знаю, удивлялась ли Сойка, но подошла сразу. Ловко забралась в кабину.

— Рома, а ты где?

— Я... тут, рядом. Все, что вокруг — это я и есть. Поняла?

— Да... наверно... А мы не упадем?

— Никогда в жизни! Нащупай ремни, застегни пряжки на груди... Готово?

— Да.

— Держись!..

Сойка была молодец! Даже тогда, когда я хвастался (пожалуй, чересчур) и закладывал крутые виражи, она ойкала, но ни разу не сказала «не надо». Тихонько смеялась.

Я полетал среди освещенных луной облачных столбов. Потом пролетал над Заоблачным городом. Попасть в Город можно было только пешим путем, но полюбоваться им с высоты — это пожалуйста. В Городе были светлые сумерки, в бухте отражался закат. На кораблях и улицах уже светились огоньки. Мне показалось даже, что я слышу музыку. На башнях горели разноцветные звезды.

— Как красиво, — вздохнула Сойка.

— Мы там обязательно побываем. Туда ведет дощатый тротуар...

Я сел на Туманных лугах, превратился в обычного Ромку и опять взял Сойку за руку. И мы долго гуляли по пояс в искрящемся тумане, заглядывали в провалы (тогда Сойка крепко сжимала мои пальцы).

Один раз на краю широкого провала она шепотом спросила:

— А там внизу что? Чьи огоньки?

— Не знаю. Наверно, деревня какая-то.

— А вдруг Дорожкино?

— Что?

— Ну, Дорожкино. Где мама и папа...

Вот оно как! Даже во время этой сказки она не забывала свою печаль... А может, как раз потому и вспомнила, что увидела огоньки? И сразу понял я, о чем она скажет дальше. Что ей Заоблачный город! Что ей Туманные луга!

— Рома. Ты можешь увезти меня в Дорожкино?.. Рома, ты почему молчишь?

— Подожди, Сойка. Я думаю... Это ведь не так просто.

Это было совсем непросто.

Нет, с пути я, пожалуй, не сбился бы. Надо

лететь на запад, над железной дорогой. Линию можно видеть по цепочкам светящихся вагонных окон — поезда то и дело бегут по рельсам. Но до города Самойловка, рядом с которым деревня Дорожкино, около тысячи километров! А у меня скорость — около двухсот в час, я ведь не турбовинтовой лайнер. Когда вернусь, будет ясный день. И мамина паника! И упреки, и допросы!

Но... можно и по-другому! Уйти на самую большую высоту (на сказочную!) через несколько пространств и оттуда представить землю географической картой. И взглядом приблизить к себе тот район, где лежит деревня Дорожкино.

— Сойка! А как мы там сядем в темноте-то?

— Ой... не знаю. Там бугры.

— Вот видишь...

И тогда только я узнал, какая Сойка храбрая. Внешне тихая, стеснительная, но отчаянная в душе!

— Рома... а в самолете есть парашют?

— Что ты! Откуда...

Но тут я врал. Я чувствовал, что мне вовсе не сложно превратиться в самолет, в котором приготовлен парашютный ранец. Ведь парашюты входят в комплект самолетного снаряжения.

— Сойка, ты же не умеешь...

— Я умею... немножко. Мы с мальчишками в прошлом году прыгали с сарая. С зонтиком. Главное — ноги поджать правильно...

— Глупая... Парашют — не зонтик. Надо уметь раскрывать его.

— Не надо! Парашют сам раскрывается, если прицепить веревку к самолету. Я видела в кино...

— И ты не боишься?

— Боюсь... Но я хочу к маме и папе... — И она то ли всхлипнула, то ли носом шмыгнула, стоя на коленях у края провала.

Я больше не спорил. Если бы я целый год не видел маму, я бы тоже прыгнул хоть откуда. Хоть вниз головой без парашюта...

— Ладно, отойди от этой ямы...

И опять я превратился в самолет. И правда — новенький, туго уложенный в ранец парашют оказался на сиденье.

— Сойка, сбрось его из кабины!

Она поднатужилась и сбросила тяжелый ранец прямо в туман.

— Не потеряй... — И я снова сделался мальчишкой. Надел парашют Сойке на спину (она, бедная, даже присела). Стал подгонять брезентовые широкие лямки, защелкивать пряжки. Хорошо, что Сойка в своей «чунге-чанге», а не в платье, так

удобнее...

— Смотри! Видишь, на этой веревке колечко с зажимом, карабин называется. В кабине пристегнешь его к скобке на борту, есть такая рядом с дверцей. Обязательно! Поняла?

— Поняла...

— Ох, Сойка...

— Не бойся, Рома. Я хорошо пристегну...

— Да не в этом дело, — сказал я грустно и честно. — Жалко, что расстаемся. Скучно без тебя будет.

Она вскинула глаза.

— Правда?.. Но ты же сможешь прилетать, когда захочешь.

— Ладно! Буду прилетать! — И я поскорее снова стал бипланом «Ь-5». — Сойка, ты села? Пристегнула карабин?

— Да...

— Как следует пристегнула? Проверь!

— Я проверила. Не бойся.

Господи, это она мне говорит «не бойся». А прыгать-то кому? Не мне же...

Я взлетел.

И представил громадный треугольник. Нижняя сторона его — рельсовая линия внизу. Длиною в тыщу километров. А по другой стороне треугольника я полетел круто вверх. Здесь, среди

лунных Безлюдных Пространств, я был хозяин и мог развить любую скорость. Как во сне, как в сказке. Мог сжать расстояние!

И вот нервами я ощутил, что достиг нужной точки. Глянул вниз. Там — лишь освещенная фосфорической луной облачная пелена. Однако я вообразил, что сквозь нее вижу карту — с пунктиром рельсового пути, с кружком и мелкими буквами «Самойловск». А рядом кружок поменьше — «Дорожкино». И с вершины своего треугольника стремительно пошел вниз. Сойка тихо ойкнула.

— Терпи, — сказал я с напускной сердитостью. И пробил облака.

Ночная земля раскинулась внизу — темная и косматая. Несколько огоньков мерцали там заброшенно, сиротливо. Да бежали крошечные желтые квадратики — окна вагонов.

И все же сплошного мрака в воздухе не было. Над зубчатым лесом вставала луна. Не та яркая и круглая, что над Туманными лугами, а обычная, земная. Тусклая розоватая половинка.

— Сойка, а как мы тут что-то разыщем?

— Ничего и не надо искать! — откликнулась она радостно. — Вон река блестит,, изгиб! Деревня — дальше, а наш дом у самого этого изгиба, у

берега. Он хоть и сгоревший, но все равно видно... А вон огонек, это на нашем ветряке!

В самом деле, луна высветила реку, хотя и неясно...

Увидел я и черные горбатые крыши хутора, и горевшую над ними лампочку.

— Сойка, ты готова?

— Да... Ой... Уже сейчас?

— Подожди... — Я повел самолет в сторону и вверх.

— Куда ты?

— Потому что ветер. Снесет тебя в реку.

— Я умею плавать.

— Этого еще не хватало...

Я ушел подальше от излучины и набрал высоту: чтобы для парашюта был запас. Если увижу, что не раскрылся, подхвачу Сойку на лету, как меня подхватил когда-то Сережка.

— Сойка, если зацепишься за деревья, не дергайся. Виси и ори, пока не снимут... А если сядешь нормально, мигни три раза сигнальным фонариком, он на левой лямке. Видишь кнопку?

— Вижу... Ты не бойся, я нормально...

— Ой, а что ты дома-то скажешь? Откуда взялась?

— Скажу, что знакомый летчик привез. Это

ведь правда. А бабушке дадим телеграмму. В Дорожкине есть почта...

— Сойка...

— Что, Рома?

— Ох, да ничего уже... Переваливайся через борт и пошла...

— До свиданья, Рома... — И она не задержалась ни на секунду. Я же говорил: тихая, но отчаянная.

Меня слегка подкинуло — хоть и небольшая, но потеря веса. И тут же сильно дернулась бортовая скоба. И — ничего не видать...

Я заложил вираж. За мной трепетал фал с вытяжным чехлом.

А Сойка? Господи, где она?

Но вот расползлось внизу, отрезало неясную луну круглое светло-серое пятно. Купол!

Я догнал его, стал облетать по спирали. Может, Сойка что-то кричала мне, но за шумом своего мотора услышать я не мог. Выключил на миг, но воздух все равно свистел очень сильно.

Я метался вокруг парашюта, пока не понял: деревья и крыши уже рядом. Взмыл. Пятно замерло недалеко от лампочки ветряка, потеряло круглую форму.

Села? Ну, как она там? Живая?

И наконец рядом с обмякшим куполом трижды мелькнула электрическая искра.

ДВЕ БАШНИ

Обратно я не сразу пошел по «треугольнику». Сперва долго летел над рельсами на восток. В сторону половинчатой луны. Было мне грустно и хорошо. Я знал: Сережка скажет, что я молодец. Но в то же время чувствовал: что-то кончилось в нашей сказке.

А может, ничего печального в этом нет? Улетела Сойка от сумасшедшей бабки, радоваться надо. Но большой радости не было, и почему-то неотступно звучала в голове Сойкина песня.

Это сбудется, сбудется, сбудется,
Потому что дорога не кончена.
Кто-то мчится затихшей улицей,
Кто-то бьется в дверь заколоченную...
Кто-то друга найти не сумел,
Кто-то брошен, а кто-то устал,
Но ночная дорога лежит
В теплом сумраке августа...

Разорвется замкнутый круг,

Рассеченный крылом, как мечом.
Мой братишка, мой летчик, мой друг
Свой планшет надел на плечо...
Сказка стала сильнее слез,
И теперь ничего не страшно мне:
Где-то взмыл над водой самолет,
Где-то грохнула цепь на брашпиле...

Якорь брошен в усталую глубь,
Но дорога еще не кончена:
Самолет межзвездную мглу
Рассекает крылом отточенным.
Он, быть может, напрасно спешит,
И летит он совсем не ко мне.
Только я в глубине души
Очень верю в хороший конец...

Странная песня, да? Но такую уж придумал далекий Сойкин брат. А может, и я кое-что добавил — вместо забытых строчек. Ведь я и раньше иногда пробовал писать стихи, даже поэму сочинял, когда лежал в больнице.

Наконец я ушел в высоту, к вершине пространственного треугольника. И опять сквозь облачно-лунные миры «съехал» к обычной земле

— сонной, с огоньками.

Это были огоньки нашего города. И посадочные костры я тоже различил. Пора приземляться. Но не хотелось. Словно я не все еще сделал, что должен был этой ночью.

А песня продолжала звучать во мне. Была в ней и тревога, и печаль, но было и хорошее ожидание. Потому что ведь правда дорога не кончена! Сказка не кончена!

Скоро вернется Сережка.

А еще до этого я слетаю к Сойке, узнаю, как она там...

Да, но где же я там сяду?! Если сегодня не смог, то и потом... Вот балда! Надо было условиться, чтобы Сойка нашла площадку, зажгла костры... Но ведь она говорила: «Бугры...»

А может, прямо в воздухе превратиться в мальчишку с парашютом? Хорошо, если получится. А если...

Но допустим даже, что опущусь. А как взлетать? Откуда?

«Приедет Сережка, и все решим», — сказал я себе.

Но приедет он только через несколько дней. А я... почему я сам ничего не могу решить? Почему опять жду Сережку, как няньку?..

Если уж я отправил Сойку в Дорожкино, должен и дальше в этом деле разбираться сам. А то, как глупый кот, который забрался на дерево, а слезть не умеет.

Ведь сумел же я построить в Пространстве треугольник для сокращения пути! Один, без Сережки. Наверно, можно построить и посадочную полосу у Сойкиной деревни. Может, это будет лента, как бы вырезанная из Туманных лугов. Полоса светящегося тумана, под которой надежная твердость.

Но как эту полосу перенести на землю?

Я чувствовал: есть у Безлюдных Пространств законы и правила, которые могли бы мне помочь. Нам с Сережкой иногда казалось, что мы ходим у самого краешка, за которым разгадка многих тайн. Это когда мы бродили по заброшенной территории и звенела тишина. Остановись, прислушайся к этому звону, напряги нервы — и что-то откроется, станет ясным, видимым, разрешенным. Словно распахнется во всю ширь четвертое измерение. Ведь мы и так уже знали и умели вон сколько!

Но не получалось. Отвлекало нас то одно, то другое. А может быть, дело в том, что Безлюдные Пространства чересчур оберегали свои тайны.

Ведь недаром они разрешили приходить к себе только окольным путем и не пускали через главный вход. И вдруг я понял! Разом! Что сейчас — время!

На полной скорости, на бреющем полете промчаться между башнями и оказаться там! И тогда... Я не знал, что будет тогда, но чувствовал: что-то совсем новое! Разгадка! Открытие!

И Сережка тогда навечно останется со мной, и дорога к Сойке станет короткой и легкой, и все-все в жизни будет хорошо.

Только надо решиться!

Ширина между башнями — как размах моих крыльев. Зацеплю?

Но ведь в нужный момент можно сделать крен: одна пара крыльев — в небо, другая — к земле. Тогда уж проскочу точно!

А иначе... сколько можно «биться в дверь заколоченную»?

Я сделал над ночным городом разворот.

Небо от ущербной луны просветлело, а территория Безлюдного Пространства космато чернела впереди. Я снизился, пошел над крышами. Две башни встали впереди, как два тупых клыка.

Ну, давай, Ромка! Ты ведь уже не балконный житель. Ты — Летчик и Самолет, знающий в Без-

людных Пространствах многие пути! Открывай же самый главный путь!

Башни вырастали, неслись навстречу... Крен!

Клочья тьмы мелькнули передо мной!

Я понял, что это, но поздно. Хрусткий, с резкой болью удар рванул левое нижнее крыло. Земля — как черная стена. И я в эту стену — мотором, лобовым стеклом. Лицом...

Но я не разбился насмерть.

Я долго лежал оглушенный. Потом со стоном поднялся. Встал. Я — Ромка, мальчишка.

Шатало меня, голова гудела. Левая рука висела, пальцы не сгибались, колючая боль сидела в плече. Такая, что капли сами бежали из глаз. Я поморгал, подышал сквозь зубы. Переступил в траве: работают ноги-то? Они работали... ох, а сколько топать до дому! И надо спешить, скоро рассвет, сумрак уже делается серым...

В этом сумраке я увидел, как идет ко мне кто-то худой, высокий. Шелестела трава.

Я не испугался, но весь напрягся. Не знаю почему, но сразу понял — это Старик.

Он подошел, положил на мое плечо узкую ладонь. И боль угасла. Я шевельнул пальцами. И разбитыми губами:

— Спасибо.

— Давай сядем, Рома, — сказал Старик глуховато.

Я сел на лежавшую в траве балку. Колени высунулись из продранных штанин. Новый спортивный костюм был... Ох, мама!

Старик сел рядом.

Сережка правду сказал: он похож был на пожилого дирижера или артиста. Я это разглядел даже в предрассветной мгле. И такая вот поза, когда он сидел на низкой балке, не очень ему подходила. Но Старика это не смущало, он поддернул брюки, спросил по-житейски:

— Сильно грохнулся?

— Еще бы... Я бы не зацепился, но тени черных орлов! Я вообще про них уже не помнил, а они...

— Какие тени?.. А! Вы вот как называете *это*. Ну что ж...

— А на самом деле, что это такое?

— Как вам сказать... Подвижные участки закрытого поля.

— Зачем они? — спросил я хмуро.

— Чтобы непрошеные гости не совались куда не надо.

— А кто сунулся, того башкой в землю. Да? — Я чувствовал, что начинаю ненавидеть Старика.

Но он ответил мне мирно.

— Кто же знал, что вы сунетесь сюда с размаху? Я просто не успел. Вы в чем-то и сами виноваты...

Я сник. Прошептал:

— Теперь я уже не смогу быть самолетом?

Старик вздохнул:

— Сможете. Но не сумеете взлететь. У вас повреждено крыло. Скажите спасибо, что хоть рука на месте...

— И нельзя починить? Крыло-то?

— В принципе можно. Только пришлось бы вызывать бригаду с авиазавода. А как это сделать? К тому же такой ремонт — на один раз. Когда станете мальчиком, а потом вновь самолетом, окажется, что крыло опять искорежено... Так что оставьте такую затею. Летайте уж лучше с этим... с вашим другом.

Тогда я спросил в упор:

— Почему вы не любите Сережку?

— Я? — отозвался он с грустной усмешкой. — Не люблю? Кто вам сказал?

— Но вы же прогнали его!

— Да. Чтобы уберечь...

— От чего?

— От... его торопливости. Он, сам того не понимая, позволял себе такое, чему еще не пришел

срок. И рвался туда, куда не следует... вроде вас... Он, безусловно, талант, но он ломал весь налаженный механизм. Мы пытаемся соединить в систему все Безлюдные Пространства, создать стройную теорию, построить модель, и вдруг... Представьте себе посудную лавку, а в ней...

— Вот уж неправда! Сережка — не слон!

— Я не сказал про слона. Представьте... этакого кенгуренка, который не желает умерить свою прыть и ничего не знает о ценности тончайших бокалов и фарфоровых ваз, которые стоят повсюду... Впрочем, я несправедлив. Теперь-то я знаю, что у вашего друга была цель.

— Какая?

— Поставить на ноги некоего Рому Смородкина... И этой цели он блестяще достиг... Но он пошел дальше — повел Рому за собой в неведомые миры. И тут вы оба не рассчитали...

— Он не виноват!

— Никто не виноват, Рома. Я не об этом...

Старик замолчал. Я вдруг подумал: он вежливый такой, говорит мне «вы», но ничуть не похож на Евгения Львовича. И пахнет от него не одеколоном, а трубочным табаком и... да, машинным маслом, как от дяди Юры. Может быть, Старик смазывает этим маслом громадные механизмы,

которые поворачивают Вселенную?

Я спросил осторожно:

— Скажите... Вы — Бог?

Старик помолчал удивленно. Потом засмеялся.

— Что вы, Рома! Ну какой же я Бог! Я один из многих, кому поручено разобраться в этой каше из многомерности и параллельности миров. А конкретно — с Безлюдными Пространствами. Одна из самых трудных задач — отделить их от мертвых пространств. Внешне те и другие очень похожи, они покинуты людьми. Но мертвые пространства — это те, куда нельзя вернуться. Они смертельны для людей....

— Это после взрывов реакторов? И бомб?

— Да... А Безлюдные Пространства ждут чего-то и кого-то... На первый взгляд это может быть самая безжизненная, выжженная территория, но если присмотреться — она не мертва. Есть в ней ожидание. А какое?.. Это все не- ясно, не укладывается в общее строение Мира. Безлюдные Пространства, как заметное явление, возникли неожиданно, и надо понять — зачем?

— Значит, вы тоже не смогли бы пройти между башнями?

Он опять засмеялся:

— Ну, эта задача не из трудных... Кстати, ведь и

вы пробились между ними. Хотя и не без урона.

Да! Только тут я сообразил, что я — на заброшенной территории. Все же прорвался. Но... что из того?

Так я и спросил:

— А что из того? Какой прок?

— Ну, кое-что все-таки есть. Например, на берегу реки у деревни Дорожкино протянулась теперь полоса очень твердого песка. Вполне пригодная для посадки и взлета. Вы с вашим другом вполне можете прилетать туда.

— Это хорошо, — вздохнул я. И подумал: «Но никогда я уже не взлечу на собственных крыльях».

Старик, разумеется, прочитал мою мысль.

— Это ничего, Рома. Главное, что вы не разбились.

А ДАЛЬШЕ ВСЕ БЫЛО ХОРОШО

Да, я не разбился!

Не верьте, если вам скажут, что Рома Смородкин двенадцати лет погиб в катастрофе. Чушь!

Я под утро вернулся домой, мама еще спала. Я запрятал подальше разодранные штаны и тоже лег спать.

И дальше все было хорошо. Жизнь пошла день за днем. Год за годом. Я закончил школу, потом

художественное училище, институт. Стал художником-дизайнером. Даже слегка знаменитым — после того как наша группа получила премию за оформление главного павильона Ратальского космопорта.

Я женился на девушке Софье Петушковой, которую в детстве звали Сойкой. И у нас родилась дочка Наденька — славная такая, веселая. Любительница красок и фломастеров — вся в папу. Мама моя души не чает во внучке.

Кстати, мама вышла замуж. Но не за Евгения Львовича, тот вскоре уехал из нашего города. Знаете, за кого она вышла замуж? За дядю Юру!

Дядя Юра вернулся с далекой стройки, опять поселился неподалеку, стал захаживать в гости, и вот... Не знаю, появилась ли у мамы к нему большая любовь, но поженились и живут славно...

Как видите, все со мной хорошо, вовсе я не разбился!

Случилось гораздо более страшное.

Разбился Сережка.

Он погиб в том самом году, когда мы познакомились. В детстве. В сентябре.

Тогда по южным границам там и тут гремели гражданские войны (словно людям хотелось оставить на Земле побольше Безлюдных Про-

странств). И вот Сережка надумал помочь там кому-то. Или продукты сбросить беженцам, или, может, малыша какого-то вывезти из-под огня. Не знаю, он со мной этими планами не делился. Он только насупленным, чужим каким-то делался, когда мы видели на экране «Новости» с южными репортажами.

И однажды он исчез. Дня три я не волновался: всяких дел было по горло — школа, новые знакомства. Но потом встревожился, побежал к нему домой.

Отец был «под мухой», улыбался и молчал, а тетка равнодушно сообщила, что уехал Сережка к бабушке. Не к той, что неподалеку от города, а к дальней, где-то в Краснодарском крае. Там будет, мол, ему лучше...

Уехал? Ничего не сказав? Бред какой-то! Я так изумился, что сперва и горевать не мог по-настоящему.

Нет, что-то здесь не то!

А через день услышал в «Новостях», что над побережьем сбит еще один самолет. Неизвестно чьей ракетой, и сам неизвестный. С непонятными знаками. И показали хвостовое оперение, которое упало на прибрежные камни. С голубой морской звездой на плоскости руля...

Днем я держался. В школу ходил, даже уроки иногда делал. А ночью просто заходился от слез. Старался только, чтобы мама не услышала.

Иногда казалось даже, что сердце не выдержит такой тоски.

Может быть, и пусть? Не могу, не могу я без Сережки! Не надо, чтобы делался он самолетом, не надо сказочных миров и Безлюдных Пространств. Пускай бы только приходил иногда. Живой...

И он пришел. Ну да! Однажды ночью, когда я совсем изнемог от горя, звякнула решетка на балконе. И открылась балконная дверь. И Сережка — вместе с осенним холодным воздухом шагнул в комнату. В старом обвисшем свитере, с пилотским шлемом в руке. Сердитый.

Я обомлел.

Он сел рядом, на тахту.

— Хватит уж сырость пускать... Даже разбиться нельзя по-настоящему...

— Это ты?! Ты снишься или живой?

— Вот как врежу по загривку, узнаешь, снюсь или нет...

Я прижался к нему плечом.

— Не сердись...

— Ага, «сердись»! Думаешь, это легко, когда тебя за уши вытаскивают оттуда?

— А кто тебя... за уши?

— Он еще спрашивает! Кто, как не ваша милость!

— Сережка, ты больше не уйдешь?

— Я есть хочу, — сказал он.

Я на цыпочках, чтобы мама не проснулась, пробежал на кухню. Взял там хлеб и холодные котлеты. И скорее назад: вдруг вернусь, а его нет!

Сережка по-прежнему сидел на тахте. Тощий, взъерошенный, в порванной майке. Свитер и ботинки сбросил.

Котлеты и хлеб он сжевал быстро и без всяких слов. И чем больше ел, тем добрее делался. Заулыбался наконец:

— Уф... наверно, лопну.

— Ты больше не уйдешь? — опять спросил я.

— Можно я у тебя переночую? Потому что куда мне теперь?

— Конечно!

До раскладушки было не добраться, мы легли рядом. Сережка был горячий, с колючим локтем и плечом. Живой... На плече — глубокий, едва заживший рубец. Я разглядел его прежде, чем выключил ночник.

— Сережка, а что там было? Как?..

Он сказал глуховато:

— Ромка, не надо об этом. Выволок ты меня обратно, и ладно...

— Но ты правда больше не уйдешь насовсем?

— Насовсем — не уйду...

Я зашмыгал носом от счастья.

— Но встречаться нам придется только по ночам. Все ведь думают, что меня нет.

Я был готов и на это. Но...

— А где будешь жить-то?

— Уйду в Заоблачный город, устроюсь как-нибудь...

— А мы будем летать как прежде?

— Будем... Только...

— Что? — опять вздрогнул я.

— Ты станешь расти и расти. А я теперь не смогу. Если разбиваются, после этого не растут...

— Тогда и я не буду!

Кажется, он улыбнулся в темноте.

— Нет, Ромка, у тебя не получится.

— Почему?

— Ну, ты же... не разбивался насовсем.

— Тогда я... тоже!

— Только посмей!

— Тогда... я не знаю что! Здесь я буду расти, а там всегда оставаться таким, как сейчас! Как ты!

Он сказал очень серьезно:

— Что ж, попробуй. Может, получится...

У меня получилось.

Мало того, я научился притворяться. Стал делать вид, что сплю в постели, а на самом деле убегал к Мельничному болоту, где безотказные чуки жгли посадочные костры.

И туда же приземлялся Сережка-самолет.

Вот ведь какое дело: хотя он и грохнулся очень крепко, но все же умел превращаться в крылатую машину, как и раньше. Я всего-то лишь крыло повредил, а летать после этого не мог. Сережка же — пожалуйста!

Наверно, в Заоблачном городе, где он теперь жил, сделали ему ремонт. Не разовый, а капитальный....

Кстати, Сережка помирился со Стариком. И они вместе колдовали теперь над новой моделью современных Безлюдных Пространств. Старик даже разрешил Сережке прилетать в Заоблачный город прямо в виде самолета, хотя это и нарушало какие-то правила...

Итак, я рос, делался взрослым, но по ночам, при встречах с Сережкой оставался прежним Ромкой Смородкиным. Нас обоих это вполне устраивало. И мы летали все дальше и дальше — в такие Пространства, где Гулкие барабаны Космоса гудели,

как набат.

Всяких открытий и приключений у нас было столько, что хватило бы на десять книг!

Иногда я рассказываю о наших приключениях своей дочке Надюшке. Она слушает мои рассказы с таким же интересом, как долгоиграющие пластинки со сказками про Маугли и Синдбада-Морехода.

Бывает, что Сойка слушает. И улыбается чуть загадочно. Конечно, она все помнит.

Но может быть, она думает, что сказка про полеты и ей, и мне приснилась?

Порой я и сам вздрагиваю: а вдруг ничего этого нет? И Сережки нет?

Для доказательства, что все это правда, я ночью улетаю с Сережкой в далекую-далекую степь, где всегда светит луна и причудливые камни — идолы и чудовища — чернеют среди высокой травы. Я рву там луговые цветы и с ними возвращаюсь домой.

Ромашки, клевер и розовые свечки иван-чая, появившиеся в доме февральским застывшим утром, — это разве не доказательство?

Надюшка от удивления смешно таращит глаза, а Сойка молча утыкается в цветы лицом...

Вот и все. Теперь вы сами видите, что слухи

оказались пустыми. А слезы — напрасными. «Сказка стала сильнее слез». Никто не разбился до смерти.

Никто. Честное слово...

1993 г.

ЛЕТО КОНЧИТСЯ НЕ СКОРО

I. ЗМЕЙ НАД ПЛОЩАДЬЮ ЧАСОВ
(Начало, взятое почти из конца)

Змей был сделан из тонкой оберточной бумаги и просвечен полуденным солнцем. Снизу он казался золотистым.

Дергая мочальным хвостом, змей летел над обширными бугристыми пустырями.

Бугры поросли чертополохом с мохнатыми пунцовыми шариками, сизой полынью, репейником и всякими травами, что на заброшенных местах достигают человеческого роста и украшают себя желтым и белым мелкоцветьем. А выше всех зарослей стояли в жарком воздухе розово-лиловые свечи иван-чая. Этим летом он цвел особенно густо.

Полет змея был не ровный, а с частыми рывками. Ясно, что кто-то бежал по пустырю и тащил за собой нить. Но кто именно бежит, было не разглядеть. Лишь качание верхушек выдавало его путь.

На склоне пологого бугра была в зарослях проплешина — с клевером и подорожниками. На ее краю стояли двое мальчишек. Один — кудлатый

и коренастый, с сумрачным лицом, в разноцветных шароварах и перешитой десантной тельняшке. Второй — тонкий, белобрысый, голубоглазый, с гладкими волосами и хохолком на темени. Он был в просторных шортах и такой же, защитного цвета, рубашке с распашным воротом, погончиками и шестью накладными карманами. Эта одежда в многочисленных барахольных ларьках продавалась под названием «анголка» — явное влияние недавнего знаменитого сериала «Африканские призраки». В карман можно было засунуть по три автоматных рожка. Но мальчишкины карманы были почти пусты, лишь в одном — горстка фаянсовых осколков совсем не военного назначения.

Имена двух друзей пока неизвестны. Придется одного называть Кудлатым, а другого Белобрысым, хотя, наверно, это не совсем удачный вариант.

Друзья тревожно следили за змеем. И за качанием травяных верхушек. Тихо было. Слышалось только мальчишечье дыхание да нарастающий шелест от того, кто бежал.

Белобрысый наконец сказал тонким голосом:

— Вот паразит! Ни вправо, ни влево...

— Тише... Может, еще свернет.

— Не свернет. В самую точку прет, как на радиомаяк...

Кудлатый расправил плечи и хмуро заключил:

— Значит, сам виноват.

— Может, сказать, чтобы уходил по-хорошему?

— Кто сейчас ходит по-хорошему? — умудренно возразил Кудлатый. — А если и уйдет, потом приведет шоблу...

— Если надаем ему по хребту, тоже может привести.

— Придется так надавать, чтобы не захотел.

Белобрысый обеспокоенно потрогал на макушке хохолок.

— Еще ведь неизвестно, кто кого. Какой он... Может, и не один...

— Не вздрагивай раньше срока.

— А кто вздрагивает? — И Белобрысый попрочнее расставил ноги.

Шум в бурьянной чаще нарастал.

И наконец неизвестный с разбега выскочил на лужайку.

— А ну, стой! — разом крикнули два друга. Один густым, другой звонким голосом.

И враг замер.

Это был не страшный враг.

По правде говоря, никакой не враг.

Мальчишка лет восьми, запыхавшийся и взъерошенный, в трикотажном летнем костюмчике, сплошь покрытом картинками из мультфильмов про Африку: пальмы, бананы и всякие там звери-крокодилы. Главный цвет картинок был зеленый, и будто нарочно, в тон им, крупными кляксами зеленки были заляпаны мальчишкины ноги. А волосы — светло-желтые и глаза тоже светло-желтые, как у косматого льва, отпечатанного посреди майки.

Но теперь глаза эти быстро темнели от испуга.

В кулаках мальчик сжимал метровую заостренную снизу палку. К верхнему ее концу была привязана нитка змея. Видимо, для того, чтобы тянулась повыше, не цеплялась в кустах. Мальчик был похож на маленького знаменосца, с разбега налетевшего на неожиданных врагов.

Двое смотрели на него. Он — на них.

Наконец мальчик приоткрыл рот. Голос был сипловатый — то ли от испуга, то ли от природы такой. А слова — сбивчивые:

— Я не знал... Сюда нельзя, да? Я правда не знал. Я думал, что я тут кругом один...

При этом он машинально покачивал палку с нитью, чтобы змей продолжал ощущать натяжение и не упал. Здесь, внизу, было жаркое,

пахнущее травами безветрие, но выше над буграми тянул ветерок. Поддерживал змея.

Мальчик шевелил палкой, а глаза все темнели, и вокруг него нарастал звенящий страх.

Простор и безлюдье пустырей утратили свою заманчивость и доброту. Теперь в них была только угроза. И как далеко сразу оказалось все привычное, живое: улицы, трамваи, прохожие, свой привычный двор, мама... Кругом — пустыня. И эти двое могли здесь, в пустыне, сделать с ним все, что угодно. Каждый был в полтора раза старше и в десять раз сильнее. Что они так смотрят? И молчат... Они увидели, что у мальчишки мелко задрожала нижняя губа, он торопливо прикусил ее.

— Ну вот, — угрюмо бормотнул Кудлатый, — теперь напустит в штаны...

— Перестань, — отчетливо сказал Белобрысый.

— Перестал... — Кудлатый усмехнулся и поднял голову. Золотистый змей в синеве был теперь почти неподвижен. Кудлатый спросил:

— Сам, что ли, сделал?

В этом вопросе, в его интонации маленький хозяин змея уловил что-то такое... намек на возможность избавления.

— Я? Да... Я сам. Я ведь не знал, что здесь нель-

зя... Вы только не трогайте змей, ладно? Я с ним столько возился. Второй раз уже не смогу...

Кудлатый и Белобрысый отвели от него глаза, посмотрели друг на друга. Потом — в землю. Без слов. Мальчик подождал и нерешительно нарушил молчание:

— Скажите, п-пожалуйста... — сбивчивость он старался преодолеть старательным выговариванием. — Может быть, вы знаете место, где мне можно играть и никому не мешать?..

Кудлатый засопел и колупнул башмаком траву. Тогда Белобрысый подошел к мальчику и сел перед ним на корточки, как взрослый перед потерявшимся на улице малышом.

— Никому ты не мешаешь. Чего ты испугался? Играй... — Он оглянулся на Кудлатого, потом снял со штанов и майки мальчика несколько репьев. — А если хочешь... давай играть вместе...

— Вместе пускать змей, да?! — в голосе мальчика исчезла сипловатость.

— И змей, и... в нашу игру.

Темнота быстро уходила из мальчишкиных глаз.

— А что за игра? Она... опасная, да? Нет, я не боюсь...

— Сам ты опасный, — сказал издалека Кудла-

тый. — Ломился, как укушенный носорог через джунгли. Все мог растоптать.

— Я же не знал... А что я мог растоптать?

Кудлатый подошел.

— Дай-ка палку... Ну дай, не бойся, я ее воткну. Змей не упадет, ветер-то в небе ровный... — Он грудью налег на верхний конец палки, и нижний, заостренный, вошел в почву. — Вот так. А теперь пойдем...

— Но только никому ни слова про наши дела. Понял? — предупредил Белобрысый.

— Ну конечно же, я понял! Я... самое-самое честное... А вы... для того и кричали «стой»? Чтобы я не растоптал это?

— Что же нам было кричать? — буркнул Кудлатый. — «Добро пожаловать», что ли?

Раздвигая бурьян и дикий укроп, они прошли шагов двадцать. И оказались на лужайке.

Здесь был город.

Это был город для жителей муравьиного роста.

Пестрели дома из обточенных обломков кирпича, кубиков пенопласта и разноцветных кусочков оргстекла. Подымались глиняные, с рельефными украшениями башни. Их соединяли крепостные стены из раскрашенных под кирпич дощечек. Был здесь и замок с кровлей из обрезков золоти-

стой жести, и храмы с куполами из разноцветных половинок яичной скорлупы, и цирк, увенчанный блестящей жестяной воронкой.

Были кружевные изгороди и мостики из алюминиевой проволоки, и бассейны размером с блюдце, и лестницы, украшенные по бокам статуями — шахматными коньками и пешками. Был даже памятник — конный рыцарь из набора оловянных солдатиков...

Но лучше всего была площадь перед замком — просторная, почти с квадратный метр.

Площадь вымостили разноцветными осколками фаянсовой посуды. Осколки складывались в картину-мозаику.

В левом дальнем углу площади строители выложили белый циферблат с желтыми числами и черными фигурными стрелками. К циферблату примыкала красная шестерня со спицами, к ней — цепляясь зубчиками — другая, к той — третья. И еще, еще. Этот узор из шестерней всякого размера и цвета изображал хитрый часовой механизм. В середине площади в него вписана была желтая косматая спираль — то ли пружина, то ли галактика. А в ближнем правом углу — маятник со смеющимся ликом солнца на диске. Вся часовая механика расположена была на фоне голубых

и серых облаков. У краев площади эти облака заканчивались клубящейся кромкой и оставляли место блестящему небу — темно-синему и лиловому. В нем горели желтые и белые созвездия...

Мальчик с минуту смотрел на сказочную столицу восторженно и бессловесно.

Потом спросил шепотом:

— Неужели вы все это... вдвоем?

— Ага, — сказал Кудлатый.

Белобрысый наклонился к мальчишкиному плечу.

— Хочешь с нами? Здесь еще полным-полно всякой работы.

— Чего же спрашивать. Я конечно... Только я, наверно, не умею...

— Сумеешь. Змей-то сумел сделать. Вон какой хороший...

Все трое оглянулись. Солнечный прямоугольник виден был над высокими цветами иван-чая. Он чуть подрагивал.

— Может, его опустить? — робко предложил мальчик. — Не стоит оставлять без присмотра.

Кудлатый махнул рукой:

— Давайте перенесем палку вон туда, вперед! Чтобы змей оказался над нами. Тогда если и приземлится, то прямо сюда.

— Давайте! — возликовал мальчик. И вдруг испугался: — Ой... а если...

— Что? — разом спросили два друга.

— А если его увидит кто-то... посторонний. И захочет посмотреть ближе. Он ведь придет прямо сюда! Я сперва не подумал...

— Не увидит, — снисходительно сказал Кудлатый. — Со стороны, с улиц, не видать, что летает над Буграми. Разве ты не знал?

— Я... нет... А почему не видать?

— Такое здесь место, — со строгой ноткой сказал Белобрысый.

— Да? Тогда хорошо... Ой! А если увидят те, кто бродит здесь, по Буграм?

— Здесь не бродит никто, кроме нас... и тебя, — усмехнулся Кудлатый.

— Разве?

— Да, — сказал Белобрысый. — Никто... по крайней мере, из тех, кто может навредить нашему городу... Слушай! А ты сам-то как тут оказался? Где нашел проход?

— Я... под насыпью. Там такая железная труба. Наверно, для весенних ручьев. Почти вся заросла. Я раздвинул бурьян и нашел. Пролез...

Кудлатый присвистнул.

— Вот, значит, где!

— Никому не говори про трубу, — не строго уже, а по-приятельски попросил Белобрысый.

— Никому на свете!.. Я знаете почему наткнулся на трубу? Я искал щенка... Скажите, пожалуйста, вам не встречался рыжий щенок с черным пятном на ухе? Уши лопухастые, а шерсть мохнатая...

Белобрысый и Кудлатый переглянулись. Кудлатый мигнул и приоткрыл рот. Белобрысый быстро сказал:

— Нет. Рыжий с пятном не встречался ни разу.

— Теперь уж, наверно, не найти, — вздохнул мальчик. — Пол-лета прошло... Подрос и меня, конечно, не узнает. Я думаю: хоть бы его добрые люди подобрали. Чтобы жилось хорошо...

— Наверно, так и есть, — глядя в сторону, сказал Кудлатый.

— А город ваш... никто-никто не видел, кроме вас и меня?

Белобрысый отозвался чуть виновато:

— Нам не жалко, если бы приходили и смотрели. Но ведь разорят в момент.

— Я понимаю...

Они перенесли палку на сотню метров против ветра. И змей остановился в зените, прямо над площадью Часов. Двое друзей и мальчик в «муль-

тяшной» одежонке сели на корточки у красной крепостной стены.

— Я знаете что могу? Я могу делать вот такие крошечные вертушки! Из бумаги и пленки. Их можно поставить на крышах... Можно?

— Давай, — сказал Кудлатый.

— Неплохо бы и мельницу ветряную сделать, — заметил Белобрысый.

— Это я тоже могу!

...Скоро в городе с площадью Часов шла дружная работа. Сквозь бурьян и татарник слышны были голоса. Изредка перебивал их смех. Чаще всех смеялся хозяин змея — безбоязненно и доверчиво.

Если бы он знал, как далеко по Вселенной разносится его смех! И какие космические устои он рушит...

II. В ЗАРОСЛЯХ ИВАН-ЧАЯ
1. Голубая гроза

Баба Дуся не боялась почти ничего на свете. Лишь два страха временами портили ей жизнь.

Во-первых, всю весну ее грызло опасение, что могут отобрать Шурку. Как привезли однажды, так и увезут — в далекий интернат, в город с длинным нездешним названием. Скажут: старая ты, чтобы растить и воспитывать мальчишку...

Но люди, что в марте одарили бабу Дусю внуком, к июню привезли и документы.

В первой справке говорилось, что Александр Полушкин есть ее, Евдокии Леонтьевны, вполне законный несовершеннолетний родственник. И что она, гражданка Е. Л. Смирина, полноправная Шуркина опекунша.

Другая бумага давала гражданке Смириной право получать на Шурку денежное пособие.

А третий документ предписывал директорше ближней школы принять первого сентября Александра Подушкина в седьмой класс в связи с переездом на данное место жительства.

И примет, никуда не денется. Тем более что

город с бывшим Шуркиным интернатом после недавних политических трясок оказался на территории другого суверенного государства. Там, разумеется, хватает беспризорников и без Подушкина...

Причина для беспокойства исчезла. И Шурка несколько раз подъезжал к бабе Дусе:

— Ну, теперь-то уж скажи, что за город. Чего ты боишься?

— Придет время, сам вспомнишь. А пока, чем меньше знаешь, меньше рассказывать будешь. Оно и спокойнее...

— Да кому мне рассказывать-то!

Шурку брала досада. Он морщился, напрягал память, но почти сразу начинался в ушах беспорядочный звон. Словно кто-то спускал с высоты до земли сотни металлических нитей с бубенчиками. За этой звенящей завесой пряталось многое из того, что случилось раньше. А если Шурка не отступал, начинало болеть в левой стороне груди. Словно там было чему болеть...

Шурка встряхивал головой. Звон затихал. И Шурка возвращался к нынешней нехитрой жизни...

Короче говоря, страх бабы Дуси насчет Шурки оказался не очень длинным.

Однако на смену ему подоспел, ожил другой — стародавний и неистребимый.

Июнь пришел жаркий и влажный. Чуть не каждый день накатывали грозы. А молниями и громом баба Дуся была напугана с детских лет на всю жизнь.

Едва начинало погромыхивать, она закрывала форточки, проверяла в дымоходе вьюшку и запирала на все крючки и задвижки наружную дверь (что, сами понимаете, было уже сплошной бредятиной).

Потом баба Дуся укрывалась в кухонке с наглухо зашторенным окном и звала Шурку к себе — бояться вдвоем было легче.

Но Шурка не боялся.

Когда за окном грохало, а баба Дуся крестилась и шептала «ох ты, Господи, грехи наши», Шурка пытался воззвать к ее рассудку:

— Ну при чем тут твои грехи! Это же природа! Летом всегда бывают грозы, пускай хоть все на свете сделаются безгрешные...

— Ох, да помолчи ты, окаянная сила...

А за окном опять: бух! трах!

— Господи-светы...

— И ни при чем туг Господи, это атмосферное электричество.

— Да без тебя знаю, что атмосферное! Оно и страшно. Господь-то, он милостив, а электричество это лупит куда ни попадя. На той неделе у рынка киоск молнией спалило...

— Подумаешь, киоск! Всего один. А рэкетиры этих киосков семь штук подряд сожгли на улице Красина. Да еще склад подорвали с парфюмерными товарами. На два квартала вокруг тройным одеколоном пахло. Пьяницы сбегались, неразбитые флаконы искали...

— Ох, Шурка, это ты меня заговариваешь, чтобы о страхе забыла.

— Ну да!.. Но о пьяницах — правда. Спроси дядю Степана, он тоже туда ходил... Баб-Дусь, да не бойся уже, пронесло. Слышишь, теперь совсем в отдалении гремит.

— Пронесло... Кабы последний раз это! К ночи небось опять нагонит.

Ночью было ей еще страшнее. Шурку ведь не станешь будить и к себе звать...

А он не спал. И слышал, как баба Дуся в своей комнатушке скрипит кроватью и шепчет молитву. Потом шепот стихал: баба Дуся накрывала голову подушкой.

Тогда Шурка вставал, отодвигал шторку, открывал форточку. Впускал в дом свежесть и грозовые

вспышки.

Так было и в этот раз.

Гроза собралась к полуночи. Гремело пока не очень сильно, зато взмахи голубого света то и дело распахивали небо. И открывались в нем облачные материки: выпуклые рельефы бирюзовых горных массивов, лиловые провалы и зубчатые вершины, окутанные сизым дымом. И серебристые смерчи космических размеров. Смерчи казались неподвижными. Все казалось неподвижным, как на гигантских слайдах. Потому что молнии вспыхивали на очень короткий миг. А когда одна вспышка гасла и сразу загоралась другая, картина была иной — словно в проекторе сменили кадр.

Эти синие и голубые, сизые и лиловые пейзажи были неземными. И Шурка подумал уже не первый раз: «Наверно, как на Рее. Она ведь тоже голубая...»

На ней — незнакомой, дальней, сказочной — небывалый простор аквамариновых вод, граненое стекло бирюзовых скал, хрустальные дуги мостов и блеск прохладных крутых водопадов... И солнце, похожее на люстру с тысячей сверкающих подвесок...

Полыхнуло несколько раз — без звука. Но когда

упала короткая темнота, ударил такой треск, что старый двухэтажный дом содрогнулся всеми бревнами. Теплые половицы ударили Шурку по ступням, он подпрыгнул. И услышал, как на кухне сорвался с гвоздя латунный таз — это было продолжение грома.

Шурка выскочил на кухню. Таз на полу все еще вибрировал. И отражал вспышки. В желтой латуни они были зелеными. Показалось Шурке, что от металла идет тихий равномерный звон.

Правда?!

Шурка подхватил посудину и надел на голову. Запах кислой меди ударил в нос. А в ушах — сразу тишина. И пустота бескрайних пространств. И еле слышный шепот эфирных волн — Вселенная не спит.

— Алло... — неуверенно сказал Шурка. — Гурский... Это я, Полушкин. Гурский, вы меня звали?

Пространства молчали. Зато земной голос оказался неожиданно близким и сварливым. Плачуще-сварливым.

— Тебя зачем, окаянная сила, сюда принесло?

Баба Дуся — маленькая, круглая, в серой рубахе до пят — стояла в двери и мелко крестилась при каждой вспышке. Они загорались в ее толстых очках (без этих очков она — ни шагу).

— Я это... водички попить, — растерянно соврал Шурка.

— Из таза, что ли? Никак спятил...

— Он со стены грохнулся, я и поднял...

— А на башку-то на дурную зачем надел? Не знаешь разве, что молнии по металлу поперед всего лупят?

Да, видимо, она ничего такого не подозревала...

Шурка повесил таз, подошел, щекой лег бабе Дусе на пухлое плечо.

— Ба-а, ты такая храбрая, а грозы боишься, прямо как в детсадовском возрасте... — А в это время опять: бах! И трах, бух, грох!

— Пресвятая Богородица!.. Я храбрая с тем, с кем умею справиться. А с этой небесной страстью что можно сделать-то?

— У нас же громоотвод... Пойдем спать.

Он повел бабу Дусю в ее комнатушку. Укрыл одеялом, когда легла. Поплотнее задернул на окне занавеску.

— Шур, посиди тут на краешке, а? Одна-то я совсем сомлею со страху.

— Ага, я посижу.

Он присел у бабы Дуси в ногах, щекой прислонился к завиткам на спинке старомодной кровати.

Любил ли он бабку? Трудно сказать. Но все же как-то привязался за весну. Бывало, что скучал, если надолго уходила из дома. Как-никак единственная на свете родня, хам и дальняя. Если, конечно, Шурку не обманули. Может, просто бабе Дусе заплатили как следует, чтобы признала его за внука. Им ведь ничего не стоит... Может, просто эта Евдокия Леонтьевна подошла им по всем условиям. Хотя бы потому, что оказался у бабки тот большой латунный таз: по нынешним временам вещь редкая, старинная...

Впрочем, Шурка думал об этом без грусти и тревоги, лениво. Что было, то было. И теперь — все к лучшему... В конце концов, баба Дуся его, Шурку, все равно любит как родного. Не по заказу.

Нельзя сказать, чтобы она его баловала. Бывало, иной раз и прикрикнет: «Ты будешь слушать бабку или нет? Вот скручу полотенце да этим полотенцем меж лопаток!..»

Шурка смеялся: «Не-е, баб-Дусь! Я же твой единственный любимый внук».

«Ну дак и что же, что любимый! Любимых-то ишшо больше надо держать в строгости».

Но строгости в бабе Дусе не было. Зато была крепкость характера. Потому что в жизни ей хватило всякого. В молодости побывала замужем,

но детей не завела, а муж-пьяница скоро помер. С той поры вела Евдокия Леонтьевна жизнь одинокую. Помыкалась по разным городам и поселкам. Наконец лет двадцать назад получила комнату в этом доме. Комната была просторная. Евдокия Леонтьевна своими руками поставила дощатые стенки — разделила жилплощадь на две каморки да еще ухитрилась выгородить кухоньку.

Было время, сдавала она одну комнатушку студенткам здешнего педучилища. Но потом не стала.

— Уж больно они, нонешние-то, шалопутные стали...

Жила баба Дуся не бедно. До пенсии работала мастерицей в швейном ателье. Потом стали сдавать глаза. Но и сейчас, в своих толстенных очках, баба Дуся иногда садилась за работу по просьбе знакомых и соседок.

Соседи Евдокию Леонтьевну уважали, хотя за глаза порой называли Кадусей. То ли сокращенно от «баб-ка Дуся», то ли за ее малый рост и округлость — мол, совсем будто кадушка для квашеной капусты.

Да, ростом баба Дуся не вышла — невысокому Шурке чуть выше плеча. Но Шурка все равно признавал ее авторитет и сверху вниз на «баб-Ду-

сю» не смотрел (по крайней мере, в переносном смысле). Разве что во время грозы...

Баба Дуся целыми днями хлопотала по хозяйству. Но Шурку домашними делами не перегружала. Хочешь — лежи на диване и читай, хочешь — гуляй, хочешь — телевизор смотри. Ну, а если посуду помыть да пол подмести — это разве большая работа?

Иногда по вечерам они вместе смотрели футбол. Баба Дуся болела за «Спартак», и Шурка делал вид, что он болеет за ту же команду, хотя было ему все равно. Случалось, что беседовали: бабка рассказывала о своем житье-бытье, а Шурку иногда просила:

— Ты рассказал бы чего-нибудь еще про греческих богатырей. Про Геракла там да про этих, про кентавров. Очень даже занимательно...

Шурка без особой охоты, но не упрямясь, пересказывал ей мифы Эллады. Те, которые любил читать в прежней (уже такой далекой) жизни. Он понимал, что бабу Дусю не так уж волнуют эти истории. Просто она не хотела, чтобы он молчал весь вечер. Боялась, что придут к нему тоскливые мысли.

Но она зря боялась. Шурка жил спокойно и беззаботно. Он теперь находил интерес и ма-

ленькие удовольствия в самых простых вещах. Мог, например, с увлечением наблюдать, как пухнет снежной шапкой на закипающем молоке пена. Радовался зеленым стрелкам овса, прорастающим в цветочном горшке рядом с геранью. Подолгу смотрел на облака, на воробьев, на девочек-дошкольниц, что прыгали на дворе через веревочку.

Ровесников для Шурки в двухэтажном четырехквартирном доме не нашлось. Так, мелкота всякая. Ну и ладно... А может, и это нарочно сделано, чтобы не было лишних контактов?

Гурский почти не беспокоил. За все время только два раза начинала тонко вибрировать на кухне латунь. Шурка хватал таз, опускал на голову.

— Гурский, это вы?

— Как дела, Полушкин?

— Нормально... Я что-то должен делать?

— Ничего. Пока ничего. Живи спокойно.

— Ага...

Баба Дуся один раз это заметила, удивилась:

— Ты чего бормочешь под посудиной?

— Играю так... В космонавтов.

— Ну, играй, играй...

И Шурка жил дальше. Он чувствовал себя, как пассажир на малолюдной пересадочной станции.

Прежний поезд ушел, другой придет лишь завтра (или через неделю, или через год), и делать пока абсолютно нечего. Гуляй себе по окрестностям или гляди по сторонам. Слушай, как посвистывают птицы, как голосит в отдалении деревенский петух. Смотри, как растут в щелях рассохшейся платформы ромашки. Радуйся теплому дню и тому, что оставила тебя тоскливая хворь...

Гроза отодвинулась. Сполохи за шторкой были еще яркие, но гремело глухо. Баба Дуся уснула, как девочка, с ладошками под щекой. Очки соскользнули к лежали рядом на подушке.

Шурка осторожно положил очки на стул с бабкиной одеждой. На цыпочках ушел к себе. Лег, не укрываясь. Воздух из форточки прошелся по телу мягким крылом. Прохладный, чистый.

...А на Рее всегда такая свежесть и чистота. И люди могут свободно летать над лагунами и водопадами со скалы на скалу.

«Реять над Реей...» Что-то похожее было в каких-то стихах. Только они про море и корабли, а не про планету.

Впрочем, никто, кроме Шурки, не зовет ее Реей. Во-первых, никто не знает. Во-вторых, земного названия у нее просто нет.

«А как она называется, ваша планета?»

«Трудно ответить. «Называется» — это вообще чисто земное понятие. У нас не так...»

«Ну, все-таки...»

«Ладно. Если хочешь, то...» — И он выдохнул что-то похожее за «Рэ-э». Только звук «р» был не отчетливый, а словно проглоченный, как у англичан.

«Рэ-э», да? А можно «Рея»? У древних греков так звали мать Посейдона, бога морей. У вас ведь там сплошь моря...»

«Можно, если хочешь. Конечно... Сколько у вас, у землян, всяких сказок. Хоть какая-то реальность в них есть?»

«Какая-то есть. Обязательно... Не все у нас плохо, не думайте!»

«Я и не думаю, что все... Спи, Полушкин».

2. Отражение

Утром на улице пахло мокрыми листьями и синели лужи. В них плавали обломанные тополиные ветки.

Шурка выбрал самую большую лужу и пошел по краю. Это занятие всегда ему нравилось. Идешь будто над бездонным провалом, где в фиолетовой глубине висят маленькие желтые

облака. Тоже напоминает Рею. По крайней мере, так Шурке кажется.

Если прыгнуть в такой провал, сперва будет жуть падения, но потом безопасно опустишься в пушистое облако — словно в перину. Однако Шурка не прыгал. Чтобы не случилось разочарования.

Зато летать над бездной он пробовал. Разбегался и перескакивал обширные дождевые разливы. И в середине длинного прыжка старался усилием воли уменьшить скорость. И повиснуть над пустотой! Один раз это почти удалось. Шурка на миг остановился в полете. Да! А мальчишка, похожий на Шурку, что летел под ним в провале, вдруг исчез. И глубина открылась под Шуркой всей своей бесконечностью. Он ухнул в эту глубину... и хлопнулся в лужу на четвереньки. Хорошо еще, что не задним местом, а то бы совсем скандал.

Больше таких опытов Шурка себе не позволял. Потому что кто его знает! Вдруг сработает здесь что-нибудь такое? В другой раз и правда улетишь...

Но лужи Шурка не разлюбил. И сейчас он скинул крое -совки и осторожно вышел на самую середину.

Воды оказалось выше косточек, но это не

страшно, потому что школьные штаны были подвернуты почти до колен. Шурка почти всегда их подворачивал. Во-первых, жарко, а во-вторых, брюки были куцые и обтрепанные внизу. Баба Дуся все охала, что вот уже лето началось, а подходящую одежку внуку она все еще не справила.

— Потому что не знаю, что и покупать. То цена несусветная, то мода непонятная... Хочешь разноцветный костюм, весь в картинках? Корабли там всякие да попугаи. Как в телевизоре.

— Баб-Дусь, ты не выспалась, да?!

— А чего? Вон сколько мальчонков бегают в таком разноцветном. Глаза радуются.

— Кто бегает-то! Пацаны дошкольного размера!

— Всякого размера бегают... А ты уж поди шибко большой!

— А маленький, да? Двенадцать лет на носу!

— Ох ты, Господи, да на вид-то все одно не больше десяти. Да и где твои двенадцать? Надо еще лето прожить да пол-осени...

Это верно. День рожденья наступит, когда Солнце войдет в созвездие Весов. Так ему и сказано было: «Очень важно, что ты — Весы».

Почему важно? Стерлось в памяти. Ладно, вспомнится, когда надо... А может, никогда это

«надо» не придет?

А как же тогда Рея?

А разве она есть? Сам небось выдумал...

Шурка глянул вниз, под себя. Тот, что перевернуто стоял под ним — тоже в подвернутых штанах и выцветшей клетчатой рубашке, щуплый и с косматой, овсяного цвета головой — внимательно смотрел снизу. Шурка слегка нагнулся.

Да, отражение уже не то, что прежде, в домашнем зеркале. Баба Дуся за весну откормила и отпоила молоком с медом неожиданно свалившегося на нее внука. Нет уже рвущей кожу остроты скул. Нет под глазами темноты. Нет в лице прежней интернатской ощетиненности. Пацан как пацан, из нормального дома. Только вот волосы...

Но что делать, если обрастает Шурка стремительно! Баба Дуся каждую неделю обрабатывает прическу портновскими ножницами. Тут уж не до моды, не выглядел бы только обормотом... А ногти Шурка стрижет каждый вечер, иначе бы скоро выросли, как у китайского мудреца Конфуция (из учебника по истории). Называется это «способность к повышенной регенерации». Она появилась еще в клинике, и Гурский снисходительно сказал:

— Ничего, Полушкин, потерпи, это побочный эффект. Со временем пройдет. А пока... в конце концов, здесь есть и хорошая сторона.

— Ох, и откуда в тебе эта... скороспелая обрастаемость, — лязгая своим инструментом, ворчала баба Дуся. Шурка помалкивал. Он знал откуда. А может, и баба Дуся знала, только притворялась?

Ночной дождь прибил тополиный пух, но сейчас земля уже подсохла, и пушистая метель потихоньку начинала свое кружение. Она тихо радовала Шурку.

А баба Дуся тополиный пух не любила. Потому что он собирался у заборов пухлыми грудами и мальчишки эти груды часто поджигали. Чем такое дело грозит деревянным домам, понятно всякому. Кроме этих самых мальчишек.

— Ты не вздумай такими играми баловаться, — наставляла баба Дуся Шурку.

— Я что, шизик, по-твоему?

— Вроде бы никто не шизики, а жгут. Подбивают на дурное дело друг дружку... Гляди, и тебя подговорят!

— Да кто? У меня и знакомых-то здесь нет!

— А оно и плохо, что нет, — переключалась баба Дуся. — Все один да один... Вон в садике у школы ребятишки кажный день мячик гоняют.

Симпатичные такие, вовсе не хулиганы...

— Ну и молодцы, что гоняют, — отзывался Шурка с полным доброжелательством к симпатичным ребятишкам.

— Значит, не хочешь ни с кем дружбу водить?

— Не знаю... Пока нет.

Но при последнем таком разговоре Шурка уже хитрил. Был человек, с которым подружиться хотелось.

Жил этот человек на улице Каляева. Жила...

По улице Каляева ходил трамвай.

Эта трамвайная линия была самая старая в городе и называлась Мельничная.

Начинался трамвай на маленькой, заросшей лебедою площади с водонапорной башней. Тянулся по Водопроводной улице, пересекал по дамбе Колдуновский овраг и начинал петлять...

Шурка был, видимо, по природе зрителем. Полюбившиеся фильмы он смотрел по многу раз. Таким фильмом была для него и Мельничная линия. В начале мая Шурка от нечего делать сел в расхлябанный, старинного вида вагончик шестого маршрута, проехал весь путь от начала до конца. И с той поры катался по Мельничной постоянно. Смотрел в трамвайное окно и тихо радовался.

Вроде бы ничего особенного, обычная окраина. Однако Шурке в здешней тишине и заброшенности, в петлянии рельсовой колеи, в косогорах с покосившимися домиками и старых водокачках чудилась заколдованность.

...Итак, после дамбы начиналась «карусель». Трамвай, дергаясь, как вагончик игрушечной железной дороги, нырял в кривые переулки.

Он бежал впритирку с заборами, и стоявший у этих заборов репейник жесткими верхушками скреб по стеклам.

Иногда трамвай выскакивал на бурьянные пустыри, где в серых зарослях валялись непонятные ржавые механизмы и синели блюдца воды — остатки растаявшего снега.

Потом, делая неожиданные витки, трамвай катил среди приземистых мастерских, складов и дворов, среди которых громоздились штабеля гнилых ящиков, валялись решетчатые стрелы грузовых кранов и кособочились поломанные экскаваторы.

Временами вагон взбегал на горбатые мостики с литыми узорами чугунных перил. Мостики пересекали то речку Саженку, то железную дорогу. На колеях этой дороги в застарелой неподвижности спали щелястые товарные вагоны и бурые

цистерны. Почти все рельсы были ржавые, кое-где между шпалами пробились березки. Лишь один из путей отражал солнце — видать, по нему время от времени еще ездили.

Рельсы вели к могучим заводским воротам.

Завод вздымался над садами и домиками окраины всей своей мощью — стеклянными крышами закопченных цехов, эстакадами, кранами, полосатыми трубами и усеченными пирамидами гигантских конденсаторов. Над покрытыми серой жестью пирамидами всегда колыхался жидкий пар. Изредка с территории доносились шипение, механические хрипы и гул. Но трубы почти не дымили; завод работал в четверть силы. Он дышал тяжело и беспомощно, как выброшенный на берег кит.

Назывался завод «Красный трансформатор». Но даже малые дети знали, что трансформаторы — не главная его продукция. А главная — броневая сталь. В последнее время спрос на броню сильно поубавился, а для сковородок, подносов и прочего мирного товара этот металл, очевидно, не годился. И «Красный трансформатор», прямо скажем, умирал. Люди с него уходили кто куда. Цеха замолкали, обширные пространства покрывались сорняками.

Шурке не было жаль завод. Все, что связано с оружием, вызывало у него отторжение, похожее на тупую боль. Лишь о латунной трубке он вспоминал без отвращения. «Жаль только, что промахнулся...» Но это было давно, давно, давно...

Трамвай между тем круто поворачивал снова, завод оставался за косогором с полуразрушенной церковью. Вагон выкатывал на улицу Каляева.

Улица была одноэтажная, с палисадниками, с густыми рябинами и россыпью одуванчиков.

Одуванчики в этом году зацвели очень рано. Они принесли на окраины солнечное веселье.

А еще лучше стало, когда загустела летняя зелень и начал цвести иван-чай.

Он цвел всюду: вдоль заборов, на пустырях, в палисадниках. Даже в темных выбитых окнах заброшенных мастерских светились его розовые свечи.

Шурке нравилась эта неприхотливая и большая, в рост человека, трава с узкими листьями и высокими остроконечными соцветиями. В соцветиях была неброская красота и обещание долгого лета. В их нижней части цветы широко раскрывали свои пять лепестков, выше они распускались лишь наполовину, а верхушка состояла из похо-

жих на острые семечки бутонов. Пусть нижние венчики отцветают без боязни. Выше вон еще какой запас! Хватит до самой дальней осени...

По Каляева трамвай шел довольно долго. Потом опять начинал петлять и наконец выезжал к большому каменному мосту. Под мостом была еще одна железная дорога. А рядом с ней стояли многоэтажные кирпичные развалины.

До революции здесь были паровые мельницы. Отсюда и название линии. Потом мельницы переделали почему-то в пивоваренный завод, а во время войны, говорят, здесь производили взрывчатку. В послевоенные годы этот завод вырабатывал пластмассу, а потом на нем случился пожар, после которого все оказалось заброшено...

Рельсовая линия кончалась именно здесь, у мельниц.

Она ныряла под мост, делала петлю и возвращалась на прежнюю колею. Потом путь продолжили, положили рельсы поверх моста, и они потянулись аж до поселка Ново-Садовое. Но эта дорога была уже не так интересна. Туда ходил трамвай номер четырнадцать. А шестерка доезжала лишь до старого кольца. На остановке «Конечная — Мельницы» все пассажиры выходили. Даже те, кто по каким-то причинам хотел

отправиться обратно. Вожатые не терпели, когда кто-то ехал в трамвае под мостом. Наверно, боялись, что какой-нибудь псих-террорист подбросит туда бомбу.

Шурка один раз, в середине мая, пытался проехать, притулился на заднем сиденье, но грузная тетка-водитель-ша с криками турнула его. Шурка перешел на другую сторону пути, но в подъехавший с кольца вагон не сел — чтобы не попадаться на глаза грозной хозяйке трамвая. Дождался другого.

Вот не случись такого перебоя в пути, может, и не подвернулся бы тот момент, когда Шурка увидел в окне девочку.

В середине улицы Каляева стоял зеленый дом с тремя окнами в белых кружевных наличниках. Палисадника перед домом не было, густо росли у дощатой завалинки одуванчики.

День стоял совсем уже летний, крайнее окно было открыто. На подоконнике сидела круглолицая девчонка с длиннющими пушистыми косами льняного цвета. Одна коса спускалась из окна. Девочка, нагнувшись, играла ею с кошкой, которая сидела на завалинке. Кошка лапами теребила конец косы и радовалась. А девочка поглядывала то на нее, то на улицу.

Шурка высунулся из трамвайного окошка. «Мальчик, не высовывайся», — сказал в микрофон вожатый, но Шурка не послушался. Рельсы пролегали совсем недалеко от дома. Шурка встретился с девочкой глазами. Она вдруг засмеялась и показала Шурке язык. Но не обидно, а так, будто приятелю-однокласснику. Такая дружеская дразнилка. И Шурка... он тоже заулыбался и поднял к носу большой палец, а другие растопырил и зашевелил ими: вот, мол, тебе...

И тогда она помахала ему рукой. И он тоже помахал ей. Й сразу частые рябины закрыли от него зеленый дом...

И потом долго было тепло в груди. Словно туда сквозь стеклянное оконце проник солнечный лучик. И не погас...

С той поры Шурка ездил по улице Каляева почти каждый день.

Раньше этот участок Мельничной линии казался ему не самым интересным. А теперь сделался любимым. Одно только не нравилось Шурке — само название улицы. Потому-то однажды он набрался храбрости и спросил у пассажиров:

— А кто такой был этот Каляев, не знаете? — И добавил виновато: — Я не здешний.

Коротко стриженный парень с буграми муску-

лов под майкой небрежно разъяснил:

— Хрен его знает. Кажется, террорист-подпольщик был до революции, какого-то князя угрохал. В Москве в его честь тоже есть Каляевская...

Шурка поморщился. Как ни живи, а от прошлого и от сравнений не уйдешь. Хотя, конечно, Лудов не был князем, а был просто гадом. И, в отличие от князя, Лудову повезло...

Но потом совершенно случайно — на обрывке газеты, в котором баба Дуся принесла с рынка головки чеснока, — Шурка прочитал:

«Сегодня Краеведческий музей проводит конференцию, посвященную двухсотлетию со дня рождения нашего земляка, ученого-самоучки, знаменитого заводского умельца И. А. Каляева, который прославился многими изобретениями и в честь которого названа одна из улиц Саженковской слободы...»

И все стало хорошо!

Правда, девочку Шурка больше не видел, окна каждый раз были закрыты. Видел только знакомую кошку. Она сидела на завалинке и умывалась. Один раз Шурка даже прошелся мимо зеленого дома пешком. Присел рядом с кошкой, погладил ее. Она выгнула спину и доверчиво

мурлыкнула.

А может, и девочка сейчас появится? Тогда можно было бы сказать: «Какой хороший зверь. Как его зовут?» — «Мурка». — «А меня Шурка». — «А меня...»

Но девочка не появилась. Шурка вздохнул и пошел к остановке. Ну да ладно, чего вздыхать. Может, когда-нибудь и повезет...

В этот раз, отпуская Шурку гулять, баба Дуся дала денег и сумку из болоньевой ткани.

— Купи картошку, три кило. Да луку зеленого. Их почти на каждой остановке продают...

Шурка сунул деньги в один карман, свернутую в трубку сумку в другой.

— Баб-Дусь, я покатаюсь и к обеду вернусь.

— Иди, иди, бродячая душа...

...И вот, побродив по луже и натянув на мокрые ступни кроссовки, Шурка дошагал до кольца у водонапорной башни. Вскочил в подкатившую шестерку.

Народу в вагоне оказалось немного. Ни пассажиры, ни вожатый не ругали мальчишку на задней площадке за то, что он чуть не по пояс высовывается из окна.

Но хоть как высовывайся, а окна в зеленом доме снова были закрыты (красный трамвай

равнодушно отразился в стеклах). И даже кошки на завалинке не оказалось. Шурка с привычным вздохом хотел уже сесть на тряскую скамейку. И вот тогда-то увидел в конце квартала знакомые косы.

Девочка куда-то шла от дома.

Она шла не одна, а вместе с другой девчонкой и... с тремя мальчишками! И все же, когда трамвай обогнал эту компанию и подкатил к остановке «Стекольная», Шурка выпрыгнул из вагона. Сел на лавку под навесом и стал ждать. У него пушисто щекотало в груди...

Пятеро показались из-за рябин. Тротуар был узкий, и ребята шли не по нему, а по траве между поребриком и трамвайным полотном. Шли шеренгой. Неторопливо. И пока подходили, Шурка успел рассмотреть каждого.

Та-Что-с-Косами была в узких черных брючках до колен и цветастой кофточке-распашонке. Одна коса за спиной, другая на груди.

Вторая девочка тоже была с косами. Вернее, с косичками, тощими, рыжеватыми, торчащими. И вся она была желто-рыжая: в узорчатых апельсиново-коричневых лосинах и ворсистом свитере золотистых тонов (в такую-то жару!).

Один из ребят был похож на эту девочку — та-

кой же рыжеватый и остролицый. А другой — с аккуратной темной стрижкой ниже ушей, чем-то похожий на юного музыканта или танцора. Оба они были в мятых анголках: рыжеватый — в пятнистой, а его приятель в серо-зеленой.

Еще один мальчишка был явно младше своих спутников. Четверо — они, видимо, Шуркины одногодки, а этому не больше десяти. Ростом он был одинаков с остальными, но просто потому, что длинный и тощий от природы.

Одет он был, как и «желтая» девочка, не по сезону: в длинные штаны из похожей на брезент материи и плотную серую рубашку, глухо застегнутую у ворота. Бедняга... Но самой примечательной деталью его портрета были волосы. Росли они очень густо. Но не равномерно, как у Шурки, а клочьями. Причем клочья эти были разными: от темно-русых до белых, почти седых. «Пегий...»

Шел «пегий» с краю, очень независимо — левая рука в кармане, узкие плечи расправлены, голова на тонкой шее вскинута, как у гвардейца на параде. Впрочем, иногда он поворачивал голову к остальным, чтобы вставить слово в общий разговор. И даже иногда смеялся вместе с остальными. В правой руке нес он белый пластиковый бидон,

помахивал им.

Компания прошла мимо, не обратив на Шурку внимания. Он подождал. Поднялся и двинулся следом. В отдалении.

3. Ищут пришельца

Зачем он пошел за ними? Сам не знал. Подходить к Той-Которая-с-Косами, пытаться завести знакомство было сейчас немыслимо. Даже как зовут, и то не узнать. Потому что за двадцать шагов ребячий разговор был неразборчив, а догонять компанию Шурка не смел.

Скоро от улицы Каляева под острым углом отошла другая, Кузнечная. С такими же одноэтажными домами и высоким иван-чаем у заборов. Но была особенность — дома стояли как бы по берегам, а дорога — словно речка. Она тянулась по дну неглубокого оврага. Откосы его заросли, конечно, все тем же иван-чаем и буйным чертополохом.

Ребята зашагали по тротуару вдоль заборов. Шурка схитрил. По дорожке среди зарослей свернул вниз и двинулся по тропинке у дороги. Ускорил шаги, почти догнал дружную пятерку. Только ребята шли выше его — метрах в пяти. Иногда Шурка видел над иван-чаем и репей-

ником плечи и головы. Разговор приятелей слышался громче, но разборчивей не стал.

Шагов через сто склон сделался более пологим, а заросли на нем — пожиже. И вот здесь-то, словно выбрав подходящее место, судьба сделала Шурке подарок. Чиркая по головкам белоцвета, прилетел сверху и шмякнулся к Шуркиным кроссовкам пластиковый бидон. Тот самый — пузатый и белый.

Шурка схватил его. На бидоне черной краской была нарисована пиратская рожа — со злорадной улыбкой и заплатой на глазу.

Шурка слегка нарочито засмеялся и глянул наверх. Пятеро — по пояс в бурьяне — выжидательно смотрели на Шурку. Девочка в свитере отчетливо сказала «пегому» неудачнику:

— Растяпа! — Вот, мол, махал, махал и доигрался.

Тот стрельнул в нее глазами, а к Шурке протянул растопыренные руки:

— Брось мне, пожалуйста!

Шурка бросил. Красиво так, ловко — бидон был пустой, легонький. Но «пегий» пацан, видать, от природы был неудачником. Не поймал. Посудина отлетела от его ладо-ней и угодила в чащу на половине высоты между ребятами и Шуркой.

И тогда Шурка, ломая стебли и царапаясь, скакнул вверх. Раз, два! Схватил бидон. И сквозь колючие сорняки выбрался на край откоса.

Он обвел взглядом пятерых. Те смотрели по-хорошему. Девочка в свитере опять сказала «пегому»:

— Растяпа... Из-за тебя человек обдирался в татарнике.

— Я сам хотел! Только не успел! — Голос «пего-го» взлетел высоко и звонко.

Шурка протянул мальчишке бидон.

— Спасибо, — сказал «пегий», надув губы с дурашливой виноватостью.

Шурка ощутил непривычную раскованность. Словно кто-то отключил в нем всегдашнюю сумрачную стеснительность и подсказывал, что делать и говорить.

Шурка простецки шмыгнул носом.

— Пожалуйста. Как не помочь знакомым людям...

— Разве мы знакомы? — вежливо удивился рыжеватый мальчишка.

— Маленько... — Шурка решился на улыбку. — Не со всеми, а вот с ней. — И только теперь взглянул прямо на Ту-Которая-с-Косами.

Она не стала отпираться. Веселыми серыми

глазами как бы вобрала в себя Шур кин взгляд.

— Да! Я сидела в окошке, а он ехал в трамвае и показал мне язык...

— Я?! — радостно возмутился Шурка. — Это ты мне показала язык! Лопатой, вот так... А я сделал вот так! — И растопыренной пятерней он изобразил «нос».

— Фи, Евгения, — тоном аристократа сказал похожий на юного артиста мальчишка. — Разве прилично показывать язык незнакомым молодым людям!

— Знакомым тоже неприлично! — звонко вмешался «пегий». Евгения тут же показала ему язык:

— Помалкивай, пока не попало!

— Они с Алевтиной всегда меня угнетают, — доверчиво пожаловался «пегий» Шурке.

— Не смей называть меня Алевтиной! — девочка в свитере замахнулась на «пегого». Он тренированно отскочил. И все опять соединили взгляды на Шурке.

«Что бы такое сказать? — запрыгала в нем мысль. — Что бы еще сказать? Что?..»

Выручил «пегий». Неожиданно.

— А ты не испугался, когда на тебя свалилась такая «голова»?

— Нет... — И вмиг придумалось, удачно так: — Я обрадовался. Подумал: вот, инопланетянин приземлился.

У «пегого» округлились глаза:

— Ты, значит, тоже ищешь инопланетянина?!

— Я?.. Нет. Я так просто... — Шурка растерялся. И тогда Евгения-с-Косами объяснила ему, как давнему приятелю:

— Понимаешь, у Кустика новая фантазия. Голос из космоса сказал ему, что визит звездных пришельцев на Землю наконец состоялся...

Непонятно, чего здесь было больше — то ли неожиданной симпатии к Шурке, то ли желания поддразнить пегого Кустика.

Кустик вознегодовал:

— При чем тут голос! Я сам видел ночью, во время грозы, как на Бугры приземлилось что-то такое... огненное и плоское, как тарелка!.. Должны же они когда-нибудь прилететь!

— Может, и правда прилетели, — не выдержал Шурка. Потому что ощутил в этом нескладном Кустике склонность к предвидению. И на миг проклюнулся в груди ледяной холод... Но тут же Шурка встряхнулся. Евгения-с-Косами сейчас была для него важнее всех этих проблем. Важнее Реи...

Она была такая... удивительно славная, эта Евгения. И остальные — тоже. Шурка чуял, как от него тянутся к ним невидимые ниточки... Напрасно он говорил бабе Дусе и себе, что хорошо ему жить одному.

— А где же их искать, пришельцев-то? — сказал Шурка с чуть наигранной задумчивостью.

— На птичьем рынке! — звонко сообщил Кустик.

— «И все засмеялись», — сухо произнесла Алевтина. И тогда все в самом деле засмеялись. Кроме нее, Алевтины. Она же разъяснила: — Наивное дитя решило, что пришельцы могут быть не как люди, а как заморские зверюшки. Они прилетели, их поймали и теперь продают вместе с котятами и ужами...

— Я не так говорил! Я...

— Вообще-то мы за квасом пошли, — примирительно разъяснил рыжеватый мальчик. — А на птичий рынок — по пути...

— А где он, этот рынок-то?

— Ты не знаешь? — слегка удивился похожий на артиста.

Шурка сообщил бесхитростно:

— Я тут многого не знаю. Я еще только знакомлюсь с окрестностями. Потому что недавно

приехал.

— А откуда ты? — спросил похожий на артиста. В нем чувствовался старший. Не по возрасту, а по характеру.

— Я... — Шурка чуть сбился. Выкрутился: — Ох, издалека... Я в интернате жил, а потом нашлась родственница... бабушка... Забрала к себе... Под родной крышей хоть как лучше, чем там...

Он выдал это в один прием, как бы выбрасывая на стол все карты. Вот, мол, я какой и откуда. Хотите продолжать знакомство — хорошо. А нет — так нет. Потому что к интернатским отношение бывает всякое...

Никто не замкнулся, не отодвинулся даже внутренне — Шурка это ощутил. Только сочувственно помолчали: «Понимаем, что были у тебя нелегкие времена». И опять спасительно разбил молчание Кустик:

— Ну, тогда, если хочешь, пошли с нами! Посмотришь на этот рынок!

— Пошли... если можно, — тихо сказал Шурка. И снова встретился взглядом с Евгенией. Она отозвалась тоже тихо:

— А почему же нельзя...

По дороге болтали о том о сем. А Шурка помалкивал, шел с краю, слушал.

Кустик утверждал, что на местности под названием Бугры собственными глазами видел след летающей тарелки.

— Всего в ста метрах от развалин трансформаторной будки! Круглый, метра три в поперечнике, выжженный. Только он быстро зарос ромашками и клевером. Если хотите, покажу! Не верите?

— Да верим, верим, — сказала Женька.

Конечно, все ее звали не Евгенией, а Женькой. И Шурке это нравилось.

Алевтину называли Тиной (полное имя она, как Шурка понял, не терпела). Похожего на нее мальчишку именовали Ником. Уже после Шурка узнал, что это сокращенно от Никиты.

А у темноволосого было имя Платон. Шурке подумалось, что оно для «артиста» очень подходящее. Не совсем обычное и такое... интеллигентное, что ли. Впрочем, иногда Платону говорили «Тошка».

Все это Шурка узнал на ходу, слушая веселую болтовню. Иногда он вставлял пару слов...

Скоро свернули в Огородный переулок, который привел к утоптанной, огороженной бетонной решеткою площади с прилавками и ларьками.

Это и был птичий рынок. А точнее — кошачий, собачий и всякий-всякий...

В бетонных границах рынку было тесно. Снаружи изгороди тоже устроились продавцы и ходили покупатели.

Квохтали в сетчатых загонах куры, и жизнерадостно орал привязанный за ногу рыжий петух. Возились в клетках пушистые, как игрушки, кролики. Щетинистый дядька держал на веревке симпатичного, с ласковыми глазами козла. Мальчишки и девчонки сидели на корточках у картонных коробок, где копошились беспородные котята и щенки. Продавали их совсем дешево или даже предлагали «за так» — лишь бы нашлись для малышей хозяева.

Но вся эта живность была самых обычных пород, без намека на инопланетную сущность.

— Надо туда, в середину! — нетерпеливо потребовал Кустик. — Там всякие редкие звери.

Внутри забора живой товар был повыше качеством. От края до края площади тянулся собачий ряд, где продавцы держали на поводках дисциплинированных овчарок, бульдогов, терьеров и великанов-ньюфаундлендов. Это были «образцы», а продавали щенков. Щенки резвились в просторных ящиках или безмятежно сидели на руках у хозяев, не ведая, что скоро будут разлучены с мамами и братьями-сестрами. «Бедняги»,

— вздохнул про себя Шурка. Собачий ряд ему не понравился.

Зато понравилась худая черная дворняга, которая независимо ходила по рынку среди покупателей. Ее никто не продавал, она была сама по себе, и в глазах ее светилось дерзкое превосходство над благородными, но подневольными сородичами.

Шурка не удержался, шепотом сказал Женьке:

— Она здесь среди собак самая счастливая, верно?

И Женька понимающе кивнула. И коса ее щекотнула голый Шур кин локоть.

А Кустик упрямо тянул компанию дальше.

И они оказались среди прилавков, уставленных аквариумами.

В зеленоватой воде таилась прохлада океанов. И каждый стеклянный ящик был, как частичка Атлантики или Средиземного моря... Стайки всевозможных рыбьих пород носились среди водорослей и пузырчатых воздушных струек. А в трехлитровых банках жили рыбы-одиночки, покрупнее: серебристые и золотые, глазастые, важные...

К плоскому стеклу аквариума подплыла пунцовая рыбка. Размером в половину Шуркиной

ладони. С блестящей, словно красная фольга, чешуей. С длинными прозрачными плавниками и пушистым, как вуаль, большим хвостом. Глянула понимающим, почти человечьим глазом...

— ...Ну, ты чего? Пойдем дальше! — Кустик дернул Шурку за рубашку.

Шурка отвел от аквариума глаза. Усилием воли прогнал из груди холод. «Ерунда. Просто похожа, вот и все...» Ребята смотрели на него удивленно.

— Загляделся на рыбку, — сказал он виновато.

— Это алый вуалехвост, — разъяснил Кустик.

— Откуда ты знаешь! — возмутилась Тина. — Ты же никогда рыбами не интересовался!

— Просто придумал. А что, разве плохо?

«Неплохо», — мысленно одобрил Шурка. А Тина сказала:

— Чучело ты, Куст...

— Аты...

— Пошли дальше, — велел Платон.

Дальше были всякие рептилии и земноводные. Руки худого коричневого мужика обвивала пятнистая серо-зеленая змея. Длиннющая! Шурка содрогнулся, а Женька рядом с ним ойкнула.

За стеклами часто дышали большущие бугристые лягушки. Сновали ящерицы и тритоны. Еще несколько змей — с желтыми животами — спле-

лись в клубок. Шурка передернулся опять.

— Ага, ужас... — шепотом согласилась Женька. — А вот это животное ничего, симпатичное даже...

— В отдельной банке сидела бурая добродушная жаба. Задумчиво мигала пленочными веками...

— Вполне, — охотно откликнулся Шурка.

— Смотрите, вот они! — вдруг шумно обрадовался Кустик.

— Кто?..

— Где?..

— Вот! Неизвестные существа!

Существа эти были большие, в полметра длиной, ящерицы. С удивительно пестрой — радужными пятнами — раскраской и зубчатыми гребешками на спинах. Они нервно били хвостами и порой вставали на задние лапы, а передними, похожими на ручки лилипутов, брались за прутья решетки. И глазами своими — с кошачьими зрачками-щелками — смотрели на людей очень осмысленно.

Так осмысленно, что вся компания на полминуты притихла.

Наконец Тина откинула робость.

— Ну, конечно! Жители планеты Бумбурумба! Прилетели, попали в плен и продаются под видом земных каракатиц.

— Сама ты каракатица, — сказал Кустик.

— Это хамелеоны, — решил Ник.

Платон возразил:

— Хамелеоны часто меняют окраску, но такими разноцветными они не бывают.

— Может, вараны? — вставил слово Шурка. Он не был силен в зоологии. Но чувствовал, что никакие это не пришельцы, хотя и странные создания.

— Точно. Из жаркой пустыни, — поддержала его Женька.

— В пустынях ящерицы желтые, — не согласился Ник.

— Скорее уж, с Амазонки, — решила Тина.

— Давайте спросим продавца, — предложила Женька. И посмотрела на Шурку.

Все продавцы рептилий были как на подбор хмурые, небритые и неразговорчивые. И этот — такой же. Но Женька смотрела выжидательно, и Шурка — что делать-то? — набрался храбрости:

— Скажите, это какая порода?

Продавец отозвался, не взглянув:

— Сам ты порода. Гуляй, мальчик, все равно не купишь...

Шурка виновато глянул на остальных, развел руками.

— Пошли, ребята, — с вызовом сказал Платон. — Они этих крокодилов на мясо разводят.

И все шестеро выбрались из толпы любопытных на свободный пятачок.

— Скажешь тоже, «на мясо»! — запоздало возмутилась Тина. — Гадость такая...

Кустик задумчиво спросил:

— Интересно, у этих ящериц хвосты отрастают, если оторвать? У маленьких отрастают, а вот у таких... А?

— Тебе не все ли равно? — сказала Тина.

— Интересно же. У этого свойства специальное название есть. Ре... регни...

— Регенерация, — сказал Шурка, радуясь, что может поддержать разговор. — Способность к восстановлению живых тканей. У людей она тоже есть.

— Не выдумывай! — опять возмутилась Тина.

— Но ведь волосы-то у нас растут! И ногти!.. А у некоторых такая склонность — повышенная. Вот у меня волосы, например, то и дело обрезать приходится. И царапины заживают почти сразу. Там, на горке, я ногу колючками до крови ободрал, а сейчас уже — ничего. Вот... — Он дрыгнул ногой. На щиколотке был еле заметный след — словно неделю назад кошка царапнула.

— А разве была кровь? — обеспокоилась Тина.

— Была, я помню, — сказал Ник.

— Это у тебя от природы такое свойство? — спросил Платон. — Или его можно в себе выработать?

— Не знаю... Это после операции.

— После какой? — тихо спросила Женька.

Шурка вздохнул:

— На сердце...

— Ух ты, — уважительным шепотом произнес Кустик. — Слушай... А если палец оторвать, он у тебя тоже вырастет?

— Не знаю, я не пробовал, — серьезно сказал Шурка.

— «И все засмеялись», — подвел итог Платон.

И все правда засмеялись. А Женька объяснила:

— Это у нас поговорка такая. В журнале «Костер» есть раздел со всякими анекдотами, которые обязательно кончаются этими словами. Иногда совсем не смешно. Ну и вот, если кто-нибудь ляпнет глупость...

— Разве я ляпнул глупость? — обиделся Кустик.

— Я не про тебя... Кустик у нас умный, только в нем фантазии через край. Иногда бывает, что такую историю сочинит, что... фантастичнее всякой фантастики.

— А бывает, что и на краешке правды, — вставил Платон.

— Хватит вам. Пошли лучше по птичьему ряду, — насупленно сказал Кустик.

И они пошли.

Здесь стоял свист и щебет. В клетках прыгали и шуршали крыльями щеглы, канарейки и волнистые попугайчики. В громадном количестве. Кучка людей слушала, как большущий белый какаду на плече у хозяина разговаривает по-испански. Другой крупный попугай — зеленый и хохлатый — в широкой клетке кувыркался на жердочке. А в клетке по соседству — высокой и узкой — сидел, прикрыв глаза, серый орел. Облезлый, неподвижный и гордый...

— Мне птиц в клетках всегда жалко, — сказала Женька. Вроде бы всем, но Шурка понял: прежде всего ему. — Взяла бы да всех повыпускала...

— Попугаи на воле не выживут, — резонно заметил Платон.

Птичий ряд кончился. Ребята опять вышли за изгородь. Вдоль нее стояли киоски: с кормом для птиц и рыб, а заодно и для людей — с бананами, шоколадными батончиками, пивом и карамелью.

Тина сморщила нос.

— Куда смотрит санитарная инспекция! Разве можно торговать едой в таком месте!

И в самом деле, даже здесь, за границей рынка, пахло птичьим пометом, прелым сеном и всем, чем пахнет в тесном зверинце.

— Подумаешь! Сейчас экология такая, что заразы во всех местах полным-полно, — отозвался Ник. И всех, начиная с себя, пересчитал пальцем. — Шестеро. Каждому по половинке...

Он отбежал и скоро вернулся с тремя желтыми, в коричневых веснушках, бананами. Ловко разломал их пополам.

— Спасибо... — бормотнул Шурка. Неужели его считают уже своим? Или это просто так, из вежливости? Ну да, не будут же пятеро жевать, а один смотреть. Но все равно он был рад. Тем более что его половинка оказалась от того же банана, что и Женькина. Случайно, конечно...

Неподалеку врос в землю красный облезлый фургон. В тени его была самодельная скамья — доска на кирпичных столбиках. Приют для любителей пива. Сейчас тут никого не оказалось, и все шестеро устроились на пружинистой доске. Шурка не посмел сесть с Женькой и очутился между Кустиком и Тиной (с ее жарким свитером).

Покачались на доске, сжевали спелую вязкую мякоть.

— Бананы — лучшая российская овощ, — назидательно сказал Ник.

— Помидоры вкуснее, — отозвался Кустик. Он отдувал от лица налетевший тополиный пух.

— Но дороже, — возразил Ник.

— Лучше бы мороженое купил, — упрекнула его Тина. — А то с бананов только пить хочется.

— Ты же простуженная! — Ник даже подскочил от возмущения.

— Ты же «кха-кха» и «кхе-кхе», — напомнил со своего края Платон.

— У меня же не ангина, а хрипы в бронхах. Мороженое на это не влияет.

Шурка прыгнул со скамьи.

— Подождите! — И помчался туда, где продавали эскимо.

На шесть порций ушли все деньги, что дала баба Дуся. «Вот тебе и картошка!» — с бесшабашностью подумал Шурка. И еще мелькнула мысль, что баба Дуся будет права, если свое обещание насчет полотенца претворит в жизнь. Ну и пусть!

— Ух ты-ы... — благодарным хором сказала вся компания, когда Шурка примчался назад.

— Ты небось разорился в дым, — смущенно

заметил Платон.

— Ерунда! — Шурка всем вручил эскимо, лишь перед Тиной задержался: — Тебе правда можно? Не повредит?

— Не повредит, не повредит!

— Да сочиняет она про бронхи, — звонко подал голос Кустик. — Ей просто новыми лосинами похвастаться захотелось. А свитер натянула, чтобы получился этот... костюмный ансамбль.

— Сейчас кому-то будет ох какой ансамбль... — Тина приподнялась. — Ой... кха...

— Ты, Куст, бессовестный, — заявила Женька. — Что ты к ней пристаешь? Над тобой же не смеются, что ты в таких доспехах...

— А я виноват, что у меня аллергия на пух?! — очень болезненно среагировал Кустик.

— Дурь у тебя, а не аллергия, — заявила Тина. — Щекотки боишься, как чумы...

— А ты... Алевтина, Алевтина, разукрашена картина...

— Ох, кто-то сегодня допрыгается, — сказал в пространство Платон. — Ох, кто-то скоро заверещит: «Ай, не надо, ай, больше не буду...»

— Больше не буду! — Кустик торопливо пересел на дальний край доски.

— И все засмеялись, — усмехнулась Женька. И

все засмеялись. Кроме Платона. Он раздумчиво изрек:

— А все-таки какие же мы свиньи...

— Почему? — изумился Кустик.

— Лопаем угощение человека, у которого до сих пор даже имя не спросили...

— М!.. — Тина кокетливо приподнялась. — Правда. Но тогда мы должны сперва сами... как нас зовут...

— А я уже знаю! — обрадованно сообщил Шурка. Только одно не понял: «Кустик» или «Костик»?

— Вообще-то это существо — Константин, — разъяснила Женька (и опять встретилась с Шуркой глазами, и он потупился). — А «Кустик» потому, что такая бестолковая растительность на голове.

— Да. И горжусь, — заявил Кустик.

— А я — Шурка... — Это у него легко получилось, без смущения. И он опять посмотрел Женьке в глаза. Она неуверенно спросила:

— Наверно, лучше «Шурик»?

— Нет! — Он дернулся, как от тока. — Это... не лучше. Это я не терплю.

Все теперь молчали неловко и удивленно. И Женька — она словно слегка отодвинулась. И, спасая себя от возникшей отчужденности, Шурка

признался тихо и отчаянно:

— В интернате дразнили... «Шурик-жмурик-окочурик»... Словно знали заранее...

— Что... знали? — шепнула Женька.

— Ну... что чуть-чуть не окочурюсь. Меня ведь буквально с того света вытащили. В клинике...

И не было уже отчужденности. Наоборот... И Женька тихонько спросила:

— Из-за сердца?

— Ну... да. А еще из-за травмы. Я угодил под машину. И сперва все решили, что конец...

С минуту опять молчали. С пониманием. Наконец Платон встряхнулся:

— А теперь-то как? С тобой все в порядке?

Кустик хихикнул. Вроде бы не к месту. Шурка глянул удивленно.

— Не обижайся, — быстро сказала Женька. — Просто смешно получилось, это у нас тоже поговорка такая: «С тобой все в порядке?»

— И еще: «Увидимся позже», — добавила Тина. — Это в американских фильмах все время такие слова говорят. С попугайной настойчивостью...

— Терпеть не могу это кино! — в сердцах выдал Шурка. — Все время стрельба по машинам! И по людям...

— Ага! — встрепенулся Кустик. — Ды-ды-ды!

Бах-бах! «С тобой все в порядке, милый?» — «Да, дорогая, увидимся позже!»

— И все засмеялись, — через силу улыбнулся Шурка.

— Нет, но с тобой-то все в порядке? — повторил Платон. — Дело в том, что мой дядя очень хороший кардиолог...

— Сейчас все нормально. Спасибо. Меня лечили хорошие... кардиологи. А потом специально родственницу отыскали, потому что в интернате больше нельзя. Там и здорового-то со свету сживут...

Опять все помолчали, как бы впитывая в себя Шурки-ны беды. Женька наконец осторожно призналась:

— Мне, например, «Женька» нравится больше, чем «Женя». Даже такие стихи есть, вернее, песня: «Девчонка по имени Женька»... Меня и мама так зовет...

И тогда... Тогда он сказал то, чего не говорил никому: ни бабе Дусе, ни Турскому, ни... А какое еще «ни»? Больше никого и не было. Он всегда молчал об этом, а здесь, на пыльном пустыре, горьким шепотом сказал почти незнакомым мальчишкам и девчонкам:

— Меня мама звала «Сашко». Только это давно.

Я почти и не помню...

И долго было тихо — слышались только в отдалении свист и чириканье волнистых попугайчиков.

Наконец, героически спасая всех от этой тишины, Тина завозмущалась:

— А я терпеть не могу свое имя Алевтина. Сокращенное гораздо лучше. А этот вот... он все время дразнится. — Тина мимо Шурки ткнула в Кустика пальцем.

— Имейте в виду, она сама ко мне пристает! — торжественно объявил Кустик.

Беседа беседой, а мороженое съели быстро. Покидали скомканную обертку в ближнюю мусорную кучу. И в этот момент явилась компания «крутых». Мордастые, в кожаных безрукавках, с банками пива в охапках.

— Эй, головастики, чего тут мусорите! Брысь отсюда!

Пришлось отойти. Ник все-таки сказал издалека:

— Купили, что ли, это место, да?

Один «крутой» обернулся, пообещал добродушно:

— Отдавлю язычок. И еще кое-что...

И Шурка не выдержал:

— Мафиози недострелянные!

И, конечно, — сразу в бега. Дружно, все шестеро. Вдоль бетонной решетки, мимо ларьков и торговцев курами. «Крутые» гнались недолго, потом беглецов уже просто страх подгонял. Напополам с весельем. До той поры, когда Шурка споткнулся и пузом проехался по утоптанной обочине. Это было уже в Огородном переулке.

Шурку подняли.

— Опять до крови. Локоть, — сочувственно сказал Кустик.

— Ох, да локоть-то заживет. А вот это... — Шурка поднял левую ногу. Подошва кроссовки была оторвана от носка до середины. Болталась, как собачий язык.

Ник тихо свистнул. Женька велела:

— Шурка, сними. Дай... — Она взяла пыльный башмак. — Платон, у тебя универсальный клей есть. Помнишь, ты Кустику сандаль чинил?

— Сделаем, — пообещал Платон. — Пошли.

И пошли. И Шурка был рад, что есть причина подольше не расставаться с ребятами. Он шагал рядом с Женькой — одна нога босая, а кроссовка в руке: хлоп, хлоп подошвой.

— Мне это что-то напоминает, — осмелился пошутить Шурка.

— Что?

— Чей-то язык. В окошке...

— Ну, вот... — Женька притворно надула губы. — Еще один дразнильщик-любитель, вроде Куста...

— Больше не буду... Ой... — Глядя на Женьку, вперед он не смотрел и чуть не наткнулся на мальчишку. На небольшого, лет восьми. В разноцветном «мультяшном» костюмчике — вроде того, какой чуть не купила Шурке баба Дуся.

Желтоволосый и желтоглазый мальчишка стоял на пути робко и в то же время упрямо. Вздернул острый подбородок.

— Тебе чего, мальчик? — осторожно спросила Женька.

— Скажите, п-пожалуйста... Вы идете с птичьего рынка?

— Да...

— Скажите, пожалуйста... — Он говорил сипловато и старательно выговаривал слова. Наверно, чтобы подчеркнуть важность вопроса: — Вы не встречали на рынке рыжего щенка с черным пятном на ухе? Ухо висячее, а шерсть лохматая...

Все запереглядывались.

— Нет. Не встречали. К сожалению, — огорченно и очень серьезно проговорила Женька. И Шурка почувствовал, что ей хочется присесть пе-

ред мальчиком на корточки и взять его за руки.

Шурка сказал виновато:

— Там всяких щенков много, но рыжий с черным пятном не встречался. Я бы запомнил... Мы бы запомнили.

— Украли, да? — сочувственно спросил у мальчишки Кустик.

— Скорее всего, да... Или сам убежал. Глупый еще... — Мальчик переводил с одного на другого внимательные желтые глаза. Потом потупился.

— Может, еще прибежит, — неуверенно утешил Ник.

— Едва ли он сам найдет дорогу. Скажите, пожалуйста... — Маленький хозяин щенка опять поднял взгляд. — Вы сможете бросить в почтовый ящик открытку, если случайно его встретите?

— Что за открытка? — со строгой ноткой спросил Платон.

— Вот... — Из разноцветного кармана мальчик вытащил пачку почтовых карточек. Одну протянул Платону. Все сдвинулись.

Адрес был написан печатными буквами:

«Местное. Ул. Камышинская, дом 8, кв. 3. Грише Сапожкину».

А на обороте:

«Твой щенок нашелся. Приди за ним на улицу...,

в дом..., кв..., к...»

— Вы, пожалуйста, заполните пропущенное и бросьте, ладно?

— Ладно. Если встретим... — вздохнул Ник.

— Только я... к сожалению, не могу гарантировать вознаграждение... — Мальчик опять стал смотреть под ноги.

— Обойдемся, — сказал Платон. — А как зовут твоего щенка?

— Рык... Ну, от слова «рычать». Только он еще не умеет...

— Ладно. Если найдем, известим, — пообещал Платон (а в голосе его не было надежды). — Может, сами приведем по адресу. Это ты и есть Гриша Сапожкин?

— Да, это я. — Он обвел глазами каждого.

— Ладно, Гриша. Может, нам и повезет. Не горюй...

Они оставили грустного разноцветного мальчика посреди переулка и минуты две шли молча. Будто сами потеряли щенка. Наконец Платон предложил:

— Пойдем по Березовской, поближе к Буграм.

— Пошли, — отозвалась Женька. А Шурке объяснила: — Бугры — это такие пустыри. Вон в той стороне. Мы там часто играем. Это место... ну, не

совсем обыкновенное.

— Почему?

— Ну, оно такое...

— Вон, смотри, самолет летит! — оживился Ник. — Видишь? А когда он полетит над Буграми — исчезнет.

— Совсем?!

— Не совсем, а для наблюдателей, — объяснил Платон. — Видимо, рефракция атмосферы.

— Потому там и пришельцы приземляются, — вставил Кустик.

— Чучело, — сказала Тина.

— Слышали? Она опять первая обзывается.

— Ой, правда! — удивился Шурка. — Не стало самолета!

— Он теперь только там, у полосатой трубы, появится, — с некоторой гордостью сообщил Платон. Словно сам был автором фокуса.

— У какой трубы? Вон у той?

— Да нет! Левее, где облако...

Облако показалось Шурке похожим на лопоухого щенка. И, видимо, не только Шурке. Ник вдруг проговорил, как Гриша Сапожкин:

— Скажите, п-пожалуйста, вы не видели рыжего щенка с черным пятном на ухе?

Все опять помолчали.

— Знаете что?! — Кустик вдруг завертел клочкастой головой. — А может, он как раз и есть инопланетянин?

— Кто? — без особого удивления сказал Платон.

— Ну, этот... Гриша.

— Перегрелся ты, бедный, — пожалела Кустика Тина.

— Сама ты перегрелась! Вы разве... сами не заметили?

— Что? — осторожно спросил Шурка.

— Ну, какой он... не приспособленный к земным условиям. Беззащитный.

— Господи, а сам-то ты... — со стоном сказала Женька.

— А что я?.. Ну и что! А вы много про меня знаете?! Может, я тоже... Вот улечу однажды в другое пространство!

— Только попробуй, — сказал Платон. И почему-то посмотрел на Шурку.

4. Дразнилки и щекоталки

Платон жил недалеко от Женьки. Дом его — просторный, старый, с верандой и высоким крыльцом — стоял в глубине двора, среди коря-

вых густых яблонь.

На крыльцо вышла очень пожилая дама с седой прической.

— Здрасьте, Вера Викентьевна! — хором сказали все, кроме Шурки. А Женька Шурке шепнула:

— Это его бабушка.

— Здравствуйте, племя младое...

— Бабушка, это Шурка... — Платон тронул его за плечо.

— Здравствуйте, Шурка, — бабушка Платона, похожая на старую учительницу музыки, медленно кивнула.

В первый момент Шурка встал прямо, голову наклонил, руки по швам. А во второй — понял, как он забавен в этой позе: встрепанный, с босой ногой, в пыльных подвернутых штанах и мятой рубахе навыпуск. Но Вера Викентьевна смотрела с высоты ступеней благожелательно и серьезно. Может быть, сквозь потрепанную внешность разглядела прежнего Шурку — мальчика в черном бархате концертного костюма с белым воротничком? Изящного ксилофониста из детского оркестра «Аистята»? Того Шурку, о котором он сам почти позабыл?

Под навесом двухэтажного сарая лежало несколько громадных (и, видимо, древних) плах.

К одной были привинчены слесарные тиски. К другой — чугунная «нога» для сапожных работ.

— Дедушка любил на досуге сапоги потачать. Как Лев Толстой, — объяснил Платон. — Ну, давай твой башмак.

Кроссовку насадили на «лапу». Накачали под подошву пахнущего бензином клея из тюбика. Подождали, прижали, придавили старинным литым утюгом.

— С полчасика пускай посохнет, — решил Платон.

«Значит, я могу быть тут еще не меньше получаса!» — тихо возрадовался Шурка. Глянул на Женьку, смутился, решив, что она прочитала его мысли...

Двор был солнечный, с травой и бабочками, со шмелями, что гудели у заборов над иван-чаем.

Недалеко от сарая вкопан был турник. Сейчас на нем вниз головой неумело болтался Кустик. В этом положении он изрек:

— Ох как хлебушка хочется. И пить. Квасу-то так и не купили.

— Бабушка сделает бутерброды и чай, — сказал Платон.

— Ох, пока она сделает... — со стоном пококетничала Тина. — Ник, пошли!

И они разом перемахнули через забор — их двор был соседний.

— Они брат и сестра? — спросил Шурка у Женьки. Довольный, что есть о чем заговорить.

— Нет. Просто соседи.

— А похожи...

— Еще бы. Общий образ жизни всегда делает людей похожими, — сообщил висящий, как летучая мышь, Кустик. — А они с ясельного возраста в одной группе, потом в одном классе. Сколько лет сидели на горшках рядом...

— Ох, Куст... — с ласковой угрозой произнес Платон.

— А что я...

— Да, Куст, — многозначительно сказала Женька. — Счетчик работает.

— А что я...

Тина и Ник появились вновь. С клеенчатым пакетом и пластиковой бутылкой. Из мешка достали надломленный батон. Кустик радостно упал в траву.

— Мне горбушку!

— Возьми, возьми горбушку, только не канючь, — вздохнула Тина. — А вот остатки кетчупа. Кто хочет?

Хотели все. Расселись на ступенях, разломали

батон, вытряхнули на хлеб из флакона капли вкуснющего соуса. Зажевали, заурчали от аппетита. Пошла по рукам бутылка с водой.

— А стакан где? — сказал Кустик.

— Из горлышка не можешь, что ли? — возмутилась Женька. — Тут заразных нету.

— А вот как раз и есть! Кто-то у нас на болезни жалуется! «Кха-кха»...

— Балда! — взвинтилась Тина. — Это же простуда, а не инфекция!

— А вчера говорила, что горло болит. Вдруг ангина? Или дифтерит!

— Сам ты дифтерит! У меня прививка!

— Ну, тогда скарлатина. Тоже зараза...

— Сам зараза... Пожалуйста, я буду пить последняя. — И правда, взяла бутылку после всех.

— Ничего себе, — язвительно заметил Кустик. — Тут еще почти половина. А после подозрительной инфекции кто будет пить?

— Я буду, — сказал Шурка. — Чтобы не пропала водичка.

— Не пропадет. Мы ее вот так! — Тина остатки воды ловко выплеснула на косматую пегую голову. Кустик взвизгнул, кувыркнулся с крыльца.

— Ладно, Тинища! За это я сочиню про тебя поэму!

— Только посмей!

Кустик опять повис на турнике. Покачался вниз головой. Громко сообщил:

— Готово! Слушайте...

Тина, Тина-скарлатина,

Утопилась у плотины...

Подождите, сейчас допридумываю... А, вот!

Там дежурит водяной,

Будешь ты его женой...

Наступила тишина. Жаркая летняя тишина с жужжанием шмеля. Жужжание было угрожающим.

— Ну, все, — выдохнула наконец Тина. И оглянулась на ребят. — Все, да?

Платон пожал плечами. Ник хихикнул. Женька сказала Шурке, но громко, чтобы слышал и Кустик:

— Терпение кончилось. Будем сейчас его опять перевоспитывать.

— - Как? — с опаской спросил Шурка.

— Щекоталками. Он только этого и боится. Думаешь, почему он в таких штанах ходит? Это чтобы, когда мы на Буграх, его трава под коленками не щекотала...

— А пуще всего этот пакостник верещит, когда его под ребрышками, — ласково и зловеще сообщила Тина. — А ну, иди сюда, юный талант...

Кустик уже не висел, а сидел под турником, раскинув ноги. При последних словах он встал на четвереньки и — как с низкого старта — рванул к калитке.

— Стой немедленно! — Голос Тины прозвенел с неожиданной командирской силой. Кустик замер, как приколотый к месту булавкой. Нерешительно посмотрел через плечо.

— Ну чего...

— Константин, ступай сюда, — железно произнесла Тина.

— Ну чего... — Он потоптался и... побрел к сидящим на ступенях. С дурашливым покаянием на лице. На полпути остановился, затеребил свои твердые, как жесть, штаны.

— Я это... больше не буду...

— Что ты не будешь, злодей? — сказала Женька (и опять посмотрела на Шурку).

— Ну, это... сочинять про Тину-скарлатину... Ай! — Он кинулся прочь, но девчонки двумя скачками догнали его и повели к крыльцу. Он слегка упирался, но, видать, ослабел от дурных предчувствий.

Конечно, это была игра. Или почти игра. По всему понятно, что давняя, с привычными уже правилами. Каждый знал свою роль.

— Стой, как пришитый, — велела Тина. — Вздумаешь удирать, хуже будет.

Кустик скорбно посопел:

— Куда уж хуже-то...

Женька спросила у всех:

— Сколько сегодня дразнилок у него на счету?

— У-у... — безжалостно сказал Платон.

Тина тряхнула несчастного подсудимого за локоть:

— Сколько тебе положено щекоталок, а? Говори сам!

— Ни одной... Ну, одна. Ладно, одна!

— Шесть, — хладнокровно сообщил Ник. — Не меньше, если считать с утра.

— Правильно, — Женька деловито насупилась. — Сделай-ка, Ник, из травинок кисточку. Пушистенькую...

— Лучше ты его косой. Волосатые щекоталки он «любит» больше всего...

— Спасите... — шепотом сказал Кустик и округлившимися глазами глянул на Шурку.

Шурка ощутил сладковатое замирание. Щекотки он почти не боялся. И если бы не по Кустику,

а по нему прошелся растрепанный кончик Женькиной косы, это было бы... Стыдно признаться даже себе, но это было бы счастье. Ласковое, пушистое...

И он не выдержал. Он как бы включился в игру!

— Стойте! Может, его все-таки помиловать?

— Еще чего! — возмутилась Тина.

«Вот и отлично!»

— Тогда... давайте я вместо него! Возьму на себя его грехи!

— С какой это стати? — удивился Ник.

— Так... из гуманных соображений! Из человеколюбия!

— Нелогично, — сказал Платон. — Виноват один, а отдуваться будет другой.

— Ну... я, наверно, тоже виноват! Наверно, он сочинял, чтобы своим талантом перед новым знакомым похвастаться...

— И все засмеялись! — крикнул Ник. И правда все засмеялись, даже Кустик фыркнул.

Хорошо хоть, что никто не догадался о настоящей причине, все решили, что Шурка просто жалеет Кустика... Впрочем, Женька, возможно, о чем-то и догадалась. Быстро отвела глаза и взглядом Бабы Яги уперлась в несчастную жертву.

Сжала в пальцах конец косы, нацелилась.

— Ну-ка, где там у нас ребрышки? Подыми рубашку...

«Ох, и мне ведь пришлось бы подымать!» — запоздало ужаснулся Шурка. А Кустик пискнул, присел и по-заячьи бросился через двор. Все (кроме Шурки) с веселыми воплями — за ним.

Кустик забежал под навес, там запнулся, полетел вперед и упал животом поперек плахи с кроссовкой на чугунной «ноге». И замер.

— С тобой все в порядке? — нерешительно спросил Платон.

— Увидимся позже, — мрачно ответствовал пойманный беглец.

— Не позже, а сейчас... — Тина злорадно поддернула рукава свитера.

— Я умер! — заявил Кустик.

— Сейчас оживешь, — Женька бесцеремонно задрала на нем рубаху.

— Ой! Пощады! Платон!..

— Поэты всегда страдают за свой талант, — сообщил образованный Платон. — Сама судьба привела тебя на плаху.

— Ой!.. Постойте! Предсмертные стихи...

Преступник по воле Аллаха

Вниз пузом свалился на плаху...

— Вот! Я сам про себя сочинил дразнилку! Вы должны меня помиловать... Женечка, ты же добрая. Ты... Ай!

Это Женька светлой кисточкой косы тронула его незагорелый ребристый бок. А Тина ухватила несчастного за плечи.

— Ой, не надо! Спасите!!

И Кустика спасли. Силы природы. В стремительно потемневшем воздухе сверкнуло, грохнуло, и ударил по двору появившийся из-за крыши ливень.

Кустик взвинтился и с радостным воплем вырвался из-под навеса.

Он плясал под тугими струями, свободный, неуязвимый и счастливый.

— Теперь не поймаете! Ага! Вы так не можете!..

— Можем! Ура! — Ник тоже бросился под ливень. Ловить Кустика не стал, а заплясал рядом. Потом прошелся колесом.

— Да здравствует стихия! — И Платон кинулся из-под крыши. При этом успел ухватить под навесом полуспущенный волейбольный мяч.

Вмиг все трое стали мокрыми насквозь. И мяч. Они швыряли его друг другу, орали что-то неразборчивое и хохотали.

Женька искрящимися глазами посмотрела на Шурку. И протянула ему руку. И после этого он сделался готовым не то что под дождь, а под картечь.

Держась за руки, они выпрыгнули под хлесткие шквалы, под струи, которые в первый миг показались холодными. Но только в первый миг. И тоже запрыгали в языческой пляске и завизжали от жутковатого веселья. И ловили мягкий набухший мяч, и швыряли его друг другу...

А Тина смотрела на них из-под крыши, пряча зависть под старательной маской осуждения.

Наконец, запыхавшись и наглотавшись воды, вернулись под навес. Кустик бросил в Тину намокший мяч — но так, чтобы не попасть.

— Дурни, — сказала Тина. — Хотя бы разделись сначала...

— Это и сейчас не поздно. Сушитесь, мальчики... — И Женька по дощатой лесенке убежала на сеновал.

Платон и Ник скинули анголки, развесили одежду на протянутом под крышей бельевом шнуре. Кустик, шипя сквозь зубы, вылезал из своих доспехов. Шурка тоже выбрался из рубашки и штанов. И мысленно сказал бабе Дусе Спасибо за свои новые, синие, с белым пояском и кармаш-

ком плавки...

Сверху шумно упала свернутая старая палатка. На нее — серое полосатое одеяло (прожженное с краю). Видимо, на сеновале был целый склад: наверно, для летних ночлегов.

Кустик ухватил одеяло, завернулся в него и по-турецки сел на чурбан. Платон и Ник раскатали палатку, набросили на себя.

— Шурка, иди к нам! Только майку сними, а то бр-р...

Мокрая майка зябко липла к телу. Но Шурка сказал:

— Да ничего, я так... Не холодно...

А ливень все гудел, и за этим гулом сверкало и гремело. Один раз ударило так трескуче — над самой крышей, — что Кустик упал с чурбана. Но тут же сел опять. «И все засмеялись», — вздрагивая, подумал Шурка.

Грациозно, как принцесса, спустилась по лестнице Женька с мокрыми распущенными волосами, в синем купальнике. Такое же, как у Кустика, одеяло, словно мантия, волочилось за ней по ступеням. На последней ступени Женька запахнулась в «мантию» и оглядела всех.

— Шурка, а ты чего мерзнешь один? Иди под палатку!

— Да ничего. Я...

— Он стесняется майку снимать, — вдруг объявил проницательный Кустик. — И совершенно зря, здесь все свои...

Платон выбрался из-под палатки. Сказал вполголоса:

— Боишься, что ли, шрам показывать? Брось, не бойся... Ну-ка... — И решительно взялся за мокрый подол. — А то схватишь чахотку, настоящую, не как у Тинки...

Шурке только и осталось зажмуриться и стыдливо поднять руки.

Майка мокрым флагом повисла на веревке. Шурка съежился, обнял себя за плечи. А потом — чтобы уж все скорее кончилось опустил руки. И голову. Все подошли и тихо дышали, глядя на худую Шуркину грудь.

Шрам был круглый. Словно к груди прижали чайное . блюдце со щербатым краем и резко крутнули его, порвав кожу. Внутри окружности кожа была более светлая. И сухая, как наклеенный пергамент. Тонкие ребра сквозь этот пергамент проступали особенно отчетливо.

Ник, волоча палатку, подошел последним. И первым нарушил молчание:

— Ух ты... Больно было?

В его вопросе не звучало ничего, кроме сочувствия к Шуркиной боли. И в глазах у других (и у Женьки!) было только сочувствие. Ни любопытства, ни брезгливости.

— Не больно. Под наркозом же. Я ничего не помню...

— Все равно шов, наверно, потом болел... — Женька вдруг протянула руку, теплым пальцем провела по тонкому красному следу. — Но теперь-то все прошло, да?

— Да... — неуверенно шепнул Шурка, и рыбка в его груди трепыхнулась радостно и благодарно. Шепот никто не услышал за шумом дождя и новым громом.

Кустик опять сел на чурбан с лапой. Женька — на другой, с тисками. Тина пристроилась к ней. Ник набросил большую, пахнущую сеном палатку на Шурку и Платона, и они сели прямо на землю. Закутались.

И ощутил Шурка такое счастливое спокойствие, такой уют в этой пыльной парусине, рядом с острым горячим плечом Ника, под шумом неугомонной грозы, что подумалось: «Пусть не кончается никогда!» А вот если бы здесь, совсем рядышком, была еще и Женька с ее мокрыми щекочущими волосами... Но Шурка испуганно

прогнал эту мысль. Не от того, что застыдился сам себя, а от суеверной боязни: слишком уж о большом счастье помечталось, надо и меру знать...

Опять сверкнуло, и в серебристом свете возникла бабушка Вера Викентьевна. Ну просто как добрый ангел. Если, конечно, бывают пожилые ангелы в пенсне, в прозрачном плаще и под красным зонтом. И с термосом.

— Я так и знала, что вы мокрые, как мышата во время наводнения...

— Мышата из ушата, — сказал Кустик и нарочно стукнул зубами. — Только Тина суховата...

Вера Викентьевна каждому дала пластмассовый стаканчик и налила горячего какао.

— Моя бабушка — бабушка высшей категории, — гордо сообщил Платон. — Все понимает. В свои молодые годы она тоже любила бегать под дождем.

— Да, — подтвердила Вера Викентьевна. — Но не следует громко говорить о моих детских слабостях.

— Это же хорошая слабость, — сказала Женька. — И не слабость даже, а... наоборот.

Вера Викентьевна оставила термос и удалилась под дождем к дому.

Какао допили. Гром сделался глуше, но дождь

шумел неутомимо. Пришло сонное умиротворение.

— Самое время для бесед о таинственном и для космических историй, — размягченно проговорил Платон. — Кустик... а?

— А вот фиг! — решительно отозвался Кустик. Завернулся в одеяло поплотнее и неприступно замер на своем чурбане. Смотрел в потолок.

— Ну, Ку-уст... — протянул Ник.

Кустик молчал, как изваяние Будды.

— Кустичек... — подхалимски произнесла Женька.

— «Кустичек», да? А кто меня щекотал своей драной косой под левым ребром? Жестоко, несправедливо и... это... вероломно!

— Это же для твоей же пользы же, — очень убедительно объяснила Тина. — Для скорейшего перевоспитания.

— Вот сама и рассказывай.

— Но тебе же самому хочется, — проницательно заметил Платон. — Ведь новая история из тебя прямо так и лезет.

— Мало ли что из меня лезет... Вот выпихните эту Скарлатину под дождь, тогда расскажу.

— Ну, Куст, это ты чересчур, — осудил его Платон.

Тина тряхнула загнутыми косичками.

— Хорошо! Я сама! Только свитер сниму... — И потянула вверх пушистый край.

— Ладно уж, сиди, — сказал Кустик поспешно. — А то и правда схватишь какое-нибудь гриппозное воспаление. Обчихаешь нас всех...

Тина снесла уничижительную реплику безропотно. Кустик сейчас явно был хозяином положения. Он повозился на чурбане.

— Здесь мне твердо...

— Иди к нам! — Платон и Ник разом распахнули палатку, и Кустик полез к ребятам, по очереди втыкая в каждого колючие локти и колени. Наконец устроился между Ником и Шуркой. Посопел.

— Ну, значит, так... Вы что-нибудь слышали о планете-бутылке?

Кустика дружно уверили, что ни о чем подобном никто никогда не слыхал.

— Хорошо. Но вы, конечно, знаете, что бесконечное космическое пространство имеет множество удивительных и неизученных свойств?

Оказалось, что это известно всем. Шурке — тем более (правда, он промолчал).

— А то, что в космосе водятся пираты, знаете?

— Знаем, знаем, — нетерпеливо отозвался Ник.

— Ну вот, с пиратов эта история и началась.

Кустик, видать, был рассказчиком от природы. И, к тому же, опытным. Говорил звонко, отчетливо и такими фразами, будто книжку читал.

— ...С пиратов эта история и началась. Один разбойный капитан летал между звездами на фотонном фрегате «Черная Лаперуза». Экипаж прозвал этого капитана Печальный Роджер. Вообще-то пираты обычно любят «Веселых Роджеров», но в данном случае такое имя не годилось — очень уж капитан был мрачный... Как Алевтинин папа, когда та приносит двойку по английскому языку...

Тина и это перенесла молчаливо.

— И чтобы хоть как-то ослабить свою мрачность, Печальный Роджер каждые сутки выпивал по бутылке галактического рома «Вулкан Андромеды». Крепостью в сто тридцать звезд. И выбрасывал пустую бутылку в мусорный люк.

Боцман Кровавая Колбаса говорил капитану, что не надо засорять космос, но капитан посылал боцмана в самую далекую черную дыру и продолжал засорять...

Потом фрегат «Черная Лаперуза» попал в антимир. В антимире все наоборот, поэтому пираты сразу превратились в добрых людей, поселились на мягкой, как подушка, планете Пупушва и стали

мирно выращивать космическую овощ «лимондара». Больше про них ничего не известно.

А бутылки летели и летели в межзвездной пустоте.

И вот одна из них попала в пространство-линзу...

5. Прозрачная планета

— Пространства-линзы, — продолжал Кустик, — это как бы громадные невидимые увеличительные стекла. Сквозь них пролетаешь и ничего не чувствуешь. Но потом приближаешься к своей родной планете и — ой-ей-ей! Видишь, что она сделалась величиной с футбольный мяч. Только на самом деле это не она уменьшилась, а вы увеличились в миллион раз...

Ну, с бывшими пиратами такого не случилось, а вот одна их бутылка пролетела сквозь линзу и сделалась в поперечнике, как наша Земля.

Да, я забыл сказать, что это была круглая бутылка!

Вроде как от ликера «Глобус» в спекулянтских киосках — такой прозрачный шар с длинным горлышком.

Ну вот, она увеличилась, и никто этого не за-

метил, потому что вокруг была межзвездная пустота, никаких небесных тел и кораблей поблизости. И висела бутылка-великанша в этой пустоте целые миллионы лет. Куда ей было спешить-то?

А за это долгое-долгое время через горлышко налетела в бутылку космическая пыль, налипла внутри на стеклянные стенки. И получилась почва...

А потом... Вот это самое главное! Влетел в горлышко метеор! Он грохнулся о донышко бутылки, но не пробил, а отскочил в самую середину бутылочного пространства. И, наверно, от досады, что попал в ловушку, разгорелся ярким светом. И с той поры никогда не гас. Потому что он был из особого звездного вещества, а звезды ведь горят сами собой целые миллиарды лет. За счет внутренних ресурсов. Ну и этот тоже...

И получилось внутри круглой вместимости маленькое, но настоящее солнце.

Про такой, про похожий мир книжка есть, называется «Плутония». Но она про внутренность нашей Земли, а тут все случилось в бутылке...

Когда сделалось светло и тепло, в почве стали появляться всякие микробы, а потом и большие живые существа. И растения. И выделилась вода,

появились моря и озера.

Ну, а дальше все, как у нас: сперва динозавры, потом первобытные люди и человеческая цивилизация...

Многое там было похоже на нашу жизнь. Только люди никогда не видели звездного неба. Над головой у них всегда было яркое солнце, и никто даже не знал, что такое ночь. Правда, время от времени собирались густые тучи, наступал полумрак и начинался сезон дождей. Ну, что-то вроде африканской зимы. А про снег там даже и не слыхали.

Вообще климат там был теплый, мягкий, поэтому и люди, наверно, были мягкие по характеру... Ну, то есть всякое, конечно, случалось, бывали там в истории и войны, но не такие ужасные, как на Земле. Потому что все там знали: живут они внутри шара. Если в нем взорвать слишком большую бомбу, случится такой резонанс, что весь мир рассыплется...

— И бутылка может лопнуть, — заметил Ник.

— Ну, они не знали, что живут в стеклянной бутылке. Думали, что просто в круглой пустоте, окруженной чем-то твердым...

Но, наверно, главные правители о чем-то догадывались. Поэтому придумали всякие законы.

Например, не копать колодцы глубже десяти метров...

Дело в том, что там были не только местные люди, но и потомки тех, кто однажды залетел туда на звездолете. Случайно. Звездолет сломался, выбраться обратно они не смогли и стали жить среди местного населения. И постепенно смешались с ним. Конечно, эти космонавты знали про мир больше, чем внутрибутылочные люди. И рассказывали про космос и галактики. Но со временем все перепуталось, подзабыл ось, остались только разные легенды. Одна была про то, что в Южной части Круглого мира есть Черный туннель, который ведет в Никуда. А по правде это было горлышко бутылки.

Надо сказать, что люди жили в нижней бутылочной половине. Солнце-то висело не точно в середине Круглого мира, а повыше, ближе к горлышку. Там начинались очень жаркие пустынные места, даже озера время от времени испарялись. Сперва туда ходили отважные экспедиции, но потом это дело запретили, потому что не каждая экспедиция возвращалась.

Ну вот, в то время, о котором идет речь, жизнь в планете Бутылке была мирная и спокойная. Войны давно уже не случались, наука развивалась, а

руководил людьми умный правитель Бумбулло, потомок звездолетчиков, которые в древности влетели в горлышко. Он заботился о всеобщем благополучии.

А в городе Пампоподо, на берегу Треугольного моря, жили-были два мальчика.

Вообще-то в городе было много мальчиков. И девочек. Девочки были совсем не вредные, никогда не приставали к мальчишкам, а всякие дурацкие щекоталки были запрещены законом.

— А если кто-нибудь нарушал закон? — не удержалась Тина.

— Тогда... даже не знаю. Таких глупых там просто не было. Никому и в голову не приходило нарушать законы. Считалось, что Внутренний Шар от этого может лопнуть и все провалятся в Ничто...

Ну, вот. Жили-были два мальчика. Кудрик и Мудрик.

Они были друзья.

Кудрик был веселый, все время затевал разные игры. А Мудрик был изобретатель. Постоянно делал всякие хитрые штуки: автомобильчики на солнечной энергии, само-прыгающие мячи, крошечные телевизоры из спичечных коробков. А еще маленьких пластилиновых крокодилов на

микросхемах. Они ползали в школах под партами и даже кусались, но не сильно, а шутя...

И вот однажды Кудрик и Мудрик услышали легенду о пиратском кладе. Кое-какие сведения про космических пиратов, наверно, все-таки просочились в планету-бутылку, только сильно измененные. Короче говоря, ходили слухи, что где-то на окраине города Пампоподо старинные пираты зарыли клад. Вообще-то слухам почти никто не верил (даже что такое «клад», толком не знали).

Но Кудрик вдруг загорелся нетерпеливым планом. И скорее к Мудрику:

— Придумай робота-копалыцика. С разведывательным нюхом! Пускай найдет клад и выроет!

А Мудрику что? Ему лишь бы поизобретать! Сел за свой компьютер, начал загонять в него программу за программой. Ну, компьютер и выдал наконец чертеж. Схему механического животного, похожего на кенгуру. На задних лапах — маленькие экскаваторные ковшики с зубцами...

Потом Кудрик и Мудрик этого робота долго строили. Он был с электронными и компьютерными внутренностями. Когда он был готов, ему дали имя Уркла. То есть «Универсальный развед-

чик кладов».

Рано утром... Ой, никакого утра там, конечно, не было. Ну, когда все крепко спали за закрытыми ставнями, Кудрик и Мудрик верхом на Уркле выехали за город. И сказали роботу:

— Ищи!

Уркла ткнулся мордой в траву. Морда у него была похожа на ведро с двумя автомобильными подфарниками (это глаза) и с двумя дырами-ноздрями, чтобы принюхиваться. Ну вот, он принюхался и начал рыть. Сперва передними лапами. А когда углубился, то и задними. Он уходил в землю и оставлял за собой широкий круглый колодец. И не забывал делать в стенке колодца ступеньки для ребят, потому что он был почти такой же умный, как его конструктор Мудрик.

Мудрик очень радовался, что Уркла так старательно и быстро работает. А Кудрик вдруг испугался:

— Ой! А ты поставил ограничитель глубины? Ведь дальше десяти метров рыть нельзя!

Мудрик был талантливый, но рассеянный. Он не помнил, сделал ограничитель или нет. А останавливать Урклу ему не хотелось. И он сказал:

— Подумаешь! Какая разница?

— Как какая! Если копать глубже, Круглый мир

может лопнуть!

— Не лопнет, — рассудил Мудрик. — Подумай сам! Ведь Уркла ищет клад, который зарыли пираты. Глубже клада он рыть не станет. А если пираты рыли глубоко и ничего не лопнуло, почему нам нельзя?

Да, он был рассеянный, но очень умный. И Кудрик почти перестал беспокоиться.

Они оба смотрели вниз, в колодец, но оттуда из-под Урклиных лап летели комья земли, ничего нельзя было разглядеть.

Наконец Уркла сказал механическим голосом:

— Дальше не роется. Скребки скользят. Программа выполнена.

— А клад есть? — вместе спросили Кудрик и Мудрик.

— Не знаю, — без выражения ответил Уркла. — Что-то есть.

Кудрик и Мудрик скатились вниз по ступеням. Сперва на металлическую спину Урклы (и он железным тоном сказал: «Рас-тя-пы»), а потом к его лапам. И вскрикнули. Потому что показалось, что они летят в пустоту!

Но они не полетели. Локтями и коленками уперлись в холодное толстое стекло, которое было совершенно прозрачным. А за стеклом был

космос.

Конечно, Кудрик и Мудрик не знали, что такое космос. Они даже слова такого никогда не слышали. Но они все же почувствовали, что видят какой-то новый громадный мир. Незнакомый и совершенно бесконечный. В этом мире горело множество дальних огоньков. Будто капли расплавленного металла...

И Мудрик вдруг заплакал...

Ну, ребята, я не знаю, почему он заплакал. Только точно, что не от страха. И он сказал:

— Я понял, что это такое. Это разные солнца. Не такие, как наше, а очень далекие и очень громадные.. Я давно-давно где-то слышал такую сказку. Или видел это во сне. Да, во сне. Несколько раз. От такого сна замирала душа...

И сейчас душа замирала. У обоих. Но Кудрик постарался остаться веселым:

— Значит, мы нашли самый потрясающий клад! Мы молодцы! И Уркла молодец!

Но Уркла сказал:

— Вы не молодцы. И я не молодец. Мы нарушили закон. Вам попадет. А меня размонтируют.

Мудрик вытер слезинки и улыбнулся:

— А вот фигушки! Не имеют права.

И они пошли рассказывать другим ребятам про

свое открытие.

Ребята все радовались и по очереди лазили в колодец. И у всех замирала душа. Ну, от всяких чувств. От беспредельности и от того, как манили их звезды.

Но такую тайну трудно сохранить. И, конечно, скоро про все это дело узнали взрослые. Вот тут-то и началось!

Разумеется, первым делом засыпали колодец. Потом всем ребятам, кто видел через стеклянное дно звездные просторы, запретили говорить про это. А то, мол, всех в школе оставят на второй год и снизят оценки за поведение... А Кудрика и Мудрика вызвали на совет. Сперва на педагогический, а потом на общий, на Всепланетный.

На этом общем совете был председателем сам Бумбул-ло, главный правитель планеты. Старый, седой, похожий на академика. Вообще-то он был добрый. Но сейчас очень нервничал, хотя и старался говорить спокойно. Сперва даже говорил: «Дорогие мальчики...» Но потом не выдержал и закричал: «Молокососы паршивые!..»

А чего он испугался то? — спросила Тина.

— Как чего!.. Жили-жили, думали, что их мир единственный, все было понятно и спокойно. А теперь вдруг оказалось, что этот мир — ка-

пелька в океане. Даже и не капелька, а меньше самой крошечной молекулы! Разве такое легко пережить?.. И стали правитель и его советники давить на Кудрика и Мудрика:

— Признайтесь, что все это ваши глупые выдумки!

Те говорят:

— Но все равно ведь многие это видели!

А помощник правителя, хитрый такой, вроде кардинала Ришелье, им в ответ:

— Пусть Мудрик скажет, что он для забавы сделал такой специальный экран, похожий на стеклянное дно! И вставил в колодец, чтобы подшутить над всеми. Тогда вам ничего не будет.

Но Мудрик уперся. И Кудрик тоже. Говорят:

— Вы же сами учили детей, что врать нехорошо!

А советники им наперебой:

— Это не вранье, а высшая государственная политика!

Но Кудрик и Мудрик все равно сказали «нет». Тогда их отвели в специальный исправительный дом. И заперли в темной комнате. И сказали, что не выпустят, пока они не передумают...

— Но не били? — спросил Ник.

— Ну нет. Это же все-таки не Земля... Однако

предупредили: «Будете упрямиться — больше никогда не увидите солнца».

Кудрик сказал:

— Подумаешь...

А Мудрик:

— Мы теперь видели столько разных солнц, что нам хватит до конца жизни.

Хитрый помощник правителя им сказал:

— Если не передумаете, мы вам сделаем прививки, от которых вы позабудете все на свете. Даже своих мам и пап. И вообще сделаетесь тупые...

Но они и тогда не уступили. Да они и не верили, что можно позабыть своих мам и пап... Может, поодиночке они бы и сдались, но они были вдвоем и поддерживали друг друга, потому что очень дружили. Ну, и гордые были, конечно...

— А что стало с Урклой? — спросил Платон.

— С Урклой стало... такое, что потом все ему говорили спасибо!

Сперва, конечно, его попытались размонтировать. По приказу совета. Вернее, хотели вставить в него другую программу, чтобы превратился в простого вьючного робота.

Но Уркла убежал. В те ужасно горячие области Круглого мира, куда люди не решались соваться.

Ему-то было не страшно, оболочка жаропрочная... А был он вполне разумное существо, только не из мускулов и мозговых клеток, а из всякой электроники и микропроцессоров. Умел он не только думать, но и чувствовать. И он привязался к Мудрику и Кудрику. Поэтому через недолгое время (когда опять все спали) он пробрался в город, плазменным резаком вскрыл замки и выпустил Кудрика и Мудрика. И сказал:

— Если у вас найдутся жаропрочные костюмы, я вам кое-что покажу. Вам все равно надо куда-то удирать из Пампоподо...

Мудрик пробрался домой. Там в кладовке отыскал два легких термостойких скафандра (у него ведь много всего было напридумано и понаделано). Сели Кудрик и Мудрик на Урклу и помчались в горячие области.

Надо сказать, что путешествие было нелегкое и долгое, хотя Уркла мчался быстро. Кое-где он даже летел, потому что у него были выдвижные крылья и легкий реактивный двигатель.

Делалось все жарче и страшнее. Солнце жгло даже сквозь скафандры. А земля все круче шла под уклон, потому что было это уже не очень далеко от горлышка. Ну, знаете, где плечики бутылки...

Но вот, когда стало уже совсем невмочь, среди желтых пустынных песков они увидели что-то ржавое и черное, с круглыми окнами. Похожее на дом в форме яйца.

Это был звездолет, на котором в древности прилетели сюда инопланетяне.

Он был ужасно старый, но внутри все сохранилось в исправности, только двигатели не работали. Зато работали охладительные системы, они включились автоматически, когда Кудрик, Мудрик и Уркла забрались внутрь... Там путешественники, конечно, отдохнули, пришли в себя и стали разбираться, что к чему.

И тут у Мудрика проснулась такая память... Ну, которая передается по наследству через многие поколения...

— Генетическая, — сказал Платон.

— Да... Он стал вспоминать устройство звездолета, космические карты, документы... В общем, он в конце концов понял, что такое космос, что такое звездолет. Оказалось, что это корабль для путешествий по Великому Кристаллу...

«По чему?!» — хотел спросить Шурка. Но от нервного озноба перехватило горло. И вместо Шурки Женька удивленно спросила:

— По какому кристаллу?

— По Великому... То есть по Вселенной. Потому что Вселенная имеет кристаллическое устройство. У этого Кристалла бесконечное число граней, и каждая грань — особое пространство...

— Это тебе тоже космические голоса нашептали? — строго спросил Платон.

— Конечно. Не сам же я придумал, — Кустик недовольно хмыкнул.

— А правда есть такие голоса? — шепотом спросил Шурка у Кустика. Тот промолчал. А Платон объяснил с хмуроватой серьезностью:

— Он говорит, что эти голоса и нашептывают ему космические истории. И будто он этот шепот не ушами воспринимает, а впитывает кожей. Потому что она у него сверхчувствительная...

— Ну а про Кудрика и Мудрика-то что они нашептали? — легкомысленно поторопил Ник. — Какой у истории конец?

— А конца нет, — сказал Кустик. — Пока все остановилось на том, как они сидят в звездолете...

Я думаю, Мудрик его починит. И они вылетят через черный туннель, через горлышко бутылки, в открытый космос.

— А ребята в городе Пам... Пом... ох, Пам-пододо придут в себя и начнут копать новые колодцы,

— сообщил Ник. — Потому что это исторический прогресс, его не остановить.

— А может, раскопают и целые стеклянные площади, — задумчиво сказала Женька. — Представляете, как будет здорово! Получится, будто звездное озеро. Сидишь на берегу и смотришь в космическое пространство.

— А Кудрик и Мудрик на звездолете сядут на эту стеклянную планету снаружи, — поддержал развитие истории

Платон. — И увидятся с друзьями через стекло. И будут обмениваться с ними сигналами. А потом вернутся домой.

— И построят новые звездолеты, да? — слегка подмазываясь к Кустику, въехала в разговор Тина. — И начнется космическая эра...

— Не знаю... — Кустик посопел. — Откуда я знаю? Может, будет так, а может, по-другому.

Тогда Шурка не удержался, спросил:

— Кустик, а у морей и озер дно там, наверно, стеклянное?

— Дно? Ну, возможно... Наверно. Конечно, вода же размывает земляной слой и добирается до стекла. Только никто этого не видал, там ни подводных лодок, ни аквалангов еще не придумали...

«Значит, так... — подумал Шурка. — Снаружи, где моря, планета прозрачна. Сквозь толщу воды и стекла светит солнце. И видно, как плавают стаи рыб, осьминоги и киты... И временами планета вспыхивает, как хрустальный шар... Интересно, что сказал бы на это Гурский? И еще: удивился бы он или нет, если бы услышал, что косматому пацаненку по прозвищу Кустик известно о Великом Кристалле? Гурский говорил, что об этом на Земле не знает никто...»

Но Гурский был неизвестно где. А сидевший рядом Ник задрыгал ногами-руками:

— Смотрите, солнце! Дождь кончился!

6. Издалека...

Они сбросили палатку. Выскочили в свежесть и солнечное сверкание. Заплясали опять, поджимая ноги в мокрой высокой траве.

Раскидали штаны, рубашки и майки на сосновой поленнице. От влажной материи пошел пар. Под горячими лучами она высыхала на глазах.

Шурка мотнул головой, прогоняя мысли о Гурском. Пусть сейчас не будет в настроении даже самого маленького пятнышка. Пусть лишь вот этот яркий день, стеклянные бусы дождя в траве,

густая синева неба у края уходящей тучи... И новые друзья. Женька...

Круглого шрама на груди он уже не стеснялся, забыл о нем.

Женька в своем синем купальнике гонялась за хохочущим Кустиком — удивительно тощим и незагорелым, как свежая щепка. Кустик стряхивал на Женьку капли с яблонь, а она: «Ну, я тебе покажу, Кудрик-Мудрик!» — и в погоню...

Шурка засмотрелся, смутился, стал глядеть в другую сторону и бодро вспомнил:

— А как там мой башмак? Наверно, уже заклеился!

Платон бросил ему кроссовку из-под навеса.

— Держи! Как новенький! Надевай и будешь как огурчик...

Шурка машинально поймал и стоял неподвижно. Откуда в ушах этот тоскливый, этот издалека пришедший гул? Как вой далекого мотора. Ближе... ближе...

Он еще старался удержать в себе радостный день, свое нынешнее счастье. Он даже попытался улыбнуться... Да нет же, ничего не случилось!..

Запыхавшийся, отбившийся от Женьки Кустик подбежал, встал напротив, наклонил пегую голову к костлявому плечу. Глаза озорно сияли.

— Шурчик-мурчик будет как огурчик...

И сразу — будто тьма...

Гурский говорил о блокаде памяти. Вернее, о фильтре. О таком, который пропускает в память прошлое небольшими дозами. И к тому же прошлое это — как бы обесцвеченное, без переживаний. Словно не с тобой это было, а с другим. И давно, давно, давно...

«Иначе, Полушкин, вам просто не выжить. Тоска убьет вас, говорю это прямо. И главное — вы не сможете сделать то, что вам предназначено...»

«Что предназначено?»

«Об этом позже. Сначала о блокаде. Вы согласны?»

«Как хотите...»

«Нет, это вы должны решить...»

«Ладно...» — Он и правда устал от тоски.

И... ничего не случилось. Но прошлая жизнь как бы отгородилась полуметровым стеклом (и были на этом стекле совсем непрозрачные пятна). А к нынешней жизни стал проявляться слабенький, но все же интерес. Проклевывался тонкой травинкой. Особенно, когда разговор заходил о Рее...

А сейчас... сейчас то стекло будто рухнуло со звоном осколков.

...Ник, Платон, Женька, Тина и Кустик потерян-

но смотрели, как новый их приятель съежился на корточках и сотрясается от плача. Слезы были взахлеб, не сдержать. Что же делать-то?

Тина в сердцах дала Кустику подзатыльник.

— Балда! Доигрался со своими дразнилками! Смотри, до чего довел человека!

И Шурка услышал. Да, сквозь неудержимый плач все же услышал эти несправедливые слова. Рывком выпрямился. Не останавливая слез, взял Кустика за плечи, придвинул к себе — словно от ударов защищал:

— Ну, вы чего! Он же не виноват!.. Он... Это я... Сам...

Надо было спасать Кустика, спасать себя. Если не поймут, откуда эти слезы, может рассыпаться начавшаяся дружба. И тогда что? Опять один, один... И не будет Женьки... Будет лишь прорвавшаяся сквозь блокаду беда...

— Он же не знал!.. Я сам... потому что... это сразу вспомнилось. Вы не злитесь... Потому что отец тогда сказал такие же слова, и потом... почти сразу...

— Шурчик-мурчик, будешь как огурчик... — Отец смеялся, поправляя на нем новую зеленую бейсболку. А комната была залита неудержимым июньским солнцем. И теплый ветер колыхал

шторы. Он был с запахом доцветающей сирени. Шурка нетерпеливо переступал новенькими зелеными кроссовками. В нем тугими струнками звенело ожидание радостного путешествия и свободы. Школьный год — позади. Отчетный концерт в «Аистятах» — позади. А впереди — аэродром, первый в жизни полет и — море! На том южном берегу, куда не докатились гражданские войны и кровавые разборки. Они еще есть, такие берега...

— Сейчас отвезу домой шефа, поставлю машину, и мы с тобой на автобус. В аэропорт.

— Пап, ты только недолго!

— Двадцать минут... — Хлопнула дверь, зашумел лифт. Шурка заломил бейсболку, шагнул через упавший чемодан, встал перед зеркалом. Нарядный такой, собравшийся в путешествие мальчик. Счастливый десятилетний папин Шуренок, у которого впереди одни радости...

Словно трещины пошли по зеркалу. Загрохотали внизу на улице черные железные молотки...

Шурка опять сел на корточки. Пахло мокрой травой и дровами. Остальные присели вокруг Шурки. Он вздрагивал и вытирал глаза. И ничего не скрывал, когда рассказывал. Только слово «папа» произносил с легкой запинкой, потому

что уже отвык.

— Папа... он работал в фирме «Горизонт». Ну, то с компьютерами было связано. Небольшая фирма... Он был шофер, возил директора, дядю Юру Ухтомцева. Он не только шофер был, а еще как бы и помощник, консультант... И вообще они были друзья... Раньше папа работал не шофером, а диспетчером на аэродроме, но его выжили. Потому что не хотел поддерживать забастовку. Все диспетчеры решили бастовать, на их место послали военных, а папа говорит: «Они же в пассажирских полетах ни бум-бум. Люди могут погробиться». И вышел на работу. Ну, и потом не стало ему там жизни... Вот он и ушел в «Горизонт»...

Шурка всхлипнул опять. И чтобы не дать ему расплакаться снова, Женька спросила:

— Вы с папой вдвоем жили, да?

— Да... Мама умерла, когда мне пять лет было... Он сперва женился второй раз, но ничего хорошего не вышло. Ну и мы вместе, двое... Мы хорошо так жили. А в тот день — все сразу... как бомба...

...Когда он выскочил из подъезда, у машины никого не было. В лобовом стекле — частая цепь пробоин. Шурка раньше видел такое в кино. Дядя Юра Ухтомцев отвалился на спинку сиденья. А отец сидел за рулем прямо. И смотрел мимо Шур-

ки. В уголке рта набухла крупная, как алая ягода, капля. Шурка закричал...

Тот крик надолго застрял у него в ушах. Засел в легких занозистым деревянным кубиком. И жил с этим кубиком Шурка долго. Сперва в детприемнике, потом в интернате. Кубик мешал дышать, и Шурка часто кашлял. Воспитательница водила его к врачу. Тот сказал: «Бронхит». А это был не бронхит, а застрявшая тоска. И горькое беспросветное недоумение: «Почему это так? За что?»

— ...Понимаете, все разом куда-то... ухнуло. Ни отца, ни дома...

— А дом-то... — напряженно оказал Платон. — Квар-тира-то куда девалась? Она же твоя...

— Боже мой, да на нее тут же... слетелись, как вороны. Оказалось, что у кучи людей документы. Будто отец ее продал...

— А нельзя, что ли, было пойти, доказать? — спросил наивный Кустик.

Шурка проглотил последние слезы.

— Ага... Я сперва так же думал. О справедливости... Сбежал из приемника, пошел в милицию. Пустили меня там к одному... Следователь Хорченко. Он сразу: «Квартира — не мое дело. Ты лучше скажи: знаешь, что у отца был пистолет?» Я это, конечно, знал. У папы «Макаров» был. С

разрешением. Папа мне давал стрелять в лесу. Я в консервную банку научился попадать с десяти шагов... Я и говорю:

«Знаю, конечно...»

А этот Хорченко:

«Тогда скажи: куда он девался?»

И давай катить на меня. Ну, мол, будто я этот пистолет куда-то спрятал... А мне до того, что ли, было?.. А «Макаров» этот, скорее всего, был тогда и не у папы, а в сейфе, в «Горизонте». Папа наверняка его сдал перед поездкой, в самолет ведь с оружием не пускают. Я так и говорил сначала. А Хорченко:

«Ты мне мозги не пудри. Я знаю, что у вас дома был тайник...»

И потом еще несколько раз меня из приемника таскали в милицию. Будто уже совсем обвиняемого: «Где пистолет? Говори, если не хочешь в спецшколу!» Они там даже не понимали, что мне все равно: хоть в спецшколу, хоть на тот свет... Один раз я не выдержал, как заору на этого Хорченко:

«Чего вы ко мне привязались! Лучше бы арестовали тех, кто отца убил!»

А он:

«Ты еще тут глотку драть будешь, сопляк! По-

следний раз спрашиваю: где пушка?»

Ну, я и выдал в ответ:

«Если, — говорю, — была бы у меня эта «пушка», разве бы вы, гады, ходили живые? Вы — одна лавочка с бандитами...»

Он вскочил, замахнулся, а я в него плюнул...

Били Шурку профессионально. Так, чтобы не было следов.

В маленькой комнате без окон. Двое ловких, коротко сопящих парней в пятнистой робе. От них пахло табаком и кирзовыми башмаками. Шурка так и не понял, чем били. Боль раскатывалась по внутренностям тугими резиновыми шарами. Распластанный на лежаке Шурка сперва дико вскрикивал, потом кашлял и мычал. И злорадно думал, что сейчас умрет и тогда уж этим гадам придется отвечать, не отвертятся. Тогда он еще не полностью избавился от наивности...

А кроме того, сквозь боль проскакивали отрывочные мысли о пистолете. Мысли-проблески. «Если бы у меня и правда была «пушка»...»

А потом, осенью, когда на краю кладбища нашел он среди мусора ту прямую латунную трубку, мысли были уже четкие...

Это случилось, когда он жил в интернате...

Нет, про трубку не надо. По крайней мере, сейчас не надо...

На кладбище он ходил часто. Интернат стоял от кладбища неподалеку (хоть в этом повезло). Шурка убегал и шел на мамину могилу. Потому что даже в самой беспросветной жизни должно быть у человека хоть что-то родное.

На могилу отца он не ходил — ее просто не было. Отца сожгли в крематории и засунули урну в стену, за серую каменную табличку. Лишь на это хватило денег у фирмы «Горизонт», которая стремительно разорялась. До крематория было километров двадцать, не доберешься. Да и что там делать перед глухой бетонной стеной с сотнями имен? А тут, на кладбище, — кусты и скамейка рядом с могильным камнем. И рядом — никого...

Но сюда приходил уже не прежний Шурчик Полуш-кин. Не ласковый, веселый и слегка избалованный папин сын. Приходил замызганный пацаненок с острыми скулами, с твердым кубиком в легких и застывшей душой. Сидел под мокрыми увядшими листьями рябины. Думал. Не спешил. Куда было идти? Обратно в интернат?

...Нет, про интернат сейчас тоже не надо. Про эту серость и кислый запах в коридорах. Про таблетки и уколы, чтобы ночью вели себя тихо.

(И тихо вели. Но гадко...) Про улыбчивые делегации, привозившие «сироткам» гуманитарную помощь — ее потом с визгом и руганью делили воспитательницы.

...А есть такое, о чем при Женьке и при Тине вообще не скажешь никогда. Об этой ночной возне в девчоночьих спальнях. Или о скользком, как червяк, восьмикласснике по прозвищу Гульфик — активисте и директорском прихлебателе. Как он, когда гасили свет, ужом лез в мальчишечьи постели. И слюнявыми губами в ухо: «Ах ты мой хорошенький. Дай-ка я попробую на твердость твой гвоздик...» И однажды попробовал Шуркин — стальной, отточенный, длиной в двенадцать сантиметров. Шурка в сентябре подобрал его на стройке и держал под подушкой.

Потому что насчет всех этих дел просветили Шурку еще в приемнике. И он понял: тут два пути. Или покориться, или быть готовым на все: на отчаянную драку, на боль, на кровь, на тюрьму. Даже на смерть...

Гульфика — воющего, с разодранной на боку кожей — утащили в медицинский кабинет. Дело замяли: директорша не хотела скандала, до милиции не дошло. Но Шурку, разумеется, били опять: сперва по щекам в директорском кабинете, потом

в «комнате для трудных» — воспитатель Валерий Валерьевич, резиновым шнуром от скакалки. «Не дрыгайся, моя пташечка. Будешь орать — все узнают про случай с гвоздем. А тогда уж точно — спецшкола...»

Шурка не орал. Не потому, что боялся спецшколы. Просто колючий кубик в груди был как клапан. Да и к боли Шурка уже притерпелся: били везде — и в приемнике, и в милиции, и в интернате. Воспитатели и все эти «дежурные по режиму», и парни — те, кто постарше...

Он не хотел об этом, но все же не удержался, сказал сейчас ребятам:

— К битью привыкаешь... А к табаку привыкнуть не мог, бронхи болели от кашля... А труднее всего было знаете что? Не поверите... Не мог сперва ругаться, как другие. Потом научился. Без этого нельзя. Чтобы выжить, надо было казаться таким, как все.

— Казаться... или быть? — тихо спросил Платон. Судя по всему, он понимал больше других.

Шурка мотнул головой.

— «Быть» не получалось. Всегда было жалко маленьких. Им там хуже всех, в этом зверятнике... А еще... у меня же там была задача. Выжить, чтобы встретить того... Главного, кто послал ав-

томатчиков.

— Значит... ты узнал, кто это был? — испуганно спросил Кустик.

— Господи! Да это все знали... Такой гад по фамилии Лудов. Он ездил на «мерседесе» с целой бандой охранников, заведовал ресторанами, рэкетирскими шайками и всякими торговыми домами. «Горизонт» отказался платить ему дань, ну и вот...

— А почему не арестовали-то?! — взвинтился Ник.

— Говорили: «Нет доказательств»... Зато друзей в милиции у него было сколько хочешь. Тот же Хорченко... Я уж потом догадался...

— И... что ты хотел с ним сделать? — словно через силу спросила Женька. Шурка глянул и отвел глаза.

— Не получилось? — шепотом сказал Платон.

Шурка покачал головой. Он понял, что пора остановиться.

— Я же говорил... Попал под машину. На дороге... А потом клиника. Врач по фамилии Гурский... Он, говорят, сделал чудо...

Шурка вдруг улыбнулся. И с облегчением, и с просьбой: «Давайте больше не будем обсуждать все это...» Гурский словно оказался рядом и по-

вел рукой. И завеса из полупрозрачного стекла опять беззвучно опустилась между Шуркой и его прошлым. Он всхлипнул самый последний раз — виновато и запоздало.

— Вы... наверно, думаете: вот, появился тут такой, разревелся, как маленький...

Все немного помолчали.

— Глупенький... — вздохнула наконец Женька. Мама когда-то в точности так же говорила после долгих его слез. — Глупенький... Никто ничего такого не думает...

Платон сказал насупленно:

— И что же, что разревелся? Может, это и хорошо: от слез легче делается. Не зря их природа выдумала... Ты не бойся, мы все понимаем.

— Конечно, с нами такого не было, — рассудительно вставил Кустик. — Но тоже... Вот у Ника, например... Ладно, потом...

Шурка вытер лицо ладонью. Медленно встал. Солнце жарило плечи. Головки иван-чая покачивались у щек.

— Главное чудо не то, что он меня вылечил, — сказал Шурка всем. И Женьке. — Самое хорошее, что я здесь.

— Это уж точно! — обрадованно согласился Ник. С намеком, что хватит уже о грустном.

Но Шурка все-таки сказал еще:

— Они там в клинике не только сердце мне спасли. Еще и эта... психотерапия была. Чтобы страшное не вспоминалось слишком часто. По-моему, перестарались...

— Ты думаешь? — насупленно спросил Платон.

— Кое-что не помню совсем... Например, город, в котором жил. Как называется. Бабу Дусю спрашиваю, а она молчит. Боится, что мне хуже станет...

— Значит, любит, — рассудительно заметил Кустик.

7. Отвертка

Баба Дуся, конечно, любила Шурку. Но, как уже известно, зря не баловала. И, когда он появился дома, устроила нахлобучку:

— Это где же тебя черти носили, бессовестная ты личность! Ушел с утра, на часах уже четыре, а его нету и нету! В милицию уже собралась идти, вот срам-то был бы! Отвечай, где болтался!

— Баб-Дусь! Я...

— Молчи, когда старшие говорят!

Шурка с сокрушенным видом стоял посреди комнаты.

Нагнулся, стал раскручивать отвороты брюк и вытряхивать оттуда листики и сорняковые семена. Глянул исподлобья:

— Ну так что? Отвечать или молчать?

— Сперва молчи, потом отвечай! Где был?

— Заигрался...

— Заигрался! На целый-то день! Один!..

— Да не один я! Познакомился! Там такие ребята...

— Вот-вот! — в голосе бабы Дуси прозвучала паническая нотка. — Началося! Связался со шпаной...

— Да не со шпаной! Наоборот! Ну, честное слово! Знаешь какие... замечательные! — Шурка выпрямился.

— Были бы замечательные, сказали бы: «Тебя небось дома ждут».

— Они и сказали. Потом... Даже проводили... А сперва мы про время позабыли. Потому что гуляли, а тут как раз дождь, а после мы сушились и рассказывали... истории всякие... Ну и вот... Баб, ты подожди ругаться, я уж сразу во всех грехах признаюсь...

— Господи-светы! Чего натворил?

— Картошку не купил. А деньги проел на мороженом... Ну, потому что они меня бананами

угостили и всем пить захотелось, а больше ни у кого денег нету, только у меня... Вот я и купил на всех... Баб, я бутылки соберу и отдам. На эту сумму!

— Не хватало еще, чтобы ты по помойкам лазал! Будто мне этих денег жалко! Мне жалко, что ты такой вот, без всякого соображения! Хоть бы подумал, как бабка тут изводится...

И Шурка подумал: «А ведь правда! Какая же я свинья...» Насупился и опять начал вытряхивать сор из-за отворотов...

— Нечего тут мусорить на половики, — сумрачно сказала баба Дуся. — Сымай вообще эти штаны и рубаху. Буду на тебя эту самую... «африканку» примерять. С утра кроила, пока ты шлындал где-то...

— Ба-аб! — Шурка восторженно запрыгал, избавляясь от брюк и рубашки. — Ты... просто самая лучшая на свете из всех баб-Дусь!

— Ладно, нечего подмазываться, — начала таять она. — Чуть не уморил старую, а теперь «самая лучшая»...

— Ну как же не подмазываться, если я кругом виноват! — чистосердечно раскаялся Шурка. — Ты, если хочешь, скрути полотенце и огрей меж лопаток, как обещала...

— Брысь, бес косматый! — Баба Дуся шлепнула его, подтолкнула в свою комнатушку. — Ну-кось, надевай... Да осторожно ты, непутевый! Не сшито ведь, а только сметано...

Ткань была прохладная и легонькая. Ласковая такая после заскорузлой от дождя и сушки одежды.

— Ну, чего скажешь?

— Ба-а! Самое то!.. А знаешь, у тех пацанов, у двоих, такие же анголки. Только цветом не такие...

— Они, выходит, мальчонки вроде тебя? А я уж думала, не приведи Господь, какие-нибудь дуботолки...

— Что ты! Эти двое — как я, а еще один, он помладше. И две девчонки... девочки.

Радость от недавней встречи снова теплом разлилась по Шурке. Он размягченно сел у стола со швейной машинкой, щекой лег на обрезки ткани.

— Полегче шевелись. Расползутся швы-то...

— Не-а... — В Шурке расцветало тихое веселье. И нежность к бабе Дусе. Как он, дурак такой, недавно мог еще сомневаться: любит ее или нет?

— Баб-Дусь! Одну девочку зовут Женька...

— Это как? Евгения, значит...

— Ну да. Женька. С косами... Баб-Дусь, я в нее, кажется, влюбился. — Это он без всякого смущения, с неодолимым желанием поделиться радостью.

Баба Дуся слегка всполошилась. То ли всерьез, то ли для порядка:

— Господь с тобой! Не вздумай! В такие-то годы...

Шурка поморщился:

— Ну, я же не так...

«Так» он не хотел. Даже подумать было тошно!.. Он помнил, о чем липким шепотом говорили по ночам в интернате. И с каким трусливым придыханьем парни собирались в темноте «к девкам в гости»... И те кассеты, которые украдкой смотрели на портативном видике — его ночью вытаскивал из-под паркетных плиток владелец — Борька Хлопьев по прозвищу «Хлоп-по-ж...».

Шурка, надо признаться, тоже смотрел. Чтобы хоть на полчасика забыть о тоске, которая ночью подступала совсем без жалости. Но ему казалось, что от воровски мигающего экрана пахнет, как от немытых ног Хлопа...

Пусть, кому это надо, пыхтит и потеет от такой мерзости. Шурку же — рвать тянет. Насмотрелся, наслушался.

А Женька... Ему же ничего от нее не надо. Пускай

только смотрит по-хорошему. Да иногда касалась бы кончиком косы его локтя или плеча...

Он зажмурился и прошептал:

— Я же... ничего. Просто... чтобы она — как сестренка...

И баба Дуся вдруг сказала, как Женька — без насмешки, ласково:

— Глупенький...

А он не глупенький был, а счастливый... Встал. Крутнулся на пятке.

— Баб-Дусь, все аккуратненько в самый раз! Шей!

— Ну-кось, погоди, не крутись, рукав отъехал... — Она взяла иглу с длинной нитью. Игла выскользнула из пальцев, баба Дуся успела ухватить нитку.

— Будь ты неладна, совсем пальцы инвалидные... — Игла качалась на нитке на уровне Шуркиных колен. И вдруг дернулась, потянулась к нему, как живая! Повернулась в воздухе горизонтально. Клюнула Шурку в ногу! Легонько, но... коварно так. Жутковато. Шурка взвизгнул, отскочил.

— Что? Укололся? Да как же это...

— Я... не знаю...

В груди — бешеное метанье. И трудно дышать,

словно опять кубик в легких.

— Чего ты испугался-то?

А он разве знал — чего? Какой угрозы, какого намека?

Игла теперь качалась нормально, словно и не оживала, как магнитная стрелка.

Шурка подышал с усилием и часто. Кубик в легких растаял. Шурка улыбнулся.

— Я... такой вот. Почему-то с детства иголок боюсь...

Это он врал. Испугался иголки он первый раз в жизни...

Ох, да стоило ли визжать-то? И вздрагивать! Наверно, какая-нибудь случайная магнитная волна... При случае надо будет спросить у Гурского.

А когда он будет, этот случай?

А если не будет... тем лучше!

В приметы же и в предчувствия верить глупо...

Баба Дуся, сама слегка испуганная, проговорила:

— Снимай, на машинке шить буду... Иди на кухню, там суп разогретый да рыба жареная с вермишелью.

Ага... — Страх ушел, прежняя радость возвращалась к Шурке. — А можно, я меду к чаю возьму? Ложечку...

— Знаю я твою «ложечку»... Возьми... А как поешь, сходи в гараж к Степану. Он тебя сегодня уже три раза спрашивал. «Где Шурка» да «где Шурка»... Чегой-то у него за дело к тебе?

— Понятия не имею! — честно сказал Шурка. И опять — непонятное беспокойство.

Обедать не стал. Как был, в плавках, в майке и босой, выскочил на жаркий двор. Гараж соседа Степана был открыт.

В отличие от литературного героя, здешний дядя Степа не был великаном. Наоборот — невысокий, щуплый да к тому же слегка сгорбленный. С редкой щетинкой на лице и с постоянной озабоченностью в задумчивых коричневых глазах.

Вредные языки говорили, что эта озабоченность вызвана лишь постоянным желанием выпить. Но именно вредные. Потому что дядя Степа, несмотря на склонность постоянно быть в компании с четвертинкой, любил работу. Всякую.

Он числился на должности в какой-то частной мастерской, но большую часть времени проводил в своем гараже, ГДе стоял его допотопный «москвичонок» — всегда полуразобранный. Здесь дядя Степа что-то паял, вытачивал, привинчивал, скоблил рашпилем и клепал. Заказов от мест-

ного населения хватало. И надо сказать, заказы эти выполнял он добросовестно. А если от дяди Степы всегда попахивало кое-какой химией, то кто без греха...

Так рассуждала и баба Дуся. Иногда по вечерам она приглашала Степана к себе на кухню и там подносила рюмочку. А потом просила очередной раз починить машинку. В общем, слесарь дядя Степа и отставная портниха Евдокия Леонтьевна были добрые знакомые. Степан и к Шурке относился по-хорошему, один раз даже прокатил на «москвичонке» — в один из тех редких дней, когда эта керосинка ездила.

Но какое у дяди Степы могло быть к соседскому пацану срочное дело?

И с чего у Шурки такое беспокойство?

...В гараже летал тополиный пух. Солнце светило в распахнутые ворота. Дядя Степа скрежетал напильником по зажатой в тисках втулке. Оглянулся. Заискрились на щеках волоски. А еще заискрилась бутылочка с наклейкой. Дядя Степа ловко убрал ее под верстак.

— Шуренций! Заходи, дорогой!

— Здрасте... Зачем меня звали?

— Заходи, заходи...

Легко сказать «заходи». Справа между машиной

и стеной загораживала проход железная бочка. Слева — стол со всяким слесарным инструментом и непонятной громоздкой штукой, смахивающей на аппарат из фильма «Самогонщики». Шурка прыгнул через бочку. Ловко прыгнул, красиво. Но над бочкой висел на стене моток толстой проволоки, из него торчал конец. Шурка на скорости чиркнул по концу плечом. Ух ты! Сразу побежало. Шурка прижал к рассеченной коже ладонь. Потекло между пальцами.

— Е-мое! — всполошился дядя Степа. — Скачешь, не глядишь!.. Ну-ка покажи.. Е-ка-лэмэнэ! Во рассадил!.. Ну-ка, давай промоем, чтоб зараза не случилась... — Он вытащил из-под верстака четвертинку. — Спирт — он первое средство против микробов.

Шурка поморщился:

— Да ладно, так сойдет... — Сел на шаткий табурет, все также зажимая плечо. — Сейчас зарастет... — Кровь уже не бежала. — Вы пока говорите, зачем звали-то...

— Да обожди ты «зачем звали»! Давай хоть перевяжем!

— Не надо, все уже. Вот. — Шурка убрал руку. На коже был розовый рубец. Словно рана заросла неделю назад.

Дядя Степа присвистнул.

— Можно? — Шурка взял у него четвертинку, плеснул на ладонь вонючую жидкость. Морщась от запаха, смыл с плеча и руки кровь, вытер ладонь подолом майки.

Дядя Степа крякнул, взял у него бутылку. Пятерней потер щетину.

— Ишь ты как... Правду говорил мужик о твоих свойствах.

— Какой мужик?

Дядя Степа сел напротив, на другой скрипучий табурет. Наклонился. Слегка дыхнул водочкой.

— Какой мужик, говоришь? Гурский... Значит, так. Привет тебе от Гурского.

Ну, чего угодно мог ожидать Шурка, но такого!..

С полминуты он обалдело молчал. А потом ничего другого не придумал, как спросить:

— Почему через вас-то? Сам не может, что ли, выйти на связь?

— Говорит, что худо стало с земной атмосферой, электричества в ей до фига, помехи. Вчерась ночью тазик твой аж со стены загремел, а слышимости ни на грош... Ну да не в том дело. Не все ведь можно передать по этому... по эфиру...

— А чего он хочет передать-то?

— В этом, голубчик, и главная суть задания... — Дядя Степа со значительным видом поднялся, отвернулся к верстаку, погремел там железом. Опять сел перед Шуркой. — Вот...

И протянул отвертку.

Обыкновенная такая отвертка. Вместе с ручкой — сантиметров пятнадцать длиной. Ручка плоская, деревянная. Удобная. Хорошо зачищенная шкуркой, но без лака. Стержень светлый, из нержавейки... Шурка недоуменно взял, повертел.

— Зачем она?

— Ясное дело, винты откручивать!

— Да какие винты? Скажите толком! — Шурку взяла досада. От непонятности.

— А ты погляди на кончик-то. Сразу и поймешь.

Шурка поглядел. И не понял.

Сперва показалось, что отвертка — для шурупов с крестообразными шлицами. Но нет! На конце был не крестик, а что-то вроде снежинки. Звездочка с шестью концами и каждый конец узорчатый. Просто ювелирная работа.

Дядя Степа так и сказал — малость самодовольно:

— Ювелирная работа... А болтов или шурупов с такими головками на этом свете всего два десятка

с небольшим. Поэтому, как увидишь, откручивай смело. На том твоя задача и будет решена.

— Да где я их увижу-то?! Какая задача?! — Шурка чуть не заплакал.

— А про то я знаю не больше тебя, — увесисто произнес дядя Степа. — Да и Гурский, видать, знает не больше. Говорит, надо искать. Где-то в наших местах. Такая, говорит, у этого мальчика миссия...

Шурка обмяк. В словах Степана не было ничего ново-

го... Но, впрочем, не было и никакой тревоги или угрозы. Да и какая от Гурского может быть угроза? Наоборот...

— Не мог уж толком объяснить, — вздохнул Шурка.

Дядя Степа развел руками (крепкие пальцы — в застарелых мозолях и въевшейся металлической пыли). Шурка поскреб отверткой по колену, глянул исподлобья.

— А вы, значит... тоже? — Он не решился сказать «их сообщник». Или правильнее — «союзник»? Или «помощник»?

— Выходит, тоже... — нехотя признался Степан.

— А вы... про их планету что знаете?

Дядя Степа набычился и сделал машинальное

движение к четвертинке. Удержался.

— У меня к этой планете касательство очень стороннее. Почти никакое... Да и не планета она вовсе. То есть не совсем планета...

— А что?!

— Просто эта... как говорится, иная среда обитания. Они... Гурский да помощник его, говорят: «Другая грань»... Потому как вся наша Вселенная, по их словам, вроде бесконечного кристалла... Пока он, Гурский-то, объяснял, я все понимал. А потом как-то перемешалось в голове...

— Небось после поллитры, — в сердцах сказал Шурка.

— И ничего не после... Мне поллитра делу не помеха. У них там, в этом кристалле, конечно, всякие иноземные технологии, а с такими руками, как мои, все равно никого нету. Чтобы, значит, такую отвертку выточить. Без Степана Михалыча, выходит, во Вселенной пока не обойтись... Ну, и заплатили, надо сказать, прилично, не обидели...

— А почему Гурский сам ничего мне не объяснил? Почему не появляется? Где он?!

— А я знаю? Возник да пропал. Как этот... фантом... А насчет тебя сказал... «Он, — говорит, — мальчонка чуткий, сам придет куда надо, сам отыщет. Потому что, — говорит еще, — это дик-

туется земными условиями, мы тут вмешиваться не должны... Главное, — опять же говорит, — что он Весы». То есть ты... По звездному гороскопу...

«Да! Он же и мне говорил», — вспомнил Шурка. Но беседы с Гурским держались в памяти плохо. Почти так же плохо, как вся прошлая жизнь.

Дядя Степа повертел четвертинку в пальцах, покосился на Шурку, вздохнул. Снова поставил посудинку на верстак.

— Сказал еще такое: «Весы к весам, полюса к полюсам, вот и будет баланс»... Так я это понял.

— Зато я ничего не понял! Что я должен делать-то?

— Да ничего ты специально не должен. Только отвертку носи с собой... А так что? Живи да играй. А если тебя потянет куда-то особый интерес, ты ему не противься. Интерес этот тебя в нужное место и приведет. Так они говорили, Гурский и этот... Кимыч. А еще просили сказать: хорошо, что ты со здешними ребятами дружбу завел...

«Все знают, — зябко подумал Шурка. — Выходит, я у них как под телекамерой. Постоянно...»

— Что им до этих ребят-то! — огрызнулся он. И впервые ощутил неприязнь к Гурскому.

— Не знаю что... Говорили только, чтобы зря перед ними не раскрывался. Особенно перед

тощим да косматым. И чтобы к дверце шел один. Подходы-то можно вместе искать, а уж к самой дверце лучше одному...

— Господи, к какой дверце-то?!

— Они говорили, что вроде бы к восьмиугольной. Сообразишь. Где такие шурупы увидишь, там она и есть...

8. Шар на покатой плоскости

Да, Шурка почти ничего не понял. Опять.

Дядя Степа прав: пока с Гурским разговариваешь, все тебе ясно. Потом забывается, перемешивается в голове.

Хорошо только, что забывалась и боль.

...Шурка вернулся к себе, лег на узкий свой диванчик. Глаза — в потолок.

Заглянула баба Дуся.

— Умаялся за день-то, гуляка?

— Ага... Ноги маленько гудят.

— Ну, лежи, лежи... Пообедать не забудь.

О чем был разговор со Степаном, не спросила. Знает?.. А впрочем, какая разница...

На Шурку наползала дрема.

Нет, так нельзя! Надо вспомнить все! Разобраться! В конце концов, пора понять окончательно:

зачем он здесь?

...Но он же понимал! Тогда! Гурский говорил ясно!

Просто все нужно выстроить в голове по порядку. Но если по порядку, тогда... Тогда хочешь — не хочешь, а это...

...Треск, чей-то вскрик, два столба света от вспыхнувших фар. Выросший до размера дома радиатор «Мерседеса». Тугой, словно кожаной подушкой, удар. И тьма, тьма...

А потом как бы взгляд с высоты, метров с пяти. На себя самого. Толпа, белые халаты, машина с крестами...

— Алло, пятая! Пятая! Сообщите: есть донор! Да, немедленно!..

Почему донор? Будут переливать ему, Шурке, кровь? Зачем? Он сделал, что хотел. Вон черный «Мерседес» на боку у края дороги. Покореженный. С лучистой дыркой в ветровом стекле.

А он — это он? Шурка Полушкин? Почему видит себя со стороны?

Ничего он уже не видит...

Нет, вот опять... Худое тело под простыней на очень холодном мраморном столе (Шурка не чувствует, а просто знает, что стол холодный). Тусклый свет, еще множество тел. Не все под

простынями. А у него под белой с бурыми пятнами тканью ощущается квадратный провал — на груди, слева... Там — пустота. Везде, во всем мире пустота...

А потом — боль, искры среди тьмы, желание вскрикнуть. И вдруг — тепло по телу. Спокойствие. Такое спокойствие, когда не хочется ничего. Просто лежать вот так и спокойно дышать... А колючий кубик в груди исчез.

Он открыл глаза. Увидел над собой переплетение разноцветных кабелей. За ними — потолок цвета слоновой кости. Среди проводов появилось лицо. Большое, заросшее светлой курчавой шерстью. С очень синими глазами.

Лицо сказало:

— Кимыч, по-моему, он в порядке.

— Вижу, — недовольным голосом отозвался неизвестный Кимыч.

Шурка, видимо, и в самом деле был «в порядке». По крайней мере, он все вспомнил. И спросил о главном:

— Я попал?

— Куда?

— В Лудова. Я его убил?

Синие глаза мигнули.

— А! Вот что вас беспокоит. Нет, к счастью, вы

промахнулись.

Вообще-то было теперь все равно. Однако сквозь равнодушие просочилась капля горечи.

— Какое же тут счастье. Жаль...

— Жаль, что не убили человека? — очень серьезно спросил синеглазый.

— Он не человек, а гад. Мафиози...

— Значит, это не случайно? Не баловство? Вы знали, в кого стреляли?

Шурка ответил глазами: «Еще бы!»

...Всю осень и ползимы он лелеял эту латунную трубку. Она помогала ему жить. Не спеша, с нежностью он превращал ее в оружие.

Надо было старательно сплющить конец, выгнуть его по форме рукоятки. Просверлить хвостовые отверстия для крепежных шурупов. Привинтить трубку к изогнутой березовой ручке, которую Шурка любовно подогнал к ладони. Папа хотя и баловал порой Шуренка, но и научил многому — в том числе работать инструментами.

Шурка работал на кладбище, на скамейке под кустами рябины. Стыли руки. Шурка отогревал их дыханием или у костерка, который разводил между холмиками. На том же костерке расплавил в консервной банке кусочки свинца, залил им казенную часть длинного ствола. Сделал надрез

трехгранным напильником, в нем проковырял запальное отверстие — тоненьким сверлом от детского слесарного набора. Алюминиевой проволокой, виток к витку, притянул ствол к обточенному ложу...

Инструменты и пистолет прятал он тут же, в тайнике под лавкой. В интернате разнюхали бы сразу...

Из тонкого свинцового прута нарубил Шурка пули. Аккуратно подогнал по калибру.

«Видишь, папа, все получается как надо...»

«Шурчик-мурчик, будешь как огурчик...»

«Ага. Не бойся, я не промахнусь. Всех гадов не перестрелять, но уж этого-то...»

«Я знаю, ты попадешь...»

«А потом, если есть другой свет, мы увидимся, верно? И с мамой...»

«Несомненно, малыш...»

Он часто так говорил: «Несомненно, малыш». Шурка вспоминал это и глотал слезы. Но теперь слезы были сладкими.

Труднее всего было достать порох. Но в конце концов Шурка сделал и это. В старших группах, у крутых выпускников можно было выменять на заграничные шмотки все, что хочешь. У Шурки сохранилось еще от прежней жизни кой-какое

импортное тряпье и новенькие японские кроссовки. В общем, парни дали ему полпачки серого охотничьего пороха «Сокол». Не спросили зачем — бизнес есть бизнес.

— Только нашу хату не подрывай.

— Нет, я не здесь...

Пристреливал пистолет он там же, на кладбище. На выстрелы никто не обращал внимания. Во-первых, сплошное безлюдье кругом. Во-вторых, стреляли часто и повсюду. Рэкетиры — в своих непослушных клиентов и друг в друга, гаишники — в угонщиков, бандиты — в милиционеров, милиционеры — в бандитов и в случайных прохожих, по ошибке. В последнем случае — всегда метко.

Шурка тоже, стрелял метко. С пятнадцати шагов по консервной банке промазал только два раза из десяти — первый и третий. В банке появлялись круглые дырки с рваными краями. Шурка трогал их пальцем и сжимал зубы. И случалось, что опять плакал...

Неудобно было то, что пистолет без курка, с запалом из спички. Запал срабатывал не сразу, горел секунды полто-ры-две, а то и три — в зависимости от величины серной головки. И Шурка отобрал спички самые одинаковые, чтобы срок

горения всегда был один и тот же. Стрелял со счетом: «Чирк, два, три!» Чтобы на «три» грохало. Тренировался и вхолостую, много. Чтобы в нужный миг точно посадить цель на мушку...

«Папа, у меня получится!»

«Я знаю, малыш...»

«Папа... я стал совсем не такой, да?»

«Это ничего, Шуренок. Ничего...»

Он стал совсем не такой, как тот домашний Шурчик. И даже не такой, каким был в приемнике, а потом, осенью, в интернате: безвольным, плачущим по ночам новичком по кличке «Грош». После случая с Гульфиком его зауважали. Мало того! Словно по чьему-то наитию вместо прозвища «Грош» появилось новое — «Снайпер». Может, за непримиримый прищуренный взгляд? С таким-то именем, с нарастающим авторитетом «волчонка», не боящегося ни боли, ни начальства, мог бы он зажить вполне вольготно. Глядишь, со временем сделался бы и «королем»... Только зачем ему это?

И за десять дней до задуманного Шурка ушел в подвалы.

Там, под заброшенной стройкой жилого квартала обитали бесприютные пацаны и девчонки. Всякого возраста. И жили по-всякому. Промыш-

ляли в городе кто чем мог — жевать-то что-то надо. Кое-кто из старших кололся. Иногда пили, и некоторых потом рвало... И все же Шурка в те последние дни отдохнул тут душой. Потому что здесь не было злости. Делились друг с другом всем, что добывали. О маленьких заботились. Даже елочку для них готовили и сделали специальную проводку для гирлянды, украденной из коммерческого ларька...

Шурку приняли без лишних вопросов. И он, благодарный за тепло, за нехитрое их товарищество, не скрыл от «подвальщиков» своих планов. Даже показал пистолет.

Никто не выдал Шурку. Только один из старших, Венька Скрипач, сказал озабоченно:

— Гляди, самого пришить могут. На месте.

— Я знаю, — согласился Шурка. И подумал, что, если уцелеет, вернется сюда. Но подумал мельком. Что будет потом, его не волновало. Тем более что уцелеть шансов почти не было. Потому что машина выскочит прямо...

Лудов уезжал из офиса около трех. Стояли самые короткие дни, но в тот час было еще светло. И это — удача.

Но рядом с офисом стрелять было невозможно, там паслась вся эта сволочь — лудовская охрана.

И в пятнистом, и в штатском.

Шурка выбрал место на повороте. Там на дороге была выбоина, и «Мерседес» слегка тормозил, чтобы его гадское бандитское высочество, господина Лудова, не тряхнуло на заднем сиденье. И тогда — сквозь переднее и заднее стекла кабины виден был закат. А на фоне заката — голова в лисьей шапке. Между головами водителя и охранника на заднем сиденье. Секунды на полторы.

Только бы все совпало по мгновеньям! «Чирк, два. Три... цель на мушке! Огонь!»

Правда, тут же водитель даст газ! И — на стрелка! Ну и пусть...

Шурка пасся на том перекрестке дней десять. Незаметно. Упрямо. Считал секунды...

Был уверен, что не ошибется.

И с этой уверенностью, с ощущением победы полетел от удара бампером в пустоту...

— Почему же я промахнулся? — это он сам себя спросил. Но, видимо, вслух, внятно.

— Не знаю, Полушкин. Видимо, вы ошиблись в какой-то мелочи. Такое дело трудно рассчитать безупречно...

Он говорил Шурке «вы» и называл по фамилии.

Шурка спросил — вполне равнодушно:

— Я в тюремной больнице?

— С чего вы взяли?

— Ну, я же пытался убить...

Заросший бородой незнакомец ближе придвинул лицо.

— Вы в частной закрытой клинике. В очень частной и очень закрытой....

Шурка помолчал и сказал с оттенком горькой насмешки:

— Вы что же, прячете меня от милиции?

— Моя фамилия Гурский. Так меня и зовите. Не люблю здешнего обычая с именем-отчеством. И вас буду звать Полушкин. «Шурка» — неловко, «Шурик» вы не любите, а «Шурчик» — не моя привилегия.

«Откуда он все знает?»

— Откуда я все знаю? Ну, не все, а кое-что... Об этом потом. А милиция вас не ищет. Всем известно, что бывший воспитанник интерната номер семь Александр Полушкин погиб при попытке неумелого покушения на бизнесмена Лудова...

Это «неумелого» задело Шурку.

— Неправда. Я долго готовился. Случайно не попал...

— Теперь это неважно.

«Для меня — важно», — подумал Шурка. Но не

было смысла спорить. Он спросил о другом, без удивления, с капелькой любопытства:

— Если я погиб, то почему здесь? Тело должны были похоронить.

Ассистент Гурского за чащей разноцветных кабелей хмыкнул. Кажется, сердито. Гурский сказал бесцветным голосом:

— Ваше тело мы раздобыли в морге. Довольно сложным путем. Вы лежали там с расколотой головой и уже без сердца...

Весь этот разговор был в тот день, когда Шурка очнулся? Или уже потом? Сейчас не вспомнить. Все — как полустертая магнитная запись... Нет, не полустертая, а перепутанная. И фразы на ленте записаны монотонно, без выражения...

— ...Вы лежали там с расколотой головой и уже без сердца.

— Почему без сердца? — Шурка не удивился даже этому. Спросил просто так.

— Сразу после катастрофы вас сделали донором. Надежды на спасение не было, и ваше сердце ушло на пересадку, другому мальчику. Он лежал при смерти, счет шел на минуты...

— Его спасли?

— Да.

В нормальном состоянии Шурка не разговаривал бы так. Было бы все, что угодно: страх, изумление, досада, негодование! И вопросы, вопросы! А сейчас он то ли был, то ли не был на свете. Остался от него словно один только голос. Без нервов, без ощущений. И этим голосом Шурка сказал со спокойным сожалением:

— Плохой выбор. Мальчик с моим сердцем долго не проживет.

— Почему же?

Без всякого драматизма, а просто как факт Шурка сообщил:

— Оно у меня измученное. Столько всего было...

Ассистент, которого звали Илья Кимович (а Гурский звал «Кимыч»), опять что-то буркнул в своем углу у аппаратов.

Гурский подумал.

— Я понимаю, Полушкин, о чем вы. Но все же оно молодое у вас, сердце-то. А воскресший организм мальчика, его душа, дадут сердечным мышцам новые силы. Главное в ощущениях и переживаниях все-таки душа. А сердце — что? Аппарат для перекачки крови. Восстановится. Кстати, у вашего организма, а значит и у бывшего вашего сердца, повышенная способность

к регенерации... Черепная травма ваша, кстати, ликвидировалась полностью... Эту способность к восстановлению тканей мы усилили. Вернее, она усилилась сама в процессе лечения. Возможно, это пригодится вам в будущем.

— В каком будущем?

— В вашем.

— А зачем мне будущее? — Это он опять же без выражения. Равнодушный такой вопрос.

— Я понимаю вас. Но вы еще почувствуете вкус к жизни.

«Зачем?» — опять хотел спросить Шурка. И вдруг (только сейчас!) холодком прошло по телу удивление. И даже испуг.

— А как же я сейчас... без сердца?

— Искусственное, — обыденным тоном отозвался Гурский. — Аппарат такой. Да вы не бойтесь, он надежный...

Шурка наконец старательно прислушался к себе. Кровь, кажется, толкалась в жилах. Чуть заметно, однако толкалась... По коже словно искорки пробежали. Шурка хотел двинуть рукой.

— Не шевелитесь, Полушкин. Пока рано.

— А когда будет можно?.. А что, я теперь так и буду с этим аппаратом?

— Нет, будет у вас сердце. Будет, Полушкин...

— Искусственное?

— Живое.

— Тоже... чье-то?

— Нет. Не «чье-то», а только ваше... Это особый разговор. Еще не время...

— А какое сейчас... время? Какое число?

— Сейчас, Полушкин, начало марта...

Шурка вытянул губы в трубку и тихонько свистнул. И уснул...

Еще через пару дней Шурка стал замечать, что не совсем равнодушен к жизни. Кое-что доставляло удовольствие. Например, когда Гурский давал глотнуть из тюбика сладкой молочной кашицы. Или тихонько массировал Шуркины руки и ноги... Вообще нравилось, когда приходил Гурский. В его заросшем лице, в синих глазах всегда было спокойное веселье.

Илья Кимович нравился Шурке меньше. Костлявый, лысый, с клочками волос на висках, с натянутой кожей на худом лице. Не поймешь даже, старый или молодой. В глазах его всегда было недовольство (может быть, и притворное). Держался он так, словно ни в чем не разделял добрых надежд Гурского. Однако никогда не спорил открыто. Делал все, что скажет Гурский. Шурке тоже говорил «Полушкин», но обращался

на «ты».

Помимо удовольствия ощущал Шурка иногда и досаду. Порой от того, что вовремя не подставили «утку». Порой от излишне яркой лампы. Но чаще всего — от мысли, что не попал в Лудова.

И Гурский это знал.

Однажды он сказал:

— Ну, а чего бы вы добились, если бы застрелили его? Была бы еще одна смерть. Добавили бы еще одну каплю к той критической массе зла, которая накопилась на Земле.

— Это не зло. Наоборот. Я хотел отомстить.

— Извечное земное заблуждение, будто местью можно что-то исправить. А получается все к худшему.

— Если бы вы знали папу... — сказал Шурка и вдруг заплакал. По-настоящему, горько, как в прежние времена.

Быстро подошел Кимыч. Они с Гурским переглянулись. Кимыч кивнул:

— Значит, пора...

И Шурку будто выключили.

Он очнулся в обычной кровати. Под обычным одеялом. На стуле, рядом с постелью, лежал поношенный школьный костюм и клетчатая рубашка.

На другом стуле сидел Гурский. Улыбался сквозь кудрявую светлую шерсть.

— Разрешаю вам, Полушкин, подрыгать ногами и руками.

Шурка осторожно подрыгал.

— Отлично. А теперь... что бы вы хотели?

Шурка подумал и честно сказал:

— Котлету. С картофельным пюре.

Скоро он стал ходить. Но чаще лежал в кровати и читал.

Простые книжки. Сказки о Братце Кролике или о Волшебнике Изумрудного города. Спокойно так читал, со средней долей интереса. Иногда появлялась мысль: «А что же дальше?» И быстро исчезала. Может быть, Гурский отгонял ее каким-то гипнотическим средством.

Гурский приходил каждый день (впрочем, дней-то этих бьшо четыре или пять). Иногда они говорили о пустяках. Потом поругались. Шурка спросил, не знает ли Гурский, куда после покушения девался самодельный пистолет.

— Понятия не имею! Зачем он вам?

Шурка посмотрел в упор: вы еще спрашиваете!

Гурский рассердился. При Шурке — первый раз. Синие глаза стали почти черными.

— Вы считаете, я для этого вытащил вас с того

света?

— А я не просил! Я все равно от этого не откажусь!

— Вот морока-то... Ну, как мне вас убедить?

— Никак, — сказал Шурка. Потом спохватился. Тоже сердито: — А зачем вы меня оттуда вытащили? Для чего я вообще вам нужен? Для медицинских опытов?

— Нет, Полушкин...

— А для чего?!

— Ну вот, мы и подошли к главному... Полушкин, вы любите фантастику? Через нее легче подойти к реальности. К той, о которой я скажу...

Шурка любил фантастику. Про дальние галактики, сверхсветовые скорости и всякие там параллельные миры. И то, что стал рассказывать Гурский — про Великий Кристалл, про свою планету (которую Шурка назвал Реей), про Общий Космический Разум, — почти не вызвало удивления. По крайней мере, сейчас кажется, что не вызвало.

— Честно скажу, Полушкин, эта планета, этот сверкающий мир не чета вашей Земле. Голубое солнце... Люди могут жить в воздухе и в океанских Глубинах. По вашим понятиям, это — чудо... И главное, там практически нет вражды. Нет

горя. А если кто-то умирает, он твердо знает, что потом возродится в другом разумном существе... Хотите туда, Полушкин?

Шурка подумал секунд пять и кивнул.

— Вас ведь никто и ничто не держит здесь?

Шурка подумал еще.

— Нет... Не держит... Только можно, я все-таки сначала застрелю того?

Гурский скривился. Но пересилил себя.

— В этом нет смысла. То, что вскоре произойдет с Землей, несравнимо с судьбой какого-то Лудова.

— А... что с ней произойдет?

— Земля... она вообще будет не та...

— Почему?

— По собственной вине, Полушкин. И по велению Общего Космического Разума. В своем развитии шарик ваш покатился не по той орбите. И докатился... черт знает до чего. Возьмите вашу историю. От пещерного века до нынешних дней она вся состоит из крови и войн. В массе людей возобладала психология полевых командиров. Так, кажется, называют сейчас тех, кто автомат предпочитает молотку и лопате...

Шурке не то чтобы стало обидно за землян. Вообще-то он был согласен с Гурским. Но ради

объективности возразил:

— Было ведь и хорошее. Всякие открытия...

— Но и открытия эти вы ухитрялись использовать себе во вред. Все для оружия, все для того, чтобы гробить друг друга. Разве не так?

Это было так. Шурка — он стоял перед присевшим на кровать Гурским — развел руками и беспомощно хлопнул себя по штанинам.

— Вот так-то, Полушкин, — с непривычной усталостью произнес Гурский. — Такова ситуация на данный момент. А мы, я и Кимыч, корректоры. Знаешь, что это за должность?

У Шурки щекотнуло в горле.

— Мама... была корректором. В издательстве «Артемида».

— Мама исправляла ошибки в текстах. А мы — в развитии разных граней Кристалла. Выправляем орбиты обитаемых планет.. .

Шурка впервые не поверил Гурскому. Сказал сумрачно и снисходительно:

— Вас же всего двое. Разве вы сможете?

— С вашей помощью.

— Разве три человека смогут сдвинуть планету с орбиты... Такой шар! — Шурка усмехнулся. Представил себе исполинский земной глобус в пространстве, полном звезд.

— Я в переносном смысле, Полушкин. Орбита — это путь развития цивилизации.

— Все равно...

— Громадный шар на ровной плоскости сдвинуть крайне тяжело, вы правы. Но представьте себе, что в силу многих ошибок шар этот покатили не туда. По наклонной плоскости вверх. Толкают, толкают, думая, что впереди будет легче. А облегчения нет никакого, только бесконечный подъем. И сил уже нет... И вот шар почти замер в состоянии трагического равновесия. Вперед его пытаются толкать обессилевшие люди, а назад тянет собственная тяжесть, силы природы... Что дальше? Теперь достаточно легкого щелчка со стороны, чтобы он покатился обратно, на исходную позицию... Наша задача — воспользоваться моментом и сделать этот щелчок.

— И шар подавит миллионы людей, да? — Шурка представил себе это очень ярко.

— Но я же в переносном смысле!

— Ну, подавит в переносном...

— А что тебе до людей, Полушкин? — это спросил неизвестно как появившийся в комнате Илья Кимович. Кимыч. — У тебя на Земле есть хоть одна родная душа?

Не было у Шурки родной души. Он молчал.

Гурский насупленно пообещал:

— Ничего с людьми не будет. По крайней мере, ничего плохого.

И Шурка не поверил ему второй раз:

— Это правда?

Кимыч сел рядом с Гурским. Костлявыми кулаками подпер худые щеки. На лысину его прыгнул из окна солнечный блик.

— Видишь ли, Полушкин, в отличие от землян мы всегда говорим правду. Таково условие. Довольно глупое, кстати. Из-за этого масса дополнительных осложнений...

Гурский посмотрел на Кимыча. Тот встал и ушел. Гурский ласково так, по-простецки позвал:

— Садись-ка рядышком, голубок.

Шурка сел. Спросил тихо:

— А что я должен делать?

— Я постараюсь объяснить попроще... О законах Великого Кристалла, о его развитии можно говорить очень долго. Ты все равно не поймешь... Признаться, и я многого не понимаю. Корректор — это ведь не Магистр Космического Разума. По земным понятиям я — Обычный Технический Работник в Командировке. С конкретным заданием.

— Или агент чужой разведки, — безжалостно

вставил Шурка.

— Нет, здесь ты не прав. Земля Кристаллу не чужая, она его часть... И надо ее вылечить. Но это можно лишь ее же силами...

— Как?

— Тут, Полушкин, начинается сплетение таких обстоятельств и сил, что может показаться совсем уже фантастикой. Даже не научной. Но... во Вселенной бывает всякое... В прошлом веке один земной умелец с помощью своего таланта опередил тогдашнюю науку. Да и нынешнюю тоже. Видимо, благодаря своей невероятной интуиции. И сделал необычный, даже неземной прибор. Своего рода межпространственный балансир необычайной чуткости. Проще выражаясь, весы для измерения планетарного добра и зла... Его надо найти. Их, вернее. Весы эти. От них-то и зависит окончательная судьба Земли.

— Ну... а я-то при чем?

— Ты и должен найти.

Шурка беспомощно поднял глаза.

— А почему я? — Не хотелось ему ничего искать.

— Полушкин! Разве я в состоянии объяснить, как решалось это «почему»! Сколько неведомых вам разумов скрещивали векторы поиска,

отбирали условия, выстраивали координаты и делали выводы! Прежде чем выбрать мальчика Александра Подушкина, родившегося у данных отца и матери в данный день периода Весов. Я и не знаю, честно говоря... Нам просто назвали вас... — Гурский опять с доверительного «ты» перешел на «вы». — Такая ваша судьба.

Шурка заплакал. Второй раз после своей гибели.

— А меня спросили? Мне зачем эта сиротская судьба! Чтобы вы все там сдохли, в вашем Кристалле...

— Полушкин! Да вы что! Опомнитесь... Вы думаете, все несчастья — по нашему плану? Это дикое совпадение! И покушение на отца, и... все, что потом... Зачем нам ваше горе? Наоборот! Столько возни было с вашим воскрешением...

Шурка недоверчиво глянул мокрыми глазами.

Гурский улыбнулся нерешительно, виновато так.

— Тут, пожалуй, только один элемент удачи. Да... Дополнительный фактор успеха. С новым сердцем вам будет лучше...

Шурка приложил руку к груди. Прислушался.

— Я не понимаю. Оно совсем не бьется, а иногда только будто плещется...

— Оно не такое, как раньше. Оно — генератор энергии и даже не соединяется с кровеносными сосудами. Просто силой энергополя гонит кровь по замкнутому кругу.

— А говорили, что будет живое, не искусственное...

— Оно и есть живое. Но не такое, как у землян. Такое, как у нас.

— А... зачем?

— Ну, дорогой мой, земного было не найти. Да и к чему оно? Это не хуже... И с земным ты просто не выживешь, когда попадешь туда, к нам.

— А если я...

— Что?

— Ну... если я все-таки передумаю? Если захочу остаться здесь? — Шурка сам не знал, зачем говорит это. Он ведь не хотел остаться. И все-таки... — С этим, с вашим, я смогу жить здесь?

Гурский, кажется, не удивился.

— Сможешь... А сможешь сделать и так: вынешь его из груди, и тут же, немедля, вырастет у тебя земное сердце. Ведь способность к регенерации у тебя ого-го какая! Поверь, я не шучу... Но можно это будет лишь тогда, когда отыщешь те весы. Балансир.

— Но он точно никому не повредит? — все-таки

еще раз спросил Шурка.

Гурский потрогал его сильно отросшие волосы.

— Я тебе обещаю: в любом случае ничего не случится без твоего согласия. По крайней мере, из-за нас. Мы же не враги.

...Потом был запах мартовского снега. Аэропорт. Долгий полет над облаками. Незнакомый город, незнакомый старый дом, незнакомая баба Дуся.

Она без церемоний расцеловала мальчишку.

— Ну вот, хоть будет с кем на старости лет нарадоваться белому свету.

Шурку сопровождал неразговорчивый Кимыч. Бабе Дусе он сухо сообщил:

— Думаю, с таким внуком вам обеспечено долголетие, сударыня... Деньги и документы придут по почте. Всего хорошего. Полушкин, связь — как договорились... — И ушел.

И Шурка стал жить здесь. Спокойно. С нарастающим интересом к тому, что вокруг. Правда, совсем уже другой Шурка, внук бабы Дуси.

Гурский вызывал всего два раза. Просто так, обменяться парой слов. Ни о чем не спрашивал, ничего не поручал...

Прошлое возникало в памяти нечасто. Лишь сегодня, на дворе у Платона, вдруг рванулось горькими слезами. Но, наверно, это последний раз.

А голубая планета Рея опять засверкала перед Шуркой алмазными гранями. Как вспыхивающий в космической дали бриллиант!

Да, она все-таки есть.

Но и она была не самой главной радостью. Посверкала и... словно ушла за горизонт. За пустынные Бугры, густо поросшие иван-чаем...

III. СТАЛЬНАЯ ИГЛА
1. Бугры

Все шестеро собирались вместе почти каждый день. Чаще всего на дворе у Платона, под навесом. Здесь было что-то вроде штаба.

Шурка натянул между столбами веревку, подвесил на ней несколько звонких железок и дюжину бутылок. В бутылки налил воды: где на донышко, где на треть, где до половины — для разницы звучания. В общем, подобрался нотный ряд. Заглавной в этом ряду — нотой «до» первого регистра — была круглая бутылка из-под ликера «Глобус».

На таком вот «ксилофоне» Шурка сыграл сперва «Танец маленьких лебедей», потом «О, мое солнце». Вспомнил прежнее умение. Йик принес губную гармошку и ловко подыграл Шурке. С крыльца услышала самодельную музыку Вера Викентьевна. Пришла под навес со старенькой мандолиной. И получилось трио! Быстро подобрали несколько мелодий — от «Турецкого марша» Моцарта до «Веселого ветра» из фильма «Дети капитана Гранта»...

И потом долго радовались, вспоминая неожиданный концерт.

Впрочем, радовались не только музыке, а вообще — солнцу, лету. Друг другу.

Они были теперь, словно молекула из шести атомов. Между атомами всегда прочная связь, и каждый нужен друг другу.

То, что между Шуркой и Женькой есть еще и дополнительная ниточка, принималось с молчаливым пониманием...

Хорошо им было вместе, наверно, еще и потому, что у каждого «атома» по отдельности — вне «молекулы» — в жизни было далеко не все благополучно.

У Женьки, например, после нескольких месяцев замужества вернулась домой старшая сестра — с «большим животом» и горьким убеждением, что «все на свете мужчины — подлецы и чудовища».

У Ника страдал от неприятностей отец — его «подставили» на работе, сунув на подпись какие-то поддельные накладные. До суда не дошло, но к следователям отца потаскали, а теперь он искал новую должность.

У Тины — свои заботы: дома неподвижно лежала после инсульта бабушка.

У Кустика появился недавно молодой красивый отчим, и матери нынче было явно не до сына. «Зато говорят, что в августе возьмут меня на Балтийское взморье... А мне вовсе не хочется! Хорошо, что август не скоро...»

Только у Платона семейная жизнь была, кажется, без осложнений. Может быть, потому, что родители на машине укатили к родственникам в Ярославль. Платон остался с Верой Викентьевной, с которой жил душа в душу.

— А почему тебя не взяли в Ярославль? — однажды спросил осторожно Шурка.

— Что значит — не взяли? Сам уперся: не поеду, и все. В Ярославле я раз десять бывал. На Буграх летом в тыщу раз интересней.

Постороннему это могло показаться диким. Что интересного на обширных пустырях с поросшими сорняком горками и строительным мусором! Ну, можно, конечно, побегать, в пряталки поиграть, в индейцев, раскопать в мусоре что-нибудь неожиданное. Но все же это не парк с аттракционами и компьютерными играми, не пляж у моря, не дальняя страна, куда рвутся сердцами и душами любители путешествий...

Однако это была именно страна.

Только знали о ней немногие...

Как-то раз играли в пряталки. Разбежались кто куда, притаились в репейной чаще, в ямах, укрытых непролазным белоцветом, и внутри пустотелых бетонных конструкций...

Шурка лежал у ржавой железной бочки. Он не очень-то старался прятаться. Потому что искала всех Женька.

Настоянная на июльском зное тишина беззвучно звенела над макушками иван-чая. Ни звука не проникало сквозь нее: ни голоса, ни трамвайные звонки, ни воробьиное чвирканье. Лишь время от времени внутри этой тишины рождалось особенное, здешнее эхо. То проснется стеклянная мелодия, которую Шурка утром наигрывал под навесом; то прошелестит шепот Кустика: «Тише, я слушаю космическое шевеление звуков...»; то отголосок Женькиного смеха: «Ой, Шурка, ты опять косматый, как домовенок! Тина, неси ножницы...» Попробуй разберись: или это отзвуки в памяти, или правда волшебное свойство Бугров — тихим эхом отзываться на то, что сказано не сию минуту, а давно...

Шурке кажется, что Женькин голос и смех повторяются здесь особенно часто.

А вот и она сама — раздвигая белоцвет, выбралась к бочке. С другой, не с Шуркиной стороны.

Косы, чтобы не болтались, заправлены в широкий ворот под оранжевую майку. Они такие длинные, что пушистые концы торчат из-под подола. Тесные черные брючки смешно скособочились, рыжие гольфы съехали на сандалии. Часто дыша, Женька повертела головой. Облизала пухлые губы. В серых глазах — и веселье, и растерянность: здесь опять никого!

Шурка шевельнул ногой. Женька подскочила.

— Ага, Шурище! Вот ты! — И прыжок в сторону! Чтобы мчаться к лужайке, где на дырявом перевернутом ведре лежит палочка-выручалочка. Но... замерла на миг. Оглянулась даже, словно поджидая Шурку. И они помчались рядом! Прыгая через камни и колдобины, с маху пробивая телами стебли и ветки. Шипы и колючки дергали Женькину майку, чиркали по скользкому полотну Шуркиной анголки.

Они вместе выскочили к финишу. Но Шурка запнулся и носом пролетел мимо ведра, проехался пузом по клеверу. Женька забарабанила палочкой по железу. Сперва часто, потом реже, реже...

Шурка сел в траве. Прижал к коленке ладонь, привычно заращивая десятую за день ссадину. Машинально тронул на шортах просторный карман: здесь ли отвертка? Отдул с лица упавшие

вперед волосы. Прищурил правый глаз, а левым весело глянул на Женьку.

Она смотрела со смешливой виноватинкой.

— Ты поддался...

— Ага! — сказал счастливый Шурка.

— Так ведь нечестно...

— Ну и пусть!

— Шурище косматое... Что ребята скажут!

— Никто же не видел! — радовался Шурка. Вроде и подзуживал Женьку, а внутри таял.

— Кустик видел, — Женька оглянулась.

Кустик «выручил» себя раньше всех и лежал теперь на широком плоском валуне, у другого края лужайки. В безопасном отдалении от щекочущих травяных колосков и соцветий. Распахнул рубашку и подставил солнцу впалый бледный живот и ребристую, как мелкий шифер, грудь.

— Ничего я не видел, — великодушно сообщил он. — Мне не до вас. Я впитываю космическую информацию.

— Вот, человек впитывает, не мешай ему, — сказал Шурка.

— Впитывайте вместе. Я пошла искать остальных...

Но едва Женька сделала несколько шагов, как из рощицы иван-чая выскочили Ник и Тина.

Вдвоем ухватились за палочку:

— Та-та-та! Прозевала, Женечка!

— Все равно она меня застукала, — сообщил Шурка. — В следующий раз искать буду я. Вот увидите, я вас быстренько...

— Надо еще Платона найти, — вздохнула Женька. — Он такой, всегда как сквозь землю...

И правда, она долго бродила по окрестным травяным джунглям. Потом вернулась — усталая, надутая и поцарапанная.

— Ну его... Тошка, выходи!.. Ну, выходи, я сдаюсь! Давайте вместе покричим, а то из меня уже душа вон...

Покричали вместе (кроме Кустика, который все еще что-то впитывал):

— Пла-тон, вы-хо-ди! Пла-тон, ты по-бе-дил!..

— Забрался небось туда, где ничего не слыхать, — уже с тревогой сказала Женька.

Платон появился из-за камня, где лежал Кустик,

— Тошка, ты бессовестный! Где тебя носило? — Женька всерьез надула губы.

— Ух, где меня носило! Пошли, увидите, что я нашел...

Он двинулся первый. А позади всех — Кустик, торопливо застегивающий ворот и обшлага.

Они перевалили бугор, заросший могучей травою с зубчатыми листьями и с цветами, похожими на «львиный зев», только очень крупными и не желтыми, а розовыми. Никто не знал их названия.

Пролезли через утонувшие в бурьяне развалины старого склада.

В нем ржавели остовы допотопных станков. Пробрались вдоль кирпичной стены недостроенного цеха — здесь опять цвел густой двухметровый иван-чай...

Платон раздвинул репейную чащу и нырнул в квадратный лаз.

Это был тесный туннель, образованный П-образными, засыпанными сверху блоками из бетона. Ход изломанно вихлял в темноте. Платон включил фонарик.

— Тошка, я боюсь, — кокетливо сказала Тина. — Вот как вылезем куда-нибудь не туда...

— Уже вылезли! — После крутого поворота навстречу мягко ударил зеленый от листьев свет. Следом за Платоном все с шумом выбрались из-под земли.

Кругом были пологие склоны, а на них все те же травяные джунгли пустырей. И строительный мусор. Торчала над макушками иван-чая разби-

тая каменная будка. А рядом с ней валялся вверх колесами свалившийся с невысокой насыпи паровозик. Старинный, наверно, «овечка». Он был маленький, будто с детской железной дороги.

Видимо, в давние времена возил он здесь заводские грузы, а потом оказался заброшенным. Дожди подмыли насыпь, дорожное полотно дало крен, и маленький паровой трудяга кувыркнулся с рельсов.

Рельсы теперь совсем заросли. Сам паровозик тоже был окружен травяной чащей. Качались вокруг него розовые «свечки», белые «зонтики» и охапки желтого мелкоцветья. Летали бабочки и редкие пушинки...

— Ух ты, какой малыш, — ласково сказал Ник.

— А мы-то и не знали, что здесь есть такой! — удивился Кустик.

— Мы тут многого еще не знаем, — многозначительно сообщил Платон.

Хотя паровозик и был заброшен, вид его не вызывал печали. Наоборот. Эта рыжая от ржавчины «овечка» была похожа на веселого щенка, который набегался, наигрался и дурашливо завалился в траву кверху лапами. Ждет, когда к нему подойдут, почешут пузо и погладят.

Да, видимо, всем это показалось одинаково. И

никто не удивился, когда Ник проговорил голосом Гриши Сапожкина:

— С-кажите, пожалуйста, вы не видели рыжего щенка с черным пятном на ухе?..

«Уже месяц прошел, а мы почему-то никак не забудем этого пацаненка», — подумал Шурка. И... почти сразу забыл. Потому что Бугры завораживали своей пустынностью, запахом трав, простором и тишиной.

Шурка уже знал, как они появились, эти громадные бугристые пространства.

Много лет назад на заводе «Красный трансформатор» началось большое строительство: ставили новые цеха, громоздили между ними эстакады, прокладывали рельсы. А землю из котлованов, поломанные железные конструкции, треснувший строительный бетон везли на большущее болото, что лежало между заводом и Саженковской слободой. Земли и всяких отходов набрались целые горы. Ни разравнивать, ни вывозить их у строителей не было сил и желания. Главной задачей-то было что? Давай-давай план! Давай-давай отчеты о пуске новых прокатных станов! А порядок наведем когда-нибудь после...

Но после наступили такие времена, что порядка стало еще меньше. Некоторые цеха так и не

пустили. Их площадки тоже заросли иван-чаем и осотом, слились с холмистыми пустырями, которые получили почти официальное название — Бугры...

Надо сказать, что про Бугры ходили всякие слухи. Мол, и нечисто там, и лихие люди водятся и даже нелюди. Можно пойти и не вернуться — заплутать. Доля правды здесь была. Заросшие насыпи, груды балок и панелей, брошенные механизмы, кучи битых кирпичей и гнилые заборы образовывали местами настоящие лабиринты. А в глинистой толще хватало всяких пустот, похожих на бункеры и туннели. Дело в том, что экскаваторы заваливали землей и мусором кинутые как попало широченные трубы и пустотелые строительные конструкции... Все это со временем осело, заросло и сделалось похожим на остатки старинного города.

Слухи, впрочем, были преувеличены. Никаких страшных случаев на Буграх милиция не регистрировала. Так, небольшие пьянки да стычки хулиганов. И то нечасто. Никто там не исчезал бесследно, если не считать старой козы, принадлежавшей жительнице Ковровского переулка Анне Гавриловне Кудеминой. Да и то неизвестно точно: сгинула коза на Буграх или украли ее от

дома...

Тем не менее были у Бугров необычные, просто необъяснимые свойства. Стоило углубиться в заросли, как становился не слышен всякий городской шум. Начинало казаться, что ты в безлюдной прерии или на необитаемой планете. Компании ребят, которые играли здесь, почти никогда не встречались друг с другом.

Зато во время игр часто открывались новые места. Вот как сегодня, например, ложбина с паровозиком...

А на прошлой неделе Кустик торжественно вывел всех на лужайку, где стоял под солнцем игрушечный город. Пестрели купола из раскрашенной яичной скорлупы, блестели улицы, вымощенные жестяными бутылочными пробками. Главная площадь была выложена кусочками разноцветного фаянса. Они составили картину с часами, облаками и звездами...

— Ой, кто это построил? Чудо какое! — завосхищались Тина и Женька. — Может, здешние гномы?

— Нет. Митя Конов и Андрюшка Горелов, — шепотом сказал Кустик. — Давайте посмотрим и пойдем. Не надо им мешать. И ничего не трогайте.

Никто и не думал мешать или трогать. Шурка только спросил:

— А если сильный дождь? Или даже град? Все ведь побьет и размоет.

— В этом месте дождя и града не бывает, — уверенно объяснил Кустик. — Потому его и выбрали.

Шурка не решился усомниться вслух. О странностях Бугров он был уже наслышан...

Потом они еще не раз приходили к лужайке с маленьким городом. Строителей — Митю и Андрюшку — не встретили ни разу. Но обязательно оставляли для них осколки фаянсовой посуды.

— А все-таки удивительно, что никто нам тут не встречается, — шепотом сказал однажды Шурка Женьке. — Прямо заколдованность какая-то.

— Ну конечно, заколдованность, — отозвалась она.

— Дело в том, что мы знаем проходы, — объяснил Кустик. — Если идти прямо с улицы, ты тут и пьяниц можешь увидеть, и бабок с козами, и шпану всякую. И не будет никакой тишины. Но мы-то ведь идем всегда через наш проход.

И в самом деле, компания проникала на пустыри особым путем. Недалеко от речки Саженки была насыпь, ведущая к мосту. Склоны ее за-

росли ольховником. Там, в кустах, пряталась идущая под насыпью труба. Диаметром чуть меньше метра. По ней, пыльной и гулкой, нужно было пробираться на четвереньках. Но зато, как проберешься, сразу попадаешь в сказочную завороженность и зеленую тишину...

Платон был самый трезвомыслящий из всех.

— Тут дело, наверно, не в волшебстве, а в нашем собственном настроении, — говорил он. — Что хотим, то и видим. Это называется самовнушение.

С ним больше других спорил Ник. Вообще-то он был ничуть не скандальный, но здесь распалялся:

— Разве так бывает?! Вот ты сидишь в кино и смотришь дурацкую картину «Красная маска», а хочется тебе увидеть что-нибудь хорошее, например, «Остров сокровищ» — ну и что? Можешь ты его увидеть, если у тебя самовнушение?

— Тут другое дело... — неуверенно защищался Платон.

— Вот про это и говорят, что другое! — припирал его к стенке Ник. — На Буграх другие условия!

— Ну ладно, ладно. Пусть другие... если тебе так хочется.

— При чем тут «тебе хочется»? Это все знают! А скажи, почему не видно самолетов, когда летят

над Буграми?

— Атмосферное явление...

Вмешивалась Тина. Она всегда защищала Ника.

— А сизые призраки? Тоже атмосферное явление?

— Да кто их видел-то, этих призраков? — возмущался Платон.

Шурке было, конечно, интересно: что за призраки?

— Да чушь! — отмахнулся Платон. — Когда расширяли заводскую территорию, завалили землей старое кладбище. Склепы засыпали и даже часовню. Ну вот, от бабок и пошли слухи, что мертвецы вылазят и бродят...

— И говорят, что под землей можно пробраться к этим склепам, — шепнула Шурке Женька. Кустик услышал. И обрадовался:

— Вот там-то тебя эти призраки хвать за косы!

— А вы туда не добирались? — вроде бы без особого интереса спросил Шурка. Кустик помотал кудлатой головой.

— Не-а, до кладбища далеко. А вообще-то и тут хватает всяких подземных пустот. Есть старинные, со стенами из толстого кирпича. С замурованными дверями...

— А восьмиугольных дверей там нет? — Это у Шурки само собой выскочило. На него посмотрели с интересом.

— А зачем тебе восьмиугольные двери? — спросила Тица. Шурке показалось, что хитровато, со значением.

— Ну... так. — Шурка сделал равнодушное лицо. — В какой-то книжке читал, в фантастической, что у таких дверей особые свойства. Можно через них куда-нибудь попасть. В антимир...

— Нет такой фантастической книжки, — ревниво сказал Кустик. Он считал себя знатоком фантастики.

— Будто ты все на свете знаешь!.. Я давно читал, не помню названия.

Остальные слушали молча. Может быть, ничего такого не было в их молчании. Но Шурке почудилось легкое отчуждение: «Почему ты от нас что-то скрываешь?»

Чтобы выкрутиться, Шурка бодро «вспомнил»:

— Ой, Куст! Я же у бабы Дуси заклинание узнал! Наговор такой от щекотки! Она говорит, что надежность железная. Хочешь?

— Еще бы!

— Надо, когда ты будешь один, три раза повернуться на левой пятке вокруг себя и сказать:

Ух-ух, пух-пух,
Улетай, нечистый дух.
Не боюся я щекотки
Ни одной руки, ни двух.

А потом целый час ни с кем не разговаривать. И после этого пускай тебя щекочет хоть целая стая бандерлогов...

— Предрассудки, — сказал Платон.

Кустик хихикнул. Кажется, он поверил.

— Не надо, Кустичек, — жалобно попросила Тина. — Как же мы тогда будем тебя воспитывать? Ты же станешь совсем нестерпимый.

Кустик показал ей язык.

Паровозику дали щенячье имя Кузя. И решили навещать его каждый день. Очень уж славное оказалось тут место.

Недалеко от Кузи, под свалкой треснувших и заросших татарником бетонных плит, обнаружился лаз под землю. Решили его исследовать. Взяли фонарики. Сперва ползли на четвереньках, потом стало просторнее. Пошли пригнувшись. Лучи метались по кирпичной кладке. Девчонки повизгивали: что-то сыпалось за шиворот.

Но никаких открытий не случилось. Подземный коридор уперся в глухо замурованную арку.

— Не пробиться, — вздохнул Шурка.

А Кустик — он тут как тут. Зашептал громко и весело:

— Да и незачем! Эта дверь, она ведь не восьмиугольная...

Почему-то все неловко промолчали. (А Женька — с сочувствием.) Потом Женька слегка хлопнула Кустика по кудлатому затылку.

— Давно тебя не воспитывали...

Шурке стало не по себе. Отвертка отяжелела в кармане.

Кустик отскочил от Женьки.

— А вот фиг тебе! Я Шуркиным заклинанием себя защищу! До сих пор я не мог на ноге крутнуться, левая пятка болела, в ней заноза. А теперь уже не болит...

На следующее утро Кустик появился перед друзьями совершенно непривычный и разноцветный. Не в обычном своем «скафандре», а в «мультяшном» трикотажном костюмчике — вроде того, который баба Дуся предлагала Шурке в начале июня. Штаны и майка были голубых тонов, с картинками из подводной жизни: осьминоги, крабы, пестрые рыбы, водоросли, а на спине — русалка с улыбчивым и хитрым лицом.

Висел этот костюм на Кустике, как поникший

в безветрие флаг на палке. И казался Кустик еще более тощим и длинноногим. Но все же обновку дружно одобрили.

— Ну, прямо аквариум! — добросовестно восхитилась Женька.

— В нем небось прохладно, как внутри морской глубины, — позавидовал Ник.

А Платон усомнился:

— Трудно поверить, что ты теперь совершенно щекоткоустойчивый.

— Ха! Смотрите! — Кустик безбоязненно скакнул в бе-лоцвет, попрыгал среди пушистых головок, махая незагорелыми руками-ногами. Потом подскочил к Женьке и Тине, задрал майку. — Пожалуйста! Щекотите, пока пальцы не отвалятся!

Тина загрустила:

— Теперь не будет спасенья от твоих дразнилок... Давай сочиняй.

Кустик постоял, прислушиваясь к себе. Вздохнул:

— Почему-то не хочется... Лучше пошли купаться!

— Пошли! На Саженку, к плотине! — обрадовался Шурка. И взглянул на Женьку: «Согласна?» Та глазами сказала, что согласна.

— Лучше на Черный пруд, — решил Платон. — Шурка еще не был на Черном пруду. Вот и посмотрит...

Шурка опять глянул на Женьку. Она улыбнулась глазами. Шагнула ближе, незаметно взяла его за пальцы. И конечно, Шурка сделался готовым идти хоть куда. Хоть на Черный пруд, хоть на Черное море за две тыщи километров...

Не надо думать, что они так и шли, взявшись за руки. Перед насыпью, где труба-проход, обменялись взглядами, улыбнулись и расцепили пальцы. И по Буграм шагали уже каждый сам по себе, прыгая через колючки, перекликаясь в бурьянных чащах. То разбегались, то сходились вновь.

Платон объяснял Шурке:

— Помнишь кино про мушкетеров? Там Атос поет: «Есть в старом парке черный пруд, в нем лилии цветут»...

Ну вот, там, куда идем, такой же пруд, таинственный. Правда, от парка только несколько берез осталось...

Шли долго. Давно миновали ложбину с Кузей. Шурке до сих пор казалось удивительным: как между заводом и окрестными переулками могли поместиться такие бескрайние холмистые про-

странства. Когда путешественники всходили на очередной бугор, город с него виделся лежащим в далекой дымке...

Бесшумно махали крыльями желтые бабочки. Тихо летел пух семян — уже не тополиный, а от белоцвета и всяких других пустырных трав. Кустик теперь не отмахивался и не отдувал пушинки. Смеялся и подставлял лицо.

Он оказался рядом с Шуркой.

— Твоя баба Дуся настоящая волшебница!

Шурка обрадованно кивнул. По правде говоря, он вовсе не надеялся на такой результат. Несколько дней назад, когда баба Дуся заговаривала соседке больной зуб, Шурка шутя спросил: не знает ли она заклинания от щекотки. Оказалось, что знает. И надо же, в самом деле помогло!

Вон как резвится освобожденный от врожденной боязни Кустик!

Он пошел с Шуркой плечом к плечу и вдруг с веселым возбуждением зашептал. Прямо в ухо:

— Знаешь что! Я тебе за это открою тайну! Про восьмиугольную дверь.

Колючий холодок прошил Шурку от затылка до пяток. Он даже споткнулся. Но сказал небрежно:

— Я уж и забыл про нее...

— Да? А я думал, для тебя это важно.

— Ну... а что за дверь-то? — не удержался Шурка.

— Точнее, это проход. Я его увидел случайно. Однажды я решил проехать по трамвайному кольцу под мостом: интересно же! Спрятался под скамейкой в заднем вагоне. А когда въехали под мост, посмотрел в окно. Ну, ничего особенного, каменные стены да лампочка. Но в одной стене — черный вход. Правда, не дверь, а как бы начало туннеля. Но именно восьмиугольной формы! Понимаешь, такой прямоугольник, но углы у него срезаны. И получается фигура с восемью углами...

Привычный к роли рассказчика, Кустик говорил, будто по готовому тексту. И Шурка отчетливо представил начало темного восьмиугольного туннеля. И опять — нервный озноб...

Шурка дернул лопатками. Сказал со старательной небрежностью:

— Интересно. Может, слазим когда-нибудь, поглядим... Слушай, Кустик, а продолжение про стеклянную планету у тебя придумалось? То есть нашептали его космические голоса?

— Да!.. Там такое получилось! От частых раскопок произошло изменение рельефа! И рядом с городом Пампоподо образовался новый морской

залив. И в нем завелись всякие разумные морские жители...

— Вот такие? — Шурка хлопнул Кустика между лопаток, где шевелила хвостом русалка.

— Всякие! И у них... знаешь что? Была совсем другая биологическая структура! Внутренности совсем не человеческие!

— А... какие? — Это Шурка шепотом. Стараясь унять новый испуг.

— Ну, внутри хороших людей жили... золотые рыбки. А внутри плохих — всякие каракатицы и спруты... Шурка, а зачем ты всегда носишь с собой отвертку?

— Что?.. А, ну это так... талисман, — сказал Шурка слабым голосом. К счастью, тут за взгорками показались высокие березы.

— Ура! Пришли! — Кустик взлягнул суставчатыми конечностями и помчался вперед.

2. Есть в старом парке черный пруд...

Когда-то здесь в самом деле был приусадебный парк. Об этом говорили развалины гранитной беседки. Но от деревьев осталось лишь пять-шесть вековых берез. Полувысохшие, с редкой листвой, они торчали в отдалении друг о друга.

Пруд — небольшой и круглый, как тарелка, — лежал в низких, поросших рогозом и осокой берегах. Вода была как черное стекло. Кое-где лежали на ней крупные листы и белели цветы. Видимо, и правда лилии.

— Их рвать нельзя. Они — редкость, — прошептал; Тина.

Никто и не собирался рвать. Стояли, слушали тишину В тишине журчала у скрытой в кустах плотины вода. Журчал и вытекающий из пруда ручей, тоже скрытый в низких зарослях. Над осокой чуть слышно потрескивала крыльями синяя стрекоза. Густое солнечное тепло пластами лежало над прудом и травами. Медленно садились на воду семена-пушинки.

Кустик шепотом сказал:

— Здесь, говорят, во-от такие, величиной с блюдо, караси водятся. Золотистые.

— Кто говорит? — строго спросил Платон.

Кустик слегка удивился:

— Не знаю... По-моему, ты рассказывал.

Платон покачал головой.

— Эхо на Буграх нашептало, — тихонько сказал Ник.

Шурке вдруг стало не по себе. Словно что-то должно случиться. Что? Он спросил с нарочитой

бодростью:

— А купаться-то здесь можно?

На Шурку разом посмотрели. Платон кивнул.

— Можно. Вон там.

Неподалеку из рогоза подымались кирпичные остатки арочного моста. На берегу они полого уходили в траву, а над водой нависали крутым козырьком. У воды, рядом с кирпичной аркой, рогоз расступился, там была чистая песчаная проплешина. Размером с теннисный стол. Без единого следа на твердом песке. Все торопливо поскидывали одежду.

— Далеко не плавать, держитесь вместе, — велел Платон. — Здесь омуты... и вообще всякое...

— Сизые призраки, — хихикнул Кустик, нетерпеливо дергая колючими локтями.

— Чего смешного... — сказала Тина.

— Вспомнила про «плотину» и «водяного», — шепнул Кустик Шурке. — Платон! Ну, можно уже?

— Пошли...

Шурка думал, что вода будет очень холодная, но она оказалась обыкновенная. И с болотистым привкусом. Но все равно было здорово! Барахтались, пока не покрылись пупырышками. Выбрались на горячий песок. Потом вернулись в

воду и за руки, за ноги вытащили Кустика. Он вырывался и норовил опять плюхнуться животом на мелком месте.

— Я ловлю золотых карасей!

— А леща не хочешь? — Платон сделал вид, что собирается вляпать ему по шее.

— Везде сплошное угнетение! — Кустик с оскорбленным видом упал на песок. — Ну и ладно! Не будет вам никакой ухи...

— Мы с твоего костюма рыб натрясем, — пообещала Тина.

Девочки сели поодаль. Тина помогала Женьке расплести мокрые косы.

Солнечный жар нагонял дрему. Шурка, лежа на спине, прикрыл глаза. Сквозь тонкие веки солнце пробивало алый свет...

— ...А пойдемте посмотрим пустырных кроликов! — Это был тонкий нетерпеливый голос Кустика.

Шурка приподнялся, глянул. Кустик уже не лежал, а пританцовывал. На песке от него остался след, похожий на отпечаток скелета.

— А правда! — Ник тоже вскочил. — Пошли! Тут их много. У них сейчас крольчата!

— Что за кролики? — спросил Шурка.

— Одичавшие, — объяснил Платон. — Когда-то

их предки убежали от хозяев и здесь расплодились. Как в Австралии. Но почему-то лишь на этом участке, у пруда...

— Они такие миленькие! — обрадованно засуетилась Тина. — И ничуть не боятся людей! Сами в руки просятся! Идем скорее...

— Я не пойду, — сказала Женька. И глянула на Шурку. —- У меня нога повредилась, под коленкой какая-то жилка... екает. Лучше посижу...

— А у меня пятка натерлась. Тоже болит, — сообщил Шурка.

Нахальное вранье простили ему и Женьке без насмешек, с пониманием.

— Ладно. Только не купайтесь без нас, — предупредил Платон.

И четверо вереницей ушли в заросли осота и болиголова.

Если бы не раскиданная по песку одежда, могло показаться, что никогда тут никого не было — кроме Шурки и Женьки.

Женька сидела от Шурки метрах в трех. Похожая на русалочку из датского города Копенгагена. Глаза были теперь не серые, а золотистые от солнца. Она встретилась с Шуркой взглядом, опустила ресницы и стала рисовать на песке восьмерки.

— Правда болит нога? — почему-то с большой

неловкостью спросил Шурка.

— Да... Ой нет, неправда... Чуть-чуть.

Шурка глубоко вздохнул и... подсел ближе.

— Я про пятку тоже наврал. Просто не хотелось идти.

— И мне не хотелось. Волосы еще мокрые, к ним всякий мусор липнет... Шурчик...

— Что? — выдохнул он.

Тогда она встряхнулась и попросила почти весело, словно о самом-самом пустяке:

— Помоги волосы расчесать, а? А то сама я замучаюсь...

— Да... давай, — с замиранием сказал Шурка. И заметалось, заплескалось в груди стыдливое счастье. — Только... я ведь не умею.

— Да это просто. На, — Женька протянула желтый пластмассовый гребень. — Ты только не от корней начинай, а с кончиков... Садись рядом, вот здесь...

Шурка неловко придвинулся, загребая песок тощим задом, сел у Женькиной спины, неловко вытянул ноги. Зажмурился на миг, вздохнул опять и взял на ладонь прохладные, тяжелые от влаги пряди. Мокрые концы волос упали ему на колени. Шурка вздрогнул.

— Ты начинай с кончиков, — опять попросила

Женька.

— Ага... сейчас... — Пластмассовые зубья плавно заскользили среди ржаных нитей. Раз, другой... Теперь надо взять повыше. Еще...

— У тебя хорошо получается. Лучше, чем у Тины, — шепнула Женька.

— Ага... — Он тихонько засмеялся. Боязливого дрожания уже не было. Только ощущение радости и прохлады. Конечно, Шурка стеснялся и сейчас, но не так сильно. Расчесанные Женькины волосы он легко отбрасывал, и они касались щек, влажно скользили по плечам, прогоняя сухую жару.

— Женька... Они у тебя пахнут, как у русалки.

— Ой, откуда ты знаешь? Ты что, встречался с русалками?

— Да, — соврал он. — Один раз.

— Где?

— Во сне... А ты думала, я про ту, что у Кустика на спине?

Женька засмеялась вслед за Шуркой, мотнула головой.

— Не дергайся! А то песок в волосы наберешь... — И уже без всякого страха Шурка кинул расчесанные пряди себе на плечо.

А через минуту он сказал с сожалением:

— Ну вот, все...

— Спасибо. Теперь они быстро высохнут, и я заплету.

— Тут я помочь не могу. Не научился... — Он хотел набраться храбрости и спросить: «Может, научишь?» Но вдруг его словно толкнуло мягкой ладонью — неожиданная память, Шурка лег на живот, вытянулся, подпер щеки, сбоку быстро поглядел на Женьку. И уткнулся взглядом в песок.

— У мамы... были косы. Тоже большие, только темные. Но я еще маленький был тогда, плохо помню...

Песок искрился, искры стали расплываться в глазах. Шурка медленно вздохнул и решился, выговорил:

— А сестренки никогда не было. Ни большой, ни маленькой...

Женька положила ему на спину прохладную от сырых волос ладошку.

Так прошло какое-то время. Наверно, немалое. Женька тихо ойкнула. Убрала руку.

— Что? — вздрогнул Шурка.

— Стрекоза.

— Ты их боишься?

— Нет... Но она прямо на голову села.

— Теперь уже нету...

— Улетела. Тоже испугалась.

Женька смотрела без улыбки. И Шурка по-прежнему чувствовал спиной ее ладонь. И от сладкой печали все так же щипало в глазах. Он моргнул, встал и пошел к развалинам мостика.

— Шур, ты куда?

Он сказал хрипловато:

— Погляжу в воду. Может, Кустик правду говорил насчет карасей...

Шурка боялся, что она пойдет следом и увидит его мокрые глаза. Но Женька осталась на месте.

Шурка лег на щербатые теплые кирпичи. Опустил голову. Толща воды была темной, но совершенно прозрачной. На трехметровой глубине отчетливо виднелось дно: сплетение умерших водорослей, ил, кирпичные обломки.

Карасей, конечно, не было, но серебристыми стрелками метались туда-сюда подросшие мальки.

Шурка пригляделся. Полузатянутые илом кирпичи были очень большие. Наверняка из прошлого века. На одном он даже разглядел оттиснутые буквы: К. Л. Наверно, фабричное клеймо...

Теперь Шурка видел, что кирпичи под водой лежат плотно друг к другу. Они составляли слегка

наклонную плоскость, почти целиком занесенную илом. Сквозь ил выступал карниз. И Шурка наконец понял, почему не может оторвать глаз. Карниз образовывал восьмиугольник.

Ну, или, по крайней мере, часть восьмиугольника. Она выступала из-под ила.

Может быть, это рамка люка? Может быть, как раз тут и есть нужная Турскому дверца?

И Шурка вдруг почувствовал, как ему хочется поскорее развязаться с этим! И стать как все...

Он вскочил, вернулся на песок, суетливо вытащил из одежды отвертку. Сдернул с нее резиновый трубчатый наконечник (Шурка надевал его, чтобы не напороться случайно, когда отвертка в кармане).

— Жень, я сейчас...

— Ты куда?.. Шурка, не надо! Одному опасно! Платон же говорил...

— Да я только здесь, у мостика! На минутку! — Он сунул отвертку за пояс на плавках и — к воде!

На этот раз вода оказалась холоднее. Неласково сжала Шурку. Но видно было хорошо, хотя кирпичи и казались размытыми. Шурка начал разгребать ил. Скорее, скорее, пока нехватка воздуха не сдавила грудь... Ил облачком повис прозрачной плотности. Еще... Вот досада...

Не было восьмиугольника. Отчищенные кирпичи представляли собой как бы граненую букву С. Просто остатки орнамента. И никакого намека на люк...

А грудь уже стискивало безжалостно. И холод — все сильнее. Он выгнал из Шурки остатки июльского жара, сотней иголок вошел в тело. Просто зимний холод. Как там, на перекрестке, когда Шурка ждал «Мерседес» Лудова... Машина и сейчас возникла из тьмы! С горящими фарами! В упор!..

Нет!

Шурка рванулся вверх. Сквозь зеленую толщу увидел желтое расплывчатое солнце. И край мостика, и Женькину голову. И руки, которые Женька тянула к нему...

Он лежал на горячем песке, на спине. Женька всхлипывала над ним.

— Дурень какой, честное слово... Зачем тебя туда понесло?

— Так... Зря... Это ты меня вытащила?

— Ты сам. Я только помогла выбраться.

— Неправда. Ты за мной ныряла.

— Да нет же. Смотри, волосы сухие...

Шурка лег на бок, взял Женькину ладонь, положил ее себе под щеку. То ли показалось, то ли

правда Женька еле слышно сказала: «Сашко...»

«Сестренка...»

Вот так он будет лежать долго-долго. Вечность. Плевать ему на Турского, на восьмиугольные двери... Но вечности не получилось. С веселым гомоном вернулись из зарослей «охотники». Кустик прижимал к тощей груди добычу: пятнистого черно-белого крольчонка. Очень спокойного.

— Смотрите, он сам к нам подбежал!.. И еще — вот! Я совсем не боюсь! — Он взял кроличьи уши и концами пощекотал свои ребра. — Убедились?

Женька встала. Погладила кролика.

— Какой симпатичный. Правда, Шурка?

— Да, — неловко сказал Шурка. Он все еще лежал.

Платон пригляделся.

— Купался, да? Волосы и плавки мокрые...

Шурка сел. Сказал честно:

— Я нырнул с мостика. И чуть не отдал концы. Хорошо, что Женька помогла.

Платон никогда не старался быть строгим командиром. И здесь rte стал делать долгого выговора. Только вырвалось у него:

— Вот дубина! Я же говорил, что опасно!

Шурка покаянно сопел. И Платон добавил еще. Но тихо:

— Один раз уже помирал. Еще захотелось?

Шурка повесил голову. Все насупленно молчали. Чтобы уйти от тягостной виноватости, Шурка погладил по ушам крольчонка.

— А куда его теперь?

— Пускай бежит к маме, — с торопливой веселостью откликнулась Тина. — Пойдем домой и по дороге отпустим. Там, где взяли.

Этот разговор стряхнул со всех неловкость. Заспешили, натягивая одежду. Потому что и правда пора домой. Ник сказал, что крольчонка надо отпустить немедленно.

— Иначе я его слопаю живого, так есть хочется.

Шурка почувствовал, что и он просто помирает от голода. Несмотря на все переживания.

Он заплясал на песке, натягивая шорты, привычно тряхнул их, чтобы проверить: на месте ли отвертка? И обмер. Не было в кармане привычной тяжести.

И не могло быть! Ведь нырял-то он с отверткой за поясом, а вынырнул... ну ясно же, без нее!

Шурка кинулся на козырек моста. Упал там ничком, свесил голову.

Отвертка лежала на расчищенных от ила кирпичах. Вернее, стояла торчком — деревянная ручка была как поплавок.

Шурка опять лихорадочно скинул штаны.

— Ты куда! — Платон ухватил его за локоть. Подоспели и другие.

Шурка дернул руку.

— Я сейчас... Там отвертка осталась. Мне ее... обязательно надо... Я быстро!

— Рехнулся, — сказал Платон. — Тут же глубина. Кажется, что дно близко, а на самом деле...

— Да нет же! Я уже доныривал!

— Не смей, — железно сказал Платон.

И Шурка понял, что не посмеет без разрешения.

— Ну, Платон... ребята... — Он почувствовал, что сейчас разревется. Как-то все пошло наперекосяк. Разом. — Ну, пожалуйста...

Платон двумя рывками сбросил шорты и рубаху. Шагнул на край.

— Не надо... — пискнула Тина.

Платон ласточкой ушел в воду. И все замерли над кромкой обвалившегося моста.

Тело Платона в темной воде казалось зеленоватым. Он опускался долго. Значит, в самом деле глубина была больше, чем казалось сверху...

Вот он дотянулся до деревянной ручки, изогнулся, как в кино про Ихтиандра, сделал взмах руками, будто крыльями... И наконец показалась

над водой его голова. И кулак с отверткой.

— Держи...

Шурка лежа дотянулся, взял. Платон выбрался на песок. Шурка принес ему одежду. Виноватый и благодарный. Платон глянул искоса.

— Хоть бы рассказал, зачем она тебе. Для чего таскаешь с собой?

— Я... расскажу. Потом... Потому что... — У Шурки застревали слова.

Не боялся он выдать тайну. И плевать ему на запрет Турского! Но ведь... если начнешь рассказывать одно, потянется следом и другое. До конца. Про все. И про то, какой он... И непонятно, чем тогда все кончится... И вообще ничего не понятно! Страх в груди, вот и все!

Как тут объяснишь?

— Я... после. Вы не думайте, я же...

— Да ладно! — небрежно перебил его Платон. — Не хочешь — не говори. Никто же тебя щипцами за язык не тянет... Каждый имеет право на тайны, верно, ребята?.. Пошли!

Вот и конец.

Не было ни ссоры, ни драки. Даже обидных фраз вроде бы не было. Но сразу сделалось их не шестеро, а пятеро и один.

Так же, как раньше, шагали через бурьян, иван-

чай и плети мышиного гороха. Также весело перекликались... Выпустили крольчонка, он ускакал, встряхивая ушами. Все помахали ему руками.

Кроме Шурки. Пошли снова. Шурка шагал, словно с холодным булыжником в груди.

Женька пошла рядом.

— Шур... ты чего?

— Так...

— Ты не расстраивайся.

Он собрал остатки ершистости:

— Я и не думаю!

Женька отстала. Ну вот! Порвалась последняя ниточка...

Нет, не совсем порвалась. У калитки Платона, когда все говорили друг другу (и Шурке, кстати) «пока» и «до завтра», Женька сказала жалобно:

— Шурчик, ты в порядке?

— Увидимся позже... — горько хмыкнул он. И пошел к трамвайной остановке. Не потому, что не хотел разговаривать. Просто снова, второй раз за сегодня, испугался, что разревется. Ко всем бедам не хватало еще и такого скандала!..

Но раз он так ушел — будто все оборвал! — теперь и Женька, наверно, не захочет его видеть...

В мире Великого Кристалла происходила тра-

гедия — крошечная, но такая же страшная, как гибель галактики. Для бесконечного пространства все равно: что галактика, что молекула. А молекула из шести атомов рассыпалась неудержимо...

Впрочем, пятеро будут жить без Шурки, как прежде.

А он — как без них?

Как без Женьки?..

Шурка добрел до остановки, сел под железным навесом на скамью из реек. Напротив сидела девочка лет пяти и ее красивая молодая мама. Счастливая девочка со счастливой мамой...

Шурка вытащил отвертку. Отпечатал на ладони узорчатую звездочку-снежинку... И резанула его досада!

Почему на свете все так нелепо! Подло!

Гурский прав был — ничего хорошего нет на Земле! Скорей бы на Рею!

Но не хотел Шурка на Рею. Хотел быть здесь! На старых улицах с иван-чаем, на Буграх. И чтобы рядом — Платон, Кустик, Ник, Тина. И Женька, Женька...

Может, пойти и выложить все? Может, выкинуть к чертям отвертку?

Шурка не выкинул. Только с досадой ударил

ею по краю скамьи. Отлетела щепка. Стержень сорвался и скользнул по ноге, разодрал кожу от колена до косточки.

Девочка вскрикнула.

Шурка вскочил и, роняя в траву густую кровь, бросился вдоль рельсов. И плакал...

Впрочем, когда он добрался до дома, на ноге был уже заросший розовый рубец.

3. Трамвайное кольцо

Большой бестолковый и беспощадный мир жил по своим правилам — как ему хотелось (или не хотелось, но получалось). Большому взрослому миру не было дела до Шуркиных бед. Он, этот мир, со своими идиотскими хлопотами, потрясениями и заботами врывался в дом через телеэкран.

Перед экраном сидела баба Дуся. Оглянулась, когда Шурка вошел.

— Слышь, а бразильцы выиграли у итальянцев-то. В игре ничего друг другу забить не могли, только по пенальти взяли верх... Итальянские болельщики повыкидывали из окон свои телевизоры. От досады!

«Ну и холера с ними», — сказал про себя Шурка. Но обижать таким отзывом бабу Дусю не стал.

Молча ушел к себе, лег, уставился в потолок.

Баба Дуся заглянула в дверь.

— Чего смурной? Нелады какие-то?

— Все «лады». Устал просто...

— Ну дак немудрено. Иди поешь. Отощал совсем, избегался... Господи, а ногу-то где разодрал?

— Не помню. Да заросло уже...

Несмотря на горести, есть хотелось до тошноты. Шурка пошел на кухню, съел окрошку и кашу с колбасой.

— Ну вот, ожил малость, — обрадовалась баба Дуся. — А знаешь, какие новости от астрономов идут? Говорят, летит на планету Юпитер комета расколотая. Имени какого-то ученого — то ли Шумейко, то ли Шумахера. Как грохнется, будет взрыв посильнее миллиона водородных бомб.

— Нам-то что...

— А то, что говорят, будто и на Землю повлияет. Может она съехать с орбиты...

— Туда ей и дорога, — искренне сказал Шурка.

— Как это «туда и дорога»! А с нами что?!

— А хоть что...

— Тьфу на тебя... А в Югославии перемирие нарушилось, снова палят по городу Сараеву из минометов. Кругом люди рехнулись...

— Вот именно... И будут палить, пока на Земле

снаряды не кончатся. А они не кончатся... в обозримом будущем. — И Шурка вспомнил Гурского: «Психология полевых командиров...»

— Страсти ты говоришь какие, помолчи лучше... А еще передали в «Новостях», что общество «Золотой Маврикий», ну, то, про которое все время реклама, лопается по швам. Перестали покупать у населения акции, в Москве у приемных пунктов тыщи людей шум подымают. Представляешь?

— Баб-Дусь, ну тебе-то что, — застонал Шурка. — У нас с тобой ни одной же акции нету!

— У нас нету, а у других, у миллионов человек, есть! Уже митинги начинаются. Диктор Веревочкин в «Новостях» сказал, что может быть гражданская война или досрочные перевыборы...

«Мне бы эти заботы», — горько подумал Шурка.

— Чего-то ты сегодня не в себе, — опять затревожилась баба Дуся. — С дружками своими, что ли, поругался?

— Вот еще! Не ругался я...

— Или с Женькой. А? — безжалостно.

— Ну, не копай ты мне душу! — И опять плюхнулся на диван в своей конуре.

Баба Дуся ворчала за перегородкой:

— «Не копай душу»... А об моей душе ты помнишь? Думаешь, бабка не переживает? На тебя глядючи...

Шурка закрыл глаза и стал проваливаться в дремоту. Закачался перед глазами иван-чай, замелькали стрекозы. Вспомнилось влажное касание Женькиных волос... Потом ощутилась, почти как наяву, давящая глубина Черного пруда.

«Почему я потерял сознание? От памяти про машину? От холода и страха? А может, просто от давления воды?» И все зря! Потому что не было восьмиугольного люка... Но где-то он все же есть! Люк, дверь, проход... Мало того, Щурка понял, что он помнит, где именно! Откуда помнит?.. Господи, да Кустик же утром говорил! Про туннель под мостом, где трамвайное кольцо!

Шурка сел. Теперь не было усталости и бессилия. Стало ясно, что надо делать. И чем скорее Шурка это сделает, тем скорее будет свободен! От непонятного своего задания, от Гурского, от обязанности молчать!

Он придет к ребятам с растворенной душой, с новым сердцем. Вот я, смотрите! Я такой же, как вы! И нет у меня от вас тайн!..

Самое тяжелое — дождаться вечера. Когда гложет нетерпение, время, как правило, движется еле-еле. Это знает всякий, но Шурке повезло. Видать, смилостивилась судьба, и минуты побежали одна за другой. И час за часом...

В девять Шурка уложил в холщовую сумку нужное имущество: складной нож, фонарик, веревку. И отвертку. Резиновый наконечник он потерял, в кармане носить инструмент было рискованно...

— Куда ж ты это, друг любезный, лыжи навострил? — затревожилась баба Дуся. — Вроде уж ночь на носу.

— К Платону, — храбро соврал Шурка. — Мы договорились ночевать на сеновале. Кустик будет новые космические истории рассказывать...

К Платону баба Дуся относилась с уважением: «Серьезный парнишка, не шебутной. Сразу видно, родители культурные». Да и на других смотрела одобрительно. «Только вот этот Кустик ваш, уж до чего худой! Не кормят, что ли?» — «Да просто у него организм такой. Он в основном космическим излучением питается». — «Оно и видно, что одним излучением...»

И сейчас она Шурку не задерживала.

— Только утром, как придешь, сразу давай на рынок, а то капусты даже на суп не осталось.

— Есть, господин баб-Дусь-майор!
— Вот я тебя...

Время самых коротких ночей уже прошло. Но и теперь солнце заходило после десяти, а светлые сумерки держались до полуночи.

А трамваи кончали ходить рано, последняя «шестерка» ехала на кольцо без четверти десять. На нее-то и успел Шурка.

К концу маршрута задний вагон совершенно опустел. Вполне можно было не прячась въехать в туннель, а там на малом ходу выскочить. Но Шурка решил не рисковать: вдруг в этот миг водитель трамвая глянет в зеркало заднего обзора? На остановке у моста Шурка вышел с деловым видом: спешит, мол, человек домой. Но никого вокруг не было, не имело смысла притворяться. Трамвай, дребезжа, укатил в черную арку под мостом.

Шурка двинулся за ним не сразу. На всякий случай посидел несколько минут в густом ольховнике, что рос вплотную у каменной кладки.

Здесь к Шурке подкрался страх. Будто к малышу, которому предстоит идти в темную комнату.

«Все будет хорошо», — постарался успокоить себя Шурка. И усмехнулся. Потому что это была еще одна затертая фраза из американских фильмов,

которые Шурка смотрел по вечерам вполглаза (а баба Дуся с интересом). Такая же, как «ты в порядке?» и «увидимся позже». Брякнулся человек с пятого этажа и еле дышит, или лопнула у него фирма, или украли жену, а его успокаивают: «Все будет хорошо»...

И как бы предупреждая Шурку, что с ним ничего хорошего не будет, куснула его повыше колена булавочная боль. Вот ведь зараза какая!.. Любые порезы и ссадины зарастали на Шурке за несколько минут, а этот след от иголки никак не заживал. От той, что клюнула Шурку, когда он примерял анголку. Нет-нет, да и набухала на ноге кровавая точка. Болела и чесалась, как комариный укус. Густо напоминала о нехорошем...

И сейчас этот колючий зуд добавил Шурке страха. И Шурка понял, что боится не темного туннеля, не досадной неудачи в поисках, а какой-то неведомой беды...

Тогда, толчком прогоняя боязнь, он скомандовал себе: «Вперед!» Крадучись, он быстро выбрался из кустов. Туннель — вот он, рядом. И Шурка скользнул в темноту.

Темнота оказалась неполной, туннель изгибался, и за поворотом брезжил желтый свет.

Шурка присел на корточки, послушал тишину.

Будь у него настоящее сердце, оно колотилось бы. А сейчас-то что... Шурка посидел, мотнул головой, встал. Осторожно пошел вдоль сложенной из гранитных брусьев стены.

Увидел наконец лампочку — она тускло светила под бетонным потолком. Светила, как... да, как там, где Шурка видел себя под простыней, с квадратным провалом в груди.

Он зажмурился, опять помотал головой. И... увидел в стене напротив себя черную пустоту входа.

Начало восьмиугольного туннеля! В точности такого, как говорил Кустик.

Нижний край входа был в полуметре от пола. Шурка прыгнул. Встал. Вынул из сумки фонарик. Свет прошелся по кирпичным стенам. Ширина была метра полтора, высота — около двух. Шагах в пяти коридор делал крутой поворот. Шурка пошел на цыпочках, словно поблизости могли быть враги. Но кто? Откуда?

За поворотом он сразу уперся в дверь.

На двери были скобы и заклепки, словно в рыцарском подземелье. От нее пахло ржавчиной. Рыжие клочья висели, как бороды.

Шурка поводил фонариком. Не было никакого намека на шурупы или болты, для которых го-

дилась отвертка. Да и нечего тут отвинчивать и отпирать! Дверь была прикрыта неплотно, темнела широкая щель. Шурка уперся в кирпичный пол ступнями, ухватился за скобу.

Железная махина отошла медленно, тяжело, но (вот удивительно!) без визга и скрежета.

Шурка отступил, повел перед собой лучом. За дверью был коридор, но более широкий, с нишами и кирпичными выступами. Шурка хотел шагнуть... и не шагнул. Обволокла его вязкая боязнь. Он явно чуял — там кто-то живой.

Да ну, чушь! Кто там может быть? В такой сырой ржавой трущобе! Бомжи и жулики находят места поуютнее. Бездомные псы? От света они бросились бы прочь. Сизые призраки? Нуда! «И все засмеялись...»

И Шурка засмеялся про себя. Через силу. И так же через силу заставил свои ноги сделать шаг. Другой.

Все равно обратного пути нет! Не возвращаться же ни с чем! Должен же быть хоть какой-то конец!

Да и чего бояться? «Ты ведь один раз уже умирал...»

Еще шаг, еще... Стоп!

Новый страх приковал Шурку к месту. Кто там?

Чье шевеленье и дыханье? И шепот...

Луч метнулся перепуганно. И... выхватил торчащий из-за кирпичной переборки кусок синей материи. На ней — зеленые водоросли и маленький коричневый краб.

— Куст... — с великим облегчением выдохнул Шурка. С радостью и досадой. — А ну, выходи...

Кустик, сопя и жмурясь, шагнул в конус света. За ним — Платон и Ник.

И не стало страха. Никакого. Трое щурились и смотрели в пол.

«Шпионили», — чуть не сказал Шурка. Но прикусил это слово.

— Следили...

— Если угодно, да, следили, — с вызовом заявил Платон. — И не слепи, пожалуйста, глаза... А точнее, не следили, а ждали. Потому что Куст вечером пришел и чуть не ревет: «Я сказал Шурке про туннель под мостом, про восьмиугольный. Он, конечно, полезет туда, один!» А мы...

— А мы же отвечаем за тебя, — тихо и прямо сказал Ник.

— С чего это? — буркнул Шурка.

— Как с чего?! — звонко изумился Кустик. — Мы же все отвечаем друг за друга!

— И мы же видим... что ты весь не в себе, —

снова вполголоса сказал Ник. — Что-то с тобой случилось...

«Вот сейчас я уж точно разревусь», — понял Шурка и торопливо закашлялся.

Платон сухо и обстоятельно разъяснил:

— Нам совершенно не нужны твои тайны. Мы не будем их выведывать. Но мы обязаны охранять тебя, пока ты ищешь свой клад...

— Да какой там клад! — горько вырвалось у Шурки. — Вы же ничего не знаете!

— Вот именно, — прежним тоном подтвердил Платон. — Да мы и не желаем знать. Но бросить тебя одного не имеем права. По крайней мере, пока ты не сказал прямо: «Убирайтесь, вы мне больше не друзья».

«Разве я могу это сказать...» — Шурка закусил губу. Фонарик замигал.

А этот вредный невыносимый Куст вдруг ясным голосом предупредил:

— Но если скажешь такое, имей в виду: ненаглядная Женечка точно утопится у плотины.

Шурка ощутил радостное желание вляпать Кустику по шее. И сделал движение. Кустик отпрыгнул. И всем стало легче, свободнее. Шурка опять опустил голову, поводил лучом по полу. Шепотом спросил:

— Девчонкам-то хоть не сказали, куда пошли?

— Мы же не сумасшедшие, — утешил Платон.

Шурка помолчал — с ощущением, что скользит к обрыву.

— Нет у меня никакой тайны... Вернее, она есть, но не такая. Не про клад. Просто... я боюсь.

Платон очень мягко сказал:

— Шурчик, давай бояться вместе. Один страх на четверых — это же пустяки.

— Вы не понимаете. Я боюсь, что вы...

— Что — мы? — качнулся к нему Кустик.

— Что вы... шарахнетесь от меня, когда узнаете... какой я... Я же...

— Ты вполне устраиваешь нас хоть какой... — веско сообщил Платон.

— Вы же не знаете... Тут все перепутано. И эти двери восьмиугольные, и отвертка, и я...

Ник, самый тихий и спокойный из всех, взял его за локоть.

— Шурка, мы же с тобой...

— Я... Ладно! Держи! — Шурка дал ему фонарик. И вокруг загудела громадная, просто космическая пустота. И не было хода назад. — Свети вот сюда! Вот так... — И повернул фонарик к себе.

Потом он распахнул рубашку-анголку. Вздернул майку, подбородком прижал подол. Запустил

не остриженные сегодня ногти в тонкую окружность шрама. Потянул.

Раздался треск — будто у застежек-липучек на кроссовках. Круглый кусок искусственной кожи отклеился, вывернулся наизнанку. Повис, держась на нижнем крае.

На Шуркиной груди открылось оконце. Маленький иллюминатор в плоском кольце из желтого металла. За стеклом в темной воде металась испуганная светом рыбка. Ее чешуя блестела, как пунцовая фольга.

4. Туннели и склепы

Никто не шарахнулся. Никто даже громко не удивился. Кустик шепотом сказал «ух ты» и почти прилип носом к стеклу. Ник осторожно отодвинул его за уши.

Кустик спросил:

— Это алый вуалехвост? Или какая это порода?

— Неземная, — вздохнул Шурка.

— А похожа на земную.

— Похожа... — Шурка смотрел на рыбку, сильно наклонив голову. Рыбка уже перестала метаться. Только шевелила плавниками и пышным прозрачным хвостом. Маленький черный глаз

блестел точкой отраженного фонарика.

Ник осторожно (очень осторожно) спросил:

— Значит, это и есть твое сердце?

— Да... Автономный генератор биополя...

— А почему он такой? Как все случилось-то? — сказал Платон. И сочувственно, и с нажимом: — Теперь-то, может быть, уже расскажешь? Или нельзя?

— Расскажу... Не знаю, можно или нельзя. Наверно, можно, если вы больше никому... — И Шурка привычным движением наклеил на стекло клапан. Очень похожий на настоящую кожу, даже с утолщениями на месте ребер, только без загара.

...Неподалеку была в кирпичах ниша с выступом, похожим на скамью. Там они сели. И Шурка наконец рассказал все.

Про пистолет и выстрел.

Про клинику.

Про Турского и Кимыча, про прибор, который надо найти.

Про голубую планету Рею...

Никто не сказал «выдумываешь». Никто не удивлялся вслух. Потому что было доказательство — рыбка. Да и сама таинственность подземелья настраивала на веру во всякие чудеса. И когда

Шурка перестал говорить, Платон спросил тихо и озабоченно:

— А не натворят они всяких бед на Земле, эти корректоры?

— Нет же! Они же наоборот — хотят помочь!

Платон покачал головой: мол, хотят-то хотят, а кто их знает...

А Кустик жалобно попросил:

— Ты только не улетай на эту Рею, ладно?

— Я и не хочу... теперь...

— А с сердцем-то что будет? — забеспокоился Ник. — Когда ты найдешь тот прибор, они тебе вставят настоящее? Опять операция?

— Да нет же! Гурский сказал: сердце само вырастет, как только вынут рыбку и выплеснут воду... Вы же сами видели, какая у меня регенерация... Я хотел так: сперва все сделаю, а потом расскажу вам. Когда сделаюсь настоящий!..

— А сейчас ты какой? Искусственный, что ли? — словно обиделся Ник.

Кустик обеспокоенно заерзал рядом с Шуркой.

— А куда они денут рыбку, когда вытащат? Возьмут себе?

— Не знаю... Зачем она им? Гурский один раз пошутил: «Оставишь на память, будешь держать в аквариуме».

— А она в какой воде должна жить? Наверно, в специальной?

— В любой. Она приспосабливается ко всякой среде.

Кустик заегозил опять:

— Шурчик, знаешь что? Ты можешь подарить ее Женьке. У нее послезавтра день рождения. Будет «сердце в подарок»...

— Опять дразнилка, — слабо улыбнулся Шурка.

— Ничуть! Я по правде!

— Сперва надо найти, что спрятано, — рассудил Платон. — Пошли!

— Вы... со мной? — неловко сказал Шурка.

— А ты против? — удивился Ник.

— Нет... Но это, наверно, долго. Вас дома хватятся.

Кустик подпрыгнул.

— Не хватятся! Всем сказано, что мы ночуем у Платона на сеновале!

Платон спросил у Шурки деловито:

— Скажи, а ты уверен, что это где-то здесь? Что-то чувствуешь?

— Не знаю... Кажется, ничего. — Но тут опять кольнул ногу комариный укус иглы. — А может, и чувствую...

И Платон сказал снова:
— Пошли.

В запахах древней плесени и отсыревших кирпичей, цементной пыли и ржавых труб они долго двигались под землей. Под Буграми. Потому что путь сразу увел в сторону пустырей. Кустик сказал, что чувствует это.

Они шли тесными коридорами, проползали под нависшими балками и плитами, пересекали низкие бункеры и сводчатые помещения, похожие на подземелья рыцарских замков.

Оказалось, что у каждого есть фонарик, и света было достаточно. Лучи выхватывали торчащие из пола и стен горбатые трубопроводы с чугунными колесами намертво приржавевших вентилей. Лохматые щупальца корней. Замурованные двери, остатки перекошенных лестниц.

Несколько раз приходилось спускаться и подниматься внутри круглых бетонных колодцев, по тонким, гнущимся под ступнями скобам.

Каждый заработал уже немало синяков и ссадин, в волосах и за воротом полно было мусора.

И казалось, что здесь, в глубине, они уже целую ночь. Но никто ни полсловечком не намекнул: «А может, пора повернуть обратно?»

Да и обидно поворачивать, когда столько про-

шли.

«Столько прошли — ничего не нашли», — обидно срифмовалось в голове у Шурки. Может, ему передались мысли Кустика. Это ведь он любит стихотворничать...

Кустик дышал громче всех — часто, но не устало, а с азартом. Впрочем, и у остальных дыхание было шумное. Порой оно отзывалось в бункерах шелестящим эхом. Иногда чудилось даже — там, впереди, кто-то чужой! И тогда все прижимались друг к другу, гасили фонарики. Обмирали...

Но в этом обмирании все же больше было игры, чем настоящего страха. В глубине души каждый чувствовал: никого, кроме них, здесь, под Буграми, нет. И ничего им не грозит. Даже заблудиться нельзя, потому что путь один — без развилок и ответвлений. Только вот ужасно длинный. Ох как долго придется идти назад — на гудящих от усталости ногах, с нудной болью в царапинах, со щекочущей пылью в горле и вкусом плесени во рту.

Если с удачей, с находкой, тогда никакой путь не будет тяжел. А если все зря?..

А ведь, скорее всего, зря. Идут-то, по сути дела, неведомо куда. Так думал Шурка. И у других, конечно, появлялись такие мысли.

В тесном подвале, когда остановились передохнуть, Ник потер на щеке царапину и вздохнул;

— Как в сказке: «Поди туда, не знаю куда. Найди то, не знаю что»...

Остальные только дышали.

Шурка виновато сказал:

— Может, где-нибудь есть короткий путь наверх. Колодец какой-нибудь...

— Ну и что? — сумрачно откликнулся Платон.

— Ну и... выберемся на Бугры. И по домам...

— Ну уж фигушки-фиг! — храбро возмутился Кустик. Хотя устал больше всех.

— Но ведь вы... измотались уже...

— А ты? Не одинаково с нами измотался? — с прежней угрюмостью спросил Платон.

— Но я же...

«Я же знаю, ради чего мучаюсь. А вы...» Но сказать это Шурка не посмел. Хотя понимал: для Кустика, для Ника и даже для сердитого Платона нынешняя ночь — просто приключение. И в спрятанный прибор они верят не до конца. И Гурский с Кимычем — галактические корректоры — для них вроде персонажей из космических историй Кустика... Конечно, они видели сердце-рыбку, но и это вряд ли убедило их до конца. Рыбка — одно, а проблемы Великого Кристалла — другое...

— Я же совсем вас замучил.

— Мы сами мучаемся, добровольно, — тихо и строго возразил Ник.

— Из-за меня...

— Глупый, — вдруг сказал Платон. Не прежним тоном, а с ласковой ноткой. Почти как Женька. — Не из-за тебя, а из-за всех. Ради каждого... Думаешь, легко, если рвется нить?

— Какая нить?

— Ну, такая... Рядом с нами жил один мальчик, Оська Кучин. Такой же, как мы. Жил-жил, всегда были вместе. А потом родители взяли да собрались в дальние края. На берег Мертвого моря. И его с собой. Не спросили, хочет или нет... Он говорил: «Мне это Мертвое море нужно, как ежу воздушный шарик, мне наша Саженка в тыщу раз нужнее». Но детей разве спрашивают? Увезли... Знаешь, как пусто стало без него. Еще и сейчас не привыкли...

— Значит... я вместо него теперь, да?

Шурка сразу понял, что ляпнул глупость. Но Платон не рассердился. Тем же снисходительным Женькиным тоном разъяснил:

— Не бывает человека «вместо». Он — это он, а ты — это ты...

— И не вздумай драпать на свою Рею, — опять

предупредил Кустик. — А эту самую штуку инопланетную мы все равно найдем. Я чую.

Шурка же ничего не чуял. Только досадливо болел у него и чесался игольный укол.

Всякий путь когда-то кончается. Кончился и этот. Не находкой, а тупиком. Извилистый бетонный коридор привел друзей в подземелье, похожее на склеп. Именно на склеп. Очень уж могильно пахло от сырых стен, а на полу лежали плиты со стершимися буквами. Угрожающе изгибался над головами низкий кирпичный свод. Между кирпичей торчали голые, как крысиные хвосты, корни. И остатки гнилых досок. От гробов?

А самое скверное, что в стенах — ни двери, ни люка, ни дыры (кроме той, которая вела назад).

— Приехали, — похоронно сказал Ник. И вокруг была зловещая похоронность. Глухая отгороженность от всего живого...

— Может быть, *оно* замуровано где-нибудь в этом подвале? — беспомощно сказал Кустик. — Может, пораскапывать?

— Тут, пожалуй, докопаешься... — Ник зябко съежился. — Мы, знаете, где? Точно под старым кладбищем. Вон кость из стены торчит...

Кустик, как испуганный малыш, прижался к

Шурке. Шурка левой рукой обнял его за плечи. Правой он держал фонарик, водил лучом по стенам.

Высоко между рассевшихся кирпичей и правда торчало что-то похожее на берцовую кость с желтым, как бильярдный шар, суставом. Но... Шурка осторожно отодвинул Кустика. Шар был слишком ровный, слишком блестящий.

Шурка встал на цыпочки, ухватился за шар. Тот не двинулся. И Шурка с неожиданной злостью всей тяжестью повис на коротком, похожем на кость рычаге.

Гул и скрежет потрясли глухой склеп. На стене осыпался слой кирпичей — Шурка еле успел отскочить. За кирпичами открылись клепаные железные створки. Они разошлись медленно, с натужным скрипом, как в приключенческом фильме. В полуметре от пола возникло широкое квадратное окно. За ним — тьма.

Четверо постояли, прижимаясь друг к другу. Теперь стало по-настоящему страшно. Словно вот-вот могли появиться зловещие хозяева подземелья — те, кто шутить и жалеть не станут... Но осела пыль, скрипнул последний соскользнувший кирпич. И опять ни звука.

Кроме дыхания.

— Давайте туда... — Платон первый шагнул к окну.

За окном было обширное, похожее на котельную помещение. Тянулись по стенам трубы разной толщины. Причем одни были в клочьях ржавчины, а другие — светлые и гладкие. То ли из нержавейки, то ли из титана.

И опять — ни двери, ни люка. Ни щели.

На гладкой бетонной стене — единственной, где не было труб — чернело железное колесо со спицами и рукоятками. Похожее на штурвал речного парохода.

Шурка и Платон разом ухватились за рукояти. А что еще оставалось делать?

Колесо повернулось легко. И столь же легко, бесшумно отошел рядом с колесом бетонный блок. Погрузился в пол. За ним все увидели круглое, метр в диаметре, отверстие. Конечно же, с непроницаемой тьмой.

Кустик первым сунулся в лаз. Наверно, ему было неловко за недавний откровенный страх.

— Подожди!! — завопил Платон.

— Я недалеко, чуть-чуть... А-а-а!..

Это «а-а-а» стремительно удалилось и оборвалось, как от удара.

Шурка, Платон и Ник, толкая друг друга, суну-

лись в дыру. По пояс. Впереди мрак. Никакого намека на фонарик Кустика...

«Господи, не надо никаких находок! Не надо мне нового сердца! Ничего не надо, лишь бы он был живой...»

— Кустик!! Ты где?! — У Шурки сорвался голос.

Из дальних далей донеслось:

— Не бойтесь, прыгайте! Здесь мягко!

Главное, что жив!.. А куда прыгать-то? Шурка первый полез на четвереньках. Гладкий металл трубы холодил колени и ладони. Вперед, вперед...

— А-а-а! — Труба стремительно ушла вниз. Шурку, как во сне, стиснуло страхом падения. Потом он заскользил, будто по желобу: труба изгибалась, изгибалась и вновь перешла в горизонталь. И выплюнула мальчишку на что-то кожаное и упругое. Шурка отлетел в сторону. На его место вылетел Платон, а на того свалился Ник.

Кустик стоял в трех шагах и... смеялся.

— Здорово, да? Как аттракцион в парке.

Под потолком горел яркий матовый плафон. Помещение было похоже на заброшенный спортзал без окон. И то мягкое, на что приземлились искатели приключений, было стопой полуистлевших кожаных матов.

У стен стояли гимнастические кони и перекладины. Сверху свешивались кольца. Почему-то все приободрились. Может быть, потому, что вокруг было много привычных вещей.

— Станция «Спортивная». Как в телеигре «Кидайка-попадайка», — сообщил Платон.

— Сперва я так перепугался! Чуть сырость не пустил, — радостно признался Кустик.

— Оно и видно! Это от тебя! — развеселился Ник. Посреди зала тянулся бетонный желоб, а по нему текла журчащая вода.

Странное, конечно, обстоятельство. Зачем в спортзале арык? Но мало ли странного они уже повидали! Никто не удивился. Платон опасливо поморщился:

— Наверно, канализация...

Кустик упал на коленки у края желоба, пригнулся.

— Не-а, не пахнет ничем! Чистая вода! Наверно, подземный приток Саженки.

Платон покачал головой. Но спорить не стал. Тем более что ручей этот указывал дальнейший путь. Он вытекал из трубы в одной из стен и уходил в полукруглый туннель в другой стене.

Сняли кроссовки, вошли в воду. Глубина была почти по колено. Вода оказалась не очень холод-

ной. И шелковистой. Смыла ржавчину и пыль, огладила боль царапин. Даже усталости стало поменьше. Журчащие струи подталкивали ноги.

Четверо вошли по ручью в туннель. Впереди было темно, фонарики метались по воде и своду. А сзади светился полукруглый вход.

— Интересно, откуда тут электричество? — запоздало удивился Кустик.

— Тут много чего «интересно», — озабоченно отозвался Платон.

Однако ни у кого теперь не было прежней подавленности. От ручья они набрались новой бодрости и сил. И даже беспечности. Словно все четверо видели сказочный сон, когда в глубине души живет понимание: это не по правде.

И потому не очень удивились, просто весело сделалось, когда Кустик взвизгнул и начал хлопать себя по «мультяш-ному» костюму.

— Куда вы?!

Маленькие осьминоги, крабы и рыбки сыпались с него в воду. Как игрушки с новогодней елки, которую сильно потрясли. Плюхались в ручей и уплывали по течению. На месте рисунков оставались бледные голубые пятна.

У Кустика был такой забавно-растерянный вид, что Ник начал хохотать, взявшись за живот.

Кустик жалобно моргал.

— Что я дома-то скажу?

— Скажешь: одежда выгорела на солнце, — решил Платон. — Тому, что случилось, все равно не поверят. Мы, кажется, попали в сказочное пространство. Из твоей истории про Планету Заколдованных Фонарей...

— Ага, мама даст мне «выгорела на солнце». Скажет: «Как ты относишься к подарку дяди Игоря!»

Дядя Игорь был новый отчим Кустика.

— Посмотрите, русалка не сбежала?

Шурик глянул на спину Кустика.

— На месте. Только машет хвостом и улыбается ехидно...

«Конечно, это сон. Завтра приду к ребятам, расскажу... Но как же приду? Ведь я поссорился. Нет, пусть все будет по правде!»

И в этот миг сильно задергалась, заметалась в груди его рыбка. Даже перехватило дыхание. Как при настоящем сердцебиении. А впереди проступил свет.

5. Мастер Каляев

Туннель и ручей сделали плавный поворот. Вдали обрисовался желтый полукруг выхода. Но

это сперва казалось, что вдали. А через несколько шагов он сделался рядом. И четверо вошли в круглое помещение, под потолок-купол.

В центре купола светилось стеклянное полушарие. Оно освещало выложенный цветными плитками пол. Похоже было и на музей, и на вестибюль метро, и... на кладовку того же спортзала. Потому что и здесь стояли и валялись физкультурные кони и козлы. И маты. На вогнутой стене прибит был баскетбольный щит с кольцом и остатками сетки.

Но, кроме ободранных спортивных снарядов, было немало и других вещей. В том числе — непонятных. Лежал на полу громадный циркуль из серебристого металла. Блестел на подставке из бронзовых львов прозрачный шар в кольцах из потемневшей меди. Большущий. Может быть, глобус Реи?

Какие-то пыльно-белые статуи маячили в полутемных нишах...

А ручей уходил под каменную стену в заделанный массивной решеткой сток. И снова не было пути.

— По-моему, пришли, — шепнул Кустик.

— Отчего ты так думаешь? — строго спросил Платон.

— Он чует, — тихо объяснил Ник.

«Пришли, пришли!» — билась в груди рыбка.

«Пришли, но не нашли. Где здесь прибор? Может быть, этот шар?»

«Нет, нет, нет...»

Платон подошел к Шурке вплотную.

— Смотри. Ты ведь говорил про Весы. Про созвездие...

— Да...

— Смотри, — опять сказал Платон. И повел головой.

На круглой стене, в метре от пола, на равном расстоянии друг от друга отражали желтый свет каменные плиты. Наверно, мраморные... Восьмигранные! С выпуклым узором по краям, с барельефными фигурами — посредине. Фигуры эти были знаки зодиака. Скорпион... Лев... Дева... Весы...

Весы!

Шурка, шлепая мокрыми ногами, подбежал к плите. И остальные.

— Но тут нет никаких винтов, — обиженно сказал Ник.

— Но это здесь, здесь! -- крикнул Шурка. Рыбка билась о стекло. — Я знаю!

Он отчаянно ухватил плиту за край. Она...

шевельнулась. Шурка ее качнул... Метровый каменный барельеф ухнул вниз, чуть не раздробив Шурке ступни.

Все отскочили.

Плита раскололась на несколько кусков. На серой стене остался восьмиугольный след. Посреди этого следа тоже был восьмиугольник. Но не темный, а из блестящего сплава. В полметра шириной.

С головками винтов по краям.

Четверо уткнулись носами в эти винты. На шляпках были оттиски снежинок.

— Шурка, отвертку! — жарко выдохнул Платон.

— Ага... я сейчас... — Шурка отыскал отвертку в сумке. Гладкая рукоятка дрожала в пальцах. Фигурный конец не сразу попал в свой отпечаток. Но вот попал. Словно впаялся.

Шурка, стиснув зубы, надавил на рукоять...

Не надо было стискивать зубы. Винт повернулся легко. Пошел, пошел... И упал в подставленную ладонь Кустика. Небольшой, длиною в полспички.

Второй, третий...

Всего винтов было шестнадцать: восемь по углам и столько же между ними. На каждый ухо-

дило секунд пятнадцать. Значит, всего — четыре минуты.

Это же бесконечность, когда гложет нетерпение! Когда тайна!

Но бесконечность прошла, упал последний болтик. Шурка ногтями подцепил края металла. Потянул щиток на себя. Он оказался легкий, оторвался от стены сразу. Шурка откачнулся, прижимая пластину к груди.

Три фонарика ударили лучами в нишу.

Там действительно стояли весы.

— Не трогать, — негромко и железно сказал Платон.

Трогать никто и не думал, просто смотрели. Весы были явно старинные. На узорчатой чугунной подставке висело коромысло из темной меди. На нем четко выделялось клеймо: зубчатый овал, а в нем неровные буквы — МАСТЕРЕ КАЛЯЕВЕ И. А.

Вместо чашек у весов были шары. Величиной с крупные яблоки. Один из мутновато-прозрачного стекла, другой из серого камня.

К середине коромысла приклепана была тонкая золотистая стрелка. Она смотрела вверх и концом своим уходила в третий шар, пустотелый, со стенками из тонкого, очень прозрачного стекла.

Внутри шара видны были шестеренки, волося-

ные пружинки, блестящие рычажки и пластинки. Похоже на внутренность часов или барометра-анероида. Только все тоньше, гуще, сложнее...

— Значит, все по правде, — шепнул Ник.

Кустик шумно дышал у Шуркиной щеки.

— Да... — сказал Платон. — По правде. Но что дальше? Ребята, касаться весов нельзя. Тут такое... Нажмем что-нибудь, и вдруг земная ось пополам...

Все посмотрели на Шурку.

А он что? Вдруг не вовремя, совсем не к месту — острая память: «Шурчик-мурчик, будешь как огурчик...» И стук железных молотков у подъезда. «Па-па-а!..» И свет встречных фар, и отдача в ладонь от выстрела...

Шурка отчаянно замотал головой.

«Не надо! Я помню! Но сейчас не надо!..»

— Шурка, ты что?! — У троих это единый вскрик.

— Я... ничего. Я сейчас... Думаю, как быть...

Да, что делать дальше, решить должен он.

Шурка прислушался к тишине. Бурчал ручей. Дышали рядом Платон, Кустик, Ник. Смотрели с ожиданием.

«Гурский! Я ведь сделал, что надо! Где же вы?»

Шурка оглядел круглое подземелье. И... подско-

чил к спортивному коню.

— Помогите? Вот сюда его, под щит!

Послушались без вопросов. Подтянули четвероногое

создание под баскетбольное кольцо. Шурка вскочил на облезлую кожу. Дотянулся, сорвал с кольца сетчатые клочья. Встал на цыпочки, изо всех сил потянулся вверх. Железный обруч навис над головой.

— Гурский! Я...

«Да, Полушкин, да! Вы молодец. Мы наблюдали. Вы все сделали как надо...»

— И... что дальше-то?

«Все как надо... Зря только, что с вами были друзья. Ну да ладно...»

— Без них я сюда не пробился бы!

«Мы понимаем... Да и все равно им никто не поверит, если захотят рассказать. Все решат, что это новая фантазия вашего Кустика...»

— Да!.. Гурский! А что дальше-то?

«Дальше — все. Ты выполнил задачу. Теперь — как договорились. Как договорились, Полушкин. Уйдешь с нами».

— Но я не хочу! Я... передумал! Вы обещали вернуть сердце!

«Конечно, конечно!.. Раз ты так решил...» — В

тоне Гурского скользнула чуть заметная неуверенность. И опять он говорил Шурке «ты». Рыбка замерла в груди.

— Вы же... обещали...

«Ну конечно же! Только придется подождать несколько дней».

— Зачем?! — со звоном, почти со слезами крикнул Шурка. Чудилась увертка. Ловушка.

«Но поймите же, Полушкин! — в тоне Гурского появилась прежняя убедительность. — Это необходимо, чтобы избежать дисбаланса. Иначе эхо в Кристалле будет непредсказуемо... Необходима проба, а мы ведь еще даже не касались прибора».

— А сколько ждать?

«Вы ждали столько месяцев. Потерпите еще несколько суток».

— А как я узнаю, что уже пора? Будет вызов?

«Да... Или Степан предупредит. Кстати, не забудьте вернуть ему отвертку».

— Ладно... А теперь что делать? — Шурка почти успокоился. И понял, как он устал.

«Теперь? Спокойно идите домой».

— Старым путем?! — ахнул Шурка.

«Нет, нет, конечно... — Шурке почудилась усмешка.

И он как бы увидел за плечом Гурского его

ассистента, плешивого Кимыча. — Сейчас сообразим... Да, так! Направо от вас есть скульптура. Мальчик. Сдвиньте ее...» — И тишина. Никакого энергополя, никакого эфира и пространства.

Шурка тяжело прыгнул с коня.

Друзья смотрели вопросительно. И с тревогой.

— Ну, что будем делать? — нетерпеливо сказал Ник.

— Вы разве не слышали разговор?

— Мы слышали твои слова, — слегка укорил его Платон.

— Ах да... Пошли!

Скульптура отыскалась быстро. Мальчик был не просто мальчик, а с кудлатой собачонкой. Она стояла на задних лапах, а передними упиралась в колени хозяина. Мальчик нагнулся и трепал песика по ушам.

Все разом глянули на Ника: «Ну?» И конечно, он голосом Гриши Сапожкина произнес:

— С-скажите, п-пожалуйста, вы не видели рыжего щенка с черным пятном на ухе?

И все вздохнули, потому что знали: щенка Гриша так и не нашел.

Скульптура была гипсовая, на квадратной площадке. Сдвинулась она легко. Под ней дышал сыростью узкий колодец.

Начали спускаться по скобам — было уже не привыкать. Метров через пять оказались в проходе с земляными стенами. Шли недолго. Ход привел к новому колодцу — круглому, бетонному, с прочной лесенкой.

Вверху сквозь траву просвечивало летнее ночное небо — белесое, со звездочкой...

Выбрались, конечно же, неподалеку от паровозика Кузи.

Постояли, потом свалились в пахучую прохладную траву. Усталость стонала в руках, в ногах. Ноющая боль снова набухала в царапинах. Но все равно было хорошо.

— Шурка... — тихо окликнул Платон.

— Что?

— Мы ведь все сделали правильно, да?

— Конечно. В точности как надо.

— Ты... теперь никуда не уедешь, не... улетишь?

— Ни за что.

— А то смотри, — подал голос Кустик. — Женька знаешь как будет реветь.

— Шурка, зря ты его избавил от щекотки, — сказал Ник.

За высокими головками иван-чая уже наливался желтый рассвет. Но в зените еще горели

звезды. Глядя на них, Шурка спросил:

— А тот мальчик... Оська... Он писал потом письма?

— Писал, — отозвался Платон. — Два письма. Да много ли от них толку... Пошли ко мне на сеновал. Надо хоть немного поспать. А потом уж отчистимся от ржавчины...

— Утром покажется, что все было сном, — грустновато сообщил Ник. — Надо было хотя бы по винтику взять на память.

— Наверно, это нельзя, — опасливо возразил Кустик. — Или можно?

— Не знаю... — Шурке вдруг отчаянно захотелось спать.

6. Алый вуалехвост

Разбудила их Вера Викентьевна.

— Молодые люди! Уж полдень близится... Хотите чаю с бутербродами?

Они хотели. Но поднялись с кряхтеньем. Ломило суставы. Ссадины у всех, кроме Шурки, продолжали ныть.

Умылись на дворе у крана. Потом долго отчищали от пыли и ржавчины анголки. Кустик горестно рассматривал поблекший, лишенный

рыб и осьминогов костюм.

Но когда Кустик вышел на яркое солнце, бледные следы на трикотаже вдруг набухли красками. И прежние картинки проступили, как на моментальном снимке, вынутом из аппарата «Полароид».

— Ура! — Кустик неумело прошелся по траве колесом. И этим очень насмешил Веру Викентьевну.

Выпили чай и сжевали бутерброды прямо на ступенях. И Шурка сказал, что побежит домой.

— Баб-Дуся навесила на меня сегодня всякое трудовое воспитание.

— Но после воспитания-то придешь? — ревниво спросил Кустик.

— Еще бы!

И Шурка убежал, счастливый. Кажется, никто и не помнил, что у него вместо сердца рыбка.

Он сходил на рынок за капустой, помог бабе Дусе выбить половики. Потом свалился на диван. Утомленный и беззаботный.

— Опять ты, нечистая сила, валяешься грязнущий на покрывале! Ну-ка сымай свое африканское обмундирование, постираю...

— Баб-Дусь, только сразу высуши утюгом, ладно? А то мне скоро бежать пора...

— Успеешь бежать, дома посиди. Мне в магазин нужно, да заказ один отнести, а почтальонша пенсию принесет. Получишь, распишешься, она тебя знает...

— Ну, ба-а... — заканючил Шурка, стягивая анголку. — Мне скорее надо...

— Никуда тебе не надо скорее. Кто соскучится, сам прибежит.

— Это ты про кого?

— Да уж не про себя. Не у меня косы до колен...

— И не до колен вовсе... — буркнул Шурка. — А постирать я и сам могу.

— Давай, давай... Эк ведь извозил, будто в ржавой бочке катался. Где вас носит?

— На Буграх. Там полно железа всякого. Даже старый паровоз... Ба-а! А где ты такую материю взяла? Смотри, до сих пор ни одной дырки! Никакие колючки ее не берут.

— На вашего брата лишь такую и надо... Ну-ка шевелись, горе луковое!

— Ба-а...

— Чего еще?

— А если по правде, ты мне с какой стороны родственница?

— Ну вот, спохватился... Тебе не все едино, что ли? Какая разница?

— Ну... не разница, а интересно.

— Я и сама-то не разберусь толком... — Баба Дуся ушла на кухню и говорила уже оттуда, сквозь плеск воды. — У твоей мамы была двоюродная сестра, Катерина Федоровна. Она давно уже померла, царство ей небесное. У ее мужа была свояченица, а я, значит, этой свояченице прихожусь теткой...

— Понятно, — вздохнул Шурка.

— И ничего тебе не понятно, — слегка рассердилась баба Дуся. — И зря не спрашивай. А то я сама запутаюсь...

— Ладно. Тогда я про другое спрошу. Чтобы щекотал -кин заговор отменить, что надо сделать?

— Зачем его отменять-то?

— Я так, на всякий случай...

— Всякий наговор, чтобы снять, надо сказать наоборот. Написать на бумажке и по буквам задом наперед прочитать. И крутнуться в обратную сторону. Дело нехитрое... Ну-ка, помоги отжать...

Они выжали и развесили на веревке шорты и рубаху.

— Отвертку-то свою возьми, я ее чуть со штанами не выстирала. Зачем ты ее в кармане таскаешь?

Шурка не знал зачем. Вчера в подземелье ма-

шинально сунул ее опять в карман, а не в сумку.

— Больше не буду...

Баба Дуся ушла, а Шурка сел перед телевизором. Показывали старое кино «Следствие ведут знатоки». Шурка не хотел про следствие. По местному каналу крутили вчерашний футбольный матч. Петербургский канал выдавал в эфир очередной боевик: машина — ж-ж-ж на повороте. По ней из пистолетов — бахбах!..

Шурка выключил телевизор и съежился в облезлом бабкином кресле. Крадучись, но быстро подобралась тоска. И тревога.

Что же будет дальше-то?

Почему так уклончив был вчера Гурский?

И когда будет вызов?

...Странное все-таки существо человек. В одну минуту у него может все измениться в душе. Совсем недавно была веселая беззаботность, и вдруг — страх, горечь такая, хоть плачь.

Шурка подошел к окну, толкнул створки. Со второго этажа был виден зеленый двор, поленницы и сараи. И гараж Степана. Ворота были распахнуты.

Шурка лег животом на подоконник.

— Дядя Степа!.. Дя-дя Сте-па-ан!

Степан появился на солнце. Щетинистый и

хмурый. Видать, с похмелья.

— Чего голосишь? Пожар, что ли, у тебя?

— Дядя Степа! От Гурского ничего нет? Не спрашивал про меня?! — Вот так он, открытым текстом. От отчаяния.

Степан не удивился. Но и хмурости в нем не убавилось.

— Ничего пока не знаю... Ты вот что, отдай отвертку-то!

— Ладно. Сейчас...

Шурка отошел, взял отвертку со стола. И вдруг стало жаль ее. Ладная такая, аккуратная, рукоятка точно для Шуркиной руки...

Стоп! А откуда Степан знает, что она Шурке больше не нужна? Значит, врет, что не было связи с Гурским?

А если врет, то зачем?

Ох как это непонятно...

И вообще непонятно — всё.

Что за подземелье открыли они вчера? Почему там смесь всякой рухляди и колдовских вещей? Как там оказались весы мастера Каляева?

И весы ли это?

А может, Гурский и Кимыч вовсе не корректоры, а какие-то жулики? Самозванцы вроде Короля и Герцога в книжке про Гека Финна...

Но как они тогда спасли его, Шурку? Рыбка-то вот она, в груди... А может, они и жулики, и волшебники сразу?

«Я же ничего не знаю! Я у них пешка!.. Я больше так не хочу! Не могу!»

Шурка метнулся на кухню, сорвал со стены гулкий латунный таз, поднял над головой... Металл послушно сфокусировал волны межпространственного поля. Тонко зазвенел в голове космический эфир.

— Гурский! Гурский! Это я, Полушкин! Ну, отзовитесь же!

Однако звон был ровным и непрерывным. Ни словечка, ни обрывка мысли. Ни намека на самый отдаленный сигнал.

Шурка с размаха поставил таз на стол. Переждал дребезжащий гул. Прислушался к себе. К рыбке...

Рыбка не двигалась. Словно уснула. Не хотела ничего подсказать.

А он должен был что-то сделать! Не мог он больше ждать! Не мог терпеть неизвестность и тревогу!

Из последних сил Шурка попробовал успокоить себя: «Чего ты мечешься? Ведь не случилось никакой беды, все хорошо! Уймись, посиди. Придет

баба Дуся, побежишь к ребятам, к Женьке... Потом отзовется Гурский...»

Эти здравые, но слабенькие мысли смыла новая волна тревоги. Тревоги неудержимой и властной — она требовала: делай что-нибудь!

Но что?

Шурка шагнул в комнату, сбросил через голову майку. Встал перед зеркалом — щуплый, взъерошенный, коричневый. Четко выделялся на груди незагорелый круг в алой окантовке шрама.

Шурка зацепил ногтями край. Поморщился. Потянул... Каждый раз это причиняло такую же сладковатую боль, с какой отрываешь от коленки подсохшую коросту.

Затрещала липучка. Потянулись по краям и стали лопаться белые нити. Шурка отклеил клапан совсем, повесил его изнанкой вверх на спинку стула. И глянул в зеркало.

Рыбка за круглым стеклом лениво шевелила плавниками. Странно. Шурка внутри себя стонет от беспокойства, а ей хоть бы что. Словно она уже... не его.

Шурка поднял с пола майку, протер ею стекло и металлическую кольцевую рамку. Рыбка нехотя махнула хвостом. А желтый металл кольца заблестел, как золото. Ух как сверкает! Раньше-то

Шурка никогда его не протирал.

На ободке «иллюминатора» были плоские круглые головки. То ли заклепки, то ли просто украшение (хотя зачем здесь украшение?). Прежде Шурка об этом не думал, головки всегда были заляпаны органическим клеем. Но теперь клей стерся. Остался он только в углублениях головок. Потому что были это... шляпки винтов!

И не простых винтов. Белый клей четко вырисовывал звездочки-снежинки.

Новый шум возник в Щурке. В ушах, в голове. Не звон космического эфира, а словно гул леса перед грозой. А рыбка вздрогнула и замерла опять.

Шурка будто бы раздвоился. Один — опасливый и рассудительный, другой — готовый к жуткому, но манящему прыжку в неведомую глубину.

«Не смей! Ты же погибнешь!»

«Нет... А если да, то и пусть! Я уже умирал однажды!»

«Перестань этим хвастаться, дурак!.. Подожди!»

«Не буду ждать! Так я больше не могу!»

«Ох, глупый, что ты делаешь...»

А делал он вот что. Принес из кухни таз и поставил перед зеркалом на стул. Взял отвертку. Направил себе в грудь. Вдавил звездочку стержня

в узорчатый оттиск на головке болта. Отвертка вошла точно, выжала из шляпки остатки клея. Шурка повернул. Вернее, попытался повернуть. Но — никак...

Винт держался мертво.

«Значит, не надо. Нельзя!»

Шум в ушах не стихал. Но сделался уже привычным. Шурка сцепил зубы. Пошел к себе в каморку, из-под дивана вытащил коробку с нехитрым своим имуществом. Был там коловорот от детского слесарного набора, была и стамеска.

Стамеской Шурка расколол ручку отвертки (вот Степан разорется!). Стержень зажал в головке коловорота.

Вернулся к зеркалу.

«Не надо...» — последний раз толкнулось в нем.

Он снова сжал зубы. Покрепче...

Коловорот помог. Винт повернулся, пошел сперва туго, потом легче. Под конец Шурка вертел его уже пальцами. Вынул. Бросил в таз. Вздрогнул от звонкого щелчка.

Этот щелчок словно выключил шум. Стало очень тихо. Страха больше не было. Но появилось ощущение, что он, Шурка, расстается с этим миром. И от сладкой печали намокли глаза.

«Ну и пусть, пусть...»

Болтов было восемь. Один за другим они ударялись о латунное дно. Словно отмеряли минуту за минутой. Шурка сквозь сырые ресницы видел себя в зеркале. Но в это же время четко — в памяти своей — видел и другое: как он маленький, лет семи, сидит на солнечных половицах и мастерит робота из дорогого иностранного конструктора «Лего». Цветные пластмассовые детальки легко соединяются друг с другом. Отец в соседней комнате что-то пишет за столом.

«Папа, смотри, у меня получился Страшила!»

«Великолепный Страшила, Шурчик! Можно, я поставлю его себе на стол?»

«Да! Я его тебе дарю!»

Так он и стоял там до последнего дня. Где этот добродушный Страшила теперь?..

Предпоследний винтик ударился о латунь...

Последний...

Но стекло и ободок не шелохнулись. Они держались на чем-то густом, клейком. Шурка подумал — вроде герметика.

«Еще не поздно все ввинтить обратно...»

Шурка глубоко вздохнул. Согнулся над тазом. Исподлобья глянул на себя, на Шурку Полушкина, в зеркало. Может быть, последний раз. Подцепил ногтями нижний край ободка. Стало

вокруг еще тише, чем прежде. Что-то чмокнуло — как на стеклянной банке, когда раскупоривают маринад. Из-под стекла звонко закапало в таз. Побежало.

Шурка мучительно раздавил в себе последний страх. Запретил пальцам снова прижать стекло. Потянул сильнее... рванул! Вода хлынула между пальцев. Шурка машинально постарался поймать рыбку. Но она скользнула по ладони и заплескалась в тазу. Следом упали в таз кольцо и круглое стекло.

Шурка, прощаясь с собой, встал прямо.

Что теперь?

А ничего.

Спокойно стало, хорошо. Ни боли, ни тревоги. Галдели за окном скандальные куры, с кем-то хрипло ругался дядя Степа.

Шурка снова глянул в зеркало. В груди была ровная черная дыра. Он прижал к ней ладонь, но дыра была шире. Холодная чернота из нее сочилась по краям и между пальцев. Она текла, вырывалась, упруго оттолкнула ладонь, хлынула и быстро заполняла комнату. И росла, росла внутри Шурки громадная пустота. Не стало воздуха. Шурка успел сделать два шага назад, опрокинулся в кресло...

...Сперва не было ничего.

Потом Шурка ощутил, как сквозь пустоту и тьму вошло к нему в грудь тепло. Щекочущее такое и... счастливое.

Могучая сила регенерации стремительно выращивала в нем сосуды и мышцы, наполняла грудь ровными толчками живого мальчишечьего сердца.

Шурка всхлипнул, не открывая глаз, и уснул...

Проснулся Шурка от крепкого стука в дверь.

Он помнил все. И не было в нем ни капельки страха, никакого отзвука тревоги. Только счастье.

Шурка прижал к груди ладонь. Сердце под ребрами билось ровно и ощутимо. Шурка вздохнул так, словно хотел вобрать в себя весь воздух нынешнего лета...

А в дверь колотили.

Шурка подскочил, дернул ручку.

— Не заперто же! Входили бы... Здрасьте! — На пороге возвышалась грузная почтальонша Анна Петровна.

— Как это «входили бы»! В чужой дом без спросу... А ты чего в голом виде гостей встречаешь? Спал, что ли, среди бела дня?

— Ага! Вздремнул малость... Бабы Дуси нету,

она велела, чтобы я расписался.

— Сплошное с вами нарушение правил... Ладно уж... Боже ж ты мой, а чего это у тебя на груди-то?

На груди по-прежнему был круг незагорелой кожи в красной тонкой опояске. Но это была настоящая кожа! Живая на ощупь! И сквозь нее проступали настоящие ребра! Счастье булькало в Шурке, он пританцовывал.

— А, ерунда! Операция была! Вы разве не знали?

— Не знала я, что этакая страсть...

— Да никакая не страсть! Все уже прошло!..

Шурка поставил в ведомости подпись — в точности как баба Дуся. Сунул деньги в ящик стола.

— Спасибо, Анна Петровна.

— На здоровье... Не вздумай только без бабушки тратить, а то знаю я вас: всякие компьютерные автоматы да жвачки на уме.

— Не-е! Я лучше парусную яхту куплю. Для кругосветного путешествия!

— За ухо вот я тебя...

Шурка, смеясь, проводил Анну Петровну до двери.

Подошел к тазу, глянул на рыбку. Она плавала как ни в чем не бывало. Только было ей мелкова-

то, кончик верхнего плавника торчал из воды.

Шурка старательно вымыл под краном трехлитровую банку. Черпнул из таза кружкой раз, другой. Когда воды в банке стало достаточно, взял скользкую рыбку в ладони, пустил ее в новое жилище. Потом осторожно слил в банку оставшуюся воду. Лизнул мокрые пальцы. Вода оказалась обыкновенная.

Банка была теперь заполнена почти доверху. Рыбка в ней казалась увеличенной, как за большой линзой.

Сейчас это была обыкновенная аквариумная рыбка. Красно-блестящая, с белым пышным хвостом. Как там Кустик говорил? «Алый вуалехвост»? Неважно. Важно то, что к Шурке она не имела уже ни малейшего отношения! А в груди у него: тук, тук, тук...

Шурка выбросил в мусорное ведро липкий кружок искусственной кожи. Спрятал в коробку с инструментами стекло и золотистое кольцо с дырками. А винтики горсткой выложил на стол. Раздаст на память ребятам...

Потом Шурка неторопливо и с удовольствием высушил утюгом анголку. Надел ее — теплую, легонькую. Сунул винтики в карман.

Пришла баба Дуся.

— Ба-а, деньги принесли, все в порядке!

— А ты, я гляжу, опять лыжи навострил, не сидится тебе... Ох, а это что за рыба? Неужто на птичий рынок успел сгонять? Я же велела: сиди дома!

— Да не гонял я, ребята принесли! — выкрутился Шурка. И понял, что баба Дуся ничего не знает про его рыбку. — Это Женьке в подарок, у нее завтра день рождения. А пока пусть побудет у нас.

7. Сердце в подарок

По дороге Шурка заскочил в гараж к дяде Степе.

— Вот отвертка. Только ручка раскололась.

Степан успел хлебнуть и потому был добр.

— Подумаешь, ручка! Если надо, новую налажу. А может, уже и не надо... А?

Шурка ушел от ответа. Спросил:

— Не было вызова от Гурского?

— Не было пока. Жди...

А чего теперь ждать! Больно ему нужен Гурский! Сердце — настоящее, крепкое — билось радостно и неутомимо!

На дворе у Платона оказались только двое — сам Платон и Кустик. Они забавлялись электронной

игрушкой «Водолазы» — такая коробочка с маленьким экраном.

— Вот, я нашел сломанную, а Платон починил! — радовался Кустик. — Это будет Женьке мой подарок.

— А где... остальные?

— «Остальную» тетка увезла к себе на дачу, до вечера, — сообщил Платон. — А другие «остальные», которые без кос, вот-вот появятся.

— К тебе дразнительный талант перебрался от Куста, — добродушно сказал Шурка.

— Ага, — печально поддакнул Кустик. — У меня его нисколько не осталось. Исчез вместе со щекотальным страхом. Я уже не рад-

— Я давно понял. Если хочешь, можно сделать обратно.

— Как?!

Шурка объяснил. Кустик сказал, что вечером попробует. И пожаловался:

— А дома все-таки попало. Чуть-чуть. Потому что один краб не вернулся. Вот... — Он дернул краешек штанины. Там на месте веселого глазастого крабика был бледный след.

— Где-нибудь плывет сейчас по подземным рекам, к солнцу выбирается, — сказал Платон.

— Наверно... — согласился Шурка. — А я знаете

что Женьке подарю? Рыбку! Ту самую... Алого вуалехвоста...

На Шурку глянули с большущим недоверием. С испугом даже. Он расстегнул анголку. Взял правой рукой ладонь Кустика, левой Платона. Прижал их к груди.

— Слышите?.. То-то же!

Кустик изумленно округлил глаза.

— Шурчик... Настоящее?

— Да!

— Рассказывай! — велел Платон.

Шурка рассказал. Платону, Кустику и Нику, который появился очень кстати. Ему тоже дали послушать Шурки-но сердце.

Ник подумал, поморщил конопатую переносицу.

— Вот что... По-моему, девчонкам тоже надо все объяснить. Ну, про рыбку и про вчерашнее. Раньше-то мы ничего от них не скрывали. Шурка, ты не против?

— Я... нет. Только вы рассказывайте без меня... А то мне... Ну, сами понимаете.

Он застеснялся до тошноты, когда представил, как будет говорить Женьке про все свои страдания... Пусть она знает, но без лишних слов.

— Куст, что с тобой? — строго спросил Платон.

— А... разве это была тайна? От девочек...

— Та-ак... — Ник сделал прокурорское лицо. — Все ясно! Когда ты им разболтал?

— Утром... Я же не знал, что надо что-то скрывать друг от друга. — Он глянул на Шурку несчастными глазами.

Шурка испытал великое облегчение. Все решилось само собой. Но спросил насупленно:

— А они... поверили?

— Конечно. По крайней мере, Женька...

Когда Шурка вручал свой подарок, он не опустил глаза. Глянул Женьке прямо в ее коричневые зрачки с искорками. В них было молчаливое знание.

Женька подержала тяжелую банку в ладонях. Осторожно поставила на подоконник, среди цветочных горшков. Обернулась и спросила очень тихо:

— А оно... бьется нормально?

— Да...

— Значит... у тебя теперь все в порядке? Только не говори «увидимся позже».

— В порядке... Хочешь послушать? — И просунул ее руку под анголку. И Шуркино сердце вобрало тепло Женькиной растопыренной ладошки...

День рождения получился славный. Женькина

мама поставила на стол пухлый пирог с яблоками, большущий торт, бутылки с разноцветной газировкой и варенье. Поели, попили. О ночных приключениях — ни слова. Потому что взрослые были рядом.

Женькина старшая сестра — бледная, в просторном халате и почему-то с виноватой улыбкой — включила магнитофон.

Тина вскочила.

— Пойдемте танцевать! — Она была наряднее именинницы — в желтой кофте с невероятными блестками. (Женька — та в светлом платьице с кружевами на вороте, вот и все.)

Шурка танцевать не умел, но Женька храбро ухватила его за локоть:

— Пошли! Прыгай, как умеешь!

И он запрыгал. Сперва стеснительно, потом разошелся. Женькины косы лупили его по бокам. И остальные «плясали как умели». Платон — с Тиной, Ник — с Женькиной мамой. Только Кустик танцевал осторожно. Потому что с Женькиной сестрой.

Потом смотрели видеокассету, где Женька снята была сперва в шестилетнем возрасте, затем первоклассницей (маленькая, а косы почти такие же, как нынче!).

— Какая была симпатичная, — вздохнула над собой Женька. — А сейчас жердина.

— Вовсе не жердина! — возмутился Шурка. — Ты не выше меня! А про меня говорят, что отстаю в росте.

— Все равно... Скоро уже буду тетушкой... — Это она шепотом. И глазами показала на сестру. Шурка дурашливо развел руками: тут уж, мол, ничего не поделаешь.

А рыбка в банке беззаботно шевелила хвостом. Обычный аквариумный вуалехвост... И когда прощались, Женька шепнула:

— А чем ее кормить?

— Ничем. Она питается космической энергией...

Утром баба Дуся растолкала Шурку.

— Сколько спать можно! Там к тебе Женя пришла.

Шурка стремительно прыгнул в штаны, натянул рубаху. Босиком выскочил из-за перегородки. Сразу почуял: что-то случилось.

Женька улыбалась вроде бы беззаботно. Однако...

— Шурчик... Я насчет рыбки хочу сказать...

— Что?! Она живая?

— Да живая, живая... Только она билась всю

ночь...

— Почему?

— Не знаю... А может, и не билась. Может, мне просто так казалось. Но... как-то не по себе.

Баба Дуся деликатно притихла на кухне. Шурка и Женька стояли друг против друга. Оба — будто виноватые.

— Шурчик... я почему-то боюсь.

— Не бойся. Она живучая.

— Да я за тебя боюсь...

— Почему? — И заболела игольная точка на ноге.

Глядя в пол, Женька еле слышно сказала:

— Я, конечно, дура... Но я все время думаю: «Это Шур-кино сердце». И как рыбка трепыхнется, мне кажется, что с тобой беда.

— Ничего со мной не будет! Правда!

— Я понимаю, но все равно... И я боюсь, что этим страхом... ну, наведу на тебя какое-то несчастье...

Шурка нагнулся, потер набухшую кровяную точку. Прошептал потерянно:

— Что же делать-то?

— Шурчик... давай отпустим ее.

Он выпрямился, сказал сразу:

— Давай!

— Ты не обидишься?

— Да нет же! Она твоя. Что хочешь, то и делай... — Шурка понял, что и самому ему будет легче, если алый (цвета сердца) вуалехвост окажется подальше от глаз. — А я подарю тебе... ну, что-нибудь другое подарю!

— Не надо! Все равно это остается твой подарок. Только пусть плавает на воле. Ей будет лучше... и нам.

— Ладно. А куда отпустим?

— Конечно, в Черный пруд. Он такой... заколдованный немножко. А из него, если захочет, пусть плывет, куда угодно. По ручью, по речкам и до самого моря... — Женька наконец улыбнулась. По-мальчишечьи поддернула свои черные брючки, мотнула косами. — Пошли!

Отпускали рыбку все вместе. Наклонили банку над темной гладью, и алый вуалехвост скользнул в пруд вместе с коротким выплеском.

И сразу поплыл, поплыл. Превратился в красное пятнышко, пропал совсем. Даже хвостиком не махнул на прощанье. Наверно, уже не помнил о Шурке. Ну и ладно! Шурка все-таки помахал рукой. Остальные тоже. Пустую банку спрятали в лебеде (не таскать же с собой), а потом долго бродили по Буграм. Ловили доверчивых пустырных кроликов. Искали рядом с паровозиком Кузей

колодец, из которого выбрались той, полной приключений ночью. Не нашли. И теперь казалось уже, что ничего такого не было. Мальчишкам казалось. А девчонкам тем более. К тому же и маленький краб на штанах Кустика сидел теперь на прежнем месте — будто не пропадал...

Кустик среди щекочущих травяных метелок повизгивал, прижимал к бокам голые локти и подпрыгивал — вчера он сотворил «обратное» колдовство.

Шурка снял рубаху и майку, чтобы поскорее загорал на груди круглый участок кожи. И кожа быстро порозовела...

Пахнущий травой, розовый от иван-чая мир Бугров обнимал своих жителей теплом и тишиной. Паровозик Кузя грел на солнце брюхо и, казалось, шевелил от удовольствия колесами...

К обеду Шурка, разумеется, опоздал. Но баба Дуся не сердилась. Дала борщ и фаршированные рисом кабачки. Шурка их любил пуще всякой другой еды.

— Я крыжовник купила, варенье сварю. Поможешь ягоды чистить?

— Угу... — Шурка облизнулся.

— Только вот чего не пойму... Таз какой-то ненормальный сделался. Я его взяла, а он горя-

чущий, будто в него электричество включили. И гудит. Шур... может, это опять... как тогда, ночью? Ох, не люблю я эту чертовщину...

Шурка с упавшим сердцем (теперь можно так сказать) вылез из-за стола. А с чего вдруг сразу такая унылость? Разве он в чем-то виноват?

Таз был ребром поставлен у стенки на пол. Шурка взял его, обжег пальцы, но удержал. Поднял над головой.

Напряженный звон сразу вошел в мозг.

— Полушкин! Наконец-то!

— А что случилось?

— Нет, это ты скажи, что случилось? Почему генератор — вне тебя?

— Потому что... я уже... сам... Потому что у меня сердце!

С пол минуты было звенящее молчание. Потом:

— Не терпелось, да? — Это с явной досадой.

— Да! — с вызовом сказал Шурка.

— Ну... ладно. А рыбка-то где?

— Я...

— Что?

— Мы...

— Что?! Говори быстро!

— Мы ее отпустили. Насовсем...

— Что ты наделал! — Казалось, таз над головой лопнет от звона.

— А что?! Вы же говорили, она вам не нужна!

— Балда! — Это Гурский впервые в жизни обругал его. — Ну-ка давай к нам, быстро!

— Куда? Вы где? Я же не знаю...

— Иди к Степану! Он у себя... — И молчание.

Шурка медленно поставил на половицы горячий таз.

Оглянулся на неподвижную бабу Дусю. Словно попрощался... И с опущенной головой вышел по лестнице во двор.

8. Неотвратимость

Дядя Степа ждал Шурку у крыльца. С лицом важным и непроницаемым. Крепко взял его за руку, повел. Шурка двигался, обмякший и виноватый, как пацаненок, пойманный в чужом саду (было однажды в жизни такое, давным-давно).

Вошли в гараж, обогнули снятый с колес «москвичонок». Здесь, у задней стены, виднелся в щербатых половицах закрытый люк. Дядя Степа наконец отпустил Шурку. Нагнулся, потянул скобу. Отвалил крышку. Все это медленно, с какой-то особой значительностью.

Из люка пахнуло зябкостью. А от дяди Степы — водочкой, когда он сумрачно приказал:

— Спускайся. Я за тобой.

Шурке в голову не пришло спорить и сопротивляться. Он двигался обреченно.

Вниз вели железные скобы, как в колодце. Когда Шурка, держась за край люка, ступил на верхнюю скобу, ему послышалось со двора:

— Ты куда повел ребенка, ирод проклятущий?!

Баба Дуся. Но это уже далеко, в другом мире.

...Шурка ушел из дома без майки и рубашки, без кроссовок. Тонкие скобы больно давили на босые ступни, землистый холод прилипал к телу. Шурка мелко дрожал — пока спускались, пока шли по низкому кирпичному коридору, перешагивая через трубы и балки. Степан светил через Шуркино плечо фонариком. Тяжело сопел.

Коридор повернул и уперся в стену с дверью. Дверь была обыкновенная, квартирная. Обитая тонкими рейками.

— Все, — насупленно сообщил Степан. — Заходи. А мое дело кончилось. Как говорится, ауфвидерзеен и гуд бай... — И он вразвалочку ушел за поворот.

Первым желанием было — кинуться следом. К люку, к свету, на знакомый двор! Шурка даже

качнулся. И замер. Потому что разве убежишь? От Гурского, от судьбы...

Над дверью горела матовая лампочка. На косяке белела кнопка звонка. Шурка вздрогнул последний раз, сильно вздохнул и нажал кнопку.

Тихо было, дверь не шевельнулась. Шурка надавил опять. Подождал. Потянул ручку. Дверь легко отошла.

За ней был тамбур, в нем еще одна дверь, приоткрытая. Из-за нее пробивался свет. Шурка толкнул ее, шагнул через порог.

И оказался в комнате.

Комната была обычная. Пожалуй, только чересчур богатая; с пушистым ковром, с мягкой мебелью и узорчатыми шкафами. С картиной в золоченой раме (на полотне — темный пейзаж с парусами).

Но вот что было и обыкновенно, и непонятно сразу: в окна сквозь густую зелень бил солнечный свет! Здесь, под землей...

Или не под землей? Может быть, уже и не на Земле?

Дальний угол комнаты закрывала зеленая занавесь. Она странно колыхалась и была как бы подернута туманом.

Из-за нее-то и вышел Гурский. Сел за обшир-

ный, резьбою украшенный письменный стол. К Шурке лицом. Подпер кулаками заросшие шерстью щеки. Глянул ярко-синими глазами. Без упрека, по-доброму, но грустно.

— Садись в кресло, Полушкин.

Шурка осторожно прошел по мягкому ковру. Сел на краешек податливого кресла.

— Да садись как следует, удобнее. Лезь с ногами, — добродушно посоветовал Гурский. — Разговор будет долгий.

Шурка опасливо шевельнул пыльными ступнями.

— Грязные ноги-то...

— Какая разница. Это же все — вещи временные. Пристанище на час...

Шурка не понял, но послушался. Забрался в кресло с ногами, уютно уткнулся плечом между высоким подлокотником и спинкой. И... перестал бояться.

Стало спокойно и хорошо. Как в прежние времена, в клинике, когда его навещал Гурский.

И Шурка вдруг понял, что соскучился по Гурскому. Что он... любит этого уверенного и доброго бородача. И даже Кимыч, который возник за плечом у Гурского, ему тоже приятен.

Шурка Кимычу, однако, не был приятен. Ки-

мыч хмыкнул:

— Явился. Я же, Иван Петрович, вас предупреждал...

Иван Петрович Гурский — великий ученый, хирург-волшебник и галактический корректор — потерзал пятерней бороду. Отвел от Шурки ультрамариновые глаза. Спросил, будто против воли:

— Как у тебя, Полушкин, хватило ума делать эту операцию? На себе...

Кимыч хмыкнул опять:

— К чему теперь слова...

— Да, пожалуй, — отозвался Гурский с неожиданным стариковским кряхтением.

Шурка опять ощутил неуютность. Осторожно огрызнулся:

— Все ведь кончилось нормально.

Гурский откинулся на стуле (Кимыча отшатнуло). Положил на стол сжатые кулаки — будто академик Павлов на известном портрете.

— Могло кончиться и не нормально... Да и ничего не кончилось. Ведь рыбка-то уплыла!

— А что с ней было делать?.. И что вам вообще от меня надо?! — Шурка своей обидой заслонился, как щитом. — Я сделал все, что вы велели! А чтобы беречь рыбку после этого, вы не говорили!

Вы сами виноваты!

— Это верно... Однако тебе тоже надо было думать...

Виноватость Гурского слегка утешила Шурку. Он сказал уже снисходительно:

— Ничего же страшного не случилось.

— Откуда ты знаешь?.. Откуда мы знаем... Не случилось пока. Эта «рыбка» — генератор колоссальной межпространственной энергии. И теперь он бесконтролен, лишен программы. И может вытворить все, что угодно... Захочет — прорастет невинным цветочком на берегу ручья, а захочет — рванет так, что ваша планетная система посыплется, как порванные бусы...

Шурка вспомнил, как они махали вслед алому вуалехвосту. Улыбнулся и сказал уверенно:

— Не рванет. Он же благодарен за свободу.

— Дурень ты... — вздохнул Гурский. Почти как баба Дуся. А Кимыч иронически изогнул губы и брови. Нагнулся, что-то шепнул Гурскому в ухо.

— Вот именно, — кивнул тот. — Это самое грустное. С нынешним твоим сердцем ты не сможешь жить у нас.

— Ну и не надо! — Шурка протестующе забарахтался в кресле. — Я и не хочу! Мне здесь... лучше всего на свете!

— Но ты же хотел на Рею! — Это Кимыч. Неожиданно тонким голосом.

— Я давно уже передумал!

Гурский и Кимыч посмотрели друг на друга. На Шурку. Гурский медленно, очень весомо проговорил:

— Поймите, Полушкин. Никакого «здесь» скоро не будет. Вообще. Совсем. Ваша планета перешла грань возможного. Негативные явления превысили все допустимые нормативы...

— И даже недопустимые, — глядя в пространство, выдал Кимыч.

— Что? Я не понимаю... — жалобно сказал Шурка. Хотя, кажется, понял. И опять обессилел от вязкого страха.

Гурский смотрел в стол.

— Выхода нет, Полушкин. Зла накопилось столько, что болезнь стала смертельной. Этим злом планета отравляет себя, как гангренозный больной — собственным ядом. И ладно бы, черт с вами. Но эта зараза ползет по Кристаллу. И потому — пора кончать.

— Как... кончать? — только и смог пролепетать Шурка. Ему почудилось, что сейчас Гурский нажмет кнопку — и ахнет всепланетный ядерный взрыв.

— Не бойся, — ухмыльнулся Кимыч. И Шурка разозлился. Собрал остатки гордости. Перестал ежиться, спустил с кресла ноги.

— С чего вы взяли, что я боюсь?

— Вот и хорошо, — покладисто сказал Гурский. — С Землей не случится ничего плохого. Мы просто отведем ее по ВВ назад.

— По... какому ВВ?

— По Вектору Времени. В эпоху динозавров, когда людьми здесь еще не пахло. И дадим возможность вашему шарику покатиться в своем развитии по более достойному пути... Понимаешь, Полушкин, планета сохранится, но история у нее будет другая. Без нынешней крови...

— Значит... и без нынешних людей? — догадался Шурка.

— Естественно.

— Вы... не имеете права!

— Это не мы, Полушкин. Это вывод Космического Разума, диктующего общие закономерности развития.

— Но вы же этим самым переносом... к динозаврам... убьете всех! Вы... хуже Гитлера и Сталина!

— Да кого же мы убьем? Ты пойми. Сделай усилие и вникни, Полушкин. Будет более ранняя эра. Получится, что этих людей просто никогда

не было.

Ох и тошно стало Шурке. Пусто-пусто...

— Совсем никого?

— Разумеется.

— И... папы и мамы?

— Ну, что поделаешь... Их ведь, Полушкин, и так нет...

— Но тогда, значит, не могло быть и меня!

Гурский и Кимыч снова переглянулись.

— С вами, Полушкин, вопрос особый, — Гурский опять суховато перешел на «вы». — Непростой вопрос. Вы теперь вне обычных земных законов. Уже на иной ступени бытия... Но дернуло же вас отпустить рыбку и вырастить земное сердце! Ума не приложу, как тут быть.

Кимыч вдруг сказал, глядя перед собой:

— Вы знаете, как быть, Иван Петрович. Только не решаетесь. Вариант пятой грани.

— Это сожрет всю резервную энергию...

— Но разве Полушкин не заслужил? Он сделал то, чего не могли мы...

— Да... хорошо. Готовьтесь, Полушкин.

— К чему?..

— К уходу, мой мальчик, — очень мягко сказал Гурский. — Так надо.

— Прямо сейчас? — Шурка вновь съежился в

уголке кресла. Машинально.

— Да... Хотя понятие «сейчас» в данном случае теряет смысл.

— Но я не хочу... один...

— С нами, — буркнул Кимыч.

— А... можно взять бабу Дусю?

Гурский и Кимыч молчали.

— И ребят... — шепотом попросил Шурка.

У Кимыча слегка одрябло лицо. Сморщился лысый лоб. И впервые прозвучала в голосе виноватость.

— Евдокия Леонтьевна не захочет оставлять свой дом и привычную жизнь. А ребята — своих отцов и матерей. А те — других родных. И друзей. И потянется бесконечная цепь... Где напасешься энергии? На тебя-то и на нас еле-еле...

— Я не пойду с вами!

— Тогда исчезнешь... — Гурский с усилием встал.

Шурка тоже вскочил.

— Значит, вы мне врали!

— Мы никогда не врем, — сказал Кимыч своим прежним бесстрастным тоном.

— Врали! Вы говорили, что с Землей ничего не сделаете без моего согласия, а сами...

Гурский тяжело оперся о стол. И только сейчас

Шурка понял, что Гурский — старик.

— Нет, Полушкин, не было лжи. Когда мы это говорили, был иной баланс сил. Вы сами виноваты. Сами качнули весы.

— Ничего я не качал!.. Я их даже не касался!

— Я вот про эти весы... — Гурский посмотрел назад. Кимыч тоже. Зеленая занавесь исчезла. Не раздвинулась, не упала, а растаяла. И Шурка увидел весы.

Они были громадные, под потолок. Но Шурка сразу узнал их. Чугунная опора, шары вместо чашек, прозрачный шар с механизмом. Да и клеймо на медном коромысле было все то же: МАСТЕРЪ КАЛЯЕВЪ И. А.

За весами клубилась тьма. От нее веяло неземным холодом. Шурка мигом покрылся пупырышками. Но все же с последней храбростью сказал:

— Ну и что?

— А то, что это межпространственный индикатор дисбаланса. И темный шар на нем прямо тянет вниз. И вы — немалая причина тому, поскольку добавили этому миру долю зла.

— Я не добавлял! Врете!

— Не врем. Добавили... Вы убили Лудова.

Шурка опять сел. Как подрубленный. Сжал себя за плечи. По всему телу — дрожь. То ли от холода,

то ли...

— Вы же говорили, что промахнулся...

— Да... Но машина перевернулась, и Лудов получил травму черепа. Сперва казалось, несерьезную. Но недавно она дала себя знать. Кровоизлияние и... конец.

Холода уже не было. Кровь жарко пошла по жилам. Шурка расправил плечи. Во мгле позади часов мерцали звезды. Глядя на них, Шурка проговорил:

— Значит, я все же сделал это...

— Да.

«Папа, я сделал это...»

— Вы что же, Полушкин, не жалеете и сейчас? — тоном огорченного учителя спросил Гурский.

С великим облегчением Шурка глянул в пронзительно-синие глаза.

— О чем жалеть? Я для этого жил. Там...

— У Лудова остался мальчик. Такой же, как вы.

— Бедняга, — искренне сказал Шурка.

— Да. Он очень любил отца.

— Я тоже...

— И чего вы добились? К одному злу прибавили другое. И зло выросло в десятки раз.

— Я думаю... тот мальчик все же не пойдет в приют.

— Речь не о нем! Речь о вас. Вы-то понимаете, что совершили недопустимое?

— Может, и недопустимое... Но я сделал, что хотел. Отомстил.

— Вот именно! А всякая месть человека человеку только увеличивает число бед. Месть — право Космического Разума, а не людей.

— А где он был, этот Разум, когда стреляли в папу и в Ухтомцева?

— Разум не в состоянии следить за движением всех атомов Вселенной...

— Ну и пусть тогда не суется! — взъярился Шурка. — И вы!.. Кто вас сюда звал?!

— А кто бы спас тебя от смерти? — язвительно напомнил Кимыч.

— А я просил?! Я бы... может быть, теперь...

— Что? — осторожно спросил Гурский.

— Был бы, наверно, вместе с отцом.

— Не знаю, — искренне сказал Гурский. — Существование бессмертных душ — неразрешимая загадка Великого Кристалла.

— А я — не в Кристалле! Я встретил бы отца на Дороге! Она за пределами вашего Кристалла!

Стало как-то очень тихо. Только за стеклами шелестела листва (настоящая, земная?).

Наконец Гурский заговорил растерянно. Даже

с боязнью:

— Откуда вы, Полушкин, знаете о Дороге?

Шурка хмыкнул, почти как Кимыч. И не ответил. О Дороге, которая в межпространственном вакууме опоясывает снаружи, по спирали, Великий Кристалл Вселенной, он однажды слышал от Кустика. Когда вечером на сеновале шепотом говорили о вечном и запредельном. На этой Дороге в конце концов находят друг друга все родные и любимые, все настоящие друзья. Потому что иначе не может быть.

— Он не скажет, — с непонятным злорадством объяснил Кимыч. — Не выдаст друзей. Он думает, что мы не знаем про тощего супермена-молокососа, который клетками кожи, как антенной сетью, собирает межпространственные сплетни...

— Вам-то что! — дерзко сказал Шурка. И встал опять. Никогда он их не любил: ни Кимыча, ни Гурского!

— Да теперь-то уж ничего, — устало откликнулся Гурский. — Какая разница... Значит, Полушкин, вы не жалеете о содеянном?

«Нет!» — хотел он сказать яростно. Однако сдержался, прислушался к себе. Покачал головой, шепнул:

— Нет...

— Воистину вы сын Земли.

— Ну и что?.. Ну и сын. Да! И не трогайте нашу Землю!

— Сами виноваты.

— Нет! Я убил Лудова, но зато...

— Что?! — с ожиданием качнулся к нему Гурский.

— Зато мое сердце спасло какого-то мальчишку.

— Это аргумент. Но запоздалый. Он страданий сына Лудова не убавит. Кстати, его сердце теперь тоже... еле дышит.

— Тогда пусть возьмет мое... — Это Шурка сказал честно. Без всякой рисовки. И без страха. В конце концов, Дорога все равно есть. А чтобы спасти Землю, он готов...

— Вы в самом деле готовы, Полушкин?

— Конечно...

(Правда, сейчас уже стало боязно. Слегка.)

— Почему? Значит, жалеете, что стреляли?

— Нет... Землю жалею.

Гурский оглянулся на Кимыча. Тот сказал одними губами:

— Не то...

И Шурка вдруг ясно осознал, что близится конец. Общий конец. И сделать нельзя ни-че-го.

И рванулось из него последнее отчаяние:

— Вы!.. Ничего не понимаете! Вы... не люди! Чем откатывать назад Землю, убрали бы лучше с нее таких, как Лудов!

Кимыч зевнул:

— Смешно. Пришлось бы убирать почти всех.

— Неправда!

— Правда, Полушкин. — Гурский опять говорил виновато. — Это не мы. Так показывают Весы.

— Да врут ваши дурацкие Весы!

...И ахнуло, скомкалось пространство. Шурку бросило назад, спиной и затылком ударило о твердое. Распахнулось над ним черно-синее небо с тысячей многоярусных созвездий. И в то же время светило сбоку, у горизонта, лучистое солнце. И ходило по небу несколько пятнистых лун.

Шурка лежал навзничь на каменной плите. Крепкая сила гравитации прижимала к неровной твердости его ноги, руки и плечи. Но голову он мог приподнять. И приподнял.

Налево, к солнцу, тянулась волнистая желтая пустыня. Из песка торчали редкие развалины.

И справа была такая же пустыня. А на камнях неподалеку сидели Гурский и Кимыч. Кимыч в обычном своем костюме с галстуком, а Гурский почему-то в голубой мантии и черной четырех-

угольной шапке с кистью — как у старинных ученых.

Кимыч сокрушенно покачал головой:

— Что же ты наделал, Шурка... — Никогда он раньше с Шуркой так не говорил.

А что он наделал? Это с ним... что-то наделали. Шурка так и хотел сказать. Но тут над ним нависла круглая тень. Шурка вскинул глаза. Это был гранитный шар. Больше метра в поперечнике. Он висел на цепи, которая уходила к перекладине, похожей на рычаг колодезного журавля.

И Шурка понял, что над ним — весы. Только еще более громадные, чем там, в комнате. Но все равно — те же.

Гурский зябко запахнулся в мантию и сказал — будто не Шурке, а всей пустыне:

— Никто не может безнаказанно усомниться в точности Весов. Они непогрешимы.

— Пустите меня!

— Это не мы, — вздохнул Гурский. — Мы теперь бессильны помочь тебе. Мы даже не сможем избавить тебя от боли. Впрочем, это недолго.

«Что — недолго?» — Шурка опять глянул вверх.

Гранитный шар висел прямо над ним. Из него — словно тонкий луч — выдвинулась блестящая игла. С очень-очень острым концом. И Шурка

почуял: конец этот смотрит прямо в центр незагорелого круга на его груди.

Глухо, будто из какого-то запределья, Гурский объяснил:

— В шаре — все накопленное зло. Он опускается неудержимо. Ты сам виноват...

— Нет! Уберите его!

— Убрать его не смог бы даже галактический взрыв... Зажмурься, вдохни поглубже и потерпи...

Но Шурка не смог зажмуриться. Глаза раскрылись широко-широко. Серый многопудовый шар приближался. Воистину — неотвратимость. Неторопливая, неумолимая. С тонким несгибаемым жалом. И Шурка вдруг понял, что та, «домашняя» игла была намеком, предупреждением...

Теперь острие было сантиметрах в двадцати от груди. И с каждой секундой делалось ближе на несколько миллиметров.

— Уберите!!

— Не можем, Полушкин... Попробуй сам. Последний раз. Докажи, что добра на Земле больше.

— Больше!

— Нет. Всюду обман, кровь, злоба, стрельба.

— Но ведь есть же и хорошее!

— Что?

— Ну... самолеты в Африку летят с едой и лекарствами!

— А по ним стреляют.

— Есть же... книги хорошие! Музыка!

— Она не спасает от зла. Послушав музыку, люди часто идут убивать.

— Но не все же!.. После хорошей музыки никто убивать не пойдет!

— Значит, плохой больше.

— А зато... а еще... есть друзья!

— Но есть и предатели. Их больше, чем друзей.

— А кто считал?!

— Весы.

Игла была в десяти сантиметрах. Разве успеешь что-то сказать? И у Гурского на все свой ответ. Гурский проговорил:

— Как ни спорь, а планета обречена. На ее поверхности много ядовитой плесени и мусора.

— А зато...

— Что? Ну?..

— Зато цветет иван-чай...

На миг шар замер. Да!

Но почти сразу он опять пошел вниз. Тихо и неумолимо. Тонко, почти безболезненно игла проткнула кожу. Вошла в мышцы груди. Шурка обрадовался, что боль не так уж сильна. Чтобы

еще ослабить ее, он вспомнил Женькины косы. И даже улыбнулся. Чуть-чуть. Но игла скользнула между ребер глубже и тронула сердечную мышцу: Шурка вскрикнул — отчаянно!

Шар взмыл на метр. С иглы сорвалась и ударила в грудь теплая капля. А в сердце словно остался колючий шип. Шурка рванулся. Руки оказались свободны. Он толкнулся локтями, сел. Левую ладонь приложил к липкой точке укола.

Шар стремительно уходил вверх. Он, словно пушечное ядро, врезался в звездный небосвод. Созвездия рассыпались и гасли. Погасло солнце, встала на дыбы пустыня. Шурку кинуло во тьму, в провал, вдавило боком в пушистый ворс.

Но вот мягко заполнил пространство зеленоватый свет.

Шурка лежал в знакомой комнате на ковре.

Кимыч и Гурский (уже без мантии) стояли у письменного стола. Весы опять заслоняла зеленая занавесь.

Гурский вцепился в бороду. Он был откровенно растерян. Как обычный земной старик, обнаруживший пропажу кошелька.

Кимыч, как бабка, хлопнул руками по бокам. Поднял к потолку плаксивое лицо.

— Молокососы паршивые!..

9. Молокососы паршивые

Шурка сел. Правой ладонью оперся о ковер. С левой слизнул раздавленную капельку крови. Другую капельку пальцем снял с груди. Тоже слизнул.

След укола тут же затянулся, остался на нем пунцовый бугорок.

Гурский мельком глянул на Шурку и вслед за Кимычем поднял глаза к потолку.

— Какие молокососы? Почему?

— Те двое... — Кимыч нервно стискивал и разжимал кулак. — Кто бы мог подумать?.. Все шло как надо, часы соорудили — ну просто как по заказу: включай да крути назад... И вот! — Он подломленно брякнулся на стул. Голова ниже плеч, руки между колен...

— Вы о ком? — спросил Шурка. Были в нем и страх, и надежда. — Какие двое?

— Как это могло случиться? — сухо сказал Гурский Ки-мычу.

— Кто бы мог подумать!.. Они должны были хотя бы порвать змей...

— Кто?! — Это Шурка. Уже со звонким нетерпением.

Гурский в сердцах рванул на себе бороду. Потом как-то сразу успокоился. Уперся в Шурку синим взглядом. Сверху вниз.

— Те самые... «архитекторы». У которых город с площадью Часов, — Гурский говорил устало, но уже почти без досады. Шурке даже почудилось в его голосе скрытое удовольствие. — Мальчишка со змеем бежал к их городу. По всем вашим законам они должны были надавать ему по шее и погнать прочь, а они... Впрочем, смотри сам...

Гурский ребром ладони повел над головой. Потолок разъехался, будто разрезанный пополам. Шурка увидел заросли и лужайку с игрушечным городом. И троих ребят.

Увидел в странном, неземном ракурсе, словно через несколько стеклянных призм. И снизу, и сверху, и со всех сторон сразу. Очень четко.

Самый маленький был, несомненно Гриша Сапожкин. Других Шурка видел впервые. Но понял сразу — это Митя и Андрюшка, строители города.

Белоголовый Митя сидел перед Гришей на корточках, словно взрослый перед потерявшимся на улице малышом. Голос его Шурка слышал ясно:

— ...Чего ты испугался? Играй... А если хочешь, давай играть вместе...

— Вместе пускать мой змей, да?! — просиял

Гриша Сапожкин.

— И змей... И в нашу игру...

Шурка всем сердцем потянулся туда. К этим мальчишкам. К солнцу и зелени. Но опять возник над головою непрозрачный потолок.

— Это они спасли тебя, — вздохнул Гурский, легко поднял Шурку с ковра и посадил в кресло.

— Как спасли?

— Непредсказуемым своим поступком... Эта аномалия дико сбила все расчеты, вызвала обратное движение Весов. На твое счастье...

— Подожди, — глухо сказал Кимыч. — Рано ты освободил своего ненаглядного Полушкина.

— Это не я!.. Когда они сказали «давай играть вместе», изменилась структура. Пространство и так было на грани перехода, и вот — последняя капля...

Кимыч поднял лицо.

— Это что же? Новая грань?

— Да, голубчик. Неподвластная нам. Из разряда Безлюдных Пространств. О которых говорят, что они станут зародышем нового мира... Может, нам и не стоило стараться...

Кимыч мотнул головой. Словно муху отгонял.

— Я в это не верю. Нет граней, неподвластных общим законам Кристалла.

— Видимо, есть... Они из тех, что рядом с Дорогой...

— Я не верю в Дорогу.

Гурский развел руками.

— Ей, Дороге, Илья Кимович, это безразлично...

С великим облегчением, с чувством полной безопасности Шурка смотрел вверх. Видел только потолок, но все еще слышал ребячьи голоса. И смех.

— Это Гриша Сапожкин, у которого пропал щенок, — сказал он.

Гриша смеялся от радости. Сейчас он забыл о щенке.

— Если бы ты знал, Полушкин, какие космические устои рушит своим смехом этот Гриша, — с прежней усталостью сказал Гурский.

— Пусть, — сказал Шурка.

Раздался грохот, исчезла зеленая занавесь, и Шурка увидел, как рушатся Весы.

Со звоном рассыпался прозрачный шар, разлетелись пружины и шестерни. Дымчато-хрустальный и гранитный шары покатились друг к другу. Ударились, между ними с треском проскочила синяя молния. Шурка перепуганно вздернул в кресле ноги.

— Это что же?! — громко сказал Кимыч и

встал.

— Да, — кивнул Гурский. — Это сигнал, что нам пора уходить. — И повернулся к Шурке: — Оставляем тебя, Полушкин, на твоей планете... где цветет иван-чай. Красивое, кстати, растение. У нас таких нет...

— Иван Петрович! — голос Кимыча прозвучал резко и капризно. — До лирики ли сейчас! Вы же понимаете, что уйти мы теперь можем только совсем.

Гурский с нарочитой беззаботностью кивнул:

— Это бесспорно. Самое вероятное место для нас — на дне Черного пруда...

Кимыч дернул головой, обмяк. Но тут же привычно хмыкнул.

— Ну и наплевать... «Не все ли равно, — сказал он, — где. Еще спокойней лежать в воде»...

Шурка смутно вспомнил, что это какие-то стихи. Про моряков.

Гурский озабоченно возразил:

— Не знаю, не знаю. По мне, так на солнышке все же лучше. Даже на здешнем... А впрочем, попробуем пробиться. Что мы теряем?

Кимыч мотнул блестящим черепом.

— Бессмысленно. Оно не выпустит. Ни за что...

— Может быть, выпустит... если попросит По-

лушкин.

Оно ведь многим ему обязано... Полушкин, вы разрешите нам уйти?

— Кто вас держит?

— Держит Безлюдное Пространство Бугров. Несколько минут назад оно стало живым. И оно стало принимать решения. Нас оно считает врагами, а вас другом.

— А почему вас — врагами?

— Ему кажется, что мы хотели тебя погубить, — сумрачно разъяснил Кимыч. — Но разве это мы? Это Весы... Да и не Весы даже, а... Тьфу, черт! Терпеть не могу оправдываться.

— Ну и не надо. Вовсе вы не враги...

— Тогда отпусти нас, — тихо сказал Гурский.

— Как?

— Попроси у Бугров, чтобы выпустили. Мысленно попроси. Вот и все...

— А вы... ничего не сделаете с Землей?

Гурский молча покачал головой.

Кимыч нервно хихикнул опять:

— У нас не получится, если даже захотим. Как говорится, «ты победил, Галилеянин»... Знаешь, кто такой Галилеянин? И чьи это слова?

— Не-а... — Шурка, прикусив губу, попытался вспом- , нить и не смог.

— Еще узнаешь, — сказал Гурский. — У тебя все впереди.

— Хотя сейчас здесь главный пророк не Он, а полевые командиры, — вставил Кимыч.

— Перестаньте, Илья Кимович...

— Перестал. Теперь все равно... Лишь бы уйти.

Шурка представил заросшие пустоши и взгорки, ложбину с паровозиком Кузей, иван-чай... «Отпустите их, пусть идут...»

Над Буграми была солнечная тишина, в ней Шурке почудилось согласие. И не только ему.

— Спасибо, Полушкин, — смущенно проговорил Гурский. — Мы, пожалуй, и правда пойдем. Будь здоров...

— Не будет он здоров! — резко возразил Кимыч. — Я мог бы промолчать, но истина требует знания. Полушкин не протянет долго. Игла успела коснуться сердца.

Колющая боль и правда ощущалась в сердце. Но не сильно, чуть-чуть.

Шурка вытолкнул себя из кресла.

— Нет! Оно залечится! У меня регенерация!

Гурский смотрел озабоченно и грустно.

— Я должен предупредить. Способность к повышенной регенерации скоро исчезнет. Как и другие подобные свойства. До сих пор вы были

защищены от всех земных болезней, а теперь... это все зависит от здешней медицины. Ну, да авось обойдется.

— Не обойдется, — угрюмо сказал Кимыч.

Но Шурка не чувствовал страха. Боль в сердце исчезла совсем.

— Кимыч любит излишне драматизировать ситуации, — ворчливо заметил Гурский.

— Я не излишне... А впрочем, что будет, то будет... Кстати, мы можем сделать Полушкину последний подарок. Чтобы он вспоминал нас без обиды.

— Я и так без обиды...

— Подарок? — оживился Гурский. — В самом деле. Небольшой резерв энергии еще есть... Полушкин, хотите, чтобы мы исполнили ваше желание?

— Какое?

— Небольшое, — торопливо вмешался Кимыч. — Без явных фокусов и заметного волшебства... Имей в виду, что мертвых не вернуть...

Гурский глянул на Кимыча укоризненно. А Шурке сказал:

— Давай-ка укрепим на всякий случай твое сердце.

Шурка мотнул головой. Сердце не болело и

билось ровно.

— Лучше другое желание...

Кимыч с ехидцей сообщил:

— Я знаю, о ком он попросит. О бабке...

— Да! Потому что, если с ней что-нибудь случится, куда я тогда... И потому что она родная!

— Ничего с ней не случится, — сказал Кимыч. Не Шурке, а Гурскому. — Я позаботился заранее, когда оформляли опекунство. Старуха проживет не менее ста лет. А то и больше. Без дополнительного энергоресурса.

— Все-таки вы циник, Илья Кимович, — вздохнул Гурский.

— Ну и пусть... Полушкин, давай о другом.

— Тогда... знаете что? Можно, чтобы Гриша Сапожкин отыскал щенка?

Все разом взглянули на потолок. За ним уже не слышно было голосов и смеха. Потом Гурский и Кимыч посмотрели друг на друга. Кимыч пожал плечами. Гурский опять затеребил бороду.

— Видишь ли... Месяц назад щенка поймали мальчишки с улицы Краснопольской. Привязали к дереву и расстреляли из самодельных арбалетов...

— Будущие полевые командиры, — сказал Кимыч. — Те, кто не мыслит жизни без стрельбы по

живым целям...

Шурка вздрогнул, обнял себя за плечи. Как на зябком сквозняке.

— Тут ничего не поделаешь, Полушкин... А Грише лучше не знать про это. Пусть думает, что щенок живет у других хозяев...

— Пусть, — прошептал Шурка. — Но тогда... я не знаю, что и хотеть. Надо думать, а времени нет...

— Времени нет, — согласился Кимыч.

— Вот что! Если можно... Пусть это лето не кончается подольше! Пусть будет длинным-длинным! Можно?

Кимыч недовольно спросил:

— Это как же? Задержать Землю на орбите? Или изменить наклон оси?

Гурский посмотрел на него через плечо. Слегка нагнулся над Шуркой.

— Мы не можем ни задержать, ни наклонить, Кимыч прав. Но тебе и твоим друзьям лето покажется долгим-долгим. Оно не кончится, пока... ну, скажем, пока ты не истреплешь свою анголку. А это случится очень не скоро.

— Еще бы! — возликовал Шурка.

— А теперь выведи нас.

Они покинули комнату, и кирпичный коридор (теперь в нем горели лампочки) привел к желез-

ной лесенке. Вверху светился круглый выход.

Шурка первый поднялся на поверхность. Конечно же, недалеко от Кузи. Качались головки дикого укропа и бело-цвета. На иван-чае кое-где уже появились пушистые семена.

Гурский и Кимыч встали у Шурки за спиной. Подержали его за плечи, потом обошли с двух сторон и стали уходить сквозь чащу травы. Не оглянувшись. Они были видны по пояс.

Они не просто уходили, а как бы таяли в солнечном воздухе. Исчезали, как сон.

Шурке стало грустно. Не только из-за прощания. Вообще. Ведь вместе с повышенной регенерацией и другими волшебными свойствами пропала и спасительная блокада памяти. Шурка знал, что теперь воспоминания о прошлом будут частыми и безжалостными. Никуда не уйдешь... Он уже приготовился...

Но сзади раздались знакомые голоса. К Шурке спешили Платон, Кустик, Тина, Ник. И Женька. У Женьки косы цеплялись за головки трав. Кустик храбро ломился через белоцвет, но при этом тихонько верещал.

Они подбежали.

— Шурка, мы тебя искали, искали!

— Шурчик, ты почему тут один?

Он посмотрел Женьке в глаза, почесал зудящий укол над коленом.

— Я провожал этих. Они ушли насовсем.

— На свою планету? — шепотом спросил Кустик.

— Не знаю. Наверно...

Кустик наклонил к плечу голову.

— Смотри-ка. Твой кружок на сердце сделался загорелый. И шрама почти не видать. Скоро будет не различить...

— А от Куста сбежала русалка, — сообщил Платон. И повернул Кустика к Шурке спиной. — Смотри.

Вместо яркой круглолицей девы-рыбы на майке был блеклый силуэт.

— Не сбежала! Я ее сам... выселил! Придумал заклинание: «Мне с тобою неохота, уплывай в свое болото! Убирайся от Куста или будешь без хвоста!» Потому что она знаете что вытворяла? Сегодня с утра начала дергать хвостом и пальцами шевелить! Щекоталки репетировала... Еще вреднее, чем Алевтина с Женькой.

— «И все засмеялись», — надула губы Тина.

И все засмеялись.

IV. ЧЕШУЙКИ В РЫЖЕЙ ШЕРСТИ
(Почти эпилог)

Гурский обещал не зря — лето и в самом деле было бесконечным. Дни — как недели, недели — как месяцы.

Были бесконечными и Безлюдные Пространства Бугров: и в своей просторности, и в радостях, которые они дарили ребятам.

Шурка с друзьями проводил там целые дни. Они открывали новые заколдованные места и таинственные подземелья. Но больше всего по-прежнему любили ложбину с паровозиком Кузей...

Мелькали солнечные дождики, вставали над Буграми радуги. Выгорели от горячих лучей ребячьи волосы. Шурка уже не обрастал, как прежде, и царапины его не зарастали моментально. Однако все равно зарастали быстро — как на остальных...

Иногда, особенно по вечерам, делалось грустно. Даже тоскливо. Потому что теперь он снова помнил все. Даже название города, где жил раньше. Порой тоска делалась такой, что он плакал в по-

душку. Но даже сквозь эти слезы просачивалась радость от того, что есть лето, есть друзья, есть их страна — защищенные от бед, почти сказочные пространства...

Случалось, что покалывало сердце. И тогда опять вспоминались Весы. И закрадывалась тревога: не случится ли все-таки плохое — тогда, когда в конце концов наступит осень и солнце войдет в зодиакальную зону Весов? Может быть, Кимыч сказал правду? Ведь игла в самом деле успела коснуться сердца...

Но боль утихала. И Шурка начинал думать, что это пустяки. Разумеется, галактические корректоры никогда не врут, но Кимыч мог просто ошибиться. Да, игла коснулась, но что с того? Есть ветераны давней войны, которые до сих пор живут с осколком в сердце. А тут — слабенький укол...

И все же однажды Шурка не выдержал, поделился тревогой с друзьями.

— Пойдем со мной, — сказал Платон. И повел его к своему знаменитому дяде.

Профессор-кардиолог Звягинцев обследовал Шуркино сердце «вдоль и поперек». И сказал:

— Все в порядке. Почти. Есть легкие шумы: чуть-чуть капризничает один клапан. Но это,

видимо, возрастное, пройдет. Живи и не бойся...

И Шурка перестал бояться.

Стало совсем хорошо.

Женька всегда была, как ласковая сестренка, и ни одна размолвка не омрачила их дружбу...

Правда, было событие, которое внесло в эту летнюю жизнь печальную нотку: мама и новый папа Кустика увезли его отдыхать к морю. Никто теперь не дразнил девчонок, не убегал с воплями от заслуженных щекоталок и не развлекал друзей подслушанными в космосе историями.

Уезжая, Кустик утешал друзей и себя:

— Это ведь всего на две недели.

Две недели оказались громадным сроком. Кустик успел прислать два письма. Одно короткое: как приехали, какой чистый на пляжах под Калининградом песок и какие «щекотательные» у волн гребешки. А второе...

Вот отрывки из него:

«...Один раз, когда я лежал с закрытыми глазами на песке, кверху животом, ко мне кто-то подошел и лизнул бок. Я заорал от щекотки и откатился. И увидел, что это щенок. Он испугался, но не убежал. Только отскочил. Он был мокрый. Стоял и смотрел на меня и махал хвостом, с которого летели брызги. Он был рыжий, с черным пятном

на ухе. Ухо было лопухастое...

...Конечно, мама и дядя Игорь (который ее муж) сперва говорили, что это безумие. Что невозможно везти собаку с собой в такую даль, через полстраны и даже через заграницу, через Литву. Нужны всякие разрешения и ветеранские справки...»

— Ветеринарские, — поправила Тина. — Все перепутал, Кустище необразованное... — Они лежали в тени паровозика Кузи, и Платон читал письмо вслух.

— А вообще-то он складно пишет. Он точно будет писателем, — защитил Кустика Ник. А Шурка дернулся от нетерпения:

— Что дальше-то? Про щенка!

«...ветеранские справки и специальный билет. И что надо отдать щенка местным ребятам, если не найдется хозяин...»

— Ага, один такой щенок уже попал к «ребятам»... — не выдержал Ник.

— Не все же ведь злодеи, — вступилась за приморских мальчишек Женька.

Платон глянул поверх листа:

— Вы будете слушать или нет?

«...местным ребятам, если не найдется хозяин.

Но я поднял такой рев, что содрогнулось все Балтийское побережье...»

— Да, он точно будет русским классиком, как Лев Толстой...

«...Балтийское побережье. Было ужасно стыдно реветь во всю мочь, да еще при посторонних, но я же старался не для себя, а для Гриши Сапожкина...»

Все запереглядывались.

— Слушайте дальше!

«...Потому что, когда я говорю «Гриша Сапожкин», щенок начинает взвизгивать и плясать вокруг меня и даже кувыркаться через голову. Платон, Шурчик, Ник, Женька и Тина! Теперь читайте очень внимательно. Кажется, я знаю, какой это щенок...»

— Слово «какой» подчеркнуто, — сказал Платон.

«...знаю, какой это щенок. Потому что в шерсти его то и дело попадаются красные блестящие чешуйки. На здешних рыбах таких нет. Я уверен, что Шуркина рыбка доплыла до этого моря...»

— Вот это да... — шепотом сказал Ник. — Доплыла и превратилась?

Никто не возразил, что, мол, «так не бывает». Насмотрелись уже на всякое. Но Платон усомнился:

— Почему же не превратилась здесь? Поближе к хозяину? То есть к Грише...

Шурка покусывал стебелек овсяницы. Объяснил задумчиво:

— Кажется, я понимаю. Она услыхала мое желание в пути, когда я говорил про щенка Гурскому и Кимычу. Донеслось до нее... Но вернуться против течения она не могла. Атам, на побережье, увидела знакомого Кустика...

Может, все так и было. А может, и не так. Но когда Кустик наконец вернулся и когда ребята вместе с Гришей Сапожкиным встретили его у вагона, лохматый рыжий песик выскочил из тамбура впереди всех. И прыгнул Грише на грудь. И заплясал вокруг него, закувыркался, завизжал от счастья.

Гриша поймал щенка за уши, поцеловал в мокрый нос, прижал к своей «мультяшной» майке с попугаями.

На перрон упало несколько красных чешуек, ребята подобрали их.

...Потом они часто гуляли по Буграм вместе. Шестеро друзей и новый их приятель со щенком.

Щенок оказался «девичьей породы» (так выразился Гриша), и по общему решению из Рыка его переименовали в Рыбку.

— Но как Рыбка оказалась в такой дали от дома? — порой недоумевал Гриша. Ему каждый раз объясняли:

— Кто-то украл и увез. А там бросил. Бывают ведь такие бессовестные люди...

Иногда ребята оказывались у лужайки с игрушечным городом. И встречали там его строителей. Митя и Андрюшка вели себя сперва недоверчиво. Но бесхитростный Гриша стал как бы ниточкой между ними и дружной шестеркой.

— Не бойтесь, они лишь посмотрят, — успокоил он Митю и Андрюшку при первой встрече.

И ребята смотрели. Осторожно, со стороны. Даже резвая Рыбка ни разу не попыталась подойти к городской стене ближе, чем на пять щенячьих шагов.

Вмешиваться и помогать Мите и Андрюшке никто не порывался. Только по-прежнему приносили кусочки цветного фаянса для мозаичных площадей.

Но однажды, когда Мити и Андрюшки не было, Шурка позволил себе самостоятельный поступок. Словно что-то подтолкнуло его. И никто его не

остановил.

В кармане Шурка отыскал несколько блестящих чешуек и укрепил их на шпилях маленьких крепостных башен. Обратная сторона чешуек была клейкая, они прилепились к лучинкам сразу. И загорелись на солнце алыми огоньками...

С этого момента город стал расти. Медленно и неотвратимо.

Каждый раз, выходя на лужайку, все видели, что стены стали выше, площадь Часов шире, замки и дома крупнее. Скоро купола храма, сделанные из яичной скорлупы, были уже величиной с половинки арбуза. Башни — Шурке до пояса.

Никто не удивлялся. Словно так и должно было случиться. И все знали, что в конце концов город станет настоящим, только путь к нему будет ведом не каждому.

Город станет настоящим, если хватит времени. Если очень долгим будет лето.

А лето обещало быть еще очень долгим. Ведь оно могло кончиться не раньше, чем Шурка истреплет свою анголку. А материя была удивительно прочной. Она сильно выцвела, но пока так и не порвалась ни разу.

Если же отскакивали пуговицы или расходились швы, баба Дуся замечала это сразу.

— Ну-кось, снимай, починю... Носит вас нелегкая по буеракам...

Смотреть, как баба Дуся работает иглой, Шурка не любил. Игла напоминала о многом, хотя укол на ноге больше не болел. Впрочем, с починкой баба Дуся справлялась быстро.

— Надевай, чадо непутевое...

— Что ты! Я путевое чадо!

От материи пахло травой и солнцем Безлюдных Пространств. Полы рубашки взлетали, как крылья. И Шурка опять спешил на улицу Каляева, к друзьям.

Часто его первой встречала Рыбка. Мчалась навстречу. Она любила каждого, кто дружил с Гришей.

Но больше всех, конечно, любила самого Гришу. Всем своим верным сердцем.

Однажды Шурка шепнул Женьке:

— Получилось, что я сделал подарок Грише, а не тебе.

— Ох и глупый... — Она мазнула его кончиком косы по щеке. Шурка счастливо зажмурился. Солнечная тишина Бугров радостно звенела в ушах. Она была не полная, эта тишина. Гриша и Рыбка барахтались в траве, у паровозика Кузи. Гриша упал навзничь, а Рыбка наскакивала и

старалась ухватить его за майку. Гриша болтал ногами и смеялся.

«Если бы ты знал, Полушкин, какие космические устои рушит своим смехом этот Гриша...»

А почему — рушит? Может быть, наоборот!

Вот здесь бы и поставить точку. Но суровая логика повести сделать этого не дает. Можно придумать всякие чудеса, но придумать для книги счастливый конец нельзя. Если его не было...

И автору приходится писать вот что.

Семиклассник Шурка Полушкин умер за несколько суток до своего дня рождения. Когда осень все-таки пришла. Умер внезапно, как от укола в сердце. Может быть, это и правда был укол. А может быть, приступ неодолимой ночной тоски. Ведь не было уже спасительного лета...

Что же теперь? Написать про слезы ребят, про воющую Рыбку, про то, как Женька вцеплялась зубами в свои косы, чтобы сдержать рыдания?..

Нет. Сегодня нет.

Есть еще надежда. Пока это был лишь первый взгляд в неизбежную осень. А Шуркино лето до сих пор не кончилось.

Конечно, можно сказать: как же не кончилось? За окном облетают тополя.

Да, облетают. А может быть, уже и снег лежит. Или даже звенят капли новой весны.

Все это так. Но Шурка с друзьями пока живет среди лета. Он еще не износил свою анголку. И есть время его спасти.

Как? Только одним путем. Сделайте ради Шурки что-то хорошее. Хоть капельку добра. Может быть, она заставит выровняться Весы. А то и качнет их к свету.

Сделайте, что можете, в меру своих сил. Например, помогите мальчику отыскать пропавшего щенка. А если щенка уже не найти, хотя бы утешьте мальчишку ласковым словом. Или скажите ему:

— Если хочешь, давай играть вместе...

Глядишь, он и засмеется от радости.

ВЗРЫВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

КРЕПОСТЬ

Водяные курочки тиви живут только в этих краях — на западном побережье Полуострова. Они похожи на хохлатых серых куличков. Стайками и в одиночку они резво бегают среди камней и по песку, вылавливают мелкую живность из бурых водорослей, которые грудами наваливает на берег прибой.

Это очень доверчивые птички. Позови их — «тиви, тиви», — покорми с ладони, и потом они не отстанут от тебя. Неудивительно, что одна такая курочка поселилась на старом приморском бастионе. Точнее говоря, не курочка, а петушок. Старик Август определил это по рыжеватому отливу на хохолке тиви.

Бастион был расположен на скалистом островке слева от входа в бухту Подкова. С берегом островок соединялся каменной дамбой, вдоль нее торчали бетонные глыбы волнолома. Длина дамбы — шагов двести. От Рыночной пристани до бастиона можно было добраться за полторы минуты.

«Бастион» — это жители Льчевска говорили так по привычке. На самом деле там стояли три бастиона — остатки морской крепости.

Когда-то у крепости была форма неправильной снежинки. Но в позапрошлом веке неприятель подступил с суши и после долгой осады разгромил бастионы, которые смотрели в сторону берега. Теперь от них остались заросшие груды. А те, что были обращены к морю, уцелели.

Они, эти три бастиона, и сейчас казались незыблемыми. Этакие броненосцы, направившие форштевни к западным сторонам горизонта — к зюйд-весту, весту и норд-весту. Сумрачно чернели полукруглые амбразуры в наклонных, облизанных волнами стенах из желто-серого известняка — крепчайшего камня, добытого в здешних карьерах.

Орудий в амбразурах теперь не было. Но на верхней площадке Юго-Западного бастиона сохранились несколько старых пушек на ржавых поворотных станках.

На оконечности среднего — Западного — бастиона стояла круглая башня маяка. Она была обита железными листами и полосато раскрашена — три широких белых кольца и три черных.

А правый — Северо-Западный — бастион был

украшен флагштоком с реями для фалов и с гафелем, под который поднимали неофициальный флаг Льчевска. Это было оранжевое полотнище с золотистой буквой L. Внутри буквы сидел мальчик. Он прислонился к вертикальной части буквы, словно к стволу дерева. Одну ногу мальчик спустил с перекладины, а другую согнул и на торчащее колено поставил раструбом сигнальный горн. Такова была дань легенде. Если верить ей, давным-давно юный трубач этой крепости заметил во тьме крадущиеся шлюпки каперского десанта, вовремя поднял тревогу, но сам был убит стрелой из арбалета.

Флаг сшила внучка старика Августа. Она прибегала на бастион почти каждый день. Но ненадолго. Большую часть времени старик проводил один. Вернее, с лохматым псом Румпелем и петушком Тиви. Румпель и Тиви подружились. Тиви то и дело ходил по развалившемуся на солнцепеке псу и выклевывал из его шерсти букашек.

Таким образом, постоянных жильцов на бастионе бьшо трое.

А в начале сентября их прибавилось.

Сентябрь в здешних местах почти неотличим от лета. Лишь закаты наступают раньше да рын-

ки ломятся от фруктов. Днем солнце палит, как в июле. На бастионах пахнет разогретым известняком, высохшей морской солью, гнилыми водорослями и горячей бронзой старых пушек.

Только изредка с моря прилетит ветерок, хлопнет оранжевым флагом и дохнет прохладой.

...Верхние площадки ограждал широкий каменный парапет. На парапете правого бастиона лежал мальчик в полинялых коричневых трусиках. Щуплый, с облезшими от загара плечами. Он с одинаковым удовольствием впитывал кожей и солнечный жар, и прохладу морского дыхания. Упирался подбородком в твердый камень и раскладывал перед собой разноцветные раковины. Раскладывал сосредоточенно — не просто так, а в каком-то ему одному понятном порядке. И шевелил припухшими, в мелких трещинках губами.

Петушок Тиви аккуратно прошелся по спине мальчика — словно пересчитал лапками его позвонки. Потом забрался на мальчишкин затылок, сунулся клювом в не расчесанные после купания пряди — светлые, как шлюпочная пакля-конопатка.

— Отвяжись, надоеда, — сказал мальчик добродушно. — Никого там нет, иди к Румпелю блох ловить.

Тиви послушно прошелся обратно — по спине, по трусикам, по ноге. Но в конце пути задержался и клюнул в пятку.

— Кого-то сейчас запрут в курятник, — пообещал мальчик.

Тиви поспешно удалился. Но через минуту пятку опять клюнули.

— Вот зараза! Ну, я тебя... — Мальчик дрыгнул ногой и услышал смех. Быстро сел. — Ой, Лён...

Над ним стоял другой мальчик, постарше. Лет тринадцати. С длинным веснушчатым лицом, с волосами цвета сосновой коры. В похожей на полосатый мешок рыбацкой безрукавке. Безрукавка мальчику была чересчур длинна. Из-под нее торчали мятые штаны с бахромой у колен и ноги в порыжелых разбитых ботинках.

Поперечные полосы безрукавки были серо-зеленые — как на громадном арбузе, который Лён принес в сумке, сделанной из обрывка рыболовной сети.

В другой руке Лён держал длинную камышинку — ей он и «клюнул» пятку приятеля.

— Лён, я и не слышал, как ты появился... Ух и арбузище!

Лён опустил арбуз на парапет.

— Еле припер... Я купил его почти задаром у

тетки, которая торопилась с рынка домой... Ну что, придумал имя для большой раковины?

— Не-а... Лён, знаешь что? — Мальчик обхватил колени и снизу вверх смотрел в веснушчатое лицо. С непонятной напряженностью. — Мне уже не первый раз это кажется...

— Что, Зорко?

— Что я тебя где-то раньше видел...

— Вот новость! Целую неделю живем тут вместе!

— Да не теперь, а давно!

Лён улыбался широким, как полумесяц, ртом:

— Так говорят незнакомым девицам, когда хотят за ними поухаживать.

— Тьфу на тебя... Я никогда за ними не буду ухаживать, я же не сумасшедший.

— В десять лет все так обещают...

— Ну, ты же не девица, черт тебя побери! Я с тобой серьезно разговариваю!.. Кажется, что видел тебя где-то... Может, во сне?

Лён стал серьезным. Уронил камышинку.

— Знаешь, Зорко, учитель говорил нам, что это называется «явление обратной памяти». Такой мысленный обман...

— Ну, может быть... — Зорко был смущен своей внезапной сердитостью. Хотелось загладить. Он

пяткой качнул арбуз в сетке. — С виду-то спелый. А внутри — красный? Вырезку делали?

— Я и без вырезки умею определять... Хочешь, кокнем пополам и попробуем?

— Нет, оставим до ужина.

— Ладно... Жаль только, что Динка сегодня не придет.

— Ага... — Зорко стрельнул глазами, отодвинулся и лукаво срифмовал:

Ах не мил мне белый свет,
Потому что Динки нет...

— Кто-то сейчас полетит вверх тормашками с бастиона!

— А кто-то пусть меня сперва догонит! — Зорко вскочил.

Но Лён играть не хотел.

— Я и так умаялся, пока тащил эту бомбу... Зорко, а где старик?

— Спит после обеда. Не велел будить его до захода.

— Можно и после захода не будить, ужин сварим сами. И маяк сами включим...

— Маяк не надо включать! Опять была радиограмма...

КОГДА НЕ ГОРИТ МАЯК

Название города Льчевска по традиции писалось особо: L-чевск. В этой путанице шрифтов отразилась разноплеменность льчевского населения и пестрота здешней истории. Город был отделен от Империи узкой полосой степного пространства, которое принадлежало Куршской республике. Республика имела на Льчевск свои виды. Так же, как и правительство набиравшей силу имперской Вест-Федерации.

В конце концов на заседании международной комиссии было решено дать Льчевску права вольного города — чтобы никому не было обидно.

Такое решение понравилось не всем. Был случай, когда из дальнобойного орудия пальнул по городу имперский крейсер. Дважды обстреливали ракетами здешний берег катера йосских сепаратистов, несколько раз в районе портовых пакгаузов высаживались с моря громилы в масках и с автоматами, устраивали стрельбу и поджоги.

Поэтому, если городским властям чудилась опасность, включать маяк запрещали — чтобы у любителей стрельбы и десантов не было такого прекрасного ориентира.

...Когда солнце спрятало в море верхний край вишневого диска, Лён спустил флаг. И сел на парапет, свесив ноги наружу. Море казалось усыпанным медными искрящимися стружками. Небо у самого горизонта было оранжевым, а выше — лимонным. А еще выше громоздились облачные горы — пунцовые, малиновые, бронзовые. Торжественные, как берег могучей и прекрасной страны. «Великой Империи», — подумал Лён.

Наверно, такой вот чудесной будет страна, когда преодолеет все раздоры и обретет силу, которой славилась в прежние времена...

Жаль только, что краски быстро тускнели: темнота в приморском южном краю приходит торопливо.

Трещали цикады. Сильнее, чем днем, пахло теплыми камнями и морем. Еле слышно плескали внизу сонные гребешки. Уютный такой, ласковый вечер... И впервые за всю неделю не было в душе у Лёна беспокойства. В тайнике под разрушенной лестницей сегодня наконец-то нашел он то, чего ждал.

Позади послышались голоса и звяканье крышки о кастрюлю. Зорко у железной печурки помогал старику готовить на ужин тыквенную похлебку. Старик ворчал. Не на помощника, а

на весь мир. Он был недоволен, что запретили включать маяк.

Но недовольство это было притворным. В глубине души старый Август радовался. Зеленые проблески маячного фонаря создавали помехи при наблюдении за звездами, а сегодня можно было отвести душу.

Телескоп старик устроил из крепостного орудия. Вставил внутрь ствола наклонное зеркало, в запальное отверстие ввинтил оптическую трубку с окуляром, а на дульную часть ствола надел широкий объектив в кольцевой бронзовой раме.

Орудие стояло на поворотном станке, который давал возможность вращать ствол по кругу и поднимать его от горизонта к зениту. Столетний этот станок старик регулярно смазывал. Пушка-телескоп стояла вдали от других, на правом бастионе.

Старик признался мальчишкам, что жители считают его астрономические занятия причудой. Они не знают, что его «пушечный» рефрактор — инструмент высочайшего класса. В крепостном подземелье старик устроил мастерскую и сварил в ней стекло из особого песка. Каждая крупинка песка была микропроцессором с колоссальным объемом памяти. Эти свойства передались объ-

ективу, который старик отлил из такого стекла и тщательно отшлифовал. Объектив не только во много раз сокращал расстояния до небесных тел, но улавливал многие тайны космоса. На волнах особой, неизвестной науке частоты он передавал их компьютеру, который старик прятал в глубоком, защищенном от вибрации помещении.

Мало того, телескоп давал возможность с большой точностью определять по звездам человеческие судьбы. Так утверждал старик Август. Лёну и Зорко он предсказал долгую, хотя и беспокойную жизнь...

Небо интересовало старого Августа гораздо больше земных дел. На Земле, считал он, слишком много развелось людей, которые хотят не работать, а стрелять друг в друга.

— Это гораздо легче, чем землю пахать или строить дома. Этакая профессия — человек с автоматом. Никакого мастерства не надо: только умение целиться да некоторый запас храбрости. А храбрость без царя в голове — свойство совсем не редкое и присущее многим дуракам и мерзавцам. Вот и живут. Вроде бы есть в такой жизни интерес и романтика. И даже героизм. А главное — все, что надо, можно добыть с помощью автомата...

— Не все же так живут, — осторожно заспорил

однажды Зорко. — Многие воюют за независимость.

— Ну да, ну да... Одни за независимость, другие за великую державу. Хотя на самом деле независимость нужна не стране, а каждому отдельному человеку. А всем вместе людям нужна не великая держава, а просто счастливая страна. Такая, где люди не боятся за себя и своих детей...

— Разве одно мешает другому? — не выдержал Лён. — Независимость и счастье...

— Смотря что называть независимостью! История знает немало великих независимых государств, где масса жителей была рабами!.. А сейчас... Двести шестнадцать обитаемых миров нашей Галактики смотрят на нас и пожимают плечами: как это существа развитой цивилизации гробят друг друга! Да еще ухитряются прятать свою корысть в разговоры про великие цели и про святость своих знамен!

Лён отошел. Спорить было бы неосторожно. А согласиться он не мог. Лён верил в святость своих знамен. Он помнил их.

ПРИГОВОР

Знамена стояли на правом фланге замершего строя. Строй растянулся на всю длину громадного

сводчатого зала. За высокими, с полукруглым верхом окнами зеленел старинный парк. Солнце пробивало листву вязов, косыми лучами входило в зал и загоралось на коронах и крыльях имперских драконов — ими были увенчаны знаменные древки.

Знамена были малиновые, желто-бело-лиловые и черные. Государственное знамя, знамя — символ военного братства, штандарт офицерского добровольческого полка «Черные кавалергарды», на основе которого была создана нынешняя гвардейская школа... Штандарты отдельных рот...

У каждого знамени — по два ассистента с обнаженными палашами у плеч. На остриях — тоже вечерние солнечные огоньки. Но в них, в этих огоньках, не было радости.

Висела тишина. Однако чудился под сводами шелест — эхо сдержанного дыхания четырехсот человек.

Лён затравленно, украдкой пробегал глазами по строю. Кокарды, аксельбанты, эполеты, погоны. Чешуйчатые ремешки лиловых беретов на подбородках. Подбородки вскинуты, взгляд — прямо перед собой. Но... быстрые, полускрытые взгляды случались и в его сторону. И не было в них вражды и презрения. У кого-то — болез-

ненный интерес, а у кого-то... пожалуй, даже сочувствие.

А у маленьких — у воспитанников младшей роты и барабанщиков — даже откровенный страх: неужели и с н а м и может когда-нибудь случиться такое?

Малыши они и есть малыши. Не умеют полностью скрывать чувства. Они еще наполовину штатские — и внутри, и даже снаружи. Береты заломлены лихо, но ремешки их натянуты слабо. Суконные брюки с лампасами слишком широки и мешковаты, морщатся на коленях. Синие парадные нагрудники оттопыриваются на мундирах. Погоны топорщатся, будто крылышки... И эти пухлогубые приоткрытые рты...

Лён никогда не был таким. С первого дня форма сидела на нем подогнано и ловко, будто он привык носить ее с младенчества. А в гвардейскую школу его взяли год назад, уже двенадцатилетним.

Это случилось, когда пришло известие о гибели отца. Подполковник Альберт Микаэл Вельский погиб в стычке с йосскими повстанцами на пограничном шоссе близ города Грона. А маму Лён почти не помнил — она умерла, когда ему не было трех лет, во время эпидемии, прокатившейся

по восточным округам Империи. С той поры Лён мотался по дошкольным приютам и школьным интернатам. Отца он видел не чаще раза в год — тот все время был то на одной, то на другой войне.

Прошлым летом Лёна отыскал в летнем интернатском лагере седой, похожий на профессора майор. «Крепитесь, мой мальчик... Отец до последней минуты вспоминал вас... Мы верим, что вы будете его достойной сменой...»

Лён не плакал. По правде говоря, отец в редкие дни свиданий казался ему чужим. Но зато появилась прочная спокойная гордость: «Я сын погибшего героя...»

А гвардейская школа после гадостной интернатской жизни показалась ему раем. Да, порядки были строгие, но в этой строгости ощущалась разумность, ясность и даже красота. Здесь не одобрялось, если кто-то один сильно привязывался к другому — личная дружба считалась сентиментальным чувством мягкотелых штатских мальчиков. Зато между всеми юными гвардейцами было воинское товарищество. Самому старшему курсанту-выпускнику в голову не могло прийти поднять руку или даже грубо крикнуть на малыша-новичка. Побывавшие во

многих битвах командиры-наставники с подчеркнутой вежливостью козыряли в ответ на приветствия девятилетних воспитанников и всем без исключения говорили «вы».

И еще было много чудесного. Захватывающая душу торжественность при разводе караулов; щемящая печаль сигнала «Вечерняя зоря»; величие академической библиотеки, где собраны истории всех войн и подвигов, густота и обширность парка, в котором легко уединиться, чтобы помечтать о подвигах, которые совершишь ты сам. Случаев для героических дел представится немало: войны были во все эпохи человечества и, безусловно, будут и дальше. Тем более что у возрождающей свою мощь Империи врагов предостаточно...

Конечно, ежедневная жизнь укладывалась в рамки уставов не всегда. Случались и шалости. Командиры взводов и рот и сам генерал — начальник школы — смотрели на них с известной долей снисходительности. Видимо, понимали: мальчишки есть мальчишки. Лишь бы их проказы не нарушали — это самое главное! — принципов гвардейской чести и не выходили за известные границы. Ну а если порой и выходили, тогда...

— Курсант Вельский. Весьма сожалею, но вам придется снять пояс и доложить дежурному

командиру, что вы отправляетесь под арест на сутки...

Даже в этом был свой интерес, своя романтика.

...Но сейчас не было никакой романтики, никакого интереса. Только застывший в груди ком — сгусток стыда и горечи.

Лён стоял перед строем уже без формы — в той жалкой интернатской одежонке, в которой привезли его сюда год назад.

Теперь было заметно, как он вытянулся за этот год. Бахрома узких обтрепанных штанов раньше достигала середины икр, а теперь она едва прикрывала колени. Кисти рук беззащитно высовывались из обшлагов тесной вельветовой курточки. Прошлогодние сандалии оказались совсем малы, поэтому штрафнику оставили казенные черные ботинки. По-уставному начищенные до блеска, они казались нелепыми на тощих голых ногах...

Офицеры, стоявшие отдельной шеренгой слева от группы знаменосцев, были неподвижны. Только седой подполковник (бывший майор, приезжавший за Лёном в интернат) надел очки и поднес к ним очень белый твердый лист.

Подполковник читал слегка монотонно, однако внятно и громко...

— ...впервые за все время существования нашей славной школы. Находясь в составе парного караула на одном из самых ответственных постов, проявил преступное небрежение к своим обязанностям и, по собственному признанию, не наблюдал за подходами к складу, а пытался разглядеть в бинокль спутники планеты Юпитер...

«Господи, неужели все верят, что я в с а м о м д е л е мог такое?..»

— ...Что и дало возможность преступным агентам незаконной повстанческой армии йосских сепаратистов совершить хищение нескольких десятков единиц стрелкового оружия. Случай небывалый сам по себе, а в военное время обретающий особую тяжесть, ибо это хищение ощутимо усиливает противника и может послужить причиной гибели многих доблестных защитников Империи...

«Скорей бы уж все кончилось...»

— Учитывая тяжесть преступления, военный трибунал приговорил старшего в ночном карауле — капрала Кроха — к расстрелу...

Чуть заметное шевеление прошло по строю.

— Прошу порядка, господа... — в голосе подполковника слегка поубавилась официальность. — Что касается воспитанника Вельского, то... три-

надцатилетних мальчиков, даже если они носят гвардейскую форму, под трибунал не отдают и не расстреливают. Но его преступление от этого не становится меньше. Командирский совет школы постановил...

Подполковник впервые поднял очки от листа и обвел ими строй. А на Лёна так и не взглянул.

— ...постановил: изгнать бывшего воспитанника Леонтия Альберта Вельского из наших рядов. Оповестить все военные школы Империи, что вышеупомянутый Леонтий Альберт Вельский лишен права быть зачисленным в эти учебные заведения. Он также не имеет права быть принятым ни в какие военные части и учреждения в качестве юного волонтера или сына полка... Кроме того, учитывая тяжесть содеянного, совет командиров решил прибегнуть к дополнительному возмездию и вернуться для этого к традициям кадетских корпусов прежнего времени...

Опять шевеление...

— После процедуры лишения воинской чести бывший воспитанник Вельский проведет ночь в подземной камере гауптвахты, а утром будет подвергнут пяти ударам шомполом от старинной винтовки образца тысяча восемьсот девяносто шестого года. После этого Вельского выведут за

территорию школы и предоставят его собственной судьбе... Публичные наказания запрещены законом, но экзекуция будет снята видеокамерой, и вам придется посмотреть этот эпизод в вечернем выпуске школьных известий... А теперь — приступайте.

Два унтера не грубо, но сильно взяли Лёна за локти и за плечи, надавили, поставили на колени. Тощий молоденький лейтенант с бесстрастным лицом сильно согнул над его головой тонкий клинок. Лён этого не видел, но услышал пружинный звон, когда шпага сломалась.

Тут же его опять крепко взяли за локти и повели из зала (Лён еле успевал переставлять ноги).

КОРТИК ГЕНЕРАЛА

Его заставили спуститься по винтовой чугунной лестнице (закружилась голова). Затем был низкий кирпичный коридор. В середине коридора унтеров и Лёна встретил капитан Харц, адъютант начальника школы. Приказал унтерам:

— Ступайте обратно. Дальше я сам...

Унтера загрохали по ступеням, а Харц взял бывшего воспитанника за плечо.

— Вот сюда, Вельский...

За железной глухой дверью оказалась не камера. Была комната с шелковистыми обоями й портретом Его величества. Без окон, с теплым светом торшера и с покрытой чехлами мебелью.

Генерал сидел за украшенным львиными мордами письменным столом. Он встал.

Он не просто встал, а почти что по стойке смирно. И сказал тихо:

— Садитесь, друг мой...

Лён быстро сел на край кресла. Лбом лег на край стола и зарыдал.

Генерал остановился за его трясущейся спиной. И терпеливо ждал, когда рыдания станут потише. Нагнулся.

— Мальчик мой... Вы не должны стыдиться этих слез. Ничуть. Бывают обстоятельства, когда плачут даже ветераны, много раз смотревшие без страха в лицо смерти. Я понимаю, как вам тяжело... Выпейте это...

Лён стукнул зубами о край стакана. Глотнул. Было что-то холодное, горьковатое, с запахом мяты. Полегчало. Лён всхлипнул, глотнул еще раз, хотел встать.

— Сидите, сидите, — генерал ласково надавил на его плечо. Лён повернул к нему мокрое лицо. Близко увидел седоватый ежик, шрам на худой

щеке, квадратную бородку. Добрые, вовсе не командирские глаза. Лён впервые был так близко от генерала.

— Я понимаю, как вам тяжело... — В голосе генерала были виноватые нотки. — Каким несправедливым оказалось все это... представление. Но ведь и вы понимаете: оно необходимо, чтобы никто-никто не догадался о вашей особой миссии. Невозможно заподозрить курьера государственной важности в мальчишке, которого с позором изгнали из юных гвардейцев...

Лён всхлипнул опять. Генерал сказал негромко, но теперь потверже:

— Гвардеец Вельский...

Лён встал. Рукавом мазнул по глазам и уже не опускал лица.

— Курсант Вельский. Прежде всего от имени имперского генералитета я приношу вам извинения за такое... такую вынужденную меру. Это будет особо подчеркнуто перед строем, когда вы вернетесь. И тут же — возвращение гвардейской формы и достоинства, звание сублейтенанта, которое недавним указом императора приравнено к младшему офицерскому чину. Вам будет вручен офицерский кортик с правом постоянного ношения... Знаете что?! Не просто кортик. Я вручу вам

вот этот, свой... Честное слово, вы заслужили его. То есть заслужите, когда справитесь с заданием. А я уверен, что справитесь.

Оружие, похожее на маленький меч, висело на цепочках, спускавшихся из-под генеральского мундира — у бедра с лампасом. В темно-зеленых кожаных ножнах с оковками, с золотистой витой рукояткой.

Слезы на веснушчатых щеках стремительно высыхали. Лён сдвинул каблуки гвардейских ботинок.

— Господин генерал! Могу я задать вопрос?

— Конечно, мой мальчик!

— Господин генерал... То, что мне поручено, не требует особой смелости и риска. Добраться, найти, встретить, передать... За что же такая награда?

— Ты прав, на первый взгляд поручение не слишком сложное. Но от его выполнения во многом зависят успехи наших вооруженных сил. И нынче, и в будущем. Ты несешь в себе сведения небывалой важности... И дело в том, что донести их можешь только ты... Мы недаром так долго искали именно такого человека. Ваши математические способности, ваше умение воспринимать изображение плоского кинескопа как реальное

трехмерное пространство — все это обратило внимание на вас. Такая уж судьба, что человеком, способным нести информацию, зашифрованную в объеме четырехмерного энергетического биополя, оказался мальчик... Ты, Лён... Ничего, что я обращаюсь так по-дружески? То «вы», то «ты»...

— Спасибо, господин генерал.

— Вы уже почти офицер, Лён, значит, мы люди одного круга. В неслужебной обстановке вы можете тоже обращаться ко мне попросту: Людвиг Валентин... Да-да, я не шучу.

— Спасибо, господин генерал.

— Ну вот!.. Ладно, привыкнете.

— Господин генерал, а можно еще вопрос?

— Конечно! Только не о сути доверенной вам информации. По правде говоря, подробностей я не знаю сам. А вам они тем более ни к чему. Я верю, что в случае провала вы проявите должную твердость, но есть способы развязывать языки кому угодно. Без всяких пыток. Один укол — и дело сделано... А незнание — гарантия тайны...

— Я понимаю, господин генерал...

— Прекрасно... А тайна эта очень важна. Недаром ее нельзя доверить ни радиосвязи, ни секретной фельдъегерской почте, ничему другому. Слишком изощренными стали способы

перехвата и расшифровки...

— Да, господин генерал.

— Скажите, Лён, вы четко помните то, что в вас заложено?

Лён прикрыл глаза. Светящаяся пирамидка из разноцветных переплетенных линий и нанизанных на них желтых мохнатых шариков повисла перед ним в темноте. Темнота была разбавлена зелеными следами от абажура, но пирамидки это не касалось.

— Господин генерал, я помню все! Я не смогу забыть, если даже захочу. Пока не передам запись машине...

— Отлично, Лён... Да, а о чем ты хотел спросить?

— Господин генерал... Капрала Кроха, надеюсь, не расстреляют по правде?

— Ни в коем случае! Сегодня же ему объявят о помиловании. Месяц он проведет под арестом, но арест не будет суровым. Лишь бы капрал не гулял и не болтал лишнего, пока вы не вернетесь...

— А... шомпола? Это... надо обязательно, да?

— Да что ты, друг мой! Ты-то здесь при чем? На эту роль уговорили сына школьного садовника. Ему заплатят...

— Он же совсем на меня не похож!

— Голова на экране будет заштрихована. К тому же в таких случаях объективы направлены... на другое место.

— Но его... не изо всех сил?

— Нет, конечно... Хотя и не совсем в шутку. Надо все-таки, чтобы он поверещал натурально. Ему обещана сумма, которую отец получает за полгода. За такие деньги можно и пострадать слегка. Тем более что этот отрок — не гвардеец, понятия о достоинстве у него попроще...

— А он потом не проболтается?

— За молчание заплатят еще столько же. И к тому же на месяц отправят к дальним родственникам... Не заботьтесь о мелочах, Лён. Думайте о главном: добраться и передать...

— Так точно, господин генерал!

— Лён... ответьте проще: я постараюсь, Людвиг Валентин.

— Да... я постараюсь...

— Вот и чудесно... Вам приготовят здесь постель и ужин. А утром... Да хранит тебя Бог, мой мальчик.

ТЕАТР НА ПЛОЩАДИ

Школа располагалась на краю Ато-Карна, в обширном парке. Парк на севере сливался с лесом.

В этом месте рано утром Лёна встретил молчаливый человек в камуфляже без погон. Дал холщовую сумку с продуктами, проводил неприметной тропинкой на пригородную станцию, что-то сказал проводнику вагона, когда у платформы на полминуты затормозил поезд дальнего следования. Проводник кивнул.

Сутки Лён ехал на верхней полке тесного и душного вагона. Ни с кем не говорил. Жевал сухие крендельки, какие обычно пекут своим внукам на дорогу заботливые бабушки. Запивал холодным чаем из бутылки с газетной пробкой.

Потом, следуя заученной инструкции, сошел на степном полустанке. Почему нельзя ехать дальше, а надо идти пешком, он не знал. Надо — значит, надо. Может, для того, чтобы длинный веснушчатый мальчик больше стал похож на пацана-беженца, который из пострадавшего от атаки неопознанных вертолетов поселка пробирается на юг, к дядюшке-рыбаку...

Целый день Лён шагал через обожженную зноем степь.

Это была уже Куршская территория — независимая, но без строгой границы с Империей.

Солнце казалось косматым рыжим шаром. Трава пересохла и потрескивала, когда Лён ложился

отдохнуть. В колеях скопилась теплая пыль, от которой щекотало в горле. Когда становилось вовсе уж нестерпимо, Лён вспоминал генеральский кортик.

Лён пил у редких колодцев. Загорелая худая бабка на придорожном хуторе дала ему полкраюхи хлеба и горсть абрикосов...

К ночи Лён добрался до поселка Черные Вязы. Сел на автобус южного направления (деньги на билет были). Всю ночь продремал на удобном сиденье, а перед рассветом сошел на крохотной станции в километре от границы: дальше мальчишку без документов не пустили бы.

Границу Льчевской свободной области он пересек в густых виноградниках и не заметил ее. Остановился, когда увидел с холма туманное море и розовый от рассветных лучей город.

На краю Льчевска Лён выспался в беседке заброшенного сада. Доел остатки хлеба, напился из ржавой водопроводной трубы. И окунулся в пестроту приморского города.

Море, корабли и южную жизнь он видел впервые.

Но прежде всего Лён, помня четкие указания, отыскал разрушенную каменную лестницу за арками старинного водопровода. Нашел вывер-

нутую из крепкого грунта ступень, сунул под нее руку. Нащупал похожий на согнутый гвоздь крючок.

На крючке ничего не было.

Ну, нет так нет. Ему говорили, что информация может появиться не сразу. Ладно...

Лён до одури накупался на бесплатном городском пляже. Пообедал в фанерном, пропахшем копченой рыбой буфетике на Лодочной пристани — здесь совсем дешево продавали горячие пирожки с камбалой и хрустящий картофель.

На шумном привокзальном рынке Лён обменял вельветовую курточку на рваную вязаную безрукавку, чтобы больше походить на мальчишку из рыбацкой семьи.

Вспоминались рассказы «тертых» пацанов, которые он слышал еще до гвардейской школы, в интернатах. Безусловно, гвардейская школа — это самое лучшее место на свете, но... В жизни приморского беспризорника была своя прелесть. Кто же не любит свободу и приключения?

Напялив безрукавку, Лён ощутил себя настоящим жителем Льчевска. И, полный любопытства, направился к центру. Белые причудливые дома с балконами и галереями беспорядочно громоздились среди зелени. Подымались в небо башни

старинных церквей. На холмах грелись под солнцем желтые полуразрушенные крепости. Над крышами виднелись корабельные мачты и трубы — узкие синие бухты глубоко входили в город и перепутывались с улицами...

Пестро одетые люди казались беззаботными. На веснушчатого оборванца никто не обращал внимания.

В центре — на Кольцевом бульваре и на площади с серым гороподобным собором — кипел праздник. Какая-то смесь карнавала, веселой торговли и концертов, которыми развлекали публику бродячие музыканты и клоуны.

Носилась в толпе ребятня в пестрых колпаках и звериных масках. Дымно палили игрушечные пистолеты. Улетали в небо отпущенные воздушные шары — иногда целыми гроздьями. Призывно голосили продавцы жевательной резинки и жареных каштанов. Звенели гитары, и гремели электронные усилители.

Коротко стриженная очкастая девчонка сунула Лёну за ворот остатки мороженого. Он взвизгнул с недостойным военного человека испугом. Впрочем, он не был уже юным гвардейцем с приличными манерами. И, как истинный беспризорник, вознамерился дать нахалке крепкого

леща. Но та искренне изумилась:

— Ты что! Это же карнавальная шутка!

Тьфу ты!.. Ну ладно. Может, и правда здесь так полагается.

Неподалеку, на некрашеных подмостках шло кукольное представление. Перед маленькой шаткой сценой толпились взрослые и ребятишки. Было много пацанят с пестрыми сумками и в парусиновых костюмчиках с матросскими воротниками. Воротники — всяких цветов и с разным количеством полосок. Лён сообразил, что это здешние школьники, у которых кончились уроки.

Он протолкался поближе к сцене.

На фоне размалеванного задника приплясывали и кривлялись пять кукол — два солдата и три генерала в форме, похожей на имперскую. Генералы в блестящих ка ках с тремя перьями — лиловым, золотым и серебряны Солдаты делали строевые приемы, вертели головами с л поглазыми бессмысленными лицами и горланили пест (вернее, она неслась из динамика):

Император наш, братцы, герой!
За него все мы, братцы, — горой!
До ближайшей веселой поры,

Когда все полетим мы с горы!..

А генералы — низенький толстячок, тощий дохляк длинноногий горбун — в ответ голосили свое:

Любуйся, доблестная рать:
Мы все — превосходительства!
Приятно, братцы, умирать
Под нашим предводительством!

На наших касках три пера
И гидры многоглавые —
За нас не страшно умирать
С геройством и со славою!

Не верьте, что ведем мы вас
Во тьму дорогой зыбкою.
Вперед! Надеть противогаз
И умереть с улыбкою!

Втроем они учили маршировать армию из двух человек.

Было смешно, ничего не скажешь. Но... это было надругательством над имперскими вооруженными силами. И если юный гвардеец Вельский не мог сейчас вскочить на сцену и крикнуть

наглым актеришкам-кукловодам, что они подлецы, то беспризорник Лён вполне мог швырнуть них гнилым бананом. Тем, что под ногами! Лён стремительно нагнулся, боднул чью-то спину с матросским воротником... И грянула автоматная очередь!

Опытное ухо военного человека сразу узнало голос десантного короткоствольного «Б-1».

Ребятишки и взрослые метнулись кто куда. Некоторые ничком упали на брусчатку. Лён сидел на корточках видел, как с машины, декорированной под старый фаэтон лупит по кукольному театру дядька в клетчатом костюм арлекина. Длинными очередями, от живота. Профессионально! «Бэ-один» бился в его крепких пальцах и злорадно ревел!

Ага, значит, есть и здесь люди, которые не дадут в обиду военную славу Империи...

С машины дали по сцене еще одну очередь и кинули взрывпакет. Холщовый задник пылал, сыпались доски. С помоста прыгали. Один кукольный генерал висел, зацепившись нитками за перекладину...

Люди кричали и бежали. Их почему-то делалось все больше. Несколько раз на Лёна с размаху налетали и наконец повалили. Он вскочил и

тоже побежал. Пуля провыла над головой. Вот сволочи, по людям-то зачем?!

Лёна закрутило в людском месиве. Он растопырил локти, рванулся, оказался у бугристого каменного возвышения. Его толкали, наваливали грудью на гранитную кладку.

Эта кладка круто уходила вверх. Лён уцепился за выступ, заскреб по камням ботинками (давно не чищенными, разбитыми в дороге). Вверх, вверх! И наконец схватился за могучее бронзовое копыто.

Лён понял, что это памятник. Гранитный постамент в виде неровного холма и конная статуя какого-то полководца. Конь прочно стоял на четырех ногах. Лён ухватился за левую заднюю ногу. А рядом — за правую ногу — ухватился растрепанный школьник.

ПОД БРОНЗОВЫМ КОНЕМ

Ярко-зеленый воротник мальчика висел на одном плече. Локти парусиновой голландки были продраны, на коленях — свежие кровавые блямбы. На щеке — царапины, будто прошелся лапой рассерженный кот. В синих глазах — испуг и азарт. Мальчишка часто дышал округленным, как бублик, ртом...

Ну, в точности, как один из маленьких гвардейских барабанщиков, которым разрешали в выходной день переодеться в «домашнее» и поиграть среди парковых зарослей в индейцев — набегаются, накричатся, навоюются, а потом смотрят на подошедшего унтера: не слишком ли мы выпрыгнули за рамки дисциплины?

— Крепко тебя потрепали, — снисходительно заметил Лён. Чтобы спрятать собственный испуг.

Пацаненок не стал притворяться героем.

— Ага... Я так перепугался, когда застреляли. А на меня какой-то дядька с разбега — бряк!.. Я думал, задавят... Ай! — О лошадиный круп чиркнула пуля и с воем ушла в небо. Лён и мальчик мигом распластались под бронзовым конским брюхом — носом в гранит.

Лён поднял ушибленный нос.

— Это случайная. Здесь все же лучше, чем там... — Внизу кричали, визжали, давили друг друга. Теперь это были взрослые, ребятишек не видать. Неужели всех затоптали?.. Кое-кто пытался тоже забраться на постамент, но большим не хватало ребячьей ловкости — цеплялись и съезжали... И вдруг Лён увидел зеленый воротник! Такой же, как на соседе! И услышал:

— Эй вы! Помогите же!

В гвардейской школе учат гимнастике не зря! Лён башмаками зацепился за бронзовое копыто, распластался животом на граните — головой вниз. Ухватил тощие запястья в полосато-зеленых манжетах. Сосед-мальчишка кинулся на помощь.

И в четыре руки они выволокли несчастного. Несчастную!..

Но нет, она не казалась несчастной. Темно-серые глаза сверкали за большими очками сердито и без всякого испуга.

— Психи бестолковые!

— Кто?! — возмутился Лён.

— Кто?! — звонко удивился рядом его помощник.

— Да не вы, не вы! Те, кто внизу. Несутся, как стадо... А те, кто стрельбу поднял, — совсем идиоты! Кругом мирные люди, а они...

— А тот, кто мирным людям сует за шиворот мороженое, он кто? — не удержался Лён. Девчонка мигнула — узнала. Но не растерялась.

— Мороженое — не граната. Оно для здоровья полезное.

— А если к позвоночнику? Тебе бы так...

Конечно, юные гвардейцы должны обходиться

с особами женского пола по-рыцарски. Но это была теория. А практики не было: военная школа — чисто мужское заведение, девочек там видели только на телеэкране. И сейчас Лён опирался на более давний опыт, на свою интернатскую жизнь. В интернатах с девчонками обходились как с пацанами. А сейчас это было тем более уместно: очкастая незнакомка вовсе не напоминала примерную девочку из женского лицея.

— Боишься простудиться? Сейчас сделаю компресс...

Она сдвинула очки на лоб. Села, раскинув ноги циркулем — длинные, коричневые, в мелких порезах и прилипших травинках. Решительно придвинула висевшую на ремне через плечо школьную торбу, поставила между колен. Вынула моток бинта.

— Я же пошутил! — испугался Лён.

— Думаешь, это для тебя? Для него... — Девочка кивнула на мальчика в голландке. — Ну-ка, двигайся ближе!

Мальчик послушно подъехал, протирая на заду тонкую парусину.

— Сиди смирно... — Девочка тампоном промокнула его колени и щеку. Бросила покрасневший марлевый комок вниз (толпа вокруг памятни-

ка стремительно редела). Достала коричневый пузырек.

— Не вздумай дергаться... Молодец... У тебя воротник нашей школы и полоски четвертого класса. Почему я тебя не видела? Я всех четвероклассников знаю.

Мальчик отвернулся и треугольным подбородком уткнулся в плечо.

— Ну, что молчишь? Отвечай давай!

Он не стал противиться такой решительности. Пробормотал:

— Это не мой воротник... Вообще все не мое...

— А чье же?

— Не знаю.

— Как не знаешь? Ну-ка, говори!

«Какое ее дело?» — сердито удивился Лён. И хотел уже вступиться за младшего. Но тот мигнул и спросил шепотом:

— А ты никому не проболтаешься?

— Про что?.. Ну ладно, никому ничего не скажу.

Тогда он нехотя признался:

— Я стащил эту одежду на пляже... У того мальчишки наверняка что-то еще есть, а у меня было тряпье...

— Ты кто? Беженец?

Он посопел и сказал:

— Да.

Девочка умело присвистнула.

— Дела-а... А не похож. Ты с кем сюда приехал?

— Ни с кем, один. Я думал бабушку найти. Но люди в том доме сказали, что она умерла... Я ее плохо помню, она к нам в Орлиное приезжала, когда я был совсем маленький...

«Орлиное — это на границе Йосской области», — вспомнил Лён. Девочка насупилась и спросила довольно безжалостно:

— Ты, значит, сирота?

— Значит... — насупился и мальчик. — Мама и папа были в автобусе, который обстреляли с поста. И сожгли...

— Кто обстрелял? — спросил Лён. Довольно глупо.

— Да уж ясно, что не йоссы! Они по женщинам и детям огонь не открывают...

— Ага! И заложников не берут! И вообще у них белые крылышки за спинами, — не сдержался Лён.

В синих глазах мальчишки — металлический блеск:

— А ты там был?

«Что же я за болван! — ахнул Лён. — Ведь он же

потерял отца и мать!»

Основы этикета и рыцарства воспитывали в юных гвардейцах старательно. За необдуманные слова принято извиняться.

— Прости, я не хотел тебя обидеть.

Мальчик опять округлил рот. Изумленно. Такие слова — от оборванного уличного пацана!

А девочка не удивилась. Сказала слегка ворчливо:

— Давно бы так... — Кивком бросила очки со лба на нос. Повернула их к Лёну: — Ты сможешь о нем позаботиться?

— Как? Я же сам бездомный!.. — И чтобы не было лишних расспросов, сказал сразу: — Меня поперли из военной школы в Ато-Карне. За то, что на посту разглядывал в бинокль планеты... Ну и наплевать, надоела казарма. А сюда приехал, потому что хотел увидеть море...

Украдкой он сцепил пальцы: чтобы судьба не отомстила за обидную ложь в адрес школы. А девочка придвинула к подбородку колени, попыталась натянуть на них подол юбочки и опять — к Лёну:

— А что собираешься делать?

— Понятия не имею... Может, попрошусь в рыбаки.

— Тебя-то у них и не хватало!

— Тебя-то здесь и не спросили!

Она не стала огрызаться в ответ. Почесала над очками бровь. Вздохнула, как уставшая тетенька:

— Что же с вами делать? Свалились на мою голову...

— Мы?! Свалились?! — вознегодовал Лён. — Ты сама на нас свалилась!

— Вернее, взлетела, — уточнил беженец в краденой голландке. — С земли — сюда.

— С нашей помощью! — поставил увесистую точку Лён.

Она покивала:

— Вы меня спасли. Ладно... Вам нужна крыша над головой?

— Да, — быстро сказал маленький беженец.

Лён пожал плечами. Он был уверен, что обойдется без помощи девчонки. Но... почему-то не хотелось так сразу расставаться с ней. И с этим вот растрепанным и решительным пацаненком. Худо все-таки совсем одному. А мальчик, что ни говори, похож на маленького гвардейца-барабанщика. Даже не пикнул, когда она его прижигала... Лён сказал:

— Крыша — это хорошо. Если только не в поли-

цейском приемнике для беспризорников...

— Вы за кого меня принимаете!

— Пока ни за кого, — улыбнулся Лён. — Мы же тебя не знаем. Скажите хотя бы ваше имя, сударыня.

Девочке, видимо, пришелся по душе светский тон. В ней — нескладной «очкарке» — шевельнулось кокетство:

— Меня зовут Динка. Или Дож-Динка. Знаете, почему? Из-за этих капель... — и она тронула мочку уха. Там блестел крошечный шарик-сережка.

— Правда похоже! — обрадовался мальчик. — А меня зовут Зорко... Или Зорито. Иногда...

— А меня Леонтий... Или попросту Лён.

— А меня не только Дож-Динка. Иногда еще — Ль-Динка.

— Потому что капли иногда превращаются в лед, да? — весело догадался Зорко.

— Не в том дело. Просто Динка из Льчевска. Дедушка так зовет иногда. Я сшила ему льчевский флаг...

— Твой дедушка владелец судна? — проявил догадку Лён.

— Он владелец крепости и смотритель маяка. Вы можете у него жить. Сколько хотите.

— Он нас не прогонит? — опасливо спросил

Зорко.

— Не бойся. Ему будет веселее.

— Крепость и маяк — это весьма романтично. — Лён опять подпустил в разговор светскую тональность.

— А ты думал! — И она, прихватив юбочку, поехала с постамента, будто с ледяной горки. Ребята — за ней.

И пошли через площадь, на которой было теперь пусто. О случившемся напоминали потерянные туфли, растоптанные сигарные коробки и раздавленные на брусчатке очки.

СТАРИК И ДЕТИ

В старике Августе как бы сочетались два человека. Один — этакий отставной матрос береговой службы, привыкший к неторопливой одинокой жизни и нехитрой работе. Другой — старый интеллигент-книжник с манерами джентльмена и склонностью к философским умозаключениям.

Ходил он в холщовых штанах и в обвисшей вязаной фуфайке, но под фуфайкой всегда была чистая сорочка. И брился старик тщательно, каждое утро, а редкие пепельно-седые волосы гладко зачесывал на прямой, как натянутая нитка, пробор.

Большие квадратные очки старика всегда были хрустально чисты, он то и дело протирал стекла подолом. Но смотрел старик Август на собеседников обычно поверх очков — разными своими глазами — один серый, другой серо-зеленый. В левом (серо-зеленом) глазу зрачок был не круглый, а с короткой отходящей вниз щелкой и напоминал замочную скважину. Иногда казалось — многомудрый Август смотрит через эту скважину в твое нутро. Впрочем, так было лишь поначалу. Скоро мальчишки привыкли. Тем более что старик ни о чем не спрашивал: пришли, ну и живите, на Земле всем должно хватать места...

В городе Льчевске никому не было дела до того, кто такой старик Август. Вернее, кем он был раньше.

А был он профессором университета, доктором астрономии и философии и директором столичной обсерватории. Его научные труды пользовались известностью во многих странах.

Но все это было во времена, когда страна, хотя и называлась Империей, жила без императора. И ничего жила, не хуже соседних государств. Однако случились выборы в Государственный совет, и на них победили люди, считавшие, что без императора никак нельзя. И тогда императора

тоже выбрали. И стали бороться за укрепление его власти.

Боролись везде. В академических кругах — тоже. И вот на какой-то научной конференции бойкий молодой член-корреспондент внес предложение: надо, мол, господа ученые, активно выступить в поддержку императорской династии. И попросил высказаться на эту тему авторитетного философа Августа Кристиана Горна.

Профессор высказался. В том смысле, что он занят проблемами многомерного космоса и что по сравнению с этим космосом император с его династией и всеми его заботами такая несоизмеримая малость, что недостойна даже микроскопа. А он, доктор Горн, привык иметь дело с телескопами повышенной кратности.

После этого он очень быстро перестал быть профессором и директором. И чуть-чуть не перестал быть вообще. Потому что трижды на него нападали «пьяные хулиганы», один раз чуть не сбила машина и два раза под фундамент его дома подкладывали солидные порции взрывчатки. Первый раз такой заряд не сработал. Второй раз, к счастью, хозяина не оказалось дома. Но и самого дома после этого не оказалось.

Доктор Горн был вдовцом, жил один. Он упа-

ковал в чемодан уцелевшие вещи и рукописи, познакомился через друзей с опытным проводником-контрабандистом, и тот провел его через границу на территорию вольного города Льчевска.

Здесь жила его дочь с мужем и девочкой Динкой.

А сам доктор Горн сделался стариком Августом и стал жить у друга в полуразрушенной приморской крепости.

Друга звали дядюшка Гафель. Они с Августом дружили еще в ту пору, когда были тощими коричневыми пацанами и обдирали колени на здешних береговых скалах. Потом они после окончания двухгодичной мореходки ходили штурманами на многопалубном лайнере «Каролина».

Затем их дороги разошлись. Август ушел в науку, а его друг покалечил во время шторма ногу и стал смотрителем маяка (тогда-то он и получил прозвище Гафель).

Островок и крепость Гафелю так понравились, что он даже приобрел их в свою собственность — так же, как покупают старые дома и дачи. В те годы сделать это было нетрудно: среди властей царила неразбериха, земельные участки прода-

вались за бесценок, а крепость считалась никому не нужными развалинами, почва на островке была совершенно бесплодной.

Сложность возникла только с маяком — он-то был нужен городу и порту, продать его власти не имели права. Наконец договорились, что маяк останется городской собственностью, а те квадратные сажени, на которых он стоит, дядюшка Гафель будет сдавать городу в аренду. За маленькую, чисто символическую плату.

Два старика дружно зажили вдвоем. Занимались нехитрыми своими делами и предавались воспоминаниям о прошлом. Но через год дядюшка Гафель умер, оставив крепость и все хозяйство в наследство другу.

Старик Август оказался в одиночестве.

Вообще-то астрономы — привыкшие к одиночеству люди, но все же старик иногда скучал. Дел у него было немного. На закате он включал, а на рассвете выключал маячный огонь. В полдень, сверившись время по корабельному хронометру, стрелял из старинной пушки — такая была в городе Льчевске традиция.

Продолжал старик заниматься и звездными наблюдениями, но это — ночью. А днем что?

В крепости было немало подземелий, где ста-

рик то и дело находил всякие интересные вещи — старинные корабельные фонари, ржавые абордажные кортики, чугунные ядра, мятые панцири и медные шлемы, какие в прежние времена носили морские солдаты. Ну, и многое другое.

Все эти находки старик Август поместил в нескольких каменных помещениях — устроил небольшой музей. Стали наведываться туристы.

Но туристы — народ мимолетный, а постоянного соседа и собеседника не было. Забегала иногда внучка Динка, но она такая стрекоза! Поболтает минут пять и умчится... Ну, по правде говоря, иногда она помогала по хозяйству. И даже бывало, что оставалась ночевать и уютно сидела у деда под боком, когда он осторожно дышал у телескопа. Но это случалось не очень-то часто.

Поэтому старик обрадовался, когда Динка привела двух мальчишек. Они и порядок наводить помогут, и в подземельях покопаются, чтобы добыть еще кой-какие музейные вещи — для них это одна радость и приключение. И будет с кем перекинуться словом за вечерним чаем.

А насчет кормежки бывший профессор не беспокоился. Жалованье маячного смотрителя было, конечно, невелико, но на хлеб хватит. Да и музейчик давал кое-какой доход. К тому же в ка-

менной кладовой хранился запас муки, макарон и несколько ящиков с морскими консервами...

В первое же утро мальчишки с понятным интересом обследовали все три бастиона. Потом зажгли керосиновый фонарь с парусной шхуны «Аскольд» и полезли в подземные бункеры. И раскопали там два деревянных блока-юферса от какого-то парусника позапрошлого века, ржавый шлюпочный якорь, обломок шпаги с витой рукояткой и... вот удача-то! — два кремневых пистолета.

Когда пистолеты отчистили, оказалось, что они исправны — ржавчина не повредила пружины. Заряжай и пали!

Старик сказал, что можно будет попробовать. Но не сейчас. Потому что пришло время для более могучего выстрела — скоро двенадцать часов.

Старик принес из глубокого, со стальной дверью, бункера заряд в холщовом мешочке. Заложил его в жерло широкой бронзовой каронады. Перед этим он в каменной «штурманской рубке» сверил с хронометром свои карманные часы. Теперь старик Август держал часы в левой руке, а в правой — длинные щипцы с раскаленным в жаровне угольком. И помахивал щипцами, чтобы уголек не погас.

Мальчишки наблюдали за этой процедурой с тихим восторгом. Младший, правда, на всякий случай зажал уши. Ну ничего, со временем привыкнет. Все привыкают. Вон даже лохматый Румпель не вздрогнул, когда каронада гулко ухнула, выбросила синий круглый дым и откатилась вверх по наклонной площадке. И водяной петушок Тиви не обратил внимания — топтался на развалившемся Румпеле и выклевывал из шерсти букашек.

Младший поморгал, пригладил взъерошенные волосы, переступил побитыми о подземные камни ногами.

— Вот это грохнуло!

А старший деловито спросил:

— Выстрел не нарушит автоматику маяка и ход хронометра?

— Нет, механизмы в глубине... Через полчаса наверняка примчится Динка, в полдень в гимназии кончаются уроки...

Динка и правда скоро появилась в крепости. Длинноногая, решительная, в таких же, как у деда, очках, с такими же разными глазами и зрачком-скважиной. Глянула внимательно:

— Как устроились, господа артиллеристы?

Лён от смущения повел себя нахально: прижал

к бедрам ладони, сдвинул каблуки и гаркнул:

— Осмелюсь доложить, ваше благородие, все благополучно!

Динка снисходительно фыркнула.

— Дед, ты следи, чтобы умывались, а то одичают хуже Ермилки...

— Хуже кого? — с веселым любопытством подскочил Зорко.

— Секрет... Ну-ка, дай я пришью твой воротник, пока совсем не отлетел...

Потом Динка приходила каждый день. Дурашливо переругивалась с Лёном, с ворчанием расчесывала деревянным гребнем Зоркины спутанные волосы, которые «и не волосы вовсе, а пакля кудлатая» (Зорко тихо повизгивал — похоже, с удовольствием); помогала деду готовить обед... Иногда купалась с мальчишками на узком каменистом пляже под скалами...

Так бежали день за днем. Беззаботные, похожие друг на друга. С утра Лён уходил в город — купить что-нибудь на рынке. Случалось, что Зорко тоже убегал. Вместе они по городу не гуляли, словно молчаливо условились: не будем слишком надоедать друг другу, достаточно и того, что мы в крепости все время вместе.

А может быть, Зорко чуял, что у Лёна есть в

городе какие-то свои дела. Чуять-то чуял, но деликатно скрывал любопытство.

А дело у Лёна было одно: наведаться к разрушенной лестнице и проверить — нет ли сообщения?

Нашел он, что искал, через неделю. На крючке висела оплетенная изолентой пластмассовая коробочка. Такая, в каких бывают упакованы игрушки-сюрпризы, спрятанные внутри шоколадных яиц.

Лён занервничал, оглянулся, сорвал ногтями изоленту с проволочной петлей, разомкнул скорлупки. Вытряхнул на ладонь бумажный клочок...

Ничего особенного. Обыкновенная бумажка, обыкновенным синим фломастером написанные буквы:

«16-го сентября в 22.30 на Старой Катерной пристани у левой причальной пушки. Вас позовут».

Вот и все. Никакого пароля и отзыва, никакой шпионской напряженности. Позовут — и все будет хорошо.

И стало легко на душе. Легко вдвойне, потому что до шестнадцатого было еще четыре дня. И можно в оставшееся время совсем уже без тревоги жариться на солнце, бултыхаться в море, смотреть по ночам на звезды и болтать с Зорко... С Зорко-Зорито, которого знаешь будто всю

жизнь...

Жаль только, что всего четыре дня.

Жизнь в крепости была такая, что хотелось: пусть она тянется как можно дольше.

Стыдно признаться, но юного гвардейца Вельского тянуло в родную школу уже не так сильно, как раньше. По правде... если совсем по правде, то в глубине шевелились мысли и вовсе постыдные. Преступные. Такие, за которые справедливой была бы даже порция шомполов. Потому что проскакивало в голове иногда: «Жить бы вот так всегда, и не надо больше ничего. Только бы Динка приходила каждый день...»

За это мысленное дезертирство Лён однажды дал себе по уху. Крепко. И вроде бы очухался... Но четыре ближайших дня были законными каникулами. Этой радости можно не стыдиться!

Лён оглянулся опять. Изорвал в мельчайшие клочки бумажку, пустил их по ветерку. Потом бросил в заросли дрока пустые пластмассовые половинки, засвистел и направился «домой».

ДВОЕ

Безоблачный горячий день медленно тек над бастионами. Словно разогретый солнцем воздух. Несколько туристов разморенно бродили по

крепости. Море чуть плескалось у бастионных подножий.

Лён отыскал Зорко у воды, под скалами.

Спешить было совершенно некуда. Зорко и Лён искупались, попрыгали в воду с горячих камней, погонялись за маленькими резвыми крабами (это были, конечно, крабы-пацанята, они любили играть). Полежали рядышком на песке, перемешанном с мелкой галькой. Потом Зорко искал раковины, а Лён помогал ему.

Раковины были небольшие, но красивые, разных форм и расцветок. Зорко и раньше их собирал. Чистил, промывал, сушил на бастионном парапете. Некоторым он придумывал имена — самые неожиданные: Штопоренок, Тетя Клава, Микки-Маус и даже почему-то Лихорадка...

А на этот раз он отыскал круглую, с широкой щелью раковину-великаншу. Она была серая, бугристая снаружи, а в щели светилась желто-оранжевая глубина.

— Ух, какая! — Зорко поднес раковину к уху. — Поет... Лён, послушай.

Лён послушал.

— Да, гудит... Как ты ее назовешь?

— Улыбка клоуна! Смотри, какой большущий рот... Или нет... я потом придумаю.

Зорко оставил раковину в руках у Лёна и ускакал вперед — резвый, как Тиви.

Давно уже ухнула над бастионом каронада (напугала ленивых туристов).

Лён догнал Зорко.

— Что-то Динки нет. Обычно она прибегает вскоре после выстрела.

— Ах, что-то Диночки долго нет! Ах, кажется, кто-то страдает! — пропел Зорко.

— Ах, кто-то заработает подзатыльник!

Зорко засмеялся и упрыгал в тень горбатой скалы.

Там он лег на плоский камень, хитро глянул на Лёна и что-то начал выводить на песке пальцем. Потом увлекся и больше не оглядывался.

Лён крадучись подошел. На песке было нацарапано:

L-Динка + Lён — Lю...

Зорко с тихим сопением выводил букву «б».

— Та-ак... — зловеще сказал Лён.

— Ой... — Зорко дернулся, но понял, что ему не удрать. Зажмурился, лег щекой на камень и жалобно выговорил: — Это шутка. Такая маленькая забавная шуточка... Я больше не буду.

— Конечно, не будешь, — злорадно пообещал Лён. — Утопленники не шутят...

Он сгреб Зорко с камня и потащил на скалистый двухметровый выступ.

— Ай!.. Ой... — Зорко дурашливо махал руками и ногами. — Спасите! Меня хотят скормить акулам!

— Хотят, хотят... — Лён принес его на каменную кромку. — Есть у тебя последнее желание?

— Нет... Ой, есть! Пусть одна длинная очкастая девица каждый год в этот день приносит на берег цветочки. В память о невинно погибшем... Ай!..

Лён кинул его в зеленую прозрачную воду — под выступом было глубоко. В этой воде Зорко сразу превратился из облупленно-коричневого в бледно-желтого. Забарахтался, пустил пузыри. И стал опускаться на дно.

Конечно же, он дурачился. Но Лён обмер от мгновенного страха. И сиганул с камня. В зеленой прозрачности он разглядел Зорко — руки и ноги у того двигались беспомощно, как водоросли. Лён ухватил Зорко под мышку левой рукой, а правой сделал несколько сильных гребков.

На поверхности Зорко забарахтался, засмеялся и вырвался. Вразмашку добрался до пляжа. Заплясал на песке:

— Испугался, что я правда потону, да?!

Лён сделал вид, что хочет догнать его. Зорко

отбежал и бросил в Лёна пригоршней мелкой гальки. Потом растянулся на песке.

— Лежачего не бьют.

— Хитрый, — вздохнул Лён и упал рядом.

— Ага, я хитрый, — согласился Зорко. С непонятной грустинкой. — Думаешь, почему меня иногда звали Зорито?

— Ну почему... Уменьшительно от Зорко.

— Не-а! Не от Зорко, а от «Зорро». Есть такое кино — про благородного разбойника. Его прозвали Зорро. А по-испански это значит «Лиса».

— Я знаю, мы учили испанский в интернате. И кино я видел...

— Ну вот! Значит, должен понимать. «Зорро» — «Лиса», а «Зорито» — «Лисенок»...

Лён смотрел с сомнением.

— Не похож ты на лисенка.

Зорко уткнулся в песок острым подбородком. Левой пяткой почесал правую щиколотку.

— Это я снаружи не похож. А внутри я хитрый. Изворотливый...

— Кто? Ты?!

— Ага... Я лучше всех прятался в кустах, когда играли в горное восстание... И умел притворяться...

— Как притворяться? — насупленно спросил Лён.

— Ну... умел смеяться, когда хотелось плакать... — Зорко поглубже зарылся подбородком в песок. По нижнюю губу. Отдул песчинки.

«И часто так бывало?» — хотел спросить Лён, однако не решился. Зато возразил уверенно:

— И все-таки «Зорито» — не «Лисенок».

— Это почему? — капризно сказал Зорко.

— Во-первых, тогда надо было бы говорить раскатисто, с двумя «р» — «Зоррито»...

— Это писать надо с двумя, а говорить можно и так...

«Просто у тебя, у голубка, проскакивает йосский акцент, — усмехнулся про себя Лён. — Йоссы звук «р» всегда глотают...» И хотел спорить дальше:

— А во-вторых...

Но тут их позвал с бастиона старик Август...

НЕВИДИМКА И ЗВЕЗДЫ

Динка появилась только вечером, когда Зорко и Лён сидели на парапете и смотрели на заходящее солнце. Сегодня оно уходило в сизую дымку, и ярких красок не было.

Зорко и Лён раздвинулись, Динка села между ними. Оправила школьную юбочку, закачала ногами. Ноги снова были в мелких порезах и травинках — как в день знакомства.

— Ты что, по болотам гуляешь? — неловко спросил Лён. Потому что Динка заметила, как он разглядывает ее ноги.

— Конечно! Каждую пятницу, а то и чаще. Только там не совсем болота, а заросшие пруды с островками и кочками. На одном островке живет Ермилка.

— Кто?! — звонко удивился Зорко.

— Мальчик такой. Чуть поменьше тебя...

— А... как он там живет? Зачем?

— Живет и все...

— Беженец? — спросил Лён.

— Ну... можно сказать и так... У него мама и папа плыли на теплоходе «Константин», когда его захватили йосские десантники. Всех взяли в заложники. А когда морская пехота брала «Константин» на абордаж, многих заложников там постреляли...

— Йоссы не стреляют заложников, — сумрачно сказал Зорко.

— Там не разберешь, кто стрелял. Палили с двух сторон, а про пассажиров и не думали... Вот Ермилка и остался один. И ушел туда... Он никого не хочет видеть. Вернее, не хочет, чтобы его видели. Говорит, что одному жить лучше. С бабочками, стрекозами и лягушатами...

— А зимой? — поежился Лён.

— У него хижина, а в ней солома и сухие камыши. Он в них зарывается и спит до весны...

— Сочиняешь, — догадался Зорко.

— Ничуть не сочиняю!

— Но он же не медвежонок!

— Нет... Но и не обыкновенный мальчик. Он...

— А чем он питается, когда не спит? — недоверчиво перебил Лён.

— Иногда я ношу ему хлеб и молоко... Но он может совсем не есть. И неделю, и месяц, и хоть сколько. Просто ему нравится, что я прихожу и приношу гостинцы. И книжки... Мы познакомились в прошлом году, когда я там охотилась за тритонами для школьного террариума. Знаете, что такое террариум?

— Знаем! — Зорко стукнул босой пяткой о камень. — Ты скажи: он так и живет там целых два года? Ведь «Кон-стантин»-то штурмовали в позапрошлом году!

— Так и живет. Как Маугли. Только без волков...

— Но он же тогда был совсем маленький! Не мог он один, — опять не поверил Лён.

— Восемь лет ему было...

— Значит, сейчас он не младше меня, — при-

дирчиво заметил Зорко.

— Ему и сейчас восемь лет.

— Лён, давай спихнем Враль-Динку вниз! Чтобы не пудрила нам извилины!

— Да правду я говорю! До чего бестолковые! Вы дослушайте до конца! Он не простой мальчик, а невидимка!

— Лён, ты ее с того бока, а я с этого...

— Ай! Дурни!.. Ну, честное же слово! Он стал таким, потому что... ну, это, наверно, как болезнь... Я же говорю, он не хотел, чтобы его кто-нибудь видел. Он перестал верить всем-всем людям, вот!.. И от всех скрылся, вот!.. А у невидимок время почти не движется. Поэтому Ермилка не растет. Вернее, он растет, когда превращается в нормального, в видимого, но это бывает очень редко, на несколько минут. Он не хочет, чтобы про него знали. Только со мной подружился...

— Почему? — слегка ревниво спросил Лён.

— Ну... надо же с кем-то... Он же почти малыш, тоскливо совсем одному... Он все про себя рассказал. Признался, что по ночам иногда плачет. Это когда совсем темно, нет луны... Но вообще-то он веселый. Проказник...

Лён вдруг поверил. Почти. Зорко, видимо, тоже. Он спросил:

— А какие книжки этот Ермилка любит?

— Сказки про зверей... Он там организовал хор из дрессированных лягушат. Он рассказывает, что среди них есть говорящие...

— Врет, — уверенно сказал Зорко.

— Ну, может быть, фантазирует... Вообще-то он иногда бывает вредный. Упрямый. Особенно когда приходится лечить его ссадины-царапины. Он ведь там то и дело обдирается о колючки, потому что бегает голышом. Думаете, я почему таскаю в сумке всякие медикаменты? Из-за этого обормота...

— Как же ты мажешь йодом его, невидимого? — усмехнулся Лён.

— Велю сделаться видимым. Ну, не полностью, этого он стесняется, а ту часть, которую надо лечить... Хуже, когда он болеет весь. У него то и дело кашель или мокрый нос. А недавно схватил простуду с температурой. Я принесла ему аспирин и колдрекс, а он за два дня не проглотил ни порошка, ни таблетки. Да еще кукарекает и дразнится...

— Значит, не очень больной, — рассудил Лён.

— Он меня вывел из себя! Так, что я ему даже всыпала!

— Как? — удивился Зорко.

— Очень просто. Сказала «иди сюда», взяла за

локоть и дала такого шлепка, что его дрессированные лягушата расквакались на всю округу.

— Бедняга, — вздохнул Лён. — А почему он от тебя не спрятался?

— Посмел бы только! Он меня слушается...

— Слушается, а лекарства не пьет, — поддел Зорко.

— Потому что глупый...

— А как же ты не промахнулась при шлепке-то? — хихикнул Зорко. — Или ты велела ему сделать т о с а м о е м е с т о видимым?

Динка сказала, что это лишнее. Она и так знает, где у вредных мальчишек находится место, по которому учат уму-разуму. И кое-кто в этом сейчас убедится, если не перестанет ехидничать.

Зорко хихикнул опять:

— Я-то не невидимка.

— Тем более, — сурово отозвалась Динка. И опять запечалилась из-за Ермилки. — Ну его... бестолковый такой. Я реву от досады, а он меня дразнит: «Ты не Динка, ты Зинка. Не «Дож», а «Сле...».

— Невоспитанный ребенок, — голосом старинной классной дамы заявил Лён. — Ты должна быть с ним более строгой. А то неизвестно, кто из него вырастет... Ох, да он же не растет!

— Пока не растет. Не хочет... Он знаете, что мне сказал, когда помирились? Уткнулся невидимым носом мне в колени и шепчет... нет, не скажу...

— Ну, Ди-инка! — взвыли Зорко и Лён. Зорко добавил: — Интересно же!

— Вам интересно, а я... Я потом скажу...

— Эй, дамы-кавалеры! — окликнул из сумерек старик Август. — Ужинать будете? Или мы с Румпелем и Тиви все поделим на троих!

Динка вскочила.

— Дедушка, мы идем!

Динка осталась ночевать.

Все долго не ложились. Маяк опять не горел. Это была пустая предосторожность: все равно за скалистым островком с крепостью переливался огнями и рекламами бессонный и шумный Льчевск — с моря его было видно за много миль. Но приказ есть приказ. Старику это было только на руку. Он снял с объектива на пушке парусиновый колпак.

— Дедушка, ты дашь нам посмотреть?

Старик Август дал. Смотрели подолгу. Ярусы звезд висели в черноте. Прямо задохнуться можно, какая она громадная, эта чернота и такое бесконечное в ней количество звездных миров. Среди звезд светились похожие на фосфориче-

ских медуз туманности. А разноцветные шарики планет похожи были на потерявшиеся елочные игрушки. Рядом с ними мерцали бусины спутников...

— Ну, молодые люди, пора и честь знать, — время от времени напоминал старик Август. — Мне надо работать.

«Молодые люди» говорили «ага» и опять с сопением оттирали от окуляра друг друга.

Наконец пустили к телескопу и деда. Он склонился над окулярной трубкой и спросил, не отрываясь:

— Убедились, как грандиозно мироздание?

— Ага, — выдохнул Зорко.

— То-то, что «ага»... Надеюсь, поняли, какая мелкая капля в этой бесконечности наша Земля? И как мелочно то, чем люди на ней занимаются. Все их беды и заботы...

Лён подумал и возразил:

— Мелочны, если смотреть оттуда, из космоса. Тогда Земля — шарик и все заботы — пустяки. А если вплотную...

Зорко тоже возразил из темноты:

— Когда убивают отца и мать — это не мелочь, хоть откуда смотри...

— Милые мои... — Старик Август, видимо, сму-

тился. — Я не о том... Вернее, как раз о том, как глупо и преступно убивать друг друга, когда все мы живем на одном крошечном шарике...

Лён приказал себе молчать. Зорко тоже молчал. Скорее всего, без приказа. Может, боялся заплакать.

Динка сказала:

— А что сделать, чтобы не убивали? Дед, ты знаешь?

— Не знаю... Все зависит от людей. От того, чего они хотят и во что верят. Одни строят в своем сердце храм, другие военный штаб...

— А если обсерваторию? — поддела старика Динка.

— Обсерватория — тот же храм. Ближе к звездам — ближе к Богу. Сказано, что Бог есть любовь. Если в каждом будет Бог, штабы станут не нужны...

— Как любить того, кто убил отца? — тихо спросил Лён.

— Не знаю, — вздохнул старик Август. — Честно скажу, не знаю... Но кто-то же должен остановиться первый.

— А второй тогда остановится? — опять спросил Лён.

И старик Август снова сказал, что не знает.

А цикады трещали в старой крепости без умол-

ку. Словно от самих звезд шел сухой стеклянный звон. А еще было слышно, как скребется в конуре косматый Румпель. Рядом с конурой, сунув голову под крыло, спал Тиви. Но он-то спал совсем бесшумно.

СКАЗКА О МЕСЯЦЕ

Наутро они втроем искупались под скалами. Потом Динка сказала, что пора в школу. Лён решил проводить ее.

— Ничего, что с тобой пойдет такой оборванец?

— Кому какое дело!.. И, между прочим, выглядеть оборванцем сейчас даже модно.

Зорко сказал, что пойдет с ними. Но потом в секунду передумал — словно что-то вспомнил.

— Нет, я останусь... Раковины поищу...

А когда они ушли, тоже побежал через дамбу. Сам по себе...

Лён побродил по пестрым улицам, по шумному рынку. Проиграл две серебряные монетки жуликоватому парню, который дурил голову обступившим его людям с помощью пластмассовых стаканчиков и шариков.

Лён отлично видел хитрости этого мошенника и мог бы легко обставить его. Но это вызвало бы

подозрение. К тому же у парня наверняка вертелись рядом дружки...

А монеток было не жаль. Денежный запас, который Лён получил в школе и держал в потайном кармане у пояса, не был израсходован и на треть.

И все же Лён поторговался с теткой, которая продавала арбузы, — так, чтобы не выходить из роли. И торговка эта, спешившая домой, уступила самый большой арбузище буквально за гроши.

— Кушай на здоровье, да не лопни. Люблю таких, у меня племянник конопатый, вроде тебя...

Что она сказала бы, увидев «конопатого» в парадной форме, при аксельбантах и тканом золотом поясе?

Лён притащил арбуз на бастион и увидел Зорко, который жарился на парапете и раскладывал раковины...

Вечером, когда опять сидели на каменном ограждении — лицом к морю, — Зорко сказал:

— Я придумал имя для той большой раковины...

— Какое, Зорито?

— «Камин»... Знаешь, почему? Потому что она снаружи серая, как камень, а внутри оранжевая, будто там огонек...

— Похоже, — согласился Лён. — Зорко, а ты знаешь, что такое «камино»? Не «камин», а «камино»...

— Наверно, круглая печка, — хихикнул Зорко и поежился. Он был без голландки, а с моря потянуло ночной свежестью.

— Сам ты печка... «Эль камино» по-испански значит «дорога»... В том интернате, где я жил до военной школы, была одна воспитательница, не похожая на других. Добрая. За это ее потом прогнали... Звали ее Камилла. Похоже на «камино», верно? Она рассказывала нам про Дорогу...

— Про какую? — шепотом спросил Зорко. И придвинулся вплотную к теплому Лёну. Тот ладонью прикрыл его колючее плечо.

— Про Дорогу, которая среди звезд. На нее люди уходят после жизни на Земле...

— Бабушка говорила, что они уходят в рай или в ад. Кто что заслужил...

— Может быть... Но есть еще Звездный тракт. Иногда он тянется прямо через космос, и звезды рядом с ним — совсем маленькие. Ну, как Динкины сережки... Не хихикай, балда... Их можно потрогать руками... А иногда он похож на простую земную дорогу. Это где как. Он же бесконечен, там бывает всякое...

— А зачем этот тракт?

— Вообще-то он называется не тракт, а именно Дорога... Зачем? Там встречаются все, кто потерял друг друга в этой жизни. Те, конечно, кто хотят. И кого ищут...

— И можно встретить родителей?

— Запросто... Неизвестно только, долго ли надо идти. Но это не так уж важно, времени там у каждого сколько хочешь. Вернее, его там просто нет...

— Как у невидимого Ермилки?

— Что?.. Да, правильно! И вот ты идешь, идешь и когда-нибудь встречаешь тех, кого ищешь... Может, даже тех, кого на свете не было...

— Как это?

— Ну... вот у меня должен был родиться брат. Мама умерла, когда ждала ребенка. И сделалось, что ни ее, ни брата... А теперь он был бы такой, как ты...

Зорко перестал дышать и придвинулся еще чуть-чуть. Лён продолжал полушепотом:

— А там, на Дороге... там может получиться, что мой брат есть. Там исправляются всякие несправедливости судьбы.

— Хорошо бы... А это правда?

— Так говорила Камилла...

— А ты веришь?

— Пожалуй, да...

Облака совсем догорели, растворились во тьме. Это была узкая гряда, она не закрывала ни зенита, ни горизонта. В зените опять белыми гроздьями вызревали звезды. У горизонта доцветала бледно-зеленая полоска. А над ней висел запрокинувшийся месяц.

Скоро месяц совсем съехал к горизонту, порозовел и должен был вот-вот коснуться воды. Наверно, всей природе казалось, что это очень важный момент. Даже цикады притихли.

Зорко повозился под ладонью Лёна и шепнул:

— Месяц похож на малыша, который собрался купаться. Вода в ванне горячая, вот он и присаживается осторожненько... Я помню, как меня мама купала.

— Тебе хорошо...

— Почему?

— Всегда хорошо, когда помнишь что-то такое... А я помню только казенные бани, там осторожничать некогда: скорее, скорее... Зорко, а когда он коснется воды, она зашипит.

— Почему?

— Потому что на самом деле не вода, а он горячий...

— Ага! И ему приятно охладиться, верно?

— Конечно! Он перегрелся на своей вахте в небе... Вот он все глубже, глубже и повизгивает от удовольствия...

— А кругом пар...

— А рыбы и медузы расплываются в панике...

— Сперва расплываются. А потом опять все ближе, ближе, ближе... Они же любопытные, морские жители... А месяц — он как светящаяся подводная лодка. И всякая морская живность может на него забраться, в его лунные кратеры. Они на нем — как оспины...

— Точно! И вся эта подводная братия путешествует на месяце, пока он плывет через океан! Ему ведь надо успеть к другому краю, чтобы взойти через полсуток...

— Да! Лён!.. А когда он опять начинает выползать в небо, они перепуганно плюхаются с него в воду. Медузы, морские коньки, камбалы...

— И русалки...

— Похожие на Динку, некоторые в очках... Ничего, что в очках, все равно симпатичные...

— Ой, кого-то сейчас за вихры и в воду...

— Не-а... А с нижнего конца месяца, с его подбородка — дельфин. Бултых!..

— И всякие водяные змеи и крысы...

— Нет! Крыс не надо...

— Боишься?

— Ага... Лён, я их правда боюсь...

— Ничего. С возрастом пройдет.

— Это с возрастом. А мне надо сейчас...

— Что тебе надо? — Лён с удивлением убрал руку с Зор-киного плеча. Тот поставил пятки на парапет, съежился.

— Лён... Я хотел попросить...

— О чем?

— Вообще-то я не должен про это говорить... Но, Лён, они там и правда живут, в подвале. А мне надо туда...

— В каком подвале? Что тебе там нужно? Вот скажу Динке, чтобы она тебя, как Ермилку...

— Да нет, Лён, я не шучу... Мне обязательно надо туда. Это в том районе, где вокзал, в развалинах за старыми банями... Я не могу тебе больше ничего сказать. Может, потом скажу... Ты ничего не спрашивай, а просто сходи со мной завтра, ладно? Лён...

— Ладно, — сумрачно согласился Лён. С ощущением чего-то надвинувшегося, недружелюбного.

— Понимаешь, там вода и они в ней плавают... — Зорко тряхнуло дрожью. — Противные такие. Одна чуть не цапнула...

ДОГАДКА

Утром Зорко сказал, что идти в подвал надо под вечер. И потом весь день виновато отводил глаза. А Лён, хотя и скребло на душе, делал вид, что все обыкновенно.

Искупались, вдвоем сходили на рынок, поболтали с Динкой, которая забежала всего на полчаса:

— Завтра в школе такой ответственный диктант! Надо готовиться... Кстати, вам не пора подумать о школе? Или всю жизнь будете неучами?

— Куда мы без документов-то, — буркнул Лён.

— Можно что-то придумать...

Но на сей раз думать ей было некогда, убежала. Зорко и Лён перевели дух.

В пять часов Зорко сказал, что пора. И потупился.

— Лён... Ты только не расспрашивай...

— Да ладно, ладно! Не переживай.

Развалин, похожих на обгорелый замок, достигли через полчаса. Они темнели за путями и составами товарной станции. Зорко и Лён пробрались под вагонами, перешли рельсовые стрелки. Перелезли через рухнувшие известня-

ковые блоки. На развалинах желтела сурепка и проглядывали синие звездочки цикория. Трещали кузнечики. Не цикады, а обыкновенные маленькие кузнечики. Прыгали из-под ног.

Зорко, виновато оглядываясь, лез через камни впереди Лёна. И наконец привел его к щели в разрушенной стене. Щель была скрыта наклонной плитой и кустарником с узкими твердыми листьями. Зорко первым пролез в щель. Вытащил откуда-то фонарик. В электрическом свете заблестела черная вода.

— Надо идти туда...

— Что ж, идем, — натянуто согласился Лён. Голоса ше-лестяще расползлись по подвалу. Лён первым ступил в воду — он был босиком. Вода оказалась неожиданно теплой и маслянистой. По ней разбежались слепящие зигзаги. Зорко сбросил сандалии и тоже сошел с каменного уступа. Ему было до колен.

— Лён, надо вон в ту сторону... — Зорко лучом показал в глубь подвала. Вдали высветилась изогнутая толстая труба с вентилем. Вентиль был с бородкой ржавчины.

— Надо так надо... — Лён пошел вперед со смутным сознанием, будто делает что-то ненужное, даже вредное. Но не бросать же Зорко!.. В правой

руке Лён держал подобранную заранее палку. И несколько раз бил ей по воде, когда черную поверхность рассекали узкие блестящие тела.

Жуть какая! Бедняга Зорко, неужели он ходил тут один?

И з а ч е м ходил?

Впрочем, Лён обещал не расспрашивать. Слово есть слово... Дошли до трубы. Зорко покачнулся, вцепился в вентиль. Сунул за трубу пальцы, что-то взял там (наверно, на обойме вентиля был крючок).

Потом Зорко совсем отвернулся от Лёна. Загородил спиной руки. Зоркины заштопанные локти суетливо двигались.

Скоро к Зоркиным ногам посыпались бумажные клочки — мелкие, как рыбья чешуя. Упали половинки крошечного пластмассового футляра. В точности такого же, как тот, взятый под лестницей. Закачались среди электрических зигзагов, будто яичные скорлупки.

Лён смотрел на них горько и отупело.

Зорко дернул его за безрукавку.

— Лён, все... пошли...

И они пошли.

Молча выбрались на солнце. Оно, это несчастливое солнце, было уже невысоким, желтым.

Без слов они пробрались через пути, вышли на Привокзальный бульвар — тихий, малолюдный.

Лён молчал с холодным камнем в душе.

— Лён... Ты обещал ни о чем не спрашивать.

— Я и не спрашиваю.

— Но ты молчишь, будто обиделся...

— Я не обиделся. Я... Зорко, ты иди один. Мне надо тоже... одному. По своему делу. Скажи старику, я вернусь к ужину. — И пошел.

И чувствовал, что Зорко смотрит вслед с испуганным вопросом. Но не оглянулся.

Никакого дела у Лёна в городе не было. До заката он просто слонялся по улицам. А мысли толклись, толклись... И в каждой мысли было одно — д о г а д к а.

В сумерках Лён вернулся в крепость. И постарался вести себя как обычно. Получалось плохо, он соврал, что болит голова.

— У меня тоже, — шепотом сказал Зорко. Правда или нет — не поймешь.

Спать легли раньше обычного.

ПОЛКОВНИК ЗНАЕТ...

Они ночевали в низком каменном помещении с полукруглой амбразурой — бывшем орудийном капонире. На железных матросских койках, на

тюфяках, набитых высохшей морской травой. Вместо простыней — старые сигнальные флаги...

Зорко повозился и задышал тихо и ровно.

Лён смотрел в темноту. В голове больно стучало: «А я-то думал... А я-то думал...»

Он думал, что вернется в школу и скажет:

«Господин генерал... Людвиг Валентин... не надо мне офицерского чина и кортика, я прошу о другом. В Льчев-ске есть мальчик, который стал мне как брат. Позвольте мне вернуться за ним и доставить его в школу. Клянусь: из него получится настоящий гвардеец...»

Разве генерал смог бы отказать?

Да, конечно, Зорко не раз давал понять, что он на стороне йоссов. Но Лёну казалось: это просто по детскому непониманию. Потому что он, Зорко, из тех краев. И потому, что уверен: автобус, где ехали отец и мать, уничтожили имперские солдаты. Но ведь можно же будет доказать ему, что это наверняка была шайка мародеров, одетая в солдатскую форму. Таких бандитов немало бродит в пограничных лесах, они не подчиняются ни имперским властям, ни йосским правителям и выдают себя то за солдат его величества, то за повстанцев. Ведь так оно наверняка и было...

Оказавшись в школе, Зорко обязательно пой-

мет, где настоящая правота. Он же умный. И честный. Если увидит, что ошибался, упрямиться не станет...

Конечно, там у них не будет такой дружбы, как здесь, это в школе не принято. Но все равно они часто будут рядом. Ниточка не порвется. А главное — Лён до конца выполнит свой долг: сделает Зоркину судьбу счастливой. Поступит, как хотела Динка, когда спрашивала: «Ты сможешь о нем позаботиться?»

Так думал Лён до сегодняшнего вечера.

А сейчас...

Сейчас было понятно, что все прежние мысли — пустые и наивные. Зорко — солдат. Он такой же солдат, как Лён, только из другой армии. И бесполезно его в чем-то убеждать. Он знает свою правоту. И она — не та, что у Лёна...

Да, Зорко боится отвратительных подземных крыс. Но умереть за свое дело, наверно, не побоится. Труса не послали бы с т а к и м заданием.

«Господи, помоги мне! Подскажи мне, что делать!»

«Зачем судьба свела нас там, на площади?»

«А затем и свела, чтобы все было именно т а к», — пришло к Лёну безжалостное понимание.

Затем, что судьба на стороне Империи. Она спе-

циально поставила юного гвардейца Вельского на пути мальчика Зорко... Ну и что же, что он — щуплый мальчик в матроске? Дело не в этом. Дело в том, что он — враг. Он несет Империи зло. И, наверно, громадное зло. Не меньше того, что несет своим врагам Лён.

«И я обязан остановить его!»

А как остановить? Уговаривать? Смешно... Проследить Зоркин путь до конца? А что дальше? И к тому же у него, у Лёна, свое задание...

«И я не шпион!»

А может, связать Зорко и спрятать в подземелье?.. Но до какой поры? Все равно его когда-нибудь найдут и освободят. Или сам вырвется... Если раньше не умрет...

«Если не у м р е т...»

...Полковник Дан, обожженный в десятках боев десантник, негромко, даже грустно как-то говорил на лекциях затихшим пацанам в погонах и аксельбантах:

— Кто, по-вашему, настоящий воин? Тот, кто храбр и умеет ловко одолеть врага? Если бы все было так просто!.. Перечисленных качеств, друзья мои, достаточно для бандита, боевика, террориста. А для воина Империи мало храбрости, силы и боевой выучки. Бывает, что врага нельзя побе-

дить, если прежде не победишь себя. Победа над собой — вот высшая доблесть солдата... — Голос полковника креп и повышался. — Случается, что душа твоя горит, внутри тебя отчаянный крик и рука отказывается нажимать спусковой крючок. А ты должен, должен, ДОЛЖЕН!.. Разве легко было нашим парням превращать в уголь село Крутые Холмы, когда эти йосские звери огородили себя кольцом заложников? Разве не мучительно понимать, что от вашего залпа станут мертвыми и обгорелыми дети?.. Но эти воины знали: тех, за кого они воюют, у них за спиной гораздо больше...

Стояла такая тишина, что за стеклами слышен был в листве шорох воробьев. А полковник успокаивал голос и опять говорил негромко:

— Я вижу, у кого-то намокли ресницы. Не надо стыдиться этого. Не надо выжигать в себе жалость, совесть и сочувствие к людям — настоящему солдату присущи все человеческие чувства. Но солдат должен скручивать эти чувства в себе ради высшей цели. Солдат, в кого бы он ни стрелял, будет оправдан и свят, если он делал это во имя Империи...

Ноги у полковника были слегка кривые, голова вжата в плечи и словно приплюснута. Казалось, на него сверху упало что-то тяжелое. Так оно,

говорят, и было: полковника Дана придавило однажды плитой в разрушенном бункере. Но все равно он, маленький, худой, суетливо бегающий перед первым рядом аудитории, казался красавцем и титаном духа... Полковник всегда з н а л, как поступать...

«Я тоже знаю...»

Цикады за амбразурой сходили с ума — от них в уши ввинчивались стеклянные сверла. Это мучительное сверление было вместо тишины — даже в том горьком сне, в который наконец провалился Лён...

Он проснулся поздно. Измученный, будто не спал, а всю ночь ворочал камни. Знающий, что никогда больше не сможет смеяться. Но уже почти спокойный. Уверенный в себе.

Однако тут же его обожгло испугом. Зорко не было!

А если он ушел крадучись и уже на пути к своим?

Радостное облегчение, почти спасение, на миг согрело Лёна: «Вот и хорошо! Это случайно, я не виноват! И пусть он идет...»

«Нет, ты виноват! Ты упустил! А он не просто идет! В нем то, что нанесет удар твоей стране!»

«Но может, там какой-то пустяк!»

«У тебя не пустяк, а у него... Не ври самому себе!»

Лён подержал себя за голову и выскочил на верхнюю площадку бастиона.

Старик возился у каронады, которая стреляла в полдень.

— Дедушка Август! Где Зорко?!

— Ты чего всполошился? Он сказал: «Пойду под обрыв, искупаюсь, пока Лён спит. Он, — говорит, — сегодня что-то разоспался...»

Лён бросился к морю — через теплые камни развалин и колючки, на скалистую кромку, потом вниз по крутым изгибам тропинки.

Заваленный пористыми камнями и клочьями водорослей пляж был пуст. Лишь ходили две курочки тиви — родственники т о г о петушка, Зоркиного любимца.

И опять юный гвардеец Вельский испытал преступное облегчение. Несмотря ни на что. Но для очистки совести еще раз метнулся по пляжу глазами.

И увидел Зорко.

Зорко, видать, накупался всласть и потом уснул в тени нависшей скалы. Этакий маленький туземец-островитянин. Он улегся на кучу бурых водорослей, ничуть не боясь прозрачных во-

дяных блох, которые густо прыгали по нему. А голову положил на выбеленную морем и зноем корягу, которую принесло сюда штормом.

Зоркины волосы были почти того же цвета, что коряга — с алюминиевым отливом. Они стали такими уже здесь, на Бастионе — видимо, тоже от соли и солнца.

Лежал Зорко на боку, калачиком, носом к скале, к Лёну спиной. Над ухом вздрагивал от струек воздуха завиток.

Лён смотрел на этот завиток. На висок.

Потом глянул под ноги. Прямо у пальцев его — просто как чья-то зловещая услуга — лежал кусок ракушечника, похожий на каменный топор.

Лён будто под гипнозом нагнулся и взял камень.

Опять посмотрел на Зоркин заросший висок.

«Если острым концом, то сразу...»

Он глянул вверх. Нависшая скала высотой была метров семь. Все решат, что мальчик сорвался и ударился головой... Но ждать, когда его найдут, не надо. Лучше уйти сразу. В тот же миг... Нет, не получится, одежда-то в крепости. Придется забежать за ней. А по пути сказать старику, что Зорко нигде нет — наверно, ушел в город.

Получится ли вот так спокойно соврать на ходу

— после того, что с д е л а л?

Не все ли равно! Если и заподозрят, никто его не найдет, не поймает. В Льчевске много мест, где можно укрыться до вечера. А потом — к тем, кто ждет. К н а ш и м...

«Лён... Месяц похож на малыша, который собрался купаться... Я помню, как меня мама купала...»

Не смей вспоминать! Нельзя!!

Он стиснул камень до онемения в суставах.

Это же один взмах. Поднять и...

Камень казался стопудовым. А завиток на виске замер, словно почуял что-то...

Ну...

Зорко шевельнулся. Повернулся на спину. Сел. Глянул синими веселыми глазами, заулыбался.

— Ой, Лён! А ты мне только что приснился!.. Лён, ты чего...

ЖРЕБИЙ

Зоркина улыбка пропала. Он что-то понял. Посмотрел на камень. И — Лёну в глаза. И повторил:

— Лён, ты чего...

Лён выпустил обломок. Тот, падая, ссадил ему кожу на косточке. Лён не шевельнулся. Тяжело

сказал:

— Я знаю, кто ты...

Зорко сел прямее. Глаз не отвел и бросил отчужденно:

— Ну и что? Я и не скрывал, что я за йоссов.

— Ты не просто за йоссов, ты сам йосс.

— Ну и что?

— Ты не просто йосс, ты их гонец. С делом особой важности.

— Ну и что?

С каждым «ну и что» Зорко ощетинивался все больше. Глаза выбрасывали синие иглы. Коленки и локти торчали, как шипы. Каждая жилка напружинилась.

А Лён, наоборот, обмяк. И сказал с бессильной сумрачностью:

— Ты не должен был мне доверять. Потому что я тоже... Только с другой стороны...

«Господи, что я говорю! Это же нельзя!..»

Зорко тоже обмяк. Приподнялся и опять сел. На корягу. Она качнулась, Зорко чуть не упал. Махнул руками, словно схватиться хотел за пустоту. И была в этом движении такая беспомощность... Но страха в глазах не было. Он опять глянул прямо и спросил шепотом:

— Почему же не убил?

Лён постарался разозлиться. Чтобы за счет злости вернуть твердость.

— Я, по-твоему, кто?! Наемный бандит? Солдаты не могут убивать спящих!

— Ох уж... не могут...

— Да!

— А ты, значит, солдат?

— А ты разве нет?

— Я... не знаю...

— Разве ты не давал клятву?

— Я? Да... да, я обещал. Конечно... Но я не хотел быть военным.

— Неважно, кем ты хотел. Важно, кто ты есть! — Лён снова попытался разозлить себя.

А Зорко смотрел вроде бы спокойно. И сказал без выражения:

— Ты же хотел ударить.

— Неважно, что я хотел. Важно, что не ударил...

— Это действительно важно, — согласился Зорко. Грустно и с капелькой насмешки. Да, страха в нем не было. И злости тоже. Стало ясно: Зорко просто не верит, что Лён может сделать ему плохое.

Лён скрежетнул зубами.

— Ты дурак, да? Не понимаешь, что это все-

рьез?

— Нет, я понимаю... — Зорко опустил голову. Большим пальцем ноги шевелил на песке полосатый каменный окатыш.

— Тогда слушай. Мы же не сможем переубедить друг друга! Перетянуть на свою сторону...

— Не-а... — Зорко еще ниже опустил голову.

— Тогда остается что...

— Что? — Зорко быстро глянул исподлобья.

— Когда встречаются солдаты двух армий, они воюют. Честно. Лицом к лицу.

— Лён, я не могу с тобой воевать. Ты сильнее... Я даже убежать не могу, я вчера пятку наколол, ступать больно... — Зорко виновато улыбнулся, словно речь шла об игре.

— Ты ничего не понимаешь! — с отчаянием сказал Лён.

— Нет, я понимаю... — Зорко сел прямо. И посмотрел прямо. — Лён, выхода нет, да? Один должен умереть?

«Как он просто об этом!»

— Да... Зорко...

Это прежнее «Зорко» вырвалось неожиданно. Лён даже испугался. А Зорко вдруг заплакал. Не морщась, не опуская лица.

— А вот реветь — это уже зря, — грубо сказал

Лён. — Ничего от слез не изменится... Мне, между прочим, так же страшно, как тебе.

Зорко голой рукой вытер под носом.

— Я не потому, что страшно... Обидно. Все было так хорошо...

— Да. А теперь плохо, — согласился Лён с горьким злорадством. Не хватало еще разреветься и ему.

Зорко встал. Худой, обгорелый на солнце, решительный. К его ребрам прилипли сухие прядки водорослей.

— Что же нам делать, Лён?

— Я возьму в музее кремневые пистолеты. Стащу у старика пригоршню пороха. Вместо пуль загоним в стволы круглые гальки. Разметим дистанцию, как на дуэли...

Зорко грустно помотал головой.

— Лён, я не умею стрелять из настоящих... Ну, я сумею нажать, но все равно не попаду. И ты не попадешь... в меня...

— Это почему?!

— А почему не смог ударить камнем? — дерзко напомнил Зорко.

— Это... совсем другое дело. А сейчас будет почестному.

— Ничего не будет. Я промахнусь, и ты про-

махнешься, — уверенно сказал Зорко. Теперь он прищуренно смотрел мимо Лёна. Куда-то в море. — У тебя дрогнет рука... Да и порох у старика крепко заперт.

— Это правда-

Правда, что порох не добыть и... что дрогнет рука...

— Что же нам делать? — угрюмо сказал Лён.

— Я не знаю...

«А может, ничего не делать? Взять Зорко за руку и уйти в дальние края? По лесным дорогам. Туда, где нет никакой войны... А где ее нет?..»

Лён толчком отодвинул прочь эту мысль — предательскую и трусливую. За которую его наградили бы презрением все, в том числе и этот умытый слезами Зорко...

Лён вспомнил знамена гвардейской школы, вспомнил кортик генерала. Вспомнил торжественный марш, который барабанщики играют в честь героев...'

— Я знаю. Мы бросим жребий. Кто вытянет короткий стебелек, прыгнет со скалы на камни. Понял?

Зорко вздрогнул в ответ. Взглянул наверх.

— Не с этой, — сказал Лён. — Здесь не очень высоко. Вон оттуда. — Он затылком показал назад,

где изгибался в сторону моря желтый каменный рог высотой с пятиэтажный дом. Под ним было нагромождение ракушечных глыб. — Там уж наверняка... Я даю слово, что исполню жребий. А ты?

— Хорошо...

Зоркино «хорошо» прозвучало очень уж обыкновенно.

ВЗРЫВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Может быть, Зорко просто устал от всего этого. Лён, по крайней мере, устал. Даже спать хотелось.

Зорко обошел Лёна и, прихрамывая, двинулся к тропинке.

Они поднялись на каменные зубцы. Слева была крепость, справа дамба через пролив и белый праздничный город. Слышен был многоголосый шум рынка, звон колоколов, музыка.

А впереди было очень синее море.

Скала острым треугольником вдавалась в эту синеву. Туда, на самую оконечность, тоже вела тропинка.

Зорко глянул вопросительно.

Лён нагнулся, сорвал два сухих стебелька.

Грело солнце, трещали кузнечики и горьковато

пахло травой «Конская грива».

— Вот смотри: длинный и покороче. Кто будет держать?

— Держи ты, — еле слышно решил Зорко.

— Ты мне доверяешь?

— Конечно, — слегка удивленно сказал Зорко.

— Тогда... вот. Тяни...

Зорко прислонил к плечу голову. Согнутым мизинцем почесал подбородок. Вздохнул и потянул...

— Короткий...

У Лёна колотилось сердце. Он съежил плечи и отошел на несколько шагов. Оглянулся через плечо. Зорко тоже смотрел через плечо. На него, на Лёна.

— Лён...

— Что?

— Там под правой пушкой, под лафетом... плошка с сухими кузнечиками. Я собрал для Тиви... Ты отдай ему...

— Ладно...

— Лён...

— Что?

— Ничего! — Зорко поддернул трусики и побежал к обрыву по тропинке, сильно работая локтями. Там, у края, он вдруг остановился. Поче-

сался ухом о поднятое плечо и прыгнул вниз.

ЧТО СКАЗАЛА СУДЬБА

Это словно не он прыгнул, а сам Лён. Все в Лёне оборвалось, как при жутком падении во сне. И со всех сторон хлынул штормовой гул. Со свистом и режущим звоном. Лён сел на корточки, обхватил голову. А шум сменился пронзительной тишиной. И летел сквозь эту тишину откуда-то из дальней дали тонкий умоляющий крик:

— Лён!.. Помоги!... Лён!..

Лён метнулся к обрыву.

Зорко висел в метре от кромки, цепляясь за выступающий камень (как бедняга успел развернуться в первый миг падения?).

Беспомощно болтал ногами, извивался. Лицо было запрокинуто.

— Лён...

Лён упал на кромку грудью. Отчаянно потянулся. Вцепился в тонкие Зоркины запястья (и вдруг вспомнил, как они с Зорко вытягивали на памятник Динку).

— Держись... Цепляйся коленом...

Он вытянул Зорко.

Оба лежали, уткнувшись лицами в жесткую траву. Дышали со всхлипами. Наконец Зорко

выговорил, не поднимая головы:

— Думаешь, я испугался?

Лён молчал. Потому что так и думал.

— Я... просто я не успел сказать... Я не хотел так сразу... Лён, я знаешь что хотел?

— Что?

— Помнишь, мы придумывали сказку про месяц? Я сочинил конец. Обидно, если никто не узнает. Я тебе сперва расскажу, а потом уж...

— Иди ты со своим месяцем...

— Лён... Я зажмурюсь, а ты меня толкни. Ладно?

— Дурак.

— И зачем мы только встретились? — Это Зорко спросил с такой тоской, что Лён дернулся, как от ожога. И сел.

— Затем, чтобы помешать друг другу! Мы воюем! Ты и я! И наши страны! Мы дали клятву!

— Я понимаю... — Зорко тоже сел. — Но ведь мы же могли и не встретиться. Ну, подумай! Меня могли там оттолкнуть, и я не забрался бы на памятник. Это же вот такой случайный случай! — Он поднял к лицу два сжатых пальца, словно держал букашку.

— Это судьба, — тяжело сказал Лён.

— А если она ошиблась, эта судьба? Тоже

споткнулась, как я на площади. Я же просто споткнулся, и тогда меня прижали к памятнику...

«А если и правда?..»

Это было послабление себе. Своей совести. И, наверно, даже отход от гвардейской клятвы. Но... вдруг судьба и правда споткнулась?

— Ты понимаешь, что говоришь? Если мы разойдемся, то каждый принесет противнику громадный вред! Я твоей стороне, ты моей!

— Понимаю... Но, может быть, твой вред обезвредит мой... И наоборот... Ведь так бы и было, если бы я там не запнулся!

— А как мы узнаем? — беспомощно спросил Лён.

— Что?

— Ну... что судьба споткнулась случайно?

— Пусть она и подскажет.

— Снова жребий, что ли?

— Конечно!.. Ну а если она скажет, что нет, тогда уж я прыгну... Правда.

— Никуда ты не прыгнешь! Ты... просто дашь слово, что не пойдешь к своим. И про меня не скажешь никому... Уйдешь куда-нибудь подальше, где не найдут...

— Ага! И всю жизнь быть дезертиром! И эта штука будет сидеть.в голове и напоминать! — Он

хлопнул себя по лбу.

«Наверно, у него в памяти такая же схема, как у меня. Похожая. Тот же способ зашифровки...»

Лён встал.

— Пошли!

— Куда?

— Жребий должен быть самый точный, не травинки. Чтобы судьба не ошиблась снова.

Старик встретил их на площадке.

— Где это вы, господа, гуляете? В голом виде и без завтрака... И где вы так исцарапались?

Лён торопливо сказал:

— Дедушка Август, у вас есть бумага и карандаш?

— Что за вопрос! Я все же доктор наук... — Старик вытащил из брючного кармана блокнот для записи поправок хронометра. В блокнот был вложен плоский фломастер.

— Можно листик? — Лён схватил вырванный лист, разорвал на два, на четыре, на восемь квадратиков. — Дедушка Август, напишите на одном «нет», а на другом «да»!

— Зачем это?

— Мы играем, — сказал Зорко. — У нас получился спор, и судьба должна решить: да или нет? А про что — пока тайна...

Он говорил так живо, будто и правда игра.

— Ну играйте, играйте... Только не забудьте к обеду начистить картошки... А теперь отойдите, не подглядывайте.

— Ладно! — почему-то обрадовался Зорко. — А вы скатайте бумажки в шарики. Лён, идем...

Они отошли на пять шагов, встали к старику спиной. А тот сказал через полминуты:

— Готово.

Два бумажных шарика лежали на стариковой ладони.

— Вот. Кто будет тянуть?

— Нет! Не мы... — Лён схватил шарики. — Тиви-тиви-тиви!..

Хохлатый Тиви тут же оказался рядом. Лен сел на корточки.

— Тиви, смотри, две бумажки! Какую клюнешь? Ну?

Тиви, кажется, ощутил важность момента. Постоял с головкой набок, подумал. Потом нерешительно взял в клюв катышек. И... побежал.

— Эй, стой! — Зорко бросился следом. — Отдай!

Тиви прыгнул на парапет. Дальше случилось непонятное: петушок взлетел, затрепыхался в воздухе, закрякал, будто его подстрелили. Снова прыгнул на площадку и побежал к дремлющему

Румпелю, словно искал у него защиты. Но тот не увидел никакого врага. Добродушно замахал хвостом.

— Что это с птицей? — удивился старик.

— Бумажку уронил! Теперь не найти! — чуть не заплакал Зорко.

— Разве это беда? Разверни другую. Если на ней «да», значит, на той было «нет». Или наоборот...

— Ой, правда! Лён... разверни...

— Стойте! Вы меня не дослушали! — Старик Август сжал бумажку в кулаке. — Имейте в виду! Выигравшим считается тот билетик, который вы развернете. А тот, что потерял Тиви, — проиграл. Что упало, то пропало. Такое у этого жребия правило, я его помню с детства.

Лён посмотрел на Зорко: «Согласен?» Тот зажмурился и кивнул.

Лён непослушными пальцами сжал бумажный комок.

Твердыми синими буквами судьба признала свою ошибку: «Да».

СУБМАРИНА

День прошел как обычно. Только молчаливее. Зорко сортировал раковины (зачем они ему?). Потом вдруг бросил с обрыва большую раковину

«Камин». Лён рассеянно играл с Тиви. Петушок подбирался и норовил клюнуть большую веснушку на запястье. Лён притворялся дремлющим, а потом подскакивал:

— Вот я тебя!

Тиви взъерошенно подлетал и удирал.

Но все это было без веселья, механически.

Забежала ненадолго Динка. Поглядела на Зорко, на Лёна.

— Вы поссорились, что ли?

— Просто на солнце перегрелись, — буркнул Лён.

— А я Ермилку потеряла. Вторые сутки его нет на прудах. Неизвестно, где свищет, обормот такой...

Неужели она думает, что Лён и Зорко вправду верят в мальчишку-невидимку? А может, так заигралась, что сама верит в свою выдумку?

— Чтобы, когда приду снова, оба были веселые! Понятно?

— Так точно, ваше превосходительство, — вздохнул Лён. Завтра не будет здесь ни его, ни Зорко. Оба должны уйти вечером.

Лён ушел первым. Рано еще было, но не хватало уже сил тянуть время. Старику Лён ничего не сказал. А Зорко...

Тот сидел на парапете и смотрел в море. Лён выговорил ему в спину:

— Зорко, прощай.

У Зорко под зеленым широким воротником шевельнулись лопатки. Он спросил, не оборачиваясь:

— Мы ведь больше не увидимся в жизни, да?

— Да...

— Ну, прощай, — полушепотом сказал Зорко. Так и не оглянулся.

Лён до темноты болтался по улицам, по Приморскому бульвару, где играл оркестр и трещали фейерверки. Ближе к назначенному сроку пришел в район Старых причалов. Старая Катерная пристань была в их ряду, к ней сквозь чащу тамариска вела кривая лестница. Над ней желтый фонарь.

Когда-то здесь швартовались каботажные парусные шхуны. С той поры остались на берегу врытые вверх жерлами старинные пушки — вместо причальных тумб. Лён в сумраке отыскал глазами ту, которая нужна. И стал ждать. Было пусто. По берегам бухты громоздились ярусы огней, в воде плескались их отражения, но здесь был кусочек иного мира. Пахло гнилыми сваями и просоленными старыми бочками.

Городские часы разнесли над водой и берегами двойной получасовой сигнал. Он был слышен во всем Льчев-ске. И сразу у пушки возникла закутанная сгорбленная фигура. Или пристанский сторож, или...

Лён, посвистывая, пошел мимо этой фигуры — от лестницы к настилу пристани.

И человек негромко окликнул его:

— Сублейтенант Вельский?

Лён замер. Спросил не оглянувшись:

— Разве я уже сублейтенант?

— Да, если вы Вельский Леонтий Альберт...

— По-моему, я еще не сделал того, за что обещано звание.

— Уверен, что теперь уже ничто не помешает вам сделать это. Вы почти у цели. Прошу следовать за мной.

Закутанный человек нарочито сутулился, но голос был молодым. Лён послушно двинулся за проводником. Прогнившие доски настила хлопнули по воде. Проводник выпрямился, откинул капюшон. Лица все равно не было видно, однако блик от дальнего фонаря блеснул на лаковом козырьке и золотом шнуре фуражки. Офицер.

— Виноват... Честь имею представиться: имперского флота лейтенант гвардейского экипажа

Кронин.

Лён в ответ сдвинул сбитые каблуки и наклонил голову.

У причала подрагивала на мелкой зыби почти неразличимая надувная лодка.

— Прошу садиться...

— Благодарю, лейтенант... — Раз оба офицеры, можно не добавлять «господин».

Лодка закачалась. Лён взмахнул руками, быстро сел. Спросил, чтобы загладить неуклюжесть:

— Долго будем идти? — Он помнил, что моряки не говорят «плыть».

— Сорок минут, сублейтенант. Возьмите плащ, на воде прохладно.

— Благодарю.

Что ни говорите, а приятная вещь — офицерский этикет. «Честь имею представиться... Прошу следовать...» Да, офицеры — соль земли, аристократы духа. Это всегда внушали юным гвардейцам школьные наставники. И были, конечно, правы. Жаль, что в этом благородном обществе Лёну оставалось быть недолго.

Или уже не жаль?

Жалей, не жалей — выхода нет.

Если не станут задерживать, уйдет сразу, как передаст запись. Если сразу не получится — тогда

при первой возможности. Возвращаться в школу нет смысла. Рапорт он отправит по почте.

«Настоящим доношу, что...» Нет, не так, надо по-офицерски: «Честь имею доложить, господин генерал, что больше не считаю возможным находиться в составе вверенной Вам гвардейской школы. Вынужден отказаться от звания сублейтенанта и чести носить обещанный Вами кортик. Смею обратиться с единственной просьбой: сообщите воспитанникам школы, что мое исключение было лишь инсценировкой, вызванной условиями особого задания... Честь имею, господин генерал...»

«А имеешь ли ты честь? Ты отпустил врага, который оказался у тебя на дороге...»

«Потому что я не убийца! Мы оба поступили честно, предоставили жребий судьбе...»

«Это потом. А сперва был другой жребий! Вот тогда-то в самом деле все было честно, по-солдатски... Если бы короткий стебелек выпал тебе, ты прыгнул бы со скалы?»

«Я... наверно, да. Куда деваться-то...»

«А т о т струсил».

«Он маленький...»

«Он солдат».

«Он... не так уж и струсил. Он потом прыгнул

бы, если бы мы не решили спросить судьбу».

«Чушь это! Такая судьба — индейка... Вернее, глупая водяная курочка. Первый раз — там была настоящая судьба. Ты не должен был спасать Зорко».

«Сидеть и слушать, как он зовет?.. Значит, я убил бы его».

«А клятва? А воинский долг?»

«А Зорко... Я полюбил его, как брата. А старик говорил, что Бог — это любовь. И в древних книгах написано так же...»

«Ну и что?»

«Разве можно убивать Бога? Пускай даже из-за воинского долга...»

«А Империя? К н е й у тебя нет любви?»

Лён прислушался к себе. Есть любовь к Империи?.. Что такое вообще И м п е р и я? Бронзовые драконы на знаменах? Высокий, в полный рост, портрет Его величества в парадном зале? Книги о подвигах славных полководцев? Щемящий душу марш офицерского полка «Черные кавалергарды»?.. Да, это он любил. По правде...

«Но я не знаю, что важнее? Любовь к Империи или любовь к брату?»

«Тогда... ты не гвардеец».

«Вот поэтому я и ухожу из школы. Сделаю, что

должен — и уйду. Так мне и надо...»

Лодка подпрыгивала на маленьких гребешках, тихо урчал мотор. Береговые огни бежали назад и становились все реже. По берегам громоздились темные склады и цистерны, мерцали на рельсовых стрелках синие фонарики. Лейтенант вел суденышко в какую-то глухую бухту. Лён кутался в его плащ и думал, думал...

И вздрогнул — резиновый нос уткнулся в плавучий бак. Похоже, что из воды торчала железная бочка с откинутой крышкой.

— Прошу, сублейтенант...

Оказалось — не бочка, а люк полупогруженной маленькой субмарины...

Внутри было уютно, только непривычно пахло чем-то вроде нитроклея.

Лейтенант и пожилой старшина в берете усадили Лёна в узкое кресло, в закутке между изогнутыми разноцветными трубами. Дали термос с горячим какао. Хлопнула крышка, мелко задрожала переборка.

«Кажется, погружаемся», — подумал Лён. И вдруг вспомнил сказку про месяц. Как он, этот месяц, погружается в океан и плывет под водой к другому берегу, чтобы там опять выбраться в небо.

Плывет, как эта маленькая субмарина...

Интересно, какого она цвета? Может быть, желтая, как месяц? Есть модная песенка про желтую субмарину. У Лёна завертелась в голове мелодия.

В школе такие песенки не одобрялись, начальство считало, что воспитанникам полезнее марши и торжественные увертюры. Но все же нынешняя музыка в школу просачивалась. Ведь не отберешь у всех подряд транзисторы и плейеры...

Если вспомнить по правде, вовсе не было в гвардейской школе стопроцентной уставной чинности. А было всякое: и анекдоты, от которых с непривычки полыхали уши; и самовольные отлучки старших курсантов к девицам; и тайное приставание больших воспитанников к маленьким; и ночные пиршества в спальнях, когда крепко спит подвыпивший дежурный унтер... Просто все это забывалось, когда под торжественный бой барабанов выплывали на правый фланг знамена. Все в тот миг казалось неважным, кроме одного: готовности к геройству...

Лёна качнуло — субмарина замедлила ход. Замерла. Затем — урчание воды в шлюзе, мигание плафона, толчок воздуха из открывшегося люка...

— Прошу, сублейтенант... Оставьте плащ в кресле...

Бетонная камера, ведущий вверх коридор. Еще коридоры. Все светлее и шире. Ковровая дорожка... Овальная дверь...

ТУННЕЛИ

Зорко ушел крадучись. Когда солнце было у горизонта.

До товарной станции он добрался на автобусе. На стрелках уже горели огни.

Знакомый путь — рельсы, вагонные колеса, камни, колючки...

Когда ему еще там, в интернатском городке, объясняли эти сложности — как добраться, отыскать подвал, дождаться, когда появится капсула с запиской — Зорко спросил с удивлением:

— А зачем все так... будто в шпионском кино? Прямо игра какая-то...

Лысый добродушный инструктор, который заведовал креслом и шлемом ЭГШ, с удовольствием согласился:

— Именно как в фильме. Именно как игра, ты отлично это подметил. Лишь такой способ не придет в голову противнику. Если кто-то что-то заметит, решит: мальчик просто играет. Все дру-

гие каналы связи — под угрозой перехвата...

— А когда вернусь, меня точно поселят в Гарвиче?

— Мальчик, мы же договорились! Если не хочешь в лицей или военную школу, выберем тебе семью с приемными родителями. Они будут любить тебя как родного...

— И пусть будет брат или сестра. Лучше брат, старший...

— Как скажешь.

Хорошо, когда есть старший брат. Заступник. Был бы он здесь, в интернатском городке, никто бы не дразнился, не приставал...

Но брата не было. И жизнь была несладкая. Он часто плакал, вспоминая родителей, а плакс в интернате не любили... Потом, правда, научился он притворяться...

Только на школьных занятиях он отводил душу: на уроках прикладной стереометрии и в компьютерном классе. Изображения фантастических пространств (Зорко называл их «многоглубинные») послушно изменялись и перестраивались даже не от нажатия клавиш, а просто по мысленному приказу.

Конечно, это заметили. Директорша ахала: «Какой своеобразный ребенок!» А однажды...

Сперва сказали: надо съездить в поликлинику, проверить внутричерепное давление. «Ты ведь жаловался, что плохо спишь...» А там этот лысый, веселый. Звали его просто и односложно: Майкл...

Зорко все понял очень быстро. Да, он готов помочь славной повстанческой армии йоссов. Да, он понимает, что борьба за свободу — великое дело. Борьба с теми гадами, из-за которых погибли мама и папа...

— Не думайте, что я такой уж плакса! Если надо, я выдержу! Я могу пять секунд продержать ладонь над свечкой, на спор...

— Ты храбрый мальчик, Зорито. Недаром ты сын поэта Зора Данко Коржича, подарившего йоссам такую славную песню:

Мы веками решаем с врагами наш спор,
Ничего нет дороже свободы и гор...

Зорко проглотил гордую слезинку.

— Но ты должен запомнить, Радослав Зор Коржич: теперь ты не просто мальчик. Ты повстанец. Ты выполняешь важнейшее задание... Ты готов дать клятву?

— Да, господин Майкл! — Зорко показалось на миг, что на нем не казенные интернатские брюки

и курточка, а шитая серебром форма легендарных горских волонтеров.

— Тогда подпиши эту бумагу...

В этот раз Зорко не боялся крыс. Вернее, просто не думал о них. Он думал о городке Гарвиче, где однажды он был с мамой и папой. Городок был старинный. Крутые арки каменных мостов над ущельями, древние церкви, тяжелые башни и зубцы желтой крепости, черепичные острые крыши... Ленивые кошки, спящие прямо на брусчатых мостовых. Сказка и покой...

Гарвич лежал высоко в горах. Имперская пехота и танки никогда не доберутся туда. На горных дорогах — заслоны йосских отрядов. Йоссы — прирожденные лыжники и стрелки. Об этом есть тысячелетние легенды. Еще никто не мог завоевать йоссов...

А бомбить Гарвич имперские самолеты не посмеют — в городке мирные жители, будет международный скандал. Хотя... даже интернатский городок один раз обстреляли ракетами. Потом говорили — по ошибке. Приняли, мол, за йосскую военную базу. Зорко тогда держался молодцом, а его обидчики верещали и отпихивали друг друга от тесной двери в убежище.

«Да не ври, не был ты молодцом. Тоже чуть не

напустил в штаны...»

«Но все же не пищал и не лез вперед...»

А Гарвич, может, и не тронут. По крайней мере хотелось так думать. И казалось Зорко, что там притихнет его тоска. Особенно, если найдутся добрые люди и возьмут в свой дом... Особенно, если будет брат... Особенно, если такой, как Лён...

Не надо про Лёна. Сразу слезы к горлу...

Но все же хорошо, что они расстались не врагами.

Но и не друзьями.

И главное — расстались. Навсегда...

Зорко всхлипнул и полоснул по воде снятыми сандалиями — скользкая гадина коснулась ноги. В свете фонарика блестящее крысиное тело метнулось зигзагом. Все равно не страшно...

Вот и труба с вентилем. Было написано, что здесь надо ждать...

— А вы слегка задержались, Радослав Зор Коржич. Мы уже стали тревожиться. Ну, ничего...

При первом слове Зорко вскрикнул от неожиданности. Человек — в сером камуфляже и почему-то в такой же пятнистой маске — выступил из темноты.

— Не бойтесь. Маска — это дань инструкции. Пошли...

Зорко вышел из воды на гранитные ступени. Дальше была узкая дверь, полутемный коридор. Он уходил во мрак. На полу — узкие рельсы. На рельсах — круглый вагончик со светящимися окошками. Откинулась изогнутая дверца.

— Садитесь, Зор...

И помчались. По каким-то туннелям. Возможно, по катакомбам, вырытым в толще Полуострова еще в древности.

Затем — остановка. Вышли из вагончика и снова двинулись по коридорам. И наконец — серая комната, офицеры, кресло, шлем...

Очень хотелось спать.

КОНЕЦ ПУТИ

В низкой комнате был очень свежий воздух. Пахло даже луговой травой. Но окон не было — стены затянуты серой замшей от пола до потолка. На одной стене — громадная карта Империи и пограничных областей.

На фоне карты стоял обширный письменный стол. За столом сидел человек в пятнистом комбинезоне, с полевыми генеральскими погонами без звезд.

Когда Лён и лейтенант вошли, генерал стал подниматься из-за стола. Он был очень высок и

поднимался медленно, словно распрямлялась громадная складная линейка.

Прическа у генерала была гладкая, с пробором, как у старика Августа. Но лицо — непохожее. Длинное, с мясистым носом и чуть оттопыренной губой.

Лейтенант тихо вышел.

Генерал выбрался из-за стола и по-журавлиному прошел к Лёну. Заговорил неожиданно высоким голосом:

— Сублейтенант Вельский? Душевно рад... — Он протянул длинную, очень узкую ладонь.

Лён встал навытяжку, наклонил голову и протянул свою руку. Генеральская ладонь была теплая и мягкая, как... наверно, как коровий язык. И такая же влажная.

Кажется, этикет требовал что-то сказать.

— Господин генерал, прошу простить, что представляюсь в таком виде.

— Пустяки, друг мой. Вы были вынуждены... Первое, что требовалось бы вам, — это ванна, форма и ужин. Однако обстоятельства... Сначала мы вынуждены были оттягивать это дело, а теперь время не терпит. Вы в силах предоставить информацию немедленно?

— Да, господин генерал.

— Чудесно... Штабс-капитан!

Угол комнаты был отгорожен ширмой, похожей на медицинскую. Из-за нее вышел невысокий пухлый офицер — с носом пуговкой, круглыми щечками, в мундире со складками на животе. Мундир был неизвестной принадлежности, с пуговицами, обтянутыми тканью.

— Слушаю, господин генерал...

— Ну, чего там слушать. Видите, сублейтенант готов...

— Я тоже... — Штабс-капитан одним движением собрал ширму в гармошку. За ней оказалось кресло со шлемом. В точности такое, как т а м. И тумба с телемонитором. Экран был чуть ли не метровый.

— Прошу... — В жесте штабс-капитана было что-то парикмахерское. Лён внутренне поморщился. Но подошел и сел без возражений.

Шлем охватил голову мягкой прохладой (тоже знакомо). Голова сразу как бы разрослась в громадный пустой шар. В этой пустоте зажужжали невидимые щекочущие мухи. И... стали видимыми. Не глазами, а внутренним зрением. Превратились в желтые шарики, между которыми выросли разноцветные линии. Эти линии выстроились в знакомую пирамиду, похожую на

конструкцию очень сложной молекулы... Шарики один за другим срывались и гасли в пространстве. Так запись уходила в память приемного устройства. Лён бездумно сидел с открытыми глазами. И краем глаза видел экран, где разрастался сложный рисунок, похожий на гребень с зубцами разной длины — напротив другого гребня, который был неподвижен.

Потом гребни соединились — зубцы одного между зубцами другого. Хитрая мозаика заняла весь экран и засветилась какими-то особыми, торжествующими красками. А в голове у Лёна погас последний шарик. Исчезли все линии.

Лён чувствовал великое облегчение. И такую бодрость, будто надышался свежим воздухом после грозы. Пропала всякая усталость — до капли.

— Ну-с? — нетерпеливо сказал генерал штабс-капитану.

Штабс-капитан снял с Лёна шлем и отозвался неторопливо:

— Вы же сами видите, господин генерал. Полное совпадение. То, чего мы ждали, можно сказать, с замиранием души...

— Вы уверены?

— Так точно, господин генерал. Сто процентов. Ну, или, может быть, девяносто девять и девять...

Вот тут, на нижнем зубце, крошечный зазор. Скорее всего, просто дефект лучевой трубки, на практике это не играет ни малейшей роли. Я думаю...

В мягком тоне генерала проступило ребристое железо:

— Привилегию думать я на сей раз оставлю себе, штабс-капитан. Вам же следует немедленно доставить сюда... того, второго. Для перепроверки.

— Слушаю, господин генерал. Только он, наверно, уже спит...

— Что?!

— Виноват, господин генерал!

Штабс-капитан мягким прыжком достиг стены-карты. В карте, расчерченной на квадраты, открылась дверь. Штабс-капитан улизнул в нее с проворством, похвальным для его полноты.

Генерал сказал слегка ворчливо:

— Пересядьте в другое кресло, голубчик. Минутная задержка. Хочется, чтобы без малейшей задоринки...

— Слушаю, господин генерал.

Лён пересел в кресло у входной двери. Оно было глубокое, податливое. Лён откинулся и глазами отыскал на карте Полуостров. Даже издалека был виден неправильный многоугольник Льчевска,

расчлененный глубокими бухтами. Где-то там, у кромки открытого моря — островок и крепость. Может быть, сейчас в крепости Динка...

Дверь в карте открылась опять, штабс-капитан шагнул из нее и оглянулся приглашающе:

— Заходи, мое сокровище, не стесняйся...

И в комнате возник... Зорко!

ТАЙНЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Зорко округлил рот.

Лёна выбросило из кресла, будто катапультой.

— Зорко!

— Лён!

И оба — во все глаза на генерала. С изумленным вопросом.

— О черт! — генерал вцепился в длинный подбородок. — Штабс-капитан! Какой осел догадался свести их вместе?

— Вы, господин генерал, — учтиво напомнил штабс-капитан. Видимо, он знал себе цену.

— Черт, черт и черт!..

— А собственно, что произошло? — осведомился штабс-капитан.

— Теперь придется давать объяснения...

— Им? Ну и дайте, — усмехнулся штабс-капитан. — Не все ли равно?

— А... да, вы правы... Вот что, друзья мои! — Генерал стоял посреди комнаты. По очереди смотрел на обалдевших Зорко и Лёна. — Значит, так, господа... Я понимаю ваше недоумение. Вы полагали, что идете в два разных штаба. Выполняете задание в пользу разных воюющих сторон...

— Конечно! — звонко сказал Зорко.

— Это естественно. И даже в какой-то степени правильно... Однако шли вы в один Генеральный штаб... Подождите с вопросами, я объясню! — Голос генерала окреп. Возможно, ему не впервые приходилось давать такие объяснения.

Штабс-капитан неопределенно улыбался и смотрел на кресло со шлемом.

Генерал продолжал:

— С тех пор как существует человечество, господа, существуют войны. Можно сказать, что они — такое же проявление стихийных сил, как наводнения, землетрясения, тайфуны. Они были и будут всегда. Но, в отличие от природных явлений, войнами можно управлять. Можно их регулировать и... даже заставить работать на пользу человечеству...

Речь генерала звучала уже с привычной лекционной интонацией. Лён вдруг вспомнил полковника Дана с его приплюснутой головой. И

показалось, что они похожи: что голова генерала так же приплюснута, хотя на самом деле она была как огурец.

— ...Именно эту функцию выполняет наш ОГШ — Объединенный Генеральный штаб. Он регулирует взаимодействие противостоящих армий с целью их адекватного... ну, выражаясь проще, чтобы все было в нужных рамках.

— В каких это рамках? — тихо спросил Лён. Он смотрел на Зорко. А Зорко на него.

— В рамках... в таких. Войны — это процесс, необходимый для планеты. Как кровообращение для живого существа. С их помощью можно развивать промышленность, повышать благосостояние тех или других стран, сокращать излишнее население...

Штабс-капитан кашлянул.

Стало тихо.

У Лёна в ушах нарастал комариный писк.

Зорко вдруг опустил глаза. Он стоял, неловко сдвинув колени. И сандалии — носками внутрь. Одной рукой мял кромку коротеньких штанов, другой дергал зеленый матросский галстучек. Этакий насупленный четвероклассник в кабинете у директора школы.

Лён сказал сквозь звон:

— Господин генерал, разрешите вопрос...

— Разумеется, сублейтенант.

«Господин генерал, — хотел сказать он, — значит, когда имперские войска, положив тысячи солдат, берут йосский город и вдруг оставляют его... или когда окруженные повстанцы получают по воздуху неизвестно откуда новейшее оружие, или когда они уходят из окружения невредимыми... Или когда начинаются переговоры, а там бомба... это все ваших рук дело?»

Он сказал короче, по-военному:

— Господин генерал. Следовательно, затяжной и переменный характер боевых действий — результат планов ОГШ?

— В основном и целом это так. Бывают просчеты, но...

— Господин генерал, можно я тоже спрошу? — вдруг звонко перебил генеральскую речь Зорко, не знавший военного этикета.

— Да, мой мальчик...

— А вот если едет автобус, а по нему стреляют из кустов... гранатами... Это, значит, все равно, да?

— Что все равно?

— Неважно, кто стрелял, да? Все равно по вашему приказу?

— Ну, друг мой... мелкие боевые эпизоды не

входят в сферу наших задач. Мы занимаемся стратегией. А там уж — на войне как на войне.

— Но война-то — она ваша? Вы ее главные командиры? — Зорко спрашивал непонятным тоном. Будто даже восхищался.

— В общем и целом... — согласился генерал

Зорко опустил руки. Мельком глянул на Лёна. Вытянул губы дудочкой.

— У-у...

Генерал с терпеливым непониманием смотрел на растрепанного мальчика в парусиновой школьной одежонке.

— Что значит твое «у-у»?

— Я думаю, господин генерал.

— О чем же, дитя мое?

Мальчик сказал громко, чисто и честно:

— Я думаю: у-у, какие же вы сволочи.

У генерала дернулся кадык. Но он сдержал себя. Помолчал и кивнул:

— Что же, каждый имеет право на свое мнение. И на такое в том числе. Беда твоя только, что оно несовместимо с... Ну ладно. Штабс-капитан, мы обойдемся без дополнительной проверки. А этого молодого человека — в камеру.

Штабс-капитан шагнул, мягко взял Зорко за плечо. Тот рванулся, отчаянно глянул на Лёна.

Лён качнулся к нему. Но штабс-капитан своим телом, как поршнем, вдвинул мальчишку в дверь. И сам исчез. Дверь закрылась быстро и бесшумно. Будто и не было двери. Карта — вот и все...

— Жаль, — сказал генерал. — Это был хороший мальчик. Но вы-то, сублейтенант...

— Что?

— Надеюсь, вы не разделяете детского негодования этого... юного экстремиста?

Сказать, что разделяет, было бы слишком просто.

А комариный писк в ушах опять нарастал.

— Господин генерал, что с ним сделают?

— Ну-у... вы же не ребенок. Вы офицер. И должны понимать, что мы не можем допустить утечки информации.

«Понимаю», — сказал себе Лён.

— Бывают обстоятельства, когда не обойтись без жертв... Взять, например, ваше путешествие сюда. Эта акция стоила жизни капралу Кроху, расстрелянному по сфабрикованному обвинению, и мальчишке-садовнику, который повесился после шомполов...

Качнуло слегка. «Лён, держись...»

— Господин генерал. А можно узнать, в чем суть информации, которую я доставил в Гене-

ральный штаб?

— Что?.. А! В общем и целом можно. Она связана с наблюдением над озоновыми дырами. Нарушения озонового слоя в атмосфере имеют, оказывается, свои закономерности... Наблюдения проводились с двух точек секретными полевыми обсерваториями с помощью новейших приборов. Результаты наблюдений вы и доставили. Выводы сформулированы и сверены. Они позволят возникать эти дыры искусственно — над любым городом, над любым скоплением войск. А без озонового слоя — солнце бесшумное и беспощадное оружие...

«Позволят возникать эти дыры...» — не мог не хихикнуть про себя Лён. — Генерал! Небось, академию кончал...»

— Я понял, господин генерал. И про эти дыры, и про остальное.

— Весьма рад. Я так откровенен с вами, потому что вас рекомендовали именно сюда, в штат ОГШ. Как подающего блестящие надежды молодого гвардейца...

— Благодарю, господин генерал.

— Но, по правде говоря, меня смущает одно обстоятельство. Откуда вы знаете... второго гонца?

— Совершенная случайность, господин гене-

рал. Просто однажды споткнулась судьба...

— Вот как?

— Да, господин генерал.

А теперь помолчать бы хоть четверть минуты. Собрать силы. Напрячь каждую клетку... Пирамиду без помощи шлема уже не восстановить в памяти, но поле, где она жила столько времени, еще не угасло. То напряженное поле, в котором жужжали электрические мухи, — у него ведь с памятью компьютера резонанс... Вот дрогнула, шевельнулась на экране зубчатая мозаика. Много ли надо такой тончайшей схеме... Представь, Лён, что пространство затвердело, сжалось, как сошедшиеся айсберги, крушит каркас пирамиды... там, в невидимых микросхемах приемника... Ну, еще...

Стала мокрой спина, затошнило... Это ничего... Лён вдавил ногти в ладони, задержал дыхание... Мозаика на экране дрогнула сильнее.

Нет, она не исчезла. Она только сдвинулась, между разноцветными зубцами возникли черные щели. Краски потускнели. Теперь это была м е р т в а я картина. Возникло ощущение, что выключи монитор, а потом включи опять — и экран окажется пуст...

— ...А-а-а! — Это из открывшейся двери кинулся

к монитору штабс-капитан. — Господин генерал, он же стер запись!

— Что?! Как?! — Генерал начал сутулиться и бледнеть. — Штабс-капитан... Немедленно... вытрясти из этого щенка все снова!

Штабс-капитан стремительно успокоился. В голосе его Лёну почудилось даже тайное злорадство:

— Невозможно, господин генерал. В н е м теперь этого тоже нет.

— Мер-рзавцы!.. Спустить шкуру!

Штабс-капитан сказал слегка развязно:

— Какой смысл, господин генерал? Лишняя возня... Вы не должны были откровенничать с мальчишкой.

— Ма-алчать!

— Виноват, господин генерал... Прикажете связаться с полевыми станциями?

— Они разбомблены, идиот! Это был единственный шанс, болван!

— Виноват, господин генерал...

Лён за всем этим наблюдал с усталой безмятежностью. С пониманием, что последнее в жизни дело он сделал как надо. Голова все еще кружилась. Но Лён все же доставил себе удовольствие:

— Ведите себя, как подобает высшему офицеру,

мой генерал. Надо уметь достойно принимать поражение.

— Убью, — тихо сказал генерал.

Лён пожал плечами.

— Это само собой. Только без зверства, ладно? Я все же офицер...

— Сволочь ты, а не офицер, — горестно сообщил генерал.

— Каждый имеет право на свое мнение, — обрадованно вспомнил Лён. — В том числе и на такое. Но Зорко успел раньше... — И вдруг отчаянно затосковал по маленькому Зорито. Хоть бы секунду посмотреть еще на него! Последний раз.

— Убрать, — с чувством зубной боли велел генерал.

Штабс-капитан кивком указал Лёну на дверь.

Лён пошел. На генерала не взглянул. Ничего уже не хотелось. Скорее бы...

Они оказались в узком сером коридоре Штабс-капитан пропустил Лёна вперед и официально произнес:

— Руки назад.

— Идите в задницу, штабс-капитан, — устало сказал Лён. И на ходу сунул руки в карманы. Дальше шли молча. Коридор петлял и был бесконечным. Слева светились лампочки. Справа,

на бетонной стене, Лён видел свою нескладную длинноногую тень. У тени была взъерошенная голова и тонкая шея...

— А ты мне нравишься, — вдруг признался штабс-капитан.

— Неужели?

— Нет, правда. Жаль, что ничего не могу для тебя сделать.

Надежда тряхнула Лёна как озноб.

— Можете!

— Отпустить, что ли? Увы... У меня невеста, зачем ей жених, продырявленный, как терка.

— Я не про то! Я... Можно мне к Зорко? Ну, к тому мальчику! Чтобы мы вместе! Штабс-капитан! Ну, вы же все-таки человек!..

— Да это пожалуйста! Туда и шагаем... У нас для такого дела одно помещение на всех.

КАМЕРА

Дверь бесшумно откатилась на роликах. Лён шагнул через высокий порог. Зорко на корточках сидел в углу. Поднял голову. Округлил рот. Бросился, прижался лицом к плечу. Лён ладонью накрыл спутанную паклю Зоркиных волос.

— Ну ладно... не реви.

— Я... не реву...

Лён поверх Зоркиной головы оглядел камеру. Она была железная. Клепаный пол. Стены и потолок — из плит, похожих на дольки шоколада, только громадные. Ярко светил плафон, похожий на иллюминатор с матовым стеклом. Было пусто, лишь в углу — голая двухъярусная койка.

Зорко всхлипывал.

— Я сказал — не реви.

Зорко потерся лицом о безрукавку Лёна — вытер глаза и нос. Отодвинулся. Еще раз вытер лицо — рукавом с полосатым манжетом. Улыбнулся:

— Лён, вдвоем все-таки лучше, верно?

— Да...

— Лён, а этот длинный... он не сказал, про что было наше задание?

— Насчет искусственных озоновых дыр. Чтобы сжигать людей в намеченных районах...

— Вот гадство-то, — тихо выговорил Зорко. — Выходит, мы виноваты...

— Зорито, я стер запись. Успел... Начисто.

— Правда?! Ура! — Зорко возликовал, будто не в стальной камере, а на детской площадке. Но тут же осунулся. Отошел, опустив руки. Грязная белая голландка была выпущена поверх штанов — казалось, Зорко в платьице. Или в куцей ночной рубашонке. На ногах черные разводы — наверно,

в подвальной воде была нефть.

— Теперь-то нас точно в живых не оставят, — вполголоса сказал Зорко.

Лён не нашел, что возразить.

Зорко медленно пошел к койке. Сел там, привалившись к спинке — одна нога спущена, другая коленкой подтянута к подбородку. Он был похож теперь на мальчика с флага города Льчевска. Только не было трубы, чтобы звонким сигналом позвать на помощь.

Да и труби — не труби, никто не придет.

Никто не спасет.

Лён сел у другой спинки. Задребезжала голая кроватная сетка. Он снова обвел глазами камеру. Кругом только плоское железо. Непонятно, чего боялся штабс-капитан, когда перед дверью спросил, есть ли у Лёна спички, и охлопал его карманы.

— Боитесь поджога? — хмыкнул Лён.

— Просто выполняю инструкцию. Рядом склады боеприпасов. Мины и детонаторы...

Сейчас Лён сказал Зорко:

— Дураки они тут все.

— Почему? — Зорко живо придвинулся.

— Так...

— А по-моему, не дураки! — строптиво отозвал-

ся Зорко. — Они хитро все это придумали.

— Что?

— Ну, штаб этот...

— Только непонятно — зачем?

— Непонятно? — удивился Зорко. — Наоборот! Теперь все ясно! Они же — генералы! Все! И эти, и тот, который Майкл! Только он притворялся!

Лён не понял, кто такой Майкл. Не все ли равно!

— Ну и что? — сказал он.

— А то, что им так удобнее! Войны по плану, по заказу! Чтобы каждому хватило побед и наград... Генералы же не могут без войны! А их вон сколько развелось! Прямо как в театре!

— В каком?

— Ну, помнишь, на площади, где мы повстречались? Три генерала на двух солдат...

— А-а... — Лён вспомнил. Только казалось, что было это давным-давно.

А Зорко, увлекшись, развил свою догадку:

— Лён, ты подумай: что за генерал, если он не воевал ни разу? На него же будут смотреть, как... ну, как на водолаза, который нырял только в ванне...

— Или как на пожарного, который тушил только окурки, — согласился Лён.

— Или как на летчика, который летал только с кровати на пол, — хихикнул Зорко.

— Или как на музыканта, который играл только на плеере...

Так они минуты две упражнялись в остроумии, оживляясь все больше.

— Или... — пошел Зорко в очередной заход. И мигнул. И сказал уже другим голосом: — Как ты думаешь, скоро нас убьют?

«Не говори глупости!» — хотел прикрикнуть Лён. И подавился мгновенным страхом. Впервые за все время стало так страшно.

Но если Зорко страшно т а к ж е, тогда... как он это терпит, малыш?

И Лён сжал в себе подкатившую к горлу жуть. Закашлялся.

А Зорко прошептал сокрушенно:

— Глупый я... Нельзя было выдавать себя. Если бы не обругал генерала, может, нас сюда и не посадили бы...

Чего теперь было каяться: если бы да кабы... Лён усмехнулся:

— Потому что ты не умеешь хитрить... Ты и Динке тогда так неуклюже соврал. Будто украл свою одежду на пляже... Ты на такое не способен. Не крал ведь?

— Не-а... Мне ее дали, когда послали в Льчевск.

— Никакой ты не лисенок, не проныра... И правильно, что твое «Зорито» с одним «р»...

— Какая разница...

— Разница. Это слово означает не «лисий детеныш», а «дикий голубь».

— Правда?

— Правда. Я читал по-испански сказку про голубей...

— Ну и ладно... — вздохнул Зорко.

— Я тоже думаю, что «ну и ладно». Это не хуже, чем лисенок. Может, даже лучше...

Зорко обнял себя за плечи и прошептал:

— Теперь-то не все ли равно? Теперь уж... наверно, недолго...

— Перестань. Может, еще выкрутимся... Давай лучше вспоминать что-нибудь хорошее.

— Что?

— Ну, крепость, старика Августа... Динку... Ведь славные были дни, верно?

— Славные, — через силу улыбнулся Зорко.

— Если вырвемся, обязательно вернемся туда. И будем жить там всегда... И пойдем учиться в ту школу, где Динка...

— И она будет проверять наши уроки. И ругать за двойки...

— А в случае чего — как Ермилку... — напомнил Лён. И тоже заставил себя улыбнуться.

— Ага... — Зорко опять стремительно потускнел. — Лён, только мы не вырвемся...

— Ну, Зорко... может, повезет.

— Не-а... Лён, они все равно убили бы нас обоих. Даже если бы мы себя не выдали. Им не нужны свидетели. Те-перь-то я понимаю... Аты?

А он... он тоже понимал. Но признать это так сразу... Задавить в себе последнюю надежду?

Возразить Лён не успел. Сладковатый, странно знакомый запах тонко просочился в дыхание. Лён испуганно вытолкнул воздух из легких. Зорко, наоборот, задышал сильнее. Испуганно.

— Лён, что это?

— Газ, — угрюмо сказал Лён.

О ПОЛЬЗЕ СОБИРАНИЯ РАКОВИН

Запах пока был не очень сильный. Но неумолимый. Сочился газ из маленьких круглых дыр у самого пола.

«Гады. Лучше бы застрелили», — подумал Лён. И еще подумал, что жить осталось несколько минут. И эта жизнь сузилась до размеров железного куба. Весь мир сжался в этом кубе. И в мире остался только Зорко.

Лён придвинул Зорко к себе. Шепнул:

— Может, они передумают. Попугают и отключат газ...

— Не надо, Лён, — шепотом сказал Зорко. И обмяк. Щекой лег Лёну на плечо. Его волосы защекотали Лёну ухо. Но он не пошевелился.

Тем же шепотом Зорко спросил:

— А Дорога, на которой все встречаются... Может, она есть по правде?

«Скоро узнаем», — чуть не брякнул Лён. И обмер от прихлынувшего жуткого понимания: ведь и в самом деле — скоро узнаем! Почти сейчас... Ужас опять бесшумно взорвался в нем. И Лён вновь скрутил его — с последней отчаянной силой.

— Конечно, она есть, Зорито...

— Нет, ты меня не утешай. Скажи честно: ты правда так думаешь?

Лён не стал хитрить второй раз:

— Никто не знает точно... Но я думаю, что правда. Это ведь от нас зависит...

— Почему?

— Если очень сильно верить, то, наверно, так и будет...

— Хорошо бы... Интересно, какая она?

— Может быть, у каждого своя. Кто какую представляет.

— Я... знаешь, какую представляю? Всю в траве. У нас недалеко от дома, за оврагом, была такая. Раньше там ездили машины, а потом она заросла. По ней идешь, идешь, а в колеях колокольчики. Высокие такие... Только там кое-где крапива. Но можно ведь обойти...

— А обходить-то нельзя. Не полагается, — строго сказал Лён. — С дороги не сходят...

— Ладно, можно потерпеть, это не главное... И все же там будет обидно. Идешь, идешь, а все равно обидно...

— Почему?

— Ну, никто же не знает, к а к о й здесь штаб, — с тихой горечью выговорил Зорко. — Мы... уйдем, а они будут все это продолжать. Вот если бы мы могли кому-нибудь сказать! Хоть словечко... А то ведь никто не понимает... Думают, что сражаются за справедливость, а на самом деле, как пешки...

«Так уж никто и не понимает!..» — мелькнуло у Лёна. Зорко словно услышал его:

— А те, кто догадывается, считают, что так и надо... — И всхлипнул. То ли от обиды, то ли от страха. Лён придвинул его к себе покрепче. Зорко благодарно притих. И вдруг закашлялся. Наверно, невидимый газ взметнулся языком и попал ему в горло.

— Зорко, давай наверх! Там газа еще нет, он тяжелый!

Они забрались на верхний этаж койки. Зорко сел там на корточки, но опять закашлялся и быстро встал. Головой ударился о железный потолок. Взялся за темя, присел снова. Кашлял и глотал слезы.

Лён опустился на корточки рядом с Зорко.

— Сильно ударился?

Зорко вдруг улыбнулся, блестя слезинками:

— Искры из глаз...

— Если бы хоть одна искра! — рванулась из Лёна безнадежная мысль.

— Зачем?

— Мы сейчас были бы уже на Дороге! А от штаба — один дым!

— Почему?! — Зорко убрал руки с темени.

— Это же какой газ! Тот самый, что в кухонных плитах! Слышал, как летят на воздух дома, когда кто-нибудь забудет закрыть на плите кран, а потом чиркнет?.. А как разнесло два поезда в Тальской долине, когда там скопился газ из лопнувшей магистрали!

Зорко дышал часто, но уже без слез.

— Лён... Если эта камера взлетит, разве штаб пострадает? Мы же глубоко...

— Тут везде склады боеприпасов. Ты знаешь, что такое детонация? Ты думаешь, они зря обыскивали, нет ли спичек?.. Тебя обыскали?

— Да... и отобрали. У меня был коробок. С той поры, когда мы под крепостью лазали с фонарем...

Зорко вдруг затвердел, отодвинулся. И Лён испугался, хотя, казалось бы, чего пугаться т е п е р ь? А! Он испугался, что Зорко в эти последние минуты вдруг обиделся на него. Почему?

— Зорко!

— Лён...

— Что?

— Лён... — Зорко завозился, извернулся, сунул руку в тесный кармашек на бедре, выдернул из него вместе с подкладкой сжатый кулак. — Лён, они не все отобрали... Вот!

На распахнувшейся Зоркиной ладони лежала надломленная спичка.

— Я ей выковыривал остатки моллюска из ракушки. Потом сунул в карман. Она запряталась в шов... Видишь, все-таки полезное дело — собирать раковины...

— Зорко... но коробка-то нет.

— Смотри, какая головка! Зеленая! Такие можно чиркать хоть обо что! О подошву!.. — И вдруг Зорко толчком снова прижался к Лёну.

Потому что теперь это приблизилось вплотную. Смерть уже не подкрадывалась сладковато-едким запахом, а обещала стать пламенной и гремящей.

— Зато сразу, — сказал Лён. — Не надо кашлять и задыхаться.

— Ага... И главное, что не зря. До сих пор было все зря, а теперь... не будет этого гадючьего гнезда, не будет и войны. Да?

— Да, — сказал Лён. — Ты не бойся. Ты теперь ничего не бойся.

— Ладно... А ты, значит, думаешь, что Дорога есть?

— Да. Я правда так думаю.

— И мы ведь пойдем вместе?

— Конечно.

— Лён, ты возьми спичку. Чиркни сам...

Лён взял. А запах газа в этот миг стал сильнее. Гораздо сильнее. Словно напоминал, что пора. Лён зажал дыхание. Зорко же закашлялся снова. И встал, насколько позволял потолок. Чтобы голова опять оказалась выше ядовитого уровня.

Лён тоже встал. Уперся макушкой в гладкое железо.

Зорко торопливо попросил:

— Давай, поживем еще две минуты. Пока со-

всем не сгустится. Чтобы уж наверняка.

— Давай...

Они стояли полусогнувшись, и Зорко вновь прижимался к Лёну — плечом к локтю. Лён левой рукой обнял его, а в пальцах правой зажал спичку. Только согнуть ногу — и головкой о стертый каблук...

— Лён, подожди! Еще не сейчас! Не совсем сейчас... — Зорко задышал со всхлипами. — Я не очень боюсь, только... только я хочу рассказать. Успеть... Помнишь, я говорил про конец сказки о месяце? Я расскажу, ладно? А то вдруг там... вдруг будет не до того...

«Или совсем ничего не будет».

— Рассказывай, Зорито. Несколько минут еще есть...

Не было этих минут. Щипало глаза, газ все гуще входил

в легкие, кружилась голова.

Зорко что-то говорил — торопливо и сбивчиво, словно его сказка могла принести спасение.

— Да, Зорко, я слышу...

«Пусть говорит. Спичкой о подошву — и он не успеет испугаться...»

Лён головой покрепче уперся в потолок. Согнул ногу... И чуть не упал. Опора вверху исчезла. Лён

шатнулся, выпрямился. Голова ушла в пустоту — в люк, возникший на месте железного квадрата.

Спасительный, такой свежий воздух сам ворвался в легкие. Рядом у плеча торопливо и счастливо дышал Зорко.

— Лён, что это?

— Не знаю... — Лён сунул спичку в карман. Край люка был на уровне груди (а невысокому Зорко — до подбородка). Лён ухватился за кромку, бросил себя вверх, упал на колени. За руки дернул легонького Зорко, тот брякнулся рядом.

Они были в полумраке. Свет из люка падал на мохнатые от ржавчины рельсовые балки. Неподалеку искрился фонарик-звездочка. Он шевельнулся, и тонкий голос потребовал:

— Захлопните крышку! А то газ придет и сюда! Скорее!

ТОТ, В КОГО НЕ ВЕРИЛИ

Слова эти прозвучали как приказ. К тому же разумный. Лён разглядел откинутую крышку люка с шарнирами, Зорко тоже. Они вцепились в железную кромку, и она поднялась неожиданно легко — наверно, работали скрытые пружины. А потом крышка упала на люк, но не грохнула, чавкнула резиновыми прокладками.

А фонарик сделался ярче. Он приблизился. И стало видно, что он висит в пустоте. В полуметре от пола.

— Ты кто? — обалдело сказал Лён.

— Ты где?! — очень звонко спросил Зорко.

— Я здесь. Я Ермилка. Динка вам про меня говорила!

— Разве... ты есть по правде? — совсем по-младенчески изумился Зорко. Словно увидел фокус в цирке, а не спасся только что от гибели. Да и спасся ли?

— Как видишь! Ой, то есть как не видишь. Но это неважно. Главное, что я вас отыскал.

«Может, сон?» — подумал Лён. И спросил, глядя выше фонарика:

— А зачем ты нас искал, Ермилка?

— Потому что Динка боится: куда вы пропали! Вечером пришла на бастион и деда теребит: «Где Лён, где Зорко?» А он ничего не знает. Она в слезы: «Сперва Ермилка пропал, потом они». То есть вы... А я не пропадал, просто прятался, ради игры. Я подкрался и говорю: «Не Динка ты, а Зинка. Потому что не «Дож...», а «Сле...» И побежал. Я догадался, где вы...

— Как догадался? — воскликнул Зорко с прежним изумлением. Смерть отступила, и он уже не

верил в нее.

— Ну... подумал и сообразил. Я давно знаю эти места, я не раз тут бывал. Невидимки, они же везде снуют. И очень быстро... Я тут знаю такие проходы, про которые даже здешние люди не знают. Не догонят, не бойтесь... А почему они хотели вас отравить?

Лён зажмурился и протянул руку. И нащупал голое мальчишечье плечо, потом щеку, ухо, кудлатые волосы. Задержал на волосах ладонь.

— Ермилка, спасибо тебе...

— Да чего там «спасибо», я вас легко отыскал!.. Но почему они хотели вас убить? — В голосе Ермилки зазвенело нетерпение.

— А они правда нас не догонят? — запоздало испугался Зорко.

— Нет же! А почему...

— Хочешь знать, почему они такие? — сказал Лён. И вдруг понял, что сейчас заплачет. — Мы узнали про них столько всего... сразу и не расскажешь... Они — это все равно, что фабрика смерти. Чтобы люди всегда убивали друг друга... Понимаешь?

— Не-а... — сказал невидимка. — А зачем?

— Потому что они не могут без войны! И все, кто убит на этой войне, — из-за них! С обеих сторон!

Лён вдруг понял, что кричит. И что все еще держит ладонь на голове Ермилки и машинально сжал его волосы в горсть. Голова невидимки дернулась и освободилась. И стало тихо (только в дыхании Зорко были всхлипы, так легкие освобождались от остатков газа).

А воздух уже не казался свежим, как недавно. В нем стоял запах ржавчины и сырых камней.

Ермилка выключил фонарик и шепотом сказал в темноте:

— А если ни с какой стороны? То есть непонятно с какой... Тоже виноваты они?

— Ты про что? — так же тихо спросил Лён.

— Про теплоход «Константин»...

— Конечно, — сказал Лён.

— Мы хотели их взорвать, — выдохнул во мраке Зорко. — Мы уже совсем... потому что было все равно... А теперь мы должны выбраться и всем рассказать. Ты покажешь выход?

Маленький невидимка молчал.

— Ты покажешь выход? — повторил Зоркин вопрос Лён. И стало очень-очень тревожно.

— А как вы хотели их взорвать? — спросил Ермилка. Изменившимся голосом. И будто издалека.

— Спичкой! — Зорко уже совсем оттаял от стра-

ха. — Она у меня оказалась в кармане. О подошву чирк — и...

— Какой спичкой? — И вспыхнул фонарик. — Покажите.

— Вот... — Лён достал спичку из кармана.

— Дай мне! — Спичка вырвалась из его пальцев и повисла рядом с фонариком. — Вы уйдете, а я прыгну туда! И чиркну...

Лён среагировал моментально. Зажмурился и на ощупь ухватил Ермилку за локоть и за плечо.

— Рехнулся?! Дурак!..

Ермилка не стал вырываться. Засмеялся. Каким-то механическим смехом.

— Не бойтесь. Невидимки не умирают.

— Я тебе покажу «не умирают»! Сумасшедший!

— Да правда же! Я уже несколько раз пробовал! И в стогу горел, и прыгал с подъемного крана в порту...

— Зачем? — шепотом спросил Зорко.

— Ну... так получалось. Это даже почти не больно. Это... — он хихикнул, — не больнее Динкиных шлепков.

— Тебя разнесет на атомы, — уверенно сказал Лён.

— Ну да, — снисходительно согласился мальчик-невидимка — и т е х , к т о з д е с ь, тоже

разнесет. Но их — навсегда, а мои атомы потом опять склеятся. Так уже бывало... Вы не бойтесь.

Зорко неуверенно спросил:

— А долго они будут склеиваться? Твои атомы...

— Не очень... А если бы и долго! У меня знаете сколько времени!

— Сколько? — машинально спросил Лён. И открыл глаза. И был уверен, что сейчас увидит перед собой взъерошенного рыжего пацаненка — Ермилку. Но не было никого — только фонарик. И спичка рядом с ним. Лён опустил руки.

А невидимый Ермилка повторил:

— Сколько у меня времени? У-у... Пока Динка не сделается большая. А когда сделается...

— Тогда что? — нетерпеливо перебил Зорко.

— Тогда я перестану быть невидимкой. И попрошу, чтобы... чтобы она стала моей мамой. — Фонарик помигал, словно вместе с Ермилкой застеснялся своего признания. — Ой! — вдруг весело спохватился Ермилка. — А чиркать-то об чего? Я же босой. Зорко, оставь мне сандаль!

Зорко, словно завороженный, снял сандалию. Она попрыгала по полу — Ермилка надел ее.

— Великовата. Ну, не беда, затяну ремешок... Теперь идите.

— Куда? — спросил Лён. Он опять был как во сне.

— Прямо по коридору. Это долго... Но в конце будет щель, вы в нее пролезете. А дальше будет дорога. Вы по ней идите, а я вас догоню... А если не догоню, идите пять километров, до поворота на Приморский тракт, а там уж — куда хотите. А раньше никуда не сворачивайте, иначе будет беда... Возьмите фонарик...

— А ты как без него? — растерянно сказал Лён.

— Ха! Невидимки видят в темноте, как на солнце... Не надо прощаться, это плохая примета. Идите...

Зорко и Лён пошли. В какой-то сумрачной завороженности. Желтый круг света выхватывал перед ними из тьмы бетонные плиты.

Так они двигались минут пять. А может, десять. Или час...

Зорко вдруг остановился, снял вторую сандалию, аккуратно поставил на бетон. Молча шагнул дальше. В этот миг потянуло свежим воздухом. Наверно, из близкого выхода. Лён стал на месте, как от толчка. Зорко тоже. Лён посветил назад. Луч выхватил на бетоне одинокую сандалию. Зорко и Лён очнулись. Разом!

— Он же взорвется по правде! Навсегда! — Зор-

ко бросился назад. Лён догнал его. Но пробежали они лишь чуть-чуть. Окружавший их бетон дрогнул, все качнулось. С гулом.

Гул был не сильный. Но такой тугой, словно с орбиты сошел весь земной шар.

Потом плиты сдвинулись, просели, сверху посыпалось. Бетонный потолок приблизился, заставил встать на четвереньки. Фонарик погас и потерялся. Впереди почему-то оказались скрестившиеся балки. Они... они были видны! Потому что из-за них сочился отраженный от бетона свет.

— Зорко, ты живой?

— Наверно...

— Лезем...

КОНЕЦ СКАЗКИ

Через балки, арматуру и обломки плит, сквозь цементную пыль и потоки песка, что обрушивались на головы и плечи, они долго выбирались к свету,

Выбрались. В царапинах, со звоном в ушах, перемазанные. Но живые. Даже не покалеченные.

Было утро... Странно. Лёну казалось, что по времени еще середина ночи. Но подумал он об этом мельком. Главная забота — о Зорко:

— Ты правда целый?

— Ага... А ты?

Лён встал с четвереньек. Зорко тоже.

Они были на пологом склоне, в зарослях дубняка. Сквозь листья били лучи, на траве горели капли. И пахло лесной свежестью.

Но еще пахло развороченной землей — словно бедой.

Лён оглянулся. Зорко тоже оглянулся. Позади них дубняк был вырван и раскидан. Громоздились песчаные груды, из них торчали балки. Одна балка — толстенная, как шкаф — валялась на песке. А поперек нее лежал навзничь голый мальчишка. С откинутой головой и отброшенными назад руками. С тонкими, проступившими под кожей ребрами. Совсем незагорелый...

— Лён... Он, что ли, неживой? А?..

Мальчик был совсем неживой. По его впалому животу по-хозяйски шел рыжий муравей.

Зорко всхлипнул, но сдержался. Нервно сказал:

— Надо его одеть и похоронить.

Лён вздрогнул:

— Господи, кто это? Откуда он тут?

— Ты что, не видишь? Ермилка...

— Нет...

Мальчик был совсем не такой, каким представлялся Лёну Ермилка. Тот — наверняка рыжий, круглощекий, коренастый такой малыш. А этот... этот был щуплый, как петушок Тиви, остролицый, темноволосый...

— Он... Смотри, мой сандаль...

На левой ноге мальчика была растоптанная сандалия. Зоркина.

«Господи, что мы скажем Динке... Да нет же!» — Лён упал на колени, ухом прижался к мальчишкиной груди...

«Тук... — милостиво толкнулось в тонкой, как у птахи, грудной клетке. — Тук... Тук...»

— Ермилка! — Лён затряс его за плечи.

Ресницы мальчика зашевелились. Зорко упал рядом, приподнял его голову...

Ермилка приходил в себя стремительно. Через минуту он уже сидел на балке, поматывал головой и улыбался. И улыбка была — точно Ермилкина, как у хитрого проказника.

— Быстро склеились мои атомы, да?

— А почему ты видимый? — робко спросил Зорко. В нем все еще сидела виноватость: от того, что недавно хотел хоронить Ермилку.

— Ой... правда... Наверно, это от взрыва. Ну, ничего, я скоро обратно...

— А пока оденься, — ворчливо предложил Лён. — Возьми вот это, — он стал снимать вязаную безрукавку.

— Ну-у! Она же колючая, без рубашки-то!

— Подожди... — Зорко лихо оторвал от своей голландки широкий воротник. Оказалось, что воротник с холщовой подкладкой. Зорко вцепился зубами, отодрал подкладку у нижнего края и у шейного выреза. Получилось вроде юбочки — наполовину белой, наполовину зеленой с полосками. — Надевай пока хоть это. Будешь как туземец...

Ермилка, хихикая и пританцовывая, обрядился в «юбочку». Лён выдернул и отдал ему шнурки — чтобы подпоясался. А потом заметил:

— Ты же совсем незагорелый. Солнце встанет повыше — сразу обжаришься.

Тогда Зорко отдал Ермилке и голландку.

— Я-то все равно обугленный.

Голландка была Ермилке слишком длинна и широка. Лён сказал:

— Привидение. Кто попадется навстречу, в кусты шарахнется.

— Тут не бывает встречных, — отозвался Ермилка. — Это особая дорога. Здесь же Безлюдное Пространство...

Они спустились со склона. Дорога повела по широким полянам, на которых темнели островки кустов. Ноги стали мокрыми от росы. Небо было чистое, только прямо в зените висело розовое перистое облако. Звенели в кустах птицы.

Ермилка оглянулся.

— Смотрите!

За горбатым холмом, за его темной, укутанной в дубняк верхушкой стоял высоченный дымный гриб. Черно-серый.

— Здорово мы ахнули этот гадюшник, — слегка самодовольно сказал Ермилка.

Лён вспомнил про невесту штабс-капитана. «Не дождется... И еще, наверно, немало народу там было...»

— Они ведь хотели убить, Лён, — уже другим голосом напомнил Ермилка. — Тебя и Зорко... И скольких убили до этого...

Лён молчал. Что ни говори, а дело сделано.

«Судьба», — подумал Лён.

Нет, не подумал, а кажется, вслух сказал. Потому что Ермилка тут же подскочил к нему:

— А я помню, как вы играли в судьбу! Бумажные шарики давали клевать Тиви!

— Ну и что? — насупленно сказал Лён.

— А знаешь, почему Тиви тогда перепугался?

Он на меня наткнулся! Я за вами там наблюдал!

— Зачем? — удивился Зорко.

— Я же любопытный! Уж-жасно! Ну и... скучно одному иногда...

— Счастье, что так получилось! — запоздало обрадовался Зорко. — Ведь если бы мы развернули Тивину бумажку, там оказалось бы «нет»!

— Ничего подобного! На той и на другой было «да»! Тиви чуть все не испортил! Хорошо, что дедушка Август догадался, как тут исхитриться!

— Почему на той и на другой было «да»? — недоверчиво спросил Лён.

— Потому что дедушка Август так написал! Он мне потом объяснил: если спрашивают судьбу, надо, чтобы обязательно было «да»! Так ему всегда говорят звезды... — Ермилка вдруг заливисто рассмеялся и прошелся колесом по росистой траве. Широкая матроска взметнулась, сандалия слетела с ноги.

— С виду воспитанный ребенок, а внутри хулиган, — сказал Лён голосом Динки.

— Правильно! — Ермилка подобрал сандалию и подбросил над собой.

— Выкинь ты ее, — посоветовал Зорко. — Зачем она одна-то...

— Нет! Я оставлю ее на память. Для удачи!.. Как

называется какая-нибудь штука, которая приносит счастье?

— Амулет, — сказал Лён.

— Талисман, — сказал Зорко.

— Да! Она будет мой та-лис-ман! — И Ермилка запрыгал впереди всех.

Дорога была с заросшими колеями. В колеях росли высокие лиловые колокольчики. Один раз колея подвела к остаткам кирпичного дома. Это были груды мусора и заросший крапивой фундамент. И в тот же миг в воздухе проступил и начал быстро набирать силу визгливый голос моторов.

— Ложись! — крикнул Зорко.

Они упали у заросших кирпичей. Невысоко над дорогой шли боевые вертолеты. Похожие на зеленые вагоны с двумя винтами. И не было на них никаких эмблем и номеров.

— Непонятно, чьи, — прошептал Зорко, когда визг и вой сделались тише. — Лён... значит, ничего не кончилось?

— А ты думал, так сразу?

Они пошли дальше.

Лён размышлял:

«Старик Август наверняка сказал бы: думаете, взорвали Генеральный штаб — и дело с концом? Надо, чтобы люди перестали строить такие шта-

бы в себе...»

— Но все-таки дело сделано, — повторил он.

Стало жарко, трава высохла. В воздухе появились то ли шмели, то ли гудящие тяжелые жуки. Несколько раз они ударяли Лёна в лицо. А Зорко — в голую грудь и живот.

Зорко пошел рядом.

— Лён, а почему они так летят, будто хотят сквозь нас?

— Потому что глупые...

Зорко посмотрел вслед беззаботно ускакавшему Ер-милке.

— Лён... а может, он, как раньше, невидимка? А мы его видим, потому что тоже... Может, мы стали такими после взрыва. Невидимки друг друга-то, наверно, видят...

— Ну, Зорито! Тебя, кажется, хорошо там тряхнуло! Особенно мозги...

— Нет, ты послушай! Жуки летят так, будто мы совсем прозрачные...

— Они сослепу! Наверно, это те, кого называют «слепни»! — Это Лён объяснил весело, а внутри... этакий холодок тревоги.

— Лён, а еще... невидимки ведь не чувствуют боли. Я там пузом прямо в крапиву, и даже ни капельки никакого кусания...

— Потому что ты загорелый. Загорелая кожа крапивы не боится.

— Хорошо, если так... А то я думаю: может, мы уже не живые? Может, это т а с а м а я Дорога?

— Ох, кто-то сейчас получит по загривку. И сразу поймет: живой он или нет! — Это Лён уже с испугом.

Зорко надул губы. Беспокойно дышал на ходу.

— Зорито... Дойдем до Приморского тракта, Безлюдное Пространство кончится, там все станет ясно.

— Я вот этого и боюсь.

— А ты... ты не бойся! Если даже мы невидимки, Динка нас все равно не прогонит!

— Да. Это правда... — Зорко повеселел.

В этот миг колесом подкатился Ермилка.

— Смотрите, как интересно! В небе солнце и месяц!

И правда, высоко в утреннем небе висела чуть различимая пухлая половинка луны. Ермилка пошел рядом, поглаживая себя по животу сандалией. Глянул лукаво.

— А я слышал, как вы вечером сказку про месяц придумывали. Будто он плавает под водой!

— Ой! — подскочил Зорко. — Лён! Я ведь так и не рассказал, что придумалось дальше!.. Помнишь,

мы говорили: месяц поднимается, а морские жители с перепугу плюхаются с него в воду...

— Ну и что дальше?

— Дальше вот что!.. Там был один маленький краб. Крабий детеныш. Он опоздал прыгнуть, а потом испугался высоты... А может, он решил попутешествовать по небу, не знаю... Когда месяц поднялся, крабеныш засел в маленьком кратере — там осталось немного воды. Без воды-то крабам трудно... И вот он вместе с месяцем поднялся высоко-высоко, где никогда не бывал ни один краб. И увидел землю и море далеко-далеко, а звезды близко. Несколько звездочек даже прилипли к его панцирю... Сперва маленькому крабу было страшно, а потом сделалось уж-жасно интересно...

— Но он вернулся домой? — вмешался Ермилка, который уловил в Зоркином голосе свои интонации.

— Да! Месяц сделал весь небесный путь и опять погрузился в океан. И подплыл к тому месту, где началось путешествие маленького краба. И там крабеныш увидел своих родителей. Они сходили с ума от беспокойства. Папа замахал клешнями и схватился за грудь: от радости у него чуть не разорвалось сердце...

— Но не разорвалось?

— Нет... А мама... она перевела дух и дала сыну шлепка. И это было чувствительно: ведь у крабьих детенышей панцири еще не совсем затверделые... А потом мама заплакала. Но этого никто не заметил. Дело было под водой, и соленые слезы тут же растворились в соленом море...

1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЫРЧАТАЯ ЛУНА. Рассказ
САМОЛЕТ ПО ИМЕНИ СЕРЕЖКА. Повесть
ЛЕТО КОНЧИТСЯ НЕ СКОРО. Повесть
ВЗРЫВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА. Повесть